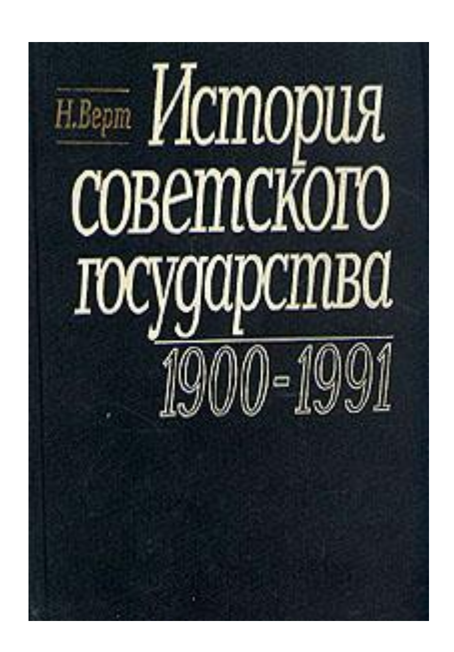
История Советского государства. 1900-1991

Николя Верт

Редакторы: *Варламов А.В., Иорданская К.В., Рыжков Ю.Д.*

Рекомендовано Комитетом по высшей школе Миннауки России в качестве учебного пособия

NICOLAS WERTH

Agrégé d'histoire, charge de recherche au CNRS

HISTOIRE DE L'UNION SOVIETIQUE. 1900—1991.

Presses Universitaires de France

Верт Н.

В35 История советского государства. 1900—1991: Пер. с фр. — М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. — 480 с.

В книге известного французского историка, специалиста по русско-советским исследованиям, излагается история нашей страны с 1900 по 1991 год включительно.

Адресованная прежде всего студентам, книга Н.Верта своей объективностью, отсутствием пропагандистских и идеологических клише, концептуальной подачей материала, без сомнения, привлечет внимание самых широких читательских кругов, интересующихся историей нашей страны.

0503020000-116
006(01)-92
КБ-44-52-91

ББК 63.3(2)

ISBN 5-01-003643-9

От издательства

С политической карты мира исчез Союз Советских Социалистических Республик. Ушло в прошлое государство, в котором коммунисты на протяжении семи десятилетий пытались осуществить переустройство общества на социалистических началах. Грандиозная по замыслу, по масштабам понесенных народом жертв, по драматизму событий попытка оказалась неудачной. Однако было бы очередным заблуждением представлять происшедшее со страной лишь как цепь трагических случайностей, игру судьбы или результат преступных действий «плохих» людей и «плохих» партий. Не менее глупо и стараться забыть эту эпоху. Необходимо иное — восстановление правды фактов и честное, трезвое, вдумчивое ее осмысление. Это нужно всем. Но прежде всего тем двадцатилетним, на чьи плечи ляжет вся основная тяжесть работы по возрождению России, других государств бывшего Союза. К ним и обращена эта книга. Известный французский историк, научный сотрудник Национального Центра Научных Исследований Франции в Париже, агреже, доктор исторических наук, Николя Верт издал свою «Историю Советского государства», во Франции ставшую университетским учебником, в 1990 г. В 1991 г. вышло в свет ее второе издание. В настоящее время готовятся итальянское и английское издания. При подготовке русского перевода Н.Верт существенно доработал книгу, доведя описание событий до конца 1991 г. Таким образом, это первая работа, систематически излагающая завершившуюся историю СССР.

Не стоит говорить о том, сколь сложна была задача, стоявшая перед автором. В отечественной историографии, в том числе самого последнего времени, за решение сходных задач брались лишь многочисленные авторские коллективы, которым, впрочем, как правило, не удавалось избежать либо подчеркнуто академической сухости, либо очерковости и эскизности, Н.Верту, как представляется, удалось создать достаточно цельную в концептуальном отношении, сдержанную по тону и оценкам и в то же время в полной мере «авторскую» книгу. Безусловно, она не претендует на абсолютную безупречность и непогрешимость. Выводы и оценки автора порой кажутся не вполне аргументированными, а фактический и статистический материал требующим уточнения. Тем не менее книга Н.Верта на сегодня бесспорно наиболее основательное изложение отечественной истории XX века, способное восполнить тот вакуум учебных пособий, с которым столкнулись преподаватели и студенты. Книга рекомендована к использованию в учебном процессе Санкт-Петербургским университетом, а также Комитетом по высшей школе Миннауки России. Она будет полезна и учащимся старших классов г школы, гимназий и лицеев.

Издательство «Прогресс-Академия» надеется, что книга Н.Верта станет таким же незаурядным событием в нашем книгоиздании, каким была переведенная «Прогрессом» в 60-е годы книга его отца Александра Верта «Россия в войне 1941 —1945 гг.», до сих пор остающаяся одной из лучших и наиболее человечных книг о минувшей войне.

Издательство будет благодарно всем, кто выскажет свои замечания и пожелания, которые будут обязательно учтены при дальнейших переизданиях.

О.А.Зимарин,
кандидат исторических наук

К российскому читателю

Я испытываю волнение, и даже некоторые опасения, представляя свою книгу на суд российского читателя, поскольку искренне убежден, что именно этот читатель самый важный, тот, чье мнение особенно «идет в счет». Ведь те бурные и глубоко трагические события, о которых рассказывает настоящая книга, известны ему не понаслышке и именно он лучше любого другого может дать ей оценку.

Я написал «Историю советского государства» прежде всего для нескольких тысяч французских студентов-историков, перед которыми впервые за последние 25 лет

на конкурсе на право преподавания в высших учебных заведениях, была поставлена сложная и обширная тема «Российская империя и Советский Союз в XX в.».

Перед тем я провел три года — 1986 — 1989, крайне интересных и полных впечатлений для меня как историка и волнующих меня как сына русского эмигранта — в Вашей стране. На моих глазах рушилась «официальная» историография, открывались архивы, стирались самые заметные «белые пятна» Вашей истории, — короче, восстанавливалась память народа. Появилась надежда, что искривления между подлинной историей «для частного пользования» и официальной историей «для общего пользования» будут уничтожены.

Вернувшись во Францию, я с огромным удивлением понял, насколько плохо знают Вашу историю французские студенты, не говоря уже о «широкой публике». Существующие учебники ни в чем не могли им помочь. Одни подхватывали — в главном и основном — теории официальной советской историографии, согласно которым СССР никогда не сворачивал, несмотря на «ошибки» и «большие жертвы», с пути, ведущего от «диктатуры пролетариата» к «развитому социализму» и построению «нового мира». Другие покрывали все словом «тоталитаризм», не видя ни одного динамичного исторического процесса в застывшей системе, где всемогущее Государство подчиняется лишь собственным законам (сводившимся в основном к понятиям безальтернативности, застоя, иммобилизма) и объясняется лишь через посредство собственных определений.

Сознавая ограниченность этих двух типов «глобального» объяснения советской истории, я попытался применить к исследованию Вашего прошлого методы, проверенные при анализе других обществ, точнее — деидеологизировать, деполитизировать споры о СССР, понять сложные взаимоотношения общества и порожденных им институтов, не рассматривая как единственный объект анализа политическую власть и средства ее осуществления (Государство, Партию, Идеологию), вернуть истинное значение экономическим и общественным факторам, Я старался внимательнее относиться к сложности общественных процессов в рамках общества, все более ограниченного н ночможности свободного слова, но не утратившего способности мыслить. Как иначе объяснить необычайный переворот последних лет, если не выходом наружу подспудных сил и течений, позволивших, в терминах французской историографии, «подлинной стране» взять верх над «страной легальной»?

Таков, в нескольких словах, путь, проделанный моей «Историей».

Не буду останавливаться здесь на другой «истории», истории русского издания. Она слишком длинна... Для меня появление летом 1992 г. моей книги в Москве до сих пор кажется чудом...

Сейчас самое время вспомнить о тех, без кого я не смог бы обратиться к читателю России, и выразить им мою глубокую признательность.

Прежде всего переводчикам, в кратчайший срок осуществившим нелегкую работу, — Е.С.Дружининой и С.Ю.Завадовской, с которыми вот уже около десяти лет меня связывает преданная дружба; Н.В. Бунтман, А.А. Цехановичу, которых я знал еще студентами, а ныне преподавателям и переводчикам, переводчику В.М. Ульянову. А также редакторам Ю.Д. Рыжкову, А.В. Варламову, участвовавшему и в. переводе книги, К.В. Иорданской, которые серьезно помогли в работе над книгой, выверяя детали и цитаты, а порой и «вылавливая» ошибки.

И, конечно, О.А. Зимарину, с первых дней не жалевшему трудов и времени для осуществления настоящего издания, преодолевавшему многочисленные препятствия. Без его помощи как издателя, в лучшем смысле этого слова, эта книга никогда бы не увидела свет в Вашей стране.

Н.Верт, весна 1992 г.

Глава I. Российская империя в начале XX в.

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

1. Самодержавие

При рассмотрении политического положения в европейских государствах начала XX в. сразу бросаются в глаза специфические особенности Российской империи. В то время как повсюду в Европе государственная власть развивалась в направлении парламентаризма и выборных структур, Российская империя оставалась последним оплотом абсолютизма, а власть государя не ограничивалась никакими выборными органами. В Своде законов Российской империи издания 1892 г. торжественно провозглашалась обязанность полного послушания царю; власть его определялась как «самодержавная и неограниченная».

Абсолютные прерогативы царя ограничивались всего лишь двумя условиями, обозначенными в основном правовом документе империи: ему вменялось в обязанность неукоснительно соблюдать закон о престолонаследии и исповедовать православную веру. Будучи преемником и наследником византийского императора, считавшегося папой и кесарем одновременно, царь-самодержец получал, власть непосредственно от Бога. С этой точки зрения любая попытка отказа от верховной власти становилась святотатством. В 1907 г. Д.Мережковский писал, что, если любой другой император мог силой обстоятельств превратиться в конституционного монарха, православный государь был лишен такой возможности. Двойственная природа его власти, «кесарепапизм», препятствовала всякой эволюции, обрекала самодержавие на застой. Незыблемость принципа царской власти делала невозможным существование; конституционного режима. Конечно, самодержавие могло проводить реформы сверху, но в его намерения никогда не входило создание самостоятельного консультативного органа, который неизбежно стал бы оплотом организованной оппозиции.

В управлении страной царь опирался на централизованный и строго иерархизированный бюрократический аппарат, созданный еще в XVIII столетии: министров и советников, назначенных им самим, и конституционные органы, в которые входили высшие представители двора и бюрократии. Государственный совет был законосовещательным органом, а члены его, чиновники высшего ранга, назначались пожизненно. Мнения, высказываемые членами совета при рассмотрении законов, никоим образом не ограничивали свободы решений государя. Исполнительный орган самодержавного государства — Совет министров, созданный при Александре I, — имел также консультативные функции. Что же касается Сената, учрежденного еще при Петре I, он фактически являлся Верховным судом. Сенаторы, назначаемые почти всегда пожизненно самим государем, должны были обнародовать законы, разъяснять их, следить за их исполнением и контролировать законность действий представителей власти на местах.

Как и в прошлом, высшие государственные чиновники в подавляющем большинстве были потомственными дворянами. Аристократия также занимала ключевые должности в провинции, в особенности пост губернатора, ответственного за сбор налогов и охрану государственного имущества. Аристократия осуществляла свое влияние и через институт «предводителей дворянства», избираемых дворянскими собраниями на местах и утверждаемых царем. Этот институт, созданный при Екатерине II, представлял собой одновременно выборный орган дворянского самоуправления и основное звено административной системы. Единственное значительное изменение данного института затрагивало его родовой состав, что являлось источником возможных трений между представителями высших слоев бюрократии и частью земельной аристократии. Снижение доли представительства земельных собственников происходило параллельно с увеличением доли городских и промышленных собственников. Помещики средней руки все меньше узнавали себя в чиновничестве, перерождавшемся, по выражению одного помещика из Пензенской губернии, «в

класс внесословных интеллектуалов» и ставшем той «непреодолимой стеной, которая разделяла монарха и его народ».

В конечном счете «великие реформы» царя-освободителя Александра II, вызванные настоятельной необходимостью приспособить к требованиям современного государства юридические и административные институты страны, привели в очередной раз к укреплению извечного союза между престолом и дворянами, не произведя никаких решительных перемен в общественных связях, как это сделал царь-реформатор Петр I. Ограниченным и противоречивым характером реформ объясняется возвращение назад, к реакции, последовавшее за убийством Александра И. Чтобы подавить всплеск оппозиции новых слоев общества — представителей либеральных профессий, дельцов, студентов, купечества, чуждых самодержавным социальным структурам и которым царский абсолютизм отказывал во всяком участии в политической жизни, — Александр III (1881 — 1894 гг.) встал на путь «контрреформ». На протяжении всех тринадцати лет его царствования политике реставрации самодержавия были подчинены все области жизни: университеты были призваны к порядку и поставлены под правительственный надзор, в лицеях была произведена «чистка» от всякого рода недворянских элементов — «детей лавочников, слуг и прочее», ужесточилась цензура, усилилась русификация Польши, Финляндии, власть администрации на местах была ограничена контролем со стороны нововведенных земских начальников, тоже из дворян. Законодательные акты от 12 июня 1890 г. (относительно земств) и от 11 июня 1892 г. (относительно городских дум) ограничили автономию данных органов местной власти, учрежденных еще во времена «великих реформ» Александра II. Из всех мер, предпринятых с целью всемерного упрочения самодержавия, самой непопулярной стал, без сомнения, Указ от 14 августа 1881 г., по которому можно было отменить, объявив «частичное» или «полное» чрезвычайное положение, и без того куцые гарантированные законом права и привлечь к суду военного трибунала виновных в политических преступлениях.

Вступление на престол Николая II (1894 г.) пробудило надежды тех, кто по-прежнему стремился к реформам, беря за образец общественные ценности современных промышленно развитых стран, такие, как отделение религии от государства, гарантия основных свобод, наличие выборных органон власти, национальный суверенитет. В адрес царя поступали прошения, в которых земства высказывали надежду па возобновление и продолжение реформ, предпринятых в 1860 г. 29 января 1895 г. Николай II в своей речи перед сотнями представителей от земств категорически отказался от каких бы то ни было уступок и, назвав их «бессмысленными мечтаниями», заявил: «Пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный, покойный Родитель». На рубеже веков у царской власти была лишь одна насущная политическая задача — во что бы то ни стало сохранить самодержавие.

2. Особенности развития промышленности

Подобно тому как политическая система Российской империи значительно отличалась от западной, нуги развития капитализма в стране имели свою специфику. Если в других европейских странах промышленный сектор развивался естественным путем и независимо от государства, то в России со времен Петра I он находился полностью под контролем государства и развивался весьма неравномерно, в первую очередь в зависимости от стратегических задач правительства. Все экономические; достижения, вызванные насущными военными и политическими потребностями самодержавного государства, давались с трудом; они изнуряли народ, не позволяя России преодолеть свою отсталость и приблизиться в общественном отношении к наиболее развитым странам Западной Европы. В течение всей первой половины XIX в. правительство с опаской смотрело на развитие промышленности и его неизбежное следствие — «язву пролетариата». Только потерпев жестокое поражение в Крымской войне, обнаружившей всю опасность экономического отставания, царское правительство осознало насущную необходимость промышленного и, следовательно, военного роста. Для продолжения политики соревнования с наиболее сильными европейскими державами русское самодержавие было вынуждено прежде всего развивать

широкую сеть железных дорог и финансировать тяжелую промышленность. Таким образом, железнодорожное строительство (только за период с 1861 по 1900 г. было построено и введено в эксплуатацию 51 600 км железных дорог, причем 22 тыс. из них были введены в эксплуатацию в течение одного десятилетия, с 1890 по 1900 г.) дало значительный импульс развитию всей экономики в целом и превратилось в движущую силу индустриализации России. Однако в течение трех десятилетий, последовавших за освобождением крестьян, рост промышленности оставался в целом довольно скромным (2,5 — 3% в год). Экономическая отсталость страны являлась серьезным препятствием на пути индустриализации. Вплоть до 1880 г. стране приходилось ввозить сырье и оборудование для строительства железных дорог. На пути к реальным переменам стояли два основных препятствия: первое — слабость и неустойчивость внутреннего рынка, обусловленные крайне низкой покупательной способностью народных масс, в особенности крестьянства; второе — нестабильность финансового рынка и банковской системы, что исключало возможность серьезных капиталовложений.

Для преодоления этих препятствий требовалась значительная и последовательная помощь со стороны государства. Она приняла конкретные формы в 1880-е гг., а в полную меру развернулась в 1890-е гг. Продолжая дело, начатое его предшественниками Ройтерном, Бунге, Вышнеградским, С.Витте, министр финансов с 1892 по 1901 г., сумел убедить Николая II в необходимости проведения последовательной экономической программы развития промышленности. Эта программа включала в себя четыре основных направления:

— жесткую налоговую политику, требующую значительных жертв со стороны городского, но особенно сельского населения. Тяжелое налоговое обложение крестьянства, постоянно растущие косвенные налоги на товары широкого потребления (государственная монополия на водку) — эти меры гарантировали в течение 12 лет бюджетные излишки и позволили высвободить необходимый капитал для вложения в производство и осуществления государственного заказа промышленным предприятиям;

— строгий протекционизм, который оградил начавшие развиваться секторы отечественной промышленности от иностранной конкуренции;

— финансовую реформу (1897 г.), гарантировавшую стабильность и платежеспособность рубля. Была введена система единого обеспечения рубля золотом, его свободная конвертируемость, жесткая упорядоченность права эмиссии — в результате золотой рубль на рубеже веков превратился в одну из устойчивых европейских валют. Реформа также повлияла на расширение иностранных капиталовложений, чему в немалой мере способствовало развитие банковского дела, причем некоторые банки приобрели первостепенное значение (например, Русский банк для внешней торговли, Северный банк, Русско-Азиатский банк);

— обращение к иностранному капиталу. Оно производилось либо в виде непосредственных капиталовложений в предприятия (иностранные фирмы в России, смешанные предприятия, русские ценные бумаги котировались на европейских биржах, и их приобретали иностранцы), либо в виде государственных облигационных займов, распространяемых на британском, немецком, бельгийском, но главным образом французском рынках. Оценка доли иностранного капитала в акционерных обществах, по разным источникам, варьируется от 15 до 29% от общего капитала. На самом деле более показательными представляются суммы капиталовложений по отраслям и их рост за десятилетие с 1890 по 1900 г. Советский исследователь Лященко приводит следующие цифры: сумма иностранных капиталовложений в угольную промышленность увеличилась в пять раз и достигала к 1900 г. 70% всех капиталовложений; в металлургии они увеличились в 3,5 раза, составив 42% общей суммы вложенного капитала к тому же 1900 г. Среди иностранных инвеститоров французы и бельгийцы составляли большинство, им принадлежало 58% капитальных вложений, в то время как немцы владели всего 24%, а англичане — 15%. Из сказанного можно сделать вывод о том, что приток иностранного капитала стал к тому времени массовым явлением для России, заняв главенствующее положение в основных отраслях промышленности.

Такое положение, естественно, привело к серьезной политической полемике, особенно в 1898 — 1899 гг., между графом Витте и теми деловыми кругами, которые

успешно сотрудничали с иностранными фирмами, с одной стороны, и с другой — такими министрами, как Муравьев (иностранное ведомство) и Куро-паткин (военное), поддержанными помещиками. Витте стремился ускорить процесс индустриализации, который позволил бы Российской империи догнать Запад. Стремление к индустриализации и западнические настроения шли рука об руку. Противники Витте наносили удары в наиболее уязвимые, с их точки зрения, места: опора на заграницу неизбежно ставила Россию в подчиненное положение к иностранным вкладчикам, что в свою очередь создавало угрозу национальной независимости. В марче 18 99 г. Николай II решил спор в пользу Витте. Последний убедил царя в том, что сама стабильность политической власти в России гарантировала ее экономическую независимость. («Только разлагающиеся нации могут бояться закрепощения их прибывающими иностранцами. Россия не Китай!»)

Приток иностранного капитала сыграл значительную роль в промышленном развитии 1890-х гг. Однако он же наметил и его пределы: стоило в последние месяцы 1899 г. произойти свертыванию европейского финансового рынка, вызванному общим подорожанием денег, как тут же наступил кризис в горнодобывающей, металлургической и машиностроительной промышленности, контролируемых в значительной степени иностранным капиталом или выполняющих государственные заказы. Все же результаты экономической политики Витте были впечатляющими. За тринадцать лет (1887 — 1900 гг.) занятость в промышленности увеличилась в среднем на 4,6% в год, а промышленное производство возросло на 6,4%. Общая протяженность железнодорожной сети удвоилась за двенадцатилетний срок (1892 — 1904 гг.). За эти годы было завершено строительство Сибирской железной дороги, что значительно упростило дальнейшее освоение Сибири, были проложены новые железнодорожные ветки, имеющие скорее стратегическое, нежели экономическое, значение. Так, например, строительство ветки Оренбург — Ташкент, запланированное по соглашению с правительством Франции в тот период, когда вследствие инцидента в Фашоде испортились отношения между Францией и Великобританией, имело единственной целью обеспечить связь между европейской частью России и Средней Азией в предвидении возможных совместных военных действий против британских колоний. «Железнодорожная лихорадка» способствовала развитию надежной современной металлургической промышленности с высокой концентрацией производства (одна треть промышленных рабочих была занята на 2% предприятий). За десять лет производство чугуна, проката и стали утроилось. Добыча нефти увеличилась в пять раз, а Бакинский регион, освоение которого развернулось с 1880 г., к концу 1900 г. давал почти половину мировой продукции нефти.

Промышленный взлет 1890-х гг. полностью преобразил многие области империи, вызвав развитие городских центров и возникновение новых крупных современных заводов. Он на тридцать лет вперед определил лицо промышленной карты России. Центральный регион вокруг- Москвы приобрел еще большее значение, так же как и район Санкт-Петербурга, где сосредоточились такие промышленные гиганты, как Путиловские заводы, насчитывавшие более 12 тыс. рабочих, металлургические и химические предприятия. Урал же, напротив, пришел к тому времени в упадок из-за слабого железнодорожного сообщения с другими регионами страны, а также и технологической отсталости. Место Урала заняла Украина. Разработка запасов железной руды Криворожья и каменного угля в Донецке позволили Украине выйти на одно из первых мест в империи. Была осуществлена также некоторая рационализация работы промышленности: в европейской части России так называемая Екатерининская линия уже с 1885 г. связала угольные шахты Донецка и рудное месторождение в Криворожье, что способствовало созданию в районе Донецка и в бассейне Днепра крупных металлургических комплексов. Развитие железнодорожного сообщения и судоходства на Волге позволило доставлять сырье и промышленные заготовки в индустриальные центры Московского региона (Тула, Рязань, Брянск) до Харькова и во все приволжские города — Саратов, Нижний Новгород и др. В районе Лодзи, на русской территории Польши, примерно в равной пропорции были представлены тяжелая и перерабатывающая промышленность. В портовых городах Балтики (Рига, Ревель, Санкт-Петербург) развивались отрасли промышленности, для которых требовалась рабочая сила более высокой квалификации, такие, как точная механика, электрооборудование, военная промышленность. В портах Причерноморья развивались химическая и особенно пищевая промышленность. Многоотраслевой стала промышленность

Москвы. По-прежнему ведущим оставалось текстильное производство в районе верхнего течения Волги (Ярославль, Тверь, Кострома).

Небывалый подъем экономики в конце XIX в. способствовал накоплению капиталов, но одновременно с этим и появлению новых социальных прослоек с их проблемами и запросами, чуждыми самодержавному обществу, преимущественно крестьянскому и дворянскому. Он породил серьезный дестабилизирующий фактор в жесткой и неподвижной политической системе, не пострадавшей от политических бурь, разразившихся над Европой в 1789 — 1848 гг. Сама же система была абсолютно неподготовлена к каким бы то ни было переменам. К этому все более острому противоречию между переживающими активное развитие производительными силами и устарелыми общественными институтами прибавилось еще одно противоречие, порожденное двойственностью социально-экономической структуры: промышленный капитализм в нескольких передовых отраслях и в ограниченном числе регионов и архаичные структуры (которые в значительной степени можно охарактеризовать как феодальные) в деревне.

Дальнейшему развитию страны мешала деревня: низкий уровень промышленного потребления со стороны ее населения, как, впрочем, и потребительский рынок в городе. Развитие промышленности в значительной степени зависело от государственных заказов и недостаточно стимулировалось внутренним рынком. Основным противоречием развития экономики страны стал колоссальный разрыв между сельским хозяйством с его архаичными способами производства и ростом промышленности, опирающейся на передовую технологию.

3. Особенности крестьянского общества

Часто, вопреки собственным исследованиям, советские историки настойчиво утверждают, что отмена крепостного права, которую они называют «буржуазной реформой», вызнала ускоренное развитие капитализма в деревне. Тем самым они лишь повторяют тезис Ленина, выдвинутый им в 1900 г. в работе «Развитие капитализма в России». В действительности же, если принять во внимание те условия, при которых было уничтожено крепостное право, его отмена вовсе не способствовала развитию капитализма, а скорее укрепляла архаичные, можно сказать феодальные, экономические структуры. Кроме того, юридическое освобождение крестьян не диктовалось насущной экономической необходимостью. Промышленность не была заинтересована в отмене крепостного права; например, металлургия — одна из самых динамичных отраслей промышленности — использовала крепостных, и декрет об освобождении крестьян грозил дезорганизовать ее работу.

Отмена крепостного права была вызвана страхом перед бунтами и массовыми возмущениями крестьян. Крестьянские смуты, вызванные Крымской войной, все более многочисленные и опасные, вынудили правительство решить крестьянский вопрос. Реформа 1861 г. освободила крестьян лишь с юридической точки зрения, не дав им экономической независимости. Самодержавие постаралось всеми силами сохранить интересы и привилегии поместного дворянства. Освобожденным крестьянам приходилось выкупать землю, которую они обрабатывали, зачастую по завышенным ценам, что на полвека вперед обрекало их на долговую кабалу. К тому же приобретаемый участок был, как правило, меньше того, что они обрабатывали прежде. Высвобождавшиеся таким образом земельные наделы, так называемые «отрезки», отходили помещикам и перемежались с крестьянскими землями, создавая такую чресполосицу, что чаще всего крестьяне за различные отработки арендовали эти наделы у помещика, чтобы придать хотя бы видимость целостности своим владениям. Лоскутная путаница крестьянских наделов и помещичьих угодий стала характерной чертой русского сельского пейзажа, крестьянам приходилось обращаться к помещикам за разрешением на проезд через их земли. Юридические меры подчинения исчезли, однако экономическая зависимость крестьян от помещика сохранилась и даже усилилась.

Из-за значительного прироста крестьянского населения (за 40 лет на 65%) недостаток земли становился нес более ощутимым. 30% крестьян составили «излишек» населения, экономически ненужный и лишенный занятости. К 1900 г. средний надел крестьянской семьи снизился до двух десятин, это было намного меньше того, что она имела в 1861 г. Положение усугублялось отсталостью сельскохозяйственной тех-

ники; нехватка средств производства становилась поистине драматической. Одна треть крестьянских дворов была безлошадной, еще одна треть имела всего одну лошадь. Эти условия заставляли крестьян прибегать к трехпольному севообороту, который на треть уменьшал полезную площадь их и так скудного надела; в итоге русский крестьянин получал самые низкие урожаи зерновых в Европе (5 — 6 ц с га).

Обнищание крестьянского населения усугублялось усилением фискального гнета. Налоги, за счет которых в значительной мере шло развитие промышленности, ложились на крестьянство большим бременем. Экономическая конъюнктура складывалась из падения цен на сельскохозяйственную продукцию (цены на зерно снизились наполовину между 1860 и 1900 гг.) и роста цен на землю и арендной платы. Нужда в наличных деньгах для уплаты налогов и рыночная экономика в деревне (пусть и очень слабо развитая) вынуждали крестьянина торговать даже в то время, как производство на душу населения оставалось на прежнем уровне. «Мы будем меньше есть, но будем больше экспортировать», — заявил в 1887 г. министр финансов Вышнеградский. Эта фраза была сказана отнюдь не для красного словца. Четыре года спустя в перенаселенных плодородных губерниях страны разразился страшный голод, унесший десятки тысяч жизней. Он вскрыл всю глубину аграрного кризиса. Голод вызвал возмущение интеллигенции, способствовал мобилизации общественного мнения, потрясенного неспособностью властей предотвратить эту катастрофу, тогда как страна экспортировала ежегодно пятую часть урожая зерновых.

Находясь в рабской зависимости от устаревшей сельскохозяйственной техники, от власти помещиков, которым они продолжали выплачивать крупную арендную плату и вынуждены были продавать свой труд, крестьяне в большинстве своем терпели еще и мелочную опеку крестьянской общины. Община устанавливала правила и условия периодического перераспределения земель (в строгой зависимости от количества едоков в каждой семье), календарные сроки сельских работ и порядок чередования культур, брала на себя коллективную ответственность за оплату налогов и пособий на выкуп земли за каждого из своих членов. Община решала, выдать или отказать во внутреннем паспорте крестьянину, чтобы он мог покинуть окончательно или на время свою деревню и искать работу в другом месте. Стойкость общинных традиций препятствовала появлению нового крестьянства, которое чувствовало бы себя полноценным хозяином земли. Закон от 1 4 декабря 1893 г., принятый но инициативе сторонников общинного уклада, считавших, что поскольку он гарантирует крестьянину минимум земли, то станет и спасительным заслоном против разрастания «язвы пролетариата», еще более усложнил выход крестьян из общин и ограничил свободное владение земельными участками. Чтобы получить статус землевладельца, крестьянину надо было не только полностью рассчитаться за землю, но и получить согласие не менее двух третей членов своей общины. Эта мера резко притормозила робко наметившееся в 1880-х гг. раскрепощение крестьян.

Сохранение общинных традиций имело также другие последствия — оно задержало процесс социального расслоения в деревнях. Чувство солидарности, принадлежности к одной общине мешало зарождению классового сознания у крестьянской бедноты. Тем самым в определенной степени тормозился процесс пролетаризации самых обездоленных. Даже после переселения в город крестьяне-бедняки, ставшие рабочими, не теряли полностью связь с деревней, по крайней мере в течение одного поколения. За ними сохранялся общинный надел, и они могли вернуться в деревню' на время полевых работ. (Однако начиная с 1900 г. практика эта заметно сократилась, особенно среди петербургских и московских рабочих, которым удалось перевезти в город и свои семьи.) В противовес этому общинные традиции замедлили экономическое раскрепощение и наиболее богатого меньшинства сельского населения, состоявшего из кулаков. Конечно, кулачество начало выкупать земли, брать в аренду инвентарь, использовать на сезонных работах крестьян-бедняков, давать им деньги в долг, чтобы они могли продержаться до будущего урожая. Для того чтобы скорее добиться перехода к современным формам хозяйствования, необходимо было не только ослабить давление со стороны общины, но и заменить ростовщиков более или менее слаженной банковской системой. Расширение железнодорожной сети должно было активизировать товарообмен, что привело бы к решительному увеличению городского потребительского рынка. Однако большинство русских городов все еще являло собой нагромождение бедных предместий вокруг скудных торговых центров,

население которых увеличивалось на зимний сезон в связи с наплывом крестьян, ищущих временную работу, и уменьшалось с наступлением весны, когда они возвращались в деревню. Средним производителям (кулакам) некому было продавать свою продукцию. На рубеже веков в России, по сути дела, не существовало того слоя общества, который можно было бы назвать сельской буржуазией.

В деревне бытовало совершенно особое отношение к собственности на землю, объяснявшееся вечной нехваткой земли, а также общинным укладом. По этому поводу Витте замечал, что «горе той стране, которая не воспитала в населении чувства законности и собственности, а, напротив, насаждала разного рода коллективное владение». У крестьян было твердое убеждение, что земля не должна принадлежать никому, будучи не таким предметом собственности, как другие, а скорее изначальной данностью их окружения, подобно воздуху, воде, деревьям, солнцу. Такого рода представления, высказываемые крестьянскими советами во время революции 1905 г., толкали крестьян на захват господских земель, лесов, помещичьих пастбищ и т.д. Согласно полицейскому донесению тех времен, крестьяне постоянно совершали тысячи нарушений законов о собственности.

Наследие феодального прошлого также ощущалось и в экономическом мышлении землевладельцев. Помещик не стремился внедрять технические усовершенствования, которые увеличили бы производительность труда: рабочая сила имелась в избытке и почти бесплатно, так как сельское население постоянно росло; кроме того, помещик мог использовать примитивный сельскохозяйственный инвентарь самих крестьян, привыкших выплачивать долги в виде барщины. (Имелись, конечно, и некоторые исключения, в основном на окраинах империи — в Прибалтике, вдоль побережья Черного моря, в степных районах юго-востока России, в тех местностях, где давление общинного уклада и пережитки крепостничества были слабее.) Поместное дворянство постепенно приходило в упадок из-за непроизводительных расходов, которые в конечном итоге привели к переходу земли в руки других социальных слоев населения. Однако процесс этот был значительно замедлен как правительственными мерами в защиту поместного дворянства, например созданием в 18 85 г. Государственного дворянского земельного банка, который выдавал ссуду под 4% годовых и без особого контроля (что позволяло помещикам производить выгодные сделки, по вовсе не обязательно улучшало состояние их поместий), так и путем постоянного повышения цен на землю. На рубеже века родовые помещичьи земли были еще весьма значительными. Что же касается крестьян, они продолжали с растущим нетерпением ждать новых наделов за счет помещичьих земель и, получив в 1861 г. юридическую свободу, стремились к свободе экономической.

4. «Рабочий вопрос»

Одним из последствий экономического развития 18 90-х гг. стало образование промышленного пролетариата. Под влиянием преувеличенной оценки Ленина, который считал, что пролетарское и полупролетарское население города и деревни достигает 63,7 млн. человек, советские историки, как правило, переоценивают его численность. В действительности же количество рабочих, находящихся на заработках в различных отраслях сельского хозяйства, промышленности и торговли, не превышало 9 млн. Что же касается рабочих в строгом смысле слова, их насчитывалось всего 3 млн., и они составляли относительно малый процент от общего количества «предпромышленной» бедноты — прислуги, поденщиков, мелких ремесленников.

Как бы то ни было, чрезвычайно высокий уровень промышленной концентрации способствовал возникновению подлинного рабочего класса, подчиненного капиталистическим формам производства. Русский пролетариат был молодым, с ярко выраженным разделением между небольшим ядром потомственных рабочих довольно высокой квалификации и подавляющим большинством подсобных рабочих, недавно прибывших из деревень и возвращавшихся пуда более или менее регулярно. В рабочей среде одного и того же города классовое сознание было далеко от единства; так, например, в Москве железнодорожники или рабочие-металлурги завода Гужона считали себя рабочей элитой по сравнению с сезонными рабочими, нанимавшимися зимой на пищевые или кожевенные предприятия. То же самое наблюдалось и в Санкт-Петербурге, где путиловцы и рабочие кораблестроительных верфей, более двух по-

колений жившие на Выборгской стороне, считали себя непохожими на работников текстильной промышленности, недавно прибывших из Костромской губернии. В Баку этнические распри между армянами, турками, персами, кавказскими народностями создавали препятствия для любых форм объединения рабочих. В целом в недавно созданных промышленных центрах рабочее население было более гибким. Около трети рабочих жили за пределами традиционных городских центров либо вокруг изолированных заводов, стоящих вдоль путей сообщения, либо неподалеку от источников энергоснабжения.

Русский пролетариат подвергался особо жестокой эксплуатации. Рабочий день длился долго (от 12 до 14 часов), заработная плата была нищенской, к тому же нередко из нее удерживали треть в счет бесчисленных штрафов. Несчастные случаи па работе случались очень часто (за один лишь 1904 г. насчитывалось 500 погибших и 5500 тяжело раненных только среди железнодорожников). Условия жизни рабочих зачастую не поддаются описанию; так, на Украине они жили в землянках, в крупных городах — в мрачных бараках, казармах, трущобах, расположенных на окраинах.

«К счастью, в России не существует, в отличие от Западной Европы, ни рабочего класса, ни рабочего вопроса», — заявил Витте в 1895 г. «Дедушка русской индустрии», как его называли, считал достаточным условием гарантии мира и согласия доброе отношение работодателя к своим рабочим, простоту и справедливость во взаимных отношениях. Только подобным патриархальным отношением можно объяснить примитивность существовавшего трудового законодательства. В 1882 г. министр финансов Бунге попытался ввести намеки на трудовое законодательство: ограничение рабочего дня для подростков моложе 15 лет, запрещение труда детей моложе 12 лет и создание особого отряда рабочих инспекторов. Но реакция заводских хозяев была крайне резкой, и Бунге пришлось покинуть свой пост. Впоследствии часто возникали разногласия в отношениях между Министерством финансов, связанным с промышленниками и охотно идущим на уступки заводскому начальству, и Министерством внутренних дел, проникнутым патриархальным духом и стремящимся в первую очередь к сохранению общественного спокойствия, но склонным считать, что можно решить социальные вопросы авторитарным улучшением жизни рабочих.

Один за другим чередовались противоречивые законы: в 1885 — 1886 гг. был провозглашен запрет на использование труда женщин и детей в ночное время; правило, по которому суммы, взимаемые в качестве штрафов, должны были идти на улучшение условий труда. Тут же принимались законы, идущие вразрез с этими положениями. Несмотря на оптимистические заявления Витте, первые конфликты разразились к середине 1880-х гг. Наиболее значительной была забастовка в мае — июне 1896 г. Бастовало 35 тыс. рабочих текстильной промышленности Санкт-Петербурга. Они выдвигали чисто экономические и социальные требования: сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, отмена штрафов, открытие вечерних и воскресных школ. Правительство, испугавшись размаха и длительности забастовки, пошло на уступки. Закон 14 июня 1897 г. ограничил рабочий день одиннадцатью с половиной часами и обязал соблюдать режим выходного воскресного дня. Подобно предыдущим, данный закон плохо соблюдался из-за отсутствия надлежащего аппарата трудовой инспекции; в итоге он не привел к существенным изменениям условий жизни и работы промышленного пролетариата, требования рабочих не снизились, а, скорее наоборот, возросли.

В принципе все виды рабочих объединений и профсоюзов были под запретом. Однако, чтобы предупредить возможные контакты между рабочими и «профессиональными агитаторами», власти решили создать официальные профсоюзы, которые получили название зубатовских по имени раскаявшегося революционера, перешедшего, подобно многим другим, на службу в царскую охранку, Идея Зубатова была проста и полностью соответствовала самодержавной идеологии, согласно которой царь-батюшка являлся естественным защитником рабочего люда, Поскольку забастовки и всякие другие виды рабочего движения не разрешались, правительству надлежало самому взять в руки заботу о «законных» интересах трудящихся. Таким образом власти стремились укрепить традиционные верноподданнические настроения в рабочей среде и избежать постепенного перерастания борьбы рабочих за свои права в революционную борьбу против существующего строя. В действительности

же подобного рода организации, созданные сверху, чтобы воспрепятствовать проникновению революционных идей в рабочую среду, оказались обоюдоострым оружием, ибо на смену бывшему типу рабочих из крестьянской среды, рабочему 1870 — 1890-х гг., пришел новый, более сознательный рабочий, готовый разоблачить происки «зубатовщины», как это показало стачечное движение летом 1903 г. на Украине, в частности в Одессе.

В одном из донесений полиции в 1901 г. отмечалось: «Из доброго малого рабочий превратился в своеобразного полуграмотного интеллигента, который считает своим долгом отбросить религиозные и семейные устои, позволяет себе игнорировать законы, нарушать их или глумиться над ними». Советские историки всегда преувеличивали уровень классовой сознательности и политической зрелости русского пролетариата. Они особенно настаивали на идеологических расхождениях между «мелкобуржуазной», «утопической» позицией народников и подлинным классовым самосознанием рабочих еще до появления первых социал-демократических группировок. По суш дела, нечеловеческие условия существования, в которых находился рабочий класс, полное отсутствие политических и профсоюзных свобод вызывали скорее глухое недовольство и спонтанный протест, поднимали рабочих на стачки, бунты и погромы, не способствуя созданию оформленного профсоюзного движения или политической деятельности на долговременной основе. Вплоть до 1905 г. контакты между рабочей средой и профессиональными революционерами были весьма ограниченными. Тем не менее в 1902 г. один знаток рабочего вопроса писал, что страна находится па вулкане, готовом к извержению в любую минуту. И действительно, революция 1905 г., ко всеобщему удивлению, показала силу рабочего класса, который еще в июле 1904 г. «Искра» — официальный орган Российской социал-демократической рабочей партии — называла аморфной массой, лишенной какого бы то пи было классового сознания.

II. ОППОЗИЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

1. Либералы

Социальные и экономические преобразования конца XIX столетия способствовали расцвету оппозиционных движений, ставивших в большей или меньшей степени под сомнение существующий политический строй. Либеральное движение было наиболее заметным среди них. Весьма разнородное по своему составу, движение группировалось в основном вокруг двух полюсов — умеренного и радикального.

Умеренные либералы в большинстве своем были выходцами из земств. Несмотря на то что система выборов в земствах давала явное преимущество представителям привилегированного класса, в их среде развивалась оппозиция. Даже самые начало-послушные представители земств в провинции в конце концов возмутились тем, что центральное правительство столь резко ограничило их роль на местах. К тому же голод 1891 г. дал решающий импульс развитию оппозиции. Она сформировалась как реакция против бездеятельности и всесилия царской бюрократии, против косности самодержавия, против экономической политики Витте. Выбитые из колеи, власти обратились к представителям земств, чтобы организовать помощь голодающим крестьянам. Были сформированы группы по изучению аграрных вопросов (в 1890-х гг. появилось значительное количество серьезных трудов по этнографии, экономике, статистике деревни). Изучение социального неравенства неизбежно привело к желанию реформировать ту систему, которая его порождала. Однако идеи, высказываемые либералами, отражали умеренность, свойственную им самим. Поначалу либерализм, имевший славянофильскую окраску, в поисках соглашения с «исторической властью» России стремился бороться лишь с «бюрократическим искажением» ее. Стремясь на словах к восстановлению существовавших в прошлом государственных советов, эти сторонники возврата к подлинному самодержавию довольствовались на деле созданием чисто консультативного органа, задачей которого было скорее «донести глас народа» до царя, нежели ограничить власть самодержавия.

Таков примерно был смысл знаменитого адреса земства Московской губернии во время восшествия на престол Николая II. Два года спустя глава Московского зем-

ства известный промышленник Шипов организовал в Нижнем Новгороде во время ярмарки собрание всех земских начальников, которые подали еще одно прошение подобного рода. Оно было отвергнуто, как и предыдущее. В 1902 г. Шипов предложил целую программу реформ во время неофициального собрания шестидесяти земских начальников, встретившихся, чтобы обсудить нужды промышленности: равенство в гражданских правах, развитие всеобщего образования, предлагалось расширить права земств, дать свободу прессе, разрешить участие всего народа в законодательной деятельности, возродить государственные советы. Программу решено было распространять по всей стране путем организации конференций на местах, которые позволили бы выявить насущные требования сельской промышленности. Более половины участников этих конференций согласились с программой Шипова.

Однако часть интеллигенции считала слишком робкими умеренные позиции, защищаемые Шиповым, представителем высших слоев московской буржуазии. За последние два десятилетия XIX в. интеллигенция претерпела коренные изменения. Значительно увеличилось в ней число представителей либеральных профессий: профессоров, преподавателей, служащих земств. Интеллигенция стала «третьей силой» (300 тыс. человек), она начала образовываться в социальную группу, потенциально готовую следовать демократическим призывам, ибо считала свое настоящее социальное и политическое положение неудовлетворительным.

Возникавшие профессиональные объединения, культурные ассоциации играли для этой более радикально настроенной части населения ту же роль, что и земства, объединившие представителей умеренных кругов. Например, Комитет по развитию культуры, Общество свободной экономики, Московское правовое общество и другие дали возможность либералам узнать друг друга, понять, что по численности они составляют теперь некую силу. Так, постепенно сформировалась настоящая сеть политических организаций, имеющих абсолютно легальную основу. Большинство радикальных либералов разделяло идеи, обсуждавшиеся с января 1902 г. в журнале «Освобождение», который печатался в Штутгарте под редакцией бывшего марксиста П.Струве. Подобно многим представителям русской интеллигенции, Струве к 1890 г. подпал под сильное влияние марксизма. Однако постепенно, совместно с группой теоретиков, так называемых «легальных марксистов», Струве отходит от идеи классовой борьбы, гегемонии пролетариата и революционного захвата власти, ставя на ее место эволюционную концепцию, делающую упор на необходимость демократических реформ, которые гарантировали бы основные свободы и обеспечили организацию парламентской системы путем всеобщих, прямых, тайных выборов и учитывали права национальных меньшинств. Либералы, близкие к Струве по убеждениям, основали нелегальную партию «Союз освобождения», поначалу в Швейцарии, а затем, с января 1904 г., распространили свою деятельность на Санкт-Петербург. В него входили видные университетские ученые (историк П.Милюков, философы С.Булгаков и Н.Бердяев), члены земств (П.Долгоруков, И.Петрункевич), адвокаты (В.Маклаков). Программа партии была намного более радикальной, чем программа либерального дворянства. «Союз освобождения» требовал избрания путем всеобщих выборов конституционной ассамблеи, которая определила бы дальнейшую жизнь страны и судьбу монархии, провела бы широкие реформы, в первую очередь социальное обеспечение рабочих и аграрную реформу (включая выплату компенсаций крупным помещикам за отчужденные земли). Будучи противниками насилия, либералы стремились к организации «конституционного» движения. Они собирались на бесчисленные «политические банкеты», подобно противникам Июльской монархии во Франции в 1847 г. За десять лет либеральное течение сильно радикализировалось. Это произошло вследствие осознания либералами своей силы, в противовес разрозненному революционному движению и власти, которой предстояло начиная с 1900 г. вступить в полосу острейшего экономического и социального кризиса.

2. Революционные и национальные движения

Революционные движения на рубеже веков были еще крайне раздроблены и слабы. После нескольких неудачных попыток марксистские кружки в России появляются в 1890-х гг. Поначалу проникновение марксистских идей шло медленно и трудно, ибо ни в истории, ни в национальных традициях не было почвы, на которой они мог-

ли бы укорениться. Маркс и Энгельс хотя и интересовались Россией как неким особым случаем, однако не сделали никаких конкретных выводов относительно революционных перспектив страны, где пролетариат был еще очень слабо развит. В 1880-е гг. Г.Плеханов, П.Аксельрод и В.Засулич, покинув народническую организацию «Земля и воля», не только издавали в Женеве теоретические труды по социализму, но и создали политическую организацию, призванную распространять марксизм в России, так называемую группу «Освобождение труда». В течение ряда лет деятельность группы ограничивалась борьбой против идеологии народничества. Активисты группы стремились доказать, что России следует неизбежно пройти капиталистический этап развития и только тогда пролетариат сможет стать той единственной силой, которая свергнет царизм в ходе буржуазно-демократической революции, а затем возьмет власть и установит социализм. Пока же обстановка не созреет, активистам следует заниматься пропагандистской и организационной деятельностью в рабочей среде. Для начала они организовали в полудюжине городов страны несколько подпольных кружков, которые тут же были разогнаны полицией. Однако после 1890 г. ситуация изменилась; ускоренное промышленное развитие, рождение пролетариата, первые забастовки — все это, казалось, подтверждало правильность марксистской теории и способствовало пропаганде их идей. Голод 1891 г. опроверг теорию народников об экономическом равновесии сельской общины и обнаружил крайнюю отсталость русской деревни. Разочарованные народники устремились в большинстве своем к марксизму, который своей видимой научностью, казалось, мог объяснить происходящее и указать альтернативу царскому самодержавию.

Среди основателей марксистских кружков довольно скоро выделился молодой адвокат В.Ульянов, поселившийся с 1893 г. в Санкт-Петербурге, где он экстерном защитил диссертацию в области права (в 1888 г. он был исключен из Казанского университета за «революционную агитацию»). Для Ульянова первостепенной задачей стало создание марксистской партии, в которую могли бы вступить рабочие, сочетающие борьбу за свои права с идеологической борьбой. В 1895 г. Ульянов едет в Швейцарию на встречу с Плехановым и его соратниками, чтобы осуществить слияние столичных марксистских кружков с группой «Освобождение труда». Осенью 1895 г. была основана новая подпольная организация — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», первый опыт социал-демократической партии. Однако прошло еще немало лет, прежде чем в России появилась настоящая социал-демократическая партия. Столь медленное развитие событий объясняется многими причинами. С одной стороны, царская полиция, глубоко проникшая в партийные круги, препятствовала организации местных комитетов постоянными арестами. С другой — внутри партии шла борьба мнений по вопросу о революционной тактике. В декабре 1895 г. Ульянов был арестован, заключен в тюрьму, а некоторое время спустя приговорен к трем годам ссылки в Сибирь, где за эти годы он и написал «Развитие капитализма в России». Однако влияние его среди активистов партии в столице было, естественно, весьма ограниченным. То же можно сказать и о другом руководителе социалистов, Ю.Мартове, талантливом журналисте, товарище Ульянова по ссылке.

Успех забастовки рабочих-текстильщиков в Санкт-Петербурге, уступка правительства, согласившегося в июне 18 97 г. на издание закона, ограничивающего рабочий день, способствовали созданию нового течения в кругах социалистов, так называемого экономизма. Как считали теоретики, выступившие на страницах печатного органа социал-демократов «Рабочее дело», необходимо было выдвинуть на первый план экономические требования трудящихся, а борьбу с самодержавием следовало предоставить либералам, отдавая все силы движению за насущные права рабочих и широкому внедрению в массы. Пока шли споры, небольшая группа второстепенных деятелей социал-демократической организации основала в Минске 1 марта 1898 г. Российскую социал-демократическую рабочую партию. Событие это имело чисто символическое значение, ибо, как только закончился съезд, восемь из девяти основателей новой партии были арестованы.

По возвращении из сибирской ссылки Ульянов и Мартов покинули Россию, чтобы поддержать группу Плеханова в борьбе против экономизма в социал-демократическом движении. Важным этапом развития движения стал декабрь 1900 г., когда Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Потресов и Ульянов-Ленин (Улья-

нов пользуется этим псевдонимом с 1901 г.) начинают издавать в Мюнхене новую газету «Искра». Ленин, ставший в скором времени главным редактором «Искры», с особой четкостью формулирует в статьях свою концепцию организации партии. Через посредство распространителей газеты, вокруг которых организовывались первые ячейки социал-демократической партии, расширился круг ленинской аудитории как раз в то время, когда экономический кризис жестко ударил по рабочим. В 1902 г. вышел в свет основополагающий труд Ленина «Что делать?», где он сформулировал основные направления своей революционной стратегии. Эту работу можно считать первым манифестом большевизма. В ней Ленин высказывался за строго централизованную партию, состоящую из профессионалов, ибо только они смогут увести рабочий класс с пути спонтанной профсоюзной борьбы, принесут ему, сверху и извне, подлинное социалистическое и пролетарское сознание, присущее в полной мере одним лишь ленинцам.

Эта концепция повлекла за собой в 1903 г. известное разделение партии на меньшевиков и большевиков во время II съезда Российской социал-демократической рабочей партии, состоявшегося в Брюсселе — Лондоне (т.к. бельгийская полиция запретила его заседания). Мнения делегатов, голосовавших на съезде, разделились по основному вопросу, а именно по вопросу о членстве в партии (первая статья Устава партии). Ленин предлагал сформулировать ее таким образом, чтобы обязать каждого из членов не только следовать программе партии, но и принимать активное участие в деятельности низовых организаций, связанных с непосредственной революционной борьбой. Данная формулировка противостояла той, которую предлагал Мартов. Мартовская статья, по сути, повторяла устав немецкой социал-демократической партии: быть членом партии — значит активно служить делу реализации ее программы и подчиняться центральным органам управления. Спор шел не только о формулировках, за внешней формой скрывались две противоположные концепции. По Ленину, партия должна была стать организацией с жесткой структурой, строго дисциплинированной, с полным подчинением ее членов. Партия отбирала лучших и наиболее деятельных, будучи авангардом революционеров-профессионалов, только она могла привести к власти рабочий класс в стране, столь отсталой в экономическом и культурном отношении. Мартов же представлял себе партию иначе, на европейский манер — как союз широких кругов различных взглядов, способный привлечь как можно большее число рабочих.

Мартовская формулировка получила незначительное большинство голосов (28 голосов против 23 за ленинскую формулировку). Однако в это большинство входили пятеро делегатов Бунда (Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше); они требовали автономии внутри партии, а не получив ее, покинули съезд. К тому же двое делегатов, представлявших «экономистов», последовали их примеру. Таким образом, к концу съезда сторонники Ленина оказались в большинстве. По всем признакам такая расстановка сил не должна была привести к расколу. Плеханов, стоявший на ленинских позициях, Мартов и сам Ленин остались втроем ЕО главе «Искры». Разрыв, однако, оказался окончательным. Ленин был человеком, неспособным на компромиссы, когда речь шла об основном пункте его концепции; Мартов в свою очередь не мог следовать путем, который казался ему ошибочным с политической точки зрения. Таким образом, начиная с 1904 г. Плеханов сблизился с Мартовым, и большинство редакционной коллегии «Искры» порвало с Лениным. После нескольких неудачных попыток сохранить руководство газетой, которая была центральным органом партии, опираясь на ЦК, где большинство сохранялось за ним, Ленин решил основать свою собственную газету «Вперед!». В 1905 г. состоялись параллельно два раздельных съезда — большевиков в Лондоне и меньшевиков в Швейцарии, — закрепивших раскол российского социал-демократического движения на две партии. Он наглядно показал наличие двух принципиально различных стратегических подходов. С одной стороны, стратегию возможного, согласно которой в России следовало применить «проспективу», намеченную Марксом в ходе изучения капитализма и пролетариата на Западе, и, с другой — волюнтаристскую стратегию, порывающую с западной концепцией.

Сосредоточив свое внимание прежде всего на рабочем классе, российские социал-демократы не придавали значения крестьянству, «святой Руси икон и тараканов», как писал о ней Троцкий. Русская деревня была отдана на откуп партии социал-

революционеров (эсеров), образовавшейся в 1902 г. после слияния нескольких разрозненных партийных группировок, близких друг другу по убеждениям. По возвращении из ссылки в 1896 — 1897 гг. деятели народнического движения, такие, как Е.Брешко-Брешковская, Гоц, Натансон, при поддержке интеллигентской молодежи — Г.Гершуни в Минске, В.Чернова в Саратове — попытались сформировать небольшие общества революционеров. Их ближайшей целью было скорейшее достижение политической свободы конституционным путем, в перспективе они мечтали о смене политического и социального режима. Эсеры унаследовали от народников симпатии к крестьянам и приверженность терроризму. Подобно народникам 1870 — 1880 гг., они считали крестьян, в отличие от рабочих, подлинными носителями революции и видели в сельской общине ядро социализма на селе, основанного на кооперации и децентрализации.

В эсеровском движении наблюдаются две волны — поколение эсеров начала века существенно отличается от их предшественников-террористов 1870-х гг. Дело в том, что эсеры оказались под влиянием марксизма, хотя многие отрицали возможность его применения в русских условиях. Осознав экономические и социальные изменения в стране, видя, что активистов движения легче найти в городской среде, эсеры сменили тактику. Теперь они уже не делали ставку исключительно на крестьянство и не рассматривали терроризм как единственное средство борьбы. Их партия избрала ряд путей воздействия на массы: в них входила пропаганда не только среди крестьян, но также среди рабочих непромышленных центров, организация стачек, повседневная борьба против налогообложения и бюрократических злоупотреблений, поддержка стихийных форм борьбы на селе. Позиции эсеров были особенно прочными в регионе Поволжья, где живы были еще воспоминания о Пугачеве. Группы их состояли преимущественно из мелких земских служащих, сельской интеллигенции (главным образом учителей), они находились в постоянном контакте с крестьянами, которые все еще мечтали о «второй вольнице».

Терроризм как метод борьбы не был отвергнут эсерами полностью. У них имелась «боевая организация», в которую нередко проникали двойные агенты. Эта организация продолжала действовать в традициях народнического терроризма 1870-х гг. В 1901—1904 гг. возобновились террористические акты, жертвами которых стали, в частности, министр народного образования Боголепов (1901 г.), министр внутренних дел Сипягин (1902 г.), Плеве, сменивший Сипягина на этом посту (1904 г.), великий князь Сергей, дядя императора (1905 г.). Эта серия убийств произвела большое впечатление и, несомненно, сыграла свою роль в контексте экономического, политического и социального кризиса.

Однако эсерам не хватало дисциплины, их действия определялись не конкретными планами, а скорее случайными обстоятельствами. В партию входили разнородные элементы, и по своей структуре она представляла собой полную противоположность партии ленинского типа. Каковы же были прогнозы эсеров на будущее? Газеты партии «Революционная Россия» и «Вестник русской революции» печатались за границей и распространялись в стране нелегально. В них один из лидеров эсеров В.Чернов так излагал свои взгляды на будущее: покончив с царизмом, России не следует идти вслед за странами Запада по пути промышленного капитализма, а избрать свой собственный путь к социализму. Для этого необходимо провести, как он считал, широкую земельную реформу, перераспределение земли в равных долях между всеми желающими на ней трудиться. При условии полной свободы труда независимые производители должны сами прийти к мысли о необходимости объединиться в коллективные хозяйства, и цель будет достигнута. Местная администрация, видя, что ее роль сходит на нет, сольется с коллективом производителей и исчезнет сама собой. Конечно, программа В.Чернова содержала немало утопического, многие аспекты оставались в тени — например, что будет с промышленностью? Однако план социал-революционеров был прост, он отвечал чаяниям крестьянства, и этим объяснялась широкая популярность эсеров в деревнях, жаждущих земли и равенства, вплоть до 1917—1918 гг.

Среди представителей других национальностей, населявших империю, наблюдалось крайнее различие в мнениях, различие, которое могло бы умело использовать правительство, сталкивая одних с другими. Политика же интенсивной русификации, проводимая правительством, только усиливала недовольство, не приводя в то же

время к объединению оппозиционных движений. Деление происходило по двум направлениям: между социалистами и националистами, а социалисты в свою очередь делились на сторонников социализма и федерализма. Лежал ли путь к независимости через единое революционное движение, нараставшее повсеместно, или же каждая нация должна была сама прийти к ней, настаивая в первую очередь на своих национальных правах? Таков был вопрос. То, что так точно подметил Отто Бауэр в Австро-Венгерской империи, было верно и для России: здесь происходило смешение классовых и национальных интересов. Повсюду национальная элита, как примкнувшая к социалистической доктрине, так и противостоящая ей, стояла перед выбором: полное отделение от России, вхождение в федерацию демократических полноправных государств или же борьба за социальный прогресс, который приведет впоследствии к национальной независимости. Примером крайней сложности национальных противоречий могла служить Польша. Те, кто не разделял идей социализма, делились на две группы: одна из них требовала большей автономии, ссылаясь на идеи панславизма, другая — просто независимости Польши. Что же касается социалистов, то не только сама Польская социалистическая партия (основанная в 1892 г. в Париже) делилась на сторонников вооруженного восстания и приверженцев легальной борьбы, но существовало также «крайне левое» крыло, возглавляемое Розой Люксембург. Оно в конечном итоге основало в 1900 г. вторую Польскую социалистическую партию. В ней главенствовал дух интернационализма, ее члены отказывались считать первостепенным вопрос о выходе Польши из-под опеки России, надеясь на грядущее истинное освобождение поляков после создания свободных социалистических республик в Германии, Австрии и России. Они враждовали с «крайне правым» крылом, возглавляемым Кульчицким; он предлагал проект федерального государства, считая, что солидарность трудящихся должна неизбежно привести к национальной и социальной независимости. Оставалось решить вопрос о форме автономии в федеральном государстве, будет ли она политической или ограничится культурной автономией. Те же вопросы волновали социалистов Армении и Грузии. После жестокой резни армян в Турции армянская революционная партия дашнаков (Дашнакцутюн) была больше настроена против Турции, чем против России. В то же время крымские татары всячески подчеркивали свою близость к туркам, и некоторые из их вождей, например Исмаил-Бей Распирали, пытались возродить истинную турецкую культуру в мусульманских областях Российской империи.

В оппозиции царскому режиму наиболее тесно сплотились финны; они яростно сопротивлялись русификации, которую неудачно пытались ускорить в 1899 г., вводя вместо финских традиций русские законы, а с 1903 г. насильственно заменив финский язык русским в административных учреждениях, подвергшихся русификации.

Эти раздробленные силы оппозиции казались не таким уж большим злом. С ними можно было бы легко справиться, если бы не наступил серьезный экономический кризис, который усугубил недовольство и активизировал оппозицию.

3. Кризис 1900 — 1903 гг.

Последствием экономической экспансии 1895 — 1899 гг. вскоре стал значительный спад производства, который распространился на Западную Европу и Соединенные Штаты. Рынок капиталовложений резко сократился, и кризис сильно ударил по экономике России, так как промышленные предприятия страны только недавно встали на ноги и нуждались еще в значительных банковских кредитах. Недавно построенные заводы вынуждены были в 1900 — 1901 гг. резко сократить производство, а то и вовсе остановить его. Осенью 1 899 г. в Санкт-Петербурге на бирже было объявлено о крахе двух крупных промышленников, что наделало много шума и свидетельствовало о наступлении тяжелых времен. Российское правительство потеряло возможность получать иностранные займы, следствием чего явилось немедленное сокращение государственных заказов, и это в стране, где для некоторых отраслей промышленности государство являлось основным заказчиком, а значит, и единственным движущим фактором развития экономики. Таким образом, кризис обнажил хрупкость промышленных отраслей, державшихся на государственных заказах и строительстве железных дорог. Действительно, промышленность, работающая на текущее потребление, почти не пострадала от кризиса. В то время как для горной и металлургической промышленности настали тяжелые времена, уровень производства тек-

стильной промышленности, например, остался неизменным. Как бы то ни было, в течение трех лет более 4 тыс. предприятий вынуждены были закрыться и уволить своих служащих. «Оздоровление» рынка все более явно шло путем образования промышленных объединений (картелей). Так, в июле 1902 г. под давлением французских и бельгийских металлургических предприятий образовался картель по продаже металлургических изделий — «Продамет», объединивший наиболее крупных производителей Донецкой области. В 1904 г. были созданы «Продуголь» для продажи угля, «Продвагон» для торговли железнодорожным оборудованием и множество других трестов, концернов и картелей. Это было доказательством того, что тяжелая промышленность России полностью вступила на путь концентрации производства. В социальном плане массовые увольнения вызвали волну безработицы, которая в свою очередь повлекла за собой возвращение в деревню рабочих, недавно устроившихся в городе. Так волна кризиса докатилась и до деревни.

1901 г. оказался неурожайным, ему предшествовал 1900 г,, достаточно средний по результатам. Повсюду в деревне давало себя знать перенаселение. И так уже нищенская оплата сельских тружеников упала еще ниже; традиционная задолженность крестьян-бедняков усилилась. Даже крупные помещики почувствовали на себе последствия кризиса: мировые цены на зерно снизились, что заметно повлияло на их доходы, так как не рос внутренний рынок. Витте был смещен со своего поста. Помещики обвинили его в развале деревни в угоду промышленности, которая не смогла устоять перед кризисом, пришедшим из-за границы.

Лишенные возможности модернизировать свои хозяйства, доведенные до нищеты перенаселением и низкими урожаями, крестьяне вынуждены были по высоким ценам арендовать земли у помещиков или захватывать их силой. В 1902 г., впервые с 1861 г., поднялась настоящая волна беспорядков в деревне. На Украине и Среднем Поволжье разразились бунты. Ведомства царского правительства насчитали только за период с 1902 по 1904 г. 670 «крестьянских восстаний». Обычно они начинались с разгрома помещичьих усадеб, затем крестьяне занимали поля и угодья своих помещиков, присваивали себе скот и сельскохозяйственный инвентарь.

Тем временем характер русской деревни постепенно менялся; с появлением сельских школ и развитием железнодорожного сообщения жизнь крестьян становилась менее замкнутой. Земствам удалось ввести хотя бы элементарную грамотность. Теперь уже 20 — 25% крестьян могли читать и передавать другим ту информацию, которая «носилась в воздухе», распространяемая, согласно донесениям полиции, «студентами и всякими агитаторами, переодетыми коробейниками, странниками или бродягами». По существу, речь шла о весьма приблизительной передаче содержания споров, шедших в земских собраниях или городских политических кружках либералов и радикалов. Министерство внутренних дел сообщало в донесении от 1902 г.: «Крестьяне охотно читают брошюры, передают их друг другу или устраивают общие чтения. Это укрепляет в них надежду на скорейший раздел помещичьих земель, которого они ждут с нетерпением». Расширению контактов сельского населения с внешней средой способствовало и то, что все молодое мужское население (за исключением старших сыновей в семье) отбывало всеобщую воинскую повинность, отрывавшую их на шесть лет от родной среды, а также ежегодный уход миллионов крестьян на работу в город во время «мертвого сезона». Все это способствовало возникновению нового поколения крестьян, не знавшего крепостничества, более образованного, более открытого, более независимого и «фрондирующего».

С возобновлением экономического производства, наметившимся в 1903 г,, городские рабочие вновь пришли в волнение. За один только 1903 г. бастовало более 200 тыс. рабочих. Так, нефтяники Баку, доведенные до крайности нищетой, одержали частичную победу над нефтяными компаниями в результате первого длительного столкновения с хозяевами. Они требовали прежде всего улучшения условий труда и повышения зарплаты. В стране, где какие бы то ни было формы забастовок были запрещены законом, требования нефтяников переросли в политическую борьбу: они стали бороться за право на забастовки, за признание их профсоюза, за политические свободы. Официальные правительственные профсоюзы оказались не у дел вследствие стихийных «неподконтрольных» забастовок, охвативших юг России в 1903 г. (Одессу и Ростов), Зубатов был смещен.

Наконец, волнения коснулись и студентов — наследников разночинной интеллигенции 1860 — 1870 гг., — число которых неуклонно увеличивалось (в 1890-е гг. оно удвоилось). Бюрократический аппарат империи вынужден был увеличиться в связи с модернизацией и индустриализацией общества. В конце 1890-х гг. студенчество уже не хотело мириться с «строгим ошейником» высших учебных заведений, лишенных всякой самостоятельности, соответствовавших замыслам Д.Толстого, одного из теоретиков самодержавного правления 1880-х гг. Студенты требовали автономии, в которой правительство, естественно, им отказывало. В феврале 18 99 г. полиция ворвалась в здание Санкт-Петербургского университета и расправилась со студентами.

Петербургским студентам угрожали в случае беспорядков отправкой в армию простыми солдатами. В ответ они стали бойкотировать занятия; в течение ряда лет в университете возобновлялись забастовки, которые вскоре перекинулись в провинцию. В марте 1902 г. состоялся подпольный всероссийский съезд студентов, на котором приверженцы либеральных взглядов и эсеры выступили друг против друга. В студенческой среде образовалась небольшая группировка, продолжившая традицию революционеров-народников максималистского толка; они-то и вступили в «боевую организацию» эсеров. Несмотря на строгость отбора студентов при приеме и исключения, высшие учебные заведения превращались в рассадник антиправительственной агитации.

«Все классы общества пришли в смятение», — писал в своих донесениях М.Бомпар, посол Франции в России в 1904 г.; в стране совершаются политические убийства, идут забастовки, крестьянские бунты, новые слои общества, охваченные идеями радикализма и обновленного народничества, превратились в оппозицию государству. Реакция властей не заставила себя ждать. Репрессии начались с того момента, когда в апреле 1902 г. министром внутренних дел был назначен Плеве. На все сложности обстановки он реагировал политическими и административными мерами. Для подавления крестьянских восстаний и рабочих забастовок была послана армия. Подверглись преследованиям евреи (в 1902—1904 гг. в Кишиневе и Одессе прокатились массовые погромы), правительство стремилось направить на них волну народного гнева. Все земские начальники, мало-мальски подозреваемые в либерализме, были смещены со своих постов. В 1903 г. Плеве признавался французскому послу Бомпару: «Меня выдвинули на этот пост как человека крепкой руки. Если я проявлю малодушие в проведении репрессий, смысла в моей деятельности не будет... Раз уж я начал, надо продолжать. Я сижу на пороховой бочке и взорвусь вместе с ней».

Нельзя точнее выразить безнадежность положения, в которое поставили самодержавие его непреклонность и отказ от каких бы то ни было реформ.

Глава II. Провал политической альтернативы (1905— 1914)

I. РЕВОЛЮЦИЯ 1905 — 1907 гг.: ПРОВАЛ ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ МОНАРХИИ

1. От русско-японской войны до Кровавого воскресенья

27 января 1904 г. японская эскадра врасплох напала на русский Тихоокеанский флот в Порт-Артуре и уничтожила его полностью. Этим военным действиям предшествовал длительный период напряженности в отношениях между двумя странами. Под влиянием безответственных советников Николай II уже в течение ряда лет проводил на Дальнем Востоке авантюристическую политику. В 1896 г. он получил от китайского правительства разрешение на строительство Транссибирской железной дороги, проходящей через Маньчжурию, и на беспрепятственное использование природных ресурсов, находящихся по обе стороны железнодорожного полотна (речь шла

о полосе шириной в 50 км). В 1898 г. Витте добился уступки в аренду Порт-Артура, где была создана военно-морская база. Боксерское восстание дало России повод выступить в качестве «защитницы» Маньчжурии. Однако продвижение России к берегам Тихого океана и границам Кореи встревожило Японию, перешедшую в то время к бурной экспансии. Столкновение между двумя империалистическими государствами уже можно было предугадать; оно становилось неизбежным, тщательно подготовленным с японской стороны, в то время как царское правительство, уверенное в собственных силах, ни в коей мере не избегало его. Тем сильнее было разочарование, постигшее Россию после разгрома 27 января 1904 г. Находясь на расстоянии 8 тыс. км от своих основных баз, царская армия терпела поражения одно за другим: на море вблизи Порт-Артура (31 марта 1904 г.), в Китайском море (14 августа) и, наконец, 20 декабря — сдача Порт-Артура. Вместо того чтобы вызвать единение народных сил, война, чуждая национальным интересам, с самого начала воспринималась русской общественностью как бессмысленный конфликт, результат некомпетентности власти. Повторилось то же, что и в Крымскую войну, — дух пораженчества овладел умами оппозиционеров. Ввязавшись в этот конфликт, власти совершили грубую политическую ошибку: на страну, уже находившуюся в глубоком экономическом кризисе, взвалили новый груз — непосильный.

15 июля 1904 г. Плеве был убит членами «боевой организации» эсеров. Сделав первую уступку общественному мнению, Николай II назначил на его место генерала князя П.Святополка-Мирского, который выразил готовность «применять законы либерально, однако не затрагивая основ существующего порядка». Такая программа, направленная на восстановление традиций «либерализма» Александра II и завершающая эру контрреформ, могла бы удовлетворить общество на 20 лет раньше. Осенью же 1904 г., когда складывалась оппозиция режиму, она была заведомо устаревшей. 6 ноября в Санкт-Петербурге открылся I съезд земств. На нем была принята программа, состоящая из 11 пунктов. Она повторяла основные требования либерального движения и настаивала на созыве, впервые в России, «свободно избранных представителей народа». Иными словами, речь шла о созыве национального собрания — органа, абсолютно несовместимого с самодержавным режимом. Вслед за съездом прошла так называемая «банкетная кампания» — ряд банкетов, организованных «Союзом освобождения» (левые либералы), — собравшая тысячи людей. Кульминацией этой кампании стал банкет, состоявшийся в столице в день годовщины восстания декабристов 1825 г., около 800 участников которого провозгласили необходимость немедленного созыва Учредительного собрания. В ответ на эту волну протестов 12 декабря был издан указ, в котором перечислялись насущные реформы, правительство обещало также смягчить цензуру, однако основной вопрос о создании выборного органа власти обходило молчанием. Два дня спустя появилось правительственное сообщение, официально предостерегавшее против любых выступлений, способных нарушить общественное спокойствие.

3 января 1905 г. 12 тыс. рабочих Путиловского завода прекратили работу в знак протеста против увольнения четырех своих товарищей. Стачка мгновенно распространилась на все предприятия губернии, и 8 января уже насчитывалось более 200 тыс. бастующих. Собрание русских фабрично-заводских рабочих, мощная официальная профсоюзная организация в духе зубатовских профсоюзов, возглавлялось тогда священником Г.Гапоном, весьма популярным благодаря своему скромному происхождению и, несомненно, присущей ему харизме, пользующимся бесспорным влиянием в столичной рабочей среде. Оппозиция обратилась к нему за помощью. Гапон предложил составить петицию-прошение, которую народ понесет своему государю. Трудно установить правду: был ли Гапон невольником той роли, которую ему пришлось играть, надеялся ли, что забастовочное движение найдет выход в призыве к царю-батюшке, помогал ли гигантской провокации или оказался жертвой соревнующихся между собой агентов полиции? Петиция, составленная 5 января, собрала за три дня более 150 тыс. подписей. Она представляла собой удивительную смесь настойчивых требований и мистической слепой веры во всемогущество царя: «Не откажи же в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества... свобода борьбы труда с капиталом — немедленно... а не повелишь — мы умрем здесь на этой площади перед твоим дворцом». Петиция, в сущности, отражала коллективное сознание рабочего люда, не порвавшего еще со своими крестьянскими корнями и, по существу, не затронутого социалистическими теориями.

Утром 9 января нескончаемый народный поток устремился к Зимнему дворцу, оставленному Николаем II еще 6 января. 150 тыс. мужчин, женщин и детей несли иконы и хоругви, пели псалмы и «Боже, царя храни!». Их встретили ружейные выстрелы, армия стреляла в народ, началась невероятная паника, в давке погибли несколько сотен человек, тысячи были ранены.

События Кровавого воскресенья вызвали поистине ошеломляющий отклик. То, что произошло в этот день, разбило вдребезги традиционное представление о царе — защитнике и покровителе. Газета «Право» писала, что рабочие унесли с собой в братскую могилу веру в живой источник правды и справедливости.

2. Два пути революции

С января по октябрь 1905 г. движение протеста против существующего строя ширилось и набирало силу по двум параллельным путям. Путь либеральных реформ избрали средние слои общества, интеллигенция и часть представителей высших слоев, ориентирующихся на политические модели западноевропейских стран и мечтающих о мирной революции, проводимой легальными путями, в итоге которой на смену самодержавию должна была прийти конституционная монархия. Второй путь объединял самые разнородные слои с плохо сформулированными устремлениями и самые разнообразные формы социального протеста: от крестьянских антифеодальных бунтов и смут до Советов, неизвестной доселе формы организации. Оба пути так и не слились воедино, несмотря на робкие и запоздалые попытки либералов «идти в народ» или на некоторые успехи социал-революционной пропаганды в крестьянской среде. Как бы то ни было, революционная лихорадка охватывала умы: всего лишь за несколько месяцев идеи, раньше волновавшие только отдельных политических деятелей — о всеобщих выборах, о созыве Учредительного собрания, о гарантии личных свобод, — распространились в самых широких кругах общественности. Эта «революция в умах» была, несомненно, самым глубоким и значительным изменением, которое в конечном итоге повлекло за собой события 1905 г.

В недели, последовавшие за Кровавым воскресеньем, страну захлестнула первая волна революционных событий: в большинстве городских центров России забастовочное движение охватило рабочих, особенно железнодорожников, металлургов, работников текстильной промышленности. Примечательны не столько количество бастующих (их было около 1 млн. человек), сколько их требования: в большинстве своем это были политические стачки, поддерживавшие рабочих столицы. Вне всякого сомнения, в рабочей среде формировалось классовое сознание. Политические требования, разумеется, не исключали экономических, таких, как повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и др.

Встревоженные размахом забастовочного движения, профсоюзы на службе у начальства, различные группы экономического давления, а также и деловые круги потребовали установления правопорядка, отказа от репрессивной политики, символом которой стал новый губернатор Санкт-Петербурга генерал Д.Трепов.

Чтобы избежать волнений в день юбилея отмены крепостного права и умерить возмущение либералов, Николай II подписал 18 февраля рескрипт, подготовленный министром внутренних дел А.Булыгиным. В нем предлагалось привлекать «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Реформы, однако, решено было проводить постепенно, с учетом исторического прошлого России. Они должны были непременно сохранить незыблемость основных законов империи. В тот же юбилейный день был подписан указ, разрешающий подавать петиции и приглашающий «частные лица и организации» доводить до сведения центральной власти свои предложения по улучшению государственной деятельности и благосостояния народа. Эта первая уступка властей, хотя и отвечала основным требованиям ноябрьского манифеста либералов 1904 г., пришла все же слишком поздно. Сознательно расплывчато сформулированный указ, исполнение которого возлагалось на комиссию, так никогда и не созванную, не мог удовлетворить оппозицию, настроенную на самое широкое толкование его смысла, т.е. на созыв не консультативного, а полноценного Учредительного собрания. Таким образом, вместо того чтобы успокоить волнения, законодательные акты от 18 февраля их еще и усилили. Следуя букве указа, научные общества, муни-

ципалитеты, думы, земские собрания вплоть до отдельных граждан стали засыпать правительство обращениями, резолюциями, просьбами, предложениями, широко публикуемыми на страницах прессы, все более и более бесстрашной. В истории государства это был первый случай столь откровенной свободы слова; популяризируя понятия, о которых ранее не было известно никому, пресса способствовала эмансипации умов. Параллельно шло создание группировок лиц свободных профессий и интеллигенции. Преподаватели университетов, журналисты, учителя, адвокаты, писатели, врачи, земские служащие организовывались в профессиональные союзы. К концу апреля уже существовало 14 союзов, в том числе Женский союз и Союз за равноправие евреев. 8 и 9 мая в Москве руководства различных союзов объединились в так называемый Союз союзов под председательством либерального историка П.Милюкова, недавно освобожденного из тюрьмы. Эта организация представляла собой радикальное крыло русского либерализма, она выступала за созыв Учредительного собрания, избранного всеобщим голосованием. Своей конечной целью руководители этого движения считали создание конституционной и демократической партии, объединяющей представителей всех свободных профессий.

Наряду с активностью средних классов и части интеллектуальной элиты, надеявшихся использовать бурление общества в своих интересах, ждущих развития парламентаризма и конституционных структур и объявлявших себя единственными представителями страны, народные силы как в городе, так и на селе развивались своим путем.

С приходом весны вновь вспыхнули крестьянские волнения. Беспорядки возобновились в Курской, Черниговской, Воронежской, Орловской, Пензенской и Саратовской губерниях. Крестьяне принялись вспахивать для своих нужд и косить помещичьи угодья, не довольствуясь выделенными им участками, делить между собой запасы зерна и сена, взятые из помещичьих закромов. В государственных и частных лесных владениях производились незаконные порубки, целые уезды отказывались от выплаты налогов и наборов в армию. Все эти стихийные, неорганизованные и раздробленные действия продолжали традиции земельных бунтов прошлых лет. До определенного времени насильственные действия были все же довольно редки. Крестьяне надеялись добиться своих прав законным путем, так как правительство учредило специальные комиссии, которые должны были рассматривать земельные вопросы. Тем временем либералы, в основном из Союза земских служащих, попытались частично упорядочить стихийные действия крестьян. Проникнув в их среду, они помогли крестьянам создать Всероссийский крестьянский союз, который вскоре примкнул к Союзу союзов и объявил о созыве летом того же года I съезда крестьян.

С приближением 1 мая возобновились волнения в рабочей среде. В мае — июне страну захлестнула новая волна забастовок. Правда, в большинстве своем они были мирными и не выдвигали политических требований, за исключением Польши, где под влиянием социалистов и на почве старой националистической неприязни к русским и казакам беспорядки приняли серьезный характер (в Варшаве и Лодзи несколько дней рабочие были на баррикадах). Требования рабочих были по традиции в основном экономическими: сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, медицинское страхование. Но на этот раз было также и требование признания права на забастовку. Несмотря на слабость забастовочного движения весной 1905 г., оно все же способствовало созданию новой структуры, а именно Советов, которым суждено было сыграть в будущем важную роль.

Первый Совет возник в Иваново-Вознесенске, крупном центре текстильной промышленности. Во время стачки 12 мая рабочие всех предприятий города выдвинули своих делегатов для ведения переговоров с начальством. Таким образом, было избрано около 100 делегатов, в большинстве ткачей, объединившихся в Совет делегатов Иваново-Вознесенска. Совет, в который входила незначительная группа политических деятелей (в основном меньшевиков), заседал наподобие крестьянского мирового совета за городом, прямо под открытым небом. Его члены проявили на редкость хорошие организационные способности и чувство ответственности. Совет взял на себя руководство стачкой, организовал курсы по ликвидации политической неграмотности, следил за поддержанием в городе образцовой дисциплины. Вскоре он стал единственным представителем интересов рабочих всей области, причем его признали власти и заводское начальство.

Однако переговоры с начальством провалились, и, просуществовав 65 дней, Совет объявил о самороспуске, ничего не добившись. Рождение первого Совета явилось важным этапом рабочего движения, появилась новая самобытная форма организации рабочих. Несколькими неделями позже пример Ивановского Совета был подхвачен рабочими одного из соседних городов — Костромы. Осенью того же года Советы ждал неожиданный успех.

Появление этой новой формы организации рабочих требовало ответной реакции социал-демократических движений Меньшевики приветствовали Советы в качестве «органов рабочего самоуправления», которые должны были, по их мнению, ускорить процесс роста политического самосознания пролетариата. Что же касается большевиков, они поначалу отнеслись к Советам с недоверием, опасаясь, что организация, возникшая стихийно, «снизу», станет соперничать с партией и поставит под вопрос ее руководство революционными действиями. Большевики переменили свое отношение к Советам значительно позже, в конце июля, когда была опубликована статья Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В ней он впервые сформулировал свой тезис о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». Ленин отводил Советам роль организаторов вооруженного восстания, они должны были стать орудием перехода к следующему этапу революции.

Волнения охватили также значительную часть моряков российского флота после поражения в Цусимской бухте (трагедия произошла 15 мая, когда русский Балтийский флот после семимесячного плавания прибыл в Корейский пролив, где был наголову разбит японцами) 15 июня на самом современном судне российского Черноморского флота и единственном не пострадавшем в бою броненосце «Князь Потемкин Таврический» вспыхнуло восстание. Несколько недель спустя броненосец, находившийся до того в Одесском порту, вынужден был сдаться румынским властям в Констанце. Конечно, это восстание было результатом не столько политической агитации нескольких моряков, сколько реакцией на грубую дисциплину, дурное обращение офицеров с моряками, на общую моральную усталость экипажа. Вспыхнувшее стихийно, восстание явилось показателем остроты кризиса, переживаемого российской армией. Однако время массового перехода армии на сторону революции еще не наступило, доказательством тому могут служить, с одной стороны, жестокие репрессии, примененные к одесским рабочим казачьими войсками, а с другой — отказ восставших моряков присоединиться к бастующим рабочим Одессы.

Цусимская трагедия знаменовала собой окончательное поражение России в войне с Японией. Брожение масс нарастало. Все это заставило либералов усилить давление на власти и потребовать от них уступок, необходимых, чтобы перевести в мирное легальное русло готовые вот-вот вспыхнуть беспорядки. Собравшиеся в Москве на чрезвычайный съезд земские представители единогласно проголосовали за обращение «К обществу», в котором еще раз провозглашалось требование установления выборного правления в рамках конституционной монархии. 6 июня делегация съезда представила Николаю II адрес с перечислением основных требований либералов. Спустя две недели Николай II, принимая представителей от консерваторов, вновь подтвердил неукоснительную приверженность старым принципам. Новый съезд земских представителей (6 — 8 июля) признал, что попытка компромисса 6 июня провалилась, и разработал настоящий проект конституции, используя вековой опыт государств Западной Европы.

В последние дни июля состоялся еще один важный съезд — I Всероссийский крестьянский съезд; на него прибыли около 100 делегатов из 22 губерний. Если образованный двумя месяцами раньше Всероссийский крестьянский союз выдвигал лишь требования конституционною порядка, этот съезд выступил с более решительными резолюциями: в отношении земельных реформ речь шла об отмене частой собственности на землю и экспроприации землевладельцев (с компенсацией или без, в зависимости от конкретного случая), в облает политической требовались избрание на всеобщих выборах Учредительною собрания, реформа кабальною налогообложения крестьян, отмена сословной иерархии.

Принятые резолюции отражали чаяния крестьян, высказанные ими на съезде и представлявшие собой своеобразный синтез либеральной политической программы, предложений эсеров, пропагандируемых земскими служащими и известных в де-

ревне через газеты, которые, по сообщениям полицейского донесения, «грамотные крестьяне читают ныне с полным доверием.., и большим интересом», а также традиционных крестьянских требований. На смену разрозненным местным выступлениям крестьянства рождалась политическая организация в масштабах страны. На четкие и основательные требования, исходящие от всех слоев общества, власти ответили заведомо устарелым проектом. 6 августа Николай II наконец подписал указ об учреждении новой Государственной думы. На деле но было совещательное собрание, в чьи обязанности входили лишь «предварительная разработка и обсуждение законодательных предположении», не касаясь основных законов империи. Дума была лишена всякой инициативы и не имела права голоса по вопросам бюджета. Выборы в нее должны были проходить по весьма сложной системе, сочетавшей сословный и имущественный ценз, что сокращало участие в выборах представителей средних слоев населения и полностью лишало рабочих всяких избирательных прав.

Указ от 6 августа вызвал всеобщее возмущение оппозиции. Либеральные газеты комментировали событие примерно так: «Вот поистине русская реформа — самодержавие в очередной раз отбирает одной рукой то, что дала другая». Вместо ожидаемого успокоения страна пришла в крайнее возбуждение во время предвыборной кампании Думу предполагалось избрать в январе 1906 г, а пока политическая борьба вспыхнула с новой силой Единственным выигрышем властей стал раскол либеральной оппозиции на сторонников и противников бойкота выборов.

Наиболее консервативная часть либералов высказывалась за участие в выборах, надеясь использовать будущую Думу, пусть даже устройство ее небезупречно, как трамплин для выдвижения новых требований. Что касается радикального крыла либерального движения (его представлял теперь Союз союзов, насчитывавший более 40 тыс. членов), то оно потребовало бойкота заранее фальсифицированных выборов, которые могут только дискредитировать саму идею демократии. Социалисты-революционеры в свою очередь высказались за бойкот. Их примеру последовали социал-демократы, так как выборы, из участия в которых были исключены рабочие, ничего им не сулили. Тем не менее как одни, так и другие надеялись использовать предвыборную кампанию в целях собственной пропаганды. Пока оппозиция, в значительном большинстве отрицающая любую форму цензитарного совещательного собрания, продолжала кампанию бойкота, оформилась выдвинутая в сентябре одновременно Союзом союзов и социал-демократами идея всеобщей стачки — единственного способа добиться от самодержавия мер, которых общество требовало с начала 1905 г.

3. Подъем революционного движения и Октябрьский манифест

В течение лета напряженность постепенно падала, однако в сентябре рабочее движение внезапно вновь усилилось. 1 9 сентября началась самая крупная всеобщая забастовка, какую когда-либо знала страна. Первыми забастовали типографские рабочие Москвы, потребовавшие пересмотра тарифных ставок за правку знаков препинания, которые должны были считаться целым словом. Троцкий писал тогда по этому поводу, что «...это маленькое событие открыло собой не более и не менее, как всероссийскую политическую стачку, возникшую из-за знаков препинания и сбившую с ног абсолютизм». В течение нескольких дней забастовки солидарности охватили многие московские предприятия, а затем распространились на Санкт-Петербург, где тоже первыми выступили печатники. 8 октября, когда движение уже шло на спад, распространился слух о том, что делегаты Союза железнодорожников арестованы. Тогда Союз призвал к стачке все железные дороги страны. Так из экономической забастовка переросла в политическую, так как речь шла теперь уже о защите прав профсоюзов, и превращалась в так долго ожидаемое и откладываемое испытание самодержавия на прочность. С 12 октября забастовка полностью парализовала всю железнодорожную сеть империи. Она охватила промышленность, сферу обслуживания, банки и даже страховые общества и торговлю. 14 октября в Петербурге, как и в Москве, встали и поезда, и весь транспорт, не выходили газеты, не работал телефон, не было электричества. Число бастующих достигло полутора миллионов. Провинция тоже не отставала: в Екатеринославе, Харькове, Одессе вспыхнули восстания рабочих, улицы покрылись баррикадами. 13 октября в Санкт-Петербурге образовался

Совет рабочих депутатов, в который вошли сотни делегатов, избранных бастующими ведущих предприятий города. В исполкоме Совета представители эсеров, меньшевиков и большевиков играли часто непропорционально значительную, если учесть их реальное влияние, роль, свидетельствовавшую о распространении их идей среди рабочих столицы. Совет рабочих депутатов 17 октября опубликовал свой первый информационный бюллетень (газету «Известия») с призывом ко всем бастующим вступить в контакт с ним — «единственным полноправным представителем трудящихся Санкт-Петербурга».

Видя остроту положения, Николай II обратился за помощью к Витте, которому недавно удалось подписать на более или менее приемлемых условиях мирное соглашение с Японией. 9 октября Витте представил государю меморандум с изложением текущего положения дел и программой реформ. Констатируя, что с начала года «в умах произошла истинная революция», Витте считал указы от 6 августа устаревшими, а поскольку «революционное брожение» слишком велико, он пришел к выводу, что надо принимать срочные меры, «пока не станет слишком поздно». Он советовал царю: необходимо положить предел самоуправству и деспотизму администрации, даровать пароду основные свободы И установить настоящий конституционный режим. Поколебавшись неделю, Николай II решился поставить свою подпись под текстом, подготовленным Витте на основе меморандума, но при этом царь считал, что нарушает присягу, данную во время вступления на престол. Манифест от 17 октября, вскоре названный «Манифестом свобод», сводился, по сути, к трем обещаниям:

— Даровать народу гражданские свободы на основе незыблемых принципов: неприкосновенности личности, свободы совести, свободы слова, свободы собраний и организаций.

— Не откладывая выборы в Думу, обеспечить участие в них трех слоев населения, которые, согласно указу от 6 августа, были лишены права голоса; новый законодательный орган должен был впоследствии разработать принцип всеобщих выборов.

— Ввести за непременное правило, что ни один закон не может войти в силу без согласия Думы, дабы избранники народа смогли на деле участвовать в контроле за законностью действий государя.

В таком виде Манифест представлял собой большую уступку, чем предполагалось сделать в законодательных актах от 18 февраля и 6 августа. Однако многие важные вопросы оставались неразрешенными: какова будет отныне роль самодержавия, о котором в Манифесте не говорилось ни слова? Как сочетать самодержавие и Думу? Почему в Манифесте не упоминается о конституции? Каковы будут полномочия новой Думы? Было ясно, что трактовка и применение столь двусмысленного текста будут зависеть от соотношения сил между самодержавием, уступившим лишь под давлением обстоятельств, и оппозицией, которая в большинстве своем уже хотела двинуться дальше. Однако в тот момент Манифест позволил самодержавию добиться двух положительных результатов. Он успокоил финансовые круги, от которых зависела выдача кредитов России. Французское, британское и германское правительства приветствовали появление Манифеста, видя в нем залог конституционного режима, который наконец-то приведет Россию на путь парламентаризма. С другой стороны, Манифест завершил раскол лагеря либералов, наметившийся уже в июне. Умеренные либералы, удовлетворившись первой победой, поддержали Манифест. Что же касается радикального крыла, которое как раз оформлялось в партию кадетов — конституционных демократов, — оно приняло Манифест настороженно. Социалисты-революционеры и социал-демократы всех оттенков не пошли на компромисс с самодержавием. Троцкий писал тогда, что пролетариат «не желает нагайки, завернутой в пергамент конституции».

Силы оппозиции разделились. В то время как либералы отдавали приоритет политической борьбе, рабочие, с головой окунувшись в октябрьскую всеобщую забастовку, все более отдалялись от идей либеральной оппозиции, которые были им близки в начале 1905 г., и выдвигали лозунг социальной революции. Оказавшись между двух огней — не желавшим идти на уступки самодержавием, с одной стороны, и натиском революции, несущей в себе угрозу насилия, с другой, — либералы в течение всего 1905 г. так и продолжали «метаться» между царем и народом. Они оказались не способными ни остановить разгул насилия, ни решительно возглавить народную революцию. Вынужденное временно пойти на уступки, царское прави-

тельство в дальнейшем сумело сыграть на расколе оппозиционных сил и не сдержало большинства обещаний, данных 17 октября 1905 г.

4. Поражение социальной революции и возврат к консерватизму

19 октября Витте был назначен на пост премьер-министра — должность, созданную ради укрепления нового принципа министерской солидарности. На него возлагалась задача обеспечить обещанные Манифестом 17 октября свободы, подготовить выборы в Думу, восстановить порядок. С первых же дней своего назначения Витте оказался в изоляции, столкнувшись с растущей неприязнью Николая II (называвшего своего премьер-министра «политическим хамелеоном») и двора, с недоверием даже самых умеренных либералов, таких, как Шипов и Львов, отказавшихся войти в правительство. Витте не сумел удержать равновесие между реформами и репрессиями и пошел по пути репрессий.

Октябрьский манифест представлял собой значительный этап в политической борьбе либералов, которую они вели уже более года. Однако он не смог ограничить революционные выступления только политическими требованиями и разрядить обстановку, особенно накалившуюся в последние месяцы 1905 г. Как только закончилась всеобщая забастовка в Санкт-Петербурге и в Москве (21 октября), вспыхнул мятеж на военно-морской базе в Кронштадте (26 — 27 октября). Следом за ним другой — на военно-морской базе в Севастополе. Под руководством лейтенанта П.Шмидта мятежники создали Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, которому суждено было просуществовать всего лишь с 11 по 15 ноября. Тем временем беспорядки охватили всю трассу Транссибирского железнодорожного пути — взбунтовались военные части, дожидавшиеся возвращения домой после окончания русско-японской войны.

Истолковав Манифест 17 октября как снятие всех запретов и под влиянием эсеровских решений II съезда крестьян (6—10 ноября, Москва), подтверждавших принцип национализации земли, стали бунтовать крестьяне. Кульминационной точки их волнения достигли в ноябре — декабре 1905 г. Движение охватило главным образом Симбирскую, Курскую, Черниговскую и особенно Саратовскую губернии. В ряде мест были разгромлены все помещичьи усадьбы. Правительство вынуждено было прибегнуть к суровым мерам — послать карательные войска, объявить во многих местах чрезвычайное положение, — чтобы остановить беспорядки, однако летом 1906 г. они возобновились. В разгар волнений консервативные силы организовали так называемые черные сотни, по образцу казачьих сотен. В них набирали как крестьян, так и городских люмпен-пролетариев, разжигая в них старые чувства антисемитизма. Пользуясь благосклонным покровительством царской полиции, черные сотни устраивали многочисленные погромы. Только за один октябрь число их перевалило за 150 — в основном в южных городах, где еврейское население составляло довольно значительный процент. 8 ноября при попустительстве Витте с помощью Трепова и нового министра внутренних дел Дурново крайне правые круги создали «Союз русского народа» во главе с А.Дубровиным и В.Пуришкевичем. Провозгласив лозунг «Православие, самодержавие и народность», они призвали к борьбе против «внутренних врагов».

Самым значительным испытанием, выпавшим на долю правительства Витте в последние месяцы 1905 г., оказалось его противостояние Санкт-Петербургскому Совету, а затем и Московскому Совету рабочих депутатов. Санкт-Петербургский Совет, сформировавшийся 13 октября во время всеобщей забастовки преимущественно из депутатов, избранных на предприятиях, и членов революционных партий, сумел добиться постоянного роста своего влияния и в конце концов стал представлять интересы половины наемных рабочих столицы. Так, после публикации Октябрьского манифеста, стоящий во главе Совета адвокат-меньшевик Хрусталев-Носарь продолжал агитировать рабочих за борьбу вплоть до полной победы над царской властью. 2 ноября Совет призвал рабочих на новую всеобщую забастовку, требуя от царского правительства отменить военное положение в Польше и суд над кронштадтскими мятежниками. Однако три дня спустя Совет вынужден был свернуть забастовку, так и не добившись уступок от правительства. Спустя некоторое время Совет провозгласил

восьмичасовой рабочий день на заводах, но владельцы объявили локаут, и Совету пришлось «временно приостановить» введение объявленных мер. Повторные поражения вызвали у рабочих чувство бессмысленности борьбы, чем воспользовалось правительство для контратаки. 25 ноября власти арестовали Хрусталева-Носаря; его сменило коллективное руководство Советом, среди членов которого выделялся молодой талантливый оратор, меньшевик Троцкий. 3 декабря во время заседания были задержаны все 267 делегатов Совета. Таким образом, Санкт-Петербургский Совет рабочих депутатов за пятьдесят пять дней своего существования из обычного стачечного комитета сумел превратиться в некий рабочий парламент, где большинство рабочих столицы, пользуясь немыслимой еще несколько месяцев назад свободой собраний и слова, смогло познакомиться с политическим словарем и понятиями, которые раньше были в ходу только у немногих посвященных. Санкт-Петербургский Совет продолжил опыт Ивановского Совета. К концу 1905 г. в главных промышленных центрах страны уже насчитывалось несколько десятков Советов.

В конце ноября рабочие волнения в стране вспыхнули с новой силой. Идея Ленина, высказанная в статье «Две тактики...», о необходимости вооруженного восстания для вступления в следующий этап революции, проникала все глубже в сознание масс. Ее воплотил в жизнь Московский Совет, основанный 22 ноября и объединивший членов различных социалистических партий, избранных в результате многоступенчатых выборов. Довольно многочисленные в Совете большевики организовали «боевые дружины». 2 декабря в одной из частей Московского гарнизона начались волнения. Совет решил, что пришло время действовать, и назначил на 7 декабря начало всеобщей политической забастовки и восстания, которое должно было свергнуть царскую власть. Несмотря на поддержку значительного числа бастующих, Совету все же не удалось, как в октябре, остановить работу жизненно важных отраслей, в частности железнодорожного транспорта. Восстание было обречено. За четыре дня (15—18 декабря) войска под командованием адмирала Дубасова сумели расправиться с очагами восстания, во главе которых стояли боевые отряды большевиков, сконцентрированными главным образом в районе Пресни, на западе Москвы. Несмотря на неудачу, революционеры сочли, что итоги восстания не были только отрицательными. Если еще год назад рабочее движение было «политически аморфным и лишенным классового сознания», то опыт, приобретенный революционным Советом в ходе восстания, полностью преобразил его, окончательно убив в рабочих патриархальные иллюзии и лояльность по отношению к монархии. В исторической перспективе разгром Советов способствовал укреплению в стране консервативных позиций, а вызванная им жесткая политика репрессивных мер окончательно остановила реформы и «мирное обновление» России.

Власти, почувствовав силу в борьбе с социальной революцией, решились пересмотреть свои обещания, данные 1 7 октября. Всего за несколько месяцев они превратились «в недостижимые золотые яблоки сада Гесперид», как с горьким юмором писала газета «Право». Первая из обещанных свобод — неприкосновенность личности — была не более чем пустым звуком, ибо кругом шли аресты подозреваемых. За один только декабрь 1905 г. в столице было арестовано около 2 тыс. человек. Весной 1906 г. общее число заключенных в тюрьмы и высланных превысило 50 тыс. человек. Такого количества репрессированных при царской власти еще никогда не было.

С принятием 24 ноября «Временных правил» пресса пользовалась относительной свободой. Однако несколько месяцев спустя гораздо более жесткие правила вновь ограничили свободу прессы. Право на забастовку фактически сводилось на нет законом от 2 декабря, запрещающим бастовать государственным служащим, служащим общественных учреждений и рабочим предприятий, «жизненно важных для экономики страны».

О свободе слова и говорить было нечего. Как могла она сочетаться с законом от 13 февраля 1906 г., согласно которому можно было подвергнуть преследованиям любое лицо, виновное в «антиправительственной пропаганде»? Принятая 11 декабря реформа избирательной системы обманула надежды либеральной оппозиции, хотя по сравнению с законом от 6 августа все же представляла собой шаг вперед. Избирательный ценз стал менее суровым, 25 млн. человек получили право голоса. Однако выборы оставались многоступенчатыми, а права избирателей — неравными. Все избиратели делились па четыре курии (помещики, горожане, рабочие и крестьяне).

Каждая из них выбирала своих «полномочных избирателей» в избирательные округа. Закон о выборах, очень сложный и запутанный, стремился в первую очередь обеспечить права помещиков, а затем — крестьянства (в деревне оно составляло 43% полномочных избирателей), так как считалось, что крестьянство придерживается консервативных взглядов. Полномочия Думы, таким образом, заранее сильно ограничивались. Накануне предвыборной кампании правительство решило провести реформу Государственного совета. Из административного органа он превращался в верхнюю палату будущего парламента, преданную власти и имеющую равные с Думой законодательные полномочия.

Одновременно с этими мерами 24 апреля, всего лишь за три дня до открытия Думы, были приняты Основные законы, сильно ограничивающие ее законодательные, бюджетные и политические права. Дума лишалась законодательной инициативы и не могла преобразоваться в Учредительное собрание. Ей запрещалось обсуждать вопросы, относящиеся к «ведению государя», такие, как дипломатические, военные, вопросы отношений, в том числе экономических, с другими странами и внутренние дела двора. Финансовые прерогативы Думы были еще более куцыми, чем законодательные. В ее компетенцию не входили все затраты, связанные с вопросами «ведения государя», а также с государственной задолженностью; в конечном итоге половина бюджета страны не подлежала контролю со стороны Думы. Государь сохранял «высшую самодержавную власть» (из официальных документов было исключено лишь слово «безграничную»); в перерывах между сессиями Думы (а время сессий определялось государем) только он мог провозгласить и утвердить новый закон, объявить или снять чрезвычайное положение, приостановить по своей воле действие любого закона или гражданских свобод. Министры назначались и снимались со своих постов по его соизволению и отвечали за свои действия перед ним одним. Таким образом, о парламентском правлении не могло быть и речи.

Единственной неудачей консервативной реставрации, блестяще проводимой Витте, стали выборы в Думу. Закон о выборах делал ставку на монархические и националистические чувства крестьянской массы. В действительности же крестьяне поддержали оппозиционные партии. Даже учитывая, что страна не имела такого опыта, выборы, растянувшиеся на три недели (с 26 марта по 20 апреля 1906 г.), прошли самым несовершенным образом. Власти мало вмешивались в спокойный ход выборов; участие в них приняла только половина избирателей. Это были первые выборы за всю историю России. Многие партии оспаривали голоса избирателей:

— Союз русского народа — крайне правая партия, националистическая по духу, придерживающаяся монархических и антисемитских взглядов.

— Союз 17 октября (так называемые октябристы) — представлял умеренное крыло либерального движения, вполне удовлетворенное обещанными свободами и созывом Думы.

— Партия конституционных демократов (кадеты) — левое крыло либералов, объединявшее земских представителей, стоящих на конституционных позициях, а также более радикальные элементы из профессиональных союзов. В отличие от октябристов кадеты считали Манифест 17 октября началом политической борьбы, которую они намеревались продолжить в самой Думе, с целью установления подлинного парламентского правления в стране. Ввиду того что большинство социалистических партий бойкотировало выборы, кадеты сумели привлечь на свою сторону множество избирателей, не только из своей среды — просвещенной буржуазии и среднего сословия, — но и представителей национальных меньшинств, в защиту которых они выступили, а также часть крестьян, которым они обещали проведение земельных реформ.

Что касается социалистических партий, они в целом остались верны политике бойкота выборов. Однако позиции их были различными. Наиболее последовательно политику бойкота проводили большевики, не выдвинув в Думу ни одного депутата. Меньшевики же приняли активное участие в выборах, и им удалось провести нескольких депутатов, главным образом от Грузии. Эсеры бойкотировали выборы, на их места тут же были избраны депутаты от близких к эсерам крестьянских кругов, которые образовали впоследствии фракцию трудовиков.

Результаты выборов были обнародованы 20 апреля. Исходя из них можно сделать несколько общих выводов:

1. Несмотря на все оградительные меры, такие, как избирательный ценз и многоступенчатые выборы, власти потерпели относительное поражение на выборах. Крайне правые партии и октябристы получили всего лишь 10% голосов. Выборы наносили жестокий удар по основному догмату самодержавия — нерушимому единству царя и народа.

2. Большинство крестьян, вместо того чтобы поддержать на выборах тех, кто считал себя их естественными защитниками, помещиков или местных государственных служащих, проголосовало за своих собственных кандидатов или за кандидатов оппозиции. Таким образом, в Думу были избраны около 100 беспартийных депутатов, стоящих на позициях аграрных реформ, и еще 100 депутатов — трудовиков.

3. Главную победу на выборах одержала партия кадетов, получившая более трети всех мест. Это был результат весьма умелой кампании, которую провели лучшие публицисты и ораторы страны. Конфликт между оппозиционно настроенной Думой, считавшей себя хранительницей национального суверенитета, и государем, претендующим на роль носителя исторической и монархической законности, стал неизбежен. Но борьба оказалась неравной.

За несколько дней до открытия Думы Витте подал в отставку (14 апреля), получив перед этим весьма значительный заем, более чем половину которого предоставило правительство Франции. Заем спас царский режим от финансового краха. Витте критиковали как либералы, так и консерваторы. Последние обвиняли его в своем провале на выборах. Отставка Витте знаменовала собой серьезное поражение: обновления самодержавия по прусской модели не получилось.

5. Первая Дума и конец парламентских иллюзий

Дума торжественно открылась пышным заседанием, па котором председательствовал Николай II. Но не прошло и недели, как ее представители приняли (5 мая) обращение к правительству, в котором снова выдвигались основные требования либералов: речь опять шла об установлении всеобщих выборов, об отмене всех ограничений на законодательную деятельность Думы, о личной от-ветственности министров, отмене ограничительных законов, о Государственном совете, о гарантии гражданских свобод, включая право па забастовку, отмене смертной казни, разработке аграрной реформы, пересмотре налогообложения, введении всеобщего и бесплатного образования, удовлетворении требований национальных меньшинств, полной политической амнистии. Этот документ явился отражением тактики депутатов от оппозиции, которые вошли в состав Думы с целью расширить ее внутренние полномочия и преобразовать ее в полноправный парламент. Они были убеждены, что царь не посмеет тронуть «народных представителей», тех, кого считали «единственными спасителями России», в силу чего воображали себя неуязвимыми. Однако правительство, руководимое послушным и посредственным премьер-министром И.Горемыкиным, категорически отвергло все эти требования. Получив отказ, Дума приняла большинством голосов (против семи) вотум «полного недоверия» правительству и потребовала его «немедленной отставки». Двух недель хватило, чтобы между правительством и Думой произошел окончательный разрыв. Правительство в свою очередь бойкотировало Думу, предоставляя на ее рассмотрение лишь законы второстепенной важности. Ей оставалось только использовать право депутатов на парламентский запрос. В течение Нескольких недель 379 запросов были поданы в адрес правительства, которое отклонило их все или проигнорировало. Депутатская ассамблея приняла также проект аграрного закона, согласно которому крестьяне могли бы за «справедливую компенсацию» получить арендуемые ими земли. Правительство сочло, что этот вопрос не входит в компетенцию Думы, будучи слишком важным для страны, и 9 июля распустило Думу. То, что поводом для роспуска Думы послужил именно аграрный вопрос, в то время как большинство депутатов выражали чаяния крестьянства, не могло остаться без последствий. Представитель либеральных кругов князь Е.Трубецкой писал Николаю II: «Теперь, когда Дума распущена, они убеждены, что причиной роспуска послужил отказ в наделении землей. И ваши со-

ветники переложили ответственность за этот отказ на монарха. Они сумели превратить вопрос земельный в вопрос династический, в вопрос об образе правления. Они отдали крестьянство в жертву той самой республиканской пропаганде, за которую еще так недавно бросали в огонь агитаторов». 9 июля вечером 182 депутата — представители оппозиции (кадеты, трудовики, меньшевики) — собрались в Выборге и составили манифест. Он призывал к отказу от выплаты налогов и от воинской повинности «вплоть до созыва нового народного представительства». «Выборгское воззвание» преследовало двойную цель. С одной стороны, выразить общественное неодобрение авторитарным действиям правительства, с другой — предупредить взрыв народного возмущения, облекая его в приемлемые формы протеста, чтобы сохранить шанс на установление конституционного правления. По сути дела, воззвание не получило в стране достаточного отклика и имело только один результат: его составители подверглись судебным преследованиям и тем самым потеряли возможность баллотироваться в состав следующей Думы. Партия кадетов лишилась своего руководства.

6. Вторая Дума — доказательство невозможности политического обновления

Подчинять оппозицию и усмирять последние революционные беспорядки выпало на долю сменившему Горемыкина на посту премьер-министра П.Столыпину, министру внутренних дел в предыдущем кабинете. Борец за сохранение монархии путем ее модернизации, монархист-консерватор по воззрениям, бывший предводитель дворянства в Ковно, где, наблюдая жизнь польско-литовских крестьян, стал убежденным сторонником частной собственности, он направил свою деятельность на решение трех основных задач: подавление волнений, контроль за выборами во Вторую Думу и аграрный вопрос.

Крестьянские бунты, вспыхнувшие во время обсуждения аграрного вопроса на заседаниях Первой Думы, были жестоко подавлены с помощью специальных карательных отрядов и массовых репрессий. Чудом избежав покушения со стороны эсеров (12 августа 1906 г.), Столыпин учредил множество военно-полевых судов, которые в течение восьми месяцев вынесли около 1000 смертных приговоров. Одновременно с этим в ходе подготовки новой избирательной кампании Столыпин направил свои усилия на подрыв деятельности оппозиционных партий. 260 ежедневных и периодических изданий были приостановлены с июля по октябрь 1906 г. Обещанная в 1905 г. свобода слова была забыта. Власти прибегли еще к одному достаточно действенному средству борьбы с оппозицией: оппозиционным партиям было отказано в «административной санкции», своего рода свидетельстве лояльности по отношению к властям, без которой ни одна партия не могла проводить публичных заседаний. Воспользовавшись роспуском Думы, Столыпин подготовил два ставших знаменитыми земельных закона. Согласно первому (от 5 октября 1906 г.), крестьянам наконец-то предоставлялись равные с остальным населением страны юридические права. Второй закон (9 ноября 1906 г.) разрешал любому крестьянину, обрабатывающему землю на условиях общинного землепользования, в любой момент потребовать причитавшуюся ему долю в полную собственность. Цель данного закона, подписавшего смертный приговор извечной крестьянской общине, — повернуть аграрную проблему другой стороной: вместо того чтобы экспроприировать помещиков, обезземеливалась община, так как принадлежащие ей земли распределялись между крестьянами. Однако требовалось еще согласие последних на разрушение института, только укрепившегося в ходе революционных событий. За это время — пока составлялись крестьянские запросы и проходили земельные бунты — община утвердилась как настоящий орган крестьянского самоуправления. И вновь в центре конфликта между правительством и Второй Думой, собравшейся 20 февраля 1907 г., встал земельный вопрос.

Предвыборная кампания прошла не без вмешательства и давления на избирателей со стороны властей, однако Вторая Дума оказалась еще более радикальной, чем Первая. В нее вошли более 100 депутатов-социалистов (37 эсеров, 66 социал-демократов, на 2/3 меньшевиков), около 100 трудовиков, 100 кадетов и 80 депутатов от национальных меньшинств трудно определяемой политической ориентации; октябристов было всего лишь 19, монархистов — 33. В итоге кандидаты от правитель-

ственных партий составили в Думе весьма незначительную фракцию, в то время как подавляющее большинство оказалось в оппозиции.

Наученная предшествующим опытом, Дума решила действовать в рамках законности, избегая ненужных конфликтов. Комиссии приступили к разработке многочисленных законопроектов. После начального периода затишья с марта по апрель 1907 г. споры разгорелись по двум вопросам: аграрной политике и принятию чрезвычайных мер против революционеров. Правительство потребовало осуждения революционного терроризма, но большинство депутатов отказались это сделать. Более того, 17 мая Дума проголосовала против «незаконных действий» полиции. Тем временем повсюду возобновились террористические и контртеррористические акции (только за май погибло несколько сот человек). Под давлением консервативной прессы, в которой Дума называлась «рассадником бунтов и неповиновения», «прибежищем еврейского мракобесия и терроризма», правительство решило объявить о ее роспуске, но, чтобы не связывать его вновь с аграрным вопросом, обвинило многих депутатов в заговоре против царской семьи. 1 июня Столыпин потребовал от Думы исключения 5 5 депутатов (социал-демократов) и лишения 16 из них парламентской неприкосновенности. Не дожидаясь ее решения, Николай II сам объявил 3 июня о роспуске Думы и назначил созыв очередной Думы на 1 ноября 1907 г. В манифесте, провозгласившем роспуск Думы, было также объявлено о коренных изменениях в законе о выборах. Данная мера полностью противоречила Основным законам, принятым в 1905 г., согласно которым любые изменения требовали предварительного согласия двух палат. Новый закон разрабатывался в условиях абсолютной секретности в течение нескольких последних месяцев. Он ужесточал избирательный ценз основных избирателей, сокращал представительство крестьян и национальных меньшинств, увеличивал неравенство в представительстве различных социальных категорий. Теперь голос одного помещика равнялся голосам 7 горожан, 30 крестьянских избирателей или 60 рабочих. Период, который открывался Манифестом 17 октября 1905 г., когда была сделана первая в истории попытка сочетать самодержавный режим с конституционной формой правления, пришел к концу. «Проклятый закон», как прозвали в народе закон о выборах, вновь возвращал страну к самодержавию.

На данном этапе победа была, несомненно, на стороне царской власти. Страна, уставшая от двух с половиной лет беспорядков, не прореагировала на принятие нового закона о выборах. Правительство получило покорную Думу, функции которой ограничивались утверждением представленных ей законов. Таким образом, государственный переворот 3 июня 1907 г. знаменовал собой поражение революции 1905 г. и явное восстановление самодержавия, которому удалось отказаться от большинства уступок, вырванных под давлением оппозиции 17 октября 1905 г. Однако 1907 г. никоим образом не был возвратом к 1904 г. По словам Витте, «революция в умах» свершилась, и сила ее превосходила силу существующего режима. Страна пробудилась к политической жизни, самодержавие не представлялось отныне единственно возможной формой правления, вопрос о выборе режима стоял на повестке дня. Поначалу, в 1905 г., казалось, что от такого политического «пробуждения» выиграли либералы. Они лучше других выражали требования низших слоев населения, но в 1907 г. их время было упущено, и попытка укоренить Думу на почве новой государственной законности провалилась. Концепция либеральной парламентской революции, которая могла бы привести мирным путем к конституционной демократии, потерпела поражение. Вместе с тем либералы хотя и не обладали реальной властью, но составляли большинство в обеих Думах и оказались достаточно приближенными к власти, чтобы тем самым дискредитировать себя в глазах значительной части народных масс, руководство которыми они не взяли на себя из-за страха перед яростью стихии. Народное движение все больше подпадало под влияние других идей, в особенности социалистических. В итоге события 1905—1907 гг. не привели Россию к политической интеграции с демократическими режимами остальных европейских стран. Они всего лишь подорвали доверие к либералам и усилили конфронтацию между представителями крайних течений.

II. СТОЛЫПИНСКИЕ РЕФОРМЫ: ПРОВАЛ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА

1. Основы «обновления» страны

Отделавшись от оппозиционной Думы, Столыпин в течение четырех лет (с июля 1907 по сентябрь 1911 г.) пытался проводить политику авторитарную и консервативную, но разумеется, «просвещенную», основанную на твердой решимости обновить страну и укрепить свою власть на иной основе, нежели полицейские репрессии. С этой целью он воспользовался, и небезуспешно, ростом националистических настроений в среде русской буржуазии. Согласно концепции Столыпина, модернизация страны требовала трех условий: первое — сделать крестьян полновластными собственниками, чтобы наиболее «крепкие и сильные», освободившись от опеки общины, могли обойти «убогих и пьяных»; второе — осуществить всеобщее обучение грамоте в обязательной для всех четырехлетней начальной школе. Еще будучи предводителем дворянства в Ковно, Столыпин писал по этому поводу, что только грамотность поможет распространению сельскохозяйственных знаний, без которых не может появиться класс настоящих фермеров; и, наконец, третье — необходимо было добиться усиленного роста промышленности, подкрепленного развитием внутреннего рынка.

Разрушению крестьянской общины способствовал не только указ от 9 ноября 1906 г., но и другие законы 1909—1911 гг., предусматривавшие роспуск общин, с 1861 г. не подвергавшихся разделу, и возможность его проведения решением простого большинства, а не двух третей членов общины, как было ранее. Власти всячески способствовали дроблению и обособлению крестьянских хозяйств. Если хозяйство оставалось на территории села, оно получало название отруба, если оно находилось вне его пределов — хутора. Государство также помогло многим крестьянским семьям в приобретении земель через посредство Крестьянского банка. Банк перепродавал в кредит земли, скупленные ранее у помещиков или принадлежавшие государству. Между 1905 и 1914 гг. в руки крестьян перешли таким путем 9,5 млн. га земли. Эта политика была весьма разумной в отношении наиболее работоспособной части крестьян, она помогла им встать на ноги, однако не могла решить аграрную проблему в целом. Крестьяне-бедняки не смогли воспользоваться реформами. Они были вынуждены наниматься батраками, переселяться в города, где работали подсобными рабочими, или уезжать в осваиваемые регионы страны. Правительство всячески поощряло, например, заселение Сибири, Кредиты, отпускаемые переселенцам, увеличились в четыре раза по сравнению с периодом 1900—1904 гг. Однако это не оправдало надежд правительства и не дало должных результатов. Переселенцы предпочитали обосновываться в уже обжитых местах, таких, как Урал, Западная Сибирь, нежели заниматься раскорчевыванием безлюдных лесных зон. Между 1907 и 1914 гг. 3,5 млн. человек выехали на заселение Сибири. Вскоре 1 млн. из них вернулись в европейскую часть России, а многие вообще так и не тронулись с места. Накануне первой мировой войны России еще была неизвестна тяга на Восток, которую можно сравнить с американским освоением Запада. В 1 8 9 7 г. в Сибири насчитывалось 8,2 млн. жителей; в 1917 г. их было уже 14,5 млн., что составляло менее одной десятой населения Российской империи.

В целом можно сказать, что аграрным реформам Столыпина не хватало времени. Примерно за десять лет только 2,5 млн. крестьянских хозяйств удалось «освободиться» из-под опеки сельской общины. Движение за упразднение «мирского» правления на селе достигло наивысшей степени между 1908 и 1909 гг. (около полумиллиона запросов ежегодно, что свидетельствовало об одном из сокровенных желаний многих крестьян выйти из-под опеки «мира»). Однако впоследствии это движение заметно сократилось. Случаи полного роспуска общины в целом были крайне редкими (всего 130 тыс. случаев). «Свободные» крестьянские землевладения составили лишь 15% общей площади обрабатываемой земли. Едва ли половине работавших на этих землях крестьян (1,2 млн.) достались отруба или хутора, закрепленные за ними постоянно, как собственность. Между тем это был наиболее важный этап, так как только он превращал крестьянина в настоящего собственника, хозяина достаточного для жизни

надела. Собственниками смогли стать лишь 8% общего числа тружеников, но они терялись в масштабах страны. Вскоре, под натиском революционных событий между 1917 и 1921 гг., дрогнувшая было сельская община вновь окрепла.

Не хватило также времени для проведения в намеченный десятилетний срок и школьной реформы, утвержденной законом от 3 мая 1908 г. (предполагалось ввести обязательное начальное бесплатное обучение для детей с 8 до 12 лет). И все же с 1908 по 1914 г. бюджет народного образования удалось увеличить втрое, было открыто 50 тыс. новых школ. Всего же в стране в 1914 г. насчитывалось 150 тыс, школ, тогда как требовалось 300 тыс. Иными словами, для реализации плана всеобщего начального обучения детей такими темпами, как в 1908 — 1914 гг., требовалось еще не менее 20 лет.

2. Политические и идеологические преимущества

Для проведения своей линии Столыпин умело воспользовался экономическими и политическими «козырями», находящимися в его руках.

В Третьей Думе, прозванной «господской», так как она была избрана на неравноправной основе (курия помещиков и первая городская курия, то есть менее 1% населения, объединяли 65% избирателей), значительное большинство правых, «правительственный блок» (225 депутатов от националистов и октябристов), противостояло ослабленной новой избирательной системой оппозиции (52 кадета, 26 депутатов от национальных меньшинств, 14 трудовиков и 14 социал-демократов). Вплоть до 1909 г. благодаря позиции октябристов отношения между правительством и Думой оставались хорошими. Партия октябристов была одной из ведущих в Думе. Ее возглавил А.Гучков, внук крепостного крестьянина, разбогатевшего на производстве тканей. Начиная с 1909 г.»взаимоотношения между Гучковым и Столыпиным ухудшились, камнем преткновения явился в особенности вопрос о военных расходах страны, которые Гучков стремился поставить иод непосредственный контроль Думы. Но к тому времени на волне национализма в деловых кругах часть октябристов, представлявших интересы русской буржуазии, пошла на сближение с властями, и в 1909 г. партия раскололась. Часть депутатов объединилась с представителями правых националистических кругов умеренного толка, образовав новую группировку — Партию русских националистов, которую возглавил П.Балашов. Эта группировка впоследствии превратилась в «законодательный центр» Третьей Думы. На него вплоть до 1911 г. опирался Столыпин. Националистический угар за эти годы распространился и на более левые круги. Разумеется, кадеты оспаривали антисемитские, ксенофобные лозунги крайне правых, тем не менее их, несомненно, притягивала идеология национализма, которая в то время в России, как и в других странах Европы, представляла собой альтернативу социализму. Социалистическая идеология в России теряла популярность.

Столыпин использовал в своих целях как раздробленность революционной оппозиции, так и отсутствие согласия среди радикально настроенной интеллигенции. Если в 1905 г. обстоятельства вынудили революционеров разных взглядов сплотиться, то после поражения революции разнородность движения ослабила его и расколола. Многим революционерам пришлось вновь эмигрировать. Надежда Крупская хорошо описала образ мышления эмигрантов-революционеров, считавших себя гражданами некоей собственной республики. Потеряв дом, семью, родину, они подчинялись только своим собственным законам, особому кодексу чести революционеров, ритуалу своих собраний. Между ними существовала строгая иерархия, с собственными ренегатами и отщепенцами, и каждый из них действовал в соответствии с той идеологией, которую он исповедовал.

1907—1911 гг. стали годами спада революционного движения. Разрешенные с марта 1906 г. профсоюзы сократились с 250 тыс. членов в 1907 г. до 12 тыс. в 1910 г.; число бастующих рабочих снизилось до 50 тыс. В партии социалистов произошел окончательный раскол из-за полярности выводов, сделанных каждой фракцией социал-демократов из поражения революции 1905—1907 гг. Меньшевики, проанализировав провал московского восстания в декабре 1905 г., пришли к мнению, что Россия еще не созрела для социальной революции. Пока следовало предоставить инициативу

буржуазии, помочь ей свергнуть царский режим, а главное — не спугнуть ее начинаний. Большевики же на опыте революции 1905—1907 гг. пересмотрели свою революционную тактику и предложили новый план действий, более приемлемый для специфических условий России, как подтвердило будущее. Большевики считали, что слишком рискованно доверять буржуазии руководство будущей революцией, — как показал провал либерального движения, у буржуазии нет ни сил, ни подлинного желания уничтожить самодержавие и осуществить коренные социальные перемены. Только рабочий класс в союзе с крестьянской беднотой, следуя за авангардом профессиональных революционеров, сможет принудить буржуазию осуществить новую революцию, в которой Советы сыграют важную роль — не только организуют пролетариат и защитят его от буржуазии (как того желали меньшевики), но станут своего рода прообразом революционной диктатуры пролетариата. Приобретала конкретные черты мысль об ускоренном переходе к следующему революционному этапу — к демократической революции, воплощенной и поддержанной Советами.

Однако на данном этапе шла междоусобная борьба различных тенденций, а конструктивных действий было мало. На IV (Стокгольм, апрель 1906 г.) и V (Лондон, май 1907 г.) съездах партии сохранилось лишь внешнее ее единство. Полемика разгорелась с особой силой по вопросу об экспроприациях, осуществленных подпольными большевистскими отрядами. Самая известная из этих акций была проведена 13 июня 1907 г. Тер-Петросяном, соратником Сталина. Он изъял из Государственного банка в Тифлисе 340 тыс. руб. Меньшевики и часть большевиков выступили против подобных действий. Ленин же отказался от осуждения этих «партизанских действий» и на V партийной конференции, состоявшейся в Париже в декабре 1908 г., резко обрушился на меньшевиков, обвинив их в желании «ликвидировать» подпольные организации и ограничиться только легальной деятельностью. Все эти годы большевикам пришлось бороться с возникшей в рабочей среде тенденцией, которую Ленин охарактеризовал как «ликвидаторскую», ставящей своей целью создание легального демократического рабочего движения по образцу западных стран, очень далекого от той подпольной боевой организации, какой была партия большевиков. Лучшим союзником Ленина в его борьбе с «ликвидаторами» стало само правительство, с его бескомпромиссностью и полным отсутствием какой-либо социальной политики, направленной на улучшение жизни рабочих. Ленину пришлось бороться и с многочисленными внутрипартийными фракциями. Споры разгорались по всякому поводу: по вопросам теории, методов революционной борьбы, руководства газетами, распоряжения денежными фондами. Фракции разделились следующим образом: с одной стороны — соглашатели (во главе с Рыковым), склонявшиеся в пользу общих действий с меньшевиками, с другой — отзовисты, требовавшие отзыва депутатов социал-демократической партии, так как считали всякую парламентскую деятельность предательством по отношению к народу. Ленин боролся с ними, называя их «ликвидаторами наизнанку».

Партия эсеров, несмотря на все усилия Чернова, тоже находилась в состоянии распада. Группа максималистов, сторонников немедленного осуществления всех пунктов программы эсеров сразу же после захвата власти, тяготела к былому терроризму и действовала боевыми организациями. Хотя формально эти отряды состояли в партии, они, по сути дела, уже не подчинялись ей. В них легко проникали агенты царской охранки, самым известным из которых стал Азеф, организатор убийства Плеве и великого князя Сергея. Он успел занять ответственный пост в партии, прежде чем был разоблачен в 1908 г. Дело Азефа окончательно дискредитировало террористическое движение в эсеровской партии. Противоположное крыло эсеров представляли трудовики. Они по-прежнему участвовали в работе Думы, обсуждали земельную реформу, вели среди крестьян легальную пропаганду в защиту обобществления земли.

В то время как революционные группировки дробились в поисках своих путей, философские течения, которые десятки лет владели умами русской левой интеллигенции, такие, как позитивизм, материализм, социалистический марксизм, переживали закат. С новой силой возродилась наметившаяся еще в 1903 — 1904 гг. склонность к национализму, мистицизму, эстетике «чистого» искусства, тогда как интерес к политике и социальным проблемам падал. Ярким примером этого отказа подчинять любое занятие искусством или интеллектуальной деятельностью социальному утили-

таризму или политике стало появление сбор пика «Вехи», вызвавшее широкий отклик и страстные обсуждения. Создателями его стали семь видных интеллигентов, в основном бывших марксистов, пришедших или вернувшихся к вере (П.Струве, Н.Бердяев, С.Булгаков и др.). Бердяеву, в частности, принадлежит одна из ключевых мыслей сборника: «Любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине». В то время как Бердяев изобличал «внутреннее рабство» русской интеллигенции, Струве обрушивался на ее безответственность. Интеллигенция во всех бедах России обвиняет правительство, писал он, как будто она сама не несет никакой вины за них и они касаются ее лишь в той мере, что вынуждают бунтовать против правительства. При такой позиции, заключал свою мысль Струве, обществу предоставляются только две возможности — деспотизм или диктатура толпы.

Десятилетие с 1905 по 1914 г. было отмечено небывалым расцветом искусства, литературы и философии. Достаточно вспомнить о колоссальном всемирном успехе русского балета Дягилева, достижениях русского авангарда как в области музыки (Стравинский), так и в области живописи (Кандинский, Малевич, Ларионов), о расцвете поэзии в творчестве символистов (Белый, Блок), акмеистов (Гумилев) или футуристов (Маяковский). Революционеры с осуждением отнеслись к этому расцвету, шедшему вразрез с социалистическими идеалами 1890-х гг. Максим Горький, например, хотя и сам отдавал дань мистическим тенденциям (1910 г.), назвал эти годы «позорным десятилетием». Отказ от позитивизма и служения социальным идеалам, к чему была склонна радикальная интеллигенция XIX в., не мешал, однако, отрицанию буржуазных ценностей и материальных благ и подчеркнутому презрению интеллигентов к режиму, который их превозносил. Часть творческой элиты с нетерпением и тревогой ждала последнего часа «буржуазной цивилизации». Во многих просвещенных кругах столицы говорили о грядущем «конце света». Ожидали апокалипсиса — как в религиозном смысле, так и в политическом. Этим апокалипсисом должна была стать революция, которая откроет новую эру, предоставит лучшим умам возможность реализовать свои замыслы в обновленном обществе, вышедшем из горнила революции. Пока же в Санкт-Петербурге царила вседозволенность. Столица стала самым «современным» и, безусловно, самым свободным из европейских городов того времени. Парадоксально, но бурление новаторских идей в художественной и интеллектуальной жизни, увлечение эсхатологией и моральный эклектизм — все это, вместе взятое, скорее нарушало былое равновесие образованных кругов общества, нежели способствовало появлению новых незыблемых духовных ценностей, цельных философских теорий и общей системы принципов, которыми можно было бы впоследствии руководствоваться в социальной и политической жизни.

3. Экономические преимущества

Реализации планов Столыпина способствовали не только обстоятельства политической и идеологической ситуации, успешно им использованные, но и блестящая экономическая обстановка. Рост промышленности в России возобновился с небывалой быстротой, соответствовавшей благоприятной внешней конъюнктуре. Благодаря массовому экспорту продовольственных товаров (Российская империя экспортировала треть своей товарной продукции зерновых и была самым крупным в мире поставщиком зерна) внешняя торговля была прибыльной, государственный бюджет уравновешенным, даже несмотря на необходимость выплачивать внешний долг. За пять лет (1908—1913 гг.) промышленное производство возросло на 54%, общее количество рабочих увеличилось на 31% — это были конкретные показатели роста промышленности в целом. Все отрасли промышленности находились на подъеме, особенно передовые, такие, как производство стали, металлургия, добыча нефти, производство электроэнергии, сельскохозяйственных машин. К тому же в ведущих отраслях наметился небывалый процесс концентрации производства, как в плане техническом (в России процент рабочих, занятых на заводах, где работало свыше 1000 человек, — 40% общего числа рабочих, — был выше, чем в США), так и в плане увеличения торгового оборота и денежной прибыли. Картели, тресты, концерны монополизировали большую часть производства и распределения в самых современных отраслях экономики.

Концентрация обеспечивалась деятельностью нескольких крупных банков, которые, как и в Германии, полностью управляли рынком. В 1913 г. более половины банковских сделок производилось через посредство шести крупнейших деловых и депозитных банков России, находившихся в Санкт-Петербурге. В столице в это время расцвела биржевая и финансовая деятельность, чему способствовал заметный рост курса ценных бумаг на бирже, особенно с 1909 г.

Довольно трудно определить точно долю иностранного капитала в российской экономике того времени. Однако можно сказать, что к 1914 г. треть общего числа всех акций обществ, действовавших на территории империи, принадлежала иностранным владельцам. Вклады иностранного капитала были особенно значительными в металлургической и нефтяной промышленности, а также в банках. В 1914 г. 65% капитала самого крупного Русско-Азиатского банка, принадлежали французским вкладчикам. Иностранцы делали также значительные капиталовложения в наиболее технически развитые отрасли промышленности, такие, как электрификация, кораблестроение, автомобилестроение. Если судить по общей сумме капиталовложений, французы занимали первое место среди инвесторов, особенно принимая в расчет суммы, внесенные ими в виде займов. Доля французского капитала достигала 12,5 млрд. франков, доля немецкого капитала — 8 млрд., доля британского капитала — 3 млрд.

Национальный доход страны увеличивался с каждым годом. Период с 1908 по 1914 г. можно по праву назвать золотым веком капитализма в России. Капитал вновь созданных в течение этих лет акционерных обществ составил 4 1 % общей суммы капитала всех обществ, созданных начиная с 1861 г. Более 70% новых вложений начиная с 1908 г. были сделаны за счет отечественных фондов. Свидетельством этого богатства, распределенного очень неравномерно, было двойное увеличение размеров вкладов в сберегательные кассы и на текущие счета в банках, а также то, что русские стали активно выкупать ценные бумаги, издавна находящиеся в руках иностранцев.

Для того чтобы дать объективную оценку этой картине общего преуспевания, следует рассмотреть ее в мировом масштабе. В 1913 г. общий уровень промышленного производства в России оставался все же в два с половиной раза меньше, чем промышленное производство Франции, в шесть раз меньше, чем в Германии, в четырнадцать раз — чем в Америке. Здесь встает один важный вопрос: способствовал ли курс экономического развития, взятый Витте и продолженный Столыпиным, коренному преобразованию русской экономики и русского общества?

В своем уже ставшем классическим исследовании Р.Порталь отвечал на него утвердительно. Он считал, что период с 1905 по 1914 г. способствовал возникновению в России настоящего класса предпринимателей и рынка частного спроса, способного как в городе, так и в деревне заменить собой государственное стимулирование во всех секторах экономики. Если бы анализ Порталя соответствовал действительности, можно было бы считать, что Россия перед 1917 г. приблизилась к западной модели государства, как считают некоторые историки.

Однако утверждения Порталя оспаривали многие английские и другие исследователи, особенно такие, как Т.С.Оуэн, Ж.Л.Вест и К.Гольдберг, выдвигая следующие доводы:

— В сельском хозяйстве предвоенное десятилетие скорее благоприятствовало сельским общинам (они выкупили 6 млн. га земли), чем настоящим «крестьянам-предпринимателям» (они выкупили только 3,4 млн. га земли в личную собственность).

— В промышленности вместе с окончанием кризиса и возобновлением производства увеличился спрос в основном на металлические заготовки, что больше отвечало правительственной программе перевооружения, нежели нуждам частного предпринимательства.

— Российская буржуазия, представлявшая собой довольно разнородную группу предпринимателей, по своей идеологии была далека от норм Шумпетера: часть из них паразитировала на государственной деятельности, другая — выходцы из «староверческих» кругов — заботилась о прибыли не ради нее самой, а видя в ней средство «послужить стране» и утвердить русское могущество.

С этой точки зрения экономическая политика Витте — Столыпина не привела к какому-либо действительному приближению к западной модели. Навязанная сверху, она некоторым образом предвосхищала через постоянство индустриалистских устремлений то, что осуществлялось Сталиным с 1928 г.

В мае 1911 г. французский поверенный в делах в Санкт-Петербурге отмечал, что капиталисты России, располагающие большими суммами и поощряемые расцветом дел в стране, предприняли русификацию промышленности. Эта тенденция энергично поддерживалась министром финансов, который никогда не делал тайны из желания освободиться от требований иностранного рынка.

«Русификация промышленности» повлекла за собой усиление различных форм национализма. Во-первых, национализма, устремленного вовне империи (пан- или неославизм), что уже свидетельствовало о стремлении к завоеваниям. Старые мечты о распространении влияния на Дарданеллы и Константинополь, в прошлом обосновывавшиеся религиозными, мистическими и идеологическими мотивами, получили теперь экономическую поддержку: захват Константинополя и установление контроля за Дарданеллами служили интересам торговцев, которые смогли бы экспортировать зерно и прокат черных металлов через южные порты страны. Не было ли это стремление закрепить за собой, подобно всем крупным державам, зону влияния ощутимым свидетельством того, что Российская империя вступила в следующую стадию развития? Между экспансионистской политикой самодержавия и экономическими интересами национальной буржуазии существовало полное соответствие. Кадеты явно не стремились к критике подобной ориентации самодержавной политики.

Следующей формой проявления национализма можно, безусловно, считать желание буржуазии и чиновничества освободить страну от присутствия иностранного капитала в экономике. Желание высвободиться было тем большим, что не только интеллигенция, но и особенно те, кто непосредственно сталкивался с иностранным присутствием и конкуренцией, осознавали российское отставание и зависимость страны от заграницы. С распространением высшего образования служащие все острее чувствовали ущемленность своего положения, финансовую и иерархическую дискриминацию, которым они подвергались по сравнению с иностранцами, работающими на тех же предприятиях. Посол Франции в Санкт-Петербурге М.Палеолог докладывал о новом состоянии умов: «Иметь иностранцев в качестве сотрудников — пожалуйста, но дать им возможность стать хозяевами рынка — нет. Таков, кажется, нынешний девиз». Данная форма национального самосознания русских, по всей видимости, соответствовала определенному этапу развития экономики, переходу к большей независимости.

Третья форма проявления национализма в России, повлекшая многочисленные последствия для режима, — всячески разжигаемое властями и самим Столыпиным чувство превосходства русских над нерусскими народами, населявшими империю.

4. Ошибки Столыпина

Несмотря на благоприятные экономические, идеологические и политические обстоятельства, Столыпин совершил все же ряд ошибок, поставивших его реформы под угрозу провала. Первой ошибкой Столыпина было отсутствие продуманной политики в отношении рабочих. Как показал опыт Пруссии, для удачного проведения консервативной политики необходимо было сочетать жесткие репрессии по отношению к революционным партиям с одновременными усилиями в области социального обеспечения рабочих. В России же, несмотря на общий экономический подъем, за все эти годы не только жизненный уровень рабочих нисколько не повысился, но и социальное законодательство лишь делало свои первые шаги. Закон 1906 г. о десятичасовом рабочем дне почти не применялся, равно как и закон 1903 г. о страховании рабочих, получивших увечья на предприятии. Разрешенные профсоюзы находились под бдительным контролем полиции и не пользовались доверием среди рабочих. Между тем количество рабочих постоянно и заметно росло. Новое поколение оказалось весьма благосклонным к восприятию социалистических идей. Очевидно, Столыпин не давал себе отчета в значении рабочего вопроса, который с новой силой встал в 1912 г.

Второй ошибкой Столыпина стало то, что он не предвидел последствий интенсивной русификации нерусских народов. Столыпин не скрывал своих националистических убеждений; однажды на заседании Думы он резко ответил польскому депутату Дмовскому, что почитает за «высшее счастье быть подданным России». Он открыто проводил националистскую великорусскую политику и, естественно, восстановил против себя и царского режима все национальные меньшинства. Финляндия стала прибежищем для многих оппозиционеров. Столыпина возмущало, что сейм Финляндии состоял преимущественно из социалистов и либералов. В 1908 г. он безуспешно попытался ограничить полномочия сейма, дважды распускал его, а затем вновь ввел в стране прежние диктаторские методы. К 1914 г. неприязнь финнов к «русским оккупантам» стала повсеместной. Что касается Польши, там ситуация была сложнее, так как отношение поляков к России не было единодушным. Часть поляков под руководством Дмовского пыталась, используя панславянские симпатии правительства, добиться для своей страны большей автономии. Другая часть, руководимая Пилсудским, требовала полной независимости. Столыпин закрыл польскоязычные школы, а в городах насадил муниципальные учреждения с преобладанием русских служащих. На Украине, где пресса и высшие учебные заведения подверглись насильственной русификации, росло национальное самосознание украинской элиты, основанное на понимании экономического могущества края, ставшего житницей и индустриальным центром всей империи. Царские власти жестоко преследовали украинских националистов, организовавших Союз освобождения Украины и нашедших прибежище в Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии. Австрийские власти охотно покровительствовали украинским националистам, желая всячески помешать российским властям в отместку за поддержку в Богемии и на Балканах антиавстрийских настроений малых славянских народов. По тем же причинам тюркские меньшинства на территории Азербайджана, объединившиеся с 1 91 2 г. в партию Мусават («Равенство»), решительно пошли на сближение с обновленной после младотюркской революции Турцией. Часть мусульманской интеллигенции татарского происхождения, проживающей на территории Крыма и на Нижней Волге, пыталась возродить тюрко-татарскую цивилизацию, добиваясь ее признания наравне с русской. Царское правительство, естественно, не желало идти на подобные уступки, считая мусульманские народы слаборазвитыми. Оно также поощряло внедрение русских колонизаторов и переселенцев в Среднюю Азию не менее жестко, чем это делали другие европейские государства-завоеватели по отношению к странам Азии и Африки.

Столыпин совершил ошибку и в вопросе об учреждении земств в западных губерниях (1911 г.), в результате чего он лишился поддержки октябристов. Дело в том, что западные губернии экономически продолжали зависеть от польской шляхты. Дабы укрепить в них положение белорусского и русского населения, составлявших большинство, Столыпин решил учредить там земскую форму правления. Дума охотно его поддержала; однако Государственный совет занял противоположную позицию — классовые чувства солидарности со шляхтой оказались сильнее национальных. Столыпин обратился с просьбой к Николаю II прервать работу обеих палат на три дня, чтобы за это время правительство срочно приняло новый закон. Заседания Думы были приостановлены, и закон принят. Однако данная процедура, продемонстрировавшая пренебрежение государственной власти к собственным учреждениям, привела к расколу между правительством и даже самыми умеренными либералами. Самодержавие поставило себя в изоляцию, отныне его поддерживали только представители крайне правых националистических кругов. Столыпин же потерял поддержку Николая II, которому явно претило иметь столь предприимчивого министра, обвиненного крайне правыми противниками, пользующимися влиянием при дворе, в желании «экспроприировать всех помещиков вообще» с помощью аграрной реформы.

18 сентября 1911 г. Столыпин был убит в Киеве одним из двойных агентов, которыми полиция наводнила революционные организации. Его смерть означала поражение последней попытки сознательного и целенаправленного обновления политической системы в стране. Будучи консервативной, она все же была не лишена творческой мысли.

5. 1912 — 1914 гг.: политический застой и социальные брожения

Столыпина сменил министр финансов Коковцев, известный своим изречением: «Слава Богу, у нас нет парламента!» Оно как нельзя лучше характеризовало и самого деятеля, и его программу. Хорошо разбираясь в технических вопросах финансового дела, он сумел успешно провести переговоры с целью получения второго крупного займа от французских властей: 2,5 млрд. фр. сроком на пять лет. В отличие от Столыпина у Коковцева не было никакой политической или социальной программы, если не считать желания сохранить статус-кво. В результате выборов в Четвертую Думу в октябре 1912 г. правительство оказалось в еще большей изоляции, так как октябристы отныне твердо встали наравне с кадетами в легальную оппозицию. Социальное брожение достигло наивысшей точки в 1912—1914 гг. Оно возобновилось сразу после смерти Л.Толстого (7 ноября 1910 г.) со студенческих волнений и многочисленных манифестаций, в особенности против смертной казни, за отмену которой боролся великий писатель. В январе 1911 г. министр народного образования Кассо запретил какие-либо собрания в высших учебных заведениях. Студенты возмутились этим посягательством на университетскую автономию и ответили всеобщей забастовкой, продолжавшейся в течение многих месяцев и охватившей многие университеты страны.

Рабочие волнения возобновились 4 апреля 1912 г. в связи с трагическими событиями на сибирских золотых приисках «Лена голдфилдс», связанных с крупными банками и дворцовыми кругами. В этот день войска расстреляли группу бастующих, требовавших лучших условий труда. Погибло 270 человек, и столько же примерно было ранено. На заседании Думы министр внутренних дел Макаров по поводу этих событий так ответил на депутатский запрос: «Так было, и так будет впредь». Общественное мнение было возмущено не только расстрелом рабочих, но и уверенностью правительства в своей правоте. 1 мая 1912 г. сотни тысяч бастующих прекратили работу. Число их продолжало непрестанно расти, в первом квартале 1914 г. оно достигло 1,5 млн. человек. Столкнувшись с жесткой реакцией хозяев (лишь 38% бастующих добились успеха в 1913—1914 гг.), рабочие действовали все более решительно. Идея всеобщей забастовки завладела умами. В мае 1914 г. в знак солидарности с бастующим Баку остановили работу предприятия Петербурга и Москвы. В обеих столицах наблюдалась значительная радикализация политической жизни рабочих, социалистическая идеология и лозунги большевиков все глубже проникали в сознание. С социологической точки зрения тому имелся ряд причин.

Во-первых, в этих городах имелось уже достаточное количество потомственных рабочих, потерявших, полностью или частично, связь с деревней; во-вторых, за десять лет заметно вырос уровень грамотности, особенно среди рабочих, прибывших из деревень, которых потомственные рабочие легко увлекали на путь борьбы за свои права. Наконец, в-третьих, в столичных городах пустили корни рабочая культура и рабочая община, более гармоничная и организованная, включающая в себя в отличие от предшествующего десятилетия не только холостых рабочих, но и рабочие семьи, в том числе женщин и молодежь. Рабочая среда окончательно разочаровалась в монархии и в либералах, идеи социализма, и в первую очередь большевиков, проникали в глубь сознания. Начиная с января 1912 г. большевики окончательно порвали с меньшевиками и с «ликвидаторами»; они организовали свой собственный Центральный Комитет, которому надлежало усилить легальную и подпольную деятельность большевиков в России. С другой стороны, под влиянием Мартова и Троцкого социал-демократы других направлений образовали в Вене так называемый Августовский блок. В Думе фракция большевиков состояла из шести депутатов, меньшевиков было семь. Раскол между ними произошел в октябре 1913 г. Каждый лагерь постарался закрепить за собой сферы влияния: так, меньшевики обосновались в Грузии и на Украине, в то время как Санкт-Петербург, Москва и Урал остались за большевиками. У каждого были свои газеты: у меньшевиков — «Луч», у большевиков — «Правда», Ежедневный печатный орган большевиков стал выходить с 5 мая 1912 г. в количестве 40 тыс. экземпляров. «Правда» пользовалась большим успехом среди рабочих столицы благодаря слаженной цепочке распространителей, самоотверженно выполнявших свою работу. Газету запрещали и закрывали восемь раз, однако вплоть до июля 1914 г. она всякий раз выходила в свет под другим названием.

Волна забастовок, захлестнувшая преимущественно Москву и Санкт-Петербург в первой половине 1914 г., несомненно, грозила революционными событиями. Однако она все же не являлась, как о том писали советские историки, предвестницей революции, неизбежной и необходимой, идущей в русле истории. Доказательством тому служит быстрота, с которой взлет патриотизма, с одной стороны, и правительственные репрессии — с другой, положили конец забастовкам начиная с августа 1914 г. Самодержавию вынесли приговор два обстоятельства: неспособность к реформам и война. Первое из них еще раз продемонстрировало себя в январе 1914 г., в момент назначения на пост премьер-министра И.Горемыкина, уже доказавшего в 1906 г. свою полную некомпетентность; в этом назначении проявилось отсутствие у властей возможности обновления и их политическая бесперспективность.

Модернизация экономики страны, ее переход к капиталистической стадии предполагали внешний мир как непременное условие. Это понимали как Витте, яростный противник русско-японской войны, так и Столыпин и Коковцев. Смена министров, произведенная в январе 1914 г., развязала руки воинственно настроенным ультраправым националистам. Война с Германией — «лучший подарок революции» от царского правительства, писал Ленин сразу после случившегося. Его мнение по данному вопросу совпало с предсказаниями бывшего министра внутренних дел Дурново, который считал, что «конфликт с кайзером может привести только к социальной революции в самых крайних формах и к полной анархии». Объявление войны положило начало шести годам потрясений, завершившимся столь радикальным преобразованием, какого не испытывало в столь короткий срок еще ни одно общество.

Глава III. От войны до революции (1914 — 1917)

I. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ВОЙНЕ

1. Иллюзии 1914 г.

30 июля 1914 г. Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации, в ответ Германия объявила войну России. Как и другие европейские страны, втянутые в конфликт, Россия познала часы священного единения. 2 августа сотни тысяч демонстрантов стеклись к Зимнему дворцу, чтобы на коленях получить благословение царской четы.

Волна германофобии захлестнула страну. Санкт-Петербург был переименован в Петроград, начались погромы магазинов, принадлежащих немцам. Вспомнившая о славе Александра Невского, страна выступила ъ новый крестовый поход «под покровительством всех святых России», который должен был стать завершающим этапом того, что газета «Утро России» назвала «вековой войной рас». Собравшись на однодневную сессию, Государственная дума подавляющим большинством проголосовала за военные кредиты. Воздержались только депутаты-трудовики и социал-демократы, в то время как кадеты предложили «отказаться от междоусобиц до победы». Представители меньшинств провозгласили «преданность русскому государству и народу». Для российской буржуазии, увлеченной идеями панславизма и национализма, начавшаяся война была борьбой не только в поддержку «младшего сербского брата», но и за экономическое освобождение от германского засилья. Кроме того, победа над турками, действовавшими в союзе с центрально-европейскими державами, открыла бы наконец дорогу к Константинополю и выход к свободному морю. Таким образом, вопросы чести и национального интереса шли в этой войне рука об руку.

Мобилизацию десятка миллионов мужчин провели беспощадно, но она не вызвала серьезных проблем. Количество дезертиров было минимальным. Забастовочное движение резко пошло на убыль (35 тыс. бастующих за пять последних месяцев 1914 г.) из-за страха рабочих, закрепленных за оборонными предприятиями, перед отправкой на фронт.

Представители либеральной интеллигенции предложили государственным властям помощь, которую царь принял. Так сформировались Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам под председательством князя Г.Львова и Всероссийский союз городов, объединивший десятки муниципалитетов, стремившихся оказать гуманитарную помощь семьям солдат и жертвам войны. Символом патриотического движения стало провозглашение сухого закона. Государство отказывалось от значительного источника доходов, а подданные, подчинив все единственной цели — победе, пожертвовали одним из немногих удовольствий.

В первые месяцы войны действия Российской армии принесли некоторые надежды. Во исполнение соглашений с Францией генеральный штаб Российской армии развернул в установленные сроки наступление против Германии. Захваченные врасплох в Гумбинене, в Восточной Пруссии, немцы были вынуждены внести коррективы в план Шлифена, снять войска с Западного фронта, что помогло французам выиграть битву на Марне. Благодаря этим подкреплениям и удачному маневру немцы одержали крупную победу 27 августа при Танненберге, в Мазурии. Российская армия оставила там около 100 тыс. пленных, но все же отошла в боевом порядке.

Неудача при Танненберге компенсировалась успешными действиями против австрийцев. В сентябре — октябре русские войска заняли половину Галиции. В начале 1915 г. им еще удавалось сдерживать атаки немецких войск в Восточной Пруссии. Тем временем в войну на стороне центрально-европейских держав вступила Турция, что привело к серьезнейшим последствиям: закрытие Дарданелл почти полностью отрезало Российскую империю от мирового рынка (отныне импорт шел только через Архангельск и Владивосток) и поставило Россию в условия экономической блокады.

2. Сокрушительные поражения на фронте, развал экономики, политическое бессилие

Российское правительство, как и другие; воюющие стороны, надеялось на быстротечную войну. Военные запасы были рассчитаны на трехмесячную кампанию. Уже в конце 1914 г. многие части испытывали недостаток патронов и снарядов. Блокада вынуждала страну опираться только на собственные силы. Ожидая плодов экономической перестройки, генштаб избегал ввязываться в крупные операции. Центрально-европейские державы развернули в мае 1915 г. широкое наступление, завершившееся полной победой. Фронт был прорван на всем протяжении, а половина Российской армии вышла из строя (150 тыс. убитых, около 700 тыс. раненых, 900 тыс. пленных). В результате этого беспрецедентного разгрома Литва, Галиция и Польша перешли под контроль государств германо-австрийского блока, которые поощряли там развитие национальных движений вплоть до признания (5 ноября 1916 г.) восстановления государственности Польши, в то время как царское правительство давало Польше лишь статус политической автономии. Потеря западных провинций лишила Россию изделий польской промышленности, которая была одной из самых развитых в империи, и вызвала массовый приток беженцев (более 4 млн.), что еще больше дезорганизовало общественную и экономическую жизнь страны. Национальная экономика не могла длительное время выдерживать бремя войны. Нужды десятимиллионной армии требовали полной перестройки экономики, которая достигла небывалого размаха: более 80% заводов России были переведены на военное производство. Тем не менее объем выпускаемой продукции по ряду причин оставался недостаточным: отсутствие должной организации, жестких планов экономической мобилизации, падение производительности труда, вызванное притоком на заводы новых рабочих, не имеющих квалификации, и деревенских женщин, кризис транспортной системы, особенно железных дорог (в 1916 г. четвертая часть локомотивного парка вышла из строя или была захвачена неприятелем), нехватка сырья, вызванная его приоритетным экспортом для покрытия части внешнего государственного долга (утроившегося за три года), недостаток оборудования, запасных частей и станков, поставка которых сократилась из-за экономической блокады. Война показала нагляднее, чем когда бы то ни было, экономическую зависимость империи от европейских поставщиков.

Вынужденное сосредоточение всей промышленной деятельности на военном производстве разрушало внутренний рынок. Промышленность не удовлетворяла

нужды гражданского населения. За несколько месяцев в тылу образовался дефицит промышленных товаров. Не имея возможности купить то, что им нужно, крестьяне сократили поставки в города, в результате цены на сельскохозяйственные продукты выросли так же быстро, как и на промышленные товары. Страна вошла в полосу инфляции и дефицита. С июля 1914 г. по январь 1917 г. цены на основные товары поднялись в 4—5 раз. Заработная плата не поспевала за их ростом. Действительно, из перенаселенных, несмотря на мобилизацию, деревень прибывало слишком много дешевых рабочих рук, и это создавало противовес требованиям повышения оплаты труда. Условия жизни трудящихся катастрофически ухудшались. Число бастующих росло, подобно взрыву: менее 35 тыс. во втором квартале 1914 г., 560 тыс. в 1915 г., 1100 тыс. в 1916 г. Покупательная способность служащих падала еще быстрее. Перед лицом этой ситуации — рост цен, дефицит, снижение покупательной способности — правительство не приняло никаких мер для борьбы с инфляцией, для замораживания цен и заработной платы или введения карточной системы. Отсутствие последовательной экономической политики — лишь один из аспектов политического вакуума, постепенно охватывавшего страну с лета 1915 г.

В начале войны Николай II предоставил военному командованию в зоне действия армии очень широкие полномочия, но отступление 1915 г. расширило эту зону вплоть до центральных районов страны, и конфликт между военными и гражданскими властями стал неизбежен. Однако еще более глубоким было «взаимонепонимание» власти и общества. Основав уже в первые недели войны Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, высшие круги общества ясно выразили решимость приобщиться к делам страны и внести свою лепту в общие усилия, направленные на ведение войны.

Под воздействием военного и экономического кризиса 1915—1916 гг. создавались и множились различные комитеты и общества, росла их роль в жизни страны. Комитет Красного Креста, первоначально скромная организация, постепенно подчинил себе всю санитарную администрацию страны. Земский и городской союзы слились в Земгор, чтобы попытаться централизовать военные поставки, особенно со стороны малых предприятий. В мае 1915 г. по инициативе А.Гучкова наиболее видные представители деловых и промышленных кругов создали Центральный военно-промышленный комитет — своего рода параллельное министерство, на которое возлагалась задача организации производства для оборонных нужд и распределения заказов между крупными предприятиями. Благодаря усилиям комитета в 1916 г. снабжение армии несколько улучшилось по сравнению с 1915 г. Русские войска смогли даже развернуть в июне 1916 г. успешное наступление в Галиции. Однако их продвижение (60 км за несколько дней) опять затормозилось из-за нехватки боеприпасов.

Со своей стороны потребители создавали огромные кооперативы, насчитывавшие по нескольку десятков тысяч членов. Власти, потеряв контроль над ситуацией, лишались одной функции за другой. В стране развивалась мирная революция.

Вместо того чтобы поощрять слияние общества, которое объединялось в целях прежде всего патриотических с властью, Николай II цеплялся за монархистско-популистскую утопию о «царе-батюшке, командующем армией своего доброго крестьянского народа». Следуя советам императрицы Александры Федоровны и Распутина, чье влияние при дворе не переставало расти, Николай II взял на себя верховное командование вооруженными силами, сместив великого князя Николая Николаевича (5 сентября 1915 г.), что в условиях национального поражения превращалось в самоубийство самодержавия. Изолированный в личном поезде в могилевской Ставке, он перестал управлять страной, положившись на Александру Федоровну, которая охотно занималась политикой, но, будучи по происхождению немкой, не пользовалась популярностью. Министры, пытавшиеся воспротивиться этому решению, были отстранены от занимаемых должностей. Позже (в январе 1916 г.) послушный И.Горемыкин был вынужден уступить свой пост губернатору Штюрмеру, протеже Распутина и бывшему сотруднику охранки, без стеснения афишировавшему свои реакционные взгляды. В течение 1916 г. власть, казалось, полностью разложилась. Принятые меры состояли единственно в замене одних некомпетентных и непопулярных министров другими, ничуть не лучшими (за год сменилось пять министров внутренних дел, четыре министра сельского хозяйства и три военных министра). В обще-

стве камарилью во главе с Распутиным обвиняли в подготовке сепаратного мира и в умышленном потворстве вражескому нашествию на территорию страны. Становилось очевидным, что самодержавие потеряло способность управлять страной и вести войну.

В условиях отсутствия реальной власти легальная оппозиция, представители которой проявляли исключительную активность в работе различных комитетов и обществ, созданных для разрешения вызванных войной проблем, повела себя нерешительно, о чем писал Маклаков в известной притче, опубликованной в «Русских ведомостях» в октябре 1915 г. Автор сравнивал Россию с автомобилем, который ведет к неизбежной аварии неумелый шофер, отказывающийся выпустить из рук руль, зная, что пассажиры слишком трусливы, чтобы его отнять. П.Милюков в своих «Воспоминаниях» объясняет эту нерешительность, граничившую с параличом, страхом быть обойденными слева революционными движениями, сумевшими подчинить стихию уличных волнений. Словом, все это было далеко от духа Выборгского воззвания 1906 г.

Однако если на историческом удалении политический паралич либеральной оппозиции во время войны не оставляет сомнений, то ее активность, особенно на словах, порождала иллюзии. Священное единение было кратковременным. Уже на второй сессии Государственной думы, прошедшей во время войны (1 августа — 16 сентября 1915 г.), большинство депутатов под руководством октябристов и кадетов выделились в Прогрессивный блок, к которому примкнули около половины членов Государственного совета и даже отдельные министры. Цели блока, обнародованные 8 сентября, были весьма умеренными: «правительство, пользующееся доверием страны», конец военно-гражданского двоевластия в тылу, политическая амнистия, прекращение всякой религиозной дискриминации, подготовка закона об автономии Польши, политика умиротворения в финском вопросе, пересмотр законов 1890 и 1892 гг. о земствах и т.д. Николай II ответил приказом закрыть сессию 16 сентября, не назначив в нарушение основного закона даты ее следующего созыва. В течение 1916 г. легальная оппозиция умножила словесные атаки против самодержавия, но не предприняла никаких конкретных действий. Когда Дума наконец снова собралась (13 ноября — 30 декабря 1916 г.), в стране сложился такой политический климат, что даже правые националистические депутаты начали критиковать «бездарных министров». В своей нашумевшей речи на сессии Думы, текст которой распространялся по стране в списках, Милюков показал очевидность того, что политика правительства была продиктована «либо глупостью, либо изменой». Шидловский от имени фракции октябристов обвинил правительство в том, что, намеренно вызывая голод в столице, оно провоцирует мятежи ради оправдания заключения сепаратного мира. А.Керенский от имени трудовиков потребовал отставки «всех министров, предавших свою страну».

В январе 1917 г. Николай II под давлением общественного мнения отстранил Штюрмера, заменив его либеральным представителем знати — князем Голицыным. Несколько ранее при дворе, верном старым традициям, оформился заговор с целью избавиться от Распутина. Его убили — не без труда — в ночь с 30 на 31 декабря князь Юсупов, депутат-националист Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. Успех этого заговора повлек за собой другие — между промышленниками (Коновалов и Терещенко), парламентариями (Гучков, Керенский, Некрасов) и военными (в частности, Брусиловым и Алексеевым) — ради устройства «дворцового переворота», который вынудил бы Николая II отречься от престола в пользу сына, чтобы тот правил под регентством великого князя Михаила Александровича. Легальной оппозиции это решение казалось единственно возможным. Либералы были единодушно против народного восстания, опасаясь, что массы пойдут за представителями крайне левых течений, а это еще больше разобщит усилия страны, направленные на ведение войны.

3. Раскол оппозиционных движений

Так ли уж опасны были революционные движения? Никогда еще они не были так раздроблены, а это явное свидетельство бессилия. Действительно, война провела новые водоразделы внутри революционного лагеря. Плеханов, Кропоткин и многие

другие считали, что русские должны защищать свою страну даже ценой временного соглашения с царизмом, потому как победа германского империализма принесла бы гибель международному социалистическому движению. Наряду с этими «социал-патриотами» (чье влияние ослабевало в течение всех военных лет) за отражение иноземного нашествия стояли «оборонцы», такие, как меньшевик Чхеидзе и трудовик Керенский, но при этом они были против прекращения борьбы с царизмом. Что же касается «интернационалистов», они, отрицая принцип национальной обороны, считали необходимым прежде всего восстановить Интернационал на новых основах, что вынудит правительство заключить мир без аннексий. Эта группа включала в себя меньшевиков, В частности Мартова и Троцкого, эсеров, в том числе Чернова и Натансона, а также большевиков и анархистов. Выбрав добровольную изоляцию, Ленин отказывался от сделок с виновниками крушения II Интернационала. Первое время он даже призывал к решительной пораженческой позиции. Затем в качестве уступки патриотическим чувствам русских он переместил акцент на «превращение пролетариями всех стран империалистической войны в войну гражданскую».

Вместе с Мартовым и Троцким Ленин принял участие в Циммервальдской конференции (сентябрь 1915 г.), собравшей 38 социалистов из 11 стран. Принятый на конференции манифест имел определенный резонанс. Осудив политику священного объединения, он призывал к борьбе за мир, раскрывая империалистический характер войны. Под этим воззванием подписались все русские социалисты, за исключением группы Плеханова. Левое рыло, представленное Лениным, Радеком и Бухариным, сочло манифест недостаточным. Они так же сдержанно отнеслись и ко второму, более решительному по тону манифесту, который циммервальдцы приняли в Кинтале в апреле 1916 г. Отныне группа Ленина («левые циммервальдцы») отказалась от сотрудничества со всеми другими течениями. Ленин теоретически обосновал свою позицию в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», законченной им в 1916 г. Он объяснял, что революция произойдет не в той стране, где капитализм наиболее силен, а в экономически слаборазвитом государстве, при условии, что ей будет руководить дисциплинированный революционный авангард. Война выявила «межимпериалистические противоречия» и тем самым опрокинула расчеты марксистской теории, сделав революционный взрыв в России более вероятным, чем где бы то ни было. Ленин считал также, что национальные выступления ускорят его и их следует поддерживать. Некоторые большевики (Бухарин, Радек, Пятаков) не соглашались в этом вопросе с Лениным, который остался в изоляции даже среди «левых циммервальдцев».

Разобщенные в эмиграции, революционные движения были разрозненными и в России. После ареста пяти своих депутатов в Думе (ноябрь 1914 г.) большевики снова ушли в подполье и попытались возродить местные комитеты, впрочем сразу же разгромленные полицией. Меньшевики в большинстве своем сотрудничали с трудовиками в рамках легальной оппозиции. В 1915 г. революционные движения были поставлены перед необходимостью принять ответственное решение, когда Центральный военно-промышленный комитет предложил создать рабочую группу из представителей трудящихся для участия в его деятельности. Эта инициатива ставила рабочий класс перед очень опасной проблемой, так как согласие дало бы возможность правящим классам возглавить борьбу с неспособным самодержавным режимом. Большевики высказались против, представители же большинства других социалистических течений считали, что сотрудничество, обставленное условиями и оговорками, предпочтительнее. Пораженчество было непопулярно, а трудящиеся инстинктивно стремились защитить страну. Осенью 1915 г. после долгих месяцев дискуссий состоялось голосование. В Петрограде большинство высказалось против принятия предложения. Тем не менее принцип создания рабочей группы был одобрен в ходе решающих ноябрьских выборов. «Циммервальдцы» отказались участвовать в рабочей группе, а депутаты, близкие к меньшевикам, постарались придать «классовое содержание» своим выступлениям. Власти сочли их «слишком активными», и они были арестованы в январе 1917 г.

Раздоры между социалистами сказывались и на рабочем движении. Часто было достаточно представителям одного из течений призвать к забастовке, чтобы другие отказались в ней участвовать. Несмотря на эту разобщенность, причин для поддержания на высоком уровне недовольства и активности масс было больше чем доста-

точно — трудности повседневной жизни, дефицит, усталость от войны. В течение 1916 г. недовольство охватило и часть армии.

Взрывоопасный характер ситуации не вызывал сомнений. Война породила кризис, которым самодержавие было не в состоянии управлять. Либеральная оппозиция, боявшаяся, что «улица» ее захлестнет, занимала выжидательную позицию. Революционные движения были слишком разобщены, чтобы планировать восстание. Февральская революция разразилась стихийно. Ее размах и быстрота победы стали неожиданностью как для всех политических группировок, так и для самих участников.

II. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПАДЕНИЕ ЦАРИЗМА

1. Февральские дни

В середине февраля 1917 г. власти Петрограда решили ввести карточную систему. В нескольких пунктах города перед пустыми прилавками магазинов вспыхнули беспорядки. 20 февраля администрация Путиловских заводов объявила локаут из-за перебоев в снабжении сырьем, тысячи рабочих оказались выброшенными на улицу. Заседавшая с 14 февраля Государственная дума еще раз подвергла уничтожающей критике «бездарных министров» и потребовала их отставки. Депутаты от легальной оппозиции (меньшевик Чхеидзе, трудовик Керенский) попробовали установить контакты с представителями нелегальных организаций (Шляпниковым и Юреневым). Был создан комитет для подготовки демонстрации 23 февраля (8 марта) — в Международный женский день. Большевики, считавшие эту инициативу преждевременной, присоединились к ней только в последний момент.

Демонстрация была мирной, спокойной, почти радостной. В центре города к идущим от Выборгской стороны присоединились многочисленные мелкие служащие, студенты и просто гуляющие. Здесь они провели демонстрацию против царизма. Власти сочли это выступление проявлением простой «боязни голода», не представляющим опасности. Поэтому они ограничились вывешиванием объявлений, убеждающих население в наличии в городе запасов зерна.

На следующий день забастовали почти все заводы. Женщины уже не составляли большинства среди демонстрантов, атмосфера накалялась. С красными флагами и пением «Марсельезы» рабочие стекались к центру города. Произошло несколько жестоких столкновений с конной полицией. Размах движения и относительная пассивность властей удивили и участников и свидетелей.

На третий день роль большевиков, основных организаторов демонстраций, стала впервые заметной. Несмотря на инструкции генерала Хабалова, командующего Петроградским гарнизоном, который приказал полиции не допустить прохода демонстрантов через невские мосты, шествия в центре города все-таки состоялись. Только вмешательство казаков предотвратило действия конной полиции. Ситуация становилась все более запутанной. На вечернем заседании правительства Хабалов зачитал телеграмму от царя, приказывавшую ему «завтра же прекратить беспорядки». Это было единственной реакцией самодержавия на происходящие события. Ночью охранка произвела многочисленные аресты. Руководители нелегальных организаций, не ожидавшие таких событий, заняли выжидательную позицию. Никто не мог даже вообразить, что нескольких демонстраций будет достаточно для начала и победы революции.

На четвертый день, в воскресенье 26 февраля, с окраин к центру города снова двинулись колонны рабочих. Солдаты, выставленные властями в заслоны, отказались стрелять по рабочим. Офицерам пришлось стать пулеметчиками. Более 150 человек были убиты в тот день. В то время как подавленные демонстранты возвращались домой, правительство, считавшее, что победа осталась за ним, ввело чрезвычайное положение и объявило о роспуске Думы, игнорируя призыв ее председателя Родзянко, обращенный к царю, назначить «правительство доверия», чтобы положить конец «беспорядкам». В тот момент ни большевики, которые недооценивали серьезность

положения и не хотели сотрудничать с «оборонцами», ни меньшевики не были готовы завладеть инициативой.

Ранним утром 27 февраля, писал Троцкий, рабочие считали, что решение проблемы восстания — дело значительно более отдаленного будущего, чем то было в действительности. Точнее, им казалось, что они еще не приступили к решению задачи, тогда как работа была уже сделана на девять десятых. Революционный натиск рабочих совпал с движением солдат, которые уже выходили на улицу. В ночь с 26 на 27 февраля солдаты нескольких лейб-гвардейских полков (Павловского, Волынского, Преображенского) взбунтовались против своих офицеров, которым они не могли простить приказа стрелять в толпу. Победа революции была обеспечена утром 27 февраля, когда демонстранты начали братание с солдатами. Восставшие захватили Арсенал (40 тыс. винтовок были тут же розданы), отдельные общественные здания и направились к Зимнему дворцу. Первым вошел туда, не встретив сопротивления, Павловский полк. Через несколько минут красное полотнище взвилось над крышей дворца.

2. Установление «двоевластия» и отречение Николая II

Накануне царь приостановил сессию Государственной думы, но депутаты по примеру французских революционеров 17 89 г. решили продолжить дебаты. Перед ними встал вопрос: как реагировать на приближение восставших к Таврическому дворцу, где проходило заседание? Некоторые, соглашаясь с Милюковым, считали, что будет более достойным встретить их, оставаясь на своих местах. Вопреки мнению своих коллег Керенский бросился навстречу восставшим и приветствовал их приход. Этим порывом он сохранил союз народа и парламента.

В то же время группа рабочих, активистов-меньшевиков из Военного комитета (К.Гвоздев, М.Бройдо, Б.Богданов), которые были только что освобождены из тюрьмы восставшими, вместе , с двумя депутатами-меньшевиками (Н.Чхеидзе и М.Скобелев) и бывшим председателем Санкт-Петербургского Совета 1905 г. Хрусталевым-Носарем в одном из залов Таврического дворца создавали Совет рабочих депутатов. Под именем Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов группа активистов, среди которых преобладали меньшевики, провозгласила себя штабом революции. Он образовал Комиссию по снабжению (она тут же призвала население кормить восставших солдат) и Военную комиссию (под председательством Мстиславского) для координации действий защитников революции. Наконец, Временный исполком предложил рабочим выбрать представителей в Совет, чтобы создать его вечером того же дня.

Около 50 избранных в спешке делегатов и 200 активистов без мандатов собрались в 21 час, чтобы избрать руководящие органы Совета и его Исполнительный комитет во главе с Н.Чхеидзе. Товарищами председателя стали Керенский и Скобелев. В Него вошли также эсеры, беспартийные (Н.Суханов) и большевики (А.Шляпников и В.Молотов). Совет подтвердил полномочия Комиссий, созданных ранее, и принял решение издавать ежедневную революционную газету «Известия». По предложению большевиков в Совет вошли солдатские депутаты, образовавшие военную секцию. Большевики, составлявшие незначительное меньшинство в инициативной группе и желавшие расширить свое представительство в Исполкоме, предложили предоставить каждой социалистической партии и организации по два места «по праву»). Так как многочисленные партии и организации не участвовали, как и большевики, во Временном исполкоме, их предложение было принято. В следующие дни представители нескольких партий и организаций вошли в Исполком. Под предлогом своей «репрезентативности» они быстро исключили из дискуссий членов, избранных на общем собрании подлинных основателей Совета, далеко не всегда пользовавшихся влиянием внутри своих партий или вообще не принадлежавших ни к каким организациям. 18 марта Исполком принял резолюцию, согласно которой каждая социалистическая организация имела по праву» три поста: два для представителей ее ЦК и один для низовых организаций. За несколько недель общее собрание утратило право контроля. Выбитые на время из колеи стихийностью революции, политики-

профессионалы быстро забрали управление Советом, основным представительным органом рабочего класса и солдат столицы, в свои руки.

В то же время Государственная дума, встревоженная образованием Совета и не желавшая остаться в стороне от движения, пошла на осторожный разрыв с царизмом и создала Комитет по восстановлению порядка и связям с учреждениями и общественными деятелями под председательством Родзянко. Этот комитет, в котором преобладали кадеты, стал первым этапом на пути к формированию правительства. 27 февраля около полуночи П.Милюков смог объявить Совету, что Дума только что «взяла власть». Военным комендантом Петрограда Комитет назначил полковника Энгельгарда. Совет выразил свой протест, так как только что поставил Мстиславского во главе Военной комиссии Совета. Две власти, рожденные революцией, были на грани конфликта. Во имя сохранения единства в борьбе против царизма Совет вынужден был уступить. Он не готов был взять власть. Его руководители боялись ответных действий со стороны армии, царя и решили, что лучше не препятствовать думцам взять всю ответственность на себя. Вспоминая с ностальгией о советах 1905 г., члены-основатели Петроградского Совета хотели видеть его в соответствии с меньшевистской концепцией «пролетарской цитадели» в буржуазном государстве. Служащий интересам рабочего класса в борьбе против буржуазии, Совет должен был также стать на первом этапе самым прочным оплотом буржуазной революции против возврата к самодержавию.

Эта концепция объясняет позицию руководителей Совета по отношению к думскому Комитету. За исключением Керенского, все считали, что, так как революция еще не прошла «буржуазную фазу», деятельность министров-социалистов не принесет результатов и только дискредитирует революционное движение. Поэтому руководство Совета отказалось от участия в правительстве. Тем не менее, хотя угроза военных репрессий не была исключена, Исполком Совета все же решил признать законность правительства, сформированного Думой, и поддержать его. Это признание сопровождалось одним условием, которое являлось основой соглашения, касавшегося установления нового режима: Совет поддержит правительство лишь в той мере, в какой оно будет проводить одобренную им демократическую программу. За исключением большевиков, выдвинувших лозунг «Вся власть Советам!», и анархистов, все социалистические течения одобрили условия соглашения. Оно означало признание двух различных и антагонистических властей, подчинение цензовых классов правительству, а трудящихся и солдат — Совету. С одной стороны, образовался «лагерь» правительства, сословных учреждений (земства, городские думы) и «буржуазных» партий (кадеты), с другой — силы «демократии» (Советы, социалистические партии, анархисты, профсоюзы).

Со своей стороны Дума была готова пойти на уступки. Она продолжала опасаться реакции со стороны Николая II и еще сильнее «военной диктатуры» Совета. Действительно, восставшие солдаты только что по собственной инициативе добились принятия Советом Приказа № 1. Этот документ давал солдатам вне службы равные со всеми гражданские и политические права, аннулировал в воинском уставе все, что можно было счесть злоупотреблением властью. Он ввел избрание на уровне рот, батальонов и полков комитетов представителей рядовых солдат, подчинил части столичного гарнизона политической власти Совета и провозгласил, что решения Думы подлежат исполнению только в том случае, если не противоречат решениям Совета. Никакое оружие не должно было выдаваться офицерам. Приказ № 1 полностью сводил на нет попытки Думы подчинить себе солдат столичного гарнизона.

Когда в ночь с 1 на 2 марта состоялась встреча руководителей Совета и Комитета, каждый лагерь переоценивал силы другого. Совет был уверен, что только Дума могла войти в контакт с генштабом и предотвратить всякую попытку контрреволюции. Члены же Комитета приписывали Совету такое влияние на революцию, каким он еще не обладал. Представители Совета (Суханов, Стеклов) сформулировали очень скромные требования (амнистия, политические свободы, созыв Учредительного собрания) , ни одно из которых не было собственно социалистическим. Приятно удивленный такой позицией, Милюков только попросил от имени думского Комитета, чтобы правительство провозгласило, «что оно сформировано по соглашению с Советом», и чтобы этот текст, предназначенный узаконить в глазах общественного мнения смену правительства, был опубликован в «Известиях» рядом с прокламацией

Совета, желательно на той же странице. Совет согласился и со второй просьбой Милюкова — чтобы никакое решение, касающееся характера будущего режима, не принималось до созыва Учредительного собрания. Оставалось только договориться относительно состава правительства: князь Львов — председатель Совета министров и министр внутренних дел, Милюков — министр иностранных дел, Гучков — военный министр, Терещенко — министр финансов, Шингарев — министр сельского хозяйства, Коновалов — министр торговли, Некрасов — министр путей сообщения. Чтобы придать кабинету некую революционность, думцы настояли на включении в него Чхеидзе и Керенского. Первый отказался, а второй, считая, что Совет развалится сам собой по мере возвращения к нормальной жизни, и решив принять пост министра юстиции, пренебрег мнением своих коллег из Исполкома и прямо обратился к общему собранию Совета, которое избрало его по плебисциту. Обе делегации остались довольны собранием. Думский Комитет мог поздравить себя с тем, что добился основного: признания революцией законности своей власти. Совет же считал правительство заложником в своих руках, так как поддержка, оказываемая им правительству, ограничивалась условием — пока правительство не отклоняется от линии, отвечающей интересам Совета.

В достижении 1 марта компромисса между Государственной думой и Советом, несомненно, сыграла роль неуверенность относительно позиции Николая II и генерального штаба. Информированный за два дня до этого о серьезности положения, Николай II решил отправиться в Царское Село, приказав генералу Н.Иванову восстановить порядок в Петрограде. Но ни генерал, чьи войска отказались повиноваться, узнав, что весь столичный гарнизон перешел па сторону революции, ни царь, чей поезд железнодорожники направили в Псков, так и не достигли окрестностей Петрограда. В течение всего дня 1 марта царь находился в пути. Прибыв поздно вечером в штаб Северного фронта, он узнал о полной победе революции. Ночью Родзянко сообщил генералу Н.Рузскому, что отречение стало неизбежным. Династия могла еще быть спасена, если бы царь немедленно отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича. С согласия великого князя Николая Николаевича верховный главнокомандующий Алексеев предложил командующим фронтами направить царю телеграммы с рекомендацией отречься от престола, «чтобы отстоять независимость страны и сохранить династию». Получив от Рузского семь телеграмм, Николай II уже не пытался сопротивляться. Из-за слабого здоровья сына Алексея Николай II отрекся в пользу брата Михаила Александровича. 2 марта он передал текст отречения двум эмиссарам Думы — Гучкову и Шульгину, прибывшим в Псков. Но этот акт был запоздалым, и народ, уз-яав о планах правительства заменить Николая II Михаилом, требовал провозглашения республики. Несмотря на усилия, предпринятые Милюковым для спасения династии, Михаил, которому князь Львов и Керенский объяснили, что не могут гарантировать его безопасность, в свою очередь отрекся от престола. Сообщение сразу о двух отречениях от престола (3 марта) означало окончательную победу революции — столь же неожиданную, как и ее начало.

III. РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

1. «Двоевластие» или многовластие?

В конечном счете Временное правительство, пришедшее 2 марта на смену думскому Комитету, состояло в основном из организаторов Прогрессивного блока 1915 г., то есть из политиков, которые всегда хотели установления в России парламентского строя по западному образцу. Придя к власти, они не преследовали цель изменить экономический и общественный порядок, а только обновить государственные институты и выиграть войну, оставив проведение структурных реформ Учредительному собранию.

Согласные в выборе основных направлений, члены правительства разделились по вопросам методов и отношений с Советом. Одни, и в первую очередь Милюков и Гучков, считали, что следует свести к минимуму уступки Совету и все сделать для победы в войне, которая придала бы вес новому режиму. Это подразумевало немедленное восстановление порядка как в армии, так и на предприятиях. Тем временем

продолжение войны можно было использовать как предлог для удушения революции и оправдания отсрочки реформ до созыва Учредительного собрания, который мог состояться только после восстановления мира. В отличие от сторонников «сопротивления», те, кто ратовал за «движение» (Некрасов, Терещенко, Керенский), настаивали на впечатляющих инициативах и немедленном принятии некоторых из требуемых Советом мер, чтобы подорвать авторитет последнего и вызвать патриотический подъем, необходимый для победы в войне. Разрываемое между этими двумя тенденциями и одержимое своей главной заботой — ускорить возвращение к нормальной жизни, — Временное правительство принимало меры ограниченного характера, которые могли удовлетворить только незначительную прослойку средних классов.

Правительственная декларация, опубликованная 6 марта, лишь утвердила меры, ставшие самоочевидными в результате победы революции и которые никто, соответственно, не был склонен причислять к заслугам правительства: провозглашение гражданских свобод, амнистия, созыв Учредительного собрания, отмена смертной казни, прекращение всякой сословной, национальной и религиозной дискриминации, признание права Польши и Финляндии на независимость, обещание автономии национальным меньшинствам. Обращаясь к патриотическим чувствам солдат и призывая их продолжить войну до победного конца, декларация от 6 марта не осмелилась ни официально провозгласить республику, ни затронуть самые жгучие социальные проблемы. Желая показать свою готовность установить демократический строй, правительство создало множество специализированных комиссий для разработки различных пунктов его программы. Оно поручило самые важные — сельскохозяйственные — проблемы специальному комитету, призванному изучить чаяния крестьян, но лишенному возможности предпринимать конкретные шаги. Проблема снабжения также требовала первоочередного решения. Возобновился рост цен. По данным Министерства сельского хозяйства, запасов продовольствия в Петрограде и Москве оставалось на несколько дней. Под давлением Совета правительство ввело хлебную монополию, но тут же успокоило производителей и посредников, повысив на 60% цены на зерно и пообещав, что монополия продлится только до конца войны. Реализация этой меры была поручена комитетам по снабжению, созданным на разных уровнях в правительстве, районах, уездах, муниципалитетах и состоявшим из выборных представителей от всех общественных организаций.

По отношению к Временному правительству Советы представляли собой вторую власть. Петроградский Совет обладал бесспорным верховенством, но очень разросся — 850 рабочих и 2 тыс. солдатских депутатов; большую часть своих полномочий он передал Исполкому, где профессиональные политики, назначенные «по праву», вытеснили беспартийных активистов. За несколько недель по той же схеме в стране были избраны сотни Советов. В отличие от Советов 1905 г. огромное большинство Советов 1917 г. были не чисто рабочими, а рабочими и солдатскими, даже чаще всего рабочими, солдатскими и крестьянскими. Нормы представительства порождали конфликты между различными группами. Политические деятели, вошедшие в исполкомы Советов «по праву», часто старались вытеснить оттуда солдат, считая их аполитичными, а также потенциальными эсерами. Поэтому в 35 городах страны солдаты создали собственные Советы.

Второе отличие от Советов 1905 г. заключалось в том, что Советы 1917 г. находились под контролем политических активистов (как правило, умеренных социалистов, меньшевиков и эсеров, считавших всякое участие в управлении преждевременным и полагавших, что Советам следует ограничиться надзором за действиями правительства, с тем чтобы оно на деле проводило демократические реформы, дающие возможность установить со временем социалистический строй) — выходцев из среды интеллигенции и средней или мелкой буржуазии. Даже среди большевиков, считавшихся наиболее близкими к рабочим, среди руководителей Совета был только один рабочий — Шляпников. Преобладание в руководящих инстанциях Советов профессиональных политиков складывалось за счет простых рабочих и солдат. Конечно, последние признавали выдающуюся роль Советов как воплощения революции. Но им были ближе другие учреждения, созданные ими самими, которые они также называли советами: советы заводских и районных комитетов, Красная гвардия. Как в Петрограде, так и в провинции, как в России, так и среди нерусских народов все общество выражало себя и организовывалось через Советы. Простые организационные

центры, находившиеся, как правило, под опекой Петроградского или другого, соответствующим образом избранного Совета депутатов, эти разнообразные народные объединения быстро расширили сферу своей деятельности и своих полномочий, освободились от опеки и превратились осенью 19 17 г. в такое же количество автономных — и эфемерных — центров власти, прежде чем были поглощены, «большевизированы» после октября 1917 г.

Лидеры Петроградского Совета призвали трудящихся организовываться, намереваясь упрочить тем самым собственную власть. В обстановке, когда профсоюзы еще не приняли окончательной формы, а партия оставалась малочисленной, заводским комитетам отводилась роль удобного связующего звена между Советом и рабочими массами. Под именем Советов старост некоторые из них существовали еще до революции, но тогда это были простые делегации без существенного влияния, которые едва терпела администрация. Сразу же после победы революции стихийно образовались тысячи подобных комитетов. Избираемые на общих собраниях трудящихся, они, едва сформировавшись, направляли Советам списки требований, главным из которых было установление восьмичасового рабочего дня. Когда Петроградский Совет, желавший стать гарантом общественного порядка, призвал к возобновлению работы, заводские комитеты выразили несогласие, заявив, что до получения уступок от предпринимателей это было бы преждевременным. Уступая их давлению, лидеры Совета неохотно согласились вступить в переговоры с предпринимателями столицы. В результате 10 марта было заключено соглашение и принят документ, регулирующий отношения рабочих и предпринимателей, который правительство обязалось кодифицировать. Им предусматривалось установление восьмичасового рабочего дня (при сорокасемичасовой рабочей неделе) и введение нового института — паритетных согласительных палат на предприятиях. Некоторые права признавались и за рабочими комитетами (представлять трудящихся перед администрацией и в государственных учреждениях, высказывать мнение по вопросам общественно-политической жизни предприятия и т.д.). Комитеты не замедлили превысить предоставленные им права и потребовали передать им контроль за административным, экономическим и техническим управлением предприятиями. В этом они пошли дальше, чем политические партии (за исключением анархистов, требовавших захвата заводов и экспроприации «буржуев»), что означало конфликт не только с правительством и предпринимателями, но и с Советами, партиями и профсоюзами, которые хотели направлять и контролировать требования рабочих.

Районные Советы также были организациями, созданными по призыву Петроградского Совета для объединения, невзирая на классовые различия, всех желающих защищать революцию. Предполагалось, что Петросовет возьмет на себя решение политических вопросов, а в обязанность райсоветов войдет выполнение трех функций: гарантировать исполнение решений Совета, обеспечить при необходимости защиту столицы, организовать «новую жизнь» в районах. В действительности третья функция возобладала над двумя первыми; райсоветы занялись жилищными проблемами, помощью жертвам войны, созданием яслей и столовых, продолжая своей деятельностью традиции «буржуйских» организаций, основанных во время войны. По примеру завкомов в апреле начали объединяться и районные Советы, сделав первый шаг к созданию автономного центра власти.

В целях защиты революции Петроградский Совет призвал рабочих создать милицию (Красную гвардию) и вооружить ее захваченным 27 февраля в Арсенале оружием. Вначале над милицией шефствовали заводские комитеты и районные советы, иногда профсоюзы. Она была создана в большинстве промышленных центров и состояла из молодых рабочих, которые продолжали работать на заводах. Постепенно Красная гвардия оформится в автономные организации, независимые от Советов и партий. Она сыграет не последнюю роль в октябрьских событиях 1917 г.

Февральская революция дала решающий импульс национальным движениям, начиная с поляков и кончая бурят-монголами, которые из Читы потребовали 6 марта территориальной автономии и создания местного собрания с законодательными полномочиями. Несколько национальных движений, создавших свои собственные социалистические партии (украинцы, латыши, евреи из Бунда), участвовали «по праву» в деятельности Исполкома Петроградского Совета. Воплощая собой осуществление принципа интернационализма, они присоединялись к одной из русских социалисти-

ческих группировок. Но большинство национальных организаций, как социалистических, так не социалистических, отказались «привиться» на Советы, в которых преобладали русские, и конституировались в самостоятельные центры объединения политических сил, а затем и власти. Так, в Киеве, например, уже 4 марта за влияние боролись Совет гражданских организаций, Рабочий Совет (включавший социал-демократов и эсеров, но в котором не было украинцев как организованной силы) и Рада украинских общественных организаций. За несколько дней Рада, вначале бывшая лишь органом самовыражения украинской интеллигенции, объединилась с частью Совета гражданских организаций и стала популярнее Рабочего Совета, оторвавшегося от своих местных национальных корней. Вскоре Рада уже выступала от имени всех украинцев, потребовав в марте внутренней автономии, а в июне — признания национальной независимости Украины.

Национальные движения нарастали и выдвигали все более радикальные требования. В феврале речь шла только о независимости Польши и, возможно, Финляндии. Вскоре выяснилось, что независимости ждут также Литва и Латвия. Из страха перед турками армяне из партии Дашнакцутюн несколько приглушили национальные требования. Грузины и многочисленные евреи из Бунда поступили так же, когда узнали, что их лидеры (Чхеидзе, Церетели, Ерлих, Либер) заняли важные посты при новом режиме. Только сионисты продолжали ратовать за отделение и образование еврейского центра в Палестине. Национальное движение мусульманских народов сталкивалось с большими сложностями из-за конфликта между «прогрессистами», поддерживавшими зарождающееся движение за эмансипацию женщин ислама, и «консерваторами», включавшими религиозные ассоциации и партии, националистов-реформистов и революционеров, сторонников идеи социалистического панисламизма; «унитаристами», которые надеялись осуществить объединение мусульман под эгидой крымских татар, и «федералистами», среди которых особенно активными были башкиры, узбеки и азербайджанцы, считавшие, что автономия позволит им лучше решить собственные проблемы и подготовить отделение от российского государства.

Перед лицом этих различных и противоречивых мнений, создававших угрозу распада государства — перспектива, заставшая врасплох новых лидеров, — правительство приняло лишь самые необходимые либеральные меры, которые должны были, как оно надеялось, охладить нетерпение и излишне горячие требования инородцев. 6 марта правительство опубликовало манифест, восстанавливающий автономию Финляндии. Но ни поляки, которым объясняли, что их судьба будет окончательно решена Учредительным собранием (русским), ни финны, которые видели, что новый режим лишь оживил учреждения, созданные старым, не были удовлетворены этими мерами. Литовцы и украинцы, на требования которых правительство в очередной раз отвечало, что только Учредительное собрание имеет право решить вопрос о будущем страны, тоже остались недовольны.

19 марта правительство в ответ на воззвание Петроградского Совета, потребовавшего, чтобы «все инородцы могли свободно развивать свою национальность и свою культуру», сделало заявление по вопросу о национальностях. Правительственное заявление, составленное в более ограничительном духе, только перечислило новые права гражданина-инородца: свобода передвижения, право собственности, право на выбор профессии, право быть избирателем, государственные служащие получили право использовать в школе национальный язык. Эта декларация освобождала инородцев от дискриминации, которой подвергался каждый из них при царском режиме. Но она не возвратила им «коллективного достоинства», которое принесло бы инородцам признание индивидуальности нации.

2. «Освобождение» слова

Как и революция 1905 г., Февральская революция 1917 г. вызвала настоящее освобождение слова. Рабочие, солдаты, крестьяне, еврейские интеллигенты, мусульманские женщины, армянские учителя через свои организации — заводские и солдатские комитеты, деревенские и волостные сходы — слали Советам, реже партиям, в газеты и даже лично Керенскому — члену правительства, который воспринимался как самый близкий к «демократическому» лагерю, тысячи резолюций, петиций, обращений и посланий — настоящие «тетради жалоб Русской революции», анализ ко-

торых дал М.Ферро. Эти документы отражали нищету народа и огромную надежду, порожденную революцией, наказывали новой власти принять срочные радикальные меры.

Рабочие просили в основном немедленной реализации мер, предусмотренных социал-демократической программой-минимум: в первую очередь введения восьмичасового рабочего дня, гарантии занятости, социального страхования, права создавать заводские комитеты, контроля за наймом и увольнениями, а также облегчения их материального положения — повышения зарплаты (на 25—30%), которое позволило бы им всего-навсего покупать три фунта хлеба в день, «пару ботинок раз в полгода», «кипяток в обеденный перерыв», «прекращения унизительных обысков», приобретения инструмента предприятиями, а не самими рабочими. Только незначительное число трудящихся высказало свою позицию по вопросу войны. Рабочие нескольких крупных петроградских заводов заявили о несогласии с продолжением войны, но железнодорожники и трудящиеся мелких предприятий встали на «патриотические позиции». Однако уже в апреле проблема войны вышла на первый план, а рабочие стали самыми горячими сторонниками «мира без аннексий и контрибуций». О «социализме» же в марте — апреле не было и речи. Через заводские комитеты ставились вопросы о рабочем управлении и контроле.

Основными требованиями крестьян были передача земли тем, кто ее обрабатывает, немедленное распределение запущенных, необрабатываемых земель, принадлежавших крупным собственникам или государству. Роль сельской общины в совместном использовании инвентаря, эксплуатации лесов и справедливом распределении наделов часто подчеркивалась, особенно самыми бедными. Что касается «кулаков», они боялись попасть в категорию подлежащих экспроприации, а потому заранее отказывались признать правомочность сельских сходов и местных комитетов до решения Учредительного собрания. Крестьяне были крайне озлоблены на административный аппарат и помещиков. Примечательно то, что существовала явная связь между программой социалистических партий, их трактовкой войны или революции и резолюциями рабочих, в то время как ни один из лозунгов разных партий не появлялся в крестьянских резолюциях: ни «равный раздел», ни «муниципализация», ни «социализация», ни «национализация», ни «отмена частной собственности». Отвергая политические программы и схемы, предложенные городом, крестьяне пойдут в революции собственным путем, ничуть не менее радикальным. В начале апреля управляющие крупных имений, находившиеся в гуще событий, считали обстановку более серьезной, чем в 1905 г. По данным же властей на тот период, было отмечено лишь около пятидесяти случаев «беспорядков».

Что касается солдат, то они больше всего желали, как и солдаты всех воюющих стран, окончания войны. Однако, не надеясь на скорое возвращение к родным очагам, они не осмеливались выразить свое стремление к миру в ожидании соответствующего призыва Петроградского Совета. Солдаты начали открыто выражать пацифистские настроения, только заподозрив офицеров, отрицательно относящихся к заключению мира, в том, что они эксплуатируют патриотизм в своих целях: восстановление дисциплины, а затем использование армии для подавления революции. Как это уже было сформулировано в Приказе № 1, солдаты требовали смягчения дисциплины, прекращения злоупотреблений и грубого обращения, либерализации и демократизации военных институтов.

Ни верховное главнокомандование, которое надеялось, что новый режим даст ему средства выиграть войну, ни буржуазия, согласившаяся принять участие в правительстве во имя собственных целей, не намеревались выполнять требований рабочих, солдат, крестьян и инородцев. Каким образом «демократическому» лагерю удастся примирить все эти противоречивые устремления?

С первых же дней революции большевики и анархисты предсказывали крах соглашательской политики, проводимой Петроградским Советом. Отказываясь признавать соглашение, заключенное между правительством и Советом, они представляли собой единственную оппозицию политике двоевластия. Два крупных большевистских лидера — освобожденные благодаря амнистии И.Сталин и Л.Каменев — сочли по возвращении в Петроград «бесплодной и несвоевременной» систематическую оппозицию Совету, пользовавшемуся тогда доверием масс. Февральские дни показали слабость партии, в том числе и в армии. Ей следовало сначала организоваться, завое-

вать большинство в Советах, добиться доверия солдат, составлявших еще политически не определившуюся массу. А значит, достаточно будет критиковать политику эсеро-меньшевистского руководства Совета, играя роль меньшинства при демократическом режиме. В провинции некоторые большевистские активисты даже призвали к единству действий всех социал-демократов.

Пойдя против мнения партии, Ленин в своих четырех «Письмах из далека», написанных в Цюрихе между 20 и 25 марта («Правда» осмелилась опубликовать только первое), потребовал немедленного разрыва между Советом и правительством, союза пролетарских сил, активной подготовки следующей фазы революции. Решив во что бы то ни стало вернуться в Россию, Ленин принял соглашение, заключенное швейцарским социал-демократом Платтеном с германскими властями: вместе с группой революционеров он покинул Цюрих 28 марта и пересек Германию, а затем Швецию в вагоне, пользовавшемся статусом экстерриториальности, и прибыл в Петроград. На следующий день, 4 апреля, он изложил руководителям партии свои «Апрельские тезисы», которые частично повторяли идеи, высказанные в «Письмах из далека». Ленин выразил в них безоговорочное отрицание «революционного оборончества», Временного правительства, парламентской республики и высказался за взятие власти пролетариатом и беднейшим крестьянством, установление Республики Советов, братание с целью положить конец войне, национализацию всей земли, упразднение полиции и государственных служб. Непосредственная задача партии заключалась в «разоблачении, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистическим».

Тезисы Ленина были встречены с недоумением и враждебностью большинством большевистских лидеров столицы (Каменевым, Калининым, Багдатьевым). Таким образом, ему пришлось сначала восстановить контроль над партией с помощью своих сторонников, вернувшихся из ссылки (Зиновьев, Коллонтай), и представителей меньшинства в Петроградском Совете (Ольминский, Молотов), к которым присоединились Шляпников и Сталин. Вскоре стало известно, что большевистские секции Урала, Москвы, Харькова и Латвии принимают резолюции, близкие к «Апрельским тезисам». Позиции Ленина усилились также благодаря политическому кризису, потрясшему правительство и Совет в связи с основным вопросом дня — вопросом о войне,

3. Проблема войны и апрельский кризис

В начале апреля проблема войны стала в центр политических дебатов. По мнению правительства, в котором П.Милюков и А.Гучков отличались особой активностью, только победа могла укрепить связи нового режима и западных демократий, консолидировать общество и, может быть, положить конец революции. Уже 4 марта Милюков направил, вопреки мнению Керенского, ноту дипломатическим представителям России за границей. Он выражал твердую решимость строго соблюдать международные обязательства старого режима и продолжать войну до победы. Для Милюкова цели, преследуемые в войне новой Россией, ни в чем не отличались от целей царского правительства: на повестке дня оставалось завоевание Константинополя. Эта позиция вызывала сомнения у Совета. Продолжала ли война носить империалистический характер после свержения царизма? Нужно ли продолжать войну ценой «удушения революции»? Следует ли заключить мир с риском начала гражданской войны? После долгих дебатов согласие было достигнуто (14 марта) принятием «Воззвания к народам всего мира», в котором пацифистская утопия сочеталась с «революционным оборончеством». Совет призвал в нем народы «вести решительную борьбу против аннексионистских амбиций правительств всех воюющих стран». Совет настоятельно рекомендовал «пролетариям австро-германской коалиции и, прежде всего, германскому пролетариату» «сбросить с себя иго своего полусамодержавного порядка, подобно тому как русский народ стряхнул с себя царское самовластье». Пока не кончилась «ужасная бойня, омрачающая великие часы русской Свободы», говорилось в воззвании, русский народ «будет стойко защищать... свободу от всяких реакционных посягательств — как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой».

Вернувшись из ссылки, лидер меньшевиков Церетели настоял на том, чтобы Совет более точно определил свою позицию в пользу тех, кто отдавал приоритет борьбе за мир, или тех, кто настаивал на защите революции. По его мнению, следовало одновременно продолжать войну, «сохраняя боеспособность армии для активных операций», и потребовать от правительства принять энергичные меры для заключения мира «без аннексий и контрибуций». 26 марта Церетели добился одобрения этой центристской позиции — борьба за мир и защита революции — значительным большинством Совета. Под давлением Совета Милюков был вынужден согласиться с опубликованием ее в форме «Воззвания к народам России». По словам Милюкова, этот документ, рассчитанный на «внутреннее потребление», не должен был повлечь за собой — что было бы неприемлемо, — никаких требований к союзным правительствам.

Обеспокоенные после обнародования «Воззвания к народам всего мира» боеспособностью русской армии, правительства решили войти в контакт с Временным правительством России через посредничество социалистов, на которых возлагалась задача возродить боевой дух нового режима. В Петроград отправились две делегации: «чрезвычайная посольская миссия» двух министров-социалистов (англичанина Хендерсона и француза Альбера Тома, которому было суждено сыграть важную роль в разрешении апрельского кризиса) и делегация западных социалистических лидеров (Муте, Кашен, Сандерс). Социалистическая делегация, приехавшая официально для того, чтобы приветствовать революцию от имени западных социалистов, была настороженно встречена Советом, который подозревал ее — и не без оснований — в желании добиться возобновления наступления в тот самый момент, когда с таким трудом была выработана формула мира «без аннексий и контрибуций». Западные социалисты на словах одобрили эту формулу, но сдержанно встретили предложение русских, согласно которому вопрос об Эльзас-Лотарингии и других объектах спора между воюющими сторонами следовало урегулировать путем референдума под международным контролем. Но ввиду того, что русские решительно отвергали идею сепаратного мира, Муте, Кашен и Сандерс в конечном счете установили прекрасные отношения со своими коллегами из Совета и даже были приглашены на Съезд солдатских комитетов Западного фронта, который проходил в Минске, чтобы поддержать представителей Совета и при необходимости «поднять дух» солдат.

Лозунги Совета о «мире без аннексий» и «революционном оборончестве» были горячо приняты делегатами этого съезда, показавшего, что командование (и в большой степени правительство) потеряли всякий авторитет у войск. Исполненные твердой решимости добиться выполнения Приказа № 1 (к которому добавился в связи с настойчивыми просьбами офицеров Приказ № 2, ограничивший компетенции солдатских комитетов), солдаты ежедневно сталкивались с непримиримостью офицеров, не желавших никакой демократизации армии, никакой либерализации военных институтов и решительно настроенных на ведение войны до победного конца. В глазах солдат Приказ № 1 никоим образом не означал, вопреки утверждениям командования и военного министра Гучкова, «смерти армии» или «отрицания всякой дисциплины». Солдаты были готовы воевать — в тот момент они еще полностью доверяли Совету, — но отказывались терпеть систематические унижения. В том, что солдат понял существование связи между проблемами дисциплины, предназначением армии в обществе, эксплуатацией патриотического чувства и продолжением войны в целях, которые могли обернуться против революции и интересов солдата-крестьянина (или рабочего), солдата-гражданина, меньшую роль сыграла большевистская пропаганда, чем поведение офицеров. Действительно, большинство солдат впервые услышали слово «большевик» из уст офицеров, называвших «большевиком» любого солдата, отказывавшегося повиноваться приказу, желая дискредитировать таким образом партию Ленина, но добиваясь обратного эффекта.

Именно в этой напряженной обстановке разразился апрельский кризис. 1 8 апреля Милюков направил союзным державам ноту с изложением целей России в войне. Этот документ напоминал, что Временное правительство будет скрупулезно выполнять обязательства, взятые на себя старым режимом по отношению к союзникам. Но в нем не было ни слова о стремлении Совета, выраженном в воззвании от 27 марта, к миру «без аннексий и контрибуций». Это вызвало настоящий шок у общественности страны. Многие сочли, что имела место провокация с целью столкнуть лбами Совет и верховное главнокомандование.

Керенский пригрозил уйти в отставку. В рабочих кругах сразу же развернулась широкая кампания сбора подписей за отставку Милюкова. По призыву большевиков и анархистов по улицам Петрограда прошли колонны демонстрантов с призывами «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!». Тем временем Совет по инициативе меньшевистских лидеров (Церетели, Чхеидзе и Скобелева) потребовал от Милюкова официального отречения от своей позиции, одновременно осудив демонстрации и «обращение к массам» под тем предлогом, что Совет сам достаточно силен, чтобы без посторонней помощи заставить правительство отступить, и что обращение к «улице» могло только спровоцировать отпор реакционных сил. В тот же вечер правительство объявило действия Милюкова неправомочными. Совет, желавший сохранить равновесие двоевластия, воздержался от попыток развить свой успех. Обе стороны решили совместно искать выход, который удовлетворил бы Совет, не унижая Милюкова. Однако, не зная об этих демонстрациях и желая выразить свое мнение, жители рабочих окраин вышли на улицы. Большинство хотело поддержать Совет и заставить отступить правительство. Но большевики попытались придать большую «левизну» этому движению, добившись скандирования частью демонстрантов лозунгов, опубликованных накануне «Правдой»: «Временное правительство в отставку!», «Вся власть Советам!». Дойдя до богатых кварталов центра города, участники шествия столкнулись там с идущими навстречу колоннами студентов и офицеров. Присутствовавшие при этом войска командующего гарнизоном Корнилова отказались стрелять в демонстрантов и сообщили о случившемся Совету. Корнилов был смещен со своего поста, а очевидная провокация провалилась. События этого дня подняли авторитет Совета. Зайдя слишком далеко «влево», большевики переоценили свои силы. Ленин признал это через несколько дней («Уроки кризиса»). Тем не менее число его сторонников значительно увеличилось по сравнению с мартом.

Правительство официально заявило, что Россия не думает ни о каких аннексиях, и кризис, казалось, был разрешен. Но дело о «Ноте Милюкова» поставило под вопрос существование двоевластия. Теперь уже кадеты, как и большевики, попытались заставить правительство порвать с Советом, но князь Львов, выступивший в качестве арбитра, высказался в пользу сторонников «движения», желавших партнерства с Советом. Однако руководители последнего колебались относительно того, следует ли им взять на себя обязательства и разделить ответственность власти. Не помогли и уговоры Керенского — если уж по основному вопросу о целях войны правительство согласилось принять программу Совета, разве не пришло время сформировать коалиционное правительство, более приспособленное для сопротивления поднимающемуся экстремизму? 28 апреля после продолжительных дебатов Исполком Совета отклонил минимальным большинством голосов (24 против, 22 за и 8 воздержавшихся) участие в правительстве.

Тем временем Гучков, считая, что потерял всякий авторитет у армии, подал в отставку. Под давлением многочисленных петиций, большинство которых исходило от солдат столичного гарнизона, призывавших Совет принять участие в правительстве, и учитывая вновь возросшую активность окраин, меньшевики, руководимые Чхеидзе и Церетели, объявили о своей поддержке идеи коалиционного правительства. На этот раз за участие в нем высказалось значительное большинство Совета (4 4 за, 19 против). Против голосовали только некоторые левые эсеры и все большевики. «Участие» в правительстве очень напоминало сделку, в которой все старались обмануть друг друга: умеренные рассчитывали привязать «участием» социалистов, заставить разделить правительственную ответственность и ответственность за продолжение войны, пользуясь одновременно их влиянием на массы; социалисты надеялись добиться реформ и прекращения боевых действий, провалив в то же время контрреволюционные планы.

Переговоры о создании коалиционного правительства были проведены в два приема по сценарию министерского кризиса парламентского типа: дискуссия о программе; торг вокруг формирования кабинета. Дан и Церетели подготовили программу Совета, отдававшую приоритет внешней политике за счет всех других важных вопросов (аграрная реформа, защита прав трудящихся, статус национальных меньшинств). Для решения проблемы войны меньшевики предлагали в соответствии со своей программой одновременно предпринимать усилия для заключения мира без аннексий и контрибуций, основанного на принципе права наций на самоопределение,

укреплять боеспособность армии, а также провести ее демократизацию. На заседании Совета значительным большинством голосов эта программа была с энтузиазмом принята. Против выступили только большевики и несколько анархистов.

Князь Львов остался председателем нового Совета министров, в котором умеренные (кадеты) сохранили семь портфелей, а социалисты получили шесть. Благодаря своему политическому весу в кабинете главенствовали три лидера «демократии»: Церетели (министр связи), Чернов (министр сельского хозяйства) и Керенский (военный министр и министр военно-морского флота). Вхождение в правительство многих министров-социалистов ставило под вопрос сам принцип двоевластия. Собственно, участие Керенского в правительстве со 2 марта явилось первым нарушением этого принципа, так как лидер трудовиков был одновременно товарищем председателя Исполкома Совета. Во время апрельского кризиса водораздел, обозначившийся в кабинете министров, не противопоставил Керенского, «заложника демократии», другим членам правительства. Он разделил Милюкова и Гучкова, сторонников «сопротивления», с одной стороны, и, с другой — остальных министров, приверженцев «движения». Действительно, водоразделы и политические границы не проходили больше, как в самые первые дни революции, строго между Советом и правительством. Их число увеличивалось по мере того, как формулировались требования одних и других и оформлялись автономные центры альтернативной власти — Советы, организации, всякого рода комитеты, — которые создавались теми, кто считал, что деятели, выдвинутые Февральской революцией, перестали прислушиваться к их желаниям.

«Примиренчество» возобладало в тот момент, когда обострились конфликты между теми, кто слева и справа критиковал всякую политику «классового сотрудничества». Большевики, предсказывавшие развал коалиции, кадеты, подталкивавшие предпринимательские круги к сопротивлению, и в особенности рабочие, объединившиеся в заводских комитетах, крестьяне, начавшие захватывать помещичьи земли, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, инородцы, заявлявшие о своей воле к независимости, — все были полны решимости действовать, не принимая во внимание призывы к умеренности «примиренцев», которые считали, что для достижения успеха им требуется время.

4. Коалиционное правительство и рост социальной напряженности

Новое правительство посвятило себя прежде всего решению проблемы заключения мира. Новая внешняя политика определялась и теоретически обосновывалась Церетели, за которым Терещенко — официальный глава российской дипломатии — следовал не без скептицизма. План заключения мира, разработанный Церетели, состоял из двух пунктов: обращение к правительствам с целью заручиться поддержкой идеи мира без аннексий (отказ России от притязаний на Константинополь должен был послужить примером); организация конференции всех социалистических партий в Стокгольме для разработки программы мира, которую социалисты воюющих стран, возродившие Интернационал, должны навязать своим правительствам, если те останутся глухи к доводам разума. Этот утопический проект потерпел полный крах. Терещенко прозондировал намерения союзников; ответы Ллойд Джорджа, Рибо и Вильсона были предельно ясны: война должна быть продолжена. После многочисленных подготовительных встреч проект международной социалистической конференции провалился, не выдержав двойного противодействия — как со стороны большевиков, боявшихся, что успех конференции приведет к заключению всеобщего мира, спасительного для капитализма, так и союзных правительств, которые отказались выдать паспорта «пацифистам».

Потерпев поражение на «фронте мира», новое правительство было не более удачливым и на военном фронте. Чтобы сохранить доверие союзников и не потерять полностью доверие командования, правительство попыталось добиться от армии возобновления «активных -операций», могущих послужить прелюдией к масштабному наступлению, которое, как все надеялись, стало бы последним. Керенский попытался восстановить порядок в армии, начавшей разваливаться. По приблизительным оценкам, число дезертиров неизмеримо выросло: более 80 тыс. в середине мая только во 2-й армии. Сама идея продолжения войны все больше оспаривалась; за месяц

(начало апреля — начало мая) эволюция была разительной. Большевистская пропаганда распространялась неудержимо. Верховное главнокомандование возлагало на Совет всю ответственность за дезорганизацию армии, начавшуюся, по его мнению, со дня принятия Приказа № 1, и считало, что продолжать войну в этих условиях невозможно. Прикрываясь политикой, откровенно заигрывавшей с войсками (перемещение генералов, открыто противостоявших новому режиму, запрещение офицерам уходить в отставку, провозглашение «Декларации прав солдата», откуда, правда, были предварительно изъяты статьи, предоставлявшие солдатским комитетам право контролировать назначения офицеров), Керенский считал, что только авторитарное восстановление порядка в армии принесет положительные результаты. Чтобы подготовить наступление, он предпринял длительное и памятное турне по войсковым частям, стараясь убедить участников огромных солдатских собраний, пришедших его послушать, что сначала нужна военная победа над немцами, которая покажет союзникам, что Россия ищет мира не из слабости. На какое-то время это ему удалось. Как свидетельствовали доклады о «духе вооруженных сил» и значительное уменьшение числа дезертиров, инициатива Керенского породила некоторые иллюзии. 18 июня началось наступление, которое после нескольких первоначальных успехов захлебнулось, отчасти из-за нехватки снаряжения. И здесь провал правительства был очевиден.

В городах по-прежнему не переставала расти напряженность в отношениях рабочих с предпринимателями. В марте промышленники пошли на отдельные уступки: восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы, которое не превышало, как правило, 20% (тогда как стоимость жизни утроилась с 1914 г.). Эти мизерные прибавки не могли компенсировать собой все более серьезной угрозы безработицы. Под предлогом трудностей со снабжением предприятия то увольняли, то снова набирали рабочих. Заводские комитеты, легализованные наконец, 23 апреля потребовали представить им бухгалтерскую отчетность предприятий, чтобы проверить, действительно ли у администрации не было возможности повысить оплату труда и оправдывало ли увольнения состояние запасов.

«Нормальные экономические отношения разрушены», — констатировала 14 мая кадетская газета «Речь». Возобновились и достигли широкого размаха забастовки. Предприниматели ответили локаутами. Как же повело себя правительство в условиях обострения этих конфликтов? Запятые решением проблемы войны и мира, министры-социалисты наспех состряпали экономическую и социальную программы. Последняя сводилась к двум основным пунктам: введение процедуры арбитража социальных конфликтов; государственный контроль над производством и распределением. По первому — предприниматели тянули время, обещая назначить «комиссии» для изучения предложений рабочих. По второму — промышленники, враждебно настроенные к любому контролю, воспользовались (дабы избежать его) разногласиями в стане «демократии». Тогда как Совет требовал введения монополии на мясо, кожу, соль и установления государственного контроля за угле- и нефтедобычей, металлургией, производством бумаги и кредитными учреждениями, министр труда Скобелев упоминал лишь о создании «комитетов» для учета и распределения заказов, которые по характеру своей деятельности явились бы преемниками военно-промышленных комитетов. Министр промышленности и торговли Коновалов не смог добиться никакого соглашения и ушел в отставку. Правящие классы, уже оказавшие пассивное сопротивление новому режиму, не подписавшись на «заем свободы» (который принес всего несколько сотен миллионов рублей вместо запланированных 5 млрд.), открыто отказались сотрудничать, упорнее, чем когда бы то ни было, уклонялись от выполнения требований трудящихся. Не желая признавать арбитраж согласительных комиссий и все чаще прибегая к локаутам, они саботировали развитие производства, чтобы дискредитировать правительство, объявленное ими «некомпетентным».

В этих условиях более решительным стало движение фабрично-заводских комитетов, которые начали объединяться. Сначала в столице состоялась конференция заводских комитетов Петрограда, за которой должен был последовать созыв всероссийского съезда. Петроградская конференция, руководимая Советом, стала первым результатом творчества народной «базы», возникшим ex nihilo. Большевики, бывшие в меньшинстве в профсоюзах и Советах, первое время всячески поддерживали дей-

ствия фабзавкомов. В конце мая открылась I Общегородская конференция фабзавкомов Петрограда, на которой присутствовало 500 делегатов с мандатами от 367 предприятий. Конференция приняла резолюции большевистского толка, противопоставлявшие государственному контролю рабочий контроль, и высказалась за переход «всей власти Советам». Тогда же был избран Исполком, где преобладали большевики. Последние не использовали его в экономической борьбе, а превратили в своего рода плацдарм для распространения политической пропаганды. Радикализация движения вызвала к жизни, независимо от влияния большевиков, несколько эфемерных попыток самоуправления. По советским источникам, с мая — июня по октябрь они затронули 576 предприятий, в большинстве своем мелких и средних (насчитывавших в среднем 335 рабочих). В конце июня Скобелев опубликовал воззвание, направленное против деятельности заводских комитетов. Складывалось впечатление, что правительство энергичнее противилось рабочему контролю (на несколько предприятий был наложен секвестр), чем учащающимся локаутам со стороны предпринимателей. Основным результатом этого воззвания был еще больший подрыв доверия трудящихся к правительству.

В сельских местностях правительство также теряло популярность. Предупредив крестьян о недопустимости незаконных захватов, правительство постановило создать на всех уровнях (губерния, уезд, волость) комитеты по снабжению (распределявшие зерно и имевшие право эксплуатировать незасеянные земли при условии выплаты собственнику ренты, соответствующей стоимости урожая) и аграрные комитеты (в функции которых входило проведение переписи земель в предвидении аграрной реформы, условия которой должно было определить Учредительное собрание). Вместо этих комитетов, единственная цель которых, казалось, состояла в лишении крестьян права получить наконец землю в собственность, крестьяне создали на общинных сходах собственные комитеты, структура которых, как правило, не соответствовала официальным инструкциям. Эти комитеты присваивали необрабатываемые земли (без выплаты компенсации), захватывали сельскохозяйственный инвентарь и скот, принадлежавшие помещикам, пересматривали в сторону снижения платы договоры об аренде, устанавливали порядок использования выпасов. На районных сходах принимались решения о мерах общего характера, таких, как немедленное прекращение всех земельных сделок, установление норм засева в крупных имениях, создание арбитражных судов, решения которых должны иметь силу закона до созыва Учредительного собрания. На уровне волости и в еще большей степени уезда крестьянские чаяния формировала и «направляла» «сельская интеллигенция» (учителя, земские служащие и даже низшее духовенство). Параллельно с этой деятельностью множились «нарушения порядка» отдельными лицами. Число официально зарегистрированных правонарушений удесятерилось с марта по июнь. В основном это были те же беспорядки, что происходили в сельских местностях с начала века. Они состояли в незаконном занятии имений, воровстве и вырубке леса, захвате сена, хищении сельскохозяйственного инвентаря.

Крупные землевладельцы, как и промышленники, которые прибегали к локаутам, в ответ на действия крестьян сократили посевы. Они призвали правительство положить конец «анархии». Проколебавшись месяц, правительство, опасаясь распространения волнений, в начале апреля все же решило направить войска для восстановления порядка в деревне. Прошел еще месяц, прежде чем правительство созвало (9 мая) первую сессию Главного земельного комитета, которому была поручена подготовка аграрной реформы. В правительстве произошел раскол по поводу основных положений реформы, условия которой в любом случае должны были устанавливаться Учредительным собранием. Кадеты ратовали за выплату компенсации собственникам; эсеры предлагали поручить коммунальным собраниям управление распределенными землями, без всякой компенсации и в максимально уравнительном смысле. Что касается эсера Чернова, министра сельского хозяйства, он беспрестанно повторял, что никакая акция не должна быть предпринята до созыва Учредительного собрания («Наш лозунг — земля из рук Учредительного собрания»). Местные комитеты должны были подчиниться решениям Главного земельного комитета. Только большевики и отдельные левые эсеры призывали крестьян к немедленным действиям, но их лозунги, оторванные от реальной жизни села, могли встретить отклик лишь у крестьян в солдатской форме, которые находились в городах.

Движение нерусских народов также пошло дальше, чем рассчитывал новый режим. По мнению правительства, национальный вопрос не стоял в повестке дня. Оно высокомерно игнорировало как I мусульманский съезд, состоявшийся 1 мая в Казани, так и успехи Украинской Рады. Со своей стороны, Петроградский Совет, настроенный соответствующим образом русскими, живущими в нерусских районах и не перестававшими резко критиковать «реакционных националистов», отклонил все просьбы об образовании национальных военных частей, на чем особенно настаивали украинцы и литовцы. Он только высказался незначительным большинством голосов в пользу культурной автономии национальных меньшинств (25 апреля), что не соответствовало желаниям этих народов. Для правительства, как и для Совета, главным был успех революции — только после победы в рамках Европы, освобожденной от германского империализма, можно будет дискутировать об автономии — вернее, о самоопределении. Тем не менее на I Всероссийском съезде Советов (3—23 июня) социалистические партии впервые единодушно признали право народов на самоопределение, которое сопровождалось очень резким осуждением всякой попытки одностороннего решения национального вопроса до созыва Учредительного собрания. Это предупреждение было обращено в первую очередь к финнам (чей Сейм готовил законопроект об установлении новых отношений с Россией) и украинцам. Действительно, Украинская Центральная Рада только что (10 июня) опубликовала свой первый «универсал», то есть первый суверенный закон. Понимая серьезность ситуации, Керенский отправился в Киев, где подписал с Радой (вопреки мнению министров-кадетов) протокол о признании Генерального секретариата Украины, члены которого будут назначаться Центральной Радой с согласия правительства. Учредительному собранию предстояло утвердить соглашение с Украиной, которая решила бы свою судьбу путем референдума. Кадеты резко протестовали против соглашения, представлявшего угрозу целостности государства и создававшего опасный прецедент.

Несмотря на рост напряженности и трудностей (все более решительное сопротивление крупной буржуазии и кадетов, блокирование экономических связей, социальный кризис в городах, распространение беспорядков в деревне, линия украинцев на раскол), I Всероссийский съезд Советов (в выборах депутатов на него приняли участие более 2 млн. граждан) свидетельствовал о политической победе «коалиции». Правящие партии (эсеры и меньшевики) получили значительное большинство (более 600 делегатов с правом участия в голосовании), тогда как оппозиция (большевики и левые эсеры) едва набрали пятую часть мандатов (около 150, из них 105 у большевиков). Съезд — настоящий «парламент революции» — стал театром памятных словесных баталий между большинством и оппозицией. Сразу же после его открытия лучшие большевистские ораторы — Троцкий, Ленин и Луначарский — «бросились в наступление» по вопросу о власти, требуя преобразования съезда в революционный Конвент, который взял бы на себя всю полноту власти. На утверждение Церетели, что нет партии, способной взять власть в свои руки, Ленин заявил с трибуны съезда: «Я отвечаю: «Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и паша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»«.

Тем временем часть солдат столичного гарнизона, близких к большевикам и опасавшихся восстановления контроля над армией и отправки на фронт, обратилась в ЦК партии большевиков с предложением организовать демонстрацию против политики Керенского. Большевистские лидеры колебались, не зная, пойдут ли за ними рабочие. Боясь потерять поддержку солдат, завоеванную ценой настойчивых усилий, они в большинстве своем (за исключением Каменева и Зиновьева) одобрили идею демонстрации и подготовили воззвание, которое 10 июня должна была напечатать «Правда». Слухи о готовящейся большевистской демонстрации, к тому же вооруженной, достигли съезда. Большинство делегатов, сплотившись вокруг Церетели и Чхеидзе, решили призвать население к бдительности перед лицом «измены» и «провокации» большевиков. Решительная и единодушная реакция Совета, боязнь контрдемонстрации, сомнения по поводу ее подготовленности заставили Ленина отменить демонстрацию. «Правда» вышла 10 июня без воззвания. Большинство съезда захотело развить свой успех. Церетели осудил большевистский «заговор» и потребовал роспуска рабочей милиции. Чтобы «показать решимость и единство революционных сил» и поддержать свою политику, Совет призвал провести демонстрацию 18 июня. К большому удивлению лидеров Совета, только большевики приняли в ней массовое

участие. Вместо лозунга, предложенного меньшевиками и эсерами — «Через Учредительное собрание к демократической республике», большинство транспарантов содержали большевистские призывы: «Долой наступление!», «Да здравствует рабочий контроль!», «Вся власть Советам!». Успех столичных большевиков, которые благодаря своей активности в заводских и районных комитетах получили поддержку части гарнизона и рабочего класса Петрограда, стал переломным моментом. Впервые улица принадлежала им безраздельно. Но не окажется ли большевистская партия, в большей степени следовавшая за движением, чем его инициировавшая, в хвосте у собственных сторонников, среди которых солдат было не меньше, чем рабочих, разочарованных отменой Лениным демонстрации 10 июня? 18 июня завершился раскол российской социал-демократии.

5. Кризис лета 1917 г.

Как в апреле, а затем в июне, катализатором событий 3 и 4 июля, явившихся важным моментом революционного процесса 1917 г., стала проблема войны. Узнав 2 июля о немецком контрнаступлении, солдаты столичного гарнизона (собственно, те же, кто и в июне), в большинстве своем большевики и анархисты, убежденные в том, что командование не преминет воспользоваться этой возможностью для их отправки на фронт, не оставив им другого выбора, кроме «смерти в окопах во имя чуждых им интересов или смерти на баррикадах за их кровное дело», решили подготовить восстание. Его целями были: арест Временного правительства, первоочередной захват телеграфа и вокзалов, соединение с матросами Кронштадта, за которыми закрепилась репутация «революционности», создание Временного революционного комитета под руководством большевиков и анархистов. Вечером 2 июля состоялись многочисленные митинги солдат 26 частей, отказавшихся идти на фронт. Объявление об уходе в отставку министров-кадетов еще более накалило атмосферу. Свою солидарность с солдатами выразили рабочие. Рядовые участники . движения постарались добиться того, чтобы руководство партии большевиков взяло на себя командование их действиями, но в тот день Ленин уехал из Петрограда. Лидеры военной организации (Семашко, Зелевский) заявили, что у них «достаточно пулеметов для свержения Временного правительства». Был сформирован Временный революционный комитет. Следует отметить, что, когда движение набирало силу, среди большевиков не было единого мнения. Члены ЦК и большевики, заседавшие в Исполкоме Совета, были против любого «преждевременного» выступления и сдерживали демонстрации. Военная организация большевиков и местный комитет партии подготовили призывы к демонстрации, которые «Солдатская правда» должна была опубликовать на следующий день (4 июля), так как «Правда» отказалась это сделать.

Демонстрации начались во второй половине дня 3 июля. Военная организация большевиков присоединилась к движению, чтобы обеспечить руководство, ограничить его распространение и предупредить всякое преждевременное действие против государства и его институтов. Дойдя до Таврического дворца, демонстранты восторженно встретили выступления Троцкого и Зиновьева, которые обрушились на «контрреволюционеров, присутствующих в правительстве», а также на меньшевиков из Совета, отказывавшихся взять власть, предлагаемую им народом. Удовлетворенные этими речами, тон которых соответствовал общему настроению, но не зная, что делать дальше, демонстранты возвратились на окраины. Вернувшись в Петроград утром следующего дня, Ленин счел продолжение демонстраций несвоевременным. Но по призыву «Солдатской правды», опубликованному без ведома руководства, вооруженные демонстранты вновь вышли на улицы. К ним присоединились моряки из Кронштадта. Дать обратный ход выступлениям было уже невозможно. Руководство партии большевиков едва успело отпечатать листовку, призывавшую к мирной демонстрации в поддержку «новой власти... которой могли быть только Советы». Этот двусмысленный текст выдавал растерянность большевистского руководства, потерявшего контроль над ситуацией. Колонны демонстрантов снова направились к Совету. Когда Чернов попытался успокоить демонстрантов, только вмешательство Троцкого спасло его от смерти. Вскоре драки и даже перестрелки вспыхнули между кронштадтскими моряками, взбунтовавшимися солдатами и частью демонстрантов, с одной стороны, а с другой — полками, верными Совету, теми самыми полками, ко-

торые обеспечили победу восставших в феврале (Павловский, Преображенский, Волынский).

Эти войсковые формирования выступили, поверив информации, распространяемой министром юстиции Переверзевым, согласно которой Ленин не только получил деньги от Германии, но и скоординировал восстание с контрнаступлением Гинденбурга. Зиновьев безрезультатно пытался убедить Исполком Совета в том, что большевики не ожидали от демонстрантов насильственных действий и даже в мыслях не допускали свержения режима. Правительство, поддержанное Советом, высказалось за самые решительные действия. Генералу Половцеву было поручено руководство репрессивными мерами. Ленин скрылся в Финляндии (что дало повод для утверждений о его виновности). Троцкий, Зиновьев, Каменев и многие другие руководители партии были арестованы. Части, принявшие участие в демонстрации, были разоружены, а «Правда» закрыта. Большевистские газеты снова начали издаваться подпольно. Правительство закрыло также газету левых эсеров «Земля и воля», считая ее чрезмерно близкой к большевикам. На фронте восстанавливалась смертная казнь. Анализируя уроки этих событий в статье «Три кризиса», Ленин констатировал, что лозунг «Вся власть Советам!» следует снять с повестки дня, пока меньшевики и эсеры, разрыв с которыми был полным, остаются в руководстве Совета. Отныне «справедливым» стал призыв: «Вся власть рабочему классу во главе с его революционной партией коммунистов-большевиков!»

После произошедших событий князь Львов поручил Керенскому реорганизовать правительство. Переговоры между различными политическими силами были сложными: правительственный кризис продолжался 16 дней (с 6 по 22 июля). Крайне левые были выведены из игры, и кадеты, считавшие себя победителями, выдвинули свои условия: война до победы, борьба против «экстремистов» и анархии, откладывание решения социальных вопросов до созыва Учредительного собрания, восстановление дисциплины в армии. Эти условия устраивали Керенского. Но кадеты добавили к ним требование смещения Чернова, на которого они возлагали ответственность за беспорядки в деревне. Керенский поддержал «мужицкого министра» и пригрозил, что сам уйдет в отставку. Кадеты приветствовали бы приход более твердого правительства во главе с военными, но им необходимо было нейтрализовать Совет. В конечном счете Керенский действительно являлся арбитром ситуации. Так как лидеры меньшевиков (за исключением Церетели) отказались, следуя настойчивым рекомендациям Керенского, от принципа ответственности правительства перед Советом, кадеты решили войти в правительство, рассчитывая направить его действия в сторону авторитаризма с помощью консервативных групп давления, которые начиная с «июльских дней» открыто заявляли о своих намерениях.

Одной из самых активных была группа «Общество за экономическое возрождение России», основанная по инициативе крупного предпринимателя Путилова и объединявшая банкиров и промышленников Петрограда, близких к кадетам. Летом 1917 г. они выступали в качестве главной политической силы, располагавшей двумя десятками газет, официально связанных с партией, и более чем 100 «сочувствующими» изданиями. Группа насчитывала около 80 тыс. членов, объединенных в 269 местных секциях. В Москве промышленник Рябушинский руководил другой I Группой давления, в которой преобладали текстильные магнаты, «Республиканским центром». Девиз этой группы не оставлял места для двусмысленности: «Порядок. Дисциплина. Победа». К этим группам принадлежали несколько командующих армиями. «Союз крупных (земельных) собственников», носивший открыто монархический характер, объединял крупных помещиков, которым непосредственно угрожало распространение беспорядков в деревне. Не остались в стороне и военные. Для противодействия солдатским комитетам под эгидой бывшего главнокомандующего Алексеева и генерала Деникина при поддержке Родзянко и лидера монархистов Пуришкевича был создан «Союз армейских и флотских офицеров», насчитывавший в августе несколько десятков тысяч членов и имевший свои секции в главных городах страны. Эта организация поощряла создание «ударных» батальонов, призванных распространить патриотический настрой в деморализованных полках.

На Военном совещании, созванном после провала летнего наступления (16 июля), генерал Корнилов, командующий Юго-Западным фронтом, стал главнокомандующим, заменив генерала Брусилова, которого в военной среде считали недоста-

точно решительным (он, в частности, высказывал сомнения относительно полезности «ударных» батальонов, вносивших, по его мнению, раскол в армию). Правительство и военные круги единодушно одобрили назначение Корнилова. Из всех царских генералов он, сын казака-землепашца, был единственным, кто высказывал республиканские взгляды и был сторонником некоторой демократизации армии. В то же время он навел порядок в своей армии, разоружил 7 тыс. солдат, запретил митинги на фронте, ввел расстрел дезертиров, строго ограничил полномочия солдатских комитетов и наложил запрет на большевистскую пропаганду. Он пользовался поддержкой Керенского и быстро приобрел репутацию человека, на которого можно положиться, у командования, предпринимательских кругов и даже союзников, все более обеспокоенных «слабостью» гражданского правительства.

Чтобы окончательно освободиться от контроля Советов, произвести благоприятное впечатление на консервативные силы и обеспечить широкую поддержку своему правительству, критикуемому и слева и справа, Керенский ускорил формирование новых государственных институтов. Он предложил созвать и Москве своего рода консультативную ассамблею — Государственное совещание. По отношению к «правовой стране» — членам дум, делегатам кооперативов, профсоюзным активистам, представителям банков, торговли и промышленности — депутаты Советов — «реальная страна» — составили бы не более одной десятой делегатов этого Совещания, созванного специально в городе, оставшемся в стороне от революционных страстей. Советы в своем подавляющем большинстве выступили против этого маневра, направленного на то, чтобы «тихо их похоронить». Если уж речь шла о том, чтобы собрать широкое совещание, почему бы не созвать путем всеобщих выборов Учредительное собрание? Меньшевики и эсеры после известных колебаний в выборе позиции решили в конечном счете «противостоять реакционным силам». Вместо того чтобы единодушно поддержать своего инициатора, Госсовещание сделало очевидной растущую популярность Корнилова, которого бурно приветствовало большинство консервативных делегатов. Таким образом, Керенский снова стал, сам того не желая, лидером демократического лагеря.

Став главнокомандующим, Корнилов постоянно превышал свои полномочия, требовал от правительства милитаризировать железные дороги и оборонные предприятия. При горячем одобрении кадетов Корнилов изложил правительству свою программу вывода страны из кризиса. Она предусматривала демобилизацию 4 млн. солдат и выделение каждому из них по 8 десятин земли, что создало бы верную правительству крестьянскую опору, заинтересованную в порядке; прекращение всякого вмешательства государства в экономические и социальные дела. Вернувшись в Ставку после московского Совещания, Корнилов, поощряемый кадетами и поддерживаемый Союзом офицеров, решил предпринять попытку переворота. Он рассчитывал, что демонстрация в столице по случаю шестимесячной «годовщины» Февральской революции даст ему нужный предлог. Были приняты меры, чтобы послать в Петроград особо «верные» войска, в том числе «дикую дивизию» (состоявшую из татар, осетин и чеченцев), входившую в конный корпус под командованием генерала Крымова. Учитывая, что немецкие войска заняли Ригу, Корнилов потребовал подчинения себе войск столичного гарнизона, находившихся в непосредственном ведении правительства, а также расширения компетенции военных трибуналов и восстановления в тылу смертной казни. Керенский отклонил эти требования. Получив информацию о намерении Корнилова приступить к осаде Петрограда, ввести там военное положение и свергнуть правительство, Керенский сместил главнокомандующего, который после разоблачения решил действовать открыто и отказался уйти в отставку. Конфликт был неизбежен. В то время как Корнилов продвигал свои войска к столице, Керенский, покинутый министрами-кадетами, подавшими в отставку, начал переговоры с Исполкомом Совета по поводу образования Главного земельного комитета. Служащие почты, телеграфисты, солдаты и железнодорожники отреагировали мгновенно: они вывели из строя систему связи, а лояльные войска столичного гарнизона выступили навстречу солдатам Корнилова, чтобы объяснить, каковы подлинные планы мятежного генерала. Угроза мятежа вновь превратила Керенского в главу революции. Революционная солидарность проявилась полностью: большевистских лидеров выпустили из тюрьмы; большевики приняли участие в работе земельного комитета и Комитета народной обороны против контрреволюции, созданного под эгидой Советов.

За несколько часов мятеж был ликвидирован. Генерал Крымов покончил жизнь самоубийством, а Корнилов был арестован.

6. Крах государственных институтов и распад общества

Без корниловского мятежа, скажет позже Керенский, не было бы Ленина. И он был, несомненно, прав: в политическом плане мятеж резко и полностью изменил ситуацию. Кадеты, открыто поддержавшие Корнилова и ушедшие в отставку из правительства в разгар кризиса (27 августа), были дискредитированы. Керенский писал, что он испытал «глубокое разочарование», поняв, что оставлен «политической элитой нации» и что не может больше рассчитывать на ее поддержку и авторитет, которым она пользовалась у военных, чтобы создать противовес Советам и влиянию большевиков. Последние решили принять участие вместе с партиями большинства в Совете (меньшевиками и эсерами) в сопротивлении мятежу под лозунгом: «Долой Корнилова! Никакой поддержки Керенскому!», который позволил им бороться с реакцией, как того требовало общественное мнение, и заранее лишить Керенского кредита победы. Большевики были главными героями дня, так как их лидеры были выпущены из тюрьмы или смогли выйти из подполья, куда их загнали после «июльских дней». Эффективность и быстрота отпора рабочих, особенно в Петрограде, где большевики мобилизовали с помощью завкомов, районных советов и рабочей милиции около 40 тыс. человек (из которых 25 тыс. имели оружие) за несколько часов, дают основание предположить, что сплоченность руководящих инстанций и рабочей базы движения усилилась за семь недель подполья. Недостаток этой сплоченности активистов, солдат и руководителей, столь заметный во время июньских и июльских событий, похоже, был ликвидирован. Руководящие инстанции партии, по-видимому, стали лучше контролировать базу движения благодаря, в частности, контактам между Красной гвардией, заводскими комитетами, районными советами и солдатскими комитетами гарнизона.

Возрождение большевизма, считавшегося умирающим собственными лидерами (как об этом свидетельствуют ответы делегатов VI съезда партии, состоявшегося в августе, на вопросы анкеты о «состоянии здоровья» партии) и который кадеты поторопились похоронить («Большевизм умер, так сказать, скоропостижно», — гласил заголовок статьи в «Речи» от 8 июля), было на самом деле симптомом двух скрытых феноменов, гораздо более важных, чем корниловщина: радикализации масс, которым полгода спустя после Февральской революции не терпелось воспользоваться ее результатами, и краха всех созданных ею институтов.

Два месяца, отделявшие провал корниловского мятежа от взятия власти большевиками, были отмечены ускорением распада общества и государства в условиях острого экономического кризиса. В армии мятеж уничтожил последние остатки доверия к офицерам. Он показал также, в какой степени оперативные приказы могли служить прикрытием для контрреволюционных маневров. Бдительность была необходима больше, чем когда-либо. Поэтому все приказы командования анализировались, дискутировались и ставились под вопрос. В этих условиях армия перестала быть воюющей силой и инструментом подавления. Дезертирство достигло небывалого размаха. Дезертиры и солдаты-отпускники дали новый импульс крестьянскому движению. В деревне «незаконные действия» возросли многократно начиная с июля, в течение которого властями было зарегистрировано 1777 случаев откровенного насилия. С 1 сентября по 20 октября произошло 5140 «нарушений порядка» — цифра, по всей видимости, заниженная, так как власти уже утратили возможность контролировать ситуацию, но показывающая размах крестьянских волнений. С особой силой они проявились на Украине и в Белоруссии, но главным образом в пяти губерниях Центральной России (Тульской, Рязанской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской), где отличались растущим ожесточением. Крестьяне теперь не довольствовались лишь одним захватом земли. Они грабили и сотнями сжигали барские имения, убивали владельцев, не успевших скрыться, захватывали инвентарь и скот, необходимые для обработки присвоенных участков, которые не собирались возвращать. В первую очередь от крестьянского насилия страдали ненавистные помещики. В районах, где образовался немногочисленный слой богатых крестьян, вышедших из общины благодаря столыпинской реформе, крестьянское движение, чаще всего объеди-

нявшее крестьян-общинников, повернулось и против «кулаков», вынужденных возвращать в «общий котел» земли, которые были сочтены общиной «излишками» по отношению к уравнительной норме, основанной на «числе едоков».

На поднимающуюся волну аграрных беспорядков Временное правительство попыталось ответить так, как это сделала бы любая государственная власть. Церетели, Пешехонов, Чернов (несмотря на то что двое последних, будучи «духовными наследниками» народников, считались близкими к мужикам) осудили «незаконный захват земли», напомнив, что только Учредительное собрание имеет право решать земельный вопрос. Однако их уговоры не принесли результатов. В деревни были направлены войска. Но солдаты часто отказывались стрелять в своих «братьев крестьян». В сентябре — октябре около 40 из 200 случаев применения войск закончились актами неповиновения. Простое сравнение цифр — 5140 «нарушений порядка», 200 случаев применения войск для подавления этих беспорядков и 40 случаев неповиновения — веское доказательство бессилия государства, захлестнутого событиями. Большевики были единственными, кто подталкивал крестьян к захвату помещичьих земель. Однако распространение аграрных беспорядков было все-таки в основном стихийным движением, продолжением крестьянских движений предыдущих лет. Благодаря бездеятельности власти оно достигло небывалого размаха, но изменилась ли от этого его природа? Скорее всего, нет, как об этом свидетельствует его направленность, не только традиционно уравнительная и антипомещичья, но и антигородская. Крестьяне, веками испытывавшие недоверие к городу, отказались от опеки и вмешательства аграрных комитетов и комитетов по снабжению, навязанных сверху и в большинстве своем не крестьянских, и признавали авторитет только своих собственных комитетов. Лишь местные эсеровские активисты имели шансы повлиять в политическом плане на действия крестьянства — при условии, что оно причислит их к «максималистам» (их действительная принадлежность к большевикам, анархистам или эсерам мало кого интересовала), о которых крестьяне знали одно — что они не пойдут против их чаяний.

Не оставались в стороне и рабочие. Циркуляр меньшевистского министра труда Скобелева (28 августа), запретивший собрания на предприятиях в рабочее время, был воспринят как настоящее объявление войны правительством рабочему классу. Большевики тут же разоблачили сделку между «Скобелевым и К°» и предпринимателями. Последние использовали этот циркуляр для восстановления своих «прав» на предприятиях, ограничив полномочия заводских комитетов и уволив «зачинщиков» беспорядков. Предприниматели все чаще прибегали к локаутам, переводу заводов из «неспокойных» центров (Петроград, Москва, Харьков, Одесса и др.) в более «тихие» районы.

В сентябре — октябре сотни предприятий были остановлены под предлогом трудностей в снабжении, снижения производительности труда рабочих, забастовок и беспорядков. Десятки тысяч рабочих оказались выброшенными на улицу. В этих условиях снизилась активность выступлений; в сентябре — октябре количество забастовок уменьшилось по сравнению с маем, но они отличались большей агрессивностью (значительно увеличилось число незаконных арестов предпринимателей), большим радикализмом и были более политизированы; забастовщики часто требовали установления рабочего контроля за производством (особенно если предприятие должно было вот-вот закрыться) и все чаще — отставки правительства, перехода всей власти Советам.

Локауты, сознательный экономический саботаж со стороны некоторых предпринимателей и забастовки (которые вели к значительному снижению производительности труда) окончательно дезорганизовали функционирование производственной системы. Общий застой экономики из-за трудностей ее переориентации на военные нужды привел к дезорганизации работы транспорта, особенно железнодорожного: в рабочем состоянии оставалось не более двух третей вагонного и локомотивного парка, что делало невозможными нормальное снабжение промышленности и регулярную доставку продовольствия населению. Например, поставки Путиловским заводам в сентябре едва достигали 4% их потребностей, а подвоз зерна в Петроград составил только 45% продовольственных нужд города. В результате норма выдачи хлеба работникам физического труда уменьшилась за лето на 50%. С июля в городе была введена карточная система и на другие основные виды продовольствия (сахар, мясо,

яйца, жиры). Их нехватка вызвала рост цен, которые в среднем утроились с июля по октябрь. Российская экономика потерпела крушение задолго до октября 1917 г.

Параллельно с развалом экономики ширились и радикализировались национальные движения. По инициативе Рады Украины в конце августа в Киеве состоялся Съезд национальностей. На нем присутствовали делегаты от тринадцати национальных меньшинств и полутора десятков социалистических партий, которые попытались определить принципы национальной политики в бывшей империи. Заключительная резолюция признавала право всех народов на самоопределение и высказывалась за выборы не одного Учредительного собрания, где доминировали бы русские, а учредительных собраний, количество которых соответствовало бы числу национальных общин в стране. Каждое из них принимало бы решения о целесообразности отделения или о характере отношений с федерацией, которая заменит империю. Радикализация национального движения вынудила правительство принять срочные меры: были арестованы многие сторонники независимости Финляндии, которые добились принятия Сеймом 5 июля законопроекта о суверенитете Финляндии; пересмотрено соглашение с Украинской Радой от 3 июля (Генеральный секретариат стал административным органом, подчиненным Петрограду, а идея создания Учредительного собрания Украины была категорически отвергнута). Это привело к росту инцидентов между русскими и украинцами. К октябрю разрыв между Петроградом и Киевом завершился. Правительство применило меры подавления и против крымских татар: за призывы против участия солдат-мусульман в войне с турками был арестован муфтий. В Средней Азии политика правительства не порвала с «колониальной» традицией, игнорируя национальные устремления мусульман: их раскол, ставший явным уже в Казани (май 1917 г.), облегчил задачу правительству и укрепил его убежденность в том, что ислам не более чем второстепенная сила, которая не может обойтись без русской опеки.

В условиях крушения традиционных институтов и усиления недовольства различных категорий населения Керенский, провозгласив 1 сентября республику («чтобы дать моральное удовлетворение общественному мнению»), постарался укрепить законность своего положения созданием новых институтов: Демократического совещания, а затем Совета республики. Первое, аналогичное по своему составу Государственному совещанию, созванному в августе (делегаты кооперативов, земств, муниципалитетов составляли там большинство), должно было принять в сентябре два важных решения: исключить или оставить в правительственной коалиции буржуазные партии; определить характер Совета республики. Участие буржуазии в третьем коалиционном правительстве (окончательно сформированном 26 сентября) было одобрено незначительным большинством голосов после голосования и подачи поправок, вызвавших многочисленные споры. Исключив «партии, скомпрометировавшие себя в деле Корнилова», Совещание согласилось на участие в правительстве в индивидуальном порядке деятелей, принадлежавших к кадетской партии, позволив Керенскому, заботившемуся о поддержке «политической элиты нации», ввести в свой кабинет Коновалова, Кишкина и Третьякова. Большевики, посчитав это провокацией, заявили, что только II Всероссийский съезд Советов, назначенный на 20 октября, будет иметь право сформировать «подлинное правительство». Демократическое совещание одобрило также принцип представительства цензовых классов в будущем Временном Совете республики. Керенский и Церетели выработали нормы представительства различных учреждений, которые будут заседать в этом «предпарламенте». Эти нормы поставили в недопустимо невыгодное положение Советы (где соотношение сил как раз менялось в пользу большевиков) по отношению к представителям «демократии» и цензовых классов. Видя успехи «большевизации», «демократия» снова сместилась вправо.

6 октября Керенский открыл сессию Временного Совета республики. Он заявил об ответственности своего правительства перед этим главным институтом республики и изложил свою программу: защитить страну, восстановить военный потенциал, выработать вместе с союзниками условия прочного мира. От имени большевистской фракции Троцкий разразился филиппикой в адрес Временного Совета республики, который он охарактеризовал как новое издание булыгинской Думы, и правительства, которое по приказам кадетских контрреволюционеров и империалистов безосновательно продолжает эту опустошительную войну и готовит сдачу Петрограда и пора-

жение революции. После окончания его речи 53 депутата-большевика покинули зал. Их уход стал первым актом Октябрьской революции.

Поведение большевиков отчасти диктовалось их недавними успехами, выражавшимися как в плане представительства, в завоевании некоторых институтов власти, так и в более общем смысле, в массовом принятии широкими слоями общества того или иного большевистского лозунга, что, впрочем, никак не означало прямого присоединения к партии большевиков как политической силе.

31 августа большевистская резолюция, призывавшая к созданию правительства без буржуазии, впервые получила большинство в Петроградском Совете. 9 сентября Исполком Петроградского Совета, в котором преобладали эсеры и меньшевики, оказался в меньшинстве; Троцкий был избран председателем Совета. Из столицы это движение распространилось на Москву, Киев, Саратов. В сентябре уже более 50 Советов приняли резолюции о передаче всей власти Советам. К тому же большевики завоевали прочные позиции в некоторых народных организациях, таких, как Советы фабрично-заводских и районных комитетов в Петрограде. Объединенные в Межрайонное совещание, эти комитеты сыграли решающую роль во время попытки корниловского мятежа благодаря своим вооруженным дружинам. Когда правительство потребовало разоружения Красной гвардии, комитеты еще более радикализировались и присоединились к Петроградскому Совету, в котором отныне заправляли большевики. Оба эти органа, располагавшие сетью освобожденных активистов, начали тесно сотрудничать и вместе заседали в Смольном.

В более общей форме большевистские идеи внедрялись в армию и рабочую среду. Солдаты тыла приняли большевистские лозунги, понимая, что только политика «мира любой ценой» спасет их от отправки на передовую. В действующей армии провал наступления и корниловского мятежа ускорили большевизацию. Солдаты выбирали среди большевистских лозунгов те, которые им подходили: «Немедленное заключение мира!», «Вся власть Советам!» — и др. В рабочих кругах, кроме железнодорожников, оставшихся верными меньшевикам, идеи рабочего контроля встречали широкий отклик. На II конференции фабрично-заводских комитетов преобладавшие там большевики без труда добились принятия нужных резолюций. Что же касается крестьян, то они доверяли лишь «максималистам», не догадываясь, что те играют на руку большевикам. Радикализация и постепенная большевизация широких слоев общества, разочарованных политикой правительства и «демократии», щедро раздававших обещания и не прекращавших призывать к терпению в ожидании созыва Учредительного собрания, контрастировали с малочисленностью партии большевиков, насчитывавшей примерно 200 тыс. членов. Но в условиях организационного вакуума осени 1917 г., когда государственная власть уступила место соцветию комитетов, советов и совещаний, оспаривавших друг у друга крохи власти и законности, было достаточно энергичных действий одной группы, пусть даже малочисленной, но организованной и решительной, чтобы авторитет ее немедленно вырос до размеров, несопоставимых с ее реальной силой.

7. Взятие власти большевиками

15 сентября ЦК партии большевиков начал дискуссию по двум письмам («Большевики должны взять власть» и «Марксизм И восстание»), которые были получены от Ленина, скрывавшегося в Финляндии. Он требовал, чтобы партия призвала народ к немедленному восстанию. «Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовят сдачу Питера... История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь», — заключал Ленин. Никто из членов ЦК его не поддержал. Еще слишком свежи были воспоминания об «июльских днях». Высказывалось даже мнение о необходимости уничтожить письменное свидетельство предложения Ленина. ЦК решил срочно принять меры для предотвращения любой демонстрации и участвовать в работе Демократического совещания. Две недели спустя Ленин вернулся к своему предложению в статье «Кризис назрел», которая была на этот раз опубликована в газете «Рабочий путь». «Ибо пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов, — писал он, — есть *ложный идиотизм* или *полная измена*».

Настойчивость Ленина постепенно подтачивала «революционный легализм» большевистских руководителей. По инициативе Троцкого депутаты-большевики 7 октября покинули зал Совета республики. В этот же день Ленин тайно вернулся в Петроград. 10 октября, благодаря выступлению Свердлова, который доложил о подготовке военного заговора в Минске, Ленину удалось изменить мнение ЦК (по крайней мере 12 из 21 полноправных членов, которые там присутствовали) и получить 10 голосов за (при 2 против — Каменев и Зиновьев) при голосовании по вопросу о вооруженном восстании. Оппозиция Каменева (к нему присоединились А.Рыков и В.Ногин — оба из Московского комитета, известного своей умеренностью) отнюдь не была неожиданной. С марта — апреля Каменев постоянно выражал свое несогласие с Лениным, считая, что в России еще не сложились условия для установления социализма. По его мнению, взятие власти большевиками было бы несвоевременным, партии не удастся построить подлинный социализм, что дискредитирует саму идею социализма. Каменев и Зиновьев направили низовым комитетам письмо, в котором объясняли, насколько рискованно ставить в зависимость от преждевременного восстания судьбу не только «нашей партии, но и судьбу русской и международной революций». У большевиков, продолжали они, отличные шансы на выборах, они могут рассчитывать примерно на треть голосов. «В Учредительном собрании мы будем настолько сильной оппозиционной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу. Либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и прочими правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу». Победа, о которой рассуждали Каменев и Зиновьев, была бы парламентской, а не революционной.

Решение признать восстание как «стоящее на повестке дня», принятое 10 октября, не снимало всех противоречий. Ленин считал, что восстание должно произойти до открытия II съезда Советов, назначенного на 20 октября. Следовало срочно назначить дату проведения и заняться тщательной подготовкой восстания по всем правилам революционного искусства. Для Троцкого, напротив, первоочередной целью оставалось взятие власти Советами. Восстание же должно было произойти только в случае угрозы съезду. Троцкий не считал, что большевикам следует взять на себя инициативу атаки против правительства, а предлагал подождать, чтобы оно напало первым. Таким образом, вырисовывался третий путь, который делал особенно явными тактические и теоретические расхождения среди большевиков накануне взятия власти.. Большинство из них приняли точку зрения Ленина, поверив слухам, что правительство готово сдать Петроград немецким войскам и переместить столицу в Москву. Выставив себя патриотами, большевики заявили о своем намерении обеспечить оборону города. С этой целью они создали Военно-революционный центр (ВРЦ) из пяти членов (Свердлов, Сталин, Дзержинский, Урицкий, Бубнов) для мобилизации маге, в поддержке которых, как свидетельствовал доклад делегатов большевиков, не было уверенности. В докладе, в частности, отмечалось, что в Кронштадте боевой дух значительно упал, население Васильевского острова совсем не настроено в пользу восстания. На Выборгской стороне массы поддержат. Московская застава: массы выйдут на улицу по призыву Совета, но мало кто откликнется на призыв партии. Нарвская застава: в целом никакого желания восставать. Охта: среди рабочих не обнаружено никаких настроений в пользу восстания.

Ранее со своей стороны Троцкий, являвшийся председателем Петроградского Совета, 9 октября стал инициатором создания самостоятельной военной организации при Совете — Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК). Проявив тактическую ловкость, он поручил руководство им левому эсеру П.Лазимиру. Однако комитет, в который вошел ВРЦ, находился под контролем преобладавших в нем большевиков. Таким образом, под прикрытием организации, действовавшей от имени Совета, большевики смогли бы руководить восстанием. ПВРК вошел в контакт с четырьмя десятками военных частей столицы (в которой их насчитывалось тогда около 180), с Красной гвардией, почти с 200 заводами, полутора десятками районных комитетов, что позволяло мобилизовать 20 ~- 30 тыс. человек (в действительности только 6 тыс. человек приняли участие в событиях на стороне восставших). 18 октября военная комиссия Петроградского Совета организовала собрание уполномоченных полковых комитетов гарнизона. Большинство комитетов выразило недоверие правительству, подозреваемому в намерении сдать Петроград немцам, и заявило о

готовности защитить революцию по призыву съезда Советов. Но совсем другое дело было заставить их принять большевистский лозунг взятия власти путем восстания. Троцкий резюмировал ситуацию следующим образом: «Гарнизон был многочисленным, но не хотел драться. Отряды моряков не обладали нужной численностью. Красной гвардии не хватало умения». Таким образом, за два дня до открытия съезда Советов ни дата, ни способы проведения восстания не были еще определены.

Однако восстание ни для кого не было секретом. 1 7 октября меньшевистский левый журнал упомянул о существовании письма, ходившего в большевистских кругах, в котором «обсуждался вопрос о вооруженном восстании». На следующий день «Новая жизнь» опубликовала статью Каменева, осуждавшую идею вооруженного большевистского восстания и косвенно подтверждавшую подлинность информации, появившейся накануне. Эта статья взволновала общественное мнение. Ленин счел ее равносильной предательству и потребовал исключения «диссидентов» из ЦК, но остался в меньшинстве, так как Каменев и Зиновьев обещали никоим образом не мешать осуществлению решений ЦК. В Исполкоме Совета Троцкий был подвергнут настоящему допросу меньшевиками и вынужден был ответить на вопрос, готовят ли большевики восстание. Он заявил, что восстание не предусмотрено большевиками, но они полны решимости защитить съезд Советов от любых контрреволюционных вылазок. Таким образом, подготовка большевиков выглядела «законной». Со своей стороны Керенский демонстрировал полную уверенность, так как рассчитывал на поддержку меньшевиков и эсеров и получил от полковника Полковникова, командующего гарнизоном, заверения в «абсолютной лояльности» войск правительству.

Тем не менее 21 октября гарнизон перешел на сторону ПВРК. Последний тут же обратился к населению с воззванием, предупреждавшим, что без подписи ПВРК никакая директива гарнизона не будет действительна. Керенский в ультимативной форме потребовал от ПВРК отмены этого документа. Началась проба сил. Утром 24 октября Керенский приказал закрыть типографию большевиков. Последние заняли ее снова. Для разработки плана действий в Смольном собрался ЦК большевиков. В восстании должны были слиться два самостоятельных потока: государственный переворот, организованный ПВРК от имени Петроградского Совета, чтобы защитить революцию, и пролетарское восстание под руководством Военно-революционного центра. Фикция двух этапов операции — оборонительного («защитить съезд Советов от действий правительства и старого Исполкома с эсеро-меньшевистским большинством») и наступательного (связанного с деятельностью Ленина, вышедшего 25 октября из подполья) — должна была быть выдержана до конца.

Вечером 24 октября Красная гвардия и несколько военных частей, действуя от имени Совета, захватили, не встретив сопротивления, невские мосты и стратегические центры (почты, телеграф, вокзалы). За несколько часов весь город перешел под контроль восставших. Только Зимний дворец, где заседало Временное правительство, еще держался. Керенский тщетно пытался установить контакт со штабом. Там не вполне осознавали характер событий и не спешили оказать помощь победителю Корнилова. Утром 25 октября Керенский отправился за подкреплением. Не дожидаясь отправки ультиматума правительству, по инициативе Ленина было опубликовано в 10 часов утра воззвание ПВРК, в котором говорилось, что правительство низложено и что власть перешла в руки ПВРК. Это заявление до взятия власти II съездом Советов представляло собой настоящий государственный переворот. В первом варианте воззвания ПВРК Ленин писал: «ПВРК созывает сегодня на 12.00 Петроградский Совет. Принимаются неотложные меры для установления советской власти». Изменение симптоматично. Испытывая недоверие к «революционному легализму» Петроградского Совета, то есть Троцкого, к «соглашательскому духу» своих товарищей из ЦК, которых он подозревал в готовности войти в переговоры с другими социалистическими силами, Ленин хотел сосредоточить всю полноту власти в руках органа, созданного в процессе восстания, органа, который ни в чем не зависел бы от съезда Советов. Этот шаг делал неизбежным еще до открытия II съезда Советов разрыв между Лениным и другими революционными организациями, которые считали себя вправе претендовать на частицу нового авторитета и новой власти.

Во второй половине дня 25 октября Ленин, появившись впервые после июня перед народом, заявил на сессии Петроградского Совета: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась.

Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма». «Но вы предопределяете волю съезда Советов», — возразил кто-то. «Нет, — ответил Троцкий, — именно рабочие и солдаты, восстав, предопределили волю съезда».

Однако победа большевиков оставалась неполной, так как в Зимнем дворце еще заседало правительство. В половине седьмого вечера оно получило ультиматум ПВРК, который давал ему 20 минут на решение вопроса о капитуляции. В действительности же штурм Зимнего дворца произошел позднее, ночью, после того как крейсер «Аврора» сделал несколько холостых выстрелов в сторону дворца. В два часа утра Антонов-Овсеенко от имени ПВРК арестовал членов Временного правительства. Бои, в которых приняли участие с той и с другой стороны не более нескольких сот человек, завершились с минимальными потерями (6 убитых среди обороняющихся, ни одного среди нападавших).

За несколько часов до падения Зимнего дворца, в 22.40, открылся II Всероссийский съезд Советов. Осудив «военный заговор, организованный за спиной Советов», меньшевики покинули съезд, за ними — эсеры и бундовцы. Их уход обрек на поражение Мартова и его сторонников, искавших компромисса и предлагавших создать правительство, в котором были бы представлены социалистические партии и все демократические группы. Троцкий не преминул поиронизировать над этим предложением: «Народ пошел за нами, мы одержали победу, а теперь нам говорят: откажитесь от вашей победы, сделайте уступки, примите компромисс. С кем, я вас спрашиваю? С колеблющимися группами, которые нас оставили, а теперь делают нам предложения? Мы им говорим: вы — ничтожества и потерпели крах. Ваша роль окончена, идите же туда, куда вам предназначено: на свалку истории». Это выступление ускорило уход Мартова и его сторонников со съезда. Тогда по инициативе Троцкого съезд (на котором оставались только большевики и левые эсеры) принял следующую резолюцию: «II съезд констатирует, что уход меньшевиков и эсеров является преступной и отчаянной попыткой лишить это собрание представительности в тот самый момент, когда массы стараются защитить революцию от наступления контрреволюции».

Чуть позже съезд проголосовал за резолюцию, составленную Лениным, которая передавала «всю власть Советам». Эта резолюция была чистой формальностью, водь на самом деле власть находилась в руках партии большевиков, но она узаконивала результаты восстания и позволяла большевикам править от имени народа, так как другие партии, за исключением левых эсеров, покинули съезд. Затем были зачитаны и одобрены декреты о мире и о земле — первые акты нового режима.

Глава IV. Годы выживания и формирования государства (1918 — 1921)

I. ПРЕВРАЩЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА В ГОСУДАРСТВЕННУЮ СТРУКТУРУ

1. Первые декреты

Через два часа после ареста Временного правительства II Всероссийский съезд Советов ратифицировал два основных декрета, подготовленных Лениным. В Декрете о мире говорилось, что «рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире». Кроме того, новое правительство решило отменить тайную дипломатию и опубликовать секретные договоры, заключенные царским и Временным правительством.

В действительности декрет был адресован не правительствам, а скорее международному общественному мнению и свидетельствовал о желании новой власти подорвать сложившуюся мировую систему государств. Великие державы не могли принять предложение, выдвинутое большевиками. Декрет гласил, что мир «без аннексий и контрибуций» означает всеобщий отказ от любого господства, навязанного народам Европы или Америки. Это было не чем иным, как призывом к разрушению колониальных империй. Большевики надеялись, что обнародование декрета (на который фактически никто не обратил внимания), подкрепленное их победой (которая произвела большее впечатление), вызовет волнения, достаточные, чтобы вынудить правительства искать мира. Декрет сознательно ставил себя за рамки традиционной дипломатии, он был рассчитан на победу революции в Европе. Союзники России отказались рассмотреть эти предложения и признать новое правительство, обреченное, по их мнению, на скорое исчезновение. Вильсон в своем ответе напомнил о «14 пунктах» и отказался от сепаратного мира с центральными державами, а те, заинтересованные в том, чтобы получить свободу действий на востоке, дали понять, что согласны на переговоры с большевиками.

Через несколько недель к Декрету о мире добавился еще один документ — Декларация прав народов России, — столь же резко выходящий за рамки существующих норм, поскольку основывался на принципе революционного освобождения народов. Декларация провозглашала равенство и суверенность народов бывшей Российской империи, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения, отмену всяких национальных и религиозных привилегий и ограничений.

Декрет о земле, принятый 26 октября, узаконивал то, что было сделано начиная с лета многочисленными аграрными комитетами: изъятие земель у помещиков, царского дома и зажиточных крестьян. Его текст повторял наказ о земле, выработанный эсерами на базе 242 местных наказов: «Частная собственность на землю отменяется безвозмездно. Все земли передаются в распоряжение местных Советов». Эсеры заявили протест: большевики украли их программу.

«Пусть так, — ответил им Ленин. — Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос... В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь».

Согласно Декрету о земле, каждая крестьянская семья должна была получить в среднем по две-три десятины земли. Прибавка значительная, но, во всяком случае на первое время, бесполезная. За неимением скота и техники, земля не могла быть использована рационально. Тем не менее в течение нескольких месяцев престиж большевиков в деревне достиг высшей точки (об этом свидетельствует увеличение числа сельских партийных ячеек в первые месяцы 1918 г.). Крестьяне, конечно, не дожидались декрета, чтобы вершить «свою» революцию, однако он укрепил их в убеждении, будто большевики, о которых они только слышали, являются теми «максималистами», которые одобряют их действия.

2. Рабочий контроль и начало национализации

26 октября Ленин заявил, что новый режим будет основываться на принципе «рабочего контроля». Декрет от 27 ноября определил его формы. Теоретически рабочий контроль должен был осуществляться всеми трудящимися предприятия через выборный заводской комитет, а также состоящих при нем представителей администрации и инженерно-технических работников. Трудящиеся получали доступ к бухгалтерским книгам, складам, могли контролировать обоснованность найма и увольнений. Этот декрет как (бы узаконивал положение вещей, реально существовавшее на (многих предприятиях с лета 1917 г. Практически же он отстранял заводские комитеты от управления предприятиями. Они теперь входили в иерархическую струк-

туру, где большинство составляли люди, далекие от проблем рабочих комитетов. При каждом городском Совете был создан Совет рабочего контроля, состоящий из представителей профсоюзов и кооперативов. Их высшим органом был Государственный всероссийский совет рабочего контроля. Структура его узаконивала поглощение заводских комитетов профсоюзами и Советами, где заправляли большевики.

Первый съезд профсоюзов (7 — 14 января 1918 г.) должен был подтвердить подчинение завкомов профсоюзам. В окончательной резолюции, представленной большевиком Лозовским, отмечалось, что контроль над производством ни в коей мере не означает перехода предприятия в руки трудящихся данного предприятия. Последний пункт недвусмысленно свидетельствовал о том, что заводские комитеты и комиссия профсоюзного контроля должны подчиняться инструкциям, исходящим от Всероссийского совета рабочего контроля.

В действительности этот совет ни разу не собирался как самостоятельный орган. С самого начала он влился в Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), созданный декретом от 15 декабря. На него возлагалась задача по проверке экономической деятельности государства, централизации и руководству всеми экономическими органами и подготовке законов, касающихся экономики. Он подчинялся непосредственно правительству и имел двойную структуру: вертикальную (главки — центральные органы, управляющие работой различных отраслей промышленности) и горизонтальную (совнархозы или региональные советы народного хозяйства). ВСНХ обладал большими полномочиями: мог конфисковывать, приобретать, опечатывать любое предприятие. Его сотрудниками стали представители различных министерств (народных комиссариатов по экономике), которым помогали «буржуазные специалисты». Для Ленина ВСНХ являлся костяком «государственного капитализма». Привлечение советским государством «буржуазных специалистов» предполагалось Лениным (в «Очередных задачах Советской власти») как «компромисс», необходимый, поскольку советы рабочего контроля, Советы и заводские комитеты не умели «организовать производство». Рабочий контроль заводских комитетов был вытеснен профсоюзами и Советами, а затем учреждениями ВСНХ (которые позже вытеснили и профсоюзы). Рабочий контроль, ведущийся очень неумело, на некоторых предприятиях в период июня — октября 1917 г. сменился государственным, так называемым рабочим контролем над рабочими, «неспособными организоваться».

Рабочие не поняли происходящего: для них главным было, что бывший хозяин побежден и признаны заводские комитеты. Кроме того, на пятый день после революции был наконец торжественно провозглашен 8-часовой рабочий день, запрещался детский труд, стала обязательной выплата пособий по безработице и болезни.

14 декабря правительство подписало первый декрет о национализации ряда промышленных предприятий. По утверждению С.Маля, первые национализации (речь идет о 81 предприятии, национализированном до марта 1918 г.) лишь санкционировались

центром по инициативе с мест, что напоминало ситуацию, когда рабочие, лишенные работы, требуют закрытия предприятия после локаута. Эти национализации являлись прежде всего мерой наказания и заранее не планировались, в отличие от тех, которые начали систематически проводиться с лета 1918 г. Управление национализированными предприятиями было выведено из-под рабочего контроля и передано главной дирекции (главку) ВСНХ. На каждое предприятие главк назначал «комиссара» (представителя государственной власти) и двух директоров (технического и административного). Административный директор, названный затем «красным» (обычно член партии, часто бывший рабочий или мастер этого предприятия), поддерживал отношения с заводским комитетом. За неимением «инженерно-технических кадров пролетарского происхождения», техническим директором становился бывший инженер или управляющий предприятия. Если промышленные предприятия национализировались постепенно, то крупные банки, прекратившие все операции и заморозившие счета, сразу же с 27 декабря стали объектом государственной национализации. В январе 1918 г. принадлежавшие им чеки и акции были конфискованы, а государственные задолженности (всего 60 млрд. руб., из них 16 млрд. — внешнего долга) аннулированы.

Кроме основных вышеупомянутых декретов, правительство, заседавшее по пять-шесть часов каждый день, в первые недели своего существования приняло ряд дру-

гих. Вот наиболее важные из реформ: отмена старорежимных чинов, титулов и наград, а также неравенства званий; выборность судей; создание революционных трибуналов, в частности трибунала, занимающегося «преступлениями печати»; признание гражданского брака; обсуждение закона, облегчающего процедуру развода; секуляризация гражданского состояния; отделение церкви от государства и школы от церкви; переход на григорианский календарь с 1(14) февраля 1918 г.

3. Вытеснение Советов и роспуск Учредительного собрания

В передаче утром 25 октября новой власти в руки ПВРК сказалось желание Ленина лишить полномочий съезд Советов и предупредить всякую «узаконенную» попытку — даже исходящую от его собственных друзей по большевистской партии — создать коалиционное правительство с другими партиями, которые поддержали восстание (левые эсеры, меньшевики-интернационалисты). Правительство, созданное 26 октября, состояло только из большевиков. Возглавляемый Лениным Совет Народных Комиссаров (Совнарком) включал в себя 15 комиссаров: Рыков отвечал за внутренние дела, Троцкий — за внешнюю политику, Луначарский — за народное образование, Сталин — за национальную политику, Антонов-Овсеенко — за военное ведомство и т.д. Эсеры и меньшевики отказались присутствовать на заседании избранного съездом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) в знак протеста против большевистского акта насилия. Таким образом, правительство Ленина признали только большевистские делегаты, левые эсеры и несколько делегатов от мелких группировок, поддержавших восстание. Во ВЦИК были избраны 67 большевиков и 29 левых эсеров. 20 мест было оставлено для меньшевиков и эсеров на тот случай, если они вернутся на съезд.

Пока создавалось новое правительство, ПВРК, во главе которого стояли малоизвестные политические деятели, принял ряд жестких мер, отражающих низовую концепцию «демократии»: были закрыты семь газет («День» — ежедневное издание умеренных социалистов, «Речь» — ежедневное издание кадетов, «Новое время» — самая крупная ежевечерняя газета, «Вечернее время», «Русская воля», «Народная правда», «Биржевые ведомости»), установлен контроль над радио и телеграфом, выработан проект изъятия пустых помещений, частных квартир и автомобилей. Через два дня закрытие газет узаконил декрет, оставляющий за новыми властями право приостанавливать деятельность любого издания, «сеющего беспокойство в умах и публикующего заведомо ложную информацию».

Против этих жестких мер и фактически тотального захвата власти большевиками росло недовольство, в том числе внутри партии большевиков. Первым выступил Центральный Исполнительный комитет крестьянских депутатов, находящийся в руках эсеров; за ним последовали меньшевики и эсеры из Петроградского Совета, другие организации. Они призывали народ объединяться вокруг Комитета защиты революции, созданного при Петроградской думе, единственной организации, представлявшей все слои населения. Этот Комитет заявил о том, что он берет на себя временные полномочия до созыва Учредительного собрания.

Как только выяснилось, что новый режим выражает волю большевистской партии, а не Советов, часть приверженцев восстания резко изменила свою позицию. Меньшевики-интернационалисты и левые эсеры, объединившиеся вокруг издаваемой Горьким газеты «Новая жизнь» и анархо-синдикалистской газеты «Знамя труда», поддерживаемые Бундом и Польской социалистической партией, выступили за образование социалистического революционного правительства, которое состояло бы не только из большевиков. Это течение получило поддержку многочисленных рабочих профсоюзов, Советов, заводских комитетов. Совет Выборгской стороны, безоговорочно поддерживавший большевиков с апреля, опубликовал воззвание, подписанное и меньшевиками и большевиками, о формировании коалиционного социалистического правительства.

Руководство «социалистической» оппозицией взял на себя профсоюз железнодорожников (Викжель), где большевики всегда были в меньшинстве. Не желая принимать участие в «братоубийственной борьбе», профсоюз направил властям ультиматум (29 октября), требуя образования социалистического правительства, откуда

были бы исключены Ленин и Троцкий, и угрожая всеобщей забастовкой железнодорожников.

По вопросам свободы печати и создания коалиционного социалистического правительства мнения большевиков разделились. Одиннадцать членов правительства и пять членов Центрального Комитета партии (Каменев, Зиновьев, Рыков, Рязанов, Ногин) подали в отставку в знак протеста против «поддержания чисто большевистского правительства с помощью террора». Ленин же посчитал «инцидент» предательством нескольких «отдельных интеллигентов». На самом деле в октябре, так же как и в июле, до захвата власти и после, шла борьба двух внутрипартийных концепций большевизма. Большевистская дисциплина оказалась таким же далеким от реальности мифом, как и так называемая «власть Советов». Оппозиция большевиков-диссидентов» продлилась, однако, недолго. ЦК потребовал, чтобы оппозиционеры изменили свое мнение, пригрозив исключением из состава ЦК. Зиновьев подчинился 9 ноября. Остальные продержались до 30 ноября и также признали свои ошибки. Тем временем, к радости Викжеля, Ленин заключил договор о совместных действиях с левыми эсерами. Меньшевистские и эсеровские делегаты были выведены из Центрального Исполнительного Комитета II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, состоявшегося 26 ноября. В результате этой совместной акции левые эсеры вошли в правительство. Состав его оставался временным, поскольку, по общему мнению, только Учредительное собрание, которое должно было собраться в январе, могло назначить законное и представительное правительство, способное заставить большевиков пойти на уступки.

До Октября большевики постоянно обвиняли Временное правительство в затягивании созыва Учредительного собрания. Не говорить об этом они не могли. Представляется маловероятным, что Ленин заранее решил распустить Учредительное собрание, хотя Суханов утверждает, что еще в Швейцарии Ленин называл Учредительное собрание «либеральной шуткой». Тем не менее с октября Ленин неоднократно возвращался к идее, выдвинутой Плехановым еще в 1903 г., суть которой в том, что успех революции — это «высшее право», стоящее даже над всеобщим избирательным правом. Естественно, любые свободные выборы в Учредительное собрание превратились бы в победу эсеров над большевиками, потому что основную массу избирателей составляли крестьяне. Поощряя экспроприацию, большевики завоевали некоторое доверие части крестьян, но отнюдь не большинства. Из 41 млн. избирателей в декабре 1 917 г. за эсеров отдали свои голоса 16,5 млн., за умеренные социалистические партии — чуть меньше 9 млн., за различные национальные меньшинства — 4,5 млн., за кадетов — менее 2 млн., за большевиков — 9 млн. Из 7 0 7 делегатов 175 составляли большевики, 370 — эсеры, 40 — левые эсеры, 16 — меньшевики, 17 — кадеты и более 80 — «разные». В этой ситуации эсеры и большевики открыто рассматривали вопрос о роспуске Учредительного собрания. Мария Спиридонова, лидер левых эсеров, разъясняла, что Советы «показали себя наилучшими организациями для разрешения всех социальных противоречий...». От имени петроградских большевиков Володарский заявил о возможности «третьей революции» в случае, если большинство Учредительного собрания будет противиться воле большевиков. 2 8 ноября правительство обвинило кадетов в подготовке государственного переворота, назначенного на день открытия Учредительного собрания, и арестовало основных руководителей партии. Против применения насильственных мер по отношению к Учредительному собранию были возражения и внутри партии большевиков (Каменев, Ларин, Рязанов, Милютин, Сапронов). В «Заметках об Учредительном собрании» Ленин, в частности, писал: «Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии».

К открытию Учредительного собрания 5 января 1918 г. большевики подготовили пространную «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», повторяющую резолюции съезда Советов по аграрной реформе, рабочему контролю и миру. Один из пунктов декларации, зачитанной Свердловым, гласил: Учредительное собрание «считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства .общества». Делегаты отвергли это заявление о капитуляции и 244 голосами против 153 выбрали в председатели эсера В.Чернова, а

не М.Спиридонову, поддерживаемую большевиками. Кроме того, Учредительное собрание отменило октябрьские декреты. Тогда на заседании Совета Народных Комиссаров большевики потребовали немедленного роспуска Учредительного собрания. Левые эсеры заявили о необходимости альтернативы: новые выборы или немедленное объединение сил, оппозиционных Учредительному собранию, в Революционное собрание. Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) тоже высказался за роспуск. На следующий день, 6 января, красногвардейцы, дежурившие у дверей зала заседаний, не допустили туда делегатов Учредительного собрания, которое было объявлено распущенным. Этот произвол не вызвал в стране особого отклика. Лишь отдельные петроградские эсеры попытались оказать вооруженное сопротивление, но оно потерпело фиаско. Войска, верные большевикам, открыли огонь по нескольким сотням безоружных демонстрантов, протестовавших против роспуска Учредительного собрания, возмутившего демократов, умеренных социалистов, некоторых большевиков. Общественность осталась безразличной. Опыт парламентской демократии продлился несколько часов.

Распустив Учредительное собрание, правительство ограничило прерогативы «высшего органа власти» — съезда Советов, сессии которого становились все реже и сводились к чисто символическим заседаниям. Из постоянно действующего органа ВЦИК превратился во временный: он собирался уже раз в два месяца, его компетенция была резко ограничена, главное, он потерял возможность аннулировать «срочные» декреты, принимаемые Совнаркомом. Президиум ВЦИКа, полностью контролируемый большевиками, стал постоянно действующим органом. Он монополизировал все функции контроля, обладал правом подтверждать решения Совнаркома и назначать народных комиссаров, предлагаемых Совнаркомом.

«Власть снизу», то есть «власть Советов», набиравшая силу с февраля по октябрь, через различные децентрализованные институты, созданные как потенциальное «противостояние власти», в мгновение ока превратилась во «власть сверху», присвоив себе все возможные полномочия, используя бюрократические меры и прибегая к насилию. Власть перешла от общества к государству, а в государстве к партии большевиков, монополизировавших исполнительную и законодательную власть. Еще некоторое время в Советах, лишенных своих полномочий, находились небольшевики, но еще до того, как была запрещена их деятельность, к их мнению перестали прислушиваться.

II. БРЕСТ-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Первоочередной задачей нового режима было заключение мира, к которому стремилось подавляющее большинство населения.

3 декабря 1917 г. начались переговоры о перемирии между советской делегацией (возглавляемой Иоффе, Каменевым и Радеком, к которым потом присоединился Троцкий) и делегациями центральноевропейских империй. 15 декабря было подписано перемирие на четыре недели с последующим возобновлением переговоров. На первом этапе (3 — 22 декабря) речь шла о применении принципа права народов на самоопределение на западных рубежах России. 22 декабря немецкая делегация дала понять, что, по ее мнению, на территориях Российской империи, занятых немецкой армией (Галиция, Литва, Латвия, Эстония, Польша), народы уже выразили свою волю в пользу Германии. Такая позиция повлекла за собой первую паузу в переговорах. 9 января в Брест-Литовск для полноправного участия в переговорах прибыли представители Украинской Рады, ставшей независимым правительством. Поскольку между большевиками и центральноевропейскими державами велась «пропагандистская война» по национальному вопросу, Троцкий был вынужден признать делегацию Рады как полномочных представителей и выразителей интересов независимой Украины.

18 января Троцкий уехал из Бреста в Петроград для участия в обсуждении партийным руководством судьбы переговоров, провал которых также необходимо было предусмотреть. Мнения руководителей большевиков по поводу того, какую тактику выработать, разделились. Ленин был за немедленное заключение во имя «спасения русской революции» сепаратного мира на условиях, предлагаемых Германией. Буха-

рин отвергал подобный выход из положения. По его словам, это было бы на руку германскому империализму, чьим «пособником» становилось советское государство. Такое решение вынудило бы революционное государство пойти на компромиссы и уступки, от чего мог пошатнуться престиж советской власти. Бухарин выступал за революционную войну и «всеобщую защиту русской земли и мирового пролетариата», что стало бы новым стимулом к европейской революции. Во время первого голосования в ЦК сторонники революционной войны одержали явную победу над Лениным. Тогда Троцкий предложил компромиссное решение: принять декларацию о том, что Россия выходит из конфликта в одностороннем порядке, не подписывая мира, — предложение беспрецедентное в истории дипломатии. Ленин был против, но это решение казалось ему предпочтительнее бухаринского. Большевики решили продолжить переговоры, затягивая их как можно дольше. В случае прекращения переговоров было намечено попробовать вариант Троцкого.

26 января Троцкий вернулся в Брест. Прирожденный оратор, он пустился в словесные маневры. Германские военные начали тем временем терять терпение. Делегации центрально-европейских держав подписали мирный договор с представителями Рады. Те тут же попросили у Германии военной помощи, чтобы противостоять большевикам, войска которых только что вошли в Киев. Эта просьба послужила поводом к новому германскому вторжению. Отныне время играло против большевиков.

10 февраля Троцкий заканчивает переговоры, заявляя, что центральноевропейские державы и Россия не находятся более в состоянии войны. Несколько дней спустя ленинские опасения подтвердились и центральноевропейские державы начали широкое наступление от Прибалтики до Украины. 18 февраля ЦК собрался для выработки линии дальнейших действий. Ленин предложил немедленно послать телеграмму в Берлин с просьбой о мире. При голосовании его предложению не хватило одного голоса. Троцкий, как и большинство тех, кто был против, полагал, что нужно подождать, пока развернется наступление, и посмотреть на реакцию немецких трудящихся. Он думал, что явная агрессия против Советской России, которая вышла из войны и объявила демобилизацию, должна вызвать революционные волнения в Германии. Однако немецкий пролетариат, по словам Розы Люксембург, оставался «неподвижен, как труп».

Вечером того же 18 февраля, видя быстрое продвижение немецких войск, которые уже очень скоро могли подойти к Петрограду, ЦК собрался снова. На этот раз ленинское предложение победило, и в Берлин была отправлена телеграмма. Ответ пришел только через четыре дня, в течение которых немецкая армия продолжала продвигаться в глубь страны. Правительство в растерянности выдвинуло лозунг революционной защиты отечества. 23 февраля немецкие войска были остановлены около Нарвы и Пскова. В этот день стали известны условия Германии. Они были более жесткими, чем на переговорах в Брест-Литовске. В ответ на протесты ЦК и правительства Ленин пригрозил, что подаст в отставку, если в течение двух суток, установленных Германией, не будут приняты все условия. 3 марта в Брест-Литовске был подписан договор. По сравнению с 1914 г. территория России сократилась на 800 тыс. км . Советская армия должна была уйти из Украины, России надо было заключить мир с Украинской Радой, отказаться от претензий на Финляндию и Балтийские страны, отдать Турции Карс, Батум и Ардахан. На втих территориях проживало 26% населения, производилось 32% сельскохозяйственной и 23% промышленной продукции, 75% угля и железа. Кроме того, советское правительство обязано было выплатить значительную репарацию (установленную в августе в размере 6 млрд. марок) и прекратить революционную пропаганду в центральноевропейских державах.

После заключения Брест-литовского договора в стране появились две оппозиции: «левые коммунисты» среди большевиков и левые эсеры, с 19 марта прекратившие всякое сотрудничество с большевиками. «Левые коммунисты», объединившиеся вокруг журнала «Коммунист», возглавляемого Бухариным, Радеком, Урицким, а затем Оболенским и Смирновым, не были согласны с установлением немецкого диктата и вели кампанию за «революционную войну». После подписания договора «левые коммунисты» заявили, что «постыдный мир» означает уступку «наименее передовым элементам пролетариата и крестьянства», угрожает основным социалистическим принципам. По их мнению, необходимы были также более жесткие внутриполитические меры: немедленное упорядочение национализации, установление подлинно ра-

бочего контроля, увольнение с предприятий всех «специалистов» некоммунистов, совместная и коллективная обработка земли. «Левым коммунистам» удалось осуществить свои идеи только в отношении национализации. Когда разразился левоэсеровский мятеж 6—7 июля 1918 г., «левые коммунисты» поспешили примкнуть к партийному большинству и отмежеваться от мятежников. Мятеж левых эсеров стал логическим концом их сопротивления большевикам, начавшегося во время подписания договора в Брест-Литовске, и завершил собой трехмесячное сотрудничество с большевиками.

III. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

1. На фронтах гражданской войны

Гражданская война началась в ноябре 1917 г. После нескольких дней борьбы с кремлевским гарнизоном, принесшей сотни жертв, большевики стали хозяевами Москвы. Оттуда они начали продвигаться от города к городу, встречая более или менее сильное сопротивление. По классификации Д.Кипа, в провинции захват власти большевиками происходил тремя способами. В городах и районах со старыми рабочими традициями, где рабочий класс был относительно однороден (Иваново, Кострома, шахты Урала), Советы и заводские комитеты еще до Октября состояли в основном из большевиков. В этих городах революция выразилась просто в мирном узаконении этого большинства в новых революционных учреждениях, например в комитетах народной власти (местных вариантах ПВРК). В больших промышленных и торговых центрах (Казань, Самара, Саратов, Нижний Новгород), социально менее однородных и наполненных беженцами, в Советах преобладали эсеры и меньшевики. В октябре там была создана большевистская, вторая власть, чаще всего на базе гарнизона или заводских комитетов. После недолгой борьбы эта власть одерживала верх, что не исключало в дальнейшем временного участия меньшевиков и эсеров в местном управлении. Наконец, в средних городах со слабо развитой промышленностью, но являвшихся центрами торговли и сельского хозяйства (Курск, Воронеж, Орел, Тамбов, Калуга, города Сибири), где большевики были в явном меньшинстве, местные Советы создавали антибольшевистские «комитеты спасения». Здесь захват власти большевиками сопровождался вооруженными кровавыми столкновениями.

Тем не менее через месяц после Октябрьской революции новая власть контролировала большую часть севера и центра России до Средней Волги, а также значительное число населенных пунктов вплоть до Кавказа (Баку) и Средней Азии (Ташкент). Влияние меньшевиков сохранялось в Грузии, во многих небольших городах страны в Советах преобладали эсеры.

Основными очагами сопротивления были районы Дона и Кубани, Украина и Финляндия (основываясь на декрете о нациях, Украина и Финляндия заявили о своей независимости). В мае к ним присоединились часть Восточной России и Западной Сибири.

Первой «Вандеей» стал бунт донского казачества. Казаки резко отличались от остальных русских крестьян: они имели право получать 30 десятин земли за воинскую службу, которую несли до 36 лет. В новых землях они не нуждались, но хотели сохранить то, чем уже владели. Потребовалось всего несколько неудачных заявлений большевиков, в которых они клеймили «кулаков», чтобы вызвать недовольство казаков. Противники советской власти обращались к казакам в надежде превратить их в своих сторонников. Генералом Алексеевым была создана Добровольческая армия под командованием генерала Корнилова. После смерти Корнилова в апреле 1918 г. этот пост занял генерал. Деникин. Добровольческая армия состояла в основном из офицеров. Зимой 1917/18 г. ее численность не превышала 3 тыс. человек (царская армия насчитывала в 1917 г. 133 тыс. офицеров). Преследуемая большевистскими войсками бывшего прапорщика Сиверса, отягощенная присоединившимися к ней политическими деятелями, журналистами, преподавателями, женами офицеров, Доб-

ровольческая армия понесла большие потери между Ростовом и Екатеринодаром и спаслась только благодаря тому, что в армии Сиверса взбунтовались казаки.

10 апреля восставшие донские и кубанские казаки избрали генерала Краснова атаманом Великого войска Донского. После переговоров с немцами, захватившими Украину, был заключен договор о поставках оружия первой «белой» армии.

В первые же дни новой власти Рада отказалась признать большевистский Совнарком законным правительством страны, потребовала его замены представительным социалистическим правительством и объявила о независимости Украины. На созванном в Киеве съезде Советов Украины сторонники Рады получили большинство. Большевики покинули этот съезд и в Харькове собрали собственный, признавший себя единственным законным правительством Украины и заявивший о полном подчинении центральной власти. 12 декабря харьковские большевики выдворили из Исполнительного комитета Совета представителей других партий. 6 тыс. красноармейцев и моряков под командованием Антонова-Овсеенко начали военные действия против Рады. 9 февраля советские войска вступили в «буржуазный» Киев. При этом не обошлось без «крайностей». Рада попросила помощи у центральноевропейских держав, с которыми она вела переговоры о мире в Брест-Литовске. 1 марта германские войска вошли в Киев, где была восстановлена власть Рады, но под опекой оккупационной армии.

Третий фронт гражданской войны находился в Восточной Сибири. Десятки тысяч чешских и словацких солдат, отказавшись защищать австро-венгерскую империю, объявили себя военнопленными по отношению к «русским братьям» и получили разрешение добраться до Владивостока, чтобы затем присоединиться к французской армии. Согласно договору, заключенному 26 марта 1918 г. с советским правительством, эти 30 тыс. солдат должны были продвигаться «не как боевое подразделение, а как группа граждан, располагающая оружием, чтобы отражать возможные нападения контрреволюционеров». Однако во время продвижения участились ее конфликты с местными властями. Поскольку боевого оружия у чехов и словаков было больше, чем предусматривалось соглашением, власти решили его конфисковать. 2 6 мая в Челябинске конфликты перешли в настоящие сражения, и чехословацкие войска заняли город. Через несколько недель они взяли под контроль многие города вдоль Транссибирской магистрали, имеющие стратегическое значение, такие, как Омск, Томск, Екатеринбург и другие. С этого времени мощная армия (в то время 30 тыс. вооруженных людей являлись крупной воинской группировкой на советской территории) перерезала жизненную артерию, связывающую европейскую часть России с Сибирью.

Наступление чехов получило незамедлительную поддержку эсеров, организовавших в Самаре Комитет из депутатов разогнанного Учредительного собрания (Комуч), который призвал крестьян к борьбе «против большевизма, за свободу». Казань, Симбирск, Уфа примкнули к Комучу. Однако мобилизация, объявленная Комитетом, продлилась недолго: население не желало служить в какой бы то ни было армии. Только рабочим Ижевска и Воткинска, разогнавшим большевистские Советы, удалось собрать народную армию в 30 тыс. человек. В результате реквизиции местных арсеналов она была неплохо вооружена. Ижевско-Воткинский комитет заявил о своей солидарности с Комучем.

8 сентября после нескольких неудачных попыток Комучу удалось созвать в Уфе совещание оппозиционных сил. На нем присутствовало около 150 делегатов, половина из них — эсеры. Были представители кадетов, три меньшевика и члены группы «Единство», близкой к Плеханову. Делегаты разделились на две группы. Левое крыло требовало создания правительства, которое признавало бы Учредительное собрание и на него опиралось; правое во главе с кадетами настаивало прежде всего на создании сильного коллегиального органа власти, независимого от какого бы то ни было выборного собрания. Споры продолжались две недели — наконец победила вторая точка зрения. На совещании было создано Временное всероссийское правительство — Уфимская директория, куда вошли эсеры Авксентьев и Зензинов — лидеры Комуча, кадет Астров, генерал Болдырев умеренных взглядов и Вологодский — премьер-министр Временного сибирского правительства, недавно созданного в Омске и гораздо более правого, чем Комуч. С самого начала директория была обреченным на провал компромиссом. 8 октября пала Самара, вновь взятая большевиками, что окон-

чательно ослабило позицию левых. Влияние правых сил в Омске, наоборот, возросло. Вологодский потребовал возврата земель их бывшим владельцам. ЦК эсеров резко осудил эту меру и порвал с директорией. 19 ноября 1918 г. адмирал Колчак и присоединившиеся к нему офицеры царской армии свергли директорию. Разобщенная и бессильная демократическая оппозиция была поглощена военной контрреволюцией.

Помимо трех уже установившихся большевистских фронтов — Дона, Украины и Транссибирской магистрали, — на территории, контролируемой центральной властью, вели борьбу разрозненные подпольные группы, в основном эсеры. Они действовали теми же методами, как и против царского режима: их арсенал по-прежнему состоял из покушений, забастовок, террористических актов. Самые активные противники новой власти объединились в Союз защиты Родины и свободы во главе с Савинковым. Эта организация была косвенно связана с Добровольческой армией. 6 июля 1918 г. группы Савинкова захватили Ярославль (250 км от Москвы). Затем, согласовав свои действия с наступлением Добровольческой армии, группы Савинкова должны были выступить на Москву. Но операция провалилась. Группам Савинкова пришлось оставить Ярославль, где в течение двух недель они снискали расположение населения, боявшегося контрнаступления большевиков.

По советским официальным данным, летом 1918 г. в районах, находившихся под контролем большевиков, из-за политики продразверстки, которая велась продовольственными отрядами и комитетами крестьянской бедноты, созданными в июле, произошло 108 «кулацких бунтов». Разворачивалась настоящая партизанская война, свидетельствующая о возобновлении вечного конфликта между двумя общественными силами, на которые делилась русская нация: деревня повернулась против города, а город — против деревни. После революции было столько же крестьянских бунтов, сколько и до Октября.

24 июня 1918 г. ЦК левых эсеров, резко выступавших против подписания Брест-литовского договора и все больше критиковавших аграрную политику Ленина, решил «в интересах русской и международной революции... организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма».

Это решение не должно было оставаться в тайне, «чтобы в этой схватке партия не была использована контрреволюционными элементами, постановлено немедленно приступить... к широкой пропаганде необходимости твердой, последовательной интернациональной и революционно-социалистической политики в Советской России». Левые эсеры — неисправимые утописты, верные последователи политических воззрений Лаврова и Бакунина и террористических традиций народничества, подготовили покушение на немецкого посла фон Мирбаха. Он был убит 6 июля левым эсером, сотрудником ВЧК Блюмкиным. После этого эсеры безуспешно попытались осуществить государственный переворот, арестовав большевистских руководителей ВЧК Дзержинского и Лациса. Поскольку не было предварительного плана действий воинских частей, верных эсерам, они оставались на месте, продолжая охранять ЦК своей партии. Только одному отряду из 20 человек удалось захватить Центральный телеграф и отправить несколько телеграмм в провинции, приостанавливающих действие всех приказов, подписанных Лениным. Эсеры даже не попытались захватить другие стратегические пункты столицы, и через несколько часов восстание было подавлено. Большевики отдали приказ о срочном аресте всех эсеровских руководителей и левоэсеровских депутатов съезда Советов, сессия которого проходила в Большом театре. Мария Спиридонова была арестована, приговорена к одному году тюремного заключения, но потом помилована. Большевики не решились спровоцировать народное негодование чрезмерной строгостью по отношению к виновным в покушении на Мирбаха, одобренном народом. Большевики воспользовались восстанием, о котором, по некоторым источникам, Дзержинский был заранее информирован, и решили избавиться от эсеров в политическом отношении. Их газеты были запрещены. На заседании съезда Советов было разрешено остаться лишь тем эсерам, кто согласился «категорически отказаться от своего участия в событиях 6 и 7 июля». Многие левые эсеры дезавуировали свой ЦК в надежде остаться в Советах. На практике их участие в политической жизни свелось к минимуму, и через несколько месяцев эсеров удалили из всех местных органов.

Силы, оппозиционные большевикам, были очень неоднородны. Они сражались с большевиками так же, как и между собой. Левые эсеры не имели ничего общего со сторонниками Савинкова, а самарский Комуч — с царскими офицерами, собиравшимися свергнуть омское правительство. Тем не менее летом 1918 г. оппозиционные группы, казалось, объединились и стали реальной угрозой большевистской власти, под чьим контролем осталась только территория вокруг Москвы. Украину захватили немцы, Дон и Кубань — Краснов и Деникин, Ярославль — Савинков. Народная армия, собранная Комучем, занимала территорию вплоть до Казани, белочехи перерезали Транссибирскую магистраль. 30 августа террористическая группа (савинковского толка) убила председателя петроградской ЧК Урицкого, а правая эсерка Каплан тяжело ранила Ленина. Ко внутренней оппозиции прибавилась вскоре иностранная интервенция.

2. Иностранная интервенция

Едва заключив договор в Брест-Литовске, Германия тут же его нарушила. В апреле немецкие и украинские войска захватили Крым. В мае немцы вступили в Грузию «по просьбе грузинских меньшевиков», которые провозгласили независимость своей республики. То, что в Грузии, как и на Украине, меньшевики согласились на опеку немцев, впоследствии стало поводом для насильственного подавления сепаратистских режимов центральными властями. В январе 1918 г. Румыния захватила и аннексировала Бессарабию.

Союзники враждебно отнеслись к большевистскому режиму. Они были уверены, что «переворот» 25 октября был осуществлен при содействии Германии. Однако, чувствуя отсутствие настоящей контрвласти и видя, что большевики сопротивляются выполнению немецких требований, выдвинутых в Брест-Литовске, они вынуждены были на некоторое время сохранять нейтралитет по отношению к новому режиму. Сначала интервенция преследовала в основном антигерманские цели. В марте 1918 г. в Мурманске высадились 2 тыс.- английских солдат с целью сорвать предполагаемое немецкое наступление на Петроград. Большевистские руководители отнеслись к этому одобрительно, поскольку это могло ограничить устремления Германии. Лениным была разработана теория «межимпериалистических противоречий», ставшая на несколько десятилетий одним из ключевых положений советской внешней политики. 16 марта 1918 г. Военный совет в Лондоне по предложению Клемансо принял решение о высадке японских войск на Дальнем Востоке. Чтобы помешать массовому наступлению немцев на западе, надо было любой ценой сохранить Восточный фронт. Первые японские соединения высадились во Владивостоке 5 апреля, за ними последовали американские. Но если американцев было всего 7500 человек, то японцев — более 70 тыс. У Японии действительно были не столько антибольшевистские, сколько экспансионистские намерения. В конце лета 1918 г. характер интервенции изменился. Войска получили указания поддерживать антибольшевистские движения. В августе 1918 г. смешанные части англичан и канадцев, вернувшихся из Месопотамии, вступили в Закавказье, заняли Баку, где с помощью местных умеренных социалистов свергли большевиков и только потом отступили под натиском Турции. Англо-французские войска, высадившиеся в августе в Архангельске, свергли там советскую власть, а затем поддержали омское правительство адмирала Колчака. Французские войска, расположившись в Одессе, обеспечивали службы тыла армии Деникина, действовавшей на Дону. Американцы, прибывшие на Дальний Восток, скорее для ограничения японских амбиций, чем для борьбы с большевиками, приняли минимальное участие в антибольшевистском крестовом походе, который летом 1918 г. представлял собой смертельную угрозу советской власти.

IV. «ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ»

1. Создание Красной Армии

Учитывая сложность ситуации, большевики в кратчайшие сроки сформировали армию, создали особый метод управления экономикой, назвав его «военным коммунизмом», и установили политическую диктатуру.

В октябре 1917 г. в армии (в основном на фронте) насчитывалось 6,3 млн. человек, 3 млн. находились в тылу. Солдаты больше не хотели воевать. Принятие Декрета о мире и проведение демобилизации в разгар брест-литовских переговоров ускорили развал вооруженных сил. Зимой 1918 г. декрет о создании Красной Армии (28 января 1918 г.) еще оставался на бумаге. У новой власти фактически не было армии. Для обороны столицы она располагала всего 20 тыс. человек, из них примерно 10 тыс. составляли красногвардейцы. Поскольку проблема вооруженной защиты власти требовала незамедлительного решения, перед большевиками встал выбор: либо использовать структуры старой армии, которую уже начали демобилизовывать, либо ввести обязательную службу рабочих, расширяя таким образом Красную гвардию и лишая заводы рабочей силы, либо создавать вооруженные силы нового типа из солдат-добровольцев и выбранных командиров. В начале 1918 г. был принят последний вариант. Первые «красные» вооруженные силы состояли из добровольцев, часто набиравшихся при содействии профсоюзов. Что касается красногвардейцев, близких к заводским комитетам, то они тоже постепенно вливались в Красную Армию. Вплоть до осени бои велись подразделениями набранных на скорую руку добровольцев и красногвардейцами, слабо вооруженными и сражавшимися каждый со своими врагами: Красная гвардия — с «внутренними партизанами», а добровольцы — с белочехами и белой армией, относясь с полным презрением к традиционной воинской науке. Рост оппозиции и начало иностранной интервенции выявили недостаточность этих сил, и правительство вернулось к старой практике: 9 июня 1918 г. оно объявило об обязательной воинской службе. Численность армии возросла с 360 тыс. человек в июле 1918 г. до 800 тыс. в ноябре того же года, а затем до 1,5 млн. в мае 1919 г. и до 5,5 млн. в конце 1920 г. Тем не менее война была столь непопулярна среди солдат-крестьян (некоторые из них были призваны в армию еще четыре года назад), что дезертирство приняло массовый характер. За год их количество достигло примерно 1 млн. человек. Опыт создания демократической армии с треском провалился. Народный военный комиссар, председатель Высшего военного совета Троцкий установил жесткую дисциплину и стал энергично бороться с дезертирством. Он не остановился даже перед введением системы заложников, когда за дезертира отвечали члены его семьи.

Кроме проблемы дезертирства, перед большевистским руководством стояли еще два жизненно важных вопроса: снаряжение и командование новой армией. Снаряжением занялся всемогущий центральный орган — Совет военной промышленности (Промвоенсовет), непосредственно подчиненный Совету рабоче-крестьянской обороны (созданному в ноябре 1918 г.), возглавляемому Лениным и отвечавшему за координацию действий фронта и тыла. Промвоенсовет распоряжался всеми военными объектами, где в 1920 г. работала треть всех рабочих, занятых в промышленности. В 1919 — 1920 гг. Красная Армия была одновременно основным работодателем и основным потребителем в стране. Половина всей одежды, обуви, табака, сахара, произведенных в стране, шла на нужды армии, ее роль в экономике была определяющей. Для того чтобы решить проблему кадров, по настоянию Троцкого и вопреки возражениям «левых коммунистов», руководимых Бухариным, пришлось обратиться к специалистам и офицерам царской армии. Примерно 50 тыс. из них пошли на службу в новую армию. Чаще всего это были «окопные» офицеры, так же как и солдаты, настроенные против кадровых офицеров — цвета белой армии. В каждом подразделении приказы военспецов должны были быть подписаны политическим комиссаром, назначенным партией и обязанным следить за исполнением приказов командования. Случаи предательства были редки. Однако приказом предусматривалось, что в случае измены офицера ответственный за него комиссар будет расстрелян. Если осенью 1918 г. военспецы составляли 3/4 командного состава, то к концу гражданской войны их было уже не более 1/3. За это время десятки тысяч «красных офицеров»

вышли из солдат. В новом обществе, созданном после революции, служба в Красной Армии была одним из основных способов продвижения по социальной лестнице.

В армии прежде всего учили читать: миллионы неграмотных крестьян закончили различные курсы, созданные в частях. Там же учили «правильно думать», усваивая основы новой идеологии. Армия была главным поставщиком кадров для комсомола, в 1920 г. на треть состоявшего из бывших военнослужащих. Именно в армии больше всего вступали в партию: осенью 1919 г. после проведенной идеологической кампании в партию записались 40 тыс. человек. Большинство новоиспеченных партийцев затем пополнило кадры советской администрации, особенно в деревнях и небольших городах. В 1921 г. около 2/3 председателей сельских Советов были из бывших бойцов Красной Армии. Они сразу же начинали навязывать своим подчиненным армейский стиль руководства. Проникновение военных во все сферы культурной, экономической, социальной и политической жизни страны повлекло за собой «огрубение» (Р.Петибридж) общественных отношений.

2. Национализация и мобилизация экономики

«Огрубение» затронуло и экономические отношения. В октябре 1917 г. после трех с половиной лет войны и восьми месяцев революции экономика страны находилась в руинах. Из-под контроля большевиков вышли наиболее богатые районы: Украина, Прибалтика, Поволжье, Западная Сибирь. Экономические связи между городом и деревней уже давно были прерваны. Забастовки и локауты предпринимателей довершили разложение экономики, порожденное войной. Окончательно отказавшись от опыта рабочего самоуправления, обреченного на провал в условиях экономической катастрофы, большевики предприняли ряд чрезвычайных мер. Некоторые были поспешными, но в основном они демонстрировали авторитарный, нейтралистский государственный подход к экономике. В советской истории совокупность этих мер получила название «военного коммунизма». В октябре 1921 г. Ленин писал: «В начале 1918... мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению».

Тот «коммунизм», который, по Марксу, должен был быстро привести к исчезновению государства, наоборот, удивительным образом гипертрофировал государственный контроль над всеми сферами экономики. После национализации торгового флота (23 января) и внешней торговли (22 апреля) правительство 28 июня 1918 г. приступило к общей национализации всех предприятий с капиталом свыше 500 тыс. рублей. Сразу после создания в декабре 1917 г. ВСНХ он занялся национализацией, но сначала экспроприации проходили беспорядочно, по инициативе на местах и чаще всего как репрессивная мера против предпринимателей, пытавшихся сопротивляться злоупотреблениям рабочего контроля. Декрет от 28 июня был неподготовленной и конъюнктурной мерой, его приняли в спешке, чтобы уйти от выполнения одного из пунктов Брест-литовского договора, гласящего, что начиная с 1 июля 1918 г. любое предприятие, изъятое у подданных Германии, будет возвращено им в том случае, если это имущество не было уже экспроприировано государством или местными властями. Такая уловка с национализацией («идущая по заранее разработанному плану», как было телеграфировано советскому послу в Берлине, чтобы придать декрету больше убедительности в глазах немцев) позволила советскому правительству заменить передачу сотен заводов «справедливой компенсацией». К 1 октября 1919 г. было национализировано 2500 предприятий. В ноябре 1920 г. вышел декрет, распространивший национализацию на все «предприятия с числом рабочих более десяти или более пяти, но использующих механический двигатель», которых оказалось около 37 тыс. Из них 30 тыс. не фигурировали в основных списках ВСНХ, их национализация не дошла даже до переписи.

Подобно декрету от 28 июня 1918 г. о национализации, постановление от 13 мая 1918 г., дающее широкие полномочия Народному комиссариату по продовольствию (Наркомпрод), обычно считается актом, с которого началась политика «военного коммунизма». В нем государство провозгласило себя главным распределителем, еще до того, как стало главным производителем. В экономике, где распределительные связи были подорваны как на уровне средств производства (резкое ухудшение состо-

яния транспорта, особенно железнодорожного), так и на уровне причинно-следственных отношений (отсутствие промышленных товаров не побуждало крестьян сбывать свою продукцию), жизненно важной проблемой стало обеспечение поставок и распределение продуктов, в особенности зерна. Перед большевиками встала дилемма: восстановить подобие рынка в условиях разваливающейся экономики или прибегнуть к принудительным мерам. Они выбрали второе, так как были уверены, что усиление классовой борьбы в деревне решит проблему снабжения продовольствием города и армии. 11 июня 1918 г. были созданы комитеты крестьянской бедноты (комбеды), которые в период разрыва между большевиками и левыми эсерами (еще контролировавшими значительное число сельских Советов) должны были стать «второй властью» и изъять излишки сельскохозяйственной продукции у зажиточных крестьян. В целях «стимулирования» бедных крестьян (определенных как «крестьяне, не использующие наемную рабочую силу и не имеющие излишков») предполагалось, что часть изымаемых продуктов будет поступать членам этих комитетов. Их действия должны были поддерживаться частями «продовольственной армии» (продармия), состоящими из рабочих и большевиков-активистов. В конце июля 1918 г. в продармии было 12 тыс. человек (затем их число увеличилось до 80 тыс.). Из них добрую половину составляли безработные петроградские рабочие, которых «заманили» приличной зарплатой (150 руб.) и в особенности оплатой натурой пропорционально количеству конфискованных продуктов. После роспуска этих отрядов в конце гражданской войны многие из участников этой кампании попали в административный и партийный аппараты, и мало кто из них вернулся на заводы.

Создание комбедов свидетельствовало о полном незнании большевиками крестьянской психологии. Они представляли, согласно примитивной марксистской схеме, что крестьяне были разделены на антагонистические классы кулаков, середняков, бедняков и батраков. На самом деле крестьянство прежде всего было едино в противостоянии городу как внешнему миру. Когда пришло время сдавать «излишки», в полной мере проявились общинный и уравнительный рефлексы деревенского схода: вместо того чтобы возложить груз поборов только на зажиточных крестьян, его распределяли более или менее равномерно, в зависимости от возможностей каждого. От этого пострадала масса середняков. Возникло общее недовольство: во многих районах вспыхнули бунты; на «продовольственную армию» устраивались засады — надвигалась настоящая партизанская война. 16 августа 1918 г. Ленин отправил телеграмму всем местным властям, где призывал их «прекратить преследовать середняка». Кампания по продразверстке летом 1918 г. закончилась неудачей: было собрано всего 13 млн. пудов зерна вместо 144 млн., как было запланировано.

Тем не менее это не помешало властям продолжить политику продразверстки до весны 1921 г. Декретом от 21 ноября 1918 г. устанавливалась монополия государства на внутреннюю торговлю. Уже с начала года многие магазины были «муниципализированы» местными властями, часто по просьбе граждан, раздраженных до предела недостатком продуктов и ростом цен, причина которых виделась им в действиях «спекулянтов» и «перекупщиков». В ноябре 1918 г. комитеты были распущены и поглощены вновь избранными сельскими Советами. Власти обвинили комбеды в малоэффективности и нагнетании «напряженности» в крестьянской среде, в то время как новый режим нуждался в установлении modus Vivendi со всем крестьянством, поскольку оно поставляло большую часть солдат для Красной Армии.

С 1 января 1919 г. беспорядочные поиски излишков были заменены централизованной и плановой системой продразверстки. Каждые область, уезд, волость, каждая крестьянская община должны были сдать государству заранее установленное количество зерна и других продуктов, в зависимости от предполагаемого урожая (определяемого весьма приблизительно, по данным предвоенных лет, так как только за эти годы имелась более или менее правдоподобная статистика). Кроме зерна, сдавались картофель, мед, яйца, масло, масличные культуры, мясо, сметана, молоко. Каждая крестьянская община отвечала за свои поставки. И только когда вся деревня их выполняла, власти выдавали квитанции, дающие право на приобретение промышленных товаров, причем в количестве намного меньшем, чем требовалось (в конце 1920 г. нужда в промышленных товарах удовлетворялась на 15 — 20%). Ассортимент ограничивался немногими товарами первой необходимости: ткани, сахар, соль, спички, табак, стекло, керосин, изредка инструменты. Особенно ощущался недостаток

сельскохозяйственного инвентаря. Что касается оплаты продразверстки девальвированными деньгами (к 1 октября 1920 г. рубль потерял 95% своей стоимости по отношению к золотому рублю), то это, естественно, крестьян не удовлетворяло. На продразверстку и дефицит товаров крестьяне отреагировали сокращением посевных площадей (на 35 — 60% в зависимости от района) и возвращением к натуральному хозяйству.

Государство поощряло создание бедняками коллективных хозяйств (в октябре 1920 г. их было 15 тыс. и они объединяли 800 тыс. крестьян) с помощью правительственного фонда. Этим коллективным хозяйствам было дано право продавать государству свои излишки, но они были так слабы (коллективное хозяйство располагало в среднем 75 десятинами пахотной земли, обрабатываемой примерно полусотней человек), а их техника так примитивна (это отчасти объяснялось смехотворными ценами, которые государство установило на продукцию сельского хозяйства), что эти коллективные хозяйства не могли произвести значительное количество излишков. Только некоторые совхозы, организованные на базе бывших поместий, обеспечивали серьезный вклад в поставки первостепенной важности (предназначенные для армии). К концу 1919 г. в стране насчитывалось всего несколько сотен совхозов.

Продразверстка, восстановив против себя крестьянство, в то же время не удовлетворила и горожан. В 1919 г. по плану предполагалось изъять 260 млн. пудов зерна, но с большим трудом было собрано только 100 млн. (38,5%). В 1920 г. план был выполнен всего на 34%. Горожан поделили на пять категорий, от рабочих «горячих профессий» и солдат до иждивенцев, учитывалось и социальное происхождение. Из-за недостатка продуктов даже самые обеспеченные получали лишь четверть предусмотренного рациона. На полфунта хлеба в день, фунт сахара в месяц, полфунта жиров и четыре фунта селедки (такова была в марте 1919 г. норма петроградского рабочего «горячего цеха») прожить было немыслимо. «Иждивенцы», интеллигенты и «бывшие» снабжались продуктами в последнюю очередь, а часто и вовсе ничего не получали. Помимо того, что система обеспечения продовольствием была несправедливой, она к тому же была чрезвычайно запутанной. В Петрограде существовало по меньшей мере 33 вида карточек со сроком годности не более месяца!

В таких условиях расцветал «черный рынок». Правительство тщетно пыталось законодательно бороться с мешочниками. Им было запрещено передвигаться на поездах. Местные власти и силы охраны порядка получили приказ арестовывать любого человека с «подозрительным» мешком. Весной 1918 г. забастовали рабочие многих петроградских заводов. Они требовали разрешения на свободный провоз мешков «до полутора пудов» (24 кг). Этот факт свидетельствовал о том, что не одни крестьяне приезжали тайком продавать свои излишки, не отставали от них и рабочие, имеющие родных в деревне. Все были заняты поисками продуктов. Участились самовольные уходы с работы (в мае 1920 г. прогуливали'50% рабочих московских заводов). Рабочие бросали работу и по мере возможности возвращались в деревню. Правительство противопоставило этому ряд мер, символизировавших «новое мышление»: введение знаменитых субботников (коммунистических суббот) — «добровольный» труд в выходные дни, начатый членами партии, а затем ставший обязательным для всех. Были приняты такие принудительные меры, как введение трудовой книжки (июнь 1919 г.) с целью уменьшить текучесть рабочей силы и «всеобщая трудовая повинность», обязательная для всех граждан от 16 до 50 лет (10 апреля 1919 г.). Самым экстремистским способом вербовки трудящихся было предложение превратить Красную Армию в «трудовую армию» и милитаризовать железные дороги. Эти проекты были выдвинуты Троцким и поддержаны Лениным. В районах, находившихся во время гражданской войны под непосредственным контролем Троцкого, предпринимались попытки осуществить эти планы: на Украине были военизированы железные дороги, а любая забастовка расценивалась как предательство. После победы над Колчаком 3-я Уральская армия стала 15 января 1920 г. Первой Революционной Трудовой армией. В апреле в Казани была создана Вторая Революционная Трудовая армия. Результаты оказались удручающими: солдаты-крестьяне были совершенно неквалифицированной рабочей силой, они спешили вернуться домой и вовсе не горели желанием работать. Железнодорожников, привыкших к тому, что их права защищает профсоюз, приводила в ярость необходимость подчиняться военным. «Военный коммунизм», рожденный марксистскими догмами в условиях экономического краха

и навязанный стране, уставшей от войны и революции, оказался полностью несостоятельным. Но в дальнейшем его «политическим завоеваниям» была уготована долгая жизнь.

3. Установление политической диктатуры

Годы «военного коммунизма» стали периодом установления политической диктатуры, завершившей двойной процесс, растянувшийся на годы: уничтожение или подчинение большевикам независимых институтов, созданных в течение 1917 г. (Советы, заводские комитеты, профсоюзы), и уничтожение небольшевистских партий.

Этот процесс (к которому чуть позже добавился запрет на внутрипартийные фракции) проходил поэтапно и разнообразно. Сворачивалась издательская деятельность, запрещались небольшевистские газеты, производились аресты руководителей оппозиционных партий, которые затем объявлялись вне закона, постоянно контролировались и постепенно уничтожались независимые институты, усиливался террор политической полиции — ВЧК, насильно были распущены «непокорные» Советы (в Луге и Кронштадте). Все эти меры проводились иногда по инициативе ВЧК или ее местных органов, иногда с санкции высших партийных эшелонов. Но, в общем, они всегда шли в одном направлении.

Мы уже проследили за тем, как съезд Советов, а потом и его руководящие органы были отстранены от власти, как автономия и полномочия заводских комитетов попали под опеку профсоюзов. В свою очередь профсоюзы, значительная часть которых не подчинилась большевикам (железнодорожники, почтальоны, служащие, рабочие кожевенных заводов), были либо распущены по обвинению в «контрреволюции», либо приручены, чтобы выполнять роль «приводного ремня». Проблема независимости профсоюзов от советского государства была поднята на том самом I съезде профсоюзов (январь 1918 г.), который завершился потерей независимости заводскими комитетами. Большевики всегда считали «нейтральность» профсоюзов «буржуазной» концепцией. Поскольку новый режим «выражал интересы рабочего класса», то, по словам Зиновьева, профсоюзы «постепенно входят составною частью в общий механизм государственной власти, становятся одним из органов рабочей государственности, подчиняясь Советам, как исторически данной форме диктатуры пролетариата». Тот же съезд отверг предложение меньшевиков, настаивающих на праве на забастовку, заявив (этот тезис повторялся теперь на каждом углу), что Республика Советов — рабочее государство и было бы абсурдным рабочим бастовать против самих себя. Чуть позже, чтобы усилить зависимость профсоюзов, большевики поставили их под прямой контроль партии. Внутри профсоюзов коммунисты должны были объединяться в ячейки, подчиняющиеся непосредственно партии, и, следовательно, быть в первую очередь членами партии, а уж во вторую — членами профсоюза. Эти действия против независимости профсоюзов подверглись суровой критике со стороны некоторых большевиков, организовавших так называемую «рабочую оппозицию» внутри партии.

Что же касается небольшевистских политических партий, то они последовательно уничтожались разными способами. 28 ноября 1917 г. кадетов объявили «врагами народа». Левые эсеры, поддерживавшие большевиков до марта 1918 г., разошлись с ними по двум пунктам: террору, возведенному в ранг официальной политики, и Брест-литовскому договору, который они не признавали. После трех месяцев «легальной» оппозиции левые эсеры попытались совершить государственный переворот (6 — 7 июля 1918 г.), закончившийся провалом. Большевики воспользовались этим, чтобы удалить левых эсеров из тех органов (например, сельских Советов), где их позиции были еще очень крепки. Но, несмотря на суды, амнистию, затем новые аресты (в феврале 1919 и в марте 1921 г.), в целом судьба левых эсеров оказалась менее трагичной, чем остальных партий. В 1921 г. всего лишь 26 левоэсеровских руководителей были расстреляны большевиками, несколько десятков сосланы, большинство же обратилось в «большевистскую веру», и многие начали работать в политической полиции.

Остальные эсеры еще в октябре объявили себя непримиримыми врагами большевиков. Верные своим принципам, они намеревались одновременно расправиться и

с большевиками, и с белыми. Но это желание осуществить было невозможно ввиду крайней слабости их организации. Из Исполнительного комитета Советов, на заседаниях которого эсеры в конце концов согласились присутствовать (14 июня 1918 г.), их удалили одновременно с меньшевиками за «сеяние смуты». Начались преследования, газеты эсеров были закрыты. От имени Учредительного собрания, где эсеры были в большинстве, они попытались создать временное правительство (летом — осенью 1918 г. в Самаре, затем в Уфе). Но их план провалился, так как эсеры оказались между большевиками и монархической контрреволюцией. Они слишком боялись, «сражаясь с коммунистами, невольно помочь приходу к власти реакционной диктатуры» (Л.Шапиро). Крах временного правительства повлек за собой развал партии эсеров. Некоторые из них, объединившись вокруг Вольского, отказались применять против большевиков силу. За это они получили право издавать газету «Дело народа», запрещенную в январе 1918 г. Эта «свобода» продлилась девять дней (20 — 28 марта 1919 г.). Большая часть эсеров эмигрировала вместе с Авксентьевым и Зензиновым. После окончания гражданской войны большевики организовали крупный публичный процесс над эсерами (8 июня — 25 июля 1922 г.), чтобы возложить на них вину за покушение на Ленина 30 августа 1918 г. и доказать, что, публично отказавшись от вооруженной борьбы в июне 1919 г., руководители этой партии только прикрывали свою истинную политику заговоров, терроризма и сотрудничества с белыми. Практика «амальгамы» в политических процессах использовалась не впервые в истории. 9 июля 1919 г. ЦК большевиков призвал своих активистов «разоблачать и арестовывать кадетов, меньшевиков и эсеров, сообща действующих против советского правительства, то есть в поддержку Деникина».

Меньшевики, объединившись вокруг своих руководителей Дана и Мартова, попытались организоваться в легальную оппозицию в рамках законности. Если в октябре 1917 г. влияние меньшевиков было незначительным, то к середине 1918 г. оно невероятно возросло среди рабочих (печатники, металлурги, рабочие текстильной и химической промышленности). С лета 1918 г. меньшевиков стали постепенно удалять из Советов. Тем не менее в январе 1 919 г. им удалось избрать около 60 делегатов (из 430) на II съезд профсоюзов. До 1921 г., несмотря на аресты, запрет меньшевистских газет и махинации на выборах, у них еще были представители в Советах. За исключением грузинских, порвавших с остальной частью социал-демократов и поддерживающих вмешательство союзнических держав, лишь бы не допустить большевистской интервенции, основная часть меньшевиков не занималась нелегальной деятельностью. В начале 1921 г. они завоевали большое число сторонников в профсоюзах, пропагандируя меры по либерализации экономики, которые затем были переработаны Лениным и ознаменовали собой начало нэпа. В феврале — марте 1921 г. большевики предприняли последнее наступление на меньшевиков: за несколько недель было произведено 2 тыс. арестов, в том числе были арестованы все члены ЦК. Десяти членам ЦК было разрешено выехать за границу, где находился Мартов, остальные были сосланы в Сибирь. Что же касается анархистов, которые одно время вместе с левыми эсерами были «попутчиками» большевиков, то с ними поступили как с обычными уголовниками. ВЧК провела несколько крупномасштабных операций против трех основных анархистских объединений («Голос труда» в Петрограде, «Вольный труд» в Москве и «Набат» на Украине). В Москве 12 апреля 1918 г. в результате серьезных вооруженных конфликтов отрядами ВЧК было убито около 40 анархистов. Примерно 500 человек подверглись аресту. Подобная же операция имела место в Петрограде 23 апреля. Украинские анархисты продолжали сопротивление: на Украине произошло крупное крестьянское восстание, руководимое Махно.

Накануне Октября Ленин говорил, что, взяв власть, большевики ее не упустят. Для большевистского лидера демократический выбор устарел с того момента, как партия, догматично идентифицированная с рабочим классом — двигателем истории, совершила революцию. Сама концепция партии, с марта 1918 г. называемой коммунистической, не допускала разделения власти: эта организация нового типа уже не являлась политической партией в традиционном понимании, так как ее компетенция распространялась на все сферы — экономику, культуру, семью, общество. В этих условиях любая попытка воспрепятствовать контролю за общественным и политическим развитием расценивалась как саботаж.

Правда, в конституции, принятой 10 июля 1918 г., не говорилось, что коммунистическая партия руководит, управляет и ведает всем государственным аппаратом; другие политические образования не запрещались, но в 23-й статье было записано, что, руководствуясь интересами всего рабочего класса, РСФСР лишает отдельных граждан и социальные группы прав, которые они могут использовать в ущерб социалистической революции. Это узаконивало любой произвол властей. Провозглашая в преамбуле уничтожение эксплуатации человека человеком и установление социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти, Конституция 1918 г. утверждала равенство наций, обязательный для всех труд и воинскую повинность, всеобщее избирательное право. Однако она же создавала категорию отверженных — «лишенцев», не имеющих права голосовать и быть избранными. В эту категорию попадали «тунеядцы», священники, бывшие «буржуи», «дворяне» и те, кто получал доходы не только от своего труда, — то есть многие миллионы людей, ставшие объектом всяческих подозрений Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК), высшего оружия осуществления воли пролетариата, созданной 7 декабря 1917 г. по предложению Ф.Дзержинского, ставшего ее первым председателем. Поначалу ВЧК задумывалась как орган расследования и ее репрессивные меры сводились к конфискации имущества и продовольственных карточек. Задача по организации такой полиции возлагалась на местные Советы. Местные ЧК быстро присвоили себе право после короткого суда расстреливать арестованных. Большевистские руководители, и особенно Ленин, приветствовали растущий «народный террор», готовый захлестнуть всю страну. «Надо поощрять энергию и массовидность террора», — писал Ленин 26 июня 1918 г. За годы гражданской войны численность ВЧК увеличилась с 1 тыс. человек в апреле 1918 г. до 37 тыс. в январе 1919 г. Весной 1921 г. в ее рядах насчитывалось уже 233 тыс. человек. Декрет от 6 июня 1918 г. восстановил смертную казнь. Но чекисты не дожидались этого закона, чтобы расправиться со своими политическими противниками. Правда, массовый характер казни приобрели только после покушений на Ленина и Урицкого 30 августа 1918 г. Вот тогда и начался настоящий «красный террор»: 3 сентября в Петрограде было расстреляно 500 заложников и подозрительных лиц. Одиночные казни теперь в расчет не принимались. Конечно же, свирепствовали не только чекисты, но и белогвардейцы, которые «огнем и мечом» наводили свой порядок в «красных районах». В сентябре 1918 г. местные ЧК (примерно 400) получили от Дзержинского распоряжение, где уточнялось, что в своих действиях, то есть обысках, арестах и казнях, ЧК совершенно независимы, но после их проведения чекисты должны направлять отчеты в Совнарком.

ВЧК ввела две карательные меры, до революции в России не применявшиеся: взятие заложников и трудовые лагеря — структура, получившая впоследствии огромное развитие. Троцкий первым приложил серьезные усилия к созданию лагерей (приказ от .4 июня 1918 г.). Туда были помещены белочехи, отказавшиеся сдать оружие. В августе в Муроме и Арзамасе были организованы два лагеря для «провокаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов и спекулянтов». 5 сентября 1918 г., в разгар «красного террора», Совнарком одобрил создание лагерей и признал, «что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». 15 апреля 1919 г. правительство своим декретом одобрило эту структуру, в которой детально были разработаны условия принудительной работы в лагерях, находящихся в ведении НКВД (Народного комиссариата внутренних дел). Функционировали два вида лагерей: одни были в ведении НКВД (туда направлялись люди, уже осужденные трибуналом), другие — ВЧК (там находились «потенциальные классовые враги», «чуждые элементы», «паразиты», арестованные на всякий случай в административном порядке). Данные по количеству заключенных в лагерях во время гражданской войны очень неточны. Сошлемся на сведения самих репрессивных органов. 1 января 1921 г. в 107 лагерях НКВД насчитывалась 51 тыс. заключенных, в лагерях ВЧК — 25 тыс. Один из руководителей ВЧК, Лацис, на страницах «Известий» 6 февраля 1920 г.. писал, что в 1918 — 1919 гг. политическая полиция арестовала 128 тыс. человек. 54500 из них были освобождены, 9641 — казнены. Цифры, без сомнения, одновременно занижены и преувеличенно точны, тем более что сотни местных ЧК действовали без согласования с центральным органом. Конквест, а затем Леггетт приводят цифру в 140 тыс.

жертв ВЧК за 1917 — 192 2 гг., но и она, по словам Леггетта, остается «очень сомнительной».

4. Конец гражданской войны: почему большевики победили?

Год 1919-й был для большевиков решающим. Они создали надежную и постоянно растущую армию. Их противники, активно поддерживаемые бывшими союзниками, объединились между собой. Мятеж адмирала Колчака (18 ноября 1918 г.) положил конец беспорядочным действиям антибольшевистской коалиции, куда уже не входили эсеры. Бывшие союзники решили уточнить цели интервенции: «изолировать большевизм — новое и чудовищное явление империализма — с помощью санитарного кордона, который... заставил бы его погибнуть от истощения; создать центры союзнических сил, вокруг которых смогли бы объединиться под эгидой Антанты здоровые элементы России в целях обновления своей страны».

В течение 1919 г. белогвардейцы предприняли три грандиозных, но плохо скоординированных наступления против большевиков, контролировавших центр России. В марте адмирал Колчак начал широким фронтом наступать от Урала к Волге. После первых успешных операций, вместо того чтобы продвигаться на соединение с армиями Деникина, приближающимися к Саратову, и согласовать свои действия с южными армиями, он решил наступать на восток и первым войти в Москву. Это дало большевикам возможность направить против его войск свои ударные силы, чтобы затем повернуть их против белой армии, движущейся с юга. Колчак, разбитый войсками С.Каменева, вынужден был отступать в тяжелейших условиях, поскольку сибирские крестьяне восстали против своего правительства, которое подписало приказ о возвращении земли бывшим владельцам. Преследуемый партизанами, Колчак был взят в плен и расстрелян в Иркутске в феврале 1920 г.

Начав свое продвижение с Кубани, генерал Деникин в результате упорных боев (конец 1918 — лето 1919 г.) в конце концов установил контроль над большей частью Украины. Он сломил сопротивление Петлюры, предводителя Украинской Думы, которая захватила власть после ухода немцев, и разгромил большевиков, поддерживаемых в тот момент сторонниками анархиста Махно. В июне 1919 г., собрав армию в 150 тыс. человек, Деникин начал наступление на Москву по всему 700-километровому фронту от Киева до Царицына. В сентябре его войска дошли до Воронежа, Курска, Орла. До столицы оставалось менее 4 00 км. В это время войска генерала Юденича выступили со стороны Прибалтики. Это наступление, поддержанное латвийскими и эстонскими частями, а также английскими танками, было остановлено в конце октября менее чем в 100 километрах от Петрограда, когда Ленин уже потерял надежду сохранить столицу. Деникинские войска вынуждены были оставить Орел и Воронеж. Красная Армия перешла в наступление. Белые отступили к Крыму, где Деникин передал командование оставшейся армией (менее 40 тыс. человек) барону Врангелю, который сопротивлялся до ноября 1920 г.

В конце 1919 г. победа большевиков не вызывала больше сомнений. Иностранные войска возвращались домой: после восстания, поднятого 6 апреля в их частях, французы начали эвакуацию из Одессы. 27 сентября англичане оставили Архангельск. Осенью 1919 г, интервенты вынуждены были уйти с территории Кавказа (в Батуме они оставались до марта 1921 г.) и Сибири. Лишь японцы, надеявшиеся сохранить позиции на Дальнем Востоке, не вывели оттуда свои войска. За несколько месяцев большевикам удалось поправить свое серьезно пошатнувшееся положение. Этот неожиданный успех (великие державы были уверены, что большевистский режим продержится не более нескольких месяцев) объяснялся не столько способностью большевиков мобилизовать свои силы и создать достаточно надежную армию, сколько беспрестанными политическими ошибками их противников.

В 1919 г., несмотря на большое количество дезертиров, Красная Армия, состоящая из нескольких сотен тысяч боеспособных людей, стала реальной силой. Ею командовали известные военачальники (Тухачевский, Буденный, Каменев), она пользовалась всеми экономическими привилегиями (страна в первую очередь кормила и одевала армию) и своим стратегическим расположением в центре страны, то есть единственной ее части, где довольно густая сеть железных и прочих дорог позволяла

перемещать войска на любой участок фронта, чтобы достичь временного, но решающего преимущества.

Политические просчеты белых сил оказались для них роковыми. Колчак и Деникин отменили октябрьский Декрет о земле, настроив против себя крестьян именно в тот момент, когда те были недовольны большевистским режимом и политикой продразверстки. Но из двух зол — казавшегося им временным и другого, представляющегося окончательным возвратом к прошлому, — они выбрали меньшее. В тылу колчаковской и деникинской армии началась партизанская война, серьезно осложнившая их отступление. Кроме того, белогвардейцы оказались неспособны на переговоры с демократической оппозицией и умеренными социалистами. Были запрещены профсоюзы и просоциалистические партии. Произвол белых, при власти которых было совершено много карательных операций, особенно погромов (только в июле 1919 г. на Украине было организовано около 50 погромов, направленных в основном против евреев и большевиков), лишил их поддержки широких слоев городского населения, отнюдь не желавших присоединяться к большевикам. Лозунг Деникина «Россия будет великой, единой, неделимой» не оставлял никакой надежды инородцам, стремящимся к автономии и независимости. Союзники предложили белогвардейцам предоставить финнам и полякам независимость, а Прибалтике и Кавказу — автономию. Белые отказались от таких «сделок», угрожающих единству «Великой России». Поэтому осенью 1919 г. в решающий момент совместного наступления Деникина и Юденича они потеряли поддержку Эстонии, Финляндии и Польши. Пилсудский, отлично знавший, что польские национальные притязания наверняка не будут удовлетворены белыми генералами, которым он мог бы оказать большую помощь, предпочел ждать их поражения, прежде чем начать наступление на советское государство. Белые утратили и расположение кавказских народов, готовых довольствоваться статусом федерации. Упорство Деникина, а затем Врангеля по отношению к требованиям казаков лишило белых доверия и их самых верных союзников.

Во главе белой армии стояли профессиональные военные, но никудышные политики. Разобщенные личными амбициями, они ограничивались единственной непопулярной программой — реставрацией старых порядков.

Большевики, напротив, с необычайной ловкостью овладели искусством пропаганды в самых разнообразных формах. Открывались курсы политграмоты, там, где это было возможно, использовалось кино, по стране курсировали агитпоезда, миллионными тиражами выпускались революционные плакаты, листовки, брошюры, газеты, распространявшие ленинские идеи. Иностранная интервенция в поддержку белых позволила большевикам представить себя защитниками Родины-матери: они охраняли земли России от иностранных захватчиков, сообщники которых внутри страны могли считаться только «врагами народа».

Кроме этого, большевики были сильны тем, что присоединившимся к ним предоставлялась возможность войти в новый, только создающийся государственный аппарат и открывалась заманчивая карьера в будущем обществе. За годы гражданской войны численность партии значительно возросла (от 200 тыс. в конце 1917 г. до 750 тыс. в марте 1921 г.). Конечно же, все новые члены партии, наполовину рабочие и солдаты-крестьяне, а в остальном «различные» элементы (в основном мелкие служащие), не могли сразу получить продвижение по службе. Однако параллельно с кардинальными изменениями в социальной структуре партии (большевистская «старая гвардия», состоящая из «мелкой буржуазии» и интеллигенции, вытеснялась народными и люмпен-пролетарскими элементами самых различных политических оттенков) зарождалась новая, особая система выдвижения. За годы гражданской войны для бывших членов солдатских комитетов, делегатов Советов, активистов районных и заводских комитетов, красногвардейцев, профсоюзных деятелей, рабочих, состоявших в «продовольственной армии», «красных офицеров» (в подавляющем большинстве молодых людей, вступивших в партию) освободилось много вакансий в партийном аппарате, политической полиции, армии, общественных организациях (профсоюзах), политических и административных учреждениях (Советах). Эту тенденцию иллюстрируют два примера. Первый касается одной группы петроградских рабочих (2 тыс. человек) — членов партии, летом 1918 г. призванных в «продотряды». Что с ними стало через три года? Только 22% возвратились на предприятия, всего 8% — в деревни, некоторые (9%) возобновили учебу, все остальные нашли

«административную» работу. Второй пример такого перемещения-продвижения: согласно частичной переписи коммунистов в октябре 1919 г., существовала удивительная диспропорция между их социальным происхождением и профессиональной деятельностью. 52% были выходцами из рабочих семей, 18% — из крестьян, 30% — другого социального происхождения; при этом 11% оставались рабочими, 3% — крестьянами, 25% служили в Красной Армии, а б 1 % — находились на «административной» работе.

В начале 1920 г. только Врангель продолжал безнадежно сражаться в Крыму. Высший совет союзнических стран решил снять экономическую блокаду, что, впрочем, не означало восстановления торгового обмена с Советской страной. К этому времени Финляндия, Польша и Прибалтика получили независимость, а Грузия, Армения и Азербайджан хотели отсоединяться. Подписав в 1920 г. мирный договор с Эстонией, советское правительство попыталось нормализовать свои отношения с Польшей. Оно предложило Варшаве решение вопроса о границах, более выгодное по сравнению даже с вариантом восточных границ лорда Керзона после заключения Версальского договора, которым фактически санкционировалось возрождение польского государства. Однако эти предложения были отклонены. Глава польского государства Ю.Пилсудский надеялся восстановить «великую Польшу» в прежних границах (до разделов Польши), чтобы она возглавила союз стран, куда бы вошли Украина, Белоруссия, Литва и районы проживания казачества. В апреле 1920 г., заключив союз с Петлюрой, скрывавшимся в Галиции, польская армия оккупировала Украину. Эту операцию поддержала Франция, мечтавшая о как можно более сильной Польше, противостоящей России и Германии. Поляки продвигались стремительно: 8 мая был сдан Киев. Однако Красной Армии удалось овладеть ситуацией, подняв крестьян на борьбу с вечными «угнетателями-феодалами» и придав войне патриотическую окраску. 13 июня поляки оставили Киев. В июле Красная Армия продвигалась по 2 0 км в день и к концу месяца достигла линии Керзона. Вопрос о том, преследовать ли врага на территории Польши, обсуждался руководством партии. В отличие от позиции по Брест-Литовску, на этот раз Ленин выступил за продолжение революционной войны. Троцкий был против, полагая, что если война станет освободительной для Польши, то она только укрепит авторитет Пилсудского. Ленин же надеялся, что победоносное вступление Красной Армии в Польшу повлечет за собой восстание польского рабочего класса.

В действительности Ленин рассчитывал на большее: революция в Польше могла вызвать революционные выступления в Германии. Долгожданной и столь важной немецкой революции можно было бы помочь силами Красной Армии. В конце июля 1920 г. советские войска вступили в Польшу. В Белостоке Красная Армия поддержала создание Временного революционного комитета, состоящего из поляка Мархлевского и председателя ВЧК Дзержинского. Комитет обратился к трудящимся с лозунгом: «Земля — крестьянам, власть — Советам!» Революционный оптимизм большевиков подогревался многообещающими фактами. Немецкие рабочие Данцига — главного порта, откуда поступала западная помощь Польше, — забастовали, не желая больше доставлять оружие польской армии, их поддержали английские докеры. Этот пролетарский интернационализм, однако, резко пошел на убыль, когда в середине августа Красная Армия под командованием Тухачевского и Буденного перешла Вислу и подошла к воротам Варшавы. Патриотические настроения рабочего класса Варшавы позволили Пилсудскому в последний момент мобилизовать 80-тысячную армию. Франция направила в Польшу в качестве военного советника генерала Вейгана. Теперь Красная Армия воспринималась уже не как «пролетарская армия», а как захватнические войска заклятого врага. Груз истории и национализма давил на большевиков всей своей тяжестью. Ситуация на театре военных действий снова круто изменилась: Красную Армию вытеснили из Польши за несколько недель. На этот раз в результате перемирия восточная граница Польши пролегла по линии Керзона, что было для нее менее выгодно, чем предложение Москвы в 1920 г. Спустя несколько месяцев эта граница была узаконена мирным договором, подписанным в Риге 18 марта 1921 г. Окончание войны с Польшей позволило Красной Армии окончательно разделаться с последней белой армией барона Врангеля, который, пока большевики занимались распространением революции на Западе, добился в Крыму временного успеха. Революция на Западе не удалась, и разгром Врангеля в ноябре 1920 г. ознаменовал собой конец иностранной интервенции, а затем и гражданской войны.

5. Рождение Коминтерна

В России победили большевики. Правда, они полагали, что такая отсталая страна сможет построить социализм только при условии его победы в крупных капиталистических развитых странах. С момента краха II Интернационала и начала войны Ленин был убежден в необходимости восстановить Интернационал, но на новой основе, порвав с реформизмом. Катализатором и трамплином для создания новой организации должна была стать победа большевистской революции, которую большевики считали прелюдией к мировой революции. В 1918 г. внутренние задачи укрепления новой власти и налаживания связей, разрушенных войной, а также изоляция России затруднили работу по образованию Интернационала. Проигранная война и революция в Германии, создание германской коммунистической партии, подготовка к собранию в Берне партий II Интернационала — все это побудило большевиков срочно созвать I конгресс по основанию Коминтерна (6 — 9 марта 1919 г.). Несмотря на возражения немецкого делегата Эберлейна, по поручению своей партии высказавшегося • против создания такой организации, считая это преждевременным (германская коммунистическая партия, верная в этом отношении заветам Розы Люксембург, убитой в январе 1919 г., опасалась, что Интернационал будет узурпирован компартией России; Роза Люксембург много раз критиковала ее сверхцентрализованную структуру военного типа, сдерживающую «творческую активность» масс и внутреннюю демократию), 34 делегата (30 из них жили в Москве и работали в комиссариате иностранных дел, двое — случайные гости, и только у двоих были мандаты) большинством голосов одобрили это решение. На I конгрессе Коминтерна в Исполнительный комитет были избраны в основном русские, украинцы и латыши. Выражая свою признательность русскому пролетариату и его руководящей партии, в первом же документе Коммунистический Интернационал призвал всех трудящихся оказывать давление на свои правительства, в том числе революционными средствами, чтобы те прекратили интервенцию против Республики Советов.

Если на I конгрессе было только зарегистрировано создание Коминтерна (II Интернационал никак не мог возродиться), то на II конгрессе, проходившем в Москве с 19 июля по 9 августа 1920 г., царила обстановка всеобщего воодушевления. Красная Армия наступала на Варшаву. Шло построение «нового мира». Конгресс проходил в мессианском ожидании развязывания классовой борьбы. Участники конгресса (200 делегатов из 35 стран) полагали, что существуют все необходимые объективные условия для мировой революции. Единственное, чего не хватало, — партий, способных воспользоваться этими условиями и создать субъективные предпосылки для ее окончательной победы. Главным препятствием на пути к победе оставалось влияние реформистов и социал-демократов на рабочий класс. Поэтому основная задача II конгресса состояла в углублении разрыва с социал-демократией. Коминтерн должен был стать боевым органом международного пролетариата, единой коммунистической партией с филиалами в каждой стране. Чувствуя себя великими победителями, Ленин и Троцкий выдвинули двадцать одно драконовское условие для вступления в Коминтерн. Эти условия предусматривали укрепление единства учения, единства действий и единую власть данной организации, ядром которой по-прежнему была Москва, но теперь положение Москвы стало более прочным, чем когда-либо.

V. КРИЗИС «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

1. Экономическая отсталость и социальная деградация

В начале 1921 г. гражданская война закончилась, советская Власть упрочилась. Однако положение в стране становилось все более катастрофичным. Продолжающаяся политико-экономическая диктатура «военного коммунизма» вызвала волну возмущения в деревне. Внутри самой партии наметился раскол. Даже те, кто находился в авангарде Октябрьской революции — моряки и рабочие Кронштадта, — и те подняли восстание. Для нового строя это было самым суровым приговором.

Эксперимент «военного коммунизма» был проведен на полностью разложившейся экономике и привел к неслыханному спаду производства: в начале 1921 г. объем промышленного производства составлял только 12% довоенного, а выпуск железа и чугуна — 2,5%. Создание в феврале 1920 г. центральных плановых органов (Госплан) и национализация почти всех предприятий в основном остались на бумаге. Аппараты Госплана и ВСНХ оказались неспособными к крупномасштабному планированию и управлению. Значительная часть вроде бы национализированных предприятий не поддавалась никакому государственному контролю, каждое предприятие действовало своими силами, как могло, сбывая свою мизерную продукцию на черном рынке. Государство, присвоившее себе монополию на распределение, могло предложить крестьянам для «обмена» очень скудный ассортимент промышленных товаров. В 1920 г. их производилось на сумму 150 млн. руб. золотом. Зерно выращивалось на сумму в 20 раз большую, хотя все равно это было меньше 64% довоенного уровня. Крайний недостаток товаров, их дороговизна не могли побудить крестьянина производить продукты на продажу, тем более что любые излишки тут же изымались. По сравнению с довоенным периодом объем продуктов, шедших на продажу, сократился на 92%. Дробление крупных владений, уравниловка, навязываемая сельскими властями, разрушение коммуникаций, разрыв экономических связей между городом (где уже не было ни рабочих мест, ни продуктов) и деревней, продразверстка — все это привело к изоляции крестьянства и возвращению к натуральному хозяйству. Замкнувшись в себе, крестьянство легче, чем другие классы, пережило невероятные социальные потрясения, порожденные мировой войной, революцией и гражданской войной. Оно вобрало в себя покидающих города горожан, многие из которых еще сохранили связи с родной деревней. После революции Россия оказалась более аграрной и крестьянской, чем до войны.

Продолжение политики продразверстки, за счет которой государственная казна пополнялась на 80%, было для крестьянства невыносимым грузом (в два раза превышавшим земельные налоги и выплаты 1913 г.), и это по-прежнему являлось главной причиной недовольства в деревнях. В 1918 г. советская статистика зарегистрировала 245 крестьянских бунтов против большевистской власти. В 1919 г. целые районы перешли под контроль восставших крестьян, организованных в отряды, насчитывавшие тысячи, иногда десятки тысяч человек. Они сражались то с красными (в белорусском Полесье, в Поволжье), то с белыми (в тылу Колчака, в Сибири и на Урале). Борьба Махно сначала против белых, потом против красных была выдающимся тому примером как по срокам (она длилась почти три года), размаху (50 тыс. партизан составляли целую армию), разнородности социального состава (среди бойцов армии Махно были крестьяне, железнодорожники, служащие самых разных национальностей, населявших Украину, — евреи, греки, русские, казаки), так и по своей политической анархистской программе. «Мы за большевиков, но против коммунистов», — говорил Махно. Это означало: за большевиков, одобрявших захват земель крестьянами, но против коммунистов, изымавших излишки, насаждавших колхозы и забиравших власть в свои руки, прикрываясь Советами. Махно считал, что никакая власть не может диктовать массам свою волю. Структура политической жизни должна зиждиться на существовании свободных объединений, во всем соответствующих «сознанию и воле самих трудящихся». После того как Махно сражался против Петлюры, преследовал отступающие войска Деникина, отражал наступление Врангеля, он был объявлен большевиками вне закона. Борьба с белыми закончилась, и Красная Армия была теперь самой многочисленной. В августе 1921 г., после изнурительных боев, длившихся несколько месяцев, последние сторонники Махно пересекли румынскую границу.

После разгрома белых исчезла угроза возвращения крупных собственников. Крестьянские восстания против большевиков вспыхивали с новой силой. Зимой 1920/21 г. в Западной Сибири, Тамбовской и Воронежской губерниях организовались десятки «повстанческих армий». В январе 1921 г, крестьянская армия под руководством эсера Антонова, насчитывающая 50 тыс. человек, захватила всю Тамбовскую губернию. Программа этого восстания, принятая в мае 1920 г. крестьянским губернским съездом в Тамбове, включала в себя свержение коммунистической партии, созыв Учредительного собрания на основе всеобщих выборов, власть Временного правительства, состоящего из представителей всех партий и организаций, боровшихся прошв большевиков, передачу земли тем, кто ее обрабатывает, прекращение прод-

разверстки, отмену деления народа «на классы и партии». Правительство направило против восставших настоящие военные экспедиции. В мае 1921 г. Тухачевский, дошедший с Красной Армией до Варшавы, во главе 05 тыс. человек, усиленных отрядами специальных войск ВЧК, Имевших на вооружении сотни артиллерийских орудий, броневики и самолеты, выступил на подавление антоновского мятежа. Красной Армии понадобилось несколько месяцев, чтобы «усмирить» область. «Выселяли» целые деревни.

Весной и летом 1921 г. на Волге разразился жуткий голод. После конфискации излишков предыдущей осенью у крестьян не осталось даже зерна для следующего посева, к этому добавились сильная засуха и разрушительные последствия гражданской и «крестьянской» войн. Несмотря на принятые (слишком поздно!) меры — создание Всероссийского комитета помощи голодающим и обращение к международному содействию (организованное «Американ Релиф администрейшн»), от голода погибло более 5 млн. человек. К этой цифре следует прибавить 2 млн. умерших от тифа в 1918 — 1921 гг., 2,5 млн. убитых в первой мировой войне и миллионы жертв гражданской войны (по разным подсчетам, их число колеблется от 2 до 7 млн.).

В начале 1921 г. положение в городе было не лучше, чем в деревне. По-прежнему крайне не хватало продовольствия. Последствия неурожая сказались и в промышленности: производительность труда в некоторых отраслях снизилась на 80% по сравнению с довоенным уровнем. Многие заводы закрылись из-за нехватки топлива. В феврале 1921 г. остановились 64 самых крупных завода Петрограда, в том числе Путиловский. Рабочие оказались на улице, некоторые из них уехали в родные деревни в поисках пропитания. В 1921 г. Москва потеряла половину своих рабочих, Петроград — 2/З. В 192 1 г. русский пролетариат — «победоносный революционный класс» — составлял менее 1 млн. человек. 600 тыс. рабочих служили в армии, 180 тыс. из них были убиты, 80 тыс. состояли в «продотрядах», очень многие начали работать в «аппаратах» и органах нового государства.

За годы гражданской войны резко уменьшилось число городских жителей (составлявших в 1917 г. лишь 18% населения). Большинство из 2 млн. эмигрантов были горожанами. В основном это были люди из имущих классов старой России, а также представители свободных профессий и интеллигенция — самая «европеизированная» прослойка русского общества, В 1917 — 1921 гг. крупные города не только опустели, но и изменились по своей социальной структуре. Демографические данные по Москве и Петрограду 1920 г. говорят о снижении уровня экономической и культурной элиты, сокращении числа рабочих, уменьшении количества торговцев и ремесленников и одновременно с этим об удивительной выживаемости таких маргинальных категорий, как лакеи, курьеры, посредники, и других представителей полусвета, которым был на руку царящий беспорядок и которые наживались на небольших и крупных сделках черного рынка. Лишь одна социальная категория действительно увеличилась: стало больше государственных служащих, поскольку основным работодателем было государство. К этой категории примкнула «рабочая интеллигенция», множество мелких бюрократических чиновников из дореволюционных учреждений, а также представители бывших правящих классов, которым удалось благодаря своему образованию найти работу и хотя бы временное убежище. Для большевистского режима эта категория служащих была ненадежной из-за ее «непролетарского» происхождения. Впоследствии оно станет для этих людей причиной крупных неприятностей. Клеймо «из бывших» стереть было невозможно.

2. Изменения и кризис в партии

В 1919 — 1920 гг. в партии начались раскол и внутренние разногласия, отражавшие разочарование многих большевиков провалом «военного коммунизма». После Октября партия значительно увеличилась: туда вступили многие, кого в 1918 г. журнал «Коммунист» определил как «полуинтеллигентов» (рассыльные в лавках, секретари, мелкие чиновники и прочие), кто при старом режиме не мог даже и думать о какой-либо карьере и кто выдвинулся благодаря революции. Эта прослойка, как отмечалось в «Коммунисте», играла роль консервативной социальной группы, с недоверием относящейся к рабочим массам. Чтобы воспрепятствовать притоку в партию элементов, способствующих ее «бюрократизации», на VIII съезде руководство

партии решило провести «чистку» своих рядов. Кампания «идеологического контроля» продолжалась полгода. Около 150 тыс. коммунистов (треть всего состава) либо вышли из партии, либо были исключены (чаще всего за карьеризм, политическую пассивность, незнание устава и программы, пьянство, веру в бога и за другие действия, «несовместимые с честным именем коммуниста»). На этом же съезде руководство партии выработало принципы вступления в партию (действовавшие вплоть до конца 30-х гг.), согласно которым принятие в партию истинных пролетариев было единственным залогом против «бюрократизации» ее аппарата. Крестьяне являлись кандидатами «второго порядка», вступление прочих было ограничено. В то же время руководство сознавало, что истинных пролетариев немного (Ленин и Бухарин долго разрабатывали тезис о «деклассировании» пролетариата) и их компетенции недостаточно, чтобы занимать ответственные должности. Эта принципиальная проблема была частично решена в 30-е гг., когда в результате широкой кампании профессионального обучения рабочих-коммунистов чистота социального происхождения стала соответствовать уровню образования, что позволило самым лучшим быть одновременно «коммунистами и специалистами». Тем временем, несмотря на чистку 1919 г., в партию продолжали вступать люди «непролетарского» происхождения. В марте 1921 г. рабочие-коммунисты составляли только 40% членов партии (и то эти цифры завышены, поскольку каждый вступающий старался приписать себе «истинное» пролетарское происхождение). Что касается большевистской «старой гвардии» (то есть вступивших в партию до февраля 1917 г.), то она еще занимала большинство ответственных постов, но составляла менее 2% всех коммунистов (12 тыс. из 750 тыс.).

На фоне экономических и социальных трудностей возрастало напряжение между рабочими, живущими плохо, как никогда (на свою зарплату они могли приобрести только половину прожиточного минимума), и «хорошо накормленными и хорошо одетыми» руководителями. «Мы чувствуем к ним классовую ненависть», — писал в ноябре 1920 г. один рабочий в «Петроградской правде». Разногласия, имеющиеся внутри партии с 1919г., проявились к концу 1920 г. Лидеры первого оппозиционного движения («рабочая оппозиция»), профсоюзные деятели Шляпников, Лутовинов и Киселев, к которым примкнула Коллонтай, потребовали передать управление промышленностью профсоюзам, создать для этого на их основе специальный выборный орган. На каждом предприятии руководство должны были осуществлять рабочие комитеты, подчиняющиеся только вышестоящему профсоюзному органу. Такая политика стремилась уничтожить господство местных и центральных партийных органов. Однако в тезисах «рабочей оппозиции» не было статьи, указывающей на то, что в будущих всемогущих профсоюзах власть должна принадлежать не только коммунистам, которые в 1921 г. составляли в профсоюзах меньшинство и влиянием не пользовались. В них говорилось только о том, что рабочим предоставляется право свободно выбирать своих представителей из любых партий.

В отличие от «рабочей оппозиции» Троцкий стремился, с одной стороны, к скорейшему слиянию профсоюзов с государственным аппаратом, а с другой — к введению так называемой «производственной демократии», идея которой заключалась в том, чтобы увеличить прослойку рабочей аристократии в рамках милитаризованной промышленности, призванную заменить бюрократию партийных функционеров. По армейскому образцу укрепились бы центральная партийная власть и рабочая дисциплина, при этом самым преданным рядовым коммунистам давалась бы возможность продвинуться по службе.

В августе 1920 г. по предложению Троцкого вместо профсоюза железнодорожников была создана Центральная транспортная организация — Цектран. Против «полицейской диктатуры Цектрана, терроризирующего железнодорожников с помощью буржуазных специалистов» (Зиновьев), восстали не только профсоюзные руководители во главе с Томским и членами «рабочей оппозиции», но и Зиновьев, который на страницах «Петроградской правды» развернул дискуссию о свободах и необходимой демократизации партии. Он считал, что пора вернуться к принципу выборности внутри рабоче-крестьянской демократии. Такого же мнения придерживались с 1919 г. «демократические централисты» во главе с Оболенским, Сапроновым и Максимовским.

В течение трех месяцев (декабрь 1920 — февраль 1921 г.) эти различные позиции были объектом непрерывных публичных дебатов, свидетельствовавших о разно-

гласиях в руководстве партии. По вопросу о профсоюзах Ленин выработал компромиссное решение («платформа десяти»), поставившее на одну доску «рабочую оппозицию» и Троцкого, которого критиковали за то, что он допустил «вырождение централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм, самодурство, казенщину».

Накануне открытия X съезда партии, который должен был начаться 8 марта 1921 г., когда шло обсуждение всех предложенных платформ, произошло событие, окончательно решившее судьбу всех форм внутрипартийной оппозиции: восстали моряки и рабочие Кронштадта,

3. Кронштадтское восстание

В феврале экономическое положение в Петрограде ухудшилось: закрылись десятки заводов, хлебная норма рабочих была снова урезана. Рабочие требовали возможности свободно запасаться продуктами в деревне, не боясь быть арестованными как мешочники. Власти им отказали. Начались демонстрации, потом забастовки. 24 февраля партийные власти Петрограда объявили чрезвычайное положение и арестовали всех еще находившихся на свободе меньшевиков и эсеров, заподозренных в поддержке рабочих волнений. ЦК партии разрешил рабочим ездить в деревню за продовольствием, что сняло напряжение в Петрограде. Тем временем волнения достигли Кронштадта. Еще летом 1917 г. моряки этой военной базы зарекомендовали себя как самый беспокойный элемент большевистской партии. В «июльские дни» они в своих действиях пошли дальше, чем партийное руководство. Сначала они были сторонниками террора, затем сблизились с анархистами (некоторые из них были родом с Украины, в то время захваченной Махно) и стали критиковать «диктатуру большевистских комиссаров». 28 февраля 1921 г. экипаж; броненосца «Петропавловск» проголосовал за резолюцию, которая должна была стать хартией восстания. Основными требованиями были переизбрание Советов тайным голосованием с предварительными дискуссиями и свободными выборами; свобода слова и печати в пользу «рабочих, крестьян, а также анархистов и левых социалистов»; освобождение всех политзаключенных; уравнивание пайков для всех, кроме «рабочих горячих цехов»; прекращение насильственных конфискаций, свободный труд ремесленников, не использующих наемных рабочих; для крестьян — полная свобода «делать со своей землей все, что угодно... и выращивать скот, при условии, что они не применяют наемную рабочую силу».

Эти требования, исходившие сразу от всех социалистических и анархических группировок, а не от какой-либо отдельной партии, в какой-то мере повторяли тезисы Зиновьева, напечатанные в «Петроградской правде». Узнав о принятии резолюции моряков «Петропавловска», в Кронштадт выехал Калинин, председатель ЦИК съезда Советов. Его выпроводили оттуда под улюлюканье 12 тыс. моряков, к которым присоединилась по меньшей мере половина из 2 тыс. коммунистов Кронштадта. Центральный Комитет партии поспешил заклеймить восстание как контрреволюционный заговор, подстрекаемый с Запада белогвардейцами, руководимый царским генералом и поддерживаемый кадетами, меньшевиками и эсерами. 2 марта бунтовщики организовали Временный революционный комитет, полностью состоящий из матросов рабочего или крестьянского происхождения. Комитет возглавил Петриченко — писарь с «Петропавловска». Оба военных комиссара Кронштадта подверглись аресту, этим акты насилия ограничились. Несколько находившихся на базе военных офицеров не были согласны с Временным комитетом, и уж тем более они не стояли во главе восстания, как утверждал ЦК партии. Офицеры хотели бы незамедлительно установить связь с материком, чтобы восстание перекинулось на столицу. Комитет со своей стороны, наивно уверенный в правоте своего дела, отказывался от применения оружия, за исключением обороны в случае атаки. Советское правительство направило Временному комитету ультиматум, в котором тому, кто готов был сдаться, гарантировалась жизнь.

Для партии ситуация была очень серьезной. Призыв восставших к «третьей революции», которая «выгнала бы узурпаторов и покончила бы с режимом комиссаров», мог быть с радостью поддержан не только петроградскими рабочими, но и там, где еще не были подавлены крестьянские бунты Махно и Антонова. Троцкий пору-

чил Тухачевскому подавить восстание. Для того чтобы стрелять в народ, герой польской кампании набрал молодых курсантов из военной школы, не имеющих «революционного опыта», и солдат из специальных войск ВЧК. Военные действия начались 7 марта, а через десять дней Кронштадт пал. После захвата морской военной базы репрессиям подверглись тысячи людей. Официальный процесс над ними так и не состоялся.

4. X партийный съезд — решающий поворот

Когда войска Тухачевского вели подавление кронштадтского мятежа, в Москве начал работу X съезд партии (8 марта 1921 г.). На съезд были вынесены два важнейших вопроса: первый — о запрещении фракций внутри партии (постановление по этому вопросу потом еще долго определяло политическую жизнь в СССР), и второй — о замене продразверстки, три года тяготевшей над крестьянами, продналогом — мерой на первый взгляд ограниченной, но последствия которой было трудно сразу предугадать и с введения которой началась новая экономическая политика (нэп).

Основополагающие документы принимались почти что наспех, в последний день съезда, после долгих дискуссий о профсоюзах (представление и обсуждение мер, вводящих нэп, занимает всего 20 страниц из 330 в полном издании стенографического отчета съезда). После съезда резолюция по продовольственному налогу должна была быть дополнена двумя сериями других экономических мер. Одна узаконивала свободу внутренней торговли, другая — предоставление концессий частным предпринимателям. В мае 1921 г. было разрешено создавать мелкие частные предприятия, в июле денационализировались учреждения, где по найму работало менее 21 человека. Только за один год более 10 тыс. предприятий было переуступлено частным лицам, иногда бывшим владельцам, на срок от двух до пяти лет взамен 10 — 15% производимой ими продукции. Часть из них стали смешанными предприятиями с участием иностранных фирм. Рабочие получили право переходить с завода на завод, возрос авторитет инженеров и технических кадров.

Было ли введение нэпа вызвано событиями в Кронштадте? Вряд ли. Идея изменить политику по отношению к крестьянству, о которой давно говорили меньшевики, уже витала в воздухе. В конце 1920 г. Ленин в опубликованной впоследствии беседе с Кларой Цеткин признал «ошибочность политики продразверстки». 17 и 23 февраля в «Правде» появились две статьи, где говорилось о возможности введения продовольственного налога, который вдохновил бы крестьян на увеличение посевных площадей. Кронштадтский мятеж и приближающийся весенний сев ускорили принятие решения, которое, видимо, обдумывалось в течение всего февраля. Можно легко объяснить осмотрительность, проявленную Лениным, принимавшим эти меры «под шумок» и в несколько этапов. Среди коммунистов они не могли не Вызвать глубокого недоумения. Так же как в Брест-Литовске, им казалось, что советская власть отказывается от своих принципов и законности и что это ведет к «реставрации капитализма». Тысячи коммунистов вышли из партии. Привыкнув считать принуждение единственной возможной формой отношений со строптивым крестьянством, нижние партийные чины, чья карьера началась в армии, никогда не смогли избавиться от привычек, приобретенных ими в течение первых лет советской власти.

Для Ленина новая экономическая политика не являлась лишь временной, конъюнктурной мерой. «Понадобятся целые поколения, — объяснял он на съезде, — чтобы перестроить сельское хозяйство и изменить крестьянскую психологию». По его мнению, достичь этой цели можно было только через развитие индустриализации, электрификации, кооперации, союза рабочих и крестьян. «Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать».

После четырех лет революции и гражданской войны Ленин, казалось, пришел к взглядам, близким тем, каких придерживались в 1917 г. почти все марксисты, спорившие с ним, — к пониманию того, что для перехода к социализму необходимо ,. время, что до победы социализма пройдет не одна смена поколений. Поскольку форма государства является отражением экономической ситуации, существование раз-

личных экономических укладов, признанное наконец нэпом, должно было, следуя марксистской логике, привести к сосуществованию различных политических формирований, представляющих противоположные интересы общественных групп, в особенности рабочего класса и крестьянства. Однако, вместо того чтобы сделать политическую жизнь более демократичной, коммунистическое руководство усилило партийную диктатуру.

Одним из первых последствий введения нэпа стало окончательное уничтожение меньшевиков, не из страха перед их возможным сопротивлением новым мерам, а из-за того, что они доказали правильность своих прогнозов и анализа ситуации, поскольку уже давно требовали введения такой политики.

Нэп способствовал появлению оппозиции среди самих коммунистов: некоторые заявили о «реформистском», даже «буржуазном» уклоне руководства, что побудило Ленина предложить съезду дне резолюции, гарантирующие единство партии. Согласно первой, требовалось немедленно распустить все группы, образованные на собственных платформах, под угрозой исключения из партии. В одной остававшейся неизвестной до октября 1923 г. статье этой резолюции Центральный Комитет облекался властью для осуществления этой меры. Вторая резолюция осуждала взгляды «рабочей оппозиции», в особенности на роль и место профсоюзов. В резолюции говорилось: «Марксизм учит, что только политическая партия рабочего класса, то есть Коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который один в состоянии противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, неизбежным... рецидивам профсссионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата». То понимание роли партии, которое Ленин сформулировал в 1902 г., было возведено в ранг одной из составных частей марксистского учения. Положения «рабочей оппозиции» становились, таким образом, «антимарксистскими». Эти две основные резолюции были приняты почти без обсуждения подавляющим большинством за несколько часов до закрытия съезда. Ошеломленное их неожиданностью, большинство членов «рабочей оппозиции» проголосовало за. Навязчивая идея сохранить единство партии побудила ее руководителей ко всяческим компромиссам и отречениям.

После X съезда последовало сплочение партии, выразившееся в новой «чистке», укреплении власти и полномочий сокращенного аппарата, а также возросшей бдительности по отношению к возникновению любых политических течений, угрожающих единству партии.

С августа 1921 г. все члены партии должны были пройти новую проверку, растянувшуюся на многие месяцы, после которой около четверти всех коммунистов оказались исключенными из партии (в основном по тем же причинам, что и во время «чистки» 1919 г.) или вышли из нее по собственному желанию. В марте 1922 г. XI съезд принял четкие правила приема в партию, которые менялись в зависимости от социальной принадлежности вступающего: в партию легче всего было вступить рабочим, а крестьянам — легче, чем «прочим». Несмотря на эти меры, партия не стала более пролетарской по своему составу: в 1922 г. примерно 15 тыс. рабочих, недовольных «буржуазным переходом» к нэпу, вышли из ее рядов. По-прежнему вступление в партию означало возможность занять новый пост в партийной административной системе, в профсоюзах или другой «общественной организации», и поэтому многие стремились стать коммунистами. Граница между руководителями и подчиненными оставалась нестабильной и открытой. На фоне разрушенной экономики, когда почти не создавалось новых рабочих мест, все время рос «аппарат», подпитываемый десятками тысяч демобилизованных военных. Во время гражданской войны в партии установился «командный стиль» руководства, введенный бывшими офицерами и солдатами, считавшими, что они просто «мобилизованы» на другой фронт. Стало привычным, что местное начальство назначается сверху. Низовые организации, нуждавшиеся в руководителях, сразу же обращались в специальные ведомства ЦК (Орготдел и Учраспред), занимающиеся расстановкой кадров. С апреля 1920 г. по март 1921 г. эти ведомства произвели 40 тыс. назначений на различные должности.

Эта практика продолжалась и в мирное время. Значительно возросла роль Оргбюро, ведавшего всеми организационными партийными вопросами, и Секретариата, контролировавшего все ведомства Центрального Комитета. В Секретариате, со-

зданном одновременно с Политбюро в марте 1919 г. под эгидой Центрального Комитета, состоявшем первоначально из пяти человек, которые могли принимать срочные решения, не дожидаясь очередного заседания ЦК, уже в 1921 г. работало более 600 человек. Во главе Секретариата стоял Свердлов, потом Крестинский. После XI съезда партии генеральным секретарем ЦК партии стал Сталин, а Молотов и Куйбышев — его заместителями. Этот вроде бы формальный пост позволял Сталину держать под контролем все должности и обеспечивать себе надежную поддержку в аппарате. К расширению власти и компетенций аппарата прибавился еще более жесткий контроль за низовыми организациями и полицейский надзор за членами фракций, осужденных на X съезде. Правда, этот контроль пока не был достаточно совершенным, поскольку в марте 1922 г. еще не существовало подробного досье на каждого коммуниста. Лишившись права голоса, «рабочая оппозиция» вынуждена была обратиться («Декларация 22-х», февраль 1922 г.) к Коммунистическому Интернационалу с Выражением озабоченности «диктатурой аппарата», царящей в рабочей и профсоюзной среде, отсутствием «пролетарской демократии» в стране. Контроль за профсоюзами усилился: с декабря 1921 г. только опытные члены партии с большим стажем, не принадлежавшие ни к какой другой партии, кроме коммунистической, могли стать профсоюзными лидерами.

Принятие этих мер завершило «превращение большевизма в государственную структуру» (М.Ферро), начавшееся в октябре 1917 г. разгоном инакомыслящих политических партий, лишением Советов их полномочий, опекой над профсоюзами и заводскими комитетами. При такой жесткой политической диктатуре в новую систему тем не менее проникала определенная часть «масс», не настолько пролетарская, как этого хотелось бы советской власти. Такая «колонизация» новых учреждений элементами плебса, резко отличавшимися от первых большевиков, повлияла на саму природу советской власти, на направления и возможности развития, сохраняя на время открытыми и нечеткими границы между руководящими и руководимыми.

Глава V. Годы нэпа (1921 — 1928)

I. ОБРАЗОВАНИЕ СССР: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Право на самоопределение: теория и реальность

Союз Советских Социалистических Республик возник 30 декабря 1922 г. в соответствии с договором, объединившим Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (РСФСР) с Украиной, Белоруссией и Закавказьем. Образование СССР завершило долгий и невероятно сложный процесс, когда после иностранной интервенции, удачных и неудачных попыток самоопределения и объединения отдельных республик в рамках федерации, формы которой менялись в зависимости от обстоятельств и соотношения сил, Российская империя постепенно расползлась по швам.

Право на самоопределение, признанное в Декларации прав народов России, в первые годы советской власти осуществлялось по-разному из-за особенностей условий жизни каждой нации. Многое зависело от географического положения, значения для нового государства данного региона, международного окружения, масштаба национального движения. Некоторые народы — поляки, финны, литовцы, латыши, эстонцы — завоевали свою независимость в основном благодаря поддержке европейских стран, стремившихся уберечься от «большевистской заразы» с помощью «насыпи», сооруженной на западных границах России. Другие автономии оказались менее прочными, например украинская. Будучи настоящей «экспериментальной лабораторией» противников советской власти, сделав ставку на побежденную Германию, далекую Францию и Польшу, только что проигравшую России, и, что самое главное, являясь самой богатой частью Российской империи, Украина утратила независи-

мость, казалось полученную после Брест-Литовска. Белоруссия, наоборот, очень бедная, где национальное движение находилось в зачаточном состоянии, получила статус суверенной республики с расчетом на то, что она, с одной стороны, покажет образец сближения с Россией, к которому все остальные республики отнеслись без воодушевления, а с другой — поможет «добыть» Литву. В феврале 1 91 9 г. на съездах Советов Белоруссии и Литвы по инициативе местных большевиков, по преимуществу русских, был провозглашен союз двух республик. Это позволяло сделать всегда стремившуюся к независимости Литву частью искусственно созданной белорусско-литовской общности, где большинство населения благоволило к России (белорусов там было гораздо больше, чем литовцев). Осуществлению этого замысла помешала Польша, оккупировавшая данные территории.

Когда большевики пришли к власти, ситуация в Закавказье была сложной не только из-за межнациональных конфликтов, различий в религии, культуре, экономических интересах, но и из-за близости Турции от границ Грузии и Армении. Одностороннее решение центральных властей отдать Турции, согласно Брест-ли-товскому договору, Батум, Каре и Ардахан вызвало отделение Закавказья. 2 5 апреля 1918г. была провозглашена Закавказская республика. Спустя месяц она развалилась под напором национальных раздоров на три независимых государства, каждое из которых возглавлялось определенной политической партией: меньшевиками — в Грузии, дашнаками — в Армении, муссаватистами — в Азербайджане. Летом 1918 г. армянская и азербайджанская независимость были потеряны на несколько месяцев в результате наступления турецких войск. Грузии удалось отстоять свою свободу благодаря усилиям, направленным на поиски поддержки иностранных государств: сначала Германии (договор с ней был подписан 28 мая 1918 г.), затем — Англии. До 1920 г. внутренняя и международная обстановка вынуждала большевиков к осторожности в отношениях с Закавказьем. В конце гражданской войны уход англичан из этого экономически богатого и поэтому жизненно важного для Советского государства региона дал возможность большевикам снова его завоевать. Азербайджан был завоеван очень быстро: в апреле 1920 г. большевистски настроенный Военно-революционный комитет низложил муссаватистское правительство и призвал Россию на помощь. Такой прием стал впоследствии расхожим. Он заключался в том, что всегда и везде находились болыиевики-»инородцы», желавшие союза с Россией, которых центральные власти считали партией революционной законности. От их имени Красная Армия выступала против сторонников независимости. Судьба Армении была окончательно решена только в ноябре 1920 г., так как объявлению ее Советской республикой мешала борьба за власть в Турции. В течение этого времени (1920 г.) меньшевистской Грузии удавалось сохранить свою автономию. 7 мая она даже подписала с РСФСР договор, признающий независимость Грузии. Подписание договора свидетельствовало о временно неблагоприятном международном положении для центральной большевистской власти, ведущей войну с Полыней. К тому же грузинское правительство приобрело определенный международный авторитет и симпатию европейских социалистов. Тем не менее Грузия испытывала двойное давление: изнутри со стороны грузинской компартии (секретная статья договора от 7 мая вынуждала грузинское государство узаконить ее деятельность), и извне, со стороны Кавбюро (Кавказское бюро) и Красной Армии, которая снова захватила Баку и подошла к границам Грузии. 12 февраля 1921 г. под предлогом прекращения «межнациональных конфликтов» между грузинами и армянами Красная Армия вступила в Грузию, и 2 5 февраля в Тифлисе была провозглашена Советская республика.

В исторической цепи удачных или неудачных попыток самоопределения прослеживаются определенные закономерности: продолжая заявлять о праве народов на самоопределение, новая власть подчинила это право интересам социалистического государства, жизненной необходимости сохранить в данном случае украинское зерно, нефть и рудные месторождения Кавказа.

«Признание права на развод, — говорил Ленин, — не исключает агитации в том или ином случае против развода».

2. Попытки союзного объединения

Декларация прав народов России, формально поставившая проблему внутренней политической организации нового государства (будет ли оно централизованным или федеративным?), но но давшая на нее ответа, признавала, что в качестве альтернативы расколу существует «добровольный и честный союз народов России», которые, как было заявлено, равны между собой. Несмотря на то что Ленин был против федерализма, перед угрозой развала бывшей Российской империи он решил основать новое, советское государство на принципе федерации. Во второй статье Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа говорилось: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза, свободных наций, как федерация Советских национальных республик». Кроме всего прочего, в документе уточнялась процедура присоединения к России: решение об этом должно было приниматься на съезде Советов каждой национальности. Однако федерация мыслилась как переходный этап в преддверии мировой революции, как обязательный шаг на пути к союзу и преодолению национальных различий. В марте 1918 г. Ленин писал, что федерация наций — это «переход к *сознательному* и более тесному единству трудящихся». Первая советская конституция, принятая в июле 1918 г., умалчивала о политическом наполнении этого союзного устройства и его функционировании.

С 1918 по 1922 г. развитие Союза шло по двум направлениям:

— вхождение республик и автономных областей в Российскую Федеративную Республику,

— двусторонние договоры между теоретически независимыми республиками и Российской Федеративной Республикой.

В марте 1918 г., когда крайне ослабленная советская власть искала поддержки, Наркомнац (Народный комиссариат по национальностям, возглавляемый Сталиным) попытался создать первую опытную автономию в рамках федерации. 23 марта 1918 г. он опубликовал декрет, выработанный при участии Султана Галиева и Муллы-Нур Вахитова — двух представителей недавно созданного Центрального мусульманского комиссариата, — где часть территории Южного Урала и Средней Волги объявлялись Татаро-Башкирской Советской Республикой, входящей в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику. Несмотря на намеренно неясные формулировки, обещание создать на такой огромной территории национальную мусульманскую республику воплощало в жизнь давнюю мечту всех мусульман России: создать наконец автономное мусульманское государство. Но Султан Галиев стремился к большему: он считал, что Татаро-Башкирская Республика должна стать очагом, революционные искры которого попали бы в самое сердце Востока. Однако этим мечтаниям не суждено было сбыться. В мае 1918 г. Сталин напомнил о границах «советской автономии», основанной, в отличие от «националистской буржуазной автономии», не на расовых или религиозных принципах, а на классовых вненациональных критериях. Сознавая необходимость иметь собственные кадры, чтобы утвердить самостоятельность новой республики, Султан Галиев решил организовать новую административную структуру, мусульманскую организацию РКП (б) — «орган всех революционеров-мусульман, кто более или менее (sic!) принимает программу РКП(б)», и мусульманскую Красную Армию (в основном из татар), которая составила бы примерно половину Красной Армии, сражавшейся на Восточном фронте против Колчака.

Встревоженные ростом татарского национализма, центральные власти отреагировали незамедлительно. VIII съезд партии (март 1919 г.) проголосовал за отмену всех коммунистических национальных организаций. Отныне они должны были быть напрямую связаны с РКП (б). Новый декрет от 22 мая 1920 г. значительно ограничивал автономию Татаро-Башкирской Республики, предоставленную в марте 1918 г. Опасаясь идей пантюркизма, центральное правительство разделило республику и вместо большого мусульманского государства создало две маленькие автономные республики, чья компетенция ограничивалась местными административными вопросами. Самостоятельность, предоставленная в 1920 — 1922 гг. другим народам — киргизам, марийцам, дагестанцам, бурятам, монголам, калмыкам, крымским татарам и т.д., — была столь же ничтожной. Исключение составлял Туркестан, получивший более широкую автономию. Сильная национальная буржуазия, мощное национали-

стическое движение (в особенности в Бухаре и Хиве), очень пестрый этнический состав, значительный удельный вес русского населения — все это вынуждало центр крайне осторожно разграничивать сферы влияния местных и центральных властей.

Позицию Султана Галиева, первого крупного коммунистического деятеля, арестованного в мае 1923 г. за «националистический уклон», осудил съезд народов Востока, прошедший в сентябре 1920 г. в Баку под эгидой Коминтерна. Приверженцы Султана Галиева намеревались превратить Казань в столицу восточного коммунизма, использовать большое Татаро-Башкирское государство как плацдарм для революционной экспансии в Азии. Бакинский съезд должен был дать толчок началу великой освободительной борьбы угнетенных народов Востока против Запада. Для советских и европейских руководителей Коминтерна обращение к Востоку нужно было лишь для того, чтобы временно помочь западному промышленному пролетариату в его борьбе с буржуазией и ослабить европейские колониальные державы. Признание бакинским съездом первостепенного значения революции на Западе разрушило надежды татарских коммунистов на «перманентную революцию» в Азии, которая позволила бы им сыграть главную роль посредников между Коминтерном и революционными движениями Востока. Осторожные московские руководители предпочли лишить голоса пантюркизм и обеспечить себе контроль над периферийными областями бывшей империи, предоставив им ограниченную автономию.

Второй путь к союзному объединению лежал через двусторонние отношения между РСФСР и независимыми советскими республиками. Сложная система двусторонних договоров постепенно привязала эти республики к РСФСР и сузила сферу их компетенции. Так, подписанные 30 ноября 1920 г. договоры между РСФСР и Азербайджаном предусматривали, что в самые короткие сроки обе республики должны были объединить свои усилия в следующих шести отраслях: оборона, экономика и внешняя торговля, продовольствие, железнодорожный и речной транспорт, почта и телеграф, финансы. Договор между РСФСР и Украиной от 28 декабря 1920 г. по крайней мере на бумаге сохранял независимость Украины, у нее еще оставался свой комиссариат иностранных дел. После трех лет независимой политической жизни нельзя было не считаться с национальными особенностями, и, кроме того, украинский президент Раковский как слишком сильная личность не подходил на пост главы марионеточного государства. В январе 1921 г. подобный договор должен был быть подписан между РСФСР и Белоруссией, к которой всегда, во всяком случае формально, относились как к привилегированному партнеру. В Грузии русские большевики должны были действовать еще более деликатно, поскольку во время февральского (1921 г.) «повторного завоевания» центральная власть и, главное, Ленин потеряли инициативу, пойдя на поводу у военных и политических деятелей Закавказья. 2 марта 1921 г. Ленин специально направил в Грузию Орджоникидзе на поиски «приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях». Ленин писал, что «и внутренние и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики». Несмотря на эти здравые мысли, центральные власти подталкивали все три кавказские республики к скорейшему объединению в Закавказскую республику, которая в свою очередь подписала бы договор с РСФСР. Грузинские коммунисты — Махарадзе, Оракелашвили, Мдивани — резко воспротивились такому союзному объединению, навязанному сверху Москвой и Кавбюро, являвшимся орудием центра против национальных коммунистических партий. Однако под давлением Орджоникидзе и Кавбюро на конференции, созванной 11 — 12 марта 1922 г. в Тифлисе, был создан Союз республик Закавказья, в ведение которого переходили внешние сношения, оборона, финансы, внешняя торговля, весь транспорт и экономика трех республик. Ряд дополнительных договоров, подписанных в последующие недели, должен был включить Закавказскую федерацию в экономику РСФСР и уполномочить последнюю представлять кавказские республики на международной арене. Летом 1922г. советские руководители завершили объединение территорий, до этого в течение пяти лет не связанных между собой, в систему республик-планет, вращающихся вокруг РСФСР. Оставалось только определить принципы отношений внутри новой федерации. Этот вопрос стал причиной серьезного конфликта между Лениным и Сталиным.

3. Каким быть Союзу?

В 1920 г. свою позицию по вопросу о будущих отношениях между советскими республиками Ленин определил так: «Федерация, которую мы вводим... послужит именно важнейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единый демократический центр — Советское государство». Но если некоторые республики (например, Белоруссия) были готовы развивать эти связи и согласны с таким пониманием федерации и ее динамики, то другие (например, Грузия) саботировали совместную деятельность. В Грузии разделение коммунистической партии на сторонников и противников федерации привело к разрыву договорных связей, насильно поддерживаемых из центра. Затянувшийся кавказский конфликт, трудности на Украине побудили Ленина ускорить процесс федерализации. 10 августа 1922 г. для выработки проекта федеративного государства была создана комиссия во главе со Сталиным. Федерацию представляли Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Раковский, Сокольников, а республики — Агамалы-Оглы (Азербайджан), Мясников (Армения), Червяков (Белоруссия) и Петровский (Украина). Представленный 10 сентября проект, известный как проект «автономизации», на самом деле означал поглощение республик РСФСР, правительство которой становилось во главе федерации. Армения, Азербайджан и Белоруссия приняли этот проект, но украинцы, поддержанные Раковским, и особенно грузины полностью его раскритиковали. ЦК Компартии Грузии отверг проект, настаивая на желании сохранить независимость республики. Ленин болел и узнал о проекте и вызванных им спорах только в конце сентября. Осудив «слишком поспешные» действия Сталина, он отверг идею автономизации и предложил совершенно другой вариант, согласно которому в федерацию объединялись равные республики, а не подчиненные РСФСР. Чтобы это равенство стало реальным, федеративные органы власти следовало поставить над республиканскими. Сталину пришлось переделать свой план согласно ленинским указаниям. 6 октября новый текст был одобрен Центральным Комитетом. Всем республикам гарантировались равные права внутри Союза Советских Социалистических Республик, и каждой теоретически предоставлялось право свободного выхода из Союза. Этот проект приняли все национальные партии. Тем не менее грузинские руководители потребовали, чтобы их республика вошла в Союз самостоятельно, а не в составе Закавказской федерации. Сталин и его представитель в Тифлисе Орджоникидзе воспротивились прямому вхождению Грузии в Союз, ссылаясь на сложную национальную обстановку на Кавказе вообще и в каждой из республик в частности, чтобы оправдать федеративную структуру этого региона, необходимую для снятия межнациональной напряженности. Во время споров страсти так накалились, что Орджоникидзе ударил одного из своих собеседников. Узнав о происшествии и возмутившись поведением Сталина и Орджоникидзе, Ленин написал 30 декабря 1922 г. большое письмо грузинским коммунистам, где он объявлял войну великорусскому шовинизму. За несколько дней до того, как болезнь окончательно отстранила Ленина от политической деятельности, он успел отправить два письма. Одно — Троцкому (от 5 марта 1923 г.), где он писал: «Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их «беспристрастие», и другое (от 6 марта 1923 г.) — к руководителям грузинской компартии Мдивани и Махарадзе, в котором сообщал, что всей душой следит за их делом. В тот же день он сообщил Сталину, который несколько месяцев назад грубо повел себя с Надеждой Константиновной Крупской, что прерывает с ним все личные отношения.

Однако Политбюро и ЦК не обращали внимания на грузинское сопротивление. 30 декабря 1922 г. I съезд Советов СССР в основном утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР, подписанные четырьмя республиками (РСФСР, Украиной, Белоруссией, Закавказьем). Каждая республика уже имела собственную конституцию. Однако создание Союза делало необходимым принятие совместного документа, подготовленного в течение 1923 г. конституционной комиссией во главе с Калининым и окончательно одобренного II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. Конституция 1924 г. формально узаконивала союз равноправных и суверенных наций. Она провозглашала право республик на отделение и вхождение в СССР новых социалистических республик, созданных внутри страны или вне ее. Во второй половине 20-х годов произошли многочисленные территориальные изменения. Образовалось

несколько автономных республик и три союзные (Туркмения и Узбекистан, до этого входившие в состав РСФСР, и Таджикистан, в 192 9 г. отделившийся от Узбекистана). Значительную часть своих полномочий эти республики передали союзным органам: международное представительство, оборона, пересмотр границ, внутренняя безопасность, внешняя торговля, планирование, транспорт, бюджет, связь, деньги и кредиты. Какие же органы были союзными?

Прежде всего это был съезд Советов Союза. Его выборы проходили на основе непрямого избирательного права с ограничительными цензами, установленными государством. Местные Советы избирались непосредственно мужчинами и женщинами старше 18 лет. Исключение составляли некоторые категории лиц, отстраненные от участия в выборах еще в 1918 г. По пирамидальной системе каждый Совет выбирал затем делегатов (от города в пять раз больше, чем от деревни) в более крупный Совет — района, области, республики, а затем на съезд Советов Союза, созывавшийся раз в два года. Последний в свою очередь передавал полномочия Центральному Исполнительному Комитету (ЦИК), состоящему из двух законодательных палат: Совета Союза (примерно 400 человек, представляющих союзные республики пропорционально их населению) и Совета Национальностей (приблизительно 130 человек, по 5 от автономных или союзных республик и по одному от автономного округа, что компенсировало численное преимущество РСФСР в Совете Союза). Собираясь три раза в год, ЦИК передавал свои полномочия двум постоянным параллельным органам: Президиуму ЦИК (первоначально состоящему из 21 человека) и Совету Народных Комиссаров (Совнаркому), исполнительному и административному органу, наделенному еще и некоторыми законодательными функциями. Народные комиссариаты руководили отраслями народного хозяйства. По Конституции были созданы три вида комиссариатов: союзные (иностранных дел, армии и флота, внешней торговли, путей сообщения, связи); унифицированные, существующие одновременно на союзном и республиканском уровнях (экономические и социальные вопросы); и республиканские, которые рассматривали дела, не входившие в компетенцию Союза и объединенных органов (внутренние дела, юриспруденция, народное образование и проч.). Государственное политическое управление (ГПУ), заменившее ВЧК в 1922 г., имело статус союзного комиссариата.

Несмотря на авансы, данные республикам, Конституция 1924 г. «поощряла» постоянное вмешательство центральной власти в дела республик (глава IV, статьи с 13-й по 29-ю). Решения исходили из центра, он же контролировал периферийные власти. Даже при том, что не было формально заявлено о временном характере союзной структуры, введенной Конституцией 1924 г., стало ясно, что она была задумана как временная конструкция, как «учеба, школа интернационализма» (Элен Каррер д'Анкосс). Подразумевалось, что советская союзная структура, которая являлась временной уступкой отсталому общественному сознанию, должна была создать условия для собственного изживания.

4. Как создать «новый социум общей судьбы»?

Каким образом можно было обеспечить этот процесс в столь неоднородном объединении, как СССР? В 20-х годах было испробовано много достаточно противоречивых подходов к созданию «нового социума общей судьбы», который уничтожил бы местный сепаратизм, нашел бы компромисс между коммунистическими планами всеобщего объединения и национальными традициями, породил бы новую культуру — «пролетарскую по содержанию и национальную по форме» (Сталин). Это предполагало укоренение и вживание национальных коммунистических партий в местные условия; уничтожение культурных традиций неславянского населения, все большее единообразие условий жизни и социальных структур; предпочтение отдельных языков и культур в ущерб другим, чтобы не допустить объединений вокруг национальных движений (например, татар и казахов); последовательную интеграцию местной промышленности в государственную.

В 1921 — 1922 гг. большинство национальных коммунистических партий были очищены от «подозрительных элементов». В Туркестане местные партийные организации потеряли 75% коммунистов, в Грузии — 38%, в Армении — 27%. Русские со-

ставляли 55% вступивших в компартию Украины в 1922 г. В 20-е годы поощрялось пополнение политических кадров за счет местного населения. Результаты такой политики не замедлили проявиться на Украине (в 1927 г. 72% руководителей были украинцами), в Белоруссии, на Кавказе. В Средней Азии они ощущались меньше (в 1929 г. местные жители составляли лишь 16% партийной администрации Узбекистана).

В то же время, желая уничтожить традиции неславянского населения, центральные власти начали активно бороться законодательно и на практике с «пережитками феодального и первобытно-общинного строя». Ряд декретов устанавливал минимальный возраст для вступления в брак, необходимость согласия жениха и невесты, отменял калым, похищение невесты, многоженство, левират. В противовес религиозным и светским судам создавались народные суды. Центральные власти попытались — правда, без особого успеха — привлечь молодежь и женщин в общественные организации (комсомол, женотделы), чтобы разорвать путы семьи и обычаев. Что касается религии, то к мусульманам вначале относились с большей терпимостью, чем к православным. В декабре 1917 г. правительство гарантировало мусульманам, что их не будут преследовать как при царском режиме. Им предоставлялась свобода веры и гарантировалась неприкосновенность культовых сооружений и предметов, что подтверждалось республиканскими конституциями в 192 2 — 1923 гг., по которым служители культа наделялись равными со всеми правами. Однако в них ничего не говорилось об антирелигиозной пропаганде. Тем не менее во второй половине 20-х годов власти изменили свою позицию: конфисковали имущество, принадлежащее мечетям и медресе, в 1927 —- 1928 гг. уничтожили традиционные суды и своды законов обычного права, стали закрывать медресе. Начав общее наступление на религию, культурные и социальные традиции, унаследованные от прошлого, центральные власти провели настоящую «революцию в письменности» (десятки тюркских языков перешли на латинский алфавит), расширили сеть школ, способствовали распространению печатных органов на местных языках. За всеми этими мероприятиями скрывалась и политическая подоплека: кроме внедрения новой идеологии и пролетарской культуры, преследовалась цель развития одних народностей (башкиров, каракалпаков, чей диалект получил статус литературного языка, киргизов, административно отделившихся от казахов, хотя в культурном отношении они составляли единое целое) за счет других (татар, казахов, узбеков), чей стремительный рост вызывал опасения у центра.

Наконец, союзное правительство осуществило важную сельскохозяйственную реформу (в Узбекистане, например, 66 тыс. бедных семей получили 320 тыс. га земли). Была введена уравнительная система распределения воды, организованы комитеты бедных крестьян, которым надлежало вести классовую борьбу в деревне.

5. Политика в области культуры и религии

Обычно нэп считается периодом культурной, идеологической, социальной и экономической разрядки между двумя очень напряженными эпохами. В целом эта оценка верна, хотя с некоторыми оговорками для большей части страны, где происходили незначительные и постепенные изменения. Для неславянского населения, и в частности для мусульман, особенно с 1925 г. нэп был периодом «худжума» («наступления по всем фронтам») в рамках общей стратегии разрыва с прошлым. Новая власть стремилась к единообразию и хотела выровнять различные стадии развития регионов внутри СССР.

Начало в 1921 г. постепенных и умеренных изменений способствовало развертыванию противоречивой культурной политики, сочетавшей репрессии по отношению к «уклонистским» идеологиям с относительным нейтралитетом применительно к художественному творчеству и литературе (конечно, не антимарксистских по содержанию) и по-прежнему принудительным просвещением масс, менее догматичным, но быстро ставшим и менее «эффективным».

6 июня 1922 г. декрет определил компетенции Главлита (цензуры), обязанного осуществлять предупредительный и репрессивный контроль за враждебными выпадами против марксизма и культурной революции, за пропагандой национального и

религиозного фанатизма, распространением ложных сведений и порнографии. На следующий год к Главлиту прибавился Главрепертком для контроля за репертуаром театров. В конце августа 1922 г. 160 деятелей культуры, названные «особо активными контрреволюционными элементами», по приказу ГПУ были высланы из СССР или отправлены в Сибирь. В первые годы нэпа особенным репрессиям подверглись священнослужители. 2 3 января 1918 г. советская власть обнародовала закон об отделении церкви от государства и школы от церкви, согласно которому церковь уже не была «юридическим лицом», не имела права на собственность, права получать субсидии и вести обучение в государственных и частных школах. Она могла бесплатно пользоваться культовыми сооружениями и предметами, а также свободно отправлять религиозные обряды, если они не нарушали общественного порядка. Каждый гражданин был свободен в выборе религии, которую он мог исповедовать или не исповедовать. Иерархи церкви сочли этот закон (имеющий определенные аналогии с французским законом 1905 г.) неприемлемым. Патриарх Тихон предал коммунистов анафеме. Священнослужители были объявлены «классовыми врагами» и стали жертвами репрессий, поскольку во время гражданской войны они часто оказывали поддержку контрреволюционерам.

По окончании гражданской войны власти предприняли новые меры против церкви. В феврале 1922 г. государство конфисковало у церкви драгоценности на борьбу с голодом. Сопротивление священников и верующих вызвало волнения, за которыми последовали процессы и казни. В июле 1922 г. группа священников, готовых сотрудничать с советской властью, оформилась в течение «живой церкви». Ее представители провели в 1923 г. Собор, который отменил патриаршество и рекомендовал церкви приблизиться к нуждам народа. Этот раскол вынудил каждого священника сделать для себя выбор. 2 8 июня 1923 г. патриарх Тихон признал законность советской власти. Тем не менее большевики были непоколебимы по отношению к церкви и развернули антирелигиозную кампанию. В 19 2 5 г. в нее включился «Союз безбожников», основанный Е.Ярославским. Государство всячески поддерживало издание разнообразной атеистической литературы (издательство «Атеист», иллюстрированная газета «Безбожник», тираж которой к концу 20-х годов достиг 500 тыс. экземпляров, псевдонаучный журнал «Антирелигиозник»). Антирелигиозная пропаганда велась разными путями, высмеивая веру и обычаи (коммунистическая пасха, парады и карнавалы во время религиозных праздников) и стремясь показать превосходство науки и разума. После смерти патриарха Тихона в апреле 1925 г. выборы нового патриарха не состоялись. Его обязанности взял на себя митрополит Петр, высланный в 1926 г. в Сибирь, а затем митрополит Сергий, призвавший в июне 1927 г. к «подчинению законной власти России». Против этого выступила группа священников, объединившаяся вокруг митрополита Иосифа (многие из них были отправлены на Соловки). В то время как церковь разделилась в отношении к власти, последняя усилила контроль местных властей за еще существующими приходами, издав 8 апреля 192 9 г. соответствующий декрет. Введение в августе 1929 г. продолжительной рабочей недели (5 рабочих дней, один день выходной), по сути, упраздняло воскресенья и религиозные праздники. Начался новый виток репрессий, связанных с крестьянскими волнениями, сопровождавшими коллективизацию деревни начиная с 1928 — 1929 гг.

«Методы марксизма — не методы искусства... Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна оказывать условный кредит своего доверия разным художественным группировкам, искренне стремящимся ближе подойти к революции, чтобы помочь ее художественному оформлению», — писал Троцкий. В 20-е годы советская власть еще не определила четкого отношения к «лефовцам» («Левый фронт»), авангардистам, футуристам, пролеткультовцам (которые отбрасывали «буржуазное» искусство и проповедовали самостоятельную пролетарскую культуру, отвергавшую как связь с прошлым, так и партийную опеку) и попутчикам (не причисляющим себя ни к какому направлению). В этом смысле нэп был периодом исключительного расцвета всех областей духовной жизни.

Резко контрастируя с блестящей интеллектуальной жизнью интеллигенции, культурный уровень масс поднимался крайне медленно. В марте 1922 г. Ленин писал: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Это было время, это была полоса... Но эта полоса прошла, а мы этого не хотим понять». Как и в других статьях последних лет (1922 — 1923 гг.), Ленин отмежевывался от той кон-

цепции «просвещения масс», которая превалировала во время гражданской войны. Тогда «просвещение» чаще всего сводилось к поверхностной идеологической обработке и к поспешному и неглубокому схватыванию начатков культуры, в основном в армии. Ленин считал необходимым взять от культурного наследия России все самое «прогрессивное» и заняться обучением масс на более широкой основе. Только поднятие общего культурного уровня могло покончить с отсталостью страны и довести до сознания людей политические задачи, В то же время Ленин отвергал любую идею самостоятельного и независимого развития народной культуры. Как это повелось с 1917 г., обучением масс должны были руководить власти, определяя, какую следует выбрать учебную программу или книгу для чтения.

С введением нэпа выбор книг стал разнообразнее, ослаб политический контроль. Госиздат уже не обладал монополией на книгоиздательское дело. Вновь возникли частные издательства, выпускающие произведения русских, советских и зарубежных авторов. Двадцатые годы были уникальным временем в истории Советского государства, когда тираж книг частично определялся запросами читателей. Количество политической литературы резко сократилось. В 1927 г, ее доля составила менее 15% от всех печатных изданий (не считая газет), а это уже было «плачевно».

Обучение грамоте не двигалось с места, несмотря на усилия, предпринимаемые в армии и обществом «Долой неграмотность». С самого начала эта организация добровольцев оказалась несостоятельной из-за отсутствия средств. Цель была настолько грандиозна, что обучение приходилось вести выборочно. В 192 4 г. в Смоленской области (2,5 млн. жителей, из них 58% неграмотных) только 4500 — в основном молодые рабочие-профсоюзники — обучались грамоте. По переписи 1926 г. выяснилось, что 55% сельского населения старше 9 лет (сельские жители составляли более $^{4}/_{5}$ населения) не умели читать. Понятно, что в таких условиях идеологическое влияние затруднялось. Об этом красноречиво свидетельствовало распространение газет на селе: в зависимости от района одна газета приходилась на 200 либо 1000 взрослых. За исключением крупных городов, печатное слово занимало ничтожное место в сознании огромного большинства советских людей. Политическая неграмотность как следствие всеобщей неграмотности, особенно среди тех, кто должен был посредничать между властью и народом, затрудняла распространение политического влияния: более чем 90% членов партии в конце 20-х годов имели только начальное образование; 70% из них вообще не читали газет. Такое положение не замедлило сказаться на ходе политических споров.

II. «СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН»

По мнению Ленина, сущностью нэпа должен был стать союз рабочих и крестьян, поскольку только он мог решить проблему экономической отсталости страны. Экономика России была слабо развитой, свободного капитала не хватало, обращение за помощью к иностранному капиталу было теперь безнадежно. Решить насущные задачи можно было одним из двух взаимоисключающих способов: либо улучшить снабжение деревни средствами производства и таким образом повысить производительность труда в сельском хозяйстве (при этом следовало учесть отток капиталов из промышленности и замедление ее развития), либо все средства направить на индустриализацию, чтобы создать рабочие места вне сельского хозяйства. В последнем случае крестьяне становились страдающей стороной. Царское правительство в свое время предлагало пойти по второму пути. Ленинская концепция нэпа отрицала возможность развития только промышленности или только сельского хозяйства и неизбежность ущемления (прямого или косвенного) одного другим как единственного источника экономического роста. Промышленность и сельское хозяйство должны были помогать друг другу и развиваться одновременно, по следующей схеме «технического союза»: восстановление тяжелой промышленности, ориентированной прежде всего на то, чтобы обеспечить сельское хозяйство средствами производства; поощрение мелких сельских предпринимателей; импорт сельскохозяйственной техники в обмен на сырье, которое советская промышленность еще не могла обрабатывать. Быстрое улучшение технической базы сельского хозяйства вызвало бы немедленное

увеличение его производительности и прирост сельскохозяйственной продукции, которая будет направлена на рынок. Таким образом, город будет накормлен, и страна снова сможет экспортировать сельскохозяйственную продукцию, получая взамен машины и оборудование для промышленности. В то же время излишки этой продукции стимулировали бы развитие внутреннего рынка и позволили бы промышленности накопить новые средства, необходимые для последующего развития народного хозяйства.

Что же осталось от этого замечательного проекта через шесть лет после введения нэпа? Если взять только цифры роста производства, то они говорят об относительном успехе. По сравнению с 1913 г. общее промышленное производство увеличилось в 1927 г. на 18%. Однако в период с 1924 по 1927 г. производство зерна сократилось на 10% по сравнению с довоенным временем. В целом было восстановлено поголовье скота, за исключением лошадей, численность которых уменьшилась на 15% по сравнению с 1913г. Массовый сев промышленных культур явился в известной степени причиной того, что общий объем сельскохозяйственного производства вырос на 10% по сравнению с 1909 — 1913 гг. Но, несмотря на эти цифры общего характера, ленинская программа была еще далека от реализации. Тот факт, что в 1927 г. сельское хозяйство и промышленное производство приблизились к уровню 1913 г., не мог скрыть целого ряда экономических и социальных проблем, ставящих под угрозу будущее новой экономической политики. Приведем только одну ключевую цифру, по которой можно судить о масштабах аграрных трудностей. В 1926 г. количество зерна для продажи на внутреннем рынке было в два раза меньше, чем в 1913 г. Мало того, что страна, в 1905 — 1914 гг. экспортировавшая в среднем 11 млн. т зерна в год, больше его не продавала, но теперь каждый год вставал вопрос о снабжении городов, поскольку крестьяне упорно не хотели торговать с государством и тем самым сильно тормозили развитие всей экономики.

Сложившееся положение вытекало как из слабости структуры сельского хозяйства после семи лет войны и революции, так и из серьезных ошибок, допущенных правительством во внутренней политике в годы нэпа.

1. Нэп в сельском хозяйстве

Сначала революция в деревне заключалась в сведении всех хозяйств к единому экономическому уровню и затормаживанию социальной дифференциации. Уничтожение крупных владений и их раздел дали каждой крестьянской семье в среднем по 2 га пригодной для обработки земли (примерно 0,5 га на одного взрослого человека). Это было ничтожно мало, но все-таки позволило многим выйти из-за черты бедности. Самым бедным безземельным крестьянам (12% в 1913 г.и 3% в 1926 г.) достался чисто символический кусочек земли, самым богатым — тем, кто обрабатывал площади более 10 га, — пришлось вернуть часть своих земель во время перераспределения 1918 — 1921 гг., когда возрожденная сельская община начала борьбу за уравниловку. Следующие один за другим переделы земли все больше дробили наделы, число которых за время революции выросло наполовину (16 млн. в 1914 г. и 24 млн. в 1924 г.). Исчезновение крупных землевладельцев и значительное ослабление слоя зажиточных крестьян повлекло за собой уменьшение производства зерна, предназначенного на продажу вне деревни, поскольку до войны именно эти две категории производителей поставляли 70% продаваемого зерна. В 1926 — 1927 гг. крестьяне потребляли 85% собственной продукции. Из 15% зерна, шедшего на продажу, 4/5 находилось во владении бедняков и середняков. Кулаки, составлявшие 3 — 4% сельского населения, продавали 1/5 часть зерна, Все это не облегчало работу государственных органов, покупающих сельскохозяйственные излишки.

Еще одним следствием революции в деревне была «архаизация» крестьянства. Она выразилась прежде всего в резком падении производительности труда — наполовину по сравнению с довоенным периодом. Это объяснялось постоянной нехваткой орудий производства и недостатком тягловых лошадей. В 1926 — 1927 гг. 40% пахотных орудий составляли деревянные сохи; треть крестьян не имели лошади, основного «орудия производства» в крестьянском хозяйстве. Неудивительно, что урожаи были самыми низкими в Европе. Эта «архаизация» выразилась также в замкнутости крестьянского общества на самом себе, в возврате к натуральному хозяйству и

остановке механизма социальной мобильности, 20-е годы стали периодом расцвета сельской общины — органа действительного крестьянского самоуправления. Она ведала всеми вопросами коллективной жизни, но уже не осуществляла, как раньше, мелочной административной опеки за каждым крестьянином — членом общины, эта функция перешла к сельсоветам и местным партийным ячейкам. Общинные традиции, живые, как никогда, отбивали охоту становиться полноправными независимыми хозяевами своих наделов даже у самых предприимчивых (в основном молодых крестьян, вернувшихся из армии). В 20-е годы менее 700 тыс. крестьян вышли из общин. До революции сезонные работы были клапаном, уменьшающим напряжение, нагнетаемое перенаселенностью деревни. В 20-е годы эта проблема оставалась попрежнему острой. При общем сокращении производительности труда избыток сельского населения составлял 20 млн. человек. Однако теперь выбор пути его оттока значительно ограничился. Если до войны приблизительно 10 млн. крестьян ежегодно уходили из деревни и нанимались сельскохозяйственными рабочими, лесниками, чернорабочими или рабочими, то в 1927 г. эта цифра составила всего 3 млн. Трудности, порожденные сильным сокращением отходничества, перевешивали экономические выгоды, принесенные революцией крестьянству, складывавшиеся из незначительного расширения наделов и снижения косвенных налогов и арендной платы,

По сравнению с дореволюционным периодом крестьяне проиграли в очень важной области — при товарообмене, — и обязаны этим они были экономической политике государства. Промышленные товары были дорогими, плохого качества и, главное, труднодоступными. В 1925 — 1926 гг. деревня переживала страшный недостаток сельскохозяйственного оборудования (которое не обновлялось с 1913 г.). Государственные же закупочные цены на зерно были очень низкими и часто не покрывали даже себестоимости. Выращивать скот и технические культуры было гораздо выгоднее. Этим и занимались крестьяне, пряча зерно до лучших времен, когда им могла представиться возможность продать его частным лицам по более высокой цене. Неизбежный в таких условиях рост закупочных цен на свободном рынке не вдохновлял крестьян на продажу продуктов государству. Дефицит товаров и заниженные закупочные цены, делавшие для крестьян невыгодной продажу зерна, заставили их принять единственно логичную экономическую позицию: выращивать зерновые, исходя из собственных нужд и покупательных возможностей. Эта тактика крестьян объяснялась, помимо всего, пагубным опытом «военного коммунизма» и воспоминаниями о продразверстке. Крестьянин, таким образом, производил столько зерна, сколько было ему необходимо для пропитания и возможных покупок, но при этом отлично понимая, что стоит властям заметить у него малейший достаток, как он сразу будет причислен к «классу кулаков». На самом деле эти «сельские капиталисты» очень пострадали во время революции. Чтобы оказаться в «классе кулаков», достаточно было нанять сезонного рабочего, иметь сельскохозяйственную технику, чуть менее примитивную, чем обычный плуг, или держать две лошади и четыре коровы (кулаки составляли примерно 750 тыс. — 1 млн. семей). Сами критерии (чаще всего неопределенные) принадлежности к кулачеству («враги советской власти») говорили об очень непрочном положении этих землевладельцев, зажиточных разве что по меркам русской деревни. «Опасность со стороны кулачества» объяснялась на деле крайним напряжением между властями и крестьянами, возникавшим каждую осень, когда государственные ведомства и кооперативы не справлялись с планом по закупке на рынке зерна для города и армии. Поскольку зажиточные крестьяне производили 1/5 зерна для продажи, власти сделали вывод, что закупочные кампании срываются из-за кулаков, которым удается выплачивать налоги за счет технических культур и продукции животноводства и которые скрывают излишки зерна, для того чтобы продать их весной по более высоким ценам. В действительности провал закупочной кампании (количество зерна уменьшалось с каждым годом: в 1926/27 г. было закуплено 10,6 млн. т, в 1927/28 г. — 10,1 млн. т, а в 1928/29 г. — 9,4 млн. т) объяснялся враждебным отношением не только кулаков, а всего крестьянства, недовольного условиями купли-продажи и политикой властей.

В 1926 — 1927 гг. стало очевидным, что «союз рабочих и крестьян» на грани распада. Просчеты властей не ограничивались несбалансированной политикой цен. Правительство без внимания отнеслось к различным формам кооперации, начиная с артелей, кончая «товариществами по совместной обработке земли» (ТОЗами), которые возникли стихийно и к 1927 г. уже объединяли около 1 млн. крестьянских хо-

зяйств. Абсолютно заброшенными оказались совхозы. Это кажется тем более удивительным, что совхозы были редкими островками государственного сектора в деревне. Однако они не могли быть образцом для мелких землевладельцев, так как были крайне бедными. Что же касается селекции семян, улучшения культуры землепользования, многополья, укрупнения хозяйств, распространения агрономических знаний в деревне, обучения агрономов и механиков — все это было записано в решениях и документах, принимавшихся на самом высоком уровне. Однако чаще всего такие решения оставались на бумаге.

2. Нэп в промышленности

Вопреки ленинскому плану промышленность не обеспечивала крестьян необходимыми товарами. Судя по конфликтам, возникавшим между руководителями ВСНХ, промышленная политика 20-х годов была непоследовательной. Заместитель председателя ВСНХ с 1923 г. Пятаков, талантливый администратор, но никудышный экономист, выступал за планируемую, централизованную индустриализацию при абсолютном приоритете тяжелой промышленности, которая лишала бы тресты, появившиеся во время нэпа, их финансовой независимости, основанной на условиях рынка. В 1924 — 1926 гг. Пятаков попытался установить контроль за прибылью и амортизационными фондами трестов легкой промышленности, чтобы создать инвестиционные фонды для тяжелой промышленности. В отличие от Пятакова, начавшего осуществлять с 1926 г. свои грандиозные замыслы ускоренной индустриализации, рассчитанные на ближайшую десятилетку, Дзержинский, сменивший Рыкова в начале 1924 г. на посту главы ВСНХ, ратовал за развитие легкой промышленности, которое принесло бы государству временные, но быстрые прибыли и частично удовлетворило бы запросы крестьян. Однако речь шла о производстве достаточно ограниченного ассортимента товаров, в основном текстиля, и крестьяне, нуждавшиеся главным образом в инвентаре и технике, не могли этим довольствоваться. В июле 1926г. произошел жесткий спор между Дзержинским и Пятаковым относительно экономической ориентации ВСНХ. После смерти Дзержинского (в июле 1926 г.) председателем ВСНХ стал Куйбышев — человек, совершенно некомпетентный в области экономики, но близкий Сталину. Курс на «сверхиндустриализацию», предложенный Пятаковым (вскоре смещенным со своей должности за связи с Троцким), был продол-жен новыми руководителями, среди которых теперь преобладали «сталинцы» — Косиор, Межлаук и другие.

В упадке находилась и мелкая сельская промышленность, которая могла обеспечить хотя бы часть крестьянских потребностей. Отсутствие кредитов и налоговый гнет сделали практически невозможным развитие этого сектора, процветавшего до революции. Уровень обеспеченности сельскохозяйственной техникой в 1925 — 1926 гг. упал до самой низкой отметки по сравнению с 1913 г. Если к 1 9 2 6 г. в промышленности уже заканчивался восстановительный период, то в сельском хозяйстве, особенно в его техническом оснащении, следовало начинать с нуля. В этом году возобновилась работа существующих промышленных предприятий и в целом был достигнут уровень 1913 г. Должен был начаться новый, гораздо более сложный период. В 1926 г. перед промышленностью встала серьезная проблема: требовалось кардинальное обновление промышленного оборудования, которое использовалось еще с довоенных лет. Модернизация предполагала не только сооружение новых производственных мощностей, но и гораздо большие капиталовложения, чем требовалось на восстановление уже имеющихся промышленных структур. Необходимо было принимать срочные решения.

Замедленные темпы промышленного роста в 20-е годы вызывали постоянно растущую безработицу (1 млн. горожан в 1923 — 1924 гг. и более 2 млн. в 1927 — 1928 гг.). Безработица, вызванная кризисом ремесленного производства и непродуманным распределением малоквалифицированной рабочей силы, в первую очередь ударила по молодежи, Действительно, после разрухи 1917 — 1921 гг. во время экономического подъема 1923 г. в промышленность в основном нанимали опытных рабочих.

Несмотря на установленное профсоюзами правило, согласно которому предприятия обязывались брать на работу определенное число молодых людей, последние составляли только 20% ,общего числа нанятых. Кроме того, этой плохо обученной

рабочей молодежи пришлось выдерживать конкуренцию деревенских рабочих, согласных на меньшую зарплату. Безработица все больше утяжеляла социальный и моральный климат города. Каждый четвертый взрослый был безработным.

3. Общественное недовольство

Перед молодежью на долгое время встала проблема ее реальных перспектив и социального продвижения. Несмотря на борьбу с неграмотностью, которая охватила более 5 млн. человек, 40% деревенских детей от 8 до 12 лет оказались вне школы. Росло новое поколение неграмотных (400 тыс. в год). Ассигнования на культуру были мизерными; реальная зарплата преподавателей была вдвое меньше, чем до революции. На XV съезде партии нарком просвещения Луначарский говорил, что советская власть выделяет школам средств меньше, чем царское правительство. Возможность продвинуться по службе, получить образование по-прежнему была очень мала и в городе, несмотря на рабочие университеты (рабфаки) — 50 тыс. мест и фабрично-заводские училища (ФЗУ) — 90 тыс. мест. В институтах (120 тыс. студентов) четверть мест выделялось для «рекомендованных» от партии или профсоюзов. Сложившееся положение не могло погасить растущее недовольство городской молодежи, разочаровавшейся в нэпе.

Чувство неудовлетворенности особенно выражалось через «распущенность» в личной жизни: законодательно проводилась линия на разрушение семейного уклада (разрешение абортов, брак «de facto» был приравнен к законному браку, развод стал возможен по устной просьбе одного из супругов, без решения суда). Начиная с 1921 г. в Москве и Ленинграде средняя продолжительность браков не превышала восьми месяцев, число разводов в период с 1922 по 1928 г. возросло в шесть раз. На одно рождение ребенка приходилось три официально зарегистрированных аборта. В 20-е годы количество дел об установлении отцовства и выплате алиментов увеличилось одновременно с количеством разводов и достигли в 1929 г. 200 тыс.

Еще одним свидетельством болезни общества стала коррупция, порожденная существованием целого слоя посредников, мелких спекулянтов и частных торговцев (описанных Ильфом и Петровым), заключающих сделки с продажными чиновниками. В обществе существовали две иерархии и два пути для карьеры: один (уже отмирающий) основывался на богатстве (в общем, весьма относительном) — путь нэпманов, предпринимателей и торговцев, другой (на взлете) определялся местом в государственном или партийном аппарате. В обществе, где экономический рост не обеспечивал занятости населения, огромный бюрократический аппарат — более 3,5 млн. государственных служащих, — бездеятельный, коррумпированный и малоквалифицированный (в 1928 г. на всю страну насчитывалось только 233 тыс. специалистов с высшим образованием и 228 тыс. с законченным средним специальным), привлекал к себе всех, кто мечтал о малоутомительной работе или о частичке власти.

Существование паразитической бюрократии, культурный застой, коррупция, «распущенность», невозможность продвинуться по службе, безработица угрожали советской власти. В стране, отсталой почти во всех отраслях народного хозяйства, общество, о котором мечтали большевики, приобретало вид социума, где заправляли тунеядцы, паразиты, спекулянты и продажные чиновники. Ежедневно увеличивалась пропасть между идеей и несбывшейся реальностью. Общее «разгильдяйство» и «социальная деградация» при снисходительном потворстве властей привели к тому, что в конце 20-х годов подавляющее большинство коммунистов высказалось за необходимость «большого скачка»« вперед, который означал бы, как во времена «военного коммунизма», возврат к источникам и чистоте революционного учения, «извращенного» новой экономической политикой.

4. Споры о путях развития страны

Проблемы, вызванные различными трудностями, и все более явный провал идеи «союза рабочих и крестьян» вызывали оживленные внутрипартийные споры на всем протяжении 20-х годов. Столкнулись два направления: «левое», наиболее последовательно отстаиваемое Троцким, Преображенским и Пятаковым, проводившим эту линию через ВСНХ, и «правое», главным теоретиком которого был Бухарин, а проводником этих идей в ВСНХ — Дзержинский. Еще на XII съезде партии в 1923 г. Троц-

кий настаивал на установлении «диктатуры промышленности», «Ножницы» между высокими ценами на промышленные товары и низкими закупочными сельскохозяйственными ценами сразу выявили неспособность промышленности производить дешевые товары. Одной из главных задач стало снижение себестоимости и увеличение производительности труда. Троцкий полагал, что эти задачи могут быть решены только особыми усилиями пролетариата, поскольку он управляет командными рычагами государства и должен быть готов к тому, чтобы оказать кредит своему государству, если это государство в данный момент не может выплачивать ему полную зарплату. В последующие годы он часто возвращался к мысли о том, что «товарный голод» угрожает экономическому балансу. Однако наряду с проблемой роста промышленного производства вставал важнейший вопрос об инвестициях. В книге «Новая экономика», вышедшей в 1926 г., Преображенский вновь вернулся к вопросу об «изначальном социалистическом накоплении», поднятому Троцким в 1923 г. В условиях враждебного международного окружения и экономической отсталости страны средства, необходимые для индустриализации, могли быть получены только за счет их «перекачки» из частного сектора (в основном сельского хозяйства) в государственный (социалистический). Это «перемещение капиталов» можно было произвести за счет налогообложения крестьянства (в основном зажиточного) и неравного товарообмена. Такое «изначальное социалистическое накопление», естественно вызывающее недовольство большой массы мелких крестьянских производителей, позволяло увеличить объем промышленного производства в рамках одного плана и снизить цены на промышленные товары, что впоследствии должно было убедить крестьян в правильности такой политики.

Бухарин считал, что такая политика «убивала курицу, несущую золотые яйца» и лишала «союз рабочих и крестьян» последней надежды на будущее, По его мнению, следовало прежде всего обеспечить потребности крестьян, убедить их в выгодности производить больше продуктов и последовательно развивать рыночную экономику. Об этом он говорил в своем знаменитом выступлении 17 апреля 1925 г., где призывал крестьян «обогащаться, не боясь никаких репрессий». Чтобы каким-то образом ликвидировать технологическое отставание, у крестьян оставался один выход: объединяться в производственные и распределительные кооперативы, поддерживаемые государством. Благодаря этим кооперативам крестьянская экономика постепенно вышла бы на уровень государственного сектора, дав ему нужные средства для того, чтобы он «черепашьими шагами» двигался к социалистической экономике. Бухарин считал, что этот процесс должен продлиться несколько десятков лет, но все-таки это было менее опасно, чем резкий разрыв отношений с крестьянством, который неизбежно произойдет из-за слишком высоких темпов индустриализации, осуществляемой за счет деревни.

У остальных партийных руководителей — Сталина, Каменева, Зиновьева — не было четкой позиции в вопросе о путях экономического развития страны. В своих решениях они руководствовались сиюминутной политической стратегией, целью которой была борьба за власть. Так, до 1924 г. Зиновьев и Каменев поддерживали Сталина против Троцкого и принадлежали к «правому» направлению, но начиная с 1925г. они перешли на «левые» позиции и оказались на одной стороне с Троцким против Сталина и Бухарина. Сталин же умел искусно лавировать и вставать в позу беспристрастного судьи между теми и другими, прежде чем, обеспечив за собой политическую победу, использовать решения своих противников, в данном случае «левых». Для него завоевание власти было необходимым вступлением,

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

1. «Последнее ленинское сражение»

25 мая 1922 г. Ленин перенес первый приступ с последующим правосторонним параличом и афазией. К работе он смог приступить, хотя и не в полной мере, только в конце сентября. До того как 1 6 декабря его поразил второй приступ, а затем 10 марта 1923 г. — третий, после которого он окончательно был отстранен от всякой политической деятельности, Ленин написал несколько важных статей, где по многим

пунктам выражал несогласие со своими коллегами, особенно со Сталиным, и где он высказывал беспокойство относительно будущего партии. Первый спор между Лениным и Сталиным возник в связи с тем, что Сталин предложил отказаться от монополии на внешнюю торговлю. Второй, гораздо более серьезный, касался национального вопроса. Во время болезни Ленин продиктовал многие заметки и статьи о возможных преемниках, о необходимой, по его мнению, реорганизации партийного аппарата и о перспективах нэпа, В письме к съезду и других заметках (от 23 — 31 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г.), ошибочно названных «завещанием», Ленин дал оценку близким своим соратникам. Он считал главной опасностью для стабильности и единства партийного руководства соперничество Сталина и Троцкого. Первый «сосредоточил в своих руках необъятную власть», и Ленин не был уверен, что Сталин «сумеет... всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Второй — «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК», но «чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела», Ленин считал, что Каменева и Зиновьева нельзя упрекать в их ошибках во время революции, но тем не менее это, «конечно, не являлось случайностью». Несколько слов было посвящено Бухарину и Пятакову: Ленин называл их самыми выдающимися силами (из самых молодых сил). «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским». Что касается Пятакова, то он был человеком «несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся... администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». Спустя десять дней Ленин добавил несколько критических строк о Сталине; «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами... становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места...»

В январе — феврале 1923 г. Ленин продиктовал еще пять статей, где снова возвращался к двум вопросам первостепенной важности, уже затронутым в декабре. Первый касался реформы правительственного аппарата. Этот вопрос беспокоил Ленина с начала 1922 г., когда он лично настаивал на том, чтобы в основных крупных городах России был произведен учет советских чиновников. Документ был готов к осени, но по приказу Сталина до Ленина он так и не дошел. Сознавая, что происходит бюрократизация партии и рост влияния таких учреждений, как Секретариат, Политбюро и Оргбюро, Ленин предложил усилить авторитет ЦК, удвоив число его членов (за счет партийцев пролетарского происхождения), выбрать новую Центральную контрольную комиссию (которая заседала бы вместе с Центральным Комитетом), тоже состоящую из «истинных пролетариев», и, наконец, значительно сократить огромный (12 тыс. человек) аппарат Рабоче-крестьянской инспекции, с 1919 г. возглавляемой Сталиным, доведя его до нескольких сотен неподкупных людей «хорошего» социального происхождения (то есть пролетарского). Однако этих предложений было недостаточно, чтобы лишить Секретариат, и в частности Генерального секретаря, той необъятной власти, которую он получил после запрещения в марте 1921 г. фракций, что ослабило авторитет партийного съезда. Было предусмотрено, что члены ЦКК будут теперь не выборными, а назначаться Оргбюро. В таких условиях контроль партийных органов за вызывающими подозрение бюрократическими структурами очень ограничивался.

Все последние ленинские предложения строились на одном идеалистическом постулате: хорошие личные качества людей способны победить любые трудности. Ленин не понимал, что в обществе, ослабленном революцией, инертном, иногда открыто враждебном по отношению к новой власти, влияние бюрократии становится огромным. Другая проблема, беспокоившая Ленина, о которой он говорил в последних работах, касалась будущего русской революции, произошедшей, вопреки всей марксистской логике, в экономически отсталой стране, стоящей на полпути между капиталистической Европой и Азией, в стране, которой не хватало культуры, чтобы сразу перейти к социализму. Ленин признавал, что большевики захватили власть по наполеоновскому принципу: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет», не считаясь с отсутствием для этого социальных и экономических предпосылок. Коммунисты установили диктатуру пролетариата, когда пролетариата практически не существовало; создали рабочую партию, где рабочие составляли

меньшинство; начали восстанавливать капитализм после революции, называемой «социалистической». Каким могло быть будущее революции, исходящей из ложных посылок? Ленин полагал, что революции угрожают две серьезные опасности: развал единства партии и «союза рабочих и крестьян». От первой опасности можно было избавиться, немедленно реорганизовав эшелоны власти и отстранив от руководства Сталина. Борьба со второй требовала политической осторожности и времени. Ни в коем случае нельзя «нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню», считал Ленин. Только долгая и последовательная «культурная революция» могла бы справиться с «полуазиатским невежеством масс» и в будущем открыть путь к социализму. Этой «культурной революции» должна была помогать кооперация. «Сейчас все, в чем мы нуждаемся, — это в том, чтобы организовать население в кооперативы в широких масштабах». По этому пункту (как и по многим другим) Ленин занимал теперь позицию, противоположную той, которой раньше придерживался. Ленин всегда считал систему кооперативов «буржуазной» деятельностью, теперь же он разъяснял, что «при общественной собственности на средства производства и с победой пролетариата над буржуазией строй цивилизованных кооператоров становится системой социализма», Ставка на «союз рабочих и крестьян» и «личные качества» оказалась неверной.

2. Первые битвы за власть

Через несколько недель после третьего приступа, снова поразившего Ленина, состоялся XII съезд, на котором вся партия была якобы едина в своем горе. Сталину было поручено представить отчетный доклад. Съезд одобрил предложения Ленина о расширении состава ЦК и слиянии Рабоче-крестьянской инспекции с Центральной контрольной комиссией. Руководил ею Куйбышев — человек, лично преданный Сталину. Доклад по национальному вопросу не вызвал особой критики, несмотря на выступления грузинских коммунистов, которые заявили, что бессмысленно вести речь о какой-либо автономии республик, когда все решает центральная власть. Троцкий не стал выступать по национальному вопросу с заметками, переданными ему Лениным. В них резко критиковалась политика Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе в Грузии, что делало позицию Сталина в этом вопросе особенно шаткой. Позже Троцкий объяснял, что он не обнародовал ленинские указания, опасаясь, что подобное выступление могло быть истолковано как желание начать борьбу за ленинское наследство еще при его жизни. Молчание Троцкого, без сомнения, объяснялось также боязнью поколебать единство партии и ее аппарата в тот момент, когда катастрофическая экономическая ситуация в стране усиливала влияние «рабочей оппозиции», уже проявляющееся в многочисленных забастовках и создании подпольных групп («Рабочая правда», «Рабочая группа»). Эти объединения, сумевшие распространить свои листовки даже среди делегатов съезда, разоблачали «новую буржуазию» — партийных функционеров — и призывали к созданию подлинно рабочих организаций в партии и профсоюзах, которые могли бы помочь пролетариату обрести классовое самосознание, необходимое для завоевания власти.

Вместо того чтобы выступить по национальному вопросу, Троцкий говорил на съезде об экономическом кризисе. Он блестяще определил «кризис ножниц» и добился принятия резолюции о необходимости улучшить планирование промышленного производства. Несмотря на усилия Пятакова, пытавшегося реализовать резолюцию через ВСНХ, в течение нескольких лет это оставалось лишь благим намерением. В итоге опасения разрушить единство партии сыграли на руку Сталину, получившему наибольшую выгоду от этого выжидательного съезда.

Кажущееся единство, продемонстрированное XII съездом, продлилось недолго. На сентябрьском пленуме ЦК 1923 г. состоялась дискуссия по проблеме «ножниц»: небольшим перевесом голосов было принято решение о понижении цен на промышленные товары. По вопросу о «партийной дисциплине» мнения тоже разделились, Докладчик от подкомитета по «партийной дисциплине» Дзержинский предложил некоторые меры по укреплению идеологического единства партии: например, обязать каждого коммуниста передавать политической полиции любые имеющиеся у него сведения о существовании фракций и уклонов. Это предложение, воспринятое многими как настоящая провокация, было сродни решению Троцкого отправить 8 октября письмо в ЦК, где он обвинял «диктатуру аппарата» в экономических трудно-

стях в стране, а также в отвратительной обстановке внутри партии и объявлял о своем намерении публично высказаться об этом на собрании активистов. Через неделю те же идеи появились в «Декларации», адресованной Центральному Комитету и подписанной 46 ветеранами революции (Преображенским, Серебряковым, Бубновым, Сапроновым, Пятаковым, Мураловым, Антоновым-Овсеенко и др.). «Декларация 46-ти» обвиняла «фракцию большинства в Политбюро» в остром экономическом кризисе. Она объясняла «кризис партии» постоянно увеличивающимся разрывом между верхушкой Секретариата и рядовыми членами, между чиновниками, назначенными сверху, и массами, не участвующими в партийной жизни, считала порочной практику назначения ответственных лиц всех ступеней советской иерархии («назначенчество»). Для Политбюро не составило никакого труда заклеймить «декларацию 46-ти» как «акт фракционности» подавляющим большинством голосов, использовав всеобщее удивление тем, что Троцкий, известный своей авторитарностью и желанием подчинить общество жесткой дисциплине, вдруг превратился в «главного демократа». В то же время Политбюро высказалось за «демократизацию» партии, «задержавшуюся исключительно из-за гражданской войны» и «низкого политического уровня» коммунистов. В течение месяца в печати сотнями публиковались резолюции первичных партийных организаций о способах преодоления этих недостатков. 5 декабря 1923 г. Политбюро закрыло умело организованную дискуссию, приняв документ, который должен был удовлетворить оппозицию и в экономической, и в политической областях. Не совсем доверяя этому заявлению, составленному из сплошных общих фраз, Троцкий попытался призвать первичные парторганизации добиться подлинной демократизации. 11 декабря была опубликована статья «Новый курс», в которой Троцкий объяснял, что никакая демократизации не может произойти «сверху». Партия должна взять под контроль свой аппарат, превратив его в исполнителя коллективной воли, и убрать тех, кто не выносит никакой критики. К тому же только демократизация позволила бы партии обеспечить действенный контроль над работой предприятий. Вмешательство в эту работу аппарата, не знающего ни реального положения дел, ни местных условий, может только дезорганизовать производство. С появлением статьи Троцкого дискуссия возобновилась в печати и партийных ячейках.

XIII партконференция (16 — 18 января 1924 г.), на которой Троцкий отсутствовал из-за болезни, безоговорочно осудила Троцкого и оппозицию, обвинив их в антибольшевистском ревизионизме и антиленинском уклонизме. Чтобы доказать, что руководство партии не потерпит никакого проявления инакомыслия, по инициативе Сталина конференция обнародовала седьмой пункт резолюции о «Единстве партии», принятый на X съезде и до того времени остававшийся в тайне: «Съезд дает ЦК полномочия применять в случае нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии». Исключение грозило и тем, кто будет распространять необоснованные слухи и запрещенные документы (намек на «ленинское завещание», текст которого по-прежнему не был официально оглашен). Наконец, конференция приняла резолюцию об экономической политике, отвергающую «индустриалистскую» ориентацию Троцкого. Самых последовательных его приверженцев выслали из столицы или отправили за границу с дипломатическими миссиями (Иоффе — в Китай, Крестинского — в Германию, Раковского — в Англию).

3. Ленинское наследие

Ленин умер 21 января 1924 г. Сталин как Генеральный секретарь партии взял на себя организацию похорон. За несколько недель по всей стране был введен настоящий культ личности Ленина. Он начался с создания «Комиссии по увековечению памяти В.И.Ульянова», которой поручалось совершить обряд захоронения Великого Человека, чье мумифицированное тело должно было покоиться в мавзолее на Красной площади. Н.Тумаркин пишет, что такая погребальная церемония может быть объяснена влиянием четырех явлений: во-первых, всего за год и три месяца до смерти Ленина обнаружили гробницу Тутанхамона; во-вторых, по русской православной традиции нетленные мощи почитались святыми; в-третьих, среди большевиков большое влияние имела философия Федорова, которая видела спасение человека в материальном воскрешении плоти; в-четвертых, внутри большевизма появилось

движение «богостроителей», видевших в большевизме новую религию. Л.Красину как одному из адептов движения было поручено организовать бальзамирование тела. Культ Ленина сопровождался строительством многочисленных памятников вождю, открытием многочисленных музеев, «красных уголков» даже в самых мелких учреждениях, лавинами публикаций, начиная от тоненьких брошюр с жизнеописанием Ленина, кончая полным собранием его сочинений.

Сталин попытался, и небезуспешно, монополизировать право на ленинское наследие, представив себя единственным законным толкователем его идей, В апреле 1924 г. в Коммунистическом университете им. Свердлова Сталин прочел серию лекций, изданных затем под названием «Основы ленинизма». Основные положения, взятые им из ленинского учения, — необходимость дисциплины и единства партии — авангарда, элиты и лидера масс. Популярное издание «Основ ленинизма» должно было стать первой обязательной для прочтения «теоретической» работой для 203 тыс. новых членов партии «ленинского призыва». Через десять дней после смерти Ленина ЦК развернул широкую кампанию по набору в партию молодых людей, предпочтительно рабочих, с целью значительно изменить социальный состав, средний возраст и политический уровень партии. Под скоропалительный «ленинский призыв» попали в основном политически неграмотные рабочие, которых порой принимали в партию целыми цехами. По замыслу организаторов приема они должны были поддержать борьбу большинства Политбюро против оппозиции — хотя вновь вступившие являлись кандидатами, а не полноправными членами партии, их вопреки Уставу допустили к выборам делегатов на XIII съезд в апреле 1924 г. Как и предыдущий, XIII съезд партии (23 — 31 мая 1924 г.) прошел в атмосфере внешнего единодушия. Накануне открытия ЦК принял решение не будоражить участников съезда и не зачитывать им «завещание» Ленина, на чем настаивала Крупская. С его текстом ознакомились только внутри делегаций. Съезд, таким образом, прошел без особых эксцессов. Снова к выгоде провинциальных аппаратчиков, чья карьера зависела от Секретариата, был расширен ЦК (с 57 до 87 человек). Съезд подтвердил свое решение продолжать экономическую политику, основанную на бережном отношении к крестьянству и дальнейшем снижении цен на промышленные товары. Однако каждый остался при своем мнении: Сталин повторил, что объявление войны аппарату означает разрушение партии; Троцкий, настаивая на некоторых своих позициях, впервые ввел понятие «принципиальной самокритики».

4. Раскол «тройки»

После окончания съезда тактический союз Сталина, Зиновьева и Каменева, созданный в начале 1923 г. для уничтожения троцкистской оппозиции, начал трещать по швам. Сталин раскритиковал «теоретические заблуждения» Зиновьева (который вроде бы спутал «диктатуру партии» с «диктатурой пролетариата») и Каменева (который, сопоставив «нэпманскую» и «социалистическую» Россию, осмелился предположить, что в России нет социализма!). Этот непрочный союз («тройка на время вновь сплотился в конце августа 1924 г. из-за меньшевистского восстания в Грузии, быстро подавленного, и прежде всего в ответ на издание в октябре 1924 г. «Уроков Октября» Троцкого, Приводя различные исторические аналогии, Троцкий развивал тему, ставшую основной в последующих его работах: революция предана «правыми». Особенно он обрушивался на Зиновьева и Каменева, которые в октябре 1917 г, не поняли, что революцию надо было начинать в тот момент, о котором говорили Ленин и Троцкий. Шесть лет спустя, теперь уже вместе со Сталиным, Зиновьев и Каменев снова продемонстрировали свой «правый» уклон, не веря в успех революции в Германии. После этого их нельзя считать ленинцами. Для Троцкого полемика на исторические темы, которые легко интерпретировать как угодно, была хождением по острию бритвы, Спор был неравный и в политическом, и в практическом отношении (чего не учитывал Троцкий): в то время как «Уроки Октября» исчезали из обращения, вся пропагандистская партийная машина была мобилизована на критику вырванных из контекста отрывков из этой предосудительной работы.

Каменев не колеблясь обвинил Троцкого в его меньшевистском прошлом. Сталин стал отрицать роль Троцкого в Октябрьской революции и гражданской войне. В этом споре родилась сталинская теория «социализма в отдельно взятой стране», источник которой — замечание Ленина, промелькнувшее в одной из статей, написан-

ных в 1915 г., где он говорил, что в исключительных исторических обстоятельствах революция может произойти не одновременно в нескольких странах, а в одной, отдельно взятой стране. На этом шатком фундаменте (естественно, бесспорном) Сталин развил теорию о возможности построения полноценного социалистического общества в отдельно взятой советской стране на основе имеющихся человеческих и природных ресурсов и военной силы, которую следует укреплять ввиду капиталистического окружения, ожидая более благоприятных для мировой революции обстоятельств. Эта примитивная теория тешила националистические чувства и была великолепно приспособлена к психологии рядового члена партии, уставшего дожидаться мировой революции и окончательного построения социализма (подтверждение этому я нашел в архивах Смоленска. — Н.В.). Ценность этой теории была еще и в том, что она отражала аргументацию Троцкого, упрекавшего своих противников в отсутствии революционного порыва, которые ему отвечали, что его мечты о мировой революции лишь свидетельствуют о неверии в силы своей страны и коммунистической партии.

Пресса обрушила на Троцкого град обвинений, против него были направлены сотни резолюций, принятых на партийных собраниях, его позицию осудил январский пленум ЦК 1925 г. В связи с этим ему пришлось передать пост военного наркома М.В.Фрунзе, однако Сталин настоял на том, чтобы Троцкий остался в Политбюро, тогда как Каменев и Зиновьев требовали исключения его из партии.

Разгром Троцкого предопределил судьбу «тройки». В 1925 г. стал намечаться быстро углубляющийся конфликт между центром и ленинградской партийной организацией. XIV партконференция, однако, прошла без особых столкновении. По настоянию Бухарина (незадолго до того бросившего свой знаменитый лозунг: «Обогащайтесь!») на конференции был принят ряд мер в пользу крестьянства (снижение промышленных цен и земельного налога, льготы на аренду земли и наем рабочей силы). Вскоре после конференции, на которой Сталин полностью поддержал тезисы Бухарина, Зиновьев, глава ленинградской парторганизации, резко осудил эту политику «уступки кулачеству», Свои взгляды он изложил в работе «Ленинизм». где поновому трактовал ленинские идеи. Зиновьев напоминал, что Ленин всегда считал нэп стратегическим отступлением, а не эволюцией, и, следовательно, нельзя идти к социализму, когда крестьяне поощряются антисоциалистическими методами, и что теория «построения социализма в отдельно взятой стране» ошибочна с точки зрения ленинизма. 5 сентября, Зиновьев, Каменев, Сокольников и Крупская подписали «платформу четырех», в основных положениях повторяющую работу Зиновьева. В Ленинграде наметилась новая оппозиция, возглавляемая Зиновьевым. Все лето «Ленинградская правда» полемизировала с центральной прессой, пытаясь доказать не только то, что именно она является единственной наследницей дореволюционной «Правды», но и что Ленинград — «цитадель пролетарской диктатуры в стране» и ленинградский пролетариат — «творец трех революций» и «соль земли пролетарской». Зиновьев писал, что ленинградский пролетариат состоит из потомственных рабочих, среди которых очень велик процент коммунистов; московский пролетариат, наоборот, очень нестабилен, поскольку в нем много недавних выходцев из деревни. Получалось, что пролетарская партийная организация Ленинграда во главе с Зиновьевым достойна ленинского наследия больше, чем кто-либо. Конфликт обострился, когда Секретариат ЦК отстранил от работы Залуцкого, заместителя Зиновьева. В ответ в Ленинграде были отстранены от должностей все коммунисты, разделявшие позицию Москвы. Предвыборные конференции, на которых выбирались делегаты на XIV съезд партии, проходили очень бурно. Вплоть до того, что 10 декабря ленинградская партконференция направила письмо московской организации, где обвиняла ее в «ликвидаторском неверии в победу социализма». За три дня до открытия съезда (15 декабря) большинство в Политбюро предложило ленинградской организации «перемирие»: не выносить на съезд разногласия между организациями, восстановить в должности изгнанных ленинградских секретарей и ввести в состав Секретариата представителя Ленинграда. Зиновьев расценил это как предложение о «капитуляции» и категорически отверг его.

XIV съезд партии (18 — 31 декабря 1925 г.) открылся в очень напряженной обстановке. Сталин представил отчетный доклад. Он взял на себя роль беспристрастного посредника между «правыми» и «левыми», между Зиновьевым и Бухариным. Зиновьев в очень деликатной форме, без каких-либо выпадов против Сталина отверг

предположение, что основная угроза исходит от «левых». Обстановка накалилась, когда Крупская, выступая от имени оппозиции, привела в пример Стокгольмский съезд (1 906 г.), где большевики оказались в меньшинстве, и сказала, что большинство не всегда право. Всеобщее возмущение вызвал Каменев, обвинивший Сталина в «диктате», заявивший, что тот не способен осуществлять единство большевистского руководства и что он «против идеи вождя». В одном из своих риторических выступлений на съезде Сталин подтвердил, что только коллективное руководство может привести партию к цели. Отчетный доклад Сталина был принят 559 голосами против 65 (ленинградская оппозиция). Снова был увеличен состав ЦК и Политбюро, куда вошли Молотов, Ворошилов и Калинин.

Сразу после съезда Политбюро поручило комиссии под председательством Молотова навести порядок в ленинградской партийной организации. «Обработав» местные партийные организации, произведя кадровые перемещения ответственных работников, воспользовавшись полномочиями, данными ей съездом, комиссия за один месяц добилась почти единогласного (96%) одобрения ленинградскими коммунистами линии, принятой на XIV съезде. Зиновьева отстранили от руководства ленинградской партийной организацией и вместо него назначили Кирова, вызванного из Баку.

5. «Объединенная оппозиция»

Вскоре за распадом «тройки» (апрель 1926 г.) последовало создание новой, очень разнородной оппозиции, куда вошли Зиновьев, Каменев, Троцкий и их друзья — Радек, Преображенский, Серебряков, Пятаков, Сокольников, Антонов-Овсеенко, Муралов и другие, активисты из «рабочей оппозиции» (Шляпников) и из группы демократических централистов (Сапронов). Объединение было очень непрочное, так как все эти люди, ссорившиеся друг с другом по личным и теоретическим поводам, были едины только в своей неприязни к Сталину. За последние годы большинство из них потеряло свои посты и политическое влияние. Зиновьев больше не руководил партийной организацией Ленинграда, Троцкий — «Бонапарт без армии» — больше не был военным наркомом. В конце 1925 г. он лишился главного идеологического оружия против Сталина, публично опровергнув подлинность ленинского «завещания», опубликованного в Соединенных Штатах Максом Истманом. Идеи оппозиции не доходили до первичных организаций из-за многочисленных «фильтров» и препон, стоящих на пути инакомыслия. Кроме того, патологический страх перед «фракциями», проникший уже и в первичные организации, лишал будущего любые действия меньшинства против «рабочего государства». Всякая борьба с аппаратом была заранее обречена на провал, и оппозиции оставалось только попытаться аргументированние убедить массы. Троцкий выдвинул тезис о том, что революция предана бюрократами и что страна находится накануне нового термидора, который приведет к победе бюрократии над пролетариатом. Единственным выходом было радикальное изменение политического курса: быстрое развитие тяжелой промышленности, улучшение условий жизни рабочих, демократизация партии, борьба с обогащением кулаков. Как только была выработана система аргументации, которая могла затронуть определенные слои рабочих-коммунистов, оппозиция встала перед необходимостью распространить эти идеи в массах. Оппозиционеры (их было несколько тысяч) начали создавать подпольные организации и выступать на собраниях партячеек некоторых предприятий, пытаясь настроить их против партийного руководства. Параллельно с этим руководители оппозиции выработали заявление, представленное на июльском пленуме ЦК 1926 г. Дискуссии были настолько яростными, что в разгар заседания у Дзержинского (председатель ВСНХ и глава ПТУ) произошел сердечный приступ. Политбюро было перетасовано в угоду Сталину: Зиновьев заменен Рудзутаком, появились новые кандидаты в члены Политбюро: люди, близкие Сталину, — Микоян, Андреев, Каганович, Орджоникидзе и Киров. Оба бывших заместителя Зиновьева — Евдокимов и Ласкевич — были смещены со своих постов.

В последующие месяцы отдельные оппозиционеры пытались продолжить пропагандистскую работу в первичных партийных организациях, в партячейках на предприятиях и учебных институтах Москвы и Ленинграда. Теперь за их деятельностью неотступно следило ПТУ, а Секретариат и ЦК посылали на места отряды «инструкторов». Дискуссии часто заходили в тупик. Боясь, что их обойдут «экстремисты» из «рабочей оппозиции», и опасаясь навлечь на себя гнев всей партии, шесть самых

влиятельных деятелей оппозиции — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сокольников, Евдокимов и Пятаков — 16 октября 1926 г. опубликовали настоящее покаяние, где они признавали неправильность своей фракционной борьбы и давали обязательство впредь подчиняться партийной дисциплине. Через несколько дней состоялся пленум ЦК (23 — 26 октября 1926 г.), сурово осудивший руководителей оппозиции, дискредитированных своим заявлением. Троцкого и Каменева исключили из состава Политбюро, Исполкому Коминтерна было предложено отстранить Зиновьева от поста председателя, и в декабре его заменил Бухарин. На XV партийной конференции (27 октября — 3 ноября 1926 г.) разбитая оппозиция не имела ни права голоса, ни возможности выдвигать свои предложения. Капитуляция Крупской (которая решила, что оппозиция зашла слишком далеко в критике раскола между аппаратом и массами) еще более ослабила ее позиции. Стенограмма этого заседания, где без конца прерываемые выступления оппозиционеров практически не поддаются прочтению, свидетельствует об ухудшении отношений внутри партии, снижении уровня политической культуры и культуры поведения делегатов, о растущей нетерпимости. «Тезисы» Сталина о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране» были приняты единогласно. Выпущенные сотнями тысяч экземпляров, они вооружили «большинство» примитивной аргументацией, понятной низовому партийному пропагандисту, поскольку в ее основе лежала национальная честь и вера в силы народа, который первый проложил дорогу к социализму. Резолюция XV партконференции не только осудила оппозицию, но и потребовала от нее публичного признания своих ошибок.

В течение нескольких месяцев поверженная оппозиция не подавала признаков жизни. Подавление китайских коммунистов в Шанхае в мае 1927 г. дало повод 48 оппозиционерам 25 мая подписать декларацию, где они разоблачали бездарность и непролетарский характер правительства, оказывавшего доверие Чан Кайши. Дело было крайне деликатное, поскольку Великобритания только что порвала дипломатические отношения с СССР, и «большинство» под предлогом угрозы войны заклеймило любую форму оппозиции, которая лишь подрывала единство, как никогда необходимое партии. Июльский пленум решил исключить из состава ЦК Троцкого и Зиновьева. Но решение было отложено после того, как оба лидера согласились в очередной раз публично покаяться и «безоговорочно подчиниться власти ЦК». Однако осенью 1927 г., сознавая реальное положение вещей, находясь под постоянным контролем ГПУ, оппозиция, на которую ежедневно обрушивались на десятках партсобраний (часто выдвигая аргументы антисемитского толка; «Может быть, происхождение Троцкого мешает ему поверить в возможности русского народа?»), решила дать последний бой. В сентябре она представила программу реформ и потребовала, чтобы следующий ЦК, выбранный на XV съезде, был тесно связан с массами и не зависел от аппарата. Так как ЦК запретил распространять эту программу среди делегатов съезда, оппозиция попыталась напечатать ее подпольно. ГПУ использовало этот предлог, чтобы уничтожить всю организацию. Пленум ЦК, состоявшийся 21 — 23 октября, вывел из своего состава Троцкого и Зиновьева. Через две недели Троцкий открыто нанес последний удар: 7 ноября, в 10-ю годовщину Октябрьской революции, во время праздничной демонстрации его сподвижники (Зиновьев и Радек в Ленинграде, Раковский в Харькове, Преображенский и сам Троцкий в Москве) развернули лозунги со своими призывами. 14 ноября Троцкого и Зиновьева исключили из партии, а Каменева и Раковского — из ЦК. Еще 93 видных деятеля оппозиции были исключены из партии на XV съезде. Некоторые из оппозиционеров — Каменев, Зиновьев и еще около 20 человек — покаялись в надежде восстановиться в партии после полугодового испытательного срока, большинство же (Троцкий и его сторонники) отказались от такого публичного унижения. 19 января 1928 г. «Правда» сообщила об «отъезде» из Москвы Троцкого и еще 30 оппозиционеров. На самом деле за два дня до этого они были сосланы в Алма-Ату,

6. Размышления над провалом

Десять лет спустя, анализируя причины разгрома оппозиции, Троцкий объяснял его «победой сталинской бюрократии над массами». Подобное объяснение не выдерживает проверки фактами: «массы» были на стороне оппозиции в 1926 — 1927 гг. не в большей степени, чем у власти в начале 20-х годов, то есть до «победы сталинской бюрократии». На самом деле в структуре партии (по определению, данному ей

на X съезде), где меньшинство обязано было подчиняться большинству, чтобы избежать обвинения в фракционности, смена направлений являлась делом случая. Она зависела от изменений в составе партии; условий, в которых велись политические споры в первичных организациях, и от того, кому принадлежали рычаги управления и структуры власти внутри партии. В 20-е годы все эти три фактора были против оппозиции и играли гораздо более важную роль, чем тактические просчеты различных деятелей оппозиции.

Через десять лет после Октябрьской революции в партии насчитывалось 1 млн. 300 тыс. членов и кандидатов. Число «старых» большевиков постоянно сокращалось (в 1927 г. осталось всего 8 тыс. человек, вступивших в партию до октября 1917 г.). Одновременно с этим шел процесс «плебеизации» и окрестьянивания партии. «Плебеизация» — не то же, что «опролетаривание». Несмотря на массовые кампании по привлечению рабочих в партию («ленинский призыв» 1924 г., «октябрьский набор» 1927 г.), только треть коммунистов составляли рабочие. 60% членов партии занимались чаще всего неквалифицированным, но не физическим трудом в гигантском государственном бюрократическом аппарате. Так же как и в начале 1920-х годов, вступление в партию было основным способом подняться по социальной лестнице. Вот некоторые параметры набирающей силу развивающейся партии: большой процент молодежи (85% коммунистов моложе 40 лет), недостаток политического опыта (лишь 2% секретарей парторганизаций вступили в партию до революции), низкий образовательный уровень (только 1% окончил высшие учебные заведения). Низкий политический уровень — подавляющее большинство членов партии в отличие от «старых» большевиков никогда не читало классиков марксизма (в лучшем случае они знакомились с популярными теоретическими работами вроде «Азбуки коммунизма» Бухарина или «Основ ленинизма» Сталина) — значительно облегчал идеологическую обработку первичных организаций райкомами и обкомами.

Стенограммы обычных партсобраний, сохранившиеся в Смоленском партархиве, говорят о том, что в 20-е годы рядовой коммунист не имел никакого представления о сути идеологических разногласий в партии. Отклики споров, сотрясающих руководящие круги, доходили до партячеек в искаженном, намеренно упрощенном виде, через двойной фильтр курсов политграмоты и присланных сверху «инструкторов». Так, судя по стенограммам, спор между Сталиным и Троцким сводился к тому, что первый хотел строить социализм в СССР, а второй не хотел. Когда в 1930 г. секретаря партячейки попросили дать определение «правой позиции» Бухарина, он дал следующий ответ, удивительный по своему невежеству и наивности: «Правый уклонизм — это уклон вправо, левый уклонизм — это уклон влево, а сама партия прокладывает дорогу между ними». Сила сталинской позиции была в идентифицировании ее с «центризмом», исходившим от ЦК, крайней простоте и невероятном схематизме, что делало ее доступной большинству непросвещенных партийцев. Любой политический спор сводился к борьбе «генеральной линии» центра, рупором которой был ЦК, с разными уклонами. Коммунистам постоянно напоминали об угрозе капиталистического окружения и, следовательно, об опасности для советской власти любого конфликта в руководстве партии, вызванного политическими спорами. Партии следовало сплотиться вокруг «генеральной линии», которая определялась не в результате дискуссий, а Центральным Комитетом, единственным гарантом единства партии. Чтобы сохранить его, партия должна была быть не местом дебатов, а полем действия. Если нет инструкций — возникает «анархия» и «дискуссии». Термин «дискуссия» приобретал все более уничижительную окраску, во-первых, как противопоставление конструктивным и конкретным действиям и, во-вторых, в силу той концепции понятия «политическая борьба», которая сложилась у низовых коммунистов. Десять лет большевистской власти не притупили остроты внутреннего и внешнего противостояния, Борьба против внутренних и внешних врагов партии и государства всегда оставалась насущной задачей коммунистов, а политическим спорам отводилось очень незначительное место. Дискуссия всегда «навязывалась», к ней «принуждали» оппозиция и какие-нибудь уклонисты. Рассмотреть какой-либо политический вопрос означало прежде всего навесить ярлык на оппонента (в 30-е годы — на врага). Если спора нельзя было избежать, он тщательно готовился и планировался. Всякое новое направление или изменение линии партии еще до обсуждения в ячейках объяснялось и комментировалось «инструкторами» и «пропагандистами», которые на предварительных собраниях или курсах политграмоты разъясняли, кто прав, кто виноват.

В 20-е годы усилился контроль вышестоящих организаций за низовыми: во время обсуждения важных вопросов на собрании присутствовал представитель райкома с функциями фискала, которому было поручено следить за малейшими отклонениями от «генеральной линии». В особо «трудных» случаях на место присылали инструкторов из Орграспреда, подчиняющихся непосредственно Секретариату. Орграспред был создан в 1924 г. в результате слияния Оргбюро и Учраспреда и превратился в главный отдел Секретариата, на который возлагались обязанности по управлению партийными органами и назначению кадров.

В 1926 г. вышло новое постановление, устанавливающее порядок назначения на тот или иной партийный пост. Кандидаты 1 на 5500 самых важных партийных должностей (общее количество партийных постов составляло 25 тыс.) назначались непосредственно Орграспредом и ЦК. Остальные рекомендовались райкомами и обкомами, имевшими собственную номенклатуру.

Теоретически все ответственные посты считались выборными, но в действительности эти выборы всегда «готовились» инстанцией, которой был подответствен этот пост. Партийные власти попытались составить досье на всех коммунистов. Это досье (не полностью и с большим трудом) было собрано только к концу 30-х годов. В 20-х годах стала набирать силу Центральная контрольная комиссия, во главе которой стояли соратники Сталина: до 1926 г. ее возглавлял Куйбышев, потом Орджоникидзе. По Уставу 1924 г. функции ЦКК и местных контрольных комиссий заключались в последовательной борьбе против всех группировок и фракционных движений внутри партии, систематическом наблюдении за нездоровыми явлениями в области идеологии, чистке идеологически вредных или морально развращенных элементов. Каждый год контрольная комиссия вызывала 4—6% коммунистов по самым разным поводам, в основном за пьянство (25 — 30%), политическую пассивность (25%) — чаще, чем за «активную оппозицию» (5 — 6%), за различные проявления карьеризма, злоупотребления властью, бюрократизм (18 — 20%), неприкрытое воровство (10%), веру в Бога (5 — 6%), принадлежность к социально чуждому классу (2 — 4%). При нэпе контрольные комиссии ограничивались «легкими чистками» (предупреждениями, порицаниями, редко — исключениями: в 1924 — 1927 гг. ежегодно исключался только 1% всех коммунистов), стараясь сохранить более или менее достойный образ партии и наказывая только за самые вопиющие нарушения. Однако с 1927 г. наметились изменения, которые затем привели к большой чистке 1929 г. На этот раз под лозунгом «идеологической монолитности» становилось более суровым отношение к политической оппозиции (тысячи троцкистов были исключены из партии на следующий день после окончания работы XV съезда). Связи между ПТУ и контрольными комиссиями, следящими за малейшими отклонениями в какую-либо сторону, стали более тесными.

IV. КОНЕЦ НЭПА

1. Зима 1927/28 г. — хлебозаготовительный кризис

XV съезд подвел итоги многолетней борьбы с троцкизмом и заявил о его ликвидации. Споры об определении экономической политики были краткими. В резолюциях съезда наметилась пока еще плохо сформулированная тенденция к изменению политического курса «влево». Это означало «усиление роли социалистических элементов в деревнях» (делегаты имели в виду развитие совхозов-гигантов, например совхоз им. Шевченко в Одесской области, об опыте которого писали тогда все газеты); ограничение деятельности кулаков и нэпманов путем значительного повышения налогов; поощрительные меры в отношении беднейшего крестьянства: преимущественное развитие тяжелой промышленности. Выступления партийных деятелей свидетельствовали о глубоких расхождениях: Сталин и Молотов были особенно враждебно настроены против кулаков-»капиталистов», а Рыков и Бухарин предупреждали делегатов съезда об опасности слишком активной «перекачки» средств из сельского хозяйства в промышленность. И тем не менее все они лишь формулировали общие

задачи. Съезд не принял никакой конкретной программы. Казалось, что будущее нэпа еще впереди.

Между тем, как только закончился съезд, власти столкнулись с серьезным кризисом хлебозаготовок. В ноябре поставки сельскохозяйственных продуктов государственным учреждениям сильно сократились, а в декабре положение стало просто катастрофическим. Партия была захвачена врасплох. Еще в октябре Сталин публично заявил о «великолепных отношениях» с крестьянством. В январе 1928 г. пришлось взглянуть правде в глаза: несмотря на хороший урожай, крестьяне поставили только 300 млн. пудов зерна (вместо 430 млн., как в предыдущем году). Экспортировать было нечего. Страна оказалась без валюты, необходимой для индустриализации. Более того, продовольственное снабжение городов было поставлено под угрозу. Снижение закупочных цен, дороговизна и дефицит промтоваров, снижение налогов для беднейших крестьян (что избавляло их от необходимости продавать излишки), неразбериха на пунктах сдачи зерна, слухи о начале войны, распространяемые в деревне, — все это вскоре позволило Сталину заявить о том, что в стране происходит «крестьянский бунт».

Для выхода из создавшегося положения Сталин и его сторонники в Политбюро решили прибегнуть к срочным мерам, напоминающим продразверстку времен гражданской войны. Сам Сталин отправился в Сибирь. Другие руководители (Андреев, Шверник. Микоян, Постышев, Косиор) разъехались по регионам, дающим высокие урожаи (Волга, Урал, Северный Кавказ). Партия направила в деревню «оперуполномоченных» и «рабочие отряды» (было мобилизовано 30 тыс. коммунистов). Им было поручено провести чистку в ненадежных и непокорных сельсоветах и партячейках, создать на месте «тройки», которым надлежало найти спрятанные излишки, заручившись помощью бедняков (получавших 25% зерна, изъятого у более зажиточных крестьян) и используя 107-ю статью Уголовного кодекса, по которой любое действие, «способствующее поднятию цен», каралось лишением свободы сроком до трех лет. Начали закрываться рынки, что ударило не по одним зажиточным крестьянам, так как большая часть зерна на продажу находилась, естественно, не только у «кулаков», но и у середняков. Изъятие излишков и репрессии усугубили кризис. Конечно, власти собрали зерна лишь ненамного меньше, чем в 1927 г. Но на следующий год крестьяне уменьшили посевные площади.

Хлебозаготовительный кризис зимы 1927/28 г. сыграл решающую роль в последующем: Сталин сделал ряд выводов (изложенных во многих его выступлениях в мае — июне 1928 г.) о необходимости сместить акцент с кооперации, ранее горячо защищавшейся Лениным, на создание «опор социализма» в деревне — колхозов-гигантов и машинно-тракторных станций (МТС). Благодаря значительным возможностям этих «опор» по производству сельскохозяйственной продукции для продажи на рынке предполагалось, что они дадут государству 250 млн. пудов зерна (одну треть действительных потребностей), что позволит обеспечить снабжение ключевых отраслей промышленности и армии, а также выйти на внутренний и внешний рынок, тем самым вынудив крестьян продавать излишки государству. Начиная с 1927 г. стала складываться система «контрактации» (контракт, предусматривающий, что в обмен на продукцию, которую крестьяне поставляют государству, они получают от него необходимую технику), позволявшая государству улучшить контроль за имеющимися продовольственными излишками. Летом 1928 г. Сталин уже не верил в нэп, но еще не пришел окончательно к идее всеобщей коллективизации. По плану дальнейшего развития народного хозяйства (составленному на небольшой срок: три-четыре года) частный сектор должен был существовать и в дальнейшем. В то же время набирала силу политическая борьба с «правой оппозицией».

2. Разгром «правой оппозиции»

На апрельском пленуме ЦК 1928 г. было высказано недовольство снова начавшейся политикой продразверстки, напоминавшей о временах гражданской войны. На одном из заседаний стало известно также о промышленном саботаже в тресте «Донуголь» (Шахтинский район Донбасса), где для работы привлекались буржуазные специалисты и поддерживались связи, с западными финансовыми кругами. Через несколько недель начался публичный процесс против 53 человек (последний раз по-

добный суд состоялся над эсерами в 1922 г.). Этот показательный процесс, которому надлежало сплотить коммунистов в борьбе против оппозиционеров, уклонистов и других врагов, укрепил миф о «наемных саботажниках» (вслед за ним ' появились мифы о «кулацкой угрозе» и «опасности справа»). Несмотря на крайне напряженную обстановку, в апреле 1928 г. большинство членов ЦК еще не было готово следовать за Сталиным. В резолюциях, принятых на пленуме, подчеркивалась важность рыночных отношений, осуждались перегибы по отношению к зажиточным крестьянам. Был отвергнут законопроект о новом сельскохозяйственном Уставе, где пожизненное землепользование разрешалось только членам колхоза. Споры между сторонниками и противниками нэпа велись одновременно в ЦК, Политбюро (где Сталин, поддерживаемый Куйбышевым, Молотовым, Рудзутаком и Ворошиловым, располагал незначительным большинством; Калинин колебался, а Рыков, Томский и Бухарин составляли «правую оппозицию») и в учреждениях, занимающихся планированием. Экономисты Госплана разработали план умеренного промышленного роста, где темпы накопления капитала соотносились с темпами роста сельскохозяйственного производства в рамках нэпа. Со своей стороны экономисты из ВСНХ во главе с Куйбышевым предложили план более быстрого роста (135% за пять лет), основанный главным образом на вере в энтузиазм советских людей и на положениях экономиста Струмилина, разработавшего теорию, согласно которой «задачей большевиков было перестроить экономику, а не изучить ее. Нет такой крепости, которую большевики не могли бы взять штурмом... Вопрос темпов промышленного роста решается с помощью человеческой воли».

На пленуме ЦК, состоявшемся с 4 по 12 июля 1928 г., произошло столкновение различных точек зрения. В речи Сталина, опубликованной только несколько лет спустя, подчеркивалось, II что политика нэпа зашла в тупик, что ожесточение классовой борьбы объясняется вер более отчаянным сопротивлением капиталистических элементов, что крестьянству придется потратиться на нужды индустриализации. Последнее из этих положений Сталин позаимствовал у Преображенского, не приняв, однако, ни оговорок, ни сомнений последнего. Впрочем, в своих резолюциях пленум не пошел за Сталиным. Бухарин, по его собственному выражению «пришедший в ужас» от выводов генсека, которые, как он считал, доведут страну до террора, гражданской войны и голода, и уверенный, что Сталин будет маневрировать с целью добиться преимущества на следующем пленуме, решил перенести полемику в массы. Ранее никто, даже делегаты VI конгресса Коминтерна (Москва, 17 июля — 1 сентября), не были информированы о разногласиях в руководстве партии. 30 сентября Бухарин публикует в «Правде» «Заметки экономиста», в которых излагает экономическую программу оппозиции. .Согласно автору статьи, кризис в стране был вызван ущербностью планирования, ошибками в политике ценообразования, дефицитом промышленных товаров, неэффективностью помощи сельскохозяйственной кооперации. Курс еще можно было изменить, но только за счет определенных уступок крестьянству (открытие рынков, повышение закупочных цен на хлеб, а при необходимости и покупка хлеба за границей). Таким образом, Бухарин выступал за возврат к экономическим и финансовым мерам воздействия на рынок в условиях нэпа. Создавать колхозы следовало только в том случае, когда они оказывались более жизнеспособными, чем индивидуальные хозяйства. Индустриализация необходима, но только если она будет «научно спланирована», проводить ее надо с учетом инвестиционных возможностей страны и в тех пределах, в которых она позволит крестьянам свободно запасаться продуктами.

Несмотря на высокий научный уровень, статья Бухарина вызвала мало откликов. Тем временем Сталин, предусмотрительно не раскрывая имен (кто бы поверил, что Бухарин или председатель Совнаркома Рыков стоят во главе «опасного уклона»?), выковывал миф об «оппозиции справа», об опасном уклоне в партии, конечная цель которого — создание условий для реставрации капитализма в СССР. В ноябре 1928 г. пленум ЦК единогласно осудил «правый уклон», от которого отмежевались Бухарин, Рыков и Томский. И на этот раз они руководствовались желанием сохранить единство партии. Пригрозив отставкой, добившись незначительных уступок, они все же во имя сохранения единства партии проголосовали за противоречившие их принципам сталинские резолюции необходимости догнать и перегнать капиталистические страны благодаря ускоренной индустриализации и развитию обширного социалистического сектора в сельском хозяйстве. Такое поведение лидеров оппозиции, по сути

дела, закрепляло их поражение. Приняв фактическое участие в единодушном голосовании в Политбюро и ЦК, осудивших все еще анонимный «правый уклон» и одобривших новую линию партии, они не могли высказывать свои мысли без риска быть обвиненными в двоедушии и фракционерстве. В течение нескольких недель, последовавших за пленумом, «правая оппозиция» потеряла два бастиона: московскую парторганизацию, первый секретарь которой, сторонник Бухарина Угланов, был снят со своего поста, и профсоюзы. VIII съезд профсоюзов, нарушив обещание ввести семичасовой рабочий день, одобрил сталинские тезисы об ускоренной индустриализации. Влияние председателя профсоюзов Томского было значительно ослаблено вводом в президиум пяти сталинцев (в том числе Кагановича) и установлением более жесткого контроля Политбюро над руководством профсоюзов. Желая предупредить возможное соглашение между оппозиционными группировками, Сталин наконец решился выдворить сосланного в Алма-Ату Троцкого за пределы СССР.

Впрочем, «левая оппозиция», ослабленная разрозненностью ее активистов и растерявшаяся в связи с принятием новой линии партии — на первый взгляд близкой «левой идее», — опасности больше не представляла. Когда Троцкий решился (21 октября 1928 г.) призвать коммунистов всех стран на борьбу с планами Сталина, Политбюро, воспользовавшись этим, обвинило его в создании нелегальной «антисоветской партии». 21 января 1929 г. Троцкий был выслан в Турцию. В тот же день, в пятую годовщину смерти Ленина, Бухарин повторил свою концепцию, опубликовав статью в «Правде», посвященную «Политическому завещанию «Ленина». Он показал разницу между ленинским планом кооперации — «мирным, постепенным и добровольным» в результате подлинной «культурной революции» — и сталинским проектом коллективизации, основанным на принуждении. Вывод Бухарина: третьей революции быть не должно. Предназначенная, как и «Заметки экономиста», для осведомленного читателя, эта статья не вызвала особой реакции Сталина. А вот появившиеся на следующий день сообщения, что 11 июля 1928 г. имели место контакты Бухарина и Сокольникова с Каменевым, значительно подорвали престиж лидеров оппозиции. Теперь они должны были объясняться перед ЦКК и выслушать обвинения в «двурушничестве» и «фракционизме». Апрельский пленум ЦК партии 1929 г. завершил разгром наконец-то публично разоблаченной оппозиции. В ходе его заседания, отвергнувшего последнее предложение «правых» (двухлетний план, задуманный с целью улучшить положение дел в сельском хозяйстве), Сталин в не опубликованной тогда речи заклеймил прошлые и настоящие ошибки Бухарина: от 'его оппозиции Ленину в 1915 г. до «поддержки кулака».

На XVI партконференции (апрель 1929 г.) оппозиция уже не выступала против пятилетнего плана в варианте, предложенном ВСНХ, который предусматривал коллективизацию 20% крестьянских хозяйств в течение пяти лет и ускоренную индустриализацию. Вскоре Бухарин был снят с поста главного редактора «Правды», а затем (3 июля) отстранен от руководства Коминтерном. Томского во главе профсоюзов сменил Шверник. Рыков подал в отставку с поста Председателя Совнаркома. ЦКК предприняла всеобщую проверку и чистку рядов партии, которая за несколько месяцев привела к исключению 17 0 тыс. большевиков (11% партсостава),. причем треть из них — с формулировкой «за политическую оппозицию линии партии». В течение лета 1929 г. против Бухарина и его сторонников развернулась редкая по своей силе кампания в печати. Их ежедневно обвиняли) «пособничестве капиталистическим элементам» и в «сговоре с троцкистами». На ноябрьском пленуме ЦК полностью дискредитированная оппозиция подвергла себя публичной самокритике. Бухарин был исключен из Политбюро.

3. Вперед без оглядки

В то время как в высших эшелонах власти один за другим разворачивались эпизоды борьбы сторонников и противников нэпа, рана все глубже и глубже погружалась в экономический кризис, который усугублялся непоследовательными мерами, в которых отражалось «брожение» в руководстве и отсутствие четко определенной политической линии. Показатели сельского хозяйства 1928/29 г. были катастрофическими. Несмотря на целый репрессивных мер по отношению не только к зажиточным крестьянам, но и в основном к середнякам (штрафы и тюремное заключение в случае отказа продавать продукцию государству по закупочным ценам в три раза меньшим,

чем рыночные), зимой 1928/29 г. страна получила хлеба меньше, чем год назад. Обстановка в деревне стала крайне напряженной: печать отметила около тысячи случаев «применения насилия» по отношению к «официальным лицам». Поголовье скота уменьшилось. В феврале 1929 г. в городах снова появились продовольственные карточки, отмененные после окончания гражданской войны. Дефицит продуктов питания стал всеобщим, когда власти закрыли большинство частных лавок и кустарных мастерских, квалифицированных как «капиталистические предприятия». Повышение стоимости сельскохозяйственных продуктов привело к общему повышению цен, что отразилось на покупательной способности населения, занятого в производстве. В глазах большинства руководителей, и в первую очередь Сталина, сельское хозяйство несло ответственность за экономические трудности еще и потому, что в промышленности показатели роста были вполне удовлетворительными. Однако внимательное изучение статистических данных показывает, что все качественные характеристики: производительность труда, себестоимость, качество продукции — шли по нисходящей. Этот настораживающий феномен свидетельствовал о том, что процесс индустриализации сопровождался невероятной растратой человеческих и материальных ресурсов. Это привело к падению уровня жизни, непредвиденной нехватке рабочей силы и разбалансированию бюджета в сторону расходов.

Видимое отставание сельского хозяйства от промышленности позволило Сталину объявить аграрный сектор главным и единственным виновником кризиса. Эту идею он, в частности, развил на пленуме ЦК в апреле 1929 г. Сельское хозяйство необходимо было полностью реорганизовать, чтобы оно достигло темпов роста индустриального сектора. По мысли Сталина, преобразования должны были быть более радикальными, чем те, что предусматривал пятилетний план, утвержденный XVI партконференцией, а затем и съездом Советов (апрель — май 1929 г.). При всей своей смелости — вариант ВСНХ предполагал увеличить капиталовложения в четыре раза по сравнению с периодом 1924— 1928 гг., добиться за пять лет роста промышленного производства на 135%, а национального дохода на 82%, что и привело к его окончательной победе над более скромным вариантом Госплана, — пятилетний план все же основывался на сохранении преобладающего частного сектора, сосуществующего с ограниченным, но высокопроизводительным сектором государственным и коллективным. Его авторы рассчитывали на развитие спонтанного кооперативного движения и на систему договоров между кооперативами и крестьянскими товариществами. Наконец, план предполагал, что к 1933— 1934 гг. примерно 20% крестьянских хозяйств объединятся в товарищества по совместной обработке земли, в которых обобществление коснется исключительно обрабатываемых земель, обслуживаемых «тракторными колоннами», без отмены частной собственности и без коллективного владения скотом. Постепенная и ограниченная коллективизация должна была строиться на исключительно добровольном принципе, с учетом реальных возможностей государства поставлять технику и специалистов.

По мнению Сталина, критическое положение на сельскохозяйственном фронте, приведшее к провалу последней хлебозаготовительной кампании, было вызвано действиями кулаков и других враждебных сил, стремящихся к «подрыву советского строя». Выбор был прост: «или деревенские капиталисты, или колхозы». Речь теперь шла не о выполнении плана, а о беге наперегонки со временем.

Только что принятый план подвергся многочисленным корректировкам в сторону повышения, особенно в области коллективизации. Вначале предполагалось обобществить к концу пятилетки 5 млн. крестьянских хозяйств. В июне Колхозцентр объявил о необходимости коллективизации 8 млн. хозяйств только за один 1930 г. и половины крестьянского населения к 1933 г. В августе Микоян заговорил уже о 10 млн., а в сентябре была поставлена цель обобществить *а* том же 1930 г. 13 млн. хозяйств. В декабре эта цифра выросла до 30 млн.

Такое раздувание показателей плана свидетельствовало не только о победе сталинской линии. Оно питалось иллюзией изменения положения вещей в деревне: тот факт, что начиная с зимы 1928 г. сотни тысяч бедняков под воздействием призывов и обещаний объединились в ТОЗы, чтобы при поддержке государства ; хоть как-то повысить свое благосостояние, в глазах большинства руководителей свидетельствовал об «обострении классовых противоречий» в деревне и о «неумолимой поступи коллективизации». 200 «колхозов-гигантов» и «агропромышленных комплексов», каж-

дый площадью 5—10 тыс. га, становились теперь «бастионами социализма». В июне 1929 г. печать сообщила о начале нового этапа — «массовой коллективизации». Все парторганизации были брошены властями на выполнение двойной задачи: заготовительной кампании и коллективизации. Все сельские коммунисты под угрозой дисциплинарных мер должны были показать пример и вступить в колхозы. Центральный орган управления коллективными хозяйствами — Колхозцентр — получил дополнительные полномочия. Органы сельхозкооперации, владельцы немногочисленной техники, обязывались предоставлять машины только колхозам. Мобилизация охватила профсоюзы и комсомол: десятки тысяч рабочих и студентов были отправлены в деревню в сопровождении партийных «активистов» и сотрудников ПТУ. В этих условиях насильственная заготовительная кампания приняла характер реквизиции, еще ярче выраженный, чем во время двух предыдущих. Осенью 1929 г. рыночные механизмы были окончательно сломаны. Несмотря на средний урожай, государство получило более 1 млн. пудов зерна, то есть на 60% больше, чем в предыдущие годы. По окончании ; кампании сконцентрированные в деревне огромные силы (около 150 тыс. человек) должны были приступить к коллективизации. За лето доля крестьянских хозяйств, объединившихся в ТОЗы (в подавляющем большинстве это были бедняки), составила в от-1 дельных районах Северного Кавказа, Среднего и Нижнего Поволжья от 12 до 18% общего числа. С июня по октябрь коллективизация затронула, таким образом, 1 млн. крестьянских хозяйств.

Вдохновленные этими результатами, центральные власти всячески побуждали местные парторганизации соревноваться в рвении и устанавливать рекорды коллективизации. По решению наиболее ретивых партийных организаций несколько десятков районов страны объявили себя «районами сплошной коллективизации». Это означало, что они принимали на себя обязательство в кратчайшие сроки обобществить 50% (и более) крестьянских хозяйств. Давление на крестьян усиливалось, а в центр шли потоки триумфальных и нарочито оптимистических отчетов. 31 октября «Правда» призвала к неограниченной «массовой коллективизации». Неделю спустя в связи с 12-й годовщиной Октябрьской революции Сталин опубликовал свою статью «Великий перелом», основанную на в корне ошибочном мнении, что «середняк повернулся лицом к колхозам». Не без оговорок ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК партии принял сталинский постулат о коренном изменении отношения крестьянства к коллективным хозяйствам и одобрил нереальный план роста промышленности и ускоренной коллективизации. Это был конец нэпа.

Глава VI. Тридцатые годы. Решающее десятилетие

1. «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» (1929 — 1933)

1. Коллективизация

В докладе Молотова на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК отмечалось: «Вопрос о темпах коллективизации в плане не встает... Остается ноябрь, декабрь, январь, февраль, март — четыре с половиной месяца, в течение которых, если господа империалисты на нас не нападут, мы должны совершить решительный прорыв в области экономики и коллективизации». Решения пленума, в которых прозвучало заявление о том, что «дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в «исторически минимальные сроки», не встретили никакой критики со стороны «правых», признавших свою безоговорочную капитуляцию.

После завершения пленума специальная комиссия, возглавляемая новым наркомом земледелия А.Яковлевым, разработала график коллективизации, утвержденный 5 января 1930 г. после Неоднократных пересмотров и сокращений плановых сроков. На Сокращении сроков настаивало Политбюро. В соответствии с этим графиком Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье (Подлежали «сплошной коллективиза-

ции» уже к осени 1930 г. самое позднее к весне 1931 г.), а другие зерновые районы должны были быть полностью коллективизированы на год позже. На остальной территории страны преобладающей формой коллективного ведения хозяйства признавалась артель, как более передовая по сравнению с товариществом по обработке земли. Земля, скот, сельхозтехника в артели обобществлялись.

Другая комиссия во главе с Молотовым занималась решением участи кулаков. 27 декабря Сталин провозгласил переход от Политики ограничения эксплуататорских тенденций кулаков к ликвидации кулачества как класса. Комиссия Молотова разделила кулаков на 3 категории: в первую (63 тыс. хозяйств) вошли кулаки, которые занимались «контрреволюционной деятельностью», во вторую (150 тыс. хозяйств) — кулаки, которые не оказывали активного сопротивления советской власти, но являлись в то же время «в высшей степени эксплуататорами и тем самым содействовали контрреволюции». Кулаки этих двух категорий подлежали аресту и выселению в отдаленные районы страны Сибирь, Казахстан), а их имущество подлежало конфискации. Кулаки третьей категории, признанные «лояльными по отношению к советской власти», осуждались на переселение в пределах областей из мест, где должна была проводиться активизация, на необработанные земли.

В целях успешного проведения коллективизации власти мобилизовали 25 тыс. рабочих из городов, в дополнение к уже направленным ранее в деревню для проведения хлебозаготовок. Как правило, эти новые мобилизованные рекомендовались на посты председателей организуемых колхозов. Целыми бригадами их отправляли по центрам округов, где они вливались в уже существовавшие «штабы коллективизации», состоящие из местных партийных руководителей, милиционеров, начальников гарнизонов и ответственных работников ОГПУ. Штабам вменялось в обязанность следить за неукоснительным выполнением графика коллективизации, установленного местным партийным комитетом: к определенному числу требовалось коллективизировать заданный процент хозяйств. Члены отрядов разъезжались по деревням, созывали общее собрание и, перемежая угрозы всякого рода посулами, применяя различные способы давления (аресты «зачинщиков», прекращение продовольственного и промтоварного снабжения), пытались склонить крестьян к вступлению в колхоз. И если только незначительная часть крестьян, поддавшись на уговоры и угрозы, записывалась в колхоз, «то коллективизированным на 100%» объявлялось все село.

Раскулачивание должно было продемонстрировать самым неподатливым непреклонность властей и бесполезность всякого сопротивления. Проводилось оно специальными комиссиями под надзором «троек», состоящих из первого секретаря партийного комитета, председателя исполнительного комитета и руководителя местного отдела ПТУ. Составлением списков кулаков первой категории занимался исключительно местный отдел ПТУ. Списки кулаков второй и третьей категорий составлялись на местах с учетом «рекомендаций» деревенских активистов и комитетов деревенской бедноты, что открывало широкую дорогу разного рода злоупотреблениям и сведению старых счетов. Кого отнести к кулакам? Кулак второй или третьей категории? Прежние критерии, над разработкой которых в предыдущие годы трудились партийные идеологи и экономисты, уже не годились. В течение предыдущего года произошло значительное обеднение кулаков из-за постоянно растущих налогов. Отсутствие внешних проявлений богатства побуждало комиссии обращаться к хранящимся в сельсоветах налоговым спискам, часто устаревшим и неточным, а также к информации ОГПУ и к доносам.

В итоге раскулачиванию подверглись десятки тысяч середняков. В некоторых районах от 80 до 90% крестьян-середняков были раскулачены как «подкулачники». Их основная вина состояла в том, что они уклонялись от коллективизации. Сопротивление в больших станицах Украины, Северного Кавказа и Дона было более активным, чем в небольших деревнях Центральной России, и туда даже были введены войска. Количество выселенных, согласно официальной статистике, долгое время определялось цифрой в 240747 семей (или около 1,2 млн. человек), Более современные советские источники называют цифру в 1 млн. раскулаченных семей (или приблизительно 5 млн. человек).

Одновременно с «ликвидацией кулачества как класса» невиданными темпами разворачивалась сама коллективизация. Каждую декаду в газетах публиковались данные о коллективизированных хозяйствах в процентах: 7,3% на 1 октября 1929 г.;

13,2% на 1 декабря; 20,1% на 1 января 1930 г.; 34,7% на 1 февраля, 50% на 20 февраля; 58,6% на 1 марта... Эти проценты, раздуваемые местными властями из желания продемонстрировать руководящим инстанциям выполнение плана, в действительности ничего не означали. Большинство колхозов существовали лишь на бумаге. Результатом этих процентных побед стала полная и длительная дезорганизация сельскохозяйственного производства. Угроза коллективизации побуждала крестьян забивать скот (поголовье крупного рогатого скота уменьшилось ;на четверть в период между 1928— 1930 гг.). Нехватка семян для весеннего сева, вызванная конфискацией зерна, предвещала катастрофические последствия.

В своей статье «Головокружение от успехов», появившейся 21 марта 1930 г. Сталин осудил многочисленные случаи нарушения 1 принципа добровольности при организации колхозов, «чиновничье декретирование колхозного движения». Он критиковал излишнюю «ретивость» в деле раскулачивания, жертвами которого стали многие середняки. Обобществлению часто подвергался мелкий скот, птица, инвентарь, постройки. Необходимо было остановить это «головокружение от успехов» и покончить с «бумажными колхозами, которых еще нет в действительности, но о существовании которых имеется куча хвастливых резолюций». В статье, однако, абсолютно отсутствовала самокритика, а вся ответственность за допущенные ошибки возлагалась на местное руководство. Ни в коей мере не вставал вопрос о пересмотре самого принципа коллективизации. Эффект от статьи, вслед за которой 14 марта появилось постановление ЦК «О борьбе против искривления партлинии в колхозном движении», сказался немедленно. Пока местные партийные кадры пребывали в полном смятении, начался массовый выход крестьян из колхозов (только в марте 5 млн. человек). К 1 июля коллективизированными оставались не более 5,5 млн. крестьянских хозяйств (21% общего числа крестьян), или почти в 3 раза меньше, чем на 1 марта.

Возобновленная с новой силой к осени 1930 г. кампания хлебозаготовок способствовала росту напряженности, временно спавшей весной. Исключительно благоприятные погодные условия 1930 г. позволили собрать великолепный урожай в 83,5 млн. т (на 20% больше, чем в предыдущем году). Хлебозаготовки, осуществляемые проверенными методами, принесли Государству 22 млн. т. зерна, или в два раза больше, чем удавалось получить в последние годы нэпа. Эти результаты, достигнуто на самом деле ценой огромных поборов с колхозов (доходивших до 50— 60% и даже до 70% урожая в самых плодородных районах, например на Украине), могли только побудить власти к продолжению политики коллективизации. На крестьян снова различными способами оказывалось давление: районы, сопротивлявшиеся коллективизации, отстранялись от промтоварного снабжения; колхозам отдавались не только конфискованные кулацкие земли, но и все пастбища и леса, находившиеся в общем пользовании крестьян; наконец, прокатилась новая волна раскулачивания, охватившая на Украине 12 — 15% крестьянских хозяйств. Реакция крестьян на этот грабеж средь бела дня была ожесточенной: во время хлебозаготовок 1930— 1931 гг. отделы ПТУ зарегистрировали десятки тысяч случаев поджогов колхозных построек. Несмотря на это, к 1 июля 1931 г. процент коллективизированных хозяйств вернулся к уровню 1 марта 1930 г. (57,5%).

Отобранное у крестьян зерно предназначалось для вывоза, преимущественно в Германию. Эта страна обязалась в рамках торгового германо-советского соглашения, подписанного в апреле 1931 г., предоставить Советскому Союзу значительные кредиты (более 1 млрд. марок). В обмен на необходимую для индустриализации технику (с 1931 по 1936 г. половина всей ввозимой в СССР техники была немецкого происхождения) советская сторона брала обязательства снабжать Германию сельскохозяйственным сырьем и золотом. Добыча этого металла с начала 30-х годов достигла небывалых размеров, прежде всего на Колыме и в районах Крайнего Севера, где в качестве рабочей силы использовались заключенные — в основном раскулаченные крестьяне.

К концу лета 1931 г. хлебозаготовки начали давать сбои: снизились поступления зерновых. Власти решили направить в деревню 50 тыс. новых уполномоченных в качестве подкрепления местному аппарату. Из-за неурожая в восточных районах страны особенно суровому обложению подвергли Украину. Тысячи колхозов остались полностью без кормов и почти без семян. Несмотря на очень посредственный

урожай (69 млн. т), во время хлебозаготовок было изъято рекордное количество зерна (22,8 млн. т), из них 5 млн. т пошли на экспорт в обмен на технику. Насильственное изъятие одной трети (а в некоторых колхозах до 80%) урожая могло лишь окончательно расстроить производственный цикл. Уместно напомнить, что при нэпе крестьяне продавали всего от 15 до 20% урожая, оставляя 12— 15% на семена, 25 — 30%—на корм скоту, а остальные 30 — 35% — для собственного потребления. Правительство, воодушевленное успехами хлебозаготовок, наметило на 1932 г. план в 29,5 млн т. А на Украине между тем появлялись первые признаки «критической продовольственной ситуации». Этот эвфемизм, употребленный украинским ЦК, на самом деле означал голод.

Назревал и становился неизбежным конфликт между идущими на всяческие уловки во имя сохранения части урожая крестьянами, с одной стороны, и властями, обязанными любой ценой выполнить план по хлебозаготовкам, — с другой. Заготовки 1932 г. протекали очень медленно. С началом новой жатвы крестьяне, часто в сговоре со своими руководителями, стремились пустить в употребление или припрятать все, что только можно. Власти тотчас же вознегодовали по поводу «разбазаривания народного богатства». 7 августа 1932 г. был издан закон, позволявший приговаривать к высылке сроком до 10 лет за всякое мошенничество в ущерб колхозу. Осенью 1932 г. правительство собралось нанести решительный удар по колхозникам, которые, по словам Сталина, целыми отрядами выступали против Советского государства. В соответствии с законом от 7 августа и статьей 58 Уголовного кодекса (которая позволяла осудить всякого, кто совершил какое-либо действие, подрывающее советскую власть) десятки тысяч колхозников были арестованы за самовольное срезание небольшого количества колосьев ржи или пшеницы. О размахе репрессий 'может свидетельствовать секретный циркуляр, датированный 8 мая 1933 г. В нем указывалось на необходимость навести порядок в произведении арестов, совершаемых кем попало, разгрузить места заключения и в течение двух месяцев снизить общее число заключенных с 800 до 400 тыс. человек. Репрессиям подвергались не только рядовые колхозники, но и председатели колхозов. Только за 1932 г. 36% из них были смещены с должностей, и почти всем было предъявлено обвинение в антигосударственной деятельности, направленной на саботаж хлебозаготовок. Чистка коснулась и партийцев — примерно треть из них пострадала. Продотряды, осуществлявшие заготовки, совершали настоящие карательные экспедиции, прежде всего в зерновых районах. В своих действиях они не останавливались даже перед изъятием всего колхозного зерна, в том числе выделенного на семена и оплату за работу.

Результатом этих действий был страшный голод, от которого погибло, главным образом на Украине, от 4 до 5 млн. человек. В отличие от 1921 г., когда голод был официально признан и власти обратились за международной помощью, на этот раз существование «критической продовольственной ситуации» в украинской деревне полностью отрицалось правительством. Сведения о массовом голоде скрывались даже внутри страны. В наиболее пострадавших районах воинские подразделения следили за тем, чтобы крестьяне не покидали свои деревни. В итоге массового ухода из деревень, как в 1921 — 1922 гг., не произошло. ; После этой катастрофы правительство признало необходимость пересмотра методов проведения заготовок. Были предприняты шаги по централизации и объединению разрозненных органов в единый комитет по заготовкам (Комзаг), подчинявшийся непосредственно Совету Народных Комиссаров. Этими действиями руководство признало первостепенную значимость ежегодной хлебозаготовительной кампании, являвшейся, по словам Кирова, концентрированным выражением всей политики в деревне, пробным камнем нашей силы и слабости, силы и слабости наших врагов. Были произведены также преобразования в структуре органов управления. Сознавались политотделы, состоящие из проверенных людей, имеющих все основания «гордиться» своим богатым опытом работы, чаще всего в органах госбезопасности или в армии. Политотделы руководили деятельностью машинно-тракторных станций, являвшихся основными органами контроля за сельскохозяйственным производством, а также «присматривали» за местными партийными инстанциями, считавшимися чересчур либеральными по отношению к крестьянам.

Наконец, по Постановлению от 19 января 1933 г. заготовки становились составной частью обязательного налога, взимаемого государством и не подлежащего пере-

смотру местными властями. Эта мера в принципе должна была защитить колхозы от бесконтрольных многократных обложений, произвольно назначаемых местными властями. Но на самом деле, не снижая размера отчислений в пользу государства, постановление лишь утяжелило участь крестьян. В придачу к налогу колхозники обязывались оплачивать натурой услуги, предоставляемые им через МТС. Этот весьма значительный сбор давал в 1930-е годы минимум 50% хлебозаготовок. Сверх того государство полностью брало на себя контроль за размерами посевных площадей и урожая в колхозах, несмотря на то что они, как предполагалось по их уставу, являлись социалистическими кооперативами и подчинялись только общему собранию колхозников. Размер государственного налога при этом определялся исходя из желаемого результата, а не из объективных данных.

Наконец, чтобы закрыть всякую лазейку, через которую продукция могла бы уйти из-под контроля государства, в марте 1934 г. было издано постановление, по которому, пока район не выполнит план по хлебозаготовкам, 90% намолоченного зерна отдавалось государству, а оставшиеся 10% распределялись среди колхозников в качестве аванса за работу. Открытие колхозных рынков, легализованных с лета 1932 г. с целью смягчения катастрофической ситуации с продовольствием в городах, также зависело от того, справлялись ли колхозы района с выполнением плана. Для установления полного контроля государства над деревней оставалось коллективизировать 5 млн. сохранившихся еще к началу 1934 г. единоличных хозяйств. На июльском (1934 г.) пленуме ЦК существование этих 5 млн. «спекулянтов» было признано неприемлемым. Власти объявили об установлении исключительно высокого денежного обложения крестьян-частников. Кроме того, размер государственного налога был увеличен для них на 50% и в таком виде значительно превосходил уровень платежеспособности мелких производителей. Для частников оставалось только три выхода из этой ситуации: уйти в город, вступить в колхоз или стать наемным рабочим в совхозе. На Втором съезде колхозников (по существу, колхозных активистов), проходившем в феврале 1935 г., Сталин с гордостью заявил, что 98% всех обрабатываемых земель в стране уже являются социалистической собственностью.

В том же 1935 г. государство изъяло у села более 45% всей сельскохозяйственной продукции, т.е. в три раза больше, чем в 1928 г. Производство зерна при этом снизилось, несмотря на рост посевных площадей, на 15% по сравнению с последними годами нэпа. Продукция животноводства едва составила 60% уровня 1928 г.

За пять лет государству удалось провести «блестящую» операцию по вымогательству сельхозпродукции, покупая ее по смехотворно низким ценам, едва покрывавшим 20% себестоимости. Эта операция сопровождалась небывало широким применением принудительных мер, которые содействовали усилению полицей-скоюрократического характера режима. Насилие по отношению к крестьянам позволяло оттачивать те методы репрессий, которые позже были применены к другим общественным группам. В ответ на принуждение крестьяне работали все хуже, поскольку земля, по существу, им не принадлежала. Государству пришлось внимательно следить за всеми процессами крестьянской деятельности, которые во все времена и во всех странах весьма успешно осуществлялись самими крестьянами: пахотой, севом, жатвой, обмолотом и т.д. Лишенные всех прав, самостоятельности и всякой инициативы, колхозы были обречены на застой. А колхозники, перестав быть хозяевами, превращались в граждан второго сорта.

2. Первая пятилетка: Индустриализация. Культурная и социальная революция

XVI партийная конференция (апрель 1929 г.), а затем V съезд Советов СССР (май 1929 г.) утвердили после неоднократных пересмотров в сторону повышения задач «оптимальный вариант» первого пятилетнего плана. Этот план, критикуемый «правыми», которые считали его выполнение нереальным, предусматривал рост промышленной продукции на 136%, производительности труда на 1 10%, снижение себестоимости промышленной продукции на 35%. Великие стройки, начатые в 1927—1928 гг.— прежде всего Днепрогэс и Турксиб, — должны были быть завершены к 1930 г. Планировалось строительство более чем 1200 заводов (по словам одного

из делегатов V съезда Советов, при утверждении этих планов создавалось впечатление, что Рыков сидит на огромном сундуке с деньгами и раздает заводы всем, кто пожелает). По плану приоритет отдавался тяжелой промышленности, которая получала 78% всех капиталовложений. Их объем должен был возрасти с 8,4 до 16,2% валового национального продукта. В начале 1930 г. плановые показатели были еще раз пересмотрены и увеличены: теперь уже речь шла о добыче к концу пятилетки от 120 до 150 млн. т угля (вместо 75 млн. т, предусмотренных изначально), о выплавке 17—20 млн. т. чугуна (вместо 10 млн. т), о добыче 45 млн. т нефти (вместо 22 млн. т), о производстве 450 тыс. тракторов (вместо 55 тыс.), о строительстве более 2 тыс. новых заводов.

Газеты в январе — феврале создавали миф о безденежной социалистической экономике, в которой непосредственный обмен между производителями заменит торговлю. Наступало время колхозов-гигантов и трудовых коммун на промышленных предприятиях, доходы которых должны были распределяться поровну между работниками.

XVI съезд партии (июнь — июль 1930 г.) одобрил действия сторонников ускорения темпов социалистического строительства (пятилетку в четыре года!). На этом съезде Куйбышев заявил, что необходимо каждый год удваивать объем капиталовложений и увеличивать производство продукции на 30%! «Темпы решают все!» Планы превращались в своего рода «вызовы», которые передовые прерриятия должны были принимать, выдвигая встречный план, осуществляемый через социалистическое соревнование между бригадами ударников.

Новые увеличенные планы не соответствовали реальным возможностям производства, а способствовали его дезорганизации. Строительство сотен объектов было начато и не завершено из-за нехватки сырья, топлива, оборудования, рабочей силы. К концу 1930 г. 40% капиталовложений в промышленность были заморожены в незавершенных проектах. Они парализовали огромное количество материальных ресурсов, недостаток в которых ощущался в других областях экономики. Невыполнение планов обусловило цепную реакцию развала экономики: один невыполненный проект служил препятствием в выполнении другого и т.д. В целях преодоления нехватки материальных ресурсов (впрочем, относительной, поскольку она существовала лишь по отношению к заведомо невыполнимым показателям первого пятилетнего плана) снабжение предприятий постепенно полностью переходило в руки административных структур. Они пытались обеспечить централизованное распределение основных ресурсов и рабочей силы, необходимых в промышленности, исходя из ими же определяемой важности того или иного предприятия. Деятельность предприятий оказалась, таким образом, в сильной зависимости от очередности получения ассигнований, порядок которой определялся значением предприятия. Система приоритетов в распределении сырья, оборудования, рабочей силы распространялась прежде всего на несколько ударных объектов, которые ставились в пример всей стране (металлургические комбинаты в Кузнецке и Магнитогорске, тракторные заводы в Харькове и Челябинске, автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде). Нехватка ресурсов все возрастала, и соответственно росло число приоритетных предприятий. Очень скоро система приоритетов привела к конфликтам между предприятиями, что вызвало необходимость введения системы чрезвычайной очередности. Так административный способ (сначала только распределения ресурсов) со временем подменил собой планирование, и ему суждено было на долгие годы стать одной из важнейших особенностей советской экономики.

Система приоритетов была результатом импровизации. Она, правда, позволила избежать полного паралича, которым грозила резко увеличившаяся нехватка ресурсов в наиболее важных отраслях производства. Но в деятельности предприятий, не вошедших в число «первостепенных», она только усилила анархию. Эта система представляла собой полумеру, которая позволила ненадолго отсрочить проявление негативных последствий тех противоречий, которые существовали между плановыми показателями и реальной возможностью их выполнения. Эти противоречия неизбежно вели к значительному усилению давления как на экономические, политические, культурные структуры, так и на отдельного человека. Не случайно усилия, направленные на осуществление индустриализации, преподносились как настоящая революция. Внутри страны это была «культурная революция», «война классов» («...наши

классовые враги существуют, И не только существуют, но растут, пытаясь выступать против Советской власти», — утверждал Сталин в мае 1928 г.) и борьба за выживание социализма в международном масштабе («Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», — говорил Сталин в феврале 1931 г.).

Все направленные на осуществление индустриализации усилия предпринимались в рамках двух взаимосвязанных тенденций: с одной стороны, осуществлялась нейтрализация и ликвидация старых кадров и специалистов, не вступивших в партию и скептически настроенных по отношению к «великому перелому»; с другой стороны, предпринимались усилия по выдвижению «новой технической интеллигенции», поддерживавшей радикальные перемены, вызванные индустриализацией, т.к. она получала от них наибольшую выгоду.

Заявление апрельского (1928 г.) пленума ЦК о раскрытии на шахтах Донбасса организованного «буржуазными специалистами» саботажа знаменовало собой конец начавшегося в 1921 г. периода привлечения на сторону советской власти опытных специалистов — выходцев из старой интеллигенции. В постановлении содержался, с одной стороны, призыв к усилению бдительности по отношению к специалистам, а с другой — призыв к массовому выдвижению на ответственные посты рабочих. В 1928 г. огромное большинство кадровых работников на предприятиях и в государственных учреждениях все еще состояло из представителей дореволюционной интеллигенции. И лишь ничтожно малая часть из них (2%) были членами партии. Смысл Шахтинского дела, организованного как раз накануне принятия пятилетнего плана, становился совершенно ясным: скептицизм и безразличие по отношению к великому делу, предпринятому партией, неизбежно ведут к саботажу. Сомнение уже означало предательство. В 1928 — 1931 гг. была развернута широкая кампания против «буржуазных специалистов». На протяжении 1928 — 1929 гг. тысячи сотрудников Госплана, ВСНХ, Народного комиссариата земледелия, ЦСУ, Народного комиссариата финансов были изгнаны под предлогом правого уклона (чересчур мягкое налогообложение кулаков и нэпманов) или принадлежности к чуждому классу (оказалось, что 80% высшего руководства из финансовых органов служили еще при старой власти). Общее число взятых под контроль служащих за четыре года составило 1256 тыс. человек. 138 тыс. из них (11%) были отстранены от выполнения служебных обязанностей (23 тыс. из числа отстраненных были причислены к «первой категории» — «враги советской власти») и лишены гражданских прав. Зимой 1932/33 г. новая чистка отстранила от службы еще около 153 тыс. служащих.

Введение нового законодательства на предприятиях положило конец разделению власти между «красным» генеральным директором (обязательно членом партии, но, как правило, неквалифицированным: в 1929 г, 89% «красных» директоров имели только начальное образование) и техническим директором («буржуазным специалистом»). Управленческий треугольник, состоявший из секретаря парткома, «красного» директора и председателя профкома, упразднялся. Отныне вся власть на предприятии принадлежала исключительно генеральному директору.

Мания саботажа, возникавшая всякий раз, когда происходил несчастный случай или не выполнялся план, делала положение кадровых работников и «буржуазных специалистов» весьма неустойчивым. Только на предприятиях Донбасса в 1930 — 1931 гг. половина кадровых работников была уволена или арестована. На транспорте в течение первых шести месяцев 1931 г. было «разоблачено» 4500 «саботажников». Состоялись многочисленные судебные процессы. Одни проходили за закрытыми дверями (процессы над специалистами ВСНХ, над членами Крестьянской трудовой партии). Другие были открытыми (процесс над Промпартией, в ходе которого восемь обвиняемых «сознались» в создании крупной подпольной организации, состоящей из 2 тыс. специалистов, ставящей своей целью вести по наущению иностранных посольств подрывную деятельность в экономике). Эти процессы закрепляли миф о саботаже и выполняли тройную функцию. Во-первых, был найден «козел отпущения». Во-вторых, заставляли молчать кадровых работников, не поддерживавших политику ускоренной индустриализации. И в-третьих, они ставили в пример другим бдительность и эффективность новых пролетарских кадров.

Одновременно с ведением борьбы против старых кадров правительство развернуло летом 1928 г. широкую кампанию по выдвижению на ответственные посты ра-

бочих-коммунистов и формированию в кратчайшие сроки новой, «красной» технической интеллигенции, хорошо подготовленной и пролетарской по духу. Она была направлена на создание у некоторой части рабочего класса, и прежде всего у самых молодых его представителей, разочарованных новой экономической политикой, не уничтожившей безработицу и не открывшей достаточно широких возможностей для роста, ощущения, что страна наконец вступила в новую эру и простому трудящемуся открыты все дороги. Несколько цифровых данных говорят о размахе этой выдвиженческой кампании, ставившей одной из своих целей популяризацию политики ускоренной индустриализации. Между 1928 и 1932 гг. число мест на рабфаках увеличилось с 50 тыс. до 285 тыс. Более 140 тыс. рабочих «от станка» были выдвинуты на руководящие технические и управленческие посты. К концу первой пятилетки «практики» составили 50% руководящих кадров в промышленности. Около 660 тыс. рабочих-коммунистов (т.е. большая их часть) покинули цеха и превратились в служащих и управленцев или ушли на учебу. В начале 1932 г. около 233 тыс. бывших рабочих проходили стажировку или какой-либо курс обучения, что должно было позволить им впоследствии быстро продвинуться по служебной лестнице. Общее число рабочих, выдвинутых таким способом во время первой пятилетки, достигло по меньшей мере 1 млн. человек. Студенты и учащиеся технических училищ — несколько десятков тысяч молодых коммунистов — составляли основной контингент выдвиженцев. Они представляли собой будущую «народную интеллигенцию», пришедшую впоследствии, в 1936 — 1937 гг., на смену уничтоженным во время чисток бывшим «буржуазным специалистам» и представителям «старой гвардии большевиков», которые всего лишь на 15 лет были старше их.

Политика выдвижения новых кадров приводила к коренному изменению состава рабочего класса и его социального поведения. Он менял свое классовое лицо. Заводы потеряли наиболее опытных рабочих, которые могли бы помочь миллионам новичков получить надлежащую профессиональную подготовку. За первую пятилетку количество рабочих в промышленности и в строительстве увеличилось с 3,7 млн. до 8,5 млн. человек. Безработица среди рабочих была ликвидирована в течение двух лет. Значительная часть новых рабочих представляла собой вчерашних крестьян, уклоняющихся от коллективизации. В 1930 г. в городах обосновалось 3 млн. крестьян. В 1931 г. их было уже более 4 млн. В том же году еще 7 млн. крестьян «поглотили» сезонные стройки. Предприятия, по словам Орджоникидзе, часто напоминали гигантские таборы кочевников. Не имея ни корней, ни квалификации, часто находясь на нелегальном положении (уходили из колхозов без разрешения), новые пролетарии в поисках лучших условий труда, более высокого заработка и лучшего питания без конца меняли работу. Заводские цеха заполнялись неграмотными рабочими. Их предстояло научить пользоваться техникой, приучить к необычной для них организации труда, обучить грамоте, привить им уважение к властям, изменить их понятие о времени и приучить пользоваться хотя бы самыми простыми атрибутами городской жизни. Все это вело к огромному социальному травматизму, расшатывало монолитность рабочего класса и вызывало сильное напряжение между властями и субпролетариатом, пришедшим из презираемой и обреченной на исчезновение среды (доколхозной деревни).

Болезненный процесс адаптации новых пролетариев влек за собой целый ряд негативных явлений. Участились неявки на работу, усилилась текучка кадров, увеличилось количество случаев хулиганства и поломок техники, выпуска бракованной продукции, резко выросли производственный травматизм, алкоголизм и преступность. Эти явления в не меньшей степени, чем завышенные планы и перебои в снабжении, усугубляли дезорганизацию промышленного производства в годы первой пятилетки. Три года пролетаризации, культурной революции и в конечном счете социалистической утопии, отмеченных наступлением на старые кадры, ускоренным выдвижением на ответственные посты рабочих-коммунистов, наплывом миллионов новых пролетариев, вынудили руководство партии признать, что такая политика вела к социальной нестабильности, чреватой разрушительными последствиями для экономики, Подрыв авторитета кадров означал подрыв авторитета и дисциплины на производстве. Слишком поспешное продвижение по служебной лестнице большого количества рабочих приводило, с одной стороны, к возникновению кризиса пролетарского самосознания в среде рабочего класса, а с другой — к формированию плохо подготовленных кадровых работников. Применение уравнительного принципа в

оплате труда означало скатывание в «мелкобуржуазную уравниловку», не слишком благоприятную для идеи социалистического соревнования.

23 июня 1931 г. Сталин выдвинул свои знаменитые «шесть условии», которые фактически положили конец форсированному осуществлению культурной революции. Он приостановил выдвижение рабочих, осудил уравниловку, «спецеедство» и призвал к большей заботе о специалистах старой школы, окончательно вступивших в союз с рабочим классом. Несколько недель спустя 40 тыс. недавно выдвинутых на руководящие посты рабочих были вновь отправлены на производство. Была отменена большая часть стипендий, а также предоставляемые за счет предприятий ежедневные два часа для рабочих-учащихся. Были пересмотрены размеры заработной платы и отменены дискриминационные меры по отношению к старым кадрам, выражавшиеся прежде всего в ограничении доступа их детей к высшему образованию. В соответствии с законом, изданным в июле 1931 г., объем социальных благ был поставлен в прямую зависимость от непрерывности стажа на предприятии. В сентябре 1932 г. были введены обязательные внутренние паспорта, подлежащие предъявлению рабочими на предприятиях. В них отмечались все прежние места работы. В целях уменьшения текучести рабочей силы была введена система прописки (действующая и поныне). Неявка на работу сурово каралась по закону от 15 ноября 1932 г., предусматривавшему немедленное увольнение, лишение продовольственных карточек и выселение с занимаемой жилплощади.

Мероприятия, направленные на увеличение производительности труда (снизившейся в 1928 — 1930 гг. на ,28%), не ограничивались этими мерами. Значительно расширялись полномочия директоров предприятий. Была введена новая система оплаты труда — сдельная, размеры которой зависели от выработки и от темпов труда. По Марксу, эта система оплаты представляла собой самую примитивную форму капиталистической эксплуатации.

Все эти вышеназванные меры открывали новый период — период «восстановления порядка». Они знаменовали собой переход к политике защиты в социальной сфере (названной социологом Н.Тимашевым «великим отступлением»). Целью новой политики была стабилизация и консолидация разбитого социального организма, превратившегося, по определению Моше Левина, в «общество зыбучих песков». Ее осуществление должно было происходить путем внедрения в общество таких социальных ценностей, как дисциплина, власть, законопослушание, патриотизм.

В начале 1933 г. было заявлено, что пятилетний план выполнен за 4 года и 3 месяца после его утверждения. Подводя итоги, Сталин лукаво оперировал цифрами первоначального варианта плана, принятого в апреле — мае 1929 г., а не утвержденного несколько позже (в 1930 г.) гораздо более смелого варианта. Специалисты до сих пор по-разному оценивают итоги первой пятилетки. У разных исследователей показатель ежегодного прироста продукции колеблется от 10,5 до 21%, в зависимости от того, исчисляется ли он по объему или по стоимости (в последнем случае важно также установить, о каких ценах идет речь: об оптовых или розничных). Однако, не вдаваясь глубоко в полемику по поводу цифр, можно сказать, что сегодня большинство как западных, так и советских ученых сходится в оценках по следующим пунктам:

— Рост производства оборудования, полуфабрикатов тяжелой промышленности, добычи сырья и производства электроэнергии был весьма значительным, но не достигал показателей, запланированных в 1929 г. (уголь — 64 млн. т вместо 75; чугун — 6,2 млн. т вместо 10 млн. т по плану 1929 г. или 17 млн. т по плану 1930 г.; электроэнергия — 14 млрд. кВт-ч вместо 20).

— Производству товаров легкой промышленности и народного потребления не уделялось должного внимания (план был выполнен приблизительно на 70%).

— Были произведены огромные капиталовложения в промышленность (объем капиталовложений в промышленность по отношению к валовому национальному продукту за пять лет увеличился в 3,5 раза). Правда, в ущерб уровню жизни народа.

— Необходимость капиталовложений в социальную и культурную сферы постоянно игнорировалась.

— Индустриализация проводилась экстенсивными методами, с огромными издержками. Она сопровождалась высокой инфляцией (увеличение денежной массы на

180% за пять лет, рост на 250 — 300% розничных цен на промышленные товары), приведшей к снижению примерно на 40% покупательной способности рабочих.

— Производительность труда, которая по плану должна была увеличиться на 110%, осталась на прежнем уровне и (по данным Р.В-Дейвиса и С.Г.Виткрофта) снизилась на 8%, что само по себе уже говорит о том, как велики были трудности первой пятилетки и какое сопротивление встречали проекты ускоренного развития.

Беспорядочная, «вакханальная» (по выражению Н.Ясного) индустриализация, подчиняющаяся бесконечным импровизациям («переломы» апреля — мая 1929 г., января — февраля 1930 г„ июня 1931 г.), погрузила страну в перманентное состояние всеобщей, как на войне, мобилизации и напряжения, потому что планы, как правило, были невыполнимыми. Она усиливала степень экономического хаоса и общественного беспорядка. Она вызывала все большую необходимость политического руководства экономической сферой. Административно-командная система (используя современную советскую терминологию) заменяла собой законы рыночной экономики. Черты, присущие этой системе, способ ее функционирования и система экономических приоритетов, утвердившиеся в ходе первой пятилетки и подчиненные постулату построения социализма в одной, отдельно взятой стране, дают о себе знать до сих пор.

3. Партия и «великий перелом»

После разгрома правой оппозиции, завершенного на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК, политика «великого перелома», казалось, получила единогласную поддержку. В приветствиях Сталину по поводу его пятидесятилетия (декабрь 1929 г.) он назывался не только самым выдающимся теоретиком ленинизма, но и — впервые — «Лениным наших дней», гением, замечательные качества которого были необходимы рабочему классу. К этому времени большинство бывших левых оппозиционеров, исключенных из партии в 1927 г., добилось восстановления и присоединилось к политической линии Сталина, которую они определили как близкую той, что защищали в предыдущие годы. Несомненно, их позиция была обусловлена также и другими соображениями, изложенными, в частности, Пятаковым, первым крупным оппозиционером, перешедшим в сталинский лагерь в феврале 1928 г.: для коммуниста нет жизни без партии. «Совершенно ясно, — писал Пятаков 23 декабря 19 2 9 г. в газете «Правда», — что невозможно одновременно быть за партию и выступать против ее нынешнего руководства, быть за ЦК и против тов. Сталина».

Тем не менее политика насильственной коллективизации встретила сопротивление — хотя преимущественно пассивное — со стороны немногочисленных сельских партячеек, каждый пятый член которых был впоследствии исключен из партии во время чистки 1929 г. за пассивность, за связь с враждебными элементами или за искривление партлинии (т.е. чаще всего за отказ вступить в колхоз). С другой стороны, перерыв в проведении коллективизации, декретированный статьей Сталина от 2 марта 1930 г., вызвал недовольство многих местных партработников, негодовавших по поводу обвинения их в допущении перегибов и в искривлении политики партии. Руководители местных организаций выразили недоумение в так называемых «Дискуссионных трибунах», публиковавшихся «Правдой» в мае — июне 1930 г., во время подготовки к XVI съезду. Некоторые из них даже намекали на то, что предпринятое Сталиным отступление имело характер правого уклона. 27 мая 1930 г. «Правда» в своей передовице заявила, что такие оценки представляли собой тактику, направленную на дискредитацию ленинского партийного руководства.

XVI партсъезд, на котором обсуждались вопросы дальнейшего развертывания коллективизации и ускорения темпов индустриализации, проходил без каких-либо признаков существования организованной оппозиции. Правые оппозиционеры снова были осуждены, а Рыков и Томский принуждены к раскаянию, на этот раз еще более унизительному, чем во время ноябрьского пленума 1929 г. Съезд одобрил массовое изгнание старых профсоюзных кадров, обвинявшихся в том, что они проводили оппортунистическую и тред-юнионистскую политику, несовместимую со строительством социализма. Резолюция по профсоюзам превращала их в простой инструмент выполнения плана. Сталин, отметив в политическом докладе, что нераскаявшиеся троцкисты, переродившиеся «в типичных мелкобуржуазных контрреволюционеров,

превратившись на деле в осведомительное бюро капиталистической печати по делам ВКП(б)», развил идею, в соответствии с которой различные отклонения рассматривались как отголоски «сопротивления отживающих классов». «.„Невозможно, — заключил он, — развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их агентуру...» Уклонисты, таким образом, были впервые названы предателями. Был пройден важный рубеж в идентификации врага, хотя пока еще соотношение сил в Политбюро не позволяло Сталину и ближайшим его соратникам сразу же перейти к практическим действиям, вытекающим из формулы: уклонист — враг.

Раздавались, однако, единичные голоса с критикой позиции Генерального секретаря по вопросам темпов индустриализации. Это сделал Рыков, последний представитель бывшей правой оппозиции. Позже, в декабре 1930 г., он будет исключен из состава Политбюро, а на его место выдвинут Орджоникидзе, близкий соратник Сталина, назначенный на пост народного комиссара тяжелой промышленности.

Официальное осуждение всех уклонов и наступившее мнимое единодушие вокруг Сталина не означали, однако, что было , покончено со всеми оппозиционными настроениями. В декабре 1930 г. Сырцов, кандидат в члены Политбюро, и Ломинадзе, 1 секретарь Закавказской парторганизации, были выведены из состава ЦК. Первому поставили в вину скептицизм по поводу темпов индустриализации, второму — обвинение партии и Советов в феодальном отношении к рабочим и крестьянам. Высказывания Сырцова и Ломинадзе, их контакты с другими членами партии были квалифицированы как заговор. Все было соответствующим образом освещено в прессе, рассмотрено во всех парторганизациях и присовокуплено к другим делам о саботаже в народном хозяйстве. Это дело явилось в какой-то степени этапным с точки зрения уставных принципов партии. Впервые члены ЦК были исключены не на пленарном заседании ЦК, которое только и могло по уставу решить этот вопрос, а на совместном заседании Политбюро и Центральной контрольной комиссии (т.е. небольшой группой высших руководящих работников).

Летом 1932 г. было открыто дело Рютина, известного московского правоуклонистского лидера. Он подготовил и распространял документ, возлагавший на Сталина личную ответственность за гибельную политику коллективизации, и требовал его смещения. Этот документ, обнаруженный ОПТУ, был тотчас же объявлен платформой оппозиции. Сталин настаивал на 1 аресте и смертном приговоре Рютина, но неожиданно столкнулся с сопротивлением большинства членов Политбюро, пока еще не допускавших применения высшей меры наказания к уклонистам. Рютин был сослан, Зиновьева и Каменева, которые вступали с ним в контакт, снова исключили из партии и также сослали в Сибирь. Несколькими месяцами позже, если верить письму, отправленному Троцкому его сыном Л.Седовым, был сформирован, хотя и достаточно эфемерный, блок оппозиции. Этот блок, созданный прежде всего для обмена информацией, включал в себя различных представителей как правой, так и левой оппозиции.

Попытки создания организованной оппозиции предпринимались на фоне очень напряженной социальной и экономической ситуации (значительное снижение жизненного уровня в городах, голод на Украине) и настоящего кризиса веры в свои силы, охватившего партию. Этот кризис достиг кульминации к осени 1932 г., когда казалось, что катастрофа в сельском хозяйстве грозила обернуться полным крахом всей системы.

Сталинская политика в это время начинала вызывать недовольство со стороны кадровых народнохозяйственных работников — директоров предприятий и председателей колхозов. Эти специалисты, назначенные на свои посты недавно, были плохо подготовлены и испытывали на себе ежедневное давление со стороны высшего руководства, требующего выполнять непосильные задачи. Они были зажаты в тиски невыполнимых требований, с одной стороны, и пассивного сопротивления своих подчиненных — с другой. Потоки критики обрушивались на них за неумение освоить новую технику. Угроза обвинения в саботаже нависала над ними всякий раз, как только руководимое ими предприятие или отрасль не справлялись с планом. В этих условиях молодая, еще неопытная и неокрепшая бюрократия училась выискивать средства защиты от посягательств государственной машины, подобно тому как научились сопротивляться крестьяне, стараясь работать как можно меньше на коллективизированных землях, подобно тому как рабочие отвечали на ухудшение усло-

вий жизни низкой производительностью труда и частой сменой рабочих мест. У служащих тоже появлялись свои методы защиты. Они научились скрывать действительное положение вещей, помогали друг другу в поисках новых, более престижных мест, знали, как защитить свой небольшой «семейный круг», как сохранить связи и клиентуру.

Начиная с 1931 г. кадры предприятий Народного комиссариата тяжелой промышленности ощущали все большую поддержку со стороны своего ведомства, во главе которого стоял Орджоникидзе — приверженец более умеренных темпов индустриализации. Не без влияния этого ведомства произошел уже упомянутый выше «перелом» лета 1 93 1 г., в результате которого политика партии по отношению к специалистам изменилась. Позиции умеренного крыла еще больше укрепились к лету 1933 г., когда значительно возросли трудности экономического и социального плана, вызываемые кризисом сверхнакопления (объем капиталовложений превысил все реально допустимые существующими ресурсами размеры).

Это повлияло и на цифры второго пятилетнего плана, разработанного в 1933 г. и утвержденного XVII съездом партии (26 января — 10 февраля 1934 г.). Намеченные показатели были более умеренными и казались более выполнимыми, чем показатели первого пятилетнего плана. Кроме того, новый план уделял заметно больше внимания нуждам населения. В политической сфере также наблюдалась некоторая разрядка. Заметно снизилось по сравнению с предшествующими годами количество случаев применения наиболее жестоких репрессивных мер — расстрелов и выселении. На политическую сцену вернулись прежние оппозиционеры, такие, как Каменев и Зиновьев, в очередной раз помилованные после очередного покаяния, и Бухарин, опубликовавший многочисленные статьи с обоснованием необходимости положить конец жестокостям «революции сверху» и начать новый период. Некоторые современные исследователи связывают эту относительную либерализацию с существованием оппозиционного течения, возглавляемого Кировым. Несмотря на правдоподобность предположения, все же факт существования такого течения никогда не был убедительным образом доказан. Это течение, если оно и существовало, не имело никакой организации и никакого официального печатного органа (из страха перед приговорами, выносимыми любой группе, которую можно было назвать «фракцией»). К тому же нельзя считать, что Киров был противником Сталина, хотя его взгляды после XVII съезда партии иногда расходились со сталинскими.

1933 г. был отмечен внушительной чисткой в партии, объявленной на январском (1933 г.) пленуме ЦК и развернутой в мае. Постановление ЦК от 28 апреля определяло, какие категории членов партии подлежали исключению: классово чуждые и враждебные элементы; двурушнические элементы, под прикрытием лживой клятвы в верности пытающиеся сорвать на деле политику партии; открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии и государства, подвергающие сомнению и дискредитирующие решения и установленные партией планы болтовней об их «нереальности» и неосуществимости; перерожденцы; карьеристы; шкурники и морально разложившиеся; политически малограмотные, не знающие программы, устава и основных решений партии.

Масштабы чистки, которая длилась полтора года вместо изначально намеченных пяти месяцев и завершилась исключением 18% коммунистов (в то время как 15% членов «вышли» из партии добровольно), вполне соответствовали масштабам кризиса, охватившего партийную организацию в результате чрезмерно быстрого ее роста в предыдущие годы. На протяжении 1928 — 1932 гг. количество членов партии увеличилось с 1,5 до 3,7 млн. человек. Во время массовых приемов этих лет численный состав партии увеличился более чем на 2 млн. человек. Большинство их составляли рабочие, чаще всего идеологически не подготовленные. Среди них были как искренние энтузиасты «большого скачка вперед», так и расчетливые карьеристы, которым партийный билет открывал широкие возможности для преуспевания в профессиональной и общественной сферах. В реальности партия была очень далека от создаваемого официальной идеологией образа и не являлась монолитной и дисциплинированной организацией, способной возглавлять бурные общественные и экономические процессы, происходящие в стране. Она все больше превращалась в отдельный общественный организм, становившийся все менее монолитным и объединявший людей с разными убеждениями, различными уровнями образования, неоднородной идеологи-

ей. Некоторые из них — примерно один из шести — были «мертвыми душами», чьи имена только значились в картотеках. Многие рядовые члены партии, потрясенные тем, что они увидели, что сделали или что вынуждены были делать в предыдущие годы (массовое выселение крестьян, голод, ухудшение условий жизни), стали, если употреблять официальную терминологию, пассивными членами.

Неоднозначным было отношение к партии и в среде должностных партийных работников, в том числе занимавших невысокие посты (в 1933 г. насчитывалось более 30 тыс. освобожденных работников). Некоторые из них, откровенные приспособленцы, образовывали настоящие мафиозные группировки (называемые в официальной терминологии «семейными кружками»). Единственное, к чему они стремились, — сохранение своих вотчин, в которых они, скрытые от глаз центральных властей, безнаказанно хозяйничали. Другие, особенно недавние выдвиженцы, считали своим долгом беспрекословно выполнять приказы свыше. Их психология была проникнута бюрократическим духом и раболепием перед властью, стремлением занять более высокие посты. Они, не задумываясь, разоблачали истинные или мнимые ошибки своих руководителей во время развязанной высшим партийным руководством кампании по разоблачению саботажа среди партийно-хозяйственных кадров. По уровню идеологической подготовки эти члены партии сильно отличались от старых большевиков и коммунистов поколения гражданской войны, которые вплоть до 1935 — 1937 гг. все еще сохраняли ключевые посты в партии и чье прошлое позволяло им считать себя вправе если не высказывать открыто критических суждений по поводу считавшихся непререкаемыми решений партийного руководства, то хотя бы проявлять некоторую гибкость в выполнении нереалистичных директив, исходящих из центра. На практике это означало сокрытие истинного положения дел, что помогало несколько ослабить давление на простых тружеников и рядовых членов партии.

Итак, к концу первой пятилетки партия оказалась в самой гуще острейших социальных противоречий и представляла собой неповоротливую, хаотическую конструкцию, своенравный и несовершенный инструмент власти — организацию, в которой росло внутреннее напряжение и появлялись ростки раскола.

II. РАЗРЫВ И ЗАГОВОР (1934 — 1939)

1. XVII съезд партии. Начало разрыва

26 января _19 34 г. открылся XVII партийный съезд, который должен был подвести итоги «великого перелома» и утвердить плановые показатели второй пятилетки (год спустя после ее начала). Казалось, что этот, по выражению Кирова, «съезд победителей» продемонстрировал возврат к единству и победу Сталина. Во время съезда был разыгран спектакль возврата к партийной линии нескольких видных деятелей прежней оппозиции — Бухарина, Рыкова, Томского, Пятакова, Зиновьева, Каменева. Подвергнув себя вначале более или менее заслуженной самокритике, они перешли затем к славословию в адрес Сталина, провозглашая его вождем мирового пролетариата, несравненным гением эпохи или, попросту, величайшим человеком всех времен и народов. В этом слаженном хоре льстецов не прозвучало ни одного голоса, который усомнился бы в правильности гигантских планов, принятых в 1929 — 1930 гг. и приведших к известным результатам. Ораторы предпочитали повернуться спиной к реальной жизни и, пользуясь своего рода закодированным языком, вносили свой вклад в создание мифа. Они разоблачали тех коммунистов, которые не способны были воплотить в жизнь всегда непогрешимые директивы высшего партийного руководства.

И все же планы второй пятилетки стали на съезде предметом оживленных споров. В итоге многочисленных дискуссий курс на ускоренную индустриализацию (19% ежегодного роста производства) , предложенный Сталиным и поддержанный Молотовым, был отвергнут. Возобладало более умеренное направление (16% роста), поддержанное Кировым, Орджоникидзе и большей частью руководства народным хозяйством, стремившегося несколько ослабить возникшую в ходе реализации ускоренного курса напряженность. На съезде, как ни парадоксально, обнаружилось некоторое ослабление позиций Сталина. Один из новейших советских источников сооб-

щает, что во время выборов нового ЦК, проводившихся тайным голосованием, Сталин получил меньше голосов, чем многие другие кандидаты. Киров, очень тепло встреченный съездом, получил наибольшее количество голосов, а многие бывшие оппозиционеры (Пятаков, Бухарин, Рыков, Томский) снова были выбраны в состав Центрального Комитета партии.

Однако никто на съезде не осмелился подвергнуть сомнению ни основы самой системы, ни правильность планов периода «великого перелома». В итоге Сталин не только сумел при помощи изощренной аргументации предотвратить возможную критику в адрес его методов руководства страной начиная с 1929 г., но и наметил некоторые предпосылки будущей политики террора и репрессий. Он заявил о победе партийной линии в построении социализма. «Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого». «После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии...» «„.Организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии...» Выводы, следующие из доклада Сталина, были ясны: поскольку линия партии верна, то существующие проблемы объясняются разрывом между директивами партийного руководства и тем, как они выполняются. Этот разрыв возник в результате организационных слабостей, плохого подбора кадров, отсутствия самокритики, бюрократизма и преступной халатности местных органов, которые искажают политику партии, игнорируя ее директивы. Сталин разработал целую классификацию виновников: «неисправимые бюрократы», обманывающие свое руководство и срывающие выполнение указаний партии; честные болтуны, преданные советской власти, но неспособные руководить, неспособные что-либо организовать;

«люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков». Девяносто процентов всех трудностей, по мнению Сталина, проистекали из отсутствия организованной системы контроля за выполнением принятых решений.

Идея разрыва позволяла развивать идею заговора. Ведь на самом деле очень сложно было провести грань между невыполнением плана и умышленным саботажем. Появление идеи разрыва и заговора было результатом чудовищной политической слепоты, отказа от анализа действительных причин провалов и трудностей в выполнении намеченных задач. Отказавшись от этого анализа, власти все больше вступали на путь мифотворчества. Стремление уйти от действительности проявилось и в появлении в языке своеобразных клише и штампов, патетических по звучанию, но мало соответствующих истине. Это мистифицирование было направлено на превращение любого партийного решения в непреложную истину. Таким образом, партийная линия становилась догмой. Сомнение в ней уже означало предательство.

Получавшая, таким образом, право на существование идея заговора, легко объяснявшая все неурядицы, быстро внедрялась в сознание масс. Об этом ярко свидетельствуют, в частности, жалобы населения, извлеченные из дел сохранившегося в неприкосновенности, неподчищенного Смоленского архива. Как видно из этих жалоб, простые граждане никогда не подвергали сомнению основ самой системы, а виновных в своем тяжелом, часто невыносимом существовании искали среди конкретных личностей — чаще всего среди местных партийных и советских работников, с которыми им обычно приходилось иметь дело. Это было причиной их глубоко враждебного отношения к бюрократам — кадровым работникам, чьи карьеризм, продажность, праздность и «барские привилегии» вызывали глубокую ненависть у простых тружеников. Антибюрократические установки Сталина носили чисто популистский характер, объясняя трудности момента темными махинациями «лжекоммунистов». Они были приняты в низах и способствовали укреплению союза между народом и их вождем.

1934 г., границы которого — XVII съезд партии (26 января — 10 февраля) и убийство Кирова (1 декабря), характеризовался противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдалось усиление репрессивных мер, напоминавших самые мрачные годы первой пятилетки, — завершена коллективизация 5 млн. остававшихся

индивидуальных крестьянских хозяйств, произведены многочисленные аресты председателей колхозов, издан закон об ответственности семей репрессированных. С другой стороны, произошли некоторые очевидные послабления. Были частично амнистированы спецпереселенцы — большей частью раскулаченные крестьяне, — честный труд которых и лояльное отношение к советской власти приняли во внимание. Произошла некоторая либерализация избирательного режима, в результате которой количество «лишенцев», то есть лиц, лишенных гражданских прав, снизилось с 4 до 2,5% общей численности населения. Было объявлено о предстоящей с 1 января 1935 г. отмене хлебных карточек. Недавно принятый примерный устав колхозов предполагал увеличение площади приусадебных участков.

Отражением этих противоречивых тенденций явилась череда преобразований в органах госбезопасности. 10 июля было распущено ПТУ. Вопросы государственной безопасности~пере-ходили в ведение Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), возглавляемого Г.Ягодой. Эти органы лишались своих юридических полномочий и права выносить смертные приговоры. Над их. деятельностью устанавливался прокурорский надзор. К сожалению, все эти меры не возымели того действия, на которое рассчитывали сторонники менее твердой политики. В ноябре были учреждены особые совещания НКВД, обладавшие такими же полномочиями, что и прежние юридические коллегии ПТУ. Что касается процедуры выдачи ордеров на арест, осуществляемой с санкции прокурора, то необходимость в ней отпала. Генеральный прокурор Вышинский, занявший этот пост, предоставил органам государственной безопасности полную свободу действий. Противоречивость этих мер легко объяснялась наличием в руководящих партийных органах двух тенденций: одной — сталинистской, направленной на проведение жесткой линии, а второй — более умеренной, поддерживаемой Кировым. Как отмечалось уже выше, мнения некоторых советских историков, высказанные вскоре после XX съезда КПСС, о существовании оппозиционного течения во главе с Кировым, не являются убедительными. Ничего тут не меняет и публичное выступление Кирова, опубликованное 19 июля в «Правде», в котором он подверг критике Сталина за политику вымогательства и за злоупотребления по отношению к крестьянству во время хлебозаготовок. Такая политика, по словам Кирова, лишь подрывала развитие сельского хозяйства, а в более широком смысле и построение социализма вообще.

2. Убийство Кирова. Воплощение идеи заговора

1 декабря 1934 г. С.Киров был убит в коридоре Смольного молодым коммунистом Л.Николаевым, сумевшим пробраться с оружием в штаб-квартиру ленинградской партийной организации. Власти тотчас же предприняли чрезвычайные меры, Вечером того же дня был подготовлен документ, который позволял сокращать срок следствия по делам государственной важности до десяти дней, рассматривать их в отсутствие обвиняемых и выносить смертный приговор, не подлежащий обжалованию и пересмотру, В течение короткого времени было представлено несколько бессвязных и противоречивых официальных версий по делу об убийстве. 4 декабря газеты известили об аресте тридцати семи «белогвардейцев», якобы проникших в страну с целью организации террористических актов, 22 декабря ТАСС сообщило, что это «гнусное преступление» — дело рук «ленинградского центра», в состав которого входили, кроме Николаева, тридцать бывших зиновьевцев. 28 — 29 декабря проходил закрытый процесс над членами этого «центра». Все они были приговорены к смертной казни, и приговор немедленно привели в исполнение. Раскрытие «ленинградского центра» позволило выявить также существование «московского центра», 1 9 членов которого (в том числе Зиновьев и Каменев) обвинялись в «идеологическом пособничестве» убийцам Кирова. Во время суда над ними (16 января 1935 г.) Зиновьев и Каменев признали, что прежняя деятельность оппозиции могла в силу ряда обстоятельств способствовать нравственному падению преступников. Признание в этом странном «идеологическом пособничестве» после стольких случаев публичного раскаяния этих двух лидеров дало повод сделать из них «козлов отпущения» во время одной из предстоящих пародий на правосудие. А пока оно стоило им соответственно пяти и десяти лет лишения свободы. 23 января начался еще один процесс, связанный с убийством Кирова, — процесс над двенадцатью руководителями ленин-

градского отдела НКВД. Им было предъявлено обвинение в том, что они, располагая информацией о готовящемся покушении на Кирова, допустили преступную халатность и не предприняли никаких действий для его предотвращения. Невзирая на тяжесть обвинения, наказание оказалось относительно мягким. Впервые на этот странный приговор обратил внимание Троцкий в опубликованном в 1935 г. исследовании «Сталинская бюрократия и убийство Кирова». В нем он высказал мысль о том, что Николаев действовал не один и что организатором убийства был не кто иной, как сам Сталин, извлекавший из него наибольшую выгоду. Несколькими годами позже это предположение было поддержано бежавшими на запад агентами советских секретных служб В.Кривицким и А.Орловым. Их заявления были встречены скептически. Скепсиса, впрочем, поубавилось после откровений Хрущева на закрытом заседании XX съезда партии 25 февраля 1 956 г.

Ничего принципиально нового, однако, эти откровения не содержали. Они ограничивались теми интригующими подробностями, на которые в свое время обратил внимание Троцкий: арест Николаева и последовавшее за ним скорое освобождение его из-под стражи за несколько недель до покушения и загадочная гибель в дорожном происшествии телохранителя Кирова на следующий день после убийства. Но уже сама умело преподнесенная констатация того факта, что в обстоятельствах убийства Кирова много неясного и подозрительного, заставляла задуматься над тем, что Сталин, возможно, сыграл в этом деле далеко не последнюю роль. Тезис о непосредственной причастности Сталина к убийству Кирова недавно был подвергнут сомнению некоторыми западными учеными (А-Б.Улам, Дж.А.Гетти). Он, однако, находит в последнее время все большее распространение среди советских историков и публицистов. Но ничего принципиально нового к этому делу они не добавили. Сегодняшний объем сведений по этому вопросу не позволяет нам вынести окончательного суждения. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, — убийство Кирова в огромной степени способствовало материализации идеи заговора.

Это убийство впоследствии тяжелым грузом давило на политическую обстановку в стране. Оно использовалось высшим руководством для нагнетания атмосферы кризиса и напряженности, могло в любой момент послужить конкретным доказательством существования тайной организации, угрожавшей стране, ее руководителям, в конечном счете социализму. А существование такой организации позволяло находить удобные объяснения слабостям системы. Ведь если трудности в стране постоянно возрастали, а жизнь становилась все тяжелее (в то время как она должна была, по словам Сталина, быть «веселой и счастливой»), виноваты в этом убийцы Кирова.

3. Год 1935-й, решающий

В 1935 г. наблюдалось укрепление позиций Сталина и его сторонников. Одновременно была развернута широкая кампания антибюрократического и популистского характера против тех деятелей, на которых возлагалась ответственность за искажение партийной линии при ее претворении в жизнь. После февральского пленума 1935 г. на многие ключевые посты были назначены сторонники Сталина — Микоян введен в состав Политбюро, Жданов и Хрущев назначены соответственно первыми секретарями Ленинградской и Московской парторганизаций. Начальник управления кадров Секретариата ЦК Ежов был переведен на пост председателя Центральной контрольной комиссии и избран секретарем ЦК, За несколько месяцев он провел решительную чистку комиссии. Еще в свою бытность начальником управления кадров он отличался «антибюрократической бдительностью», жертвами которой стали прежде всего представители низового партийного аппарата, руководители предприятий и специалисты, подозреваемые им в различных уклонах, коррупции и даже в саботаже. Назначение Маленкова заместителем Ежова, а Вышинского — генеральным прокурором поставило точку в процессе занятия наиболее важных постов в партийном и государственном руководстве верными сторонниками Сталина, Логическим завершением этих преобразований явилось принятие нескольких новых законодательных актов, усиливших тоталитарный характер системы.

Наиболее ярким примером новых веяний был принятый 9 июня 1935 г. закон, в соответствии с которым любой советский гражданин за побег за границу приговари-

вался к смертной казни. Тюремное заключение грозило также всякому лицу, не донесшему об этом «акте предательства».

В 1935 г. началось решительное наступление сталинистов на историческую науку, ставившее своей целью «огосударствливание» памяти о прошлом. История, определяющая законность любой власти, была полностью пересмотрена, переработана и превращена в «конкретную науку», «объективную истину», в «грозное оружие в борьбе за социализм», по определению Сталина. В марте 1935 г. произведения Троцкого, Зиновьева и Каменева, как и большое количество других «устаревших» и неугодных книг политического или исторического содержания, были изъяты из библиотек. 25 мая постановлением ЦК было упразднено Общество старых большевиков. Месяцем позже было ликвидировано Общество бывших политкаторжан. Этим двум организациям вменялось в вину, что они ходатайствовали об отмене смертной казни для членов оппозиции и слишком усердствовали в культивировании революционного духа прежних лет — иными словами, хранили память о прошлом партии. В конце июля в «Правде» за подписью первого секретаря Закавказской партийной организации Л.Берии был опубликован первый фрагмент из единственной разрешенной работы по истории большевизма на Кавказе. Это новое историческое «произведение» представляло собой самый настоящий панегирик Сталину, ставшему основателем и организатором большевистского движения на Кавказе, Несколько месяцев спустя Сталин опубликовал свои «Заметки» об учебниках истории, присвоив себе, таким образом, роль главного историка. Эти «Заметки» положили начало фундаментальному пересмотру истории отношений России с нерусскими народами и стали основой для создания новой исторической науки. Ее главная цель состояла в обосновании законности власти Сталина. Сталин олицетворял собой партию. Партия олицетворяла пролетариат. Пролетариат в свою очередь являлся олицетворением идей прогресса. Фальсифицирование событий и подтасовка фактов позволяли выстроить логический ряд преемников: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. История партии превращалась в историю борьбы сторонников правильной линии во главе с Лениным, а затем Сталиным против разного рода уклонистов.

XVII съезд партии объявил, что главная цель новой власти — построение социализма — достигнута, а следовательно, существующие трудности — лишь результат некомпетентности или сознательного вредительства тех, кто должен был проводить в жизнь партийную линию. Такая постановка вопроса позволила высшему партийному руководству развернуть начиная с лета 1934 г. широкую кампанию по усилению контроля за деятельностью партийного аппарата с целью поднять организационную работу на уровень правильной политической линии.

20 августа был объявлен обмен партийных билетов. Согласно официальной точке зрения, это мероприятие проводилось с целью урегулирования проблем административного и технического порядка. Массовый приток новых членов привел к неописуемому беспорядку в партийных картотеках. По мнению центрального руководства, предстояло уточнить членство свыше 200 тыс. коммунистов. Только в течение двух предыдущих лет было выдано более 220 тыс. дубликатов партбилетов. 47 тыс. партбилетов исчезли бесследно.

Вскоре после убийства Кирова ЦК разослал всем партийным организациям закрытое письмо «О последствиях событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова». В письме констатировалось существование заговора, в который якобы были вовлечены троцкисты и зиновьевцы. В нем содержался призыв к верным членам партии выискивать и изгонять из ее рядов всех, проявляющих сочувствие Троцкому, Зиновьеву и Каменеву. В излагаемой официальной версии убийства Кирова сообщалось, что оно совершено человеком, проникшим в Смольный по фальшивому партбилету. Поэтому не приходилось сомневаться в огромном политическом значении кампании по проверке партбилетов. Письмо уточняло, что искать просочившихся в ряды партии врагов следовало там, где царили бюрократическая неразбериха, преступная халатность, и особенно там, где существовали более или менее независимые центры власти.

В большинстве местные партийные руководители довольно вяло отреагировали на этот документ и ограничились лишь обычной проверкой партийных картотек. Меньше всего они были склонны давать широкий ход этому мероприятию. Строгий учет новых членов партии, централизованный контроль за их продвижением, а также

необходимость неукоснительного выполнения всех приказов Москвы могли бы сильно ограничить их полномочия, а некоторым угрожали потерей власти над целой сетью «клиентов» и подчиненных. Более эффективный контроль со стороны центра многих лишал поля для маневров, благодаря которому до сих пор им удавалось соблюдать интересы «низов», представляя центральным властям оптимистические отчеты. Понадобились троекратные призывы ЦК к порядку, а также создание летом 1935 г. сети областных отделов возглавленного Ежовым Главного управления кадров, чтобы заставить секретарей 19 местных парторганизаций провести более или менее серьезную чистку .среди членов партии. 25 декабря 1935 г. Ежов представил Центральному Комитету отчет о результатах проверки партбилетов, которые совершенно не удовлетворили центральное руководство. Обмен билетов начался на полгода позже запланированного срока и продлился втрое дольше, чем предполагалось. Помехи создавала значительная группа «обюрократившихся элементов», которые выполняли свои обязанности с халатностью, граничащей с саботажем. В итоге проверка охватила только 81% членов партии. Из них 9% было исключено. Установка руководства на изгнание троцкистов и зиновьевцев не была выполнена. Только 3% общего числа исключенных принадлежало к этой группе. Проверка со всей очевидностью показала, в какой мере процветала круговая порука среди сотрудников местных партийных органов. Она создавала огромное препятствие центральному руководству в установлении действенного контроля над положением в стране, а следовательно, и в любых начинаниях.

Одновременно с кампанией по обмену билетов, предпринятой для наведения порядка в структуре партийного аппарата, под лозунгом борьбы с бюрократией, анархией и искривлением партийной линии было развернуто широкое наступление на представителей народнохозяйственных и инженерно-технических кадров — директоров предприятий, инженеров, техников и других специалистов, обвиняемых в сокрытии реального производственного потенциала. Сигналом к наступлению послужила речь Сталина, произнесенная 4 мая 1935 г; В решительно-популистских тонах он осудил «неслыханно бесчеловечное отношение обюрократившихся кадров» к простым людям, труженикам, «этому самому драгоценному капиталу». Рабкоры получили задание освещать в прессе все примеры злоупотреблений по отношению к труженикам, способствующих возбуждению недовольства рабочих и, соответственно, саботирующих творческие способности трудящихся масс.

В такой обстановке в конце лета 1935 г. возникло стахановское движение. Все началось с того, что шахтер А.Стаханов довел дневную норму выработки угля до 102 т, что в 14 раз превышало норму. 8 сентября он добился результата в 175 т. Вскоре еще один ударник, Н.Изотов, установил новый рекорд в 240 т. Эта инициатива была подхвачена и в других отраслях. Вскоре начали поступать сообщения о рекордах Н.Сметанина в обувной промышленности, А.Бусыгина в автомобилестроении, сестер Виноградовых в текстильной промышленности, В самом начале это движение, зародившееся среди небольшого числа квалифицированных рабочих, являлось выражением их трудовой инициативы, возникшей как ответ на появившуюся возможность получать вознаграждение за труд в соответствии с уровнем их способностей. К этому времени система распределения была упразднена, и высокие заработки стахановцев позволяли им приобретать необходимые товары, появившиеся в свободной продаже.

Однако очень скоро стахановское движение оказалось под контролем властей, решивших использовать его для развертывания широкой кампании по наращиванию производительности труда. В ноябре в Москве состоялась конференция рабочих — передовиков производства. В своем выступлении Сталин подчеркнул глубоко революционный характер этого движения, свободного от консерватизма инженеров, техников и руководителей предприятий. В условиях удручающего состояния советской промышленности новая кампания могла привести только к катастрофическим последствиям. Проведение дней, недель или декад стахановского труда надолго выбивало производственный процесс из нормального ритма. Израсходованные запасы сырья не восполнялись, оборудование ветшало, число несчастных случаев на производстве росло, а «рекорды» сопровождались длительными периодами спада производства. Атмосфера рекордомании способствовала росту различного рода нарушений на производстве. Самым распространенным из них было увеличение продолжительности рабочего дня. Вдобавок ко всему были увеличены плановые нормы. Все это

вместе взятое усиливало недовольство рабочих, способствовало росту напряженности в отношениях между руководством, стахановцами и простыми тружениками.

Первое полугодие 1936 г„ объявленного стахановским, характеризовалось ростом экономических трудностей. По мере того как стахановское движение все больше увязало в «трясине консерватизма и чиновничества», пресса снова обрушилась с нападками на кадровых работников народного хозяйства. Передовица «Правды» от 26 марта призывала направить огонь на саботажников стахановского движения. Некоторые парторганизации воспользовались моментом, чтобы проявить бдительность и законопослушание. В результате многие представители народнохозяйственных кадров были смещены или уволены с предприятий. Эти меры вели лишь к еще большей дезорганизации производства. Накануне пленума ЦК партии, намеченного на 1 — 4 июня 1936 г., стало очевидно, что наступление на кадровых работников в том виде, как оно проходило, не просто малоэффективно, а грозит существованию всей системы. Жизнь требовала внесения корректив.

4. Смысл первого Московского процесса

Всю следующую после пленума неделю передовицы «Правды» были посвящены разъяснению новых задач. Критика кадровых работников отошла на второй план, отныне «под обстрел» попали троцкисты и зиновьевцы. 11 июня «Правда» напомнила о существовании троцкистско-зиновьевских групп и по-прежнему продолжающихся контрреволюционных происках недобитого врага.

В такой обстановке готовился первый из известных открытых Московских процессов. Возглавляемый Ягодой НКВД получил задание пересмотреть дело об убийстве Кирова и подготовить открытый процесс, объявив о причастности к делу бывших оппозиционеров. Весь комплекс обвинений строился на факте эфемерного существования в 1932 г. «блока оппозиций». Контакты сына Троцкого Л.Седова с некоторыми бывшими троцкистами и зиновьевцами преподносились как широко разветвленный, законспирированный террористический троцкистско-зиновьевскии центр. Для этого были привлечены показания осведомителей (Ольберга, Фриц-Давида, М. и Н.Лурье), которые в соответствии с полученными инструкциями заявили, что состояли в контактах не только с членами блока, но и с Троцким, от которого якобы получили задание убить Кирова, Сталина и других партийных деятелей. Оставалось найти главных обвиняемых и добиться от них признания вины. «Козлами отпущения» были выбраны члены зиновьевской группы — сам Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев, уже осужденные в январе 1935 г. за свое «нравственное пособничество» убийству Кирова. Из троцкистов, кроме Смирнова, были выбраны деятели менее крупного масштаба (Мрачковский, Тер-Ваганян, Дрейтцер и др.). Понадобилось несколько недель жестоких допросов, чередование физического и морального давления и обещаний сохранить жизнь, чтобы вырвать у них полное признание.

29 июля, за три недели до начала процесса, Секретариат ЦК разослал всем партийным организациям секретный циркуляр, призывавший проявить «большевистскую бдительность» и бороться с деятельностью «контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока». Умение всегда распознать врага партии, как бы ловко тот ни маскировался, признавалось основным качеством большевика. 19 августа после соответствующей подготовки общественного мнения прессой процесс открылся. За три дня заседаний все 16 обвиняемых, подобранных в соответствии с давно известным принципом амальгамы (ветераны старой большевистской гвардии находились в камерах вместе с провокаторами из НКВД), подтвердили свои признания, составлявшие единственную основу для обвинения. Они даже внесли генеральному прокурору Вышинскому некоторые дополнения и уточнения. Все признались не только в своих идеологических убеждениях, но — вопреки всякому правдоподобию — и в связях с Троцким, находящимся за границей, в участии в убийстве Кирова, в заговоре против Сталина и прочих руководителей. Они дали показания на других оппозиционеров — Томского, Бухарина, Рыкова, Радека, Пятакова, Сокольникова, Серебрякова, — что те также вовлечены в контрреволюционную деятельность. 24 августа всем обвиняемым был вынесен смертный приговор, незамедлительно приведенный в исполнение. 26 августа Томский покончил жизнь самоубийством.

Хорошо разыгранный процесс-спектакль дал повод для необычайной идеологической мобилизации, которая должна была ярко продемонстрировать нерасторжимое единство народа со своим вождем. На бесконечных митингах и собраниях принимались многочисленные резолюции, превозносившие Сталина и клеймившие позором «бешеных собак» и «троцкистскую гадину». События должным образом освещались прессой. Этот шумный политический процесс (так же как и те, которые последуют за ним) представлял собой замечательный механизм социальной профилактики. Он подтверждал существование заговора — отправного момента в формировании официальной идеологии. Он содействовал зарождению у народа чувства мифической причастности к управлению государством и ощущения близости к своему вождю.

Однако результаты процесса не для всех оказались бесспорно однозначными. В течение нескольких недель после его окончания некоторые посвященные сомневались, каков будет его окончательный итог.

НКВД в лице Ягоды попытался ограничить политические последствия процесса. Он свел преступную деятельность «банды убийц», никак не связанных с партийными кадрами, к простому терроризму. Предательство раскрыто, процесс состоялся, виновные наказаны, враг в лице незначительной троцкистско-зиновьевской группы выявлен, а значит, дело не требует дальнейшего развития. Ежов же, напротив, стремился расширить круг обвиняемых, разоблачая их, «как бы хорошо они ни замаскировались», и ударить по партийным и народнохозяйственным кадрам, заподозренным в создании препятствий выполнению директив центра Сталин разрешил спорный вопрос в пользу Ежова.

5. Ежовщина. Борьба с бюрократией, террор и экономический кризис

23 сентября серия взрывов потрясла несколько кемеровских шахт. Сталин, Жданов и Ежов, не удовлетворенные политическими итогами летнего наступления на оппозицию, тотчас же постарались использовать эти события для разворачивания новой кампании против народнохозяйственных кадров, как всегда подозреваемых в саботаже. 25 сентября Сталин и Жданов, находившиеся в Сочи, направили телеграмму в адрес Политбюро. В ней говорилось о крайней необходимости срочно назначить товарища Ежова наркомом внутренних дел ввиду того, что Ягода оказался не способен разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. Смещение Ягоды и назначение наркомом внутренних дел Ежова произошло 30 сентября. Ежовщине предстояло продлиться почти два года.

В октябре был арестован Пятаков, заместитель Орджоникидзе на посту наркома тяжелой промышленности. Вместе с ним были арестованы другие бывшие троцкисты (Сокольников, Серебряков, Радек), а также некоторые ответственные работники транспорта и угольной промышленности. Арест Пятакова означал наступление на умеренный курс экономического развития, а заодно и на целое поколение народнохозяйственных кадров, пришедших «от станка» еще до широкой выдвиженческой кампании 30-х гг.

23 января 1937 г. начался второй Московский процесс. 17 человек обвинялись в создании «троцкистско-зиновьевского центра», представленного преемником предыдущего. Этот «центр» якобы пытался свергнуть советское правительство, организуя покушения на его членов с целью восстановить капитализм в СССР при пособничестве иностранных государств, прежде всего Германии и Японии. Троцкий и члены «центра» обвинялись в том, что, делая ставку на поражение СССР в близящейся войне с империалистическими государствами, пообещали агентам этих государств значительные экономические и территориальные уступки (Германии — Украину, а Японии — Восточную Сибирь). А чтобы подорвать экономическую и военную мощь страны, они приступили к организации массового саботажа. Как и во время первого процесса, обвинительное заключение строилось на основе «полного признания» обвиняемых. Процесс шел неделю и закончился приговором 13 обвиняемых к смертной казни и 4 — к длительному заключению.

Сразу же стало ясно, что политические последствия этого процесса, разыгранного по сценарию ведомства Ежова, гораздо «выгоднее», чем предыдущие. Заглавной темой его была идея саботажа. Саботажа всеобщего, во многих районах страны, во

многих секторах экономики, на всех уровнях, от простого инженера до замнаркома. Самые распространенные, каждодневные на сотнях советских предприятиях того времени случаи — выпуск бракованных изделий, ошибки в планировании, несчастные случаи и поломка оборудования из-за несоблюдения элементарных правил — были объявлены актами саботажа. С этой точки зрения в саботаже мог быть обвинен любой работник.

Второй процесс открыл путь к расправе над народнохозяйственными, а затем и партийными кадрами. Создание образа специалиста-саботажника и внедрение его в массовое сознание попутно преследовало и другие цели: для простых тружеников этот образ мог служить объяснением трудностей их повседневной жизни и поощрял наиболее воинственно настроенных вскрывать ошибки руководителей своих предприятий, направляя тем самым раздражение народа в нужное русло. Создание этого образа вполне закономерно вписывалось в рамки грандиозного популистского наступления на специалистов и кадровых работников, развернутого Сталиным и его соратниками уже полтора года назад. Орджониквдзе, который оставался, несмотря на ослабление своих позиций, серьезной помехой в осуществлении этой кампании, через несколько дней после расправы над Пятаковым покончил жизнь самоубийством (или был доведен до самоубийства).

С 25 февраля по 5 марта 1937 г. проходило заседание пленума ЦК партии, оказавшего большое влияние на последующее развитие событий. Во время пленума были арестованы Бухарин и Рыков. Сталин, сообщив, что страна оказалась в чрезвычайно опасном положении из-за происков многочисленных саботажников, шпионов и диверсантов, с негодованием обрушился на «беспечных, благодушных и наивных руководящих товарищей», пребывавших, по его словам, в чрезвычайном самодовольстве и утративших способность распознавать истинное лицо врага. Он подверг уничтожающей, критике всех тех, кто искусственно порождает большое число недовольных и раздраженных, создавая тем самым целую резервную армию для троцкистов, тех, кто старается «не выносить сор из избы» и, прикрывая друг друга, шлет в центр бессмысленные и возмутительные отчеты о якобы достигнутых результатах. Этим ответственным партийным работникам ставились в пример рядовые члены, которые могли подсказать «правильное решение». Речи, произнесенные Сталиным 3 и 5 марта, предвещали нарастание репрессий. И не только потому, что они призывали к усилению бдительности и к доносительству, но и потому, что в них отсутствовало четкое определение врага. Отныне скрывающимся врагом мог оказаться каждый — и тот, кто покрывал преступную деятельность, и тот, кто разоблачал ее (а вдруг это делалось для того, чтобы скрыть еще более опасных врагов?), и тот, кто открыто критиковал власть, и тот, кто мог скрывать свое истинное отношение к ней в потоке славословий и низкопоклоннической лести.

Весь год — от февральско-мартовского пленума ЦК 1937 г, вплоть до третьего Московского процесса (март 1938 г.) — был отмечен смещениями и арестами десятков и даже сотен тысяч народнохозяйственных и партийных кадровых работников, на место которых тотчас же назначались выдвиженцы времен первой пятилетки (поколение Брежнева, Косыгина, Патоличева, Устинова, Громыко и др., то есть поколение Политбюро ЦК КПСС образца 70-х годов). Репрессии, волнами распространявшиеся от изначально небольшого числа подозреваемых, перекатываясь с одного человека на другого, захлестнули в итоге огромное количество простых людей. Их поддерживала культивируемая в стране атмосфера разоблачений и доносительства, а также служебное рвение сотрудников НКВД. С политической точки зрения ежовщина носила антибюрократический, популистский характер, а основной ее целью была борьба против народнохозяйственных и партийных кадров.

Наступление на кадры разворачивалось в два этапа. В марте—апреле центральное партийное руководство затеяло кампанию по переизбранию местных и районных комитетов партии. Рядовым членам предписывалось разоблачать бюрократические злоупотребления своего местного руководства. Несмотря на прямое поощрение к доносительству, эта затея провалилась — на уровне областных и районных партаппаратов было обновлено только около 20% руководящего состава. В ходе ежегодных районных партконференций руководители этих организаций были в основном вновь избраны на свои посты. Центральному руководству пришлось констатировать неспособность избавиться от прочно засевших в своих вотчинах партийных «вельмож»,

используя законные средства и поощряя массы содействовать этому мероприятию. В таких условиях всю инициативу по чистке партийных организаций полностью взял на себя (начиная с мая — июня 1937 г.) НКВД — «карающий меч диктатуры пролетариата», эта «плоть от плоти» и «кровь от крови» всей страны. П июня пресса сообщила о том, что секретное заседание военного трибунала вынесло смертный приговор обвиненному в шпионаже и предательстве главному инициатору модернизации Красной Армии, заместителю наркома обороны маршалу М.Тухачевскому, чьи постоянные разногласия со Сталиным еще со времен польской войны 1920 г. переросли в открытое противоборство. Вместе с ним смертный приговор был вынесен семи другим виднейшим военным деятелям, в том числе Якиру, Уборевичу, Эйдеману, Путне, Корку. За два последующих года чистки армии исчезло 11 заместителей наркома обороны. 75 из 80 членов Высшего военного совета, восемь адмиралов, двое (Егоров и Блюхер) из четырех остававшихся к этому времени маршалов, 14 из 16 генералов армии, 90% корпусных армейских генералов, 35 тыс. из 80 тыс. офицеров.

17 июня первый секретарь партийной организации Западной области Румянцев, связанный с Уборевичем, был арестован как «враг народа». Его арест повлек за собой целую волну арестов его подчиненных. Все партийные и народнохозяйственные структуры области подверглись чистке. В последующие недели по этому же сценарию разворачивались события и в других районах страны. Из центра во все области направлялись уполномоченные в сопровождении подразделений НКВД, чтобы, по образному выражению «Правды», «выкурить и разорить гнезда троцкистско-фашистских клопов». Берия был направлен в Грузию, Каганович — в Смоленск и Иванове, Маленков — в Белоруссию и Армению, Молотов, Ежов и Хрущев — на Украину. В наибольшей степени чистка затронула кадры национальных республик.

Сильнее других пострадала Украина. Еще с середины 20-х годов многие ответственные партийные работники Украины подозревались в националистическом уклоне. В 1926 г. нарком просвещения Шумский был обвинен в слишком поспешной украинизации республиканских кадров и в сопротивлении «русской культуре вообще и ее главному достижению — ленинизму». Во время голода 1932 г. значительная часть республиканских кадров (по меньшей мере половина секретарей областных комитетов партии) была снята со своих постов за неподчинение нереалистическим требованиям Москвы по выполнению плана хлебозаготовок. 7 июля 1933 г. Скрыпник, один из основателей украинской компартии, недавно назначенный на пост заместителя председателя Совнаркома Украины, покончил жизнь самоубийством, доведенный до этого шага обвинением в том, что он стал «орудием в руках буржуазно-националистических элементов». В 1937—1938 гг. был заменен весь состав аппарата украинского ЦК.

Руководители армянской компартии были репрессированы после того, как был раскрыт «заговор» тайной организации дашнаков. Подобное происходило и в других республиках.

Уничтожение высшего народнохозяйственного и партийного руководства имело целью лишить республики их национальной элиты, выросшей из национальных движений 1917 — 1921 гг., и открыть дорогу новому поколению, более уступчивому по отношению к центральному руководству. Чистки полностью остановили процесс становления национальных компартий, наметившийся после массовых призывов 30-х годов. Противостояние «центр — окраины» (а еще точнее, русский центр — национальные окраины) составляло одну из характернейших особенностей ежовщины.

Как на окраинах, так и в центре репрессии затронули кадровых работников всех уровней. Были уничтожены члены Политбюро Чубарь, Эйхе, Косиор, Рудзутак, Постышев. 98 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) были арестованы и почти все расстреляны. Из 1966 делегатов XVII съезда партии 1108 исчезли во время чистки. Полностью замененными оказались штаты наркоматов. Были арестованы и расстреляны многочисленные сотрудники разных рангов — от послов Кре-стинского, Сокольникова, Богомолова, Юренева, Островского (соответственно в Берлине, Лондоне, Пекине, Токио, Бухаресте) до мелких администраторов наркомата станкостроения. Весь управленческий аппарат этого наркомата, все директора предприятий (кроме двух) и подавляющее большинство инженеров и технических специалистов отрасли были арестованы. То же самое происходило и в других отраслях промышленности — в авиастроении, судостроении, в металлургической промышленности (те

отрасли, по которым имеются хотя бы некоторые данные). В своем докладе на XVIII съезде партии Каганович заявил, что в 1937 — 1938 гг. руководящий состав наркомата тяжелой промышленности был обновлен, а вместо разоблаченных саботажников на руководящие посты назначены тысячи новых людей. В некоторых отраслях, по его словам. замену нужно было производить целыми пластами. «Мы имеем сейчас кадры, которые выполнят любую задачу партии, ЦК, Советской власти, любую задачу товарища Сталина», — заявил он. В первую очередь репрессии были направлены против партийных и народнохозяйственных кадров, но это вовсе не означало, что они обошли стороной другие социальные группы, в частности научную и творческую интеллигенцию. Волна репрессий захлестнула все области науки и искусства. Причем очень часто обвинение в мировоззренческих и политических ошибках служило прикрытием для удовлетворения личных амбиций и для сведения счетов с соперниками. В исторической науке преследованиям подверглись последователи М.Покровского, умершего в 1932 г., в языкознании — противники Н.Марра, в биологии — соперники Т.Лысенко. Многие выдающиеся писатели, публицисты, театральные деятели (среди них Вс.Мейерхолвд, О.Мандельштам, Б.Пильняк, М.Кольцов и др.), обвиненные в проповедовании враждебных и чуждых марксизму взглядов, в отклонении от принципов социалистического реализма, были арестованы и высланы.

Несколько позже репрессиям подверглись и революционеры-интернационалисты, сотрудники Коминтерна. Им вменялась в вину принадлежность к различным уклонам, а также стремление к чрезмерной независимости. Среди репрессированных были немец Нейман, венгр Бела Кун, югослав Горкич, почти все (за исключением двоих) члены ЦК компартии Польши, финские, латышские, эстонские, румынские, итальянские революционеры.

Общее количество пострадавших в это время не поддается точному подсчету. Число репрессированных членов партии, если принимать во внимание отсутствие точных сведений по итогам призывов 1934 — 1939 гг., колеблется, по различным оценкам, от 180 тыс. (Дж.Гетти) до 1 млн. 200 тыс. (А.Сахаров). Некоторые западные историки (Л.Шапиро, З.Бжезинский, Т.Риджби) говорят о 850 тыс. исключенных из партии (чаще всего за исключением следовал арест) за промежуток между 1936 и 1939 гг., что составляло 36% партсостава 1935 г. При определении общего числа репрессированных цифры носят еще более гипотетический характер. Количество заключенных в тюрьмах и лагерях в 1939 — 1940 гг. определяется цифрами от 3,5 млн. до 10 млн. человек.

20 декабря 1937 г. в Большом театре очень пышно отмечалась 20-я годовщина органов безопасности. Страна к этому времени находилась на грани экономического и общественного хаоса. Новоиспеченные кадры, опасаясь, что их действия будут квалифицированы как «враждебные происки», полностью утратили инициативу. Итоги развития народного хозяйства СССР во второй половине 1937 г. были катастрофичными, свидетельствующими о кризисе экономики. Французский исследователь Ш.Беттельхейм, характеризуя этот период, говорит о кризисе сверхнакопления, для которого характерно падение производительности труда, значительный переизбыток рабочей силы в городе, в результате чего деревня впервые оказалась перед угрозой нехватки рабочих рук, что угрожало функционированию колхозной системы.

В 1937 г. произошло также изменение сущности стахановского движения, что очень убедительно доказал французский исследователь Ж.Сапир. Объем предоставляемых передовикам благ значительно сократился. На фоне резко упавшего уровня жизни в стране стахановское движение превратилось в инструмент нажима на рабочих. Ухудшение условий жизни привело к росту текучести рабочей силы, что в свою очередь незамедлительно сказалось на производительности труда и качестве выпускаемой продукции. В обстановке напряженности и царящей неразберихи была предпринята серия антикризисных мер, однако несогласованных и противоречивых.

19 февраля 1938 г. руководителем сильно расшатанного чистками Госплана был назначен типичный представитель нового поколения технократической интеллигенции сталинского периода Н.Вознесенский. Это назначение могло свидетельствовать о том, что высшее руководство страны начало отдавать себе отчет в необходимости реформ органов планирования. Долгие годы эти органы ограничивали свою деятельность разработкой системы приоритетов, обеспечивавшей функционирование наиболее важных предприятий. Сразу же после своего назначения Вознесенский начал ре-

организацию статистического аппарата и попытался создать новую, децентрализованную систему найма рабочей силы. Он поставил вопрос о децентрализации системы управления (бывший наркомат тяжелой промышленности распадался на 17 отдельных наркоматов) и о придании большей независимости предприятиям. Однако руководство, опасаясь еще больше расшатать и так сильно ослабленную чистками систему управления экономикой перед лицом растущей угрозы международного конфликта, затормозило робкие попытки реформ.

В начале 1938 г. были предприняты и некоторые действия по исправлению политической ситуации с целью предотвращения полного беспорядка в стране. Пленум ЦК партии, проходивший с II по 20 января, принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Это «исправление» не означало, однако, прекращения репрессий. Новая кампания носила двойственный характер. С одной стороны, направленная против кляузников, карьеристов — этих «скрывающихся врагов», создававших атмосферу недоверия в партии, обвиняя честных коммунистов в недостатке бдительности и в сношениях с врагами, с другой стороны, она ударила по части сотрудников НКВД, прокуратуры и судебных органов, возложив на них ответственность за «ошибки», допущенные в 1937 г.

Именно в этой обстановке неуверенности и замешательства проходил со 2 по 13 марта 1938 г. третий Московский процесс. Как и во время предыдущих, обвиняемые (21 человек) представляли собой неоднородную группу лиц разных направлений. Среди них были известные в прошлом руководители большевистского движения — бывшие лидеры «правой оппозиции» Бухарин и Рыков, бывший троцкист Крестинский (все трое при Ленине — члены Политбюро) и известный деятель европейского революционного движения Раковский. Рядом с ними на скамье подсудимых находились четверо бывших наркомов, руководители Узбекистана Икрамов и Ходжаев, несколько врачей и... Ягода, бывший шеф НКВД и главный режиссер первого Московского процесса. Основные пункты обвинения также представляли большое разнообразие: убийство Кирова, отравление Куйбышева и Горького, заговор против Сталина и его ближайших сподвижников, саботаж в промышленности (бывший нарком) финансов якобы приказывал директорам предприятий выплачивать зарплату рабочим позже срока; бывший нарком земледелия отдавал приказания своим подчиненным истреблять крупный рогатый скот и т.п.), шпионаж в пользу Германии, Японии, Великобритании, Польши, разработка украинскими, белорусскими, (закавказскими и среднеазиатскими националистами при пособничестве вышеназванных государств планов расчленения Советского Союза.

Во время слушаний Крестинский, обвиненный в шпионаже в пользу Германии, предпринял попытку отказаться от своих предыдущих показаний. Бухарин, признавая за собой в принципе «общую ответственность», отрицал конкретные обвинения, в частности приписываемую ему неправдоподобную попытку покушения на Ленина в 1918 г. то, однако, не повлияло на общий ход процесса. Все обвиняемые подтвердили свои признания, которые снова, как и в предыдущих процессах, были единственным основанием для их осуждения. Процесс завершился вынесением смертного приговора восемнадцати обвиняемым; трое были приговорены к тюремному заключению.

Как и оба предыдущих, этот процесс преследовал несколько целей: прежде всего он должен был поддерживать в людях ощущение высокого драматизма переживаемого момента, необходимости борьбы с происками подпольной вражеской организации, уходящей корнями еще в дореволюционное прошлое, так как многие обвиняемые являлись в свое время «агентами царской охранки». В обширном обвинительном заключении Вышинский постарался надлежащим образом продемонстрировать массам, насколько ощутимо сказывались последствия .существования заговора на повседневной жизни советских людей. Он заявил: «В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может- быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывается в недостатке. Именно поэтому задачей всей этой вредительской организации было — добиться такого положения, чтобы то, что у нас имеется в избытке, сделать дефицитным... Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого».

Еще один важный урок процесса, скрытый от широкой публики, но совершенно очевидный для заинтересованных, заключался в том, что новое поколение партийных кадров не имело ничего общего с «осовремененным» образом врага. Враги как группа прежних оппозиционеров, агентов охранки, предателей, ведущих борьбу против партии на протяжении уже десятков лет, — определение, немыслимое еще несколькими годами ранее, накануне широкой кампании по переписыванию истории. Такая трактовка должна была успокоить недавних выдвиженцев, вступивших в партию в тридцатых годах. Серия предпринятых сразу же после процесса мер была направлена как раз на то, чтобы продемонстрировать новым работникам лояльное к ним отношение и стремление к некоторой стабилизации кадров как к необходимому условию любого экономического начинания.

В отличие от предыдущего этот процесс не явился сигналом к началу новой волны репрессий. Основная историческая цель его была достигнута: осуждение, окончательное и театрализованное, какое-то время в конце 20-х гг. представлявших альтернативу сталинизму идей Бухарина. Весьма символичным представлялся факт обвинения Бухарина, «любимца всей партии», «нашего Бухарчика» (по выражению Ленина) в тягчайшем из преступлений — попытке «отцеубийства». По словам генерального прокурора, Бухарин принимал непосредственное участие в контрреволюционном заговоре в июле 1918 г., который едва не стоил жизни Ленину, раненному тогда эсеровской террористкой Ф.Каплан. Осуждение Бухарина, а вместе с ним и того течения, которое он представлял, должно было узаконить перед лицом истории деятельность Сталина, способствовать признанию его как единственного продолжателя дела Ленина.

6. XVIII съезд партии. Начало разрядки?

Чистки партии не прекратились с окончанием третьего Московского процесса. Однако признаки некоторого относительного послабления становились все более ощутимыми в течение 1938 г. Уменьшилось количество исключаемых из партии, и одновременно увеличился прием новых членов (более 500 тыс. в 1938 г.). Было освобождено некоторое количество заключенных. Тысячи офицеров, репрессированных в 1937 г., были возвращены в армию. В августе Ежов был назначен наркомом речного флота, что можно рассматривать как первый шаг к его постепенному отстранению от дел. 8 декабря в «Правде» появилось сообщение о том, что он «по собственной просьбе» был освобожден от исполнения обязанностей наркома внутренних дел и заменен на этом посту Берией. В последний раз Ежов упоминался в прессе 22 января 1939 г.

Наметившаяся тенденция к послаблению подтвердилась на XVIII съезде партии, который проходил с 10 по 21 марта 1939 г., более чем через 5 лет после предыдущего. Новый состав съезда (из 1966 делегатов XVII съезда только 35 присутствовали на нынешнем) был способен лишь на то, чтобы петь дифирамбы Сталину, который остался теперь единственным из крупных деятелей поколения старых большевиков, то есть единственным, кто играл в партии важную роль еще со времени Октябрьской революции. На съезде не было ни обсуждений, ни споров, ни критики происшедшего за истекшие пять лет. Сталин позволил себе признать, что чистки 1933 — 1936 гг., в общем неизбежные и благотворно сказывающиеся на состоянии партии, сопровождались, однако, «многочисленными ошибками». Он заявил, что в новых чистках необходимости не возникло. Жданов всю ответственность за «ошибки» возложил на местные партийные органы. Съезд утвердил новую, более «демократичную» редакцию партийного устава. Условия приема и длительность кандидатского срока становились впредь едиными для всех и не зависели от социального происхождения вступающих. Жданов :вил, что прежняя дискриминация интеллигенции потеряла смысл, поскольку теперь это была интеллигенция совершенно особого типа — дети рабочих и крестьян, сами вчерашние рабочие и крестьяне, которые достигли командных высот. Новый устав узаконивал право на обжалование, а следовательно, и на восстановление в партии. Массовые чистки были осуждены. В то же время усиливалась централизация партийной структуры. Управление кадров ЦК партии должно было пристальнее следить за новыми назначениями, а Политбюро получало дополнительные преимущества по сравнению с остальными органами партийного управления (прежде всего с Центральным Комитетом). Съезд ввел в состав Политбюро Жданова и Хру-

щева, кандидатами в члены Политбюро — Берию и Шверника, а Маленков, осуществлявший чистку партии в Белоруссии, стал во главе управления кадров.

III. ИТОГИ РЕШАЮЩЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

1. Становление модели экономического развития

Именно в 30-е годы в стране сформировалась модель экономического развития, основные черты которой дожили до наших дней. Во втором и третьем пятилетних планах намечались почти ;; без изменений те же подходы и устанавливались те же приоритеты, что и в первом, принимались такие же неосуществимые и ;не соответствующие реальным возможностям уравновешенного экономического развития плановые показатели. Осуществлялось краткосрочное административное планирование использования ресурсов. В обстановке постоянного дефицита получала дальнейшее развитие система приоритетов, расшатывавшая промышленность. Экономическое развитие шло экстенсивным путем и сопровождалось значительным ростом инфляции. Огромный объем капиталовложений в приоритетные отрасли — машиностроение, добывающую промышленность, производство электроэнергии — осуществлялся в ущерб уровню жизни населения, так как производство товаров народного потребления отодвигалось на второй план. Все же плановые задания второй пятилетки были несколько ближе к реальности, чем первой. Как следствие «показатели выполнения» второго пятилетнего плана, объявленного ,в промышленности выполненным к 31 марта 1937 г., были более высокими, чем показатели предыдущего. Вообще в промышленности этот показатель составлял 102% — цифра, несомненно, завышенная, потому что подсчет производился на основе не объема, а стоимости произведенной продукции и «раздувался» из-за значительного роста цен.

Этот средний процент не отражал действительного положения дел в отдельных отраслях. В некоторых из них действительно были достигнуты очень высокие результаты, например в Металлургии (15,7 млн. т стали в 1937 г. против 5,9 млн. т в 1932 г.) ив электроэнергетике (36 млрд. кВт-ч по сравнению с 114 млрд. кВт-ч в 1933 г.). Были освоены передовые технологии в производстве специальных сплавов, синтетического каучука, развивались современные отрасли машиностроения, был построен московский метрополитен (московское метро, торжественный пуск которого состоялся в 1935 г., стало одним из важнейших достижений второй пятилетки). В противоположность этим достижениям процент выполнения плана в легкой промышленности, развитию которой не уделялось должного внимания и в первой пятилетке, колебался в зависимости от отрасли от 40 до 85% и был намного ниже запланированных показателей, равно как и уровня потребностей населения. Объем капиталовложений в 1936 г. в пять раз превысил уровень 1928 г., что обусловило значительный скачок в наращивании производства в 1928 — 1937 гг. Показатель ежегодного роста производства составлял от 10,5 до 16% (в зависимости от того, велся ли подсчет в ценах 1928 или 1937 г.). Одним из основных предметов гордости плановиков и экономических руководителей был значительный рост производительности труда, которая после снижения на 8% за первую пятилетку возросла во второй на 64%. Такой рост стал возможен в основном потому, что на рабочий класс оказывалось сильнейшее давление со стороны управленческого аппарата и профсоюзов.

В производстве сельскохозяйственной продукции, несмотря на превосходный урожай 1937 г., результаты оставляли желать лучшего. Точные цифровые показатели даже сегодня не поддаются подсчету, так как комиссия по урожайности зерновых занималась учетом не реально собранного, а оценивала урожай «на корню» и уже исходя из этого назначала колхозам и совхозам нормы поставок. Если производство технических культур возросло по сравнению с конечным периодом нэпа приблизительно на 30 — 40%, то производство зерновых, несмотря на возросший уровень механизации и увеличение на 17% посевных площадей, оставалось на уровне, достигнутом в канун первой мировой войны. Годовое производство зерна между 1931 — 1939 гг. не превышало (за исключением 1937 г.) 70 млн. т, в то время как средний урожай 1909 — 191 3 гг. составлял 72,5 млн. т в год. После того как во время коллек-

тивизации была уничтожена половина поголовья крупного рогатого скота, производство животноводческой продукции достигло уровня 1913 г. только к 1937 г. Уровень 1927 — 1928 гг. был превышен только к началу 50-х годов.

Третий пятилетний план, утвержденный XVIII съездом партии, наметил весьма смелые цели: догнать и перегнать по уровню производства на душу населения развитые капиталистические страны, не уменьшая при этом расходов на вооружение. Производство сельскохозяйственной продукции должно было увеличиться на 52%, промышленной продукции — на 92%. Особое внимание уделялось развитию химической промышленности, производству алюминия и электрооборудования. Национальный доход должен был удвоиться, а уровень потребления на душу населения возрасти на 75%. Все эти планы, конечно же, выполнены не были: в 1937 — 1941 гг. темпы роста промышленного производства не превышали 3 — 4% в год. Характерное еще для первой и второй пятилеток преимущественное вложение капитала в производство средств производства и нарушенная массовыми репрессиями предыдущих лет деятельность предприятий привели экономику в лихорадочное состояние. За три года производство чугуна и стали увеличилось только на 3%, производство проката — на 1%, добыча нефти — на 9%, очень заметно вырос объем производства военной продукции. Но этот рост обеспечивался за счет уменьшения производства металлоемких отраслей невоенной промышленности, что еще больше разбалансировало экономику накануне войны. Производительность труда на протяжении третьей пятилетки росла очень низкими темпами (6% в год), и росту ее не способствовали даже многочисленные репрессивные меры, направленные на укрепление дисциплины в промышленности.

2. Общество разрушенных структур

Насильственная коллективизация и ускоренная индустриализация вызвали в стране огромную миграционную активность и высокую степень социальной мобильности (как восходящей, так и нисходящей). На какое-то время советское общество превратилось в гигантский «табор кочевников», стало «обществом зыбучих песков». В деревне общественные структуры и традиционный уклад были полностью уничтожены. Одновременно оформлялось молодое городское население, представленное бурно растущим рабочим классом, почти полностью состоящим из уклоняющихся от коллективизации вчерашних крестьян, новой технической интеллигенцией, сформированной из рабочих и крестьян — выдвиженцев, бурно разросшейся бюрократической прослойкой, состоящей из мелких служащих, и, наконец, властными структурами с еще довольно хрупкой, не сложившейся иерархией чинов, привилегий и высоких должностей. Социальное преуспевание одних сопровождалось смещением других, становившихся «чуждыми элементами» и отправлявших в ГУЛАГ для увеличения численности его населения (еще одна из форм миграции).

Первая миграционная волна в 30-е гг. была связана с массовым переселением крестьян в города. С 1926 по 1939 г. городское население увеличилось на 30 млн. человек, из которых 23, а возможно, и 25 млн. были крестьянами, ушедшими из деревни с началом коллективизации. В годы первой пятилетки приток переселенцев только в Московскую и Ленинградскую области составил по 3,5 млн. человек в каждую. Рост молодых промышленных центров был еще значительнее: население Днепропетровска и Сталино (нынешний Донецк) на Украине, Челябинска и Свердловска на Урале, Новосибирска и Кузнецка в Сибири увеличилось за несколько лет в пять-шесть раз.

Чрезмерный, хаотичный, непланируемый рост городов привел к тому, что и без того сложная жилищная проблема приобрела масштабы катастрофы (в Москве, например, количество квадратных метров жилья на одного человека снизилось с шести в 1928 г. до четырех в 1939 г.). Последствия этого были настолько глубоки, что дают знать о себе еще и сегодня, а решение проблемы в ближайшем будущем не представляется возможным. Сложившаяся в городах ситуация неизбежно влекла за собой рост негативных явлений в обществе, лишенном своих корней и сильно травмированном постоянными «встрясками». Растущая напряженность в семейных отношениях порождала новую волну (первая волна пришлась на 20-е гг.) разводов, абортов и снижения уровня рождаемости. Окрестьянивание городов, и в первую оче-

редь рабочего класса, приводило к снижению дисциплины труда, поломке техники и инвентаря, росту хулиганства, алкоголизма и правонарушений, ухудшению качества выпускаемой продукции, текучести рабочей силы. Такая ситуация сохранялась до конца 30-х годов, пока руководство страны срочно не предприняло в конце 1938 г. целый ряд репрессивных мер, направленных против малейших нарушений дисциплины труда.

Начало было положено опубликованным 11 декабря 1938 г. в «Правде» письмом свердловского стахановца, который выражал в нем негодование по поводу «лодырей и симулянтов». Далее события развивались по сценарию, который стал классическим на долгие времена. Сразу же после публикации письма пресса запестрела статьями, авторы которых гневно осуждали падение дисциплины и клеймили позором прогульщиков (хотя на самом деле количество прогулов в 1938 г. значительно сократилось по сравнению с 1932 — 1933 гг.). 20 декабря было принято решение о введении трудовых книжек, выдававшихся рабочим и служащим и необходимых для предъявления при переходе на другую работу. Эти книжки были сродни тем, что нацисты ввели в 1935 г. в Германии. Постановлением от 8 января 1939 г. любое опоздание на работу более чем на 2 0 минут приравнивалось к неоправданному отсутствию, а повторное опоздание вело к увольнению. 26 июня 1940 г. вышло новое постановление, предусматривавшее значительное увеличение длительности рабочего времени (семидневная рабочая неделя и восьмичасовой рабочий день вместо прежних шестидневной недели и семичасового рабочего дня). По этому постановлению любой случай неоправданного отсутствия на работе подлежал рассмотрению в народном суде, а нарушителя приговаривали к исправительным работам на рабочем месте сроком до шести месяцев, удерживая при этом до 25% заработка. Эти постановления действовали до 1956 г.

Усиление репрессивных мер сопровождалось изменением общественной роли профсоюзов, лишавшихся с этого времени полномочий, которыми они располагали во времена нэпа (активное участие в разработке коллективных договоров). Отныне роль полностью подчиненных государству профсоюзов сводилась к решению вопросов социального обеспечения и к контролю за соблюдением инструкций по увеличению производительности труда и соблюдению трудовой дисциплины. Одновременно расширялись полномочия руководителей предприятий. Они становились полными хозяевами предприятий, но, с другой стороны, их судьба полностью зависела от вышестоящих инстанций, так как они одни несли ответственность за невыполнение плана. А поскольку план, как правило, был заведомо невыполним, они вынуждены были ежедневно прибегать к незаконным действиям и к «преступным поблажкам» по отношению к рабочим, которых не хватало.

Быстрый численный рост рабочего класса (за 10 лет втрое) в результате массового притока в город выходцев из деревни (потомственные рабочие презрительно называли их «деревенщиной») привел к еще большему разрушению и без того слабых внутренних связей внутри него. Происходило также глубокое социальное расслоение рабочего класса, вызванное изменениями в технологическом процессе и в еще большей степени зависимостью заработной платы от результатов, достигнутых в борьбе за подъем производительности труда. Оснащение предприятий новой техникой породило, с одной стороны, спрос на неквалифицированную рабочую силу, а с другой — привело к появлению новых, более узких специализаций внутри традиционных профессий, которые, таким образом, теряли свое значение. Подавляющее большинство рабочих, и без того слабоквалифицированных, не могли освоить новую технику и окончательно теряли квалификацию. К концу 30-х гг. 91% рабочих имели только начальное образование. Чтобы поднять производительность их труда, были увеличены ножницы между максимальным и минимальным уровнем зарплаты. Для этого почти повсеместно начала применяться сдельная оплата труда, получали распространение премии и всякого рода поощрения для тех, кто превышал нормы выработки, — ударников и стахановцев. В 1928 — 1931 гг. происходило интенсивное выдвижение наиболее заслуженных рабочих «от станка» на должности мастеров, техников и даже инженеров (практики), а также направление на учебу в высшие учебные заведения (выдвиженцы).

Огромное расслоение в среде рабочего класса (заработки ударников в 8 — 10 раз превышали заработки чернорабочих) неизбежно вело к увеличению напряженности в

отношениях между рабочими. Среди них отсутствовало взаимопонимание, что не позволяло им предпринимать какие-либо согласованные действия, направленные на изменение сильно ухудшившихся условий жизни. У большей части рабочих, которые не получили повышения или не стали ударниками и стахановцами, поводов для недовольства было более чем достаточно. Недовольство вызывало и увеличение норм выработки и продолжительности рабочего времени, и ухудшение жилищных условий, и уменьшение реальной заработной платы (за десять лет на 40%), и все возрастающее неравенство. На эти беды рабочие реагировали частой сменой рабочих мест и очень низким уровнем трудовой активности. «Текучка», несомненно, представляла одну из форм протеста и заменяла собой запрещенные забастовки.

Такое же положение создалось и в сельском хозяйстве. Колхозники, считая себя одураченными, обираемыми и подневольными, выражали свой протест тем, что уклонялись от коллективного труда. Производство сельскохозяйственной продукции на протяжении 30-х гг. оставалось почти на одном уровне. В это же время часть урожая, отчуждаемая у крестьян в ходе хлебозаготовок, постоянно увеличивалась и составляла к концу десятилетия почти половину урожая. Расчет с колхозниками за поставленное таким образом государству зерно производился по ценам, которые на всем протяжении 30-х гг. (и даже до 1953 г.!) оставались почти неизменными, в то время как цены на промышленные товары выросли в 10 раз. Размер оплаты за работу на колхозных полях определялся количеством трудодней и зависел от размера колхозного дохода. Размер же дохода определялся той долей урожая, которая оставалась в колхозе после расчета с государством и с МТС. Доход, как правило, был весьма незначительным и совершенно недостаточным для обеспечения прожиточного минимума. В 1937 г. в благополучных колхозах норма выплаты достигала 5 ц зерна и приблизительно 100 руб. на взрослого человека в год, а в неблагополучных — только 2 ц зерна без каких-либо денежных выплат. Напомним, что в начале века прожиточный минимум на одного крестьянина составлял 2,5 ц зерна без учета продуктов животноводства.

Чтобы несколько поправить положение, в 1933 г. крестьянам было разрешено иметь небольшие приусадебные участки (площадью не более полугектара) и заниматься разведением мелкого скота. Эта уступка была слишком незначительна, чтобы удовлетворить потребности крестьян, но достаточной для того, чтобы позволить им более или менее обеспечить свои насущные нужды. В 1938 г. приусадебные участки, которые занимали только 3,9% всех посевных площадей, давали 45% всей сельскохозяйственной продукции. Эти участки приносили крестьянским хозяйствам более половины их зернового дохода, почти полностью обеспечивали их продуктами животноводства и овощами, давали от 70 до 85% денежного дохода за счет продажи некоторых «излишков» на колхозном рынке. Эти небольшие приусадебные хозяйства давали более 70% мяса и молока и около 45% шерсти, производимых в стране!

Становится совершенно ясно, почему колхозники уклонялись от коллективного труда. Колхозник чувствовал себя притесняемым вдвойне — и как потерявший всякую хозяйственную независимость производитель, и как гражданин второго сорта, лишенный гражданских прав, подвергаемый дискриминации и «военно-феодальной эксплуатации» (по выражению Бухарина, предугадавшего ее торжество в случае победы сталинской линии еще в 1928 г.). Колхозники вынуждены были выполнять также обязательные государственные трудовые повинности (строительство дорог, вырубка леса и т.д.), а начиная с 193 7 г., после принятия 17 марта закона, запрещающего крестьянам покидать колхозы без подписанного администрацией трудового соглашения с будущим работодателем, они теряли право на передвижение. С юридической точки зрения колхозник, не имевший внутреннего паспорта, был привязан к колхозу так же, как когда-то крепостной к земле своего хозяина. Все ограничения распространялись и на членов семей колхозников, и если, например, дочь крестьянина выходила замуж за горожанина, то уехать к нему она могла не иначе, как получив от администрации колхоза право на отъезд — своеобразную «отпускную грамоту».

Несмотря на эти препятствия, миллионы наиболее предприимчивых и наиболее притесняемых крестьян уходили в город без разрешения. Тем самым они ставили себя вне закона, что делало их положение на рынке рабочей силы весьма уязвимым. Многие из них, постоянно перемещаясь с целью уклонения от «регистрации», в кон-

це концов попадали под арест за бродяжничество или за мелкие правонарушения и кончали лагерями.

Крестьяне, остававшиеся в колхозах, покорно устраивались на клочках приусадебной земли, позволявших им вести более или менее сносное существование, и замыкались в извечной подозрительности русского крестьянина по отношению к внешнему миру, городу, горожанам, к государству с его чиновниками, судьями, милицией.

Сталин и Жданов на XVIII съезде партии заявили, что советское общество после ликвидации в нем капиталистических элементов состоит из трех дружественных классов, не имеющих между собой антагонистических противоречий: рабочего класса, колхозного крестьянства и новой интеллигенции, сформированной из лучших рабочих и детей рабочих, из лучших колхозников и детей колхозников. Таким образом, как бы сама собой исчезала необходимость дискриминации интеллигенции. «Новая народная интеллигенция», поставившая партии около половины ее членов (44% в 1936—1939 гг., 70% в 1939 — 1941 гг.), стала элитарной общественной группой. По данным статистики, к этой общественной группе принадлежало в 1939 г. около 11 млн. человек. Ее элитарность, однако, была относительной. Несмотря на огромный рост числа студентов (170 тыс. в 1928 г. и 810 тыс. в 1940 г.), только около 2 млн. из них имели законченное высшее или среднее специальное образование. Основная масса «народной интеллигенции» была представлена неквалифицированными мелкими служащими и делопроизводителями — низшими чинами государственной бюрократии, представители которой, от колхозного счетовода до сотрудника НКВД, словно щупальца спрута, проникли во все сферы экономической и культурной жизни (в промышленности, например, число «служащих» с 1928 по 1939 г. возросло в восемь раз).

В составе «народной интеллигенции» выделялись две наиболее значительные группы: одна из них была представлена служащими из народнохозяйственного комплекса — техниками, инженерами, специалистами, управленцами, другая — освобожденными партийными работниками. Эти две группы оказались наиболее затронутыми в ходе чисток. Новые выдвиженцы получали, таким образом, еще более широкие возможности для роста. Из 170 тыс. студентов, получивших образование за годы первой пятилетки, 152 тыс. оказались к 19 4 0 г. на высоких ответственных постах. Из 370 тыс. инженерно-технических работников, получивших образование в годы второй пятилетки, руководящие посты в 1940 г. занимали 266 тыс. Обновление партийного руководства также происходило очень быстро на всех его уровнях. Количество освобожденных партийных работников к концу 30-х годов перевалило за 100 тыс. Интенсивное назначение молодых специалистов, чаще всего инженерно-технических работников, на высокие народнохозяйственные и партийные посты было объектом усиленной политической пропаганды, стремящейся продемонстрировать жизнеспособность и силу общества, которое на самом деле задыхалось под страшным грузом беспрецедентных по размаху репрессий. В этой связи символическое значение приобретал опубликованный на первой странице «Правды» перечень назначений для 12520 выпускников вузов в 1937 г. — как раз в то время, когда проходил третий Московский процесс. Более 2 тыс. из них, «лучшие из лучших», почти все инженеры, назначались на высокие посты в министерствах, в системе народнохозяйственных и партийных органов. Этот бурный выход на сцену нового, брежневского поколения оправдывал (если в этом была еще необходимость) сталинские мероприятия по чистке и обновлению общества.

30-е гг. были периодом сильнейших социальных потрясений, спровоцированных и навязанных высшим руководством. Это десятилетие видело несколько волн «классовой войны», которые заканчивались, как правило, отторжением от общественного организма миллионов людей. Формы этого отторжения были самые разнообразные: от лишения гражданских прав, потери рабочего места, отстранения от должности до ссылки, тюрьмы, лагерей или «высшей меры социальной защиты» — смертной казни. Можно выделить три наиболее значительных волны этой «классовой войны».

Первая была связана с проведением коллективизации и ускоренной индустриализации. Она затронула в первую очередь кулаков, «ликвидированных как класс», а также значительное число середняков, отказывавшихся вступать в колхозы. Она в основном пришлась на 1928 — 1931 гг. По разным оценкам, в это время было высла-

но из мест проживания от 25 0 тыс. до 1 млн. семей, а их имущество конфисковано. Официальный срок ссылки чаще всего определялся пятью годами, но в действительности длился гораздо больше, поскольку ссыльные после отбытия наказания практически не могли получить разрешения вернуться в свое село. Огромное число раскулаченных крестьян отбывало наказание на гигантских ударных стройках, где в качестве рабочей силы использовались и заключенные (Беломорско-Балтийский канал, на строительстве которого трудилось около 200 тыс. заключенных, канал им. Москвы, железная дорога Караганда — Балхаш, химический комбинат в Березняках, Куйбышевская ГЭС, новые города: Комсомольск-на-Амуре, Магадан, Норильск, Воркута и др.). Другие использовались в качестве рабочей силы там, где одновременно применялся свободный труд. В Магнитогорске, например, от 30 до 40% рабочих являлись приговоренными к переселению кулаками.

Но кулаки — не единственная жертва «антикапиталистической революции» начала 30-х гг. Сильным гонениям подверглось духовенство, прежде всего сельские священники (90% церквей было закрыто в 1929 — 1932 гг.), которые были признаны эксплуататорскими элементами и приговорены к высылке. Все те, кто в годы нэпа был занят в частном секторе, — мелкие торговцы, ремесленники, представители свободных профессий — или те, кого относили к классу «имущих» при старой власти, признавались «чуждыми, деклассированными, праздными элементами» и, как минимум, лишенными гражданских прав (в 1932 г. «лишенцы» составили 3,5% общего числа избирателей, т.е. около 3 млн. человек). Лишение прав сопровождалось обычно другими дискриминационными мерами (потеря права на жилплощадь, медицинское обслуживание, продовольственные карточки). Полмиллиона мелких торговцев были признаны капиталистическими предпринимателями, несмотря на то что 98% из них не имели ни одного наемного рабочего. Их имущество также конфисковалось. Большая часть этих «нежелательных элементов» была выселена из городов и отправлена в ссылку как раз накануне введения внутренних паспортов и системы прописки (конец 1932 г.). Одной из сторон этой «классовой войны» было наступление на «буржуазную интеллигенцию», развернутое сразу после Шахтинского дела. Тысячи специалистов были уволены с работы и после суда над ними (а часто и без суда) отправлены в лагеря, где начали появляться так называемые шараги — специальные лагерные заведения, где ученые могли продолжать научные исследования.

Вторая волна особенно сильно затронула простых тружеников, рабочих и крестьян, которые не желали подчиняться суровым требованиям дисциплины в колхозах и на заводах. В промышленности она началась сразу же после того, как были ослаблены репрессии по отношению к специалистам. Кульминационный момент этой волны на заводах и стройках пришелся на 1939 — 1940 гг., когда правовые отношения на производстве стали регламентироваться чуть ли не уголовным законодательством. В деревне наиболее суровые времена пришлись на 1932 — 193 3 гг., когда подверглись арестам десятки и даже сотни тысяч крестьян, обвиненных в разбазаривании народного богатства.

Третья волна прошлась по народнохозяйственным, партийным, государственным, военным и научно-техническим кадрам и, в более широком смысле, по остаткам старой творческой интеллигенции. Дела этих новых «врагов» должны были рассматриваться в принципе на заседаниях отделений военной коллегии Верховного суда. Но большей части обвиняемых приговор выносили административные структуры — особые отделы НКВД. Обвинение выносилось по одному из многочисленных пунктов 58-й статьи Уголовного кодекса, где была представлена целая подборка контрреволюционных преступлений. Приговор обрекал осужденных на пять, десять, двадцать пять лет лагерного заключения, каждому десятому из арестованных в 1936 — 1938 гг. выносился смертный приговор.

В 1949 г. в Париже вышло исследование Д.Даллина и Б.Николаевского «Исправительные работы в Советской России», где первые была предпринята попытка подсчета количества заключенных в лагерях в конце 30-х гг. С тех пор изданы десятки исторических или литературных трудов (самый известный из них — роман А.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»), в которых приводятся новые цифры. Отсутствие каких-либо достоверных статистических данных по уголовным делам, закрытый до сих пор доступ к архивам партии и НКВД вынуждают специалистов пользоваться свидетельствами бывших заключенных и бывших сотрудников НКВД, бе-

жавших на Запад. Используются также редкие доступные статистические источники (перепись 1939 г.), в которых есть данные о профессиональной занятости населения, о числе лиц, лишенных гражданских прав. Принимается во внимание и число вступивших в партию. Сопоставляя все эти данные, можно прийти к выводу, что цифры свидетельствуют о перерывах в росте населения. Если бы прирост населения постоянно происходил такими же темпами, что и в 20-е годы, то к 1939 г. население Советского Союза было бы на 10 млн. человек больше. Объяснения этого факта только одним снижением рождаемости явно недостаточно. Причина, очевидно, кроется в повышенной смертности, вызванной голодом 1932 г., и помещением большого количества людей в лагеря. Об этом же свидетельствуют и «лакуны» в данных, определяющих количество активного населения (у разных исследователей они колеблются от 3 до 7 млн. человек).

В конечном счете после сорока лет дискуссий количество заключенных в Советском Союзе в конце 30-х гг. по-прежнему определяется цифрами от 35 млн. человек (Н.Тимашев, Н.Ясный, А.Бергсон, С.Виткрофт) до 9 — 10 млн. человек (Д.Даллин, Р.Конквест, Н.Авторханов,,С.Розфилд, А.Солженицын). Некоторые исследователи (Байков, Лоример, Изон) считают, что информация, доступная на сегодняшний день, лишает любые цифровые подсчеты всякого смысла.

3. Демонизм, «социалистическая законность», национализм и возврат к нравственным устоям

Массовые репрессии — настоящая охота на «врагов народа», — приведшие даже к отторжению миллионов людей от общественного организма, осуществлялись параллельно с утверждением социалистической законности. В самый разгар террора и произвола идея законности оказалась спасительной для простого народа, поскольку помогала ему идентифицировать себя с системой и была удобной для власти, обеспечивая регулярное отправление функций государства. В народном сознании идея законности в некотором смысле дополняла традиционно присутствующую в нем идею «нечистой силы»: беды и неудачи объяснялись кознями врага, предательством. В этом смысле широкие публичные процессы по выявлению врагов, со своими героями (партийные и государственные руководители) и своими демонами (предатели, саботажники, шпионы), являли собой настоящие ритуалы по изгнанию «нечистой силы» и поэтому с большой легкостью усваивались сознанием простого народа, сбитого с толку и лишенного своих корней, теряющего почву под ногами в жестоком и беспрестанно меняющемся мире. Истоки идеи демонизма, «нечистой силы» уходили корнями в целый комплекс религиозных и мифологических верований предков. Эта «деревенская демонология» основывалась на подлинно манихейском .видении мира, по-прежнему составлявшем сердцевину мировоззрения простых людей, которых внезапно оторвали от вековых культурных устоев. Но, как справедливо отметил Моше Левин, идея демонизма, живущая глубоко в подсознании народа, ловко использовалась полуграмотной бюрократической верхушкой в своих целях. Очертания заговора ясно вырисовывались в точке пересечения политических устремлений руководства и культурно-психологических особенностей народа, пребывающего в состоянии тяжелого кризиса нравственных ценностей.

Одновременно и народные массы, и партийно-государственные кадры — все ощущали растущую необходимость в социальной защите, которая могла быть обеспечена только тщательно разработанной системой правопорядка, основанной на законности и конституционности, сколь бы формальный характер они ни носили. Торжество «социалистической законности» подтвердил VIII съезд Советов, приняв 5 декабря 1936 г. новую конституцию — «самую демократичную в мире» (по выражению Сталина). Новый основной закон страны знаменовал собой победу социализма — «начальной стадии коммунизма». Более пяти месяцев на бесконечных собраниях проходило всенародное обсуждение проекта новой конституции, в котором, но данным официальной статистики, приняло участие 55 млн. человек. По сравнению с конституцией 1924 г. изменялась избирательная система, структура центральных представительных органов, административно-территориальное деление страны. Вместо неполного избирательного права, осуществлявшегося непрямым голосованием, вводились всеобщее избирательное право и прямое тайное голосование. Ограничения

и неравенство в избирательных правах ликвидировались. Но повсеместно распространенная практика выдвижения единственного кандидата в депутаты, подобранного партийными органами, сводила все нововведения на нет. Формальный характер носили и преобразования в центральных представительных органах. Съезд Советов и Центральный исполнительный комитет заменил Верховный Совет СССР, состоящий из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей, избираемый всем населением каждые четыре года. Число входящих в состав Советского Союза республик увеличилось с семи до одиннадцати: две автономные республики — Казахстан и Киргизия — получили статус союзных, а вместо Закавказской республики были созданы три новые союзные республики — Армянская, Грузинская и Азербайджанская. Очень неожиданными и даже мистифицирующими оказались те статьи новой конституции, в которых шла речь о правах личности и гражданских свободах. В самый разгар творимого в стране беззакония эти статьи торжественно объявляли о введении принципа открытости всех судебных процессов, подтверждали право обвиняемых на защиту, провозглашали свободу печати и собраний, неприкосновенность личности, жилища и переписки.

Конституция закрепляла существование Советского государства уже не как переходной и открытой политической формы, а как некоторой данности, некоего целого, занимающего место в пространстве и времени. В этих изменениях угадывалось стремление реабилитировать идею государства, что в принципе противоречило марксистскому тезису о его отмирании. В 1936 г. этот тезис, ошибочно приписываемый теоретику государства и права Пашуканису и классический характер которого отныне отрицался, был охарактеризован Вышинским как «троцкистский и контрреволюционный». В марте 1939 г. Сталин разъяснил на XVIII съезде партии, что в условиях социализма, победившего в одной, отдельно взятой стране, находящейся под угрозой военного нападения извне, необходимо иметь достаточно сильное государство для защиты его завоеваний.

Такое сильное государство все больше ассоциировалось с государством русским. Все более настойчиво внедрялась в общественное сознание идея тождества марксизма-ленинизма и патриотизма. В 1934 — 1935 гг. была развернута широкая кампания по пересмотру истории, цель которой состояла в узаконивании преемственности сталинского и ленинского учений, а также в переоценке русского прошлого и истории отношений разных народов, входящих в состав Советского Союза. Мощь и огромное значение прежнего русского государства отныне представлялись как позитивные факторы русской и мировой истории в ее движении к революции. Кино и официальная пропаганда воспевали «подлинных героев», объективно способствовавших развитию страны, — Александра Невского (прославленного в 1939 г. фильмом С.Эйзенштейна), Дмитрия Донского, Петра Великого, А.Суворова, М.Кутузова (125-я годовщина Бородинского сражения была торжественно отпразднована в 1937 г.). Отметим, что до начала 30-х гг. официально признавалось, что Российская империя являлась «тюрьмой народов», а марксистская историческая школа М.Покровского осуждала колониальную политику Российского государства. Но в 1937 г. появился «Краткий курс истории СССР», который совершенно по-иному освещал историю отношений России с нерусскими народами. Колонизация не представлялась уже «абсолютным злом», а считалась «относительным благом» благодаря цивилизаторской роли русского государства. Советское государство, объединившее все народы в «добровольной» федерации, рассматривалось как преемник этой великой миссии.

Возрождение русского национализма являлось фактором, ведущим к консолидации значительной части русского общественного мнения. Но это был не единственный элемент в возрождаемой системе традиционных нравственных устоев, оказавшихся спасительными для общества, охваченного социальными бурями, сбитого с толку и крайне возбужденного. Вопреки революционным идеалам всеобщего равенства, вопреки культивировавшемуся ранее духу жертвенности во имя полного всеобщего освобождения приобретала значение и начинала все больше цениться идея личного преуспевания, которая легла в основу новой иерархии должностей и привилегий и способствовала созданию новой элиты. Эта элита, свободная от всяких комплексов, примиряла наконец стремление к материальному благосостоянию и социа-

листические добродетели. Она, по справедливому замечанию В.Дунхам, усвоила все стереотипы мышления и образ жизни мелких буржуа.

Одним из наиболее важных моментов возрождения прежних нравственных устоев была социальная реабилитация семьи. Теоретик семьи В.Вольфсон заявил в 1936 г., что она не исчезает при социализме, а укрепляется. Вскоре — одновременно с осуждением «левацкой фразеологии», которая, по мнению властей, способствовала сильному увеличению числа абортов (в Москве три аборта на одно рождение в 1934 г.), разводов (48 разводов на 100 браков в 1935 г.), росту детской преступности (особенно в тех семьях, где скрывающийся отец уклонялся от какого-либо участия в воспитании детей), — был принят ряд мер, направленных на укрепление семьи. Постановление от 27 июня 1936 г. запрещало аборты и их пропаганду, увеличивало пособия матерям и усложнило развод (обязательное присутствие обоих супругов, записи в паспорте, строгий контроль за выплатой алиментов). Впредь семья рассматривалась как ячейка советского общества. Такие взгляды получили еще большее развитие в связи с войной.

Глава VII. Внешняя политика Советского государства (1921—1941)

I. НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Начиная с 1920 г. великие мировые державы отказались от планов свержения советского режима. Постепенно была снята экономическая блокада, а закрепление рядом соглашений новых государственных границ — возможно, и не рассматривавшихся сторонами как окончательные — означало необходимую Советской России передышку. По окончании гражданской войны и иностранной интервенции, после перехода к нэпу идея мировой революции для многих большевистских руководителей отошла на второй план. III конгресс Коминтерна (июнь—июль 1921 г.). предсказав новое глобальное обострение межимпериалистических противоречий, которые в «ближайшем будущем создадут благоприятные условия для революционного взрыва», тем не менее признал спад революционного движения в Европе. В ожидании нового подъема Ленин поставил во главу угла задачу мирного строительства Советского государства.

В 20-е гг. Советская страна нормализовала свои международные отношения, постепенно входя в мировое сообщество. Существенно, что этот процесс происходил на условиях Советского государства, которое, с одной стороны, отказалось платить долги царского правительства, но не отказалось от роли мирового центра революционного движения — с другой. Вытекавшая из этого двойственность советской внешней политики означала настоящий переворот в нормах и правилах международных отношений.

Как следовало оценивать внешнюю политику страны, установившей дипломатические и торговые отношения с другими государствами и в то же самое время контролировавшей через Коминтерн деятельность национальных компартий, провозгласивших своей конечной целью дестабилизацию и ниспровержение существующих правительств, с которыми Советское государство поддерживало «нормальные» отношения? Конечно, советская дипломатия отрицала эту вторую сторону своей политики, утверждая, что Коминтерн представляет собой международную организацию «частного характера», деятельность которой никоим образом не зависит от советского правительства, однако эта двойственность существовала и ставила советское правительство перед лицом неразрешимой дилеммы. С одной стороны, Советская страна более, чем любая другая великая держава, нуждалась в международном мире и стабильности, необходимых для восстановления разрушенной семью годами войны и революций экономики и стабилизации своей политической системы. Но в то же время любая стабилизация на международной арене уменьшала шансы мировой революции на успех и отнимала у Советского государства возможность играть на межимпериалистических противоречиях. На протяжении 20-х гг. такие выдающиеся боль-

шевистские теоретики, как Троцкий и Бухарин, постоянно обсуждали возможность коллизий между Францией и Великобританией и даже Великобританией и США на почве их стремления к мировому господству. Такие конфликты, по их мнению, были бы только на благо Советскому государству и международному коммунистическому движению. В конце 20-х гг. Сталин дал развернутое определение целей и содержания советской внешней политики, исходя из неизбежности в будущем глубокого кризиса капитализма, который привел бы к обострению «межимпериалистических противоречий» и возникновению революционной ситуации.

Дуализм внешней политики Советского государства, обусловленный существованием в ней двух приоритетов — государственных интересов страны и интересов мирового революционного движения при том, что одни и другие интересы могли не совпадать, — привел после смерти Ленина к острой дискуссии между Сталиным, сторонником теории «построения социализма в одной стране», и теоретиком всемирной «перманентной революции» Троцким. Надо сказать, что позиции этих лидеров были куда более сложными и утонченными, чем их обычно изображают. Первоначально незначительные расхождения во взглядах на соотношение интересов Советского государства как такового и интересов различных коммунистических течений за границей усиливались по мере того, как все более ожесточенной становилась политическая борьба этих лидеров между собой, чтобы в конечном счете предстать антагонистическими и взаимоисключающими концепциями. В то же время блестяще организованная кампания по дезинформации позволила Сталину убедить большинство членов партии в том, что Троцкий не верит в возможность построения социализма в одной стране.

В действительности же Троцкий (особенно если судить по его докладу в марте 1926 г., посвященному политике, которую следовало проводить в Китае), ратовал за проведение очень осмотрительной внешней политики, преследующей прежде всего государственные интересы СССР, — пусть даже в ущерб революционным силам, в данном случае в Китае.

На фоне этой дилеммы — интересы Советского государства или интересы международного коммунистического движения — каждое поражение, каждая упущенная возможность (неудачное выступление немецких рабочих в 1923 г., поддержка Чан Кай-ши в 1926 — 1927 гг., повлекшая за собой разгром коммунистов в Шанхае в апреле 1927 г.) приводила к политическим конфликтам и взаимным обвинениям в предательстве идеалов интернационализма, либо, наоборот, в авантюризме и принесении высших государственных интересов страны в жертву фетишам Революции.

После разгрома «левой», а затем и «правой» оппозиции Сталин разрешил эту дилемму, подчинив интересы национальных компартий и международного коммунистического движения интересам Советского государства. С трибуны VI конгресса Коминтерна (июль — сентябрь 1928 г.) он заявил, что только тот является истинным революционером, кто готов безоговорочно, открыто, безусловно защищать Советский Союз. В 1929 — 1930 гг. Коминтерн, где ведущие позиции занимали политические деятели с идеями, зачастую отличными от сталинских (Бухарин, Зиновьев, Радек, Сокольников), надежно взяли в свои руки такие убежденные сталинисты, как Мануильский и Молотов. Чистка Коминтерна, с особой жестокостью проходившая во второй половине 30-х гг., сопровождалась утверждением все более откровенной великодержавной идеологии, окончательно занявшей место провозглашавшихся прежде интернационализма и стремления «раздуть пожар» мировой революции.

Столь же радикально в 1929 — 1930 гг. был обновлен аппарат Наркомата иностранных дел. Г.Чичерин был заменен на посту наркома М.Литвиновым, который руководил советской дипломатией до мая 193 9 г. Вместе с Чичериным НКИД покинули многие дипломаты, часто бывшие близки к Троцкому (такие, как А.Иоффе, Л.Карахан); другим, назначенным после их политического поражения послами, предстояло затем фигурировать среди обвиняемых на московских процессах.

1929 — 1930 гг., когда был сделан выбор между интересами Советского государства и международного коммунистического движения, ознаменовали первый поворот в советской внешней политике после 1921 г. Второй произошел в _конце 1933 г., когда советское руководство, наконец осознавшее фашистскую опасность, решилось начать пересмотр одного из постулатов своей внешней политики, согласно которому всякое усиление международной напряженности, всякое обострение «ме-

жимпериалистических противоречий» в конечном счете было выгодно СССР. В течение шести лет Советское государство делало ставку на нейтралитет в международных отношениях и идею «коллективной безопасности». После провала этой политики, в условиях роста международной напряженности и милитаризации фашистских государств, советская дипломатия, отказавшись от всех принципов, за исключением все более последовательного национализма, созрела для третьего поворота: альянса с нацистской Германией, воплощенного в советско-германском пакте от 23 августа 1939 г.

II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ НЭПА (1921 — 1928)

1. Германия как главный партнер в Европе

До 1934 г. Рапалльский договор, заключенный Советским государством с Германией 16 апреля 1922 г., оставался важнейшим из международных соглашении, подписанных советским руководством. На протяжении десятилетия отношения с Германией являлись стержнем советской дипломатической деятельности в Европе. Первые военные и торговые контакты между двумя странами были установлены еще в апреле 1921 г. Советское государство рассчитывало с помощью германских капиталов и технологий провести реконструкцию своего народного хозяйства. Представители немецких военных кругов во главе с генералом фон Сектом надеялись разместить в Советской стране секретные военно-учебные центры, запрещенные в Германии Версальским договором; со своей стороны они были готовы сотрудничать в подготовке кадров для Красной Армии.

Переговоры по этим вопросам начались в тот момент, когда СССР безуспешно (за исключением подписанного им в марте 1921 г. торгового соглашения с Великобританией) пытался нормализовать свои экономические и дипломатические отношения с ведущими европейскими странами. Главным препятствием для восстановления этих отношений являлась проблема выплаты долгов царского правительства. Советское правительство заявляло о принципиальном согласии их уплатить в том случае, если государства-кредиторы окажут ему экономическую помощь путем предоставления на выгодных условиях кредитов и займов и развития с ним торговых отношений, а также объявят о его официальном признании. 28 октября 1921 г. советское правительство направило великим державам ноту с предложением созвать международную конференцию для обсуждения этих вопросов и решить вопрос о юридическом признании Советского государства. Это предложение было принято, и конференция, собравшая представителей около тридцати государств и посвященная вопросам экономического возрождения Центральной и Восточной Европы, состоялась.

Однако с первых же дней переговоры зашли в тупик. Пуанкаре (который к тому времени сменил Бриана, давшего согласие на проведение конференции) находил неприемлемыми советские предложения относительно выплаты долгов, поскольку сумма, затребованная Чичериным в качестве возмещения ущерба, причиненного Советской России иностранной интервенцией во время гражданской войны, превышала царские долги. Именно в этих условиях советские представители, прибывшие в Геную в надежде разорвать дипломатическую, экономическую и торговую блокаду страны, и германские, стремившиеся уменьшить размеры репараций, подписали 16 апреля 1922 г. Рапалльский договор. Этим соглашением обе стороны предавали забвению вопросы о долгах, о возмещении ущерба и национализированном имуществе, предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования в торговле и возобновляли дипломатические и консульские отношения. Подписав этот договор, Советская Россия и Германия, исключенные из мирового сообщества и притесняемые им, одновременно выходили из дипломатической изоляции; обе стороны отвергали Версальский договор, навязанный «империалистическими бандитами» с целью «колонизации Германии» (термины, употреблявшиеся в Коминтерне). В результате подписания договора рейхсвер получал возможность разместить в Советской стране свои центры военной и учебной подготовки, получать или производить там при уча-

стии своих специалистов оружие, которое Германии запрещалось иметь по условиям Версальского договора. Это сотрудничество Советского государства с правыми милитаристскими силами Германии должно было продолжаться до 1932 г.

Несмотря на такое многообещающее начало, советско-германские отношения испытали в 20-е гг. несколько напряженных периодов. Их причиной были, с одной стороны, очень тесные связи Германской компартии с Коминтерном, а с другой — постоянные опасения советской стороны, что даже незначительное улучшение германо-французских отношений приведет к созданию антисоветского фронта капиталистических государств. Так, в августе 1923 г. во время формирования правительства Штреземанна, которое должно было преодолеть кризис, вызванный франко-бельгийской оккупацией в начале этого года Рурской области, Коминтерн (в котором германскими вопросами специально занимался К.Радек) призвал немецких коммунистов выступить против правительства социал-демократов. Коммунисты, в рядах которых не было ни единства, ни решительности, ни уверенности в том, что Советский Союз действительно поможет, смогли лишь поднять восстание в Гамбурге, которое было подавлено в течение двух дней.

Это поражение вызвало острые внутренние разногласия в руководстве РКП(б): Сталин не упустил возможность подвергнуть критике «троцкистских авантюристов», Троцкий же в свою очередь обвинил руководство партии в предательстве интересов германского рабочего класса. Принятие в августе 1924 г. Германией плана Дауэса было расценено Коминтерном как шаг к превращению Германии и даже всей Западной Европы в «американскую колонию» и вызвало глубокое беспокойство советской дипломатии, еще более усилившееся после подписания Локарнских соглашений. Эти соглашения имели важное значение для политической стабилизации в Европе, поскольку безоговорочно признавали Германию, допущенную в Лигу Наций, великой державой. Тем самым они вызывали у Советского Союза очень большие опасения относительно воссоздания единого фронта капиталистических государств. В этих условиях советская сторона потребовала у Штреземанна доказательств приверженности Германии соглашениям, подписанным в Рапалло. Германия, желая сохранить советскую карту на тот случай, если понадобится оказать давление на Великобританию или Францию, 12 октября 1925 г., не дожидаясь окончания переговоров в Локарно, заключила новое торговое соглашение с Советским Союзом. За этим соглашением последовало подписание 24 апреля 1926 г. в Берлине договора о дружбе и взаимном нейтралитете, который на пять лет продлевал действие Рапалльского договора. Когда в сентябре 1926 г. Германия была принята в Лигу Наций, Штреземанн заявил, что она осудит любую агрессию против Советского Союза. В случае же, если против СССР будут применены «санкции», которые Германия признает необоснованными, она обязуется не допустить пропуска через свою территорию войск, направляемых для осуществления этих санкций. В последующие годы продолжала расширяться советско-германская торговля; в 1927—1928 гг. на Германию приходилось 30% внешнеторгового оборота СССР.

2. Сложности в советско-британских и советско-французских отношениях

При постоянно крепнущих связях СССР с Германией отношения Советского государства с другими великими державами Европы, напротив, на всем протяжении 20-х гг. оставались крайне напряженными, несмотря на то что многие европейские страны под впечатлением экономических успехов Советского государства в годы нэпа, а также того обстоятельства, что болезнь, а затем смерть Ленина не привели к развалу советской власти, в течение 1924 г. признали СССР де-юре. Признание Советского государства было одним из первых шагов и пришедшего к власти лейбористского правительства Великобритании во главе с Р.Макдональдом. После этого были начаты переговоры с целью урегулирования разногласий по поводу долгов царского правительства, в результате которых 8 августа 1924 г. был подписан новый торговый договор. Это соглашение, однако, не было ратифицировано, так как в конце 1924 г. к власти снова пришли консерваторы. В успехе на выборах известную роль сыграла антисоветская направленность их предвыборной кампании, тем более что «красная угроза» приобрела в глазах британского общественного мнения вполне реальный смысл благодаря так называемому «Письму Зиновьева», якобы направленно-

му 15 сентября 1924 г. Коминтерном английским коммунистам и призывавшему их готовить восстание в армии. Лишь гораздо позднее стало известно, что «Письмо» было фальшивкой, сфабрикованной русскими эмигрантами в Берлине. Однако цель была достигнута: победившие на выборах консерваторы отказались ратифицировать торговое соглашение.

В 1926 — 1927 гг. советско-британские отношения продолжали ухудшаться. В ответ на значительную денежную помощь советских профсоюзов во время всеобщей забастовки 1926 г. в Англии британское правительство обвинило советскую сторону во вмешательстве во внутренние дела Соединенного Королевства (февраль 1927 г.). В мае 1927 г. лондонская полиция произвела обыск в помещении советского торгового представительства и фирмы «Аркос Лтд», заподозренной в шпионаже в пользу СССР. Изъятые при обыске документы не содержали ничего сенсационного, но, несмотря на это, были использованы британским правительством в качестве основания для расторжения всех торговых соглашений. Разорванные одновременно с этим дипломатические отношения с СССР были восстановлены только в октябре 1929 г.

Дипломатические отношения с Францией были установлены после победы на выборах в мае 1924 г. «блока левых сил» и формирования правительства Эррио. 28 октября 1924 г. было заявлено об официальном признании СССР, поскольку «советская власть была признана народом». Тем не менее в течение ряда последующих лет советско-французские отношения оставались напряженными. Продолжавшиеся на протяжении 1925 — 1927 гг. споры вокруг долгов так и не привели к подписанию какого-либо соглашения по этому вопросу. Еще одной причиной трений была политика Франции в Восточной Европе. Особенно энергично СССР протестовал против соглашений, заключенных между Францией, Польшей и Румынией, которые рассматривались Советским Союзом как направленные прежде всего против его интересов. И действительно, франко-румынский и итало-румынский договоры 1926 г. представляли собой дополнительные препятствия для СССР в его стремлении вернуть себе Бессарабию — основной предмет советско-румынских разногласий.

Однако, несмотря на все трения, советское руководство продолжало политику интеграции СССР в международное сообщество. Завершая подготовку к радикальному изменению внутриполитического курса, Сталин и его окружение были заинтересованы в снижении международной напряженности, продолжая при этом в соответствии со своими целями нагнетать в стране тревогу по поводу угрозы со стороны «капиталистического окружения».

Несмотря на то что СССР не являлся членом Лиги Наций, начиная с 1926 г. он участвовал в работе подготовительной группы Комиссии по разоружению. В 1927 г. Литвинов представил туда план всеобъемлющей ликвидации вооруженных сил и военного производства (не получивший одобрения), а затем программу частичного и постепенного разоружения (1928 — 1929 гг.). В августе 1928 г. Советский Союз выразил готовность присоединиться к пакту Бриана — Келлога, смысл которого состоял во всеобщем отказе от войны.

3. Китай как главный партнер в Азии

Если в Европе главным партнером СССР, стремившегося не допустить образования единого антисоветского фронта капиталистических государств, выступала Германия, то на Востоке основным объектом советских внешнеполитических усилий был Китай — страна, которая в достаточно близком будущем легко могла бы оказаться в социалистическом лагере. Для этого необходимо было, чтобы пролетариат, объединившись с «революционными элементами буржуазии», сумел поднять нищий и униженный народ этой страны против господства политиканствующих генералов, продажных дельцов и иностранных империалистов и привести к власти коалиционное переходное правительство. Однако любую политику было крайне сложно проводить в Китае, ввергнутом в пучину анархии, лишенном настоящего правительства, раздираемом гражданской войной и находившемся под постоянной угрозой со стороны своего могущественного соседа — Японии. Любые планы должны были исходить из существования в Китае не одной власти, а четырех, находившихся в состоянии беспощадной войны между собой: официального правительства в Пекине; националистического движения, возглавлявшегося Сунь Ятсеном, а после его смерти в

марте 1925 г. его двоюродным братом генералом Чан Кайши; Гоминьдана; и Коммунистической партии Китая, основанной в 1921 г. Первоначально советская политика по отношению к Китаю, осуществляемая по традиционным дипломатическим каналам и одновременно через Коминтерн, была довольно успешной. Однако в 1927 — 1928 гг. она потерпела ощутимое поражение, вызвавшее в большевистской партии наиболее острые разногласия по поводу советской внешней политики со времен Брестского мира.

До конца 1921 г. главная задача советской дипломатии на Дальнем Востоке состояла в возвращении той части территории Сибири, которая была частично оккупирована Японией. Успешным броском Красная Армия в 1921 г. заняла Внешнюю Монголию, вызвав решительный протест китайского правительства в Пекине. После состоявшегося 21 — 31 января 1922 г. в Москве Съезда трудящихся Дальнего Востока (бледного подобия Бакинского съезда 1920 г.), в котором участвовало около 100 делегатов коммунистических партий или «национально-революционных» движений Китая, Кореи, Японии, Индии, Монголии и Индонезии, советское правительство в августе 1922 г. направило на Дальний Восток свою первую крупную дипломатическую миссию во главе с А.Иоффе. Эта миссия должна была решить с пекинским правительством вопрос о Внешней Монголии, одновременно оказать поддержку гоминьдановскому движению, центр которого находился в Кантоне, в его борьбе против Пекина и установить дипломатические отношения с Японией. После провала переговоров с правительством в Пекине Иоффе направился в Южный Китай, где подписал с главой Гоминьдана Сунь Ятсеном соглашение, предусматривавшее создание независимого, ориентированного на СССР и руководимого Гоминьданом Китая. Иоффе заверил своего собеседника, что Советская Россия никоим образом не имеет намерений экспортировать коммунизм в Китай. Со своей стороны Сунь Ят-сен дал согласие на вхождение китайских коммунистов в Гоминьдан в индивидуальном порядке. Советское государство также обязалось оказывать финансовую и военную помощь Гоминьдану в его борьбе за власть в Китае. С этой целью в Кантон была направлена миссия советских советников, в том числе генерал В.Блюхер и представитель Коминтерна М.Бородин, который на протяжении нескольких лет играл ключевую роль в сложных отношениях между КПК и Гоминьданом. В задачи миссии входили реорганизация гоминьдановских вооруженных формирований и наблюдение за вхождением компартии в состав Гоминьдана в соответствии с решением IV конгресса Коминтерна о поддержке «политики народного фронта, объединяющего членов КПК и представителей революционно настроенной буржуазии в борьбе против азиатских и европейских империалистов». В то же самое время другой советский посланник, Л.Карахан, вел в Пекине переговоры с правительством Китайской республики о заключении договора о взаимном признании, который и был подписан 31 мая 1924 г. Условия этого договора были очень выгодны Советскому государству, сохранившему контроль над КВЖД и Внешней Монголией.

В 1923 — 1925 гг. под неослабным руководством М. Бородина произошло заметное усиление влияния коммунистов внутри Гоминьдана. Подавление британскими войсками студенческих выступлений в Шанхае в мае 1925 г. привело к усилению антиимпериалистической направленности движения, постепенно выраставшего в хорошо организованную массовую политическую партию, которой все лучше удавалось использовать в своих целях многочисленные проявления социального недовольства и национальных неурядиц. После смерти Сунь Ятсена во главе Гоминьдана прочно стал генерал Чан Кайши, который получил военное образование в Москве и потому пользовался большой поддержкой Бородина. В начале 1926 г. руководство КПК, о росте влияния которой свидетельствовали все более значительные рабочие волнения и забастовки в больших городах, обратилось в Коминтерн за разрешением восстановить свою самостоятельность по отношению к Гоминьдану. Советский Союз ответил отказом и, напротив, предложил присоединить к Коминтерну и Гоминьдан в качестве «сочувствующей партии». В то время (февраль — март 1926 г.) и Троцкий, и Сталин стремились затормозить развитие событий в Китае, так как после подписания Локарнских соглашений все их внимание было направлено на то, чтобы не допустить образования единого фронта капиталистических государств против СССР.

Троцкий, которому Политбюро поручило совместно с Чичериным и Ворошиловым представить анализ чрезвычайно сложной ситуации, складывавшейся в совет-

ско-китайских отношениях, в докладе 26 марта 192 6 г. настаивал на необходимости для Советского Союза проводить в Китае очень осторожную политику, даже если она будет задерживать развитие революционного движения в стране. Любое необдуманное выступление Гоминьдана или КПК против иностранных интересов в Китае или против Японии грозило обернуться, по мнению докладчика, созданием антисоветского фронта всех империалистических государств. В этих условиях СССР должен был «поддерживать лояльные отношения со всеми существующими в Китае правительствами». В момент, когда Политбюро обсуждало доклад Троцкого, политическая ситуация в Китае резко изменилась. 20 марта Чан Кайши предпринял меры по усилению своей личной власти в Гоминьдане. Он приказал арестовать большое число коммунистов и предписал резко сократить их количество во всех органах Гоминьдана. После этого Чан Кайши предпринял решительное наступление на север. Успех наступления был значительно облегчен благодаря содействию китайских коммунистов, которым Москва приказала не только оставаться в составе Гоминьдана, но и помогать Чан Кайши всеми возможными средствами. (Например, гася, в случае необходимости, рабочие и крестьянские волнения.)

В то же время Бородин пытался использовать для достижения своих целей «внутренние противоречия» в Гоминьдане. В октябре 1926 г., когда националистические гоминьдановские войска заняли Ухань, Бородин инспирировал «откол» от Гоминьдана нескольких его деятелей, образовавших свое правительство, так называемый «левый Гоминьдан», в которое вошли и два министра-коммуниста. По мере того как «политические игры» в Китае принимали все более запутанный характер, отношения Советского Союза с Чан Кайши быстро ухудшались. Гоминьдановское руководство было полно решимости разгромить китайских коммунистов и избавиться от московских «советников». Ситуация усугублялась тем, что, выступая 5 апреля 1927 г. перед московскими коммунистами, Сталин имел неосторожность раскрыть планы советского руководства по отношению к «правому» Гоминьдану, согласно которым представителей последнего следовало использовать, а затем избавиться от них.

Чан Кайши решил предупредить события и уже через несколько дней (12 апреля) отдал приказ арестовать и казнить тысячи коммунистов в Шанхае. 14 апреля Коминтерн выступил с развернутым протестом, обвинив империалистические круги в разрушении единства Гоминьдана и подкупе Чан Кайши, предавшего революцию и китайский народ. Советское руководство тем не менее по-прежнему делало ставку на «левый Гоминьдан», в ряды которого должны были проникать китайские коммунисты. С критикой этой политики выступила левая оппозиция во главе с Троцким, полагавшим, что в Китае наступил подходящий момент для создания Советов. На протяжении нескольких месяцев, вплоть до созыва в декабре 1927 г. XV съезда партии, «китайский вопрос» продолжал оставаться в центре политических дебатов в СССР, в которых «шанхайский расстрел», спровоцированный безответственным заявлением Сталина, стал одним из «ударных» аргументов левой оппозиции.

В конце 1927 г. «левый Гоминьдан» распался. В декабре коммунисты подняли восстание в Кантоне, за подавлением которого последовал разрыв дипломатических отношений между СССР и Китаем. Поражение китайских коммунистов совпало по времени с разгромом троцкистской оппозиции на XV съезде партии. В 1928 г. Коминтерн и руководство ВКП(б) выступили с лозунгом оппозиции о «создании Советов в Китае». Но время уже было упущено, влияние Гоминьдана стремительно росло, Чан Кайши занял Пекин, и объединение Китая под его эгидой казалось вполне реальным.

На VI конгрессе Коминтерна большевистское руководство, несмотря на полный крах осуществлявшейся им с начала 1926 г. политики в отношении Китая и ее катастрофические последствия как для советской дипломатии и Коминтерна, так и для китайских коммунистов, не признало своих ошибок. Напротив, в кулуарах конгресса Сталин заявил, что «мы были правы», «мы шли по стопам Ленина» и что сражения в Кантоне позволили раздробить силы империализма, ослабить его и, таким образом, обеспечить развитие и процветание очага мировой революции — Советского Союза.

III. БОРЬБА ПРОТИВ «СОЦИАЛ-ФАШИЗМА» И «ОБОСТРЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ» (1928 — 1933)

1. VI конгресс Коминтерна: крутой поворот

Разработанная под непосредственным руководством Сталина и одобренная VI конгрессом (июль — сентябрь 1928 г.) стратегия Коминтерна определила основные направления советской внешней политики в период с 1928 по 1933 г. Этот конгресс (совпавший с началом наступления сталинского руководства на Бухарина) был отмечен глубокими расхождениями в оценках международной ситуации и во взглядах на тактику Коминтерна в ближайшие годы. Бухарин, в то время еще генеральный секретарь Коминтерна, защищал точку зрения, согласно которой ситуация в мире отличалась достаточной стабильностью, а развитие экономического кризиса в ведущих капиталистических странах непосредственно не вело к революционной ситуации. По его мнению, в переживаемый момент все внимание следовало сосредоточить на обеспечении единства в рабочем движении (профсоюзов, социалистических и коммунистических партий) и на борьбе с сектантством, грозящим изоляцией коммунистов. Полностью противоположные взгляды развивал в своих выступлениях Сталин. Драматизируя ситуацию, он утверждал, что из-за нависшей над ведущими капиталистическими странами угрозы глубочайшего экономического кризиса и революционных потрясений напряженность международных отношений достигла своего предела. В связи с этим выдвигались следующие тактические установки:

— отказ от всякого сотрудничества с социал-демократами (которые преподносились как «главные враги рабочего класса»);

— борьба против реформистских влияний среди рабочего класса, предполагавшая уход из существовавших профсоюзных структур и создание новых, революционных профсоюзов;

— очищение коммунистических партий от всех колеблющихся, в особенности от «правых уклонистов».

Принятые конгрессом после дискуссий резолюции означали серьезное поражение Бухарина. Большинство выдвинутых им тезисов не нашло поддержки даже со стороны членов его собственной партии, и в них были внесены исправления в духе сталинских установок. Социал-демократия была признана «самым опасным врагом рабочего движения». Горькие разочарования после китайских событий привели к тому, что и национальные движения были причислены к носителям антиреволюционной идеологии. Особо была подчеркнута необходимость очищения компартий от всех «колеблющихся элементов» и установления «железной дисциплины» не только внутри партии, но и в отношениях между компартиями разных стран, что должно было выражаться в подчинении интересов каждой партии решениям руководства Коминтерна.

Во время конгресса или сразу после него было «образумлено» большинство компартий, причем особенно это коснулось компартии Германии, которой в качестве генерального секретаря был навязан Э.Тельман, ранее единодушно отстраненный от исполнения этих обязанностей ее Центральным Комитетом. Подчинение специфических интересов каждой партии интересам большевиков превращалось в одну из основ коммунистической идеологии. Подлинным революционером признавался лишь тот, кто был готов безоговорочно защищать Советский Союз. Те лее, кто полагали возможным защищать мировое революционное движение без Советского Союза или вопреки ему, рассматривались как враги революции, псевдореволюционеры, которые рано или поздно перейдут в лагерь врагов революции. Лозунг «солидарности трудящихся» (коммунистов и социалистов) одной страны был заменен требованием безграничной преданности Советскому Союзу, его коммунистической партии и его вождю.

2. Миф о «капиталистическом окружении»

Состоявшийся в апреле 1929 г. X пленум Исполкома Коминтерна довел до логического конца принятую годом раньше установку: социал-демократия стала «социал-фашизмом». В совместном докладе Д.Мануильского и О.Куусинена утверждалось, что цели фашистов и социал-демократов идентичны, разница же заключается в тактике и главным образом в методах. Не вызывало сомнений, что по мере своего развития «социал-фашизм» все более будет походить на «чистый фашизм».

До конца 1933 г., поставив во главу угла борьбу с социал-демократией, Коминтерн и советское руководство закрывали глаза на опасность стремительно растущего германского национализма и фашизма. В представлениях Москвы усиление Германии, символизирующее жизненную силу фашизма, было направлено против Великобритании и Франции (названной Сталиным в речи 27 июня 1930 г. на XVI съезде партии «самой агрессивной и милитаристской страной из всех агрессивных и милитаристских стран мира») и являлось позитивным фактором в развитии международных отношений, так как способствовало обострению противоречий между ведущими капиталистическими державами.

Период стабилизации капитализма заканчивается, заявил Сталин в упомянутом выступлении. Мировой экономический кризис дошел до той точки, где он переходит на следующий этап — политический кризис, отличительными чертами которого будут, во-первых, фашизация внутренней политики капиталистических государств, во-вторых, нарастание угрозы новой империалистической войны и, в-третьих, подъем революционных движений. С 1929 по 1933 г. компартия Германии неукоснительно следовала утвержденной Коминтерном линии и вела борьбу в первую очередь с социал-демократией, что немало способствовало параличу политических учреждений Веймарской республики. Участие коммунистов на стороне нацистов в референдуме 9 августа 1931 г., направленном против социал-демократического правительства Пруссии, приветствовалось газетой «Правда» как «самый сильный удар, когда-либо

нанесенный рабочим классом по социал-демократии». Ни приход к власти Гитлера, ни аресты тысяч коммунистов, ни поджог рейхстага и объявление компартии вне закона — ничто не изменило тактику Коминтерна, полностью утратившего способность к самокритике. 1 апреля 1933 г. президиум Исполкома Коминтерна принял резолюцию, утверждавшую, что политика руководимой Тельманом германской компартии всегда была «абсолютно правильной». В мае 1933 г., к большому удовлетворению советского руководства, нацисты ратифицировали протоколы о возобновлении действия Берлинского договора 1926 г., который подтверждал силу Рапалльских соглашений. Военное сотрудничество между СССР и Германией продолжалось еще несколько месяцев.

3. Расширение советской дипломатической деятельности

Тезисы об обострении противоречий капитализма и о постоянной угрозе, исходившей от окружавших СССР «агрессивных и милитаристских» стран, бесспорно, играли важную роль в сталинских планах радикального преобразования страны. Ускорение темпов коллективизации и индустриализации находило оправдание в необходимости действовать как можно быстрее, пока «господа империалисты не предприняли прямого нападения на Советский Союз». Однако, продолжая нагнетать атмосферу «осажденной крепости» и играть на реально существовавших противоречиях между великими державами с тем, чтобы не допустить создания их единого фронта против СССР, советские руководители прекрасно сознавали (как в 192 6 г., когда обсуждался китайский вопрос, так ив 1929 г.), что Советскому Союзу абсолютно необходимо всеми способами избегать любых конфликтов и провокаций, поскольку страна переживала период глубочайших экономических и социальных потрясений и была ими на какое-то время значительно ослаблена. Поэтому одновременно с преимущественным развитием отношений с Германией советская дипломатия направила свои усилия на расширение отношений с другими государствами,

надеясь на увеличение торгового обмена с ними, необходимого для выполнения планов экономического строительства и обеспечения безопасности страны.

9 февраля 1929 г. СССР расширил сферу действия пакта Бриана — Келлога о всеобщем отказе от войны, к которому он присоединился несколькими месяцами раньше. Было подписано соглашение, известное как «Протокол Литвинова», с Латвией, Эстонией, Польшей, Румынией, а немного позже с Литвой, Турцией и Персией, предусматривавшее отказ от применения силы в урегулировании территориальных споров между государствами. В октябре 1929 г. были восстановлены отношения с Великобританией, где пост премьер-министра вновь занял Макдональд.

Начиная с 1931 г. советская дипломатическая деятельность стала еще более активной. Внутренние проблемы побуждали Советский Союз уделять больше внимания упрочению своего внешнеполитического положения. В то же время и пережившие

экономический кризис индустриальные страны проявляли все больший интерес к улучшению своих отношений с Советским Союзом, который рассматривался ими как огромный потенциальный рынок. Наконец, рост правого экстремизма и национализма в Германии побуждал страны, подписавшие Версальский мирный договор и заинтересованные в сохранении послевоенного статус-кво, развивать дипломатические отношения с Советским Союзом. Начатые в 1931 г. с рядом стран переговоры шли, однако, с большим трудом. Тем не менее уже в 1932 г. СССР начал пожинать плоды своих дипломатических усилий, подписав серию пактов о ненападении: с Финляндией (2 1 января), с Латвией (5 февраля), с Эстонией (4 мая).

После долгих колебаний 2 9 ноября 1932 г. французское правительство во главе с Эррио подписало франко-советское соглашение о ненападении, рассчитывая таким образом нейтрализовать возможные последствия дальнейшего сближения между СССР и Германией. Кроме статьи о ненападении соглашение содержало обязательство в случае нападения на одну из них третьей страны не оказывать никакой помощи агрессору.

Если в Европе советская дипломатия, стремясь обеспечить безопасность СССР, добилась значительных успехов за столом двусторонних переговоров, подписав целый ряд договоров о нейтралитете и ненападении, то на Дальнем Востоке ситуация становилась все более напряженной. Вторжение Японии в Маньчжурию (1931 г.) прямо угрожало советским интересам в этом регионе. В 1931 — 1933 гг. советской дипломатии с большим трудом удалось сохранить отношения с тремя участвовавшими в конфликте сторонами: Японией, Гоминьданом и китайскими коммунистами. В отношениях с Японией советское руководство то прибегало к демонстрации силы, увеличивая находящийся на Дальнем Востоке советский военный контингент под командованием Блюхера, то выступало с инициативами, направленными на примирение (предложение о продаже Китайско-Восточной железной дороги). Одновременно, стремясь не допустить сближения между Японией и Гоминьданом, Сонет-кий Союз терпеливо обсуждал возможности восстановления дипломатических отношений с правительством Чан Кайши, который начиная с 1927 г. рассматривался как «самый коварный враг коммунизма». Отношения с Гоминьданом были восстановлены в декабре 1932 г. Чан Кайши пошел на этот шаг, поскольку только Советский Союз смог оказать ему военную помощь в борьбе против японских агрессоров, тогда как великие державы оказались способны лишь на чисто символическое моральное осуждение Японии. В то же время Советский Союз пытался подтолкнуть китайских коммунистов, которые во главе с Мао Цзэдуном провозгласили Китайскую Советскую Республику, на объявление войны Японии. Поскольку контролируемые коммунистами области находились далеко от оккупированных Японией Маньчжурии и Северного Китая, такой шаг непосредственно не вел к конфликту; однако он обязывал Чан Кайши принять вызов и включиться в общенародную борьбу против захватчиков.

Советские дипломатические ухищрения как на Дальнем Востоке, так и в Европе отражали сложность непрерывно обострявшейся международной ситуации, в которой все большую роль играла агрессивная и динамичная политика двух держав — Германии и Японии. Казалось, что в 1933 г. цели, сформулированные советской дипломатией еще в 1919 — 1920 гг., были почти достигнуты. Установленный «навязанным империалистическими разбойниками» Версальским договором европейский по-

рядок беззастенчиво нарушался каждый день с тех пор, как Германия осуществила перевооружение своей армии. Лига Наций, из которой вышли Япония, а затем и Германия, демонстрировала свою полную беспомощность. Невиданной силы экономический кризис сотрясал весь капиталистический мир. Казалось, что рост напряженности в мире вот-вот приведет к возникновению широкомасштабных международных конфликтов.

Однако такое столь долгожданное советским руководством развитие событий на деле оказалось в конечном счете неблагоприятным и даже угрожающим для СССР. Вместо того чтобы способствовать распространению коммунизма, кризис привел к возникновению фашизма. «Обострение межимпериалистических противоречий» не только не усилило «родину социализма», но привело к развитию милитаристской, реваншистской и националистической идеологии в Германии и Японии, превращавшихся в потенциальных противников Советского Союза.

Во второй половине 1933 г. советские руководители вынуждены были отказаться от принятой еще в 1919 — 1920 гг. аксиомы советской внешней политики, в соответствии с которой всякое усиление международной напряженности было только на пользу СССР, а всякий элемент международной политической стабильности (например, рост авторитета Лиги Наций, возрождение европейской экономики) априори имел негативное для Советского Союза значение.

IV. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» (1934 — 1939)

1. «Новый курс» советской дипломатии

Ухудшение советско-германских отношений в течение лета 1933 г. стало первым признаком изменения внешнеполитических ориентиров советского руководства. В июне СССР заявил Германии о том, что продолжавшееся десять лет военное сотрудничество двух стран с сентября будет прекращено. Таким образом, были похоронены и «дух Рапалло», и надежды на широкомасштабное совместное советско-германское экономическое развитие, основанное на соединении огромных ресурсов рабочей силы и сырья в Советском Союзе, с одной стороны, и передовой германской технологии — с другой.

Тем не менее изменение отношения к фашизму шло медленно. Слишком быстрый пересмотр его мог бы внести еще большее смятение в ряды Коминтерна, который и без того будоражили участившиеся призывы Троцкого к образованию единых фронтов социалистов и коммунистов и к осуждению «преступной» политики, проводившейся с 1928 г. Сталиным и Коминтерном в отношении фашизма и приведшей к разгрому и запрещению компартии Германии.

На прошедшем в январе 1934 г. XVII съезде ВКП(б) Бухарин посвятил большую часть своего выступления разъяснению того, что идеология фашизма, этого «звериного лица классового врага», изложенная Гитлером в его книге «Майн кампф», требует серьезного отношения, что гитлеровская идея захватить «жизненное пространство на Востоке» означает открытый призыв к уничтожению Советского Союза. В отличие от Бухарина Сталин продемонстрировал достаточно спокойное отношение к приходу Гитлера к власти. Он подчеркнул, что, поскольку в Германии еще отнюдь не победила новая политическая линия, «напоминающая в основном политику бывшего германского кайзера», у СССР нет никаких оснований коренным образом изменять отношения с Германией. «Конечно, — заявил Сталин, — мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».

29 декабря 1933 г. в речи на IV сессии ЦИК СССР Литвинов изложил новые направления советской внешней политики на ближайшие годы. Суть их заключалась в следующем:

— ненападение и соблюдение нейтралитета в любом конфликте. Для Советского Союза 1933 г., надломленного страшным голодом, пассивным сопротивлением де-

сятков миллионов крестьян (призывной контингент в случае войны), чистками партии, перспектива оказаться втянутым в войну означала бы, как дал понять Литвинов, подлинную катастрофу;

— политика умиротворения в отношении Германии и Японии, несмотря на агрессивный и антисоветский курс их внешней политики в предшествующие годы. Эту политику следовало проводить до тех пор, пока она не превратилась бы в доказательство слабости; в любом случае государственные интересы должны были превалировать над идеологической солидарностью: «Мы, конечно, имеем свое мнение о германском режиме, мы, конечно, чувствительны к страданиям наших германских товарищей, но меньше всего можно нас, марксистов, упрекать в том, что мы позволяем чувству господствовать над нашей политикой»;

— свободное от иллюзий участие в усилиях по созданию системы коллективной безопасности с надеждой на то, что Лига Наций «сможет более эффективно, чем в предыдущие годы, играть свою роль в предотвращении либо локализации конфликтов»;

— открытость в отношении западных демократий — также без особых иллюзий, учитывая то, что в этих странах, ввиду частой смены правительств, отсутствует какая-либо преемственность в сфере внешней политики; к тому же наличие сильных пацифистских и пораженческих течений, отражавших недоверие трудящихся этих стран правящим классам и политикам, было чревато тем, что эти страны могли «пожертвовать своими национальными интересами в угоду частным интересам господствующих классов».

За два года (конец 1933 — начало 1936 г.) «новый курс» позволил советской внешней политике добиться некоторых успехов. В ноябре 1933 г. состоялся визит Литвинова в Вашингтон, где его переговоры с Ф.Рузвельтом и КХуллом завершились признанием Советского Союза Соединенными Штатами и установлением между двумя странами дипломатических отношений. В июне 1934 г. Советский Союз признали Чехословакия и Румыния. В сентябре СССР был принят (тридцатью девятью голосами против трех при семи воздержавшихся) в Лигу Наций и сразу же стал постоянным членом ее Совета, что означало его формальное возвращение в качестве великой державы в международное сообщество, из которого он был исключен шестнадцатью годами раньше. Принципиально важно, что СССР возвращался в Лигу Наций на своих собственных условиях: все споры, и прежде всего по поводу долгов царского правительства, были решены в его пользу.

Заключенный 26 января 1934 г. договор Германии с Польшей был расценен советским руководством как серьезный удар по всему предыдущему сотрудничеству Советского Союза с Германией. Становилось все более очевидно, что антибольшевизм Гитлера был не только фактором идеологии и пропаганды, но и действительно составлял основу его внешней политики. Перед лицом германской угрозы советские руководители благосклонно отнеслись к предложениям, сформулированным в конце мая 1934 г. министром иностранных дел Франции Луи Барту. Первое из них предусматривало настоящее «восточное Локарно», объединившее бы в многостороннем пакте о взаимном ненападении все государства Восточной Европы, включая Германию и СССР; второе состояло в заключении договора о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом. Первому, чересчур смелому проекту суждено было уйти в небытие со смертью его главного автора, убитого вместе с королем Югославии Александром хорватскими террористами 9 октября 1934 г. в Марселе. Что же касается второго проекта, уже в значительной степени подготовленного, то он получил поддержку Лаваля и, несмотря на сдержанное отношение к нему части французских политиков, был завершен подписанием 2 мая 1 935 г. в Париже франко-советского договора о взаимопомощи в случае любой агрессии в Европе. Принятые сторонами взаимные обязательства на деле были малоэффективны, поскольку в отличие от франко-русского договора 1891 г. этот договор не сопровождался какими-либо военными соглашениями. Лаваль во время своего визита в Москву 13 — 15 мая 1935 г. уклонился от ответа на прямо поставленный ему Сталиным по этому поводу вопрос. В свою очередь Сталин предложил французским коммунистам голосовать за военные кредиты и публично высказал полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности. Это заявление способство-

вало крутому повороту во внутренней политике Французской компартии и привело к образованию двумя месяцами позже альянса коммунистов с социалистами и радикалами, явившегося необходимым условием победы на выборах в следующем году Народного фронта.

На первый взгляд торжественное провозглашение новой стратегии «общего фронта», призванного преградить дорогу фашизму, было основной целью VII (и последнего) конгресса Коминтерна. На самом же деле объединенные в «лавочке», как презрительно называл Коминтерн Сталин, компартии, собранные под предлогом необходимости усиления «антифашистской и антикапиталистической борьбы», получали наставления, как «бороться за мир и безопасность Советского Союза». Несмотря на кардинальное изменение отношения к «социал-фашизму», VII конгресс довел до логического завершения те установки, которые были утверждены на предыдущем конгрессе. С этих позиций СССР представал как «двигатель мировой пролетарской революции», «база всеобщего движения угнетенных классов, очаг мировой революции, важнейший фактор всемирной истории». Полное подчинение деятельности национальных компартий политике Советского Союза было подтверждено всеми делегатами конгресса. «В каждой стране, — заявил генеральный секретарь Коминтерна Г.Димитров, — борьба за мир и безопасность Советского Союза может протекать в той или иной форме». Французские коммунисты, например, должны были голосовать за военные кредиты, а другие компартии, наоборот, — усилить борьбу против «милитаризации молодежи». Одна из задач конгресса заключалась в том, чтобы для каждого конкретного случая уточнить тактику, которой необходимо было следовать, чтобы избежать любых — «правых» или «левых» — уклонов. Само собой разумеется, что тактика «общего фронта» не означала ни установления компартиями контактов с «троцкистскими элементами», ни поддержки так называемым «больным демократиям». И уж конечно, компартии не должны были сглаживать «остроту межимпериалистических противоречий», которая (как с удовлетворением констатировали все делегаты) препятствовала формированию единого антисоветского блока.

К началу 1936 г. договор с Францией оставался основным козырем советской дипломатии в борьбе против опасности единого фронта капиталистических государств. Однако ратификация этого договора задерживалась и состоялась лишь 28 февраля 1936 г., через девять месяцев после подписания. Такая медлительность свидетельствовала о развитии среди части представителей правящих кругов и широкой общественности Франции сильного антибольшевистского течения, еще более усилившегося после победы Народного фронта. «Протягивая руку Москве, — заявил маршал Петен, — мы протянули ее коммунизму... Мы позволили коммунизму стать в ряд приемлемых доктрин, и нам, по всей вероятности, скоро представится случай об этом пожалеть». Окончательно это течение утвердилось после того, как Французская компартия отказалась участвовать в правительстве, руководимом Леоном Блюмом, а страну захлестнула волна забастовочного движения.

Ратификация советско-французского договора послужила предлогом для ремилитаризации Рейнской области. 7 марта 1936 г, Гитлер заявил: «На постоянные многочисленные заверения Германии в дружбе и миролюбии Франция ответила альянсом с Советским Союзом, направленным исключительно против Германии, являющимся прямым нарушением соглашений по Рейнской области и открывающим ворота Европы большевизму».

Ремилитаризация Рейнской области, на которую Франция и Великобритания ответили лишь устным протестом, сильно изменила военно-политическую ситуацию в Европе. Военные гарантии, предоставленные Францией ее восточным союзникам, становились невыполнимыми: в случае войны с Германией, которая оказалась теперь надежно защищенной рейнскими укреплениями, французская армия была не способна более быстро прийти на помощь какой-либо стране Центральной и Восточной Европы. Положение усугублялось отказом Польши пропускать через свою территорию иностранные войска. Эта новая политическая реальность, когда западные демократии и Лига Наций оказались бессильны противостоять грубой силе, такой, например, как ремилитаризация Рейнской области или агрессия Италии в Эфиопии, а Версальский договор терял свою силу, — эта реальность наглядно продемонстрировала советским руководителям всю хрупкость европейского равновесия и необходимость сохранения в интересах собственной безопасности полной свободы рук.

2. СССР и война в Испании

Гражданская война в Испании сильно осложнила политическую игру советской дипломатии. Вначале Советский Союз какое-то время пытался ограничить свое участие в испанских событиях. Как и другие великие державы, в августе 1936 г. он объявил о политике невмешательства, на которой особенно настаивали Франция и Великобритания. Лишь 4 октября СССР открыто заявил о своей поддержке Испанской республики. Интернационализация гражданской войны, нарастающее вмешательство в нее фашистских режимов Германии и Италии на стороне путчистов поставили перед СССР сложную дилемму: с одной стороны, оставить левые силы в Испании без своей поддержки означало не просто открыть свои фланги перед троцкистской пропагандой, обвинявшей сталинское руководство в измене делу социализма, но и позволить разгореться, особенно в Каталонии, первому крупному очагу ереси под руководством Всемирной объединенной рабочей партии (ВОРП) — испанской секции троцкистского IV Интернационала — в союзе с анархистами; с другой стороны, прямая интервенция советских войск в Испанию означала бы для европейских стран стремление Советского Союза экспортировать в Испанию коммунистическую революцию, что сделало бы невозможной любую попытку сближения с западными демократиями. В письме, направленном в декабре 1936 г. Сталиным, Молотовым и Ворошиловым премьер-министру Испании Л.Кабаллеро, содержался страстный призыв «предпринять все меры, чтобы враги Испании не смогли изобразить ее коммунистической республикой».

Попытаемся проследить особенности советского участия в испанских делах, которое осуществлялось постепенно и было ограниченным. В обмен на очень значительное количество золота Советский Союз предоставил республиканскому правительству военную технику (качество которой зачастую было неудовлетворительным, а количество не достигало и десятой части германской помощи войскам Франко). Кроме техники, Советский Союз направил в Испанию две тысячи «советников» (среди которых были не только военные специалисты, но и политработники и представители органов госбезопасности). Незначительная по сути военная помощь республиканской армии представляла собой лишь один из аспектов советского вмешательства. Вторым — и преобладающим — его аспектом была борьба против инакомыслящих в среде левых сил: антисталинских элементов, анархистов, анархо-синдикалистов, сторонников ВОРП, истинных или мнимых троцкистов. Поскольку сотрудничающие с фашистами троцкисты все больше проникают в ряды республиканцев, говорилось в заявлении руководства Коминтерна от 14 апреля 1937 г., политика всех коммунистов должна быть направлена на полное и окончательное поражение троцкизма в Испании как непреложное условие победы над фашизмом. Руководствуясь этими положениями, сталинские «советники» усилили провокационную деятельность, а затем содействовали аресту (в июне 1937 г.) как контрреволюционеров главных руководителей ВОРП. Андрее Нин был также арестован, но попытка советского руководства организовать в Испании судебные процессы и вырвать у арестованных публичные «признания», подтверждающие «правдивость» процессов, прошедших в Москве, не увенчалась успехом.

3. Крах политики «коллективной безопасности»

Московские процессы, чистка в рядах Красной Армии убедили как немцев, так и французов и англичан, что Советский Союз переживает серьезный внутренний кризис (в целом плохо понятый), который на какое-то время лишает его возможности играть решающую роль на международной арене. Излагая 5 сентября 1937 г. перед генеральным штабом свои планы в отношении Австрии и Чехословакии, Гитлер категорически отверг всякую возможность военной реакции на это Советского Союза ввиду царящего в стране хаоса, вызванного чисткой военных и политических кадров. По мнению поверенного в делах Германии в Париже, французское правительство также высказывало серьезные сомнения относительно прочности советского режима и боеспособности Красной Армии. «Военные и политические круги Франции, — писал он в начале 1938 г., — все больше задаются вопросом о пользе от такого союзника и о доверии к нему». В то время как французское руководство все больше убежда-

лось в том, что, подписав договор с СССР, оно, по выражению П.Гаксотта, «приобрело ничто», пассивность Запада перед лицом германской агрессии еще больше усилила недоверие Советского Союза по отношению к европейским демократиям.

17 марта 1938 г. советское правительство предложило созвать международную конференцию для рассмотрения «практических мер против развития агрессии и опасности новой мировой бойни». Это предложение было отвергнуто Лондоном как по своей сути «усиливающее тенденцию к образованию блоков и подрывающее перспективы установления мира в Европе». Встретив такое отношение, Советский Союз начал искать сближения с Германией и в марте 1938 г. подписал с ней новые экономические соглашения, отозвав при этом посла СССР в Германии Я.Сурица — еврея и потому неугодного нацистам. Новому послу, А.Мирекалову, Гитлер сделал 4 июля следующее заявление: «Я с удовлетворением ознакомился с декларацией, излагающей принципы, которыми Вы будете руководствоваться в Ваших усилиях по установлению нормальных отношений между Германией и Советским Союзом».

После оккупации Германией Чехословакии Советский Союз расстался с последними иллюзиями насчет эффективности политики коллективной безопасности. К тому же Франция и Великобритания, правительства которых Литвинов тщетно пытался убедить в том, что СССР в состоянии выполнить свои обязательства, выражали сильное сомнение по поводу боеспособности Красной Армии, опустошенной чистками, и не видели, каким образом советские войска смогут участвовать в боевых действиях из-за отказа Польши и Румынии пропустить их через свои территории. Советский Союз, безусловно, принял бы участие в международной конференции, но ему даже не было предложено подписать Мюнхенские соглашения 30 сентября 1938 г. Заключенный Ж.Боннэ и И.Риббентропом 6 декабря 193 8 г. в Париже между Францией и Германией договор о ненападении был расценен в Москве как шаг, в той или иной степени развязавший Гитлеру руки на Востоке.

К концу 1938 г. внешнеполитическое положение СССР казалось более хрупким, чем когда-либо, а вызывавшая опасения угроза создания единого «империалистического фронта» была вполне реальной. В ноябре 1936 г. эта угроза конкретизировалась после подписания Германией и Японией «антикоминтерновского пакта», к которому затем присоединились Италия и Испания. В такой ситуации советское руководство решило пойти на примирение с Чан Кайши и убедить китайских коммунистов в необходимости создания единого фронта с националистами для борьбы против японской агрессии. В августе 1937 г. СССР и Китай заключили договор о ненападении. Летом 1938 г. начались вооруженные действия между Японией и Советским Союзом. Ожесточенные сражения произошли в августе 193 8 г. в Восточной Сибири в районе озера Хасан, а затем в Монголии, где длившиеся несколько месяцев наземные и воздушные бои в районе Халхин-Гола закончились победой советских войск, которыми командовали Г.Штерн и Г.Жуков.

15 сентября 1939 г. было заключено перемирие. Перед лицом угрозы капиталистического окружения Советский Союз принял решение о дальнейшем сближении с Германией, не отказываясь при этом от переговоров с западными демократиями.

V. ЭРА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПАКТА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ (1939—1941)

1. Советско-германский пакт

Накануне вступления немецких войск в Прагу Сталин направил свое первое «послание» нацистской Германии. 10 марта 1939 г. он заявил делегатам XVIII съезда ВКП(б), что если запад намеревается внушить Советскому Союзу мысль о намерениях Гитлера захватить Украину, чтобы тем самым и спровоцировать конфликт с Германией, то СССР не даст себя одурачить и не собирается для «поджигателей войны» (под которыми подразумевались западные демократии) «таскать из огня каштаны». Лишь с очень большими колебаниями СССР через несколько дней согласился с идеей присоединения к декларации о «безусловных гарантиях», предоставленных Великобританией и Францией Польше. Однако глава МИДа Польши Бек отверг возмож-

ность соглашения, допускавшего присутствие советских войск на польской территории. 17 апреля 1939 г. СССР предложил Великобритании и Франции заключить трехстороннее соглашение, военные гарантии которого распространялись бы на всю Восточную Европу от Румынии до прибалтийских государств. В тот же день советский посол в Берлине поставил в известность фон Вайцзакера, государственного секретаря Германии по вопросам внешней политики, о желании советского правительства установить самые хорошие отношения с Германией, невзирая на обоюдные идеологические расхождения.

Спустя две недели был смещен М.Литвинов, возглавлявший НКИД СССР и приложивший немало усилий для обеспечения коллективной безопасности, а его пост был передан председателю Совнаркома Молотову. Эта акция была справедливо расценена как сигнал об изменении курса советской внешней политики в сторону улучшения советско-германских отношений. В мае, германскому послу в Москве Шуленбургу было поручено заняться подготовкой переговоров с Советским Союзом в связи с решением Германии оккупировать Польшу. Желая поторговаться, советская дипломатия одновременно продолжала вести переговоры с Францией и Великобританией. У каждого из участников переговоров были свои скрытые цели: западные страны, стремясь прежде всего воспрепятствовать советско-германскому сближению, затягивали переговоры и старались в то же время выяснить намерения Германии. Для СССР главным было добиться гарантий того, что прибалтийские государства не окажутся, так или иначе, в руках Германии, и получить возможность в случае войны с ней перебрасывать свои войска через территорию Польши и Румынии (поскольку СССР и Германия не имели общей границы). Однако Франция и Великобритания по-прежнему уклонялись от решения этого вопроса.

С нараставшей тревогой Советский Союз следил за подготовкой западными демократиями нового Мюнхена, теперь уже, приносившего в жертву Польшу и вместе с тем открывавшего Германии путь на Восток. 29 июня «Правда» опубликовала статью, подписанную Ждановым и подвергавшую резкой критике нежелание английского и французского правительств заключить равноправный договор с СССР. Через два дня западные правительства дали согласие включить балтийские государства в сферу действия «восточной гарантии» при условии, хотя и иллюзорной, «западной гарантии» в отношении Швейцарии, Голландии и Люксембурга. СССР отказался от такого соглашения; ни на Западе, ни на Востоке упоминавшиеся в нем государства не желали таких «гарантий».

Видя, что переговоры зашли в тупик, англичане и французы согласились на обсуждение военных аспектов соглашения с СССР. Однако отправленные 5 августа морем представители Англии и Франции прибыли в Москву только 11 августа. Советская сторона, представленная наркомом обороны Ворошиловым и начальником генштаба Шапошниковым, была недовольна тем,) что их партнерами оказались чиновники низкого ранга, имевшие (особенно англичане) весьма туманные полномочия, исключавшие переговоры по таким важным вопросам, как возможность прохода советских войск через территории Польши, Румынии и прибалтийских стран, или обязательства сторон по конкретным количествам военной техники и личного состава, подлежащим мобилизации в случае немецкой агрессии.

21 августа советская делегация перенесла переговоры на более поздний срок. К этому времени советское руководство уже окончательно решилось пойти на заключение договора с Германией. С конца июля возобновились переговоры немецких и советских представителей на разных уровнях. Узнав о направлении в Москву французской и британской миссий, немецкая сторона дала понять, что соглашение с Германией по ряду вопросов территориального и экономического характера отвечало бы интересам советского руководства. 14 августа Риббентроп сообщил о своей готовности прибыть в Москву для заключения полновесного политического соглашения. На следующий же день советское правительство дало принципиальное согласие на эту германскую инициативу, вместе с тем потребовав внести в немецкие предложения некоторые уточнения. .19 августа германское правительство ответило подписанием обсуждавшегося с конца 1938 г. торгового соглашения, весьма выгодного Советскому Союзу (оно предусматривало кредит в 200 млн. марок под очень незначительный процент), а также выразило свою готовность потребовать от Японии прекращения военных действий против СССР и разграничить «сферы интересов» Германии и Со-

ветского Союза в Восточной Европе. Вечером того же дня советское руководство подтвердило согласие на приезд Риббентропа в Москву для подписания пакта о ненападении, текст которого, уже подготовленный советской стороной, был немедленно передан в Берлин. Намеченное на 26 августа прибытие Риббентропа было ускорено по настоятельной просьбе Гитлера. Риббентроп, наделенный чрезвычайными полномочиями, прибыл в Москву во второй половине дня 23 августа, и уже на следующий день текст подписанного той же ночью договора о ненападении был опубликован. Договор, действие которого было рассчитано на 10 лет, вступал в силу незамедлительно.

Договор сопровождал секретный протокол, фотокопия которого была позже обнаружена в Германии, но существование которого в СССР тем не менее отрицалось вплоть до лета 1989 г. Протокол разграничивал сферы влияния сторон в Восточной Европе: в советской сфере оказались Эстония, Латвия, Финляндия, Бессарабия: в немецкой — Литва. Судьба Польского государства была дипломатично обойдена молчанием, но при любом раскладе белорусские и украинские территории, включенные в его состав по Рижскому мирному договору 1920 г., а также часть «исторически и этнически польской» территории Варшавского и Люблинского воеводств должны были после военного вторжения Германии в Польшу отойти к СССР.

Известие о подписании советско-германского пакта произвело настоящую сенсацию во всем мире, особенно в тех странах, чья судьба непосредственно зависела от данных соглашений. Широкая общественность этих стран, совершенно неготовая к такому развитию событий, расценила их как настоящий переворот в европейском порядке.

Через восемь дней после подписания договора нацистские войска атаковали Польшу.

2. Секретный протокол в действии

9 сентября, перед тем, как сопротивление польской армии было окончательно сломлено, советское руководство известило Берлин о своем намерении безотлагательно оккупировать те польские территории, которые в соответствии с секретным протоколом от 23 августа должны были отойти к Советскому Союзу. 17 сентября Красная Армия вступила в Польшу под предлогом оказания «помощи украинским и белорусским братьям по крови», которые оказались в опасности в результате «распада польского государства». Однако такая версия не устраивала Германию, которая представила этот шаг как инициативу исключительно Советского государства. В результате достигнутого между Германией и СССР соглашения 19 сентября было опубликовано совместное советско-германское коммюнике, в котором говорилось, что цель этой акции (задержка с которой, несомненно, дала бы больше преимуществ Германии) состояла в том. чтобы «восстановить мир и нарушенный вследствие распада Польши порядок». Наступление советских войск почти не встретило сопротивления польской армии. Советские войска захватили 230 тыс. военнопленных (среди которых было 15 тыс. офицеров); лишь 82 тыс. из них дожили до 1941 г. и после нападения Германии на СССР смогли влиться либо в армию Андерса, сформированную польским правительством в Лондоне, либо в армию Берлинга, созданную в СССР по советской инициативе. Существовавшая какое-то время идея создания буферного Польского государства была отброшена, что поставило деликатную проблему установления советско-германской границы. 22 сентября в Варшаве была достигнута договоренность о ее проведении по Висле. Затем, после визита Риббентропа в Москву 2в сентября, она была отодвинута на восток до Буга, что все же оставляло Советскому Союзу несколько больше пространства, чем знаменитая «линия Керзона» в 1920 г. В обмен на эту «уступку», нарушавшую положения секретного протокола от 2 3 августа, Германия передала в советскую сферу влияния Литву. В опубликованном по завершении визита Риббентропа в Москву совместном коммюнике сообщалось, что польский вопрос был «урегулирован окончательно», а значит, для войны с Францией и Великобританией больше не было причин (если же эти страны не прекратят враждебных выпадов, то «Германия и Советский Союз вынуждены будут рассмотреть вопрос о принятии необходимых мер»). Советский Союз, еще в ав-

густе выступавший в качестве арбитра, представал теперь как один из союзников Германии.

Пока же соглашение с Германией позволило Советскому Союзу присоединить к себе огромную территорию в 200 тыс. кв. км с населением в 12 млн. человек (7 млн. украинцев, 3 млн. белорусов и 2 млн. поляков). В последующие месяцы сотни тысяч жителей присоединенных территорий были депортированы на восток как «враждебные и нелояльные элементы». 1 и 2 ноября, после спектакля «народных собраний», эти бывшие польские территории были включены в состав Украинской и Белорусской советских республик.

Вслед за этим Советский Союз, в соответствии с положениями секретного протокола, обратил свой взгляд в сторону прибалтийских стран. 28 сентября 1939 г. советское руководство навязало Эстонии «договор о взаимопомощи», по условиям которого она «предоставляла» Советскому Союзу свои военно-морские базы. Через несколько недель подобные договоры были подписаны с Латвией и Литвой.

31 октября советское правительство предъявило территориальные претензии Финляндии, которая возвела вдоль границы, проходящей по Карельскому перешейку, в 35 км от Ленинграда, систему мощных укреплений, известную как «линия Маннергейма». СССР потребовал произвести демилитаризацию приграничной зоны и перенести границу на 70 км от Ленинграда, ликвидировать военно-морские базы на Ханко и на Аландских островах в обмен на очень значительные территориальные уступки на севере. Финляндия отвергла эти предложения, но согласилась вести переговоры. 29 ноября воспользовавшись незначительным пограничным инцидентом, СССР расторг договор о ненападении с Финляндией. На следующий день были начаты военные действия. Советская пресса известила о создании «народного правительства Финляндии», руководимого Куусиненом и состоящего из нескольких финских коммунистов, по большей ЧАСТИ сотрудников Коминтерна, давно проживавших в Москве. Следствием советской агрессии стало исключение СССР из Лиги Наций. Общественное мнение Франции и Великобритании было целиком на стороне Финляндии. Рассматривался даже вопрос о совместных военных действиях Франции и Великобритании, однако осуществлению этих планов препятствовал нейтралитет скандинавских стран.

Красная Армия) в течение нескольких недель так и не сумевшая преодолеть «линию Маннергейма», несла тяжелые потери. Лишь в конце февраля советским войскам удалось прорвать финляндскую оборону и овладеть Выборгом. Финляндское правительство запросило мира и по договору 12 марта 1940 г. уступило Советскому Союзу весь Карельский перешеек с Выборгом, а также предоставило ему на 30 лет свою военно-морскую базу на Ханко. Эта короткая, но очень дорого обошедшаяся для советских войск война (50 тыс. убитых, более 150 тыс. раненых и пропавших без вести) продемонстрировала Германии, а также наиболее дальновидным представителям советского военного командования слабость и неподготовленность Красной Армии.

В июне 1940 г., накануне победного наступления немецких войск во Франции, Советский Союз доказал свои намерения выполнить все положения секретного протокола от 23 августа 1939 г. Обвинив балтийские страны в нарушении договоров о «взаимопомощи», привязывавших их к Москве, советское правительство потребовало создания в них коалиционных правительств, контролируемых советскими политическими комиссарами (Деканозов в Литве, Вышинский в Латвии, Жданов в Эстонии) и поддерживаемых Красной Армией. После создания этих «народных правительств» были проведены «выборы» в сеймы Литвы и Латвии и в Государственный Совет Эстонии, в которых участвовали лишь кандидаты, выдвинутые местными компартиями и проверенные НКВД. Избранные таким образом парламенты обратились с просьбой о принятии этих стран в состав СССР. В начале августа эта просьба была «удовлетворена» решением Верховного Совета СССР, возвестившим об образовании трех новых советских социалистических республик. В то время как десятки тысяч «ненадежных элементов» депортировались в Сибирь, «Правда» писала (8 августа 1940 г.): «Сталинская конституция проникает глубоко в сердца рабочих и крестьян. Она пленяет умы лучших представителей интеллигенции».

Через несколько дней после вступления Красной Армии в Прибалтику советское правительство направило ультиматум Румынии, потребовав немедленного «возвра-

щения» Советскому Союзу Бессарабии, прежде входившей в состав Российской империи и также упомянутой в секретном протоколе. Кроме того, оно потребовало также передать СССР Северную Буковину, никогда не входившую в состав царской России и вопрос о которой не ставился в протоколе. Оставленная Германией без поддержки, Румыния была вынуждена покориться. В начале июля 1940 г. Буковина и часть Бессарабии были включены в состав Украинской СССР. Остальная часть Бессарабии была присоединена к Молдавской ССР, образованной 2 августа 1940 г. Незадолго до этого Молотов, выступая перед Верховным Советом, обобщил триумфальные итоги советско-германского согласия: в течение одного года население Советского Союза увеличилось на 23 млн. человек.

3. Ухудшение советско-германских отношений

Внешне советско-германские отношения развивались благоприятно для обеих сторон, которые продолжали обмениваться сердечными посланиями. В декабре 1939 г. Сталин, отвечая на поздравление германского правительства по поводу своего 60-летия, заявил: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной». Советская пресса и пропаганда весь 1940 г. продолжали представлять Германию как «великую миролюбивую державу», сдерживающую французских и английских «поджигателей войны».

В соответствии с требованиями советской внешней политики Коминтерн считал шедшую в Европе войну империалистической, а Францию и Великобританию — агрессорами. Компартиям этих стран было предложено вести себя соответствующим образом: французские коммунисты, например, после того как они, встав на «патриотические» позиции, уже проголосовали ранее за военные кредиты и заявили о своих антигитлеровских позициях, теперь, после вторжения советских войск в Польшу, должны были перейти на позиции СССР и Коминтерна и требовать от своего правительства прекращения войны с Германией.

Советский Союз тщательно выполнял все условия советско-германского экономического соглашения, подписанного 11 февраля 1940 г. За шестнадцать месяцев, вплоть до нападения Германии, он поставил в обмен на техническое и военное снаряжение (часто устаревшее) сельскохозяйственной продукции, нефти и минерального сырья на общую сумму около 1 млрд. марок. В соответствии с условиями соглашения СССР регулярно снабжал Германию стратегическим сырьем и продовольствием, закупленным в третьих странах. Экономическая помощь и посредничество СССР имели для Германии первостепенное значение в условиях объявленной ей Великобританией экономической блокады.

В то же время Советский Союз с беспокойством и опасением следил за блистательными победами вермахта. СССР, оставаясь верным своей идее обострения межимпериалистических противоречий, которое могло в конечном счете сыграть ему на руку, был заинтересован в продолжении войны. В этих условиях внезапная капитуляция Франции освобождала значительные контингенты немецких войск, которые отныне могли быть использованы в других местах. В августе — сентябре 1940 г. произошло первое ухудшение советско-германских отношений, вызванное предоставлением Германией после советской аннексии Бессарабии и Северной Буковины внешнеполитических гарантий Румынии. Германия также выступила арбитром в урегулировании спора между Румынией и Венгрией по поводу Трансильвании. Она подписала серию экономических соглашений с Румынией и направила туда очень значительную военную миссию для подготовки румынской армии к войне против СССР. В сентябре Германия направила свои войска в Финляндию. Пытаясь противостоять германскому влиянию в Румынии и Венгрии (которая после того, как ее требования к Румынии были удовлетворены, присоединилась к фашистской коалиции), СССР направил свои усилия на возрождение идей панславизма и активизацию политических и экономических отношений с Югославией.

Несмотря на вызванное этими событиями изменение ситуации на Балканах, осенью 1940 г. Германия предприняла еще несколько попыток, призванных улучшить германо-советские дипломатические отношения. Вскоре после подписания 7 сентября 1940 г. тройственного союза между Германией, Италией и Японией Риббентроп

обратился к Сталину с предложением направить в Берлин Молотова, чтобы Гитлер мог «лично» изложить ему свои взгляды на отношения между двумя странами и на «долгосрочную политику четырех великих держав» по разграничению сфер их интересов в более широком масштабе.

Во время состоявшегося 12—14 ноября визита Молотова в Берлин были проведены очень насыщенные, хотя и не приведшие к конкретным результатам, переговоры относительно присоединения СССР к тройственному союзу. Однако 25 ноября советское правительство вручило немецкому послу Шуленбургу меморандум, излагавший условия вхождения СССР в тройственный союз: 1) территории, расположенные южнее Батуми и Баку в направлении к Персидскому заливу, должны рассматриваться как центр притяжения советских интересов: 2) немецкие войска должны быть выведены из Финляндии: 3) Болгария, подписав с СССР договор о взаимопомощи, переходит под его протекторат; 4) на турецкой территории в зоне Проливов размещается советская военная база; 5) Япония отказывается от своих притязаний на остров Сахалин.

Требования Советского Союза остались без ответа. По поручению Гитлера генеральный штаб вермахта уже вел (с конца июля 1940 г.) разработку плана молниеносной войны против Советского Союза, а в конце августа была начата переброска на восток первых войсковых соединений. Провал берлинских переговоров с Молотовым привел Гитлера к принятию 5 декабря 1940 г. окончательного решения по поводу СССР, подтвержденного 18 декабря «Директивой 21», назначившей на 15 мая 1941 г. начало осуществления плана «Барбаросса». Вторжение в Югославию и Грецию заставило Гитлера 30 апреля 1941 г. перенести эту дату на 22 июня 1941 г. Генералы убедили его, что победоносная война продлится не более 4 — 6 недель.

Одновременно Германия использовала советский меморандум от 25 ноября 1940 г., чтобы оказать давление на те страны, чьи интересы были в нем затронуты, и прежде всего на Болгарию, которая в марте 1941 г. примкнула к фашистской коали ции. Советско-германские отношения продолжали ухудшаться. всю весну 1941 г., особенно в связи с вторжением немецких: войск в Югославию через несколько часов после подписания советско-югославского договора о дружбе. СССР не отреагировал на эту агрессию, так же как и на нападение на Грецию. В то же время советской дипломатии удалось добиться крупного успеха, подписав 13 апреля договор о ненападении с Японией, который значительно снижал напряженность на дальневосточных: границах СССР.

Несмотря на настораживавший ход событий, СССР до само го начала войны с Германией не мог поверить в неизбежность немецкого нападения. Советские поставки Германии значительно возросли вследствие возобновления 11 января 1941 г. экономических соглашений 1940 г. Чтобы продемонстрировать Германии свое «доверие», советское правительство отказывалось принимать во внимание поступавшие с начала 1941 г. многочисленные сообщения о готовящемся на СССР нападении и не предпринимало необходимых мер на своих западных границах. Германия попрежнему рассматривалась Советским Союзом «как великая дружественная держава». Именно поэтому, когда утром 22 июня Шуленбург встретился с Молотовым для зачтения ему меморандума, в котором сообщалось, что Германия решила направить свои вооруженные силы на советскую территорию ввиду «очевидной угрозы» агрессии со стороны СССР, совершенно растерявшийся глава советской дипломатии произнес: «Это война. Вы полагаете, что мы это заслужили?»

Глава VIII. Советский Союз в войне (1941 — 1945)

I. ФАШИСТСКОЕ НАШЕСТВИЕ

1. План «Барбаросса»: успех и провал «блицкрига»

Воспользовавшись затишьем на Западе, фашистская Германия сосредоточила против СССР 70% своих вооруженных сил, а также войска своих союзников: Венгрии, Румынии, Финляндии. В общей сложности армия агрессора насчитывала около 5 млн. человек, сведенных в 190 дивизий, располагала 4 тыс. танков и 5 тыс. самолетов. Рассчитанный на «молниеносную войну», план «Барбаросса» основывался на согласованных действиях четырех армейских групп. Финляндская группировка под командованием генерала фон Дитла и финского фельдмаршала Маннергейма была нацелена на Мурманск, Беломорье и Ладогу. Задачей группы «Север» (командующий — генерал-фельдмаршал фон Лееб) было взятие Ленинграда. Наиболее мощная группа «Центр» во гла; ве с генералом-фельдмаршалом фон Боком наступала непосредственно на Москву. Задачей группы «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта была оккупация Украины. Дислоцированные в западных военных округах части Красной Армии значительно уступали по численности, были гораздо хуже подготовлены и оснащены. Наступавшие превосходили их по живой силе в 1,8 раза, по танкам — в 1,5 раза, по артиллерии — в 1,3 и по современным самолетам — в 3,2 раза. Советские войска были растянуты по огромному фронту длиной в 4500 км при удалении от передовых рубежей до 400 км. Плотность войск в этой полосе была крайне неравномерна, а оборонительные линии имели широкие разрывы. Большая часть войск, и прежде всего танковые подразделения, располагалась на расстоянии от 80 до 300 км от границы. На необорудованных аэродромах базировалась авиация. Неразвитость коммуникаций и нехватка транспортных средств усугубляли уязвимость оборонительных позиций.

Осуществление плана «Барбаросса» началось на рассвете 22 июня 1941 г. бомбардировками с воздуха и наступлением сухопутных войск. Господство люфтваффе было полным; за первые сутки войны она уничтожила 1200 самолетов, из них 800 на земле. За считанные дни немецкие армии продвинулись на несколько десятков километров; уже 28 июня пал Минск. Уничтожив охватывающим маневром белостокско-минский выступ и взяв в плен 320 тыс. советских бойцов и командиров, войска фон Бока вышли на подступы к Смоленску. На северо-западном направлении в середине июля фон Лееб достиг Ковно и Пскова. Группа фон Рундштедта на юго-западном участке опрокинула войска Буденного, которым пришлось сдать Львов и Тернополь. В целом за три недели боев немецкие войска продвинулись на 300 — 600 км вглубь советской территории, оккупировав Латвию, Литву, Белоруссию, правобережную Украину и почти всю Молдавию. Немецкое наступление было приостановлено лишь в районе Смоленска, где советские войска держали оборону с 16 июля по 15 августа. Смоленское сражение внесло временную, но крайне важную стратегически и психологически задержку в реализацию плана «молниеносной войны» на центральном участке советско-германского фронта. Советское командование получило возможность развернуть подходившие из глубокого тыла части, имея в виду прежде всего укрепление оборонительных рубежей Москвы. В складывавшейся обстановке немаловажную роль сыграло решение Гитлера не бросать все силы против советской столицы: 23 августа фюрер потребовал от своих войск не только взятия Москвы, но и овладения экономическими ресурсами Украины и Кавказа.

Несмотря на заминку в центре, немецкое наступление быстро развивалось на флангах. На северо-западе были взяты Тихвин и Выборг; 9 сентября был блокирован Ленинград. На юго-западе 19 сентября был окружен Киев. Из-за отказа Сталина разрешить войскам генерала Кирпоноса отступить от города в плен попало более 650

тыс. человек. Взяв Киев, германские армии развернули наступление на Донбасс и Крым и 3 ноября подошли к Севастополю.

24 сентября командующий группы армий «Центр» внес последние коррективы в план операции «Тайфун» — наступления, которое должно было завершиться штурмом и взятием Москвы. Для проведения этой операции фон Бок располагал 75 дивизиями, в том числе 14 танковыми, и примерно 1500 самолетами. Первая линия советской обороны была прорвана между Ржевом и Вязьмой 5 октября; на следующий день пал Брянск. В боях под Вязьмой был уничтожен цвет московской интеллигенции, сражавшейся в дивизиях народного ополчения. Продвижение немцев на несколько дней задержала вторая линия обороны под Можайском — за это время к Москве из резерва были срочно переброшены сибирские дивизии. 10 октября командующим Западным фронтом был назначен Г.Жуков. После того как 12 октября немцы заняли Калугу, правительство начало эвакуацию в Куйбышев органов государственного управления и дипломатического корпуса. 14 октября части вермахта вошли в Калинин. Чувство обреченности Москвы породило панику, охватившую многих жителей столицы и достигшую своей кульминации 16 октября, десятки тысяч москвичей пытались в беспорядочном бегстве покинуть город. Некоторое подобие порядка вернулось, когда населению стало известно, что Сталин и правительство по-прежнему в Москве. 1 9 октября в городе было введено осадное положение.

Возобновившемуся 16 ноября немецкому наступлению противостояло уже население, от мала до велика поднявшееся в едином порыве, напоминавшем героические часы 1812 г. Хотя германским войскам удалось 28 ноября форсировать канал Москва — Волга и 5 декабря выйти к московскому пригороду Химки, намеченные сроки операции были сорваны. Действиями партизан была нарушена доставка необходимого количества снаряжения и зимней одежды. Итогом операции «Тайфун» стал полный и очень тяжелый (160 тыс. убитых, раненых и взятых в плен) ее провал: 6 декабря советские войска перешли в контрнаступление, опираясь на свежие резервы и новые формирования созданных в сентябре гвардейских частей. К югу от Москвы советские войска вернули Калугу и Орел; к северу — Калинин. На некоторых участках фронта продвижение достигло 120 км только за декабрь. Продолжавшееся весь январь наступление выдохлось в следующем месяце, отчасти из-за перебоев со снабжением. К марту фронт стабилизировался по линии Великие Луки — Гжатск — Киров, Ока.

Битва за Москву означала провал и конец «блицкрига»; Германия поняла, что предстоит война на истощение. Гнев Гитлера обрушился на генералов, в декабре — январе были смещены 35 из них, в том числе фон Рундштедт и Гудериан. Тем не менее положение СССР оставалось тяжелым: военная катастрофа первых пяти месяцев войны привела к оккупации врагом жизненно важных регионов, в которых в мирное время проживало 40% населения страны, производилось 68% чугуна, 58 — стали и алюминия, 40 — железнодорожного оборудования, 65 — угля, 84 — сахара и 38% зерна.

2. «Расстрелянная Красная Армия»

Сегодня, как никогда прежде, в огромном количестве советских публикаций поднимается долгое время бывший запрещенным вопрос о причинах катастрофы первых месяцев войны. Все они подтверждают то, что писал в 60-х гг. А.Некрич («Расстрелянная Красная Армия»): вся ответственность за военные поражения СССР в 1941 г. лежит на руководстве партии, и прежде всего — на Сталине.

Эту ответственность составляют следующие четыре аспекта: полностью не соответствовавшие ситуации военные концепции; глобальная ошибка в оценке нацистской угрозы в июне 1941 г.; ущербная (слишком отстающая и неполная) политика в области вооружений; глубокая дезорганизация командного состава вследствие чисток 1937 — 1938 гг.

Военные концепции Сталина строились, исходя из трех идей: Советскому Союзу никогда не придется вести боевые действия на своей территории; готовиться следует к наступательной войне; любая агрессия против СССР будет немедленно остановлена всеобщим восстанием западного пролетариата. Как следствие, вся советская военная тактика и расположение войск исходили из задач наступательной войны. Так,

пограничные укрепления на линии 1939 г. (так называемая «Сталинская линия») были демонтированы, хотя новая граница таковых еще не имела. Войска были расквартированы за многие сотни километров от границы. Все это позволило немцам с первых дней войны очень быстро продвигаться в глубь советской территории.

Одним из важнейших факторов, определивших ответственность Сталина, был его отказ принимать всерьез многочисленные донесения, которые с начала 1941 г. предупреждали о скором фашистском вторжении в СССР. Одни из них поступали от советских военных, сообщавших Сталину о сосредоточении на западной границе 120 немецких дивизий (доклад Генштаба от 6 июня), о нарушениях воздушного пространства СССР немецкими самолетами (более 150 с января по июнь). Другие приходили от секретных агентов (таких, как Зорге, который начиная с 1 5 мая «выдавал» из Токио дату 22 июня), из британских (13 апреля Черчилль предупредил по дипломатическим каналам Сталина о неизбежности немецкого нападения) и американских источников. До самого вторжения Сталин пребывал в уверенности, что эти сообщения были не чем иным, как английскими «провокациями», направленными на то, чтобы заставить его открыть второй фронт и облегчить тем самым положение Англии в войне. «Исходящими из кругов, заинтересованных в расширении войны», «абсолютно лишенными оснований» объявлялись в сделанном по его указанию заявлении ТАСС (14 июня) слухи об агрессивных намерениях Германии в отношении СССР.

До последнего момента Сталин отказывался дать приказ о приведении в боевую готовность и переброске войск, о начале мобилизации, на которых настаивало высшее военное руководство. Даже прифронтовые мосты не были заминированы. В день вторжения командующие атакуемых приграничных военных округов в течение нескольких часов не получали ответов на свои запросы. Только через четыре часа после начала агрессии нарком обороны наконец дал требуемый приказ об ответных — и ограниченных — действиях. Распространению неразберихи и смятения в немалой степени способствовали противоречивые приказы и туманные, выжидательные указания, отдаваемые в эти решающие часы. Вечером 22 июня, когда немецкая армия, форсировав Неман, осадила Брест и двигалась на Львов, командование РККА направило в войска директиву о «переходе в наступление» — самоубийственный приказ, посылавший в неминуемое окружение сотни тысяч человек. Германское нашествие — в этом единодушны все свидетельства, — казалось, полностью лишило Сталина воли и дееспособности. Лишь через двенадцать дней, 3 июля, он оказался в состоянии выступить с обращением к народу. На целую неделю даже имя его исчезло с газетных полос. Создается впечатление, что реально во главе потерявшего управление государства в те дни находились нарком обороны С.Тимошенко и начальник генштаба Г.Жуков.

Несмотря на достигнутый в 30-е гг. несомненный прогресс, оснащение Красной Армии современным вооружением страдало из-за отсутствия продуманной политики в этой сфере. Постоянное вмешательство Сталина в вопросы выбора новых типов вооружений часто приводило к плачевным последствиям. Пусть даже военный бюджет вырос с1934 по 1939 г. в 7 раз — армия за этот период увеличилась с 900 тыс. до 5 млн. человек после принятия закона о всеобщей воинской обязанности. Что же ка сается военной промышленности, то до конца 1941 г. предпочтение в ней отдавалось массовому производству морально устаревшей техники, «поставленной в план» много лет назад (истребители И-16, сильно уступавшие немецким Ме-109, легкие танки БТ-5, БТ-7, Т-26 и Т-27, средние — Т-28, тяжелые — Т-35). Все это были модели «вчерашнего дня», что и доказали первые дни войны. Только в первом полугодии 1941 г., под влиянием уроков финской кампании, производство новых образцов стало расти — прежде всего благодаря нажиму Жукова и замнаркома обороны Шапошникова. Запоздалые усилия принесли лишь частичный эффект: современными истребителями (Як-1, Лагг-3, Миг-3; выпуск последних составил 84 штуки в 1 940 г. и 1950 — в первой половине 1941 г.) и танками (средние Т-34, тяжелые КВ) удалось вооружить всего 15% авиационных и 25% танковых частей. В своих мемуарах военные руководители вспоминают, что отказал Сталин и в поддержке, необходимой для производства ряда созданных лучшими конструкторами новых видов вооружений, таких, как реактивный миномет Костикова.

Равным образом невозможно пренебречь той ролью, которую в разгроме 1941 г. сыграла дезорганизация командного состава РККА после чисток 1937 — 1938 гг. Место уничтоженных репрессиями опытных военачальников заняли молодые командиры, под начало которых в первые месяцы войны были поставлены те из «вычищенных», кого освободили из лагерей с тем, чтобы бросить в пекло сражений. В результате на командных должностях в армии зачастую оказывались либо свежеиспеченные выпускники ускоренных курсов военных школ (к началу войны менее 10% командиров имели высшее военное образование, 75% из них, включая политработников, занимали свои посты менее года), либо люди, физически и психологически изломанные.

3. Эвакуация и перестройка страны на военный лад. Солидарность союзников

Военная катастрофа 1941 г. и оккупация врагом огромной территории сразу же поставили фундаментальную экономическую проблему: чтобы продолжать сопротивление, необходимо было спасти уцелевший промышленный потенциал и до прихода вражеских войск эвакуировать в тыл основные производства и часть населения. С первых дней войны эвакуация и перевод предприятий на военное производство происходили относительно организованно. Несмотря на растерянность, уже через два дня после вторжения правительство приступило к действиям по сохранению оказавшейся под угрозой промышленности. 24 июня был создан возглавленный Л.Кагановичем, а затем Н.Шверником Совет по эвакуации, который должен был обеспечить эвакуацию населения, промышленных и продовольственных ресурсов, а с 25 декабря к его ведению была отнесена и координация транспортных перевозок эвакуируемых грузов. Перебазирование промышленности на восток было осуществлено Советом по согласованию с Госпланом в два этапа: лето — осень 1941 и лето — осень 1942 гг. Наиболее важным и трудным был первый этап, когда руководившие эвакуацией органы еще не имели необходимого опыта и, кроме того, были вынуждены постоянно менять свои планы в соответствии с военными действиями, развитие которых Красная Армия не контролировала. Операции по эвакуации в Белоруссии были прерваны уже в августе из-за полной оккупации республики. В Ленинградской области эвакуация, начавшаяся в июле, была остановлена в сентябре блокадой. С июля по октябрь продолжалась переброска промышленных предприятий Украины. Операции по перемещению целых заводов и их пуску на новом месте были исключительно сложны (только для перевозки металлургического комбината «Запорожсталь» из Днепропетровска в Магнитогорск потребовалось 8 тыс. вагонов). Ввод в строй заводов, многие из которых были перепрофилированы (например, ленинградский завод им. Кирова и харьковский завод по производству дизелей были слиты с челябинским тракторным для выпуска танков), в Поволжье, Сибири, Казахстане и Средней Азии, на Урале, ставшем арсеналом Красной Армии, осуществлялся в чрезвычайно тяжелых условиях: эвакуированные рабочие трудились по 13 — 14 часов в сутки, вынужденные к тому же ютиться в наспех сколоченных бараках и мириться с плохим снабжением. В целом, задействовав четверть подвижного состава железных дорог, руководство страны сумело за пять месяцев, в июле — декабре 1941 г., перебазировать в другие районы 1530 крупных предприятий.

С театра военных действий и из прифронтовых районов было эвакуировано около 7 млн. человек в 1941 г. и 4 млн. в 1942 г. Все трудоспособные эвакуированные, по большей части женщины, были немедленно привлечены к работе на производстве. Этим во многом был обусловлен начавшийся с 1942 г. впечатляющий подъем полностью перешедшей на выпуск вооружения советской промышленности. Хотя деятельность Совета по эвакуации не помешала немцам захватить множество заводов, которые они использовали или разрушили, все же его усилия существенно сократили потери в промышленном потенциале СССР.

Как все государственные институты и структуры, наркоматы, армия и даже партия, Совет по эвакуации работал под руководством Государственного Комитета Обороны (ГКО) — чрезвычайного органа, обладавшего всей полнотой власти, способного оперативно принимать решения по любым вопросам, свободного от того политического надзора, который так усложнял деятельность органов управления. Созданный 30 июня по подобию учрежденного Лениным в период гражданской войны Со-

вета рабоче-крестьянской обороны, ГКО возглавлялся непосредственно Сталиным; в него первоначально входили также Молотов, Берия, Маленков и Ворошилов. Утвержденные ГКО документы (более 10 тыс. за четыре года войны) имели силу закона. ГКО не имел своего аппарата, осуществляя свои властные функции через все существовавшие правительственные органы. Информацию по военным вопросам ГКО получал от образованной 10 июля Ставки Верховного Командования, включавшей в себя Сталина, Молотова и виднейших военачальников: Тимошенко, Ворошилова, Буденного, Шапошникова, Жукова. Заняв посты наркома обороны (19 июля) и Верховного Главнокомандующего (8 августа), Сталин таким образом сосредоточил в своих руках всю власть.

С первых же часов советско-германской войны стало ясно, что расчеты Гитлера на международную изоляцию СССР не оправдались. В день начала фашистской агрессии Черчилль, несмотря на свое категорическое неприятие коммунизма, заявил: «Всякий, кто сражается против Гитлера, — друг Англии; всякий, кто воюет на его стороне, — враг Англии». Начавшиеся переговоры с Великобританией и США завершились подписанием 12 июля 1941 г. советско-английского соглашения о сотрудничестве, согласно которому обе стороны обязались не заключать сепаратный мир с Германией. 16 августа последовало экономическое соглашение о торговле и кредитах. Первыми совместными действиями стала оккупация Ирана, а также давление на Турцию и Афганистан, чтобы добиться их благожелательного нейтралитета. В сентябре Сталин обратился к Англии с просьбой о прямой военной помощи: открытии во Франции второго фронта или даже направлении в Архангельск 25 — 30 дивизий! На необходимости открытия жизненно важного для СССР второго фронта Сталин настаивал с самого начала переговоров с западными державами; со временем это требование станет все более настоятельным и превратится для Сталина и советского народа в пробный камень их отношения к западным союзникам. Подчеркивая, что миллионы советских солдат погибли на «единственном настоящем фронте этой войны», Сталин превратил требование второго фронта из признания собственной слабости в элемент торга: оказавшись неспособными удовлетворить Советский Союз в военном плане, Англия и Америка пытались умиротворить Сталина экономически, а затем и политически. Первым объектом и жертвой этого умиротворения суждено было стать Польше. Уже в июле 1941 г. британское правительство дало понять, что для этой страны оно не будет требовать возвращения границ 1939 г. Президент Рузвельт, по итогам поездки в Москву своего советника Гопкинса и в соответствии с законом о ленд-лизе, дал согласие предоставить СССР первый беспроцентный заем в 1 млрд. долл. 1 октября 1941 г. Гарриман, Бивербрук и Молотов подписали в Москве трехстороннее соглашение о поставках в СССР вооружений, военного снаряжения и продовольствия. Поставки (400 танков, 500 самолетов ежемесячно, а также стратегическое сырье, в частности алюминий) начались сразу же. Первые танки и самолеты западного производства появились на фронте в конце ноября, в разгар сражений под Москвой. Помощь союзников доставлялась главным образом северными морскими конвоями под охраной королевского ВМФ. Хотя очень много кораблей было потоплено немцами, с октября 1941 г. по июнь 194 2 г. СССР получил 3 тыс. самолетов, 4 тыс. танков, 20 тыс, различных транспортных средств. Чтобы показать свое искреннее желание сотрудничать с демократическими государствами в послевоенном урегулировании, Советский Союз присоединился к Атлантической хартии и Декларации 26 государств (названных Объединенными Нациями), подписанной 1 января 1942 г. в Вашингтоне. Советское правительство заключило также соглашения с находившимися в Лондоне представителями оккупированных нацистами стран. 18 июля 1941 г. советский посол в Англии Майский подписал с Бенешем советско-чехословацкий договор о взаимопомощи, аннулировавший мюнхенское соглашение. После непростых переговоров польский генерал Сикорский дал 30 июня свое согласие на заключение советско-польского договора о взаимопомощи, дополненного 14 августа военной конвенцией о создании в СССР польской армии под командованием генерала Андерса. Декларацию «о достижении прочного и справедливого мира» Молотов и Сикорский подписали 4 декабря в уже натянутой атмосфере, омраченной сведениями об исчезновении 15 тыс. польских офицеров, интернированных Красной Армией в 1939 г. (в феврале 1943 г. немцы найдут во рвах под Катынью 4 тыс. трупов). В Лондоне Майский вошел в контакт и с французским Комитетом национального освобождения, который 27 сентября 1941 г. был официально признан СССР.

II. ПОВОРОТ В ВОЙНЕ (ЛЕТО 1942 — ЛЕТО 1943)

1. Военные поражения СССР летом 1942 г.

Весной 1942 г. Сталин, совершив новую ошибку в оценке ситуации, директивой от 8 апреля приказал командующим ряда фронтов перейти в наступление, заставить вермахт израсходовать свои резервы и обеспечить таким образом победу над Германией уже в 1942 г. Однако расчеты на скорое истощение немецких войск оказались полностью несостоятельными, а тактика Генерального штаба, построенная на сочетании обороны и наступления одновременно на нескольких направлениях, привела к катастрофическим результатам. С апреля по октябрь 1942 г. Красная Армия потерпела серию тяжелых поражений. В апреле — июне советские войска не смогли, несмотря на неоднократные попытки, разблокировать Ленинград. В мае немецкое наступление на Керчь приняло драматический оборот для советских войск, которые в беспорядке отступили на Таманский полуостров, потеряв 175 тыс. человек пленными и большое количество техники. Некомпетентность генерала Козлова и политкомиссара Мехлиса (одного из основных виновников дезорганизации Красной Армии в 1937 г.) позволила германо-румынским войскам под командованием фон Манштейна сосредоточить свои силы против Севастополя, который пал 2 июля 1942 г. после восьмимесячного сопротивления, задержавшего немецкое продвижение на Кавказ. В тот момент, когда немцы двинулись на Керчь, Сталин принял авантюристическое решение о наступлении в районе Харькова с целью разбить немецкую армию на южном крыле советско-германского фронта. Несмотря на то что при обсуждении плана этой очень опасной операции, создававшей риск обхода советских войск противником с флангов и их окружения, в Генеральном штабе были высказаны критические - замечания Сталин отмел все возражения и одобрил замысел командующего Юго-Западным фронтом Тимошенко. Наступление началось 12 мая. Уже 17 мая стала очевидной необходимость немедленно остановить продвижение на Юго-Западном фронте из-за прорыва немцев на Южном фронте. Тем не менее Сталин решил продолжать наступление, несмотря на предупреждение Хрущева, члена Военного совета Юго-Западного фронта. В результате атаковавшим с севера и с юга немецким дивизиям удалось в конце мая соединиться и замкнуть кольцо окружения, в которое попали 240 тыс. бойцов и командиров Красной Армии. Овладев стратегической инициативой, 28 июня немцы начали крупное наступление восточнее Курска, стремясь окружить и уничтожить войска Брянского, а затем Юго-Западного и Южного фронтов и тем самым расчистить себе путь к кавказской нефти. 2 июля советская оборона была прорвана на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов на глубину до 80 км. 12 июля немцы заняли Воронежскую область, а 19 июля вошли в Ворошиловград. Другая линия обороны Красной Армии была прорвана 15 июля между Доном и Северным Донцом. 24 июля советские войска оставили Ростов и отошли за Дон. Таким образом, за несколько недель немецкие войска продвинулись на расстояние около 400 км. Следствием военных неудач Красной Армии стало резкое падение порядка в войсках. Нарушения дисциплины и паника приняли такие масштабы, что командование было вынуждено издать за подписью Сталина знаменитый приказ № 227 от 28 июля «Ни шагу назад!». Этот приказ призывал к сопротивлению и осуждал широко распространившийся тезис о том, что огромные пространства России предоставляют широкие возможности для отступления. Он требовал, наконец, восстановить железную дисциплину в войсках.

Между тем опьяненный победами Гитлер повторил ошибку, ранее совершенную им во время наступления на Москву, назначив своим армиям (циркуляр № 43 от 13 июля) два главных направления удара: Каспий и Кавказ, с одной стороны, и Сталинград — с другой. (Этот город немецкое командование рассчитывало взять к 25 июля, подняться затем вверх по Волге и в сентябре с востока обойти Москву.) В августе немцы предприняли стремительный бросок в кавказском направлении через Кубань, где не встретили серьезного сопротивления. 5 августа они заняли Ставрополь, 11 — Краснодар, 14 — Новороссийск. Продолжая наступление, передовые части вермахта достигли Большого Кавказского хребта и водрузили знамя со свастикой на вершине

Эльбруса. Остановить их удалось только на линии от Туапсе на Черном море до Орджоникидзе и Грозного, взять который немцы так и не смогли.

2. Сталинград и Курск: две решающие победы СССР

Однако основной удар германская армия наносила в направлении Волги, где целью номер один был Сталинград. Пользуясь своим превосходством, прежде всего в воздухе, немецкие войска при поддержке румынских и итальянских частей продолжили наступление в июле и августе, атакуя одновременно с юго-запада и северо-запада. Шестая армия фон Паулюса вышла к Волге с северо-запада, получив возможность держать Сталинград под своим огнем. В этой критической ситуации — потеря города позволила бы немцам прочно закрепиться по линии Волги — для руководства и координации действий в Сталинград был направлен Жуков, назначенный заместителем Верховного Главнокомандующего; таким образом, впервые военный стал вторым лицом в государстве. Это выдвижение, вполне вероятно, было связано с летними поражениями, которые еще раз показали некомпетентность политических комиссаров типа Мехлиса, часто приводившую к грубым промахам и ставившую военное командование в трудное положение. 9 октября институт политических комиссаров в армии был упразднен и восстановлено единоначалие.

12 октября немцы начали операцию, которая, как они надеялись, будет решающим штурмом Сталинграда. Развернувшиеся бои, однако, продолжались несколько месяцев. Сражения шли за каждый дом, за каждый заводской цех — сначала в окраинных кварталах, затем в центральной и южной частях города; в ноябре в центральной части города линия фронта проходила менее чем в двух километрах от Волги. 15 октября немцы вышли к реке с юга, потеряв 70 тыс. человек и не располагая уже превосходством в танках и самолетах. Через три дня немецкое командование было вынуждено дать своим войскам приказ до прихода подкреплений перейти к обороне.

Теперь уже советские войска имели очевидное превосходство в артиллерии и танках, большая часть которых была сконцентрирована в бронетанковых частях. Очень растянутые коммуникации немецких войск (как и в декабре 1941 г. под Москвой) затрудняли организацию связи и снабжения. Разработанный Жуковым план разгрома немецких войск учитывал непрочность их позиций между Доном и Волгой, тогда как советские войска удерживали стратегические высоты и плацдармы на южном берегу Дона. Он предусматривал использование сил трех фронтов — Юго-Западного, Сталинградского и Донского — для окружения немецких армий между Волгой и Доном.

В соответствии с планом «Уран» 19 ноября, полностью использовав эффект внезапности, советские войска начали наступление. Прорвав 23 ноября позиции гитлеровцев, они взяли в кольцо Шестую и часть Четвертой танковой армии общей численностью 330 тыс. солдат и офицеров. С 12 по 19 декабря было остановлено продвижение направленной из района Витебска группы войск фон Манштейна, спешившей разорвать кольцо окружения. После отказа фон Паулюса от капитуляции началось уничтожение немецких войск, деморализованных и измученных голодом и холодом. Несмотря на запрет Гитлера, 2 февраля Паулюс капитулировал. 100 тыс. из 330 окруженных были взяты в плен, остальные погибли. В общей сложности несколько месяцев Сталинградской битвы стоили государствам «оси» 800 тыс. человек.

Разгром немцев под Сталинградом воодушевил советских людей на фронте и в тылу, укрепил престиж военного командования и политического руководства, а также личный авторитет Сталина, поспешившего присвоить значительную часть воинской славы. Весь пропагандистский аппарат был мобилизован для прославления организаторского гения Сталина и партии, проявленного в победе, одержанной в городе, носящем имя Вождя.

Победа советских войск под Сталинградом быстро переросла в общее наступление на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа, где германские армии, чтобы не быть в свою очередь окруженными, отошли на 600 км к западу от Ростова, освобожденного 14 февраля. В течение месяца советским войскам удалось вернуть Воронеж, Курск, Белгород, Харьков и большую часть Донбасса. Освобождение 17 января Шлиссельбурга позволило создать десятикилометровый коридор, разорвавший бло-

каду Ленинграда, за время которой погибло 800 тыс. человек, в основном от голода и истощения. Войска Западного фронта подошли к Смоленску.

Несмотря на тяжелые поражения в мае 1943 г., германское верховное командование решило вновь овладеть инициативой. Эта цель должна была быть достигнута уничтожением «курского выступа» советско-германского фронта, для чего было сконцентрировано 50 дивизий, 2000 танков (половина всех имевшихся у вермахта), 900 самолетов. Численность войск, сосредоточенных на этом участке фронта, составляла 900 тыс. человек. Длительная подготовка к операции, названной «Цитадель», позволила советской стороне создать мощную оборонительную систему и сосредоточить превосходящие силы: 1330 тыс. человек, 3600 танков, 2400 самолетов. На рассвете 5 июля началась Курская битва. В ходе ее немцы потерпели сокрушительное поражение в крупнейшем танковом сражении второй мировой войны под Прохоровкой, недалеко от Курска, где на небольшом пространстве в бой с обеих сторон вступило 1500 боевых машин. 23 июля немецкое наступление было остановлено на всем фронте, а 3 августа советские войска перешли в контрнаступление по линии Орел — Курск — Белгород. Курская битва, в которой были уничтожены немецкие бронетанковые дивизии, вооруженные танками самых современных моделей («тигр», «пантера»), ознаменовала коренной поворот в войне. Немецким войскам больше не удавалось овладеть оперативной инициативой до конца войны.

III. РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРУТОМ ПОВОРОТЕ

1. Конверсия советской экономики и ее последствия

Невозможно понять советские победы конца 1942 и лета 1943 г., не обращаясь к титаническим усилиям по перестройке советской экономики, полностью переориентированной к 1942 г. на производство вооружений за счет сокращения выпуска гражданской продукции. В ноябре 194 1 г. промышленное производство, дезорганизованное немецкой оккупацией важнейших экономических районов и перебазированием более 1500 заводов на восток, упало до 52% от уровня ноября 1940 г. Однако по завершении второго этапа эвакуации промышленного потенциала (лето 1942 г.) обозначился явный рост экономических показателей. Важную роль в этом сыграла деятельность Комитета по учету и распределению трудовых ресурсов, на который была возложена задача обеспечения перебазированных предприятий рабочей силой. Острота проблемы определялась тем обстоятельством, что 11 млн. человек находилось в рядах Красной Армии. В этих условиях в феврале 1942 г. правительство провело мобилизацию городского населения, а в ноябре распространило эту меру и на сельских жителей. В течение только этого года 3 млн. человек, в том числе 830 тыс. юношей и девушек, только что окончивших школу, были в обязательном порядке направлены в промышленность и строительство. Кроме того, чтобы заменить ушедших на фронт специалистов, 1 млн. 800 тыс. взрослых и юношей прошли ускоренный курс обучения в фабрично-заводских училищах (ФЗУ). Эти меры сопровождались широкой кампанией «социалистического соревнования» и «курса на рекорды», как в лучшие времена стахановского движения, а также ужесточением условий труда и трудовой дисциплины (указы от 26 июня 1941 г. об увеличении рабочего дня, от 26 декабря 1941 г. об ограничении текучести кадров и т.д.). В более широком плане качественный состав занятого в народном хозяйстве населения претерпел за годы войны две глубокие трансформации. Доля женщин в народном хозяйстве стала преобладающей, увеличившись с 37 до 53% от общей численности работающих. Женщины взяли на себя почти весь объем сельскохозяйственных работ, как и множество профессий в промышленности, строительстве и на транспорте. Второе изменение заключалось в обновлении рабочего класса, почти столь же значительном, как в 30-е гг. Учитывая массовые призывы в армию в 1942 г. (3 млн. человек) и то, что заводы потеряли 2,8 млн. рабочих, ушедших на фронт или не успевших эвакуироваться из оккупированных районов, в конце 1942 г. на производстве, вероятно, оставалось не больше трети рабочих с довоенным стажем. С 1943 по 1945 г. 3 млн. человек пополнили ряды рабочего класса. Из 9,5 млн. рабочих в 1945 г. не более 2,5 млн. уже рабо-

тали в промышленности в 1940 г. Несмотря на такие масштабы обновления, квалификация рабочей силы, кажется, не только не пострадала, но, скорее, даже улучшилась благодаря деятельности ФЗУ и других профессионально-технических учреждений. За четыре года войны производительность труда в промышленности благодаря усилиям рабочих увеличилась на 40%. Обновление советского рабочего класса — второе после прошедшего в 1928 — 1935 гг. — сыграло важную общественно-политическую роль и имело два следствия: с одной стороны, этот процесс сделал невозможным формирование коллективной памяти у рабочих, которые считались «классом-гегемоном» советского общества; с другой — через многочисленные возможности продвижения он оживил механизмы микросоциальной интеграции на индивидуальном уровне, лежащие в основе социального консенсуса в сталинском Советском Союзе.

В конце 1942 г. СССР значительно опередил Германию в выпуске боевой техники не только по количеству (2100 самолетов, 2000 танков ежемесячно), но часто и в качественном отношении (модернизированный Т-34/85 превосходил немецкого «тигра», а аналога штурмовика Ил-2, прозванного «истребителем танков», германской промышленности вообще не удалось создать). Своего максимального уровня производство вооружений достигло в 1944 г. Приоритет в нем, по-видимому, отдавался массовому производству, жестко ограничивавшему внедрение новых, требовавших длительного освоения образцов, что вызывалось необходимостью поддержания общего технологического паритета с противником. Важную роль в промышленном производстве играло использование труда заключенных; учитывая географическое положение большей части лагерей, можно предположить, что на них пришлась немалая часть работы по развитию необходимой для эвакуированных предприятий инфраструктуры.

2. Роль помощи союзников

В Советском Союзе всегда существовала тенденция к недооценке союзнических поставок по ленд-лизу. Если верить «Военной экономике СССР в период Великой Отечественной войны» председателя Госплана СССР Н.Вознесенского, вышедшей в 194 8 г. и содержащей данные, которыми до сих пор пользуются советские историки, эти поставки в стоимостном выражении составили не более 4% от общего объема производства в СССР во время войны. Американские же источники оценивают помощь союзников в 11 — 12 млрд. долларов (427 тыс. грузовиков, 22 тыс. самолетов, 13 тыс. танков, 2,6 млн. т нефтепродуктов, 720 тыс. т цветных металлов, 4,5 млн. т продовольствия и т.д.). Проблема поставок вызывала обильную переписку на самом высоком уровне, тон которой часто был колким. Союзники обвиняли СССР в «неблагодарности», поскольку в своей пропаганде он полностью обходил молчанием иностранную помощь. Со своей стороны Советский Союз подозревал союзников в намерении подменить материальным взносом открытие второго фронта. Так, «вторым фронтом» советские солдаты в шутку прозвали понравившуюся им американскую тушенку.

В действительности же поставки по ленд-лизу готовых изделий, полуфабрикатов и продовольствия сыграли экономически очень важную роль — в той мере, в какой они позволили советской экономике уменьшить негативные последствия специализации на военном производстве, а также не бояться нарушения экономических взаимосвязей из-за невозможности сбалансированного роста.

3. Фашистские зверства и провал «восточной политики»

Не менее существенно, чем подчинение всего народнохозяйственного потенциала нуждам фронта и материальная помощь союзников, на коренное изменение обстановки летом 1943 г. в пользу СССР повлияло фашистское варварство на оккупированных территориях. Даже в тех регионах и республиках, которые в 30-е гг. жестоко пострадали от советского режима установленные нацистами порядки обескураживали и исключали малейшие поползновения к сотрудничеству с оккупантами. Чувство патриотизма, обостренное фашистскими зверствами и поддерживаемое воспоминаниями о действительно происходившем при советской власти улучшении материаль-

ных и культурных условий жизни, стало важнейшим фактором духовного единства советского народа, того общественного согласия, которое сыграло главную роль в борьбе за выживание СССР. Нет никаких сомнений в том, что в 1944 г. общественные механизмы функционировали гораздо более четко, чем в 1937 — 1938 гг.

Вторжение в СССР не было, по замыслу Гитлера, только военной операцией. Оно преследовало особые цели, четко определенные гитлеровским видением будущего Германии: уничтожив большевизм и разрушив Советское государство, завоевать на востоке жизненное пространство для немецких колонистов. Эти цели обосновывались убеждением Гитлера в специфически великорусской и еврейской природе большевизма — два определения, одинаково ненавистные фюреру. Извечный, по мнению Гитлера, конфликт между Германией и славянским миром делал Россию, независимо от ее политического строя, постоянным источником угрозы для немцев. Наконец, его убеждение в неполноценности славянской расы служило еще одним доводом за безвозвратное уничтожение в России любых форм политической организации. У рабов не бывает государства.

А.Розенберг, теоретик «восточной политики», с 17 июля 1941 г. возглавивший министерство по восточным делам, управлявшее оккупированными территориями на Востоке, вносил в эти рассуждения определенные нюансы. Прибалт по происхождению, он находил глубокие расовые и культурные различия между народами СССР и рассчитывал на их недовольство проводимой большевиками политикой интеграции наций в унитарное государство. Розенберг предлагал изолировать русских на их «исторической территории» в пределах Московии с помощью кордона нерусских наций (Украина, Прибалтика, Кавказ), разрешив последним государственные структуры, жестко контролируемые Германией. Наряду с точкой зрения Гитлера, отвергавшего любые уступки какому бы то ни было из народов СССР, и «селективной политикой» Розенберга в администрации и дипломатии существовала третья тенденция, в течение некоторого времени имевшая успех благодаря поддержке генерала Йодля. По мнению ее сторонников, следовало отделить советскую власть от народа и использовать против режима политическое и социальное недовольство граждан, и прежде всего крестьян. С этими тремя подходами к проблеме «восточных территорий» нацисты экспериментировали поочередно и самым бессвязным образом.

Первые месяцы войны, отмеченные стремительным продвижением германских армий, укрепили Гитлера в убеждении, что скорая победа делает излишними какие бы то ни было поиски поддержки населения. Сравнительно доброжелательное отношение, встреченное у населения первых завоеванных районов, которыми стали присоединенные к СССР в 1939 г. области Украины и Белоруссии, захват миллионов растерявшихся в первых боях пленных, казалось, всецело подтверждали тезис, согласно которому Восток был населен недочеловеками, привыкшими подчиняться насилию со стороны победителя. Та же идея «освящала» фанатические акции по уничтожению евреев и коммунистов, осуществлявшиеся эсэсовцами и айнзацгруппами — специальными командами, созданными для этой цели в 1941 г. Еврейское население, особенно многочисленное в Белоруссии и некоторых районах Украины, методически уничтожалось в концентрационных лагерях или на месте (50 тыс. трупов были обнаружены во рвах Бабьего Яра под Киевом). Советские евреи составили одну из самых многочисленных (1050 тыс.) групп из 6 млн. евреев, уничтоженных фашистами в разных странах. Немедленного расстрела всех политработников требовал «декрет о комиссарах». Плененные коммунисты оказывались перед дилеммой: признаться в своей партийной принадлежности и быть сразу казненными или же скрыть ее, а затем держать ответ перед партией. Советские военнопленные (не менее 700 тыс. за первые три недели войны; более 2 млн. к концу 1941 г.; 5,75 млн. с начала войны до 1 мая 1944 г., согласно немецкой статистике) подвергались особенно жестокому обращению. Около 3,3 млн. из них погибли в результате массового истребления и голода в лагерях со значительно худшим режимом, чем для пленных из других стран.

Типология оккупированных территорий, утвержденная летом 1941 г., также отражала отказ Гитлера рассматривать любое решение проблемы, кроме «полной колониализации». Практиковались три формы административной организации захваченных районов СССР: присоединение к другим государствам (район Белостока в Западной Белоруссии был присоединен к Восточной Пруссии; Западная Украина — к

«Польскому генерал-губернаторству»; «Трансистрия», между Днепром и Бугом, — к Румынии); гражданская администрация (Остланд — прибалтийские государства, Белоруссия — и Украина); военная администрация. Под властью последней находились все захваченные территории России, Крыма и Кавказа. В любом случае на все административные посты назначались представители оккупационных властей. В районах с гражданской администрацией прежние структуры управления были сохранены только в сельской местности на уровне деревни и уезда. Никакого расширения их прав не предусматривалось даже после окончания войны.

Провал «блицкрига», отодвинувший окончание войны на неопределенный срок, сделал необходимым внесение некоторых корректив в гитлеровскую политику «полной колониализации». Однако из-за жестокости оккупантов и реквизиционного характера проводившейся ими экономической политики сделанные уступки — очень ограниченные — не принесли желаемого эффекта. Весьма показательно в этой связи их отношение к произошедшим во многих местах после ухода советских властей захватам крестьянами колхозных земель и скота. Идея поощрения этого процесса разрушения колхозов показалась некоторым фашистским идеологам отвечающей их идее разрушения советского режима изнутри. 26 февраля 1942 г. германская администрация обнародовала аграрный закон, отменявший все советское законодательство в этой области и преобразовывавший колхозы в «коммуны» по типу традиционной общины. Естественно, немецкая администрация оставляла за собой право устанавливать объемы поставок, за выполнение которых коммуна несла коллективную ответственность. Применение этого закона в разных регионах не было одинаковым. Так, на Украине немцы воздержались даже от малейших попыток деколлективизации из страха дезорганизовать резкими переменами производство в этой богатейшей аграрной области страны. В Белоруссии, игравшей второстепенную роль в производстве сельскохозяйственной продукции, частная собственность была постепенно восстановлена. В оккупированных районах России изменения чаще всего ограничивались увеличением индивидуальных наделов при сохранении колхозных структур. В горных районах Кавказа, где преобладало скотоводство, немецкие власти сразу ввели частную собственность. Однако дифференцированное применение аграрных реформ не произвело на крестьянство ожидаемого эффекта. Его сдержанность объяснялась не только несомненным патриотизмом, но и возраставшими масштабами грабежа, которому германские власти подвергли сельские районы. С осени 194 2 г. продовольственные реквизиции немцев постоянно росли, а произвольные и абсолютно нереалистичные квоты, назначаемые Берлином, напоминали крестьянам о худших временах первой пятилетки; непоследовательные шаги по деколлективизации, предпринимаемые оккупантами, терялись на этом фоне. К экономическому грабежу добавился грабеж человеческих ресурсов: растущие потребности рейха в рабочей силе привели к массовой принудительной отправке трудоспособного населения в Германию (более 4,2 млн. человек в 1942 — 1944 гг., согласно немецкой статистике). Чтобы не быть угнанными, многие крестьяне уходили в партизаны. С осени 1942 г. аграрная политика Германии на оккупированных территориях оказалась в тупике. «Реформы» ослабили и даже уничтожили в некоторых районах структуры коллективного хозяйствования, но они не создали новой системы — целостной и способной удовлетворить крестьянство, не улучшили сельское хозяйство. Производство зерновых уменьшилось по сравнению с предыдущим годом уже в 194 2 — 194 3 гг. и наполовину упало в 1943 — 1944 г., тогда как немецкие реквизиции увеличились вдвое.

Провал этой политики, который можно было предвидеть уже летом 1942 г., на какое-то время (лето 1942 — начало 1944 г.) вдохновил сторонников «восточной политики» Розенберга, основанной на этническом раздроблении СССР. Несколько народов разной численности стали испытательным полигоном для идей Розенберга. Прибалтийские страны, где немецкая культура всегда была в почете, должны были быть приобщены к германской судьбе. Однако условия этого воссоединения не были благоприятны для национального развития прибалтов, считавшихся частично русифицированными и евреизированными (особенно литовцы) Это оначало, что значительную часть населения Латвии и Литвы следовало переместить на восток и заменить немецкими колонистами. Прибалтийское население во время войны все же пользовалось привилегированным статусом, допускавшим существование национальных правительств, естественно, прогерманских, но поддерживаемых частью населения, видевшего в них хоть какую-то защиту от оккупантов. В начале 1944 г.

местные власти добились от немцев, желавших найти в этих районах добровольцев для своей армии, уступок в культурной и национальной областях. Однако эти уступки, оставлявшие без ответа основной вопрос о политической автономии, не могли по большому счету удовлетворить чаяния прибалтийских народов, сильно привязанных к своей исторической традиции, а с другой стороны, понимавших, что они не смогут освободиться от советского господства, не опираясь на Германию.

На Кавказе немцев интересовали прежде всего нефтяные ресурсы, а не возможности колонизации. В долгосрочных планах нацистов этому региону была отведена роль промежуточного плацдарма для последующей экспансии в направлении нефтеносных районов Ирака и Ирана. Германия старалась избежать сопротивления со стороны кавказских народов и даже привлечь их на свою сторону, разработав с этой целью довольно либеральную политику, оставлявшую возможность местной инициативы. Последняя проявилась в связи с отходом Красной Армии в форме антисоветских восстаний трех горных мусульманских народов: карачаевцев, кабардинцев и балкарцев. Немецкая армия признала права местных комитетов, которые получили религиозную, политическую и экономическую автономию. Кавказский опыт укрепил в Берлине «мусульманский миф», используя который другой мусульманский народ — крымские татары — получил поддержку от немцев и смог создать в 19 4 2 г. в Симферополе Центральный мусульманский комитет. Тем не менее немцы наотрез отказались от предоставления крымским татарам автономии, которой пользовались кавказские горцы, из страха перед возрождением пантюркистского движения, сломленного советской властью в начале 20-х гг. Это беспокойство было тем более обоснованным, что на деле основным результатом нацистской политики в Крыму было возрождение татарских национальных организаций.

По замыслу теоретиков «восточной политики», поддержанному украинскими эмигрантами и националистами, в национальном распаде СССР важнейшую роль могла сыграть Украина — при условии признания Германией украинских национальных чаяний. Однако, учитывая жизненную важность этого района для экономических интересов рейха и великогерманского колониального проекта, Гитлер не стал превращать Украину в опытную лабораторию для проверки идей Розенберга. В этом регионе, доброжелательно (во всяком случае, в его западной части) встретившем немецкие войска, оккупация, призванная создать условия для будущей германизации этой территории, населенной прежде всего славянами, приняла очень жесткие формы. Многочисленные потери понесла местная интеллигенция, заподозренная в пропаганде национализма. Преследование евреев совершалось с такой жестокостью, что вызвало осуждение у населения, традиционно настроенного скорее антисемитски. Уже к 1942 г. немцы почти потеряли всякое доверие.

4. Патриотизм, смягчение режима и социальный консенсус

Бессвязная, разрываемая разнонаправленными тенденциями, неизменно игнорирующая интересы местного населения — за исключением не меняющего общей картины случая кавказских горцев — гитлеровская «восточная политика» терпела крах. Развитие партизанского движения свидетельствовало о решимости сопротивляться оккупации и у населения, имевшего много причин для недовольства советским строем (особенно в сельских районах, прошедших через принудительную коллективизацию и вызванный ею голод). До относительной стабилизации фронта после битвы за Москву сопротивление на оккупированных территориях было очень слабым. Население заняло выжидательную позицию, и бойцы, оставшиеся во вражеском тылу и избежавшие плена, оказались в этих районах, потрясенных масштабом поражений, в изоляции. Первые партизанские отряды, стихийно сформировавшиеся из этих солдат и ушедших в подполье коммунистов, начали действовать в Тульской и Калининской областях зимой 1941 — 1942 гг. До 30 мая 1942 г., когда в Москве был создан Центральный штаб партизанского движения, сопротивление на оккупированных территориях оставалось по большей части вне всякого контроля со стороны не только советского военного командования, но и партии. Жестокость оккупантов, угон населения в Германию усилили партизанское движение, которое в большой степени зависело от отношения к нему местного населения. Начиная с осени 1942 г. партизаны установили контроль над рядом районов, прежде всего в Белоруссии, северной части

Украины, в Брянской, Смоленской и Орловской областях. К этому времени Центральный штаб партизанского движения, стремясь установить тесное взаимодействие между партизанами и регулярной армией, наладил переброску в немецкий тыл оружия и организовал подготовку нескольких сот командиров партизанских отрядов. Значение партизанских операций возросло к концу 1942 г., когда немецкие коммуникации оказались сильно растянутыми. Для их охраны и борьбы с партизанским движением только в октябре 1942 г. с фронта были сняты 22 немецкие дивизии. Действуя как вспомогательные силы Красной Армии, партизанские группы совершили за шесть решающих месяцев, с октября 1942 по март 1943 г., 1,5 тыс. диверсий на железных дорогах, значительно замедлив доставку немецкой боевой техники на фронт. К осени 1943 г. из строя было выведено более 2 тыс. км железнодорожных путей. Немцы предприняли тщетную попытку посредством масштабной карательной операции с участием десяти дивизий уничтожить белорусских партизан (насчитывавших до 100 тыс. человек), которые базировались в лесах юга республики. Не сумев разгромить партизанскую армию, гитлеровские каратели сожгли несколько тысяч белорусских деревень, стремясь лишить партизанское движение его базы.

Несмотря на неоспоримый военный вклад партизан, отвлекавших на себя до 10% немецких сил на Восточном фронте, военно-политическое руководство так и не смогло полностью отрешиться от недоверия к движению, которое на какое-то время развивалось без всякого контроля и к тому же было неопровержимым свидетелем политического вакуума, созданного в 1941 г. в целых районах беспорядочным бегством советских гражданских и военных властей. Когда регулярная армия вошла в «партизанские края», ожидавшие немедленного зачисления в ее ряды партизаны были вместо этого отправлены в тыл для должного «перевоспитания».

Поражения первых месяцев войны, многочисленные попытки немцев дестабилизировать советский режим, используя политическое, национальное и социальное недовольство населения, безусловная необходимость патриотического подъема не могли не оказать воздействия на некоторые аспекты сталинской идеологии. Русские ценности, национальные и патриотические, реабилитированные во второй половине 30-х гг., с новой силой прозвучали в речи Сталина, переданной по радио 3 июля 1941 г. Отказавшись от слова «товарищи», звучащего слишком по-революционному, Сталин избрал традиционное обращение к народу, которое на протяжении веков звало к национальному единению: «Братья и сестры! Смертельная опасность нависла над Отечеством». Ссылки на великий русский народ «Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова» прочно заняли свое место в идеологическом контексте «священной войны». Принимая 7 ноября 1941 г. парад уходящих на фронт войск Сталин призвал их вдохновляться в сражениях «мужественными образами наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Суворова и Кутузова». Восстановление традиционных ценностей в армии, окончательный отказ от института политкомиссаров в пользу принципа единоначалия были шагами в том же направлении. Вместе с тем последовательно проводилась мысль о том, что именно русский народ — первый среди равных — несет основную тяжесть Великой Отечественной войны. Чтобы нейтрализовать адресованную нерусским меньшинствам фашистскую пропаганду, подчеркивались исторические связи, объединявшие Россию с другими народами, прославлялись такие исторические личности, как Богдан Хмельницкий, присоединивший Украину к России, В советских и партийных аппаратах республик в эти годы снова стали продвигаться национальные кадры.

Второй аспект идеологической эволюции режима за годы войны состоял в сближении с Русской православной церковью, неразрывно связанной с национальной историей. Поворот оказался достаточно легким в значительной мере благодаря позиции, занятой самой церковью. В первый же день войны митрополит Сергий в своем пастырском послании благословил народ на «защиту священных рубежей Родины». Реакция советской власти не заставила себя ждать: в сентябре 1941 г. были закрыты антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников». В 1942 г, митрополиты Алексий и Николай были приглашены к участию в работе Комиссии по расследованию фашистских преступлений. 9 ноября 1942 г. «Правда» опубликовала поздравительную телеграмму митрополита Сергия Сталину:

«Я приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя... который ведет нас к победе, к процветанию в мире и к светлому будущему народов...» 4 сентября 1943 г. три высших иерарха Русской православной церкви были приняты Сталиным в Кремле, что подвело черту под годами разрыва между государством и церковью {в этом случае, как и в других, поворот в войне позволил Сталину отступить от своей политики так, что никто не заподозрил его в капитуляции перед лицом безвыходной ситуации). Во время встречи Сталин дал согласие на избрание патриарха, который бы занял пустовавший с 1924 г. престол. Созванный через три дня Поместный собор — первый с 1917 г. — избрал патриархом митрополита Сергия, фактически возглавлявшего церковь в течение семнадцати лет. В следующем месяце правительством был создан Совет по делам русской православной церкви под председательством Г.Карпова. После смерти патриарха Сергия престол занял ленинградский митрополит Алексий, избранный 2 февраля 1945 г. на соборе, одновременно одобрившем новое Положение об управлении Русской православной церковью. В августе 1945 г. церкви было разрешено приобретать здания и предметы культа. Сближение с православием сопровождалось мерами по урегулированию отношений с исламским духовенством. В октябре 1943 г. в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман. Водворение муфтия, засвидетельствовавшее в глазах правоверных добрую волю советской власти в отношении ислама, нарушило немецкие планы в Крыму и на Кавказе.

Учитывая немецкие стремления к деколлективизации — очень осторожной — сельского хозяйства, советское правительство постаралось обеспечить себе поддержку крестьянства. Эта задача была особенно трудной. Каковы бы ни были намерения государства, ему было необходимо изымать (что, естественно, власти популярности не прибавляло) все большую часть урожая в экономической обстановке, которая сильно усложнилась из-за сокращения числа колхозников, реквизиции армией большей части лошадей, полного прекращения производства тракторов и другой сельскохозяйственной техники, что привело к падению производительности труда в сельском хозяйстве почти на 40%. Для компенсации невероятно низких закупочных цен, которые не покрывали и четверти себестоимости почти всей продукции коллективных хозяйств, сокращения размеров натуральной оплаты труда колхозников до 75%, местным властям, сильно ослабленным к тому же уходом на фронт большей части из 200 тыс. сельских коммунистов, пришлось разрешить ббльшую свободу в реализации крестьянами продукции их подсобных хозяйств. В условиях карточной системы и растущего недостатка продуктов колхозный рынок заметно активизировался, обеспечивая 50% потребления продовольствия горожанами (против 20% накануне войны) и 90% денежных доходов колхозников. В такой ситуации равнодушие крестьян к коллективному труду не могло не расти, и участие крестьянства в общих усилиях страны обеспечивалось при помощи ставки на личные интересы колхозника. Это было признанием слабости проводившейся с начала 30-х гг. политики и крупной уступкой крестьянству.

Ослабление политического и идеологического контроля ради экономической эффективности наблюдалось и на промышленных предприятиях. Прекращение разного рода «политических собраний» в рабочее время сопровождалось передачей организационных и кадровых вопросов в исключительное ведение технических руководителей. Схожим образом, хотя и с некоторым запаздыванием, события развивались и в армии после ликвидации института политических комиссаров. На службу патриотической и национальной пропаганде были мобилизованы все литературные и художественные формы. Идеологический контроль был смягчен, многие писатели, поэты и композиторы, до войны вынужденные молчать, получили возможность публиковать свои произведения при соблюдении единственного критерия — их патриотической направленности. Известное ослабление политического и идеологического контроля выразилось также в массовом привлечении в партию с августа 1941 г. «всех отличившихся на поле боя». За годы войны в партию вступили 4 млн. советских граждан, в основном военные из действующей армии, привлеченные лозунгами патриотизма и борьбы за свободу Родины. В начале 1945 г. ВКП(б) насчитывала более 5,7 млн. членов.

Утверждению идеологии, во все большей степени исходившей из идей патриотизма и народности, сопутствовала возрастающая персонификация высшей власти на вершине государственной иерархии. Начало этому процессу положила концентрация

всех полномочий, гражданских и военных, в руках Сталина. Заменив 6 мая 1941 г. Молотова на посту председателя Совета Народных Комиссаров, Сталин впервые с 1917 г. соединил традиционно разделенные партийную и государственную власть. С началом войны он возглавил ГКО, Ставку Верховного Главнокомандования и Народный комиссариат обороны, а затем произвел себя в Маршалы и Генералиссимусы. Выправляя сильно пошатнувшееся вначале положение (во многом из-за собственных ошибок), Сталин сумел, благодаря победам Красной Армии, особенно под Сталинградом, и росту своей популярности на международной арене, стать воплощением вновь обретенной национальной гордости. Его личность отождествлялась с высшей ценностью — Родиной, и солдаты шли в бой с криком: «За Родину, за Сталина!» Ни разу не побывав в войсках на фронте или в тылу, он сумел заставить народ поверить в свою непогрешимость, рассеять сомнения и горечь предшествующих лет, свалить на подчиненных ответственность за совершенные ошибки.

Наконец, последний аспект эволюции в идеологической и политической сфере, привлекший в то время всеобщее внимание, заключался в очевидном отмежевании советского руководства от идеи мировой революции и в упразднении Коминтерна — основного орудия подрывной политической деятельности СССР, единодушно осуждавшегося в предвоенные годы международным сообществом 15 мая 1943 г. Сталин распустил эту организацию, которая, как он объяснил, «выполнила свою миссию». Этот акт был призван лишить почвы утверждения фашистской пропаганды о стремлении Москвы вмешиваться в жизнь других государств и даже большевизировать их, объединяя различные течения движения Сопротивления в оккупированных странах. Несколько месяцев спустя революционная песня «Интернационал», с 1917 г. служившая гимном СССР, была заменена гимном во славу Родины и Сталина. Распуская Коминтерн, Сталин, конечно, уступал давлению, оказываемому на него союзниками, но вместе с тем он уже думал о послевоенной перспективе и стремился устранить с пути европейских компартий, во многих странах стоявших перед реальной перспективой прихода к власти, препятствие, которым могло бы стать всякое обвинение в том, что они являются агентами Москвы.

Идеологическим изменениям, произошедшим в годы войны, была суждена более или менее продолжительная жизнь. Так, новые отношения между государством и Русской православной церковью, упор на всенародное единство вокруг идеи советской Родины, наследницы великого русского государства (эта тема уже обозначилась до войны), возрастающая персонификация власти станут устойчивыми элементами идеологии в послевоенный период. В других аспектах эволюция оказалась более эфемерной, как в случаях ослабления идеологического контроля над интеллигенцией и экономического — над крестьянством. Война заставила частично отказаться от волюнтаристских методов в хозяйственной сфере, что проявилось в росте роли свободного рынка и терпимости по отношению к мелкотоварному производству. Этому «дрейфу в сторону консенсуального правления» (Ж.Сапир), составившего наряду с национализмом и патриотизмом один из основных элементов национального согласия во время войны, предстояло закончиться с возвращением к миру.

IV. К ПОБЕДЕ (ЛЕТО 1943 — МАЙ 1945 Г.)

1. Тегеранская конференция

В конце 1943 г., после произошедшего под Курском перелома на советско-германском фронте, высадки англо-американского десанта в Италии и свержения режима Муссолини, началось радикальное изменение политической и военной обстановки в мире, Теперь, когда победа стала реальной перспективой, союзники решили улучшить координацию своих действий и определиться в намерениях в отношении послевоенного устройства Европы. С этой целью для подготовки встречи глав трех государств в октябре 1943 г. в Москве было проведено совещание министров иностранных дел. Три союзные державы подтвердили свою решимость вести войну до безоговорочной капитуляции противника и продолжить в мирное время сотрудничество, родившееся в 1941 г. Было решено создать Консультативную комиссию для определения условий капитуляции противника и Консультативный комитет по Ита-

лии. Советская сторона, признавшая генерала де Голля в качестве «представителя всех свободных французов», добилась исключения из обсуждения проекта, согласно которому освобожденная французская территория должна была управляться Командованием союзных войск. Несмотря на свои колебания, Великобритания дала согласие на упрочение советско-чехословацких отношений, которое выразилось в заключении договора о сотрудничестве, подписанного с Бенешем 12 декабря в Москве. По этому случаю Сталин заметил, что солидарность славянских народов всегда присутствовала в истории России.

На проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Тегеранской конференции Черчилль, Рузвельт и Сталин, который согласился наконец выехать на несколько дней за пределы СССР, впервые собрались вместе. Уже на этой встрече, за пятнадцать месяцев до более известной Ялтинской конференции, началось определение будущего послевоенной Европы. Ловко играя на чувстве вины западных союзников по поводу открытия давно обещанного и постоянно откладываемого настоящего второго фронта и на разногласиях между США и Великобританией, Сталин добился нужных ему решений по ключевым вопросам:

— обещания англо-американской высадки во Франции не позднее мая 1944 г.;

— переноса границ Польши на запад до Одера и, следовательно, признания, пусть для начала неофициального, западными союзниками «линии Керзона» в качестве будущей восточной границы Польши;

— признания советских притязаний на Кенигсберг, никогда в истории не принадлежавший России;

— признания аннексии прибалтийских государств как акта, произведенного «согласно воле их населения».

В обмен на эти уступки СССР согласился объявить войну Японии не позднее чем через три месяца после окончания войны в Европе.

2. Большое наступление 1944 г.

После этого дипломатического успеха Советский Союз, вооруженные силы которого отныне превосходили вермахт во всех отношениях, начал в январе 1944 г. новое наступление, в ходе которого 27 января была окончательно снята блокада Ленинграда, длившаяся почти 900 дней. В городе оставалось не более 550 тыс. жителей, число же жертв перевалило за миллион, две трети которого составили умершие от истощения. В январе же был освобожден Новгород. В феврале линия фронта проходила уже в 250 км к западу от Ленинграда. В ходе начавшегося 15 марта весеннего наступления на Юго-Западном фронте в апреле — мае были освобождены вся правобережная Украина и Крым. На юге 30 марта советские войска вышли к Черновцам и румынской границе. 10 июня Красная Армия развернула новое наступление на Северном фронте, заняла Выборг и в начале июля перешла финскую границу. 23 июня широкомасштабное наступление на запад началось под командованием маршала К.Рокоссовского сразу на трех фронтах. 3 июля был освобожден Минск, а на следующий день советские войска перешли польскую границу 1939 г. За несколько недель Красная Армия заняла около четверти польской территории и 1 августа вышла к Праге, пригороду Варшавы на правом берегу Вислы, пройдя за пять недель 600 км.

Обнаружение в апреле 1943 г. катынского захоронения привело к разрыву отношений между СССР и польским правительством в Лондоне, после смерти Сикорского в результате несчастного случая (июль 1943 г.) возглавляемым Миколайчиком. В ответ Сталин содействовал созданию на территории СССР польского корпуса под командованием генерала Берлинга и Союза польских патриотов, также просоветской ориентации. Добившись в Тегеране согласия на признание по окончании войны «линии Керзона» в качестве советско-польской границы, Сталин требовал теперь большего: не только аннексированных им в 1939 г. польских территорий, но и образования польского правительства, которое в своем большинстве состояло бы из просоветских деятелей. С этой целью он способствовал созданию 21 июля в Люблине Польского комитета национального освобождения во главе с Болеславом Берутом, которому советские власти поручили гражданское управление на занятой Красной Армией части страны. СССР не переставал повторять, что действовавшее в оккупирован-

ной немцами Польше движение Сопротивления, действительно пользовавшееся тайной поддержкой подавляющего большинства населения, существовало исключительно в воображении «лондонских поляков». Польское правительство в изгнании, желая положить конец этим инсинуациям, пошло на крайне опрометчивый шаг, дав приказ о всеобщем восстании в Варшаве, к которой уже приближались советские войска. Варшавяне выступили 1 августа и 62 дня держались против нескольких немецких дивизий. Ссылаясь на растянутость коммуникаций и усталость солдат, командование Западного фронта отказалось дать приказ своим частям на форсирование Вислы, чтобы прийти на помощь восставшим. Только в сентябре, когда шансы восстания на успех были полностью потеряны, советская авиация доставила восставшим некоторое количество оружия, чтобы нейтрализовать критику со стороны растущей части западного общественного мнения, возмущенной пассивностью советских войск. Последние участники восстания сдались 2 октября. Варшава была почти полностью разрушена, а Армия Крайова — ориентировавшееся на правительство в Лондоне крыло польского Сопротивления — понесла огромные потери.

Вместо того чтобы сконцентрировать все силы для прямого броска через Польшу на Берлин, советское Верховное Главнокомандование осенью 1 944 г. направило значительную часть своих войск на Балканы, в Венгрию и Австрию, чтобы опередить в этой части Европы англо-американцев, которые медленно продвигались в Италии. В конце августа 1944 г. Красная Армия заняла Румынию. Король Михай приказал арестовать своего премьер-министра Антонеску и объявил войну Германии. Тем не менее советские войска вошли в Бухарест как завоеватели. 12 сентября Румыния подписала перемирие, согласно которому она получала аннексированную Германией Трансильванию и уступала СССР Бессарабию и Северную Буковину. Еще 5 сентября о перемирии попросила Болгария. 9 сентября просоветски ориентированный Отечественный фронт взял власть в Софии. В Венгрии адмирал Хорти предпринимал усилия освободиться от немецкой опеки, одновременно ведя двойную игру. 11 сентября направленная им в Москву делегация подписала перемирие. Узнав об этом, Гитлер отдал приказ об аресте Хорти и усилил немецкие войска в Венгрии. Части Красной Армии под командованием маршала Малиновского взяли в октябре Дебрецен, где расположилось дружественное СССР правительство. Однако попытки советских войск овладеть Будапештом, преследовавшие цели скорее политические, чем чисто военные, несмотря на очень тяжелые потери, в течение двух месяцев не достигли успеха; гарнизон Будапешта капитулировал только 11 февраля 1945 г. В начале сентября 1944 г. после визита в Москву Тито советские войска вошли в Югославию, где соединились с югославскими партизанами. На противоположном конце фронта перемирия попросила Финляндия, 2 сентября принявшая советские условия, кстати, учитывая «особый интерес», проявляемый США к этой стране, очень умеренные: передача Карелии и Петсамо — территорий, уже присоединенных СССР в 1940 г. Таким образом, уже в октябре 1944 г. большая часть Восточной Европы перешла под советский контроль. В то время как Рузвельт посвятил себя подготовке к предстоящим выборам, Черчилль счел, что настал момент посетить Москву и представить Сталину план (шифрованный!) раздела сфер влияния в Европе. Сталин и Черчилль предложили Миколайчику согласиться с границами, которые уже были приняты для Польши Люблинским комитетом (линия Одер — Нейсе на западе, «линия Керзона» на востоке), и начать формирование правительства национального единства. Черчилль признал включение в сферу влияния СССР Румынии, Болгарии и Венгрии. В свою очередь Сталин отказался от притязаний на Грецию и, следовательно, от всякой поддержки коммунистам из Народно-освободительной армии (ЭЛАС). Нерешенной оставалась проблема югославского режима. В декабре 1944 г. Сталин принял наконец генерала де Голля и Жоржа Бидо. В результате переговоров, которые часто становились напряженными (французские представители отказывались признать законность Люблинского комитета), стороны заключили договор о союзе и сотрудничестве на 20 лет.

3. Ялтинская конференция и победа

В начале 1945 г., когда близость победы над Германией уже не вызывала сомнений, союзники решили встретиться, чтобы в свете новой политической и военной ситуации окончательно определить основные черты послевоенного мирового устрой-

ства. Эти вопросы стали предметом переговоров на Ялтинской конференции (4 — 11 февраля 1945 г.), во время которой, как и в Тегеране, Сталин ловко играл на противоречиях между англичанами и американцами и на доверии, которое питал к нему Рузвельт. В течение недели был решен, чаще всего в пользу СССР, ряд фундаментальных вопросов, прежде всего затрагивавших принципы деятельности ООН, учредительная конференция которой должна была открыться 25 апреля в Сан-Франциско. Советский Союз, требовавший для себя на всем протяжении проходивших в Думбартон-Окс предварительных переговоров о формировании этой новой международной организации 1 б мест (по числу союзных республик), заявил, что довольствуется четырьмя, а затем и тремя местами (РСФСР, Украина и Белоруссия). Он также согласился с американским предложением о том, что «никакой постоянный член Совета Безопасности не может пользоваться правом вето при рассмотрении конфликта, в котором он участвует». По мнению Рузвельта, советская позиция «была большим шагом вперед, который будет положительно воспринят народами всего мира». В обмен на эти уступки, незначительные в глазах Советского Союза, но важные для американского президента, желавшего до конца довести свой проект ООН как важнейшего элемента нового равновесия, реалистичного и мирного, для послевоенного мира, советская сторона добилась желаемых результатов почти по всем остальным пунктам:

— Восточная граница Польши пройдет по «линии Керзона». Люблинский комитет, к которому будут добавлены «другие демократические польские лидеры в Польше и за границей», составит ядро будущего правительства национального единства. Это правительство займется скорейшей организацией свободных выборов. Весь процесс будет осуществляться под надзором — из Москвы — комиссии, включающей в себя Молотова и послов США и Великобритании в СССР.

— Не вызвал больших споров принцип военной оккупации Германии. По предложению Черчилля Сталин согласился на выделение французской зоны за счет английской и американской оккупационных зон. Напротив, вопрос о будущем Германии, о ее возможном расчленении, по которому имелись разногласия между Рузвельтом (за раздел) и Черчиллем (против раздела), был передан на рассмотрение специальной комиссии.

— Опасаясь возможного затягивания войны с Японией, Рузвельт предложил Сталину очень выгодные условия в обмен на открытие СССР военных действий против Японии через три месяца после капитуляции Германии: присоединение к СССР Курильских островов и южного Сахалина, право на аренду Порт-Артура, интернационализация порта Дайрен и эксплуатация железнодорожного комплекса Маньчжурии.

— Наконец, западные союзники признали обоснованность предъявленных СССР требований по репарациям: 1 0 млрд. долл. (половина общего объема репараций с Германии), получение которых состояло бы в вывозе товаров и капиталов, использовании рабочей силы. Однако в дальнейшем межсоюзническая комиссия, которая работала в Москве, не смогла достичь соглашения на этой основе.

За три недели до открытия Ялтинской конференции советские войска развернули свое последнее наступление, выручив таким образом западных союзников, застигнутых врасплох неожиданным немецким контрнаступлением в Арденнах. С первых же дней советского наступления немецкая оборона была прорвана на широком фронте. В начале февраля Красная Армия заняла Силезию, а 10 марта форсировала Одер. Прикрытый войсками Рокоссовского на севере и войсками Конева на юге, Жуков 16 апреля бросил двухмиллионную группировку на штурм берлинского укрепленного района, который защищали 1 млн. немецких солдат. 25 апреля произошла встреча советских и американских войск на Эльбе. 30 апреля два советских разведчика водрузили Красное знамя над рейхстагом. 2 мая генерал Чуйков принял капитуляцию берлинского гарнизона. За пределами Германии последние значительные бои произошли в Богемии. Поскольку Сталин добился от американцев, что их войска не пойдут дальше Пльзеня, советские части вошли в восставшую Прагу, которую только что оставили немцы. За несколько часов до этого 9 мая в Берлине в присутствии советских, английских, американских и французских представителей фельдмаршал Кейтель подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Глава IX. Победоносный сталинизм

I. ВОЗВРАТ К ДОВОЕННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

1. Дискуссия об основных направлениях

Возвращение к мирной жизни предполагало прежде всего восстановление экономики и ее переориентацию на мирные цели. Нанесенные войной человеческие и материальные потери были очень тяжелы. Их масштаб определялся не только ожесточением нацистов против населения, состоявшего, по их мнению, из представителей низших рас, грабежом обширных территорий, находившихся под немецкой оккупацией в отдельных случаях до трех лет, но и ошибками советского командования, приведшими к гибели и пленению миллионов солдат. В отношении людских потерь итог войны может быть определен только приблизительно, путем сопоставления различных статистических выкладок. По-прежнему отказываясь от публикации подробных данных, советские власти в последнее время оценивают общие потери убитыми примерно в 27 млн. человек. Это число включает в себя солдат и офицеров действующей армии, военнопленных, лиц, угнанных на принудительные работы, и жертвы среди гражданского населения. В 1946 г. население СССР (172 млн. жителей) едва превышало уровень 1939 г. накануне включения в Советский Союз территорий с населением около 23 млн. человек. Потери составили шестую часть активного населения, в котором доля женщин после войны достигла 56%.

Потери в экономическом потенциале были подсчитаны более точно: 32 тыс. разрушенных предприятий, 65 тыс. км выведенных из строя железнодорожных путей, сокращение поголовья лошадей на 50, свиней — на 65, крупного рогатого скота — на 20%. 25 млн. человек остались без крова в результате разрушения 1710 городов и поселков, 70 тыс. деревень. В сентябре 1945 г. сумма прямых потерь, причиненных войной, была оценена в 679 млрд. рублей, что в 5,5 раза превышало национальный доход СССР в 1940 г.

Помимо огромных разрушений война обусловила полную перестройку народного хозяйства на военный лад, а ее окончание — необходимость новых усилий для его возвращения к условиям мирного времени. С этим было связано и глубокое преобразование общества, которое в течение некоторого времени испытывало, как и в начале 30-х гг., состояние повышенной мобильности, благоприятное для социального продвижения многих его членов. Общественные изменения проявились прежде всего в обновлении рабочего класса, увеличении притока женщин в народное хозяйство, в признании технической и профессиональной компетентности даже за счет политической «правоверности» (особенно для военных и хозяйственных руководителей).

В экономическом отношении война привела к некоторому ограничению волюнтаристской практики: контроль государства над различными формами свободного рынка был ослаблен; как следствие, в районах, избежавших оккупации, повысились доходы сельских жителей; поощрялось мелкотоварное производство. Смягчение мер экономического принуждения, несомненно, сыграло свою роль в патриотическом единении, которое позволило режиму выдержать испытание войной. Возвращение в мирные условия предполагало необходимость не только восстановления экономики, но и выбора путей этого процесса: поддержать ли и взаимоувязать наметившиеся во время войны направления эволюции или же отвергнуть их и вернуться к модели волюнтаристского развития 30-х гг.

Эти важнейшие вопросы стали предметом напряженной дискуссии при рассмотрении в 1945 — 1946 гг. проекта четвертого пятилетнего плана. Дискуссия завершилась победой сторонников возврата к довоенной модели экономического развития. На выбор путей восстановления экономики существенное влияние оказывала оценка международной обстановки. Среди сторонников более уравновешенного экономического развития, некоторого смягчения волюнтаристских методов были такие разные

люди, как Жданов, секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии; Н.Вознесенский, председатель Госплана; П.Доронин, первый секретарь Курского обкома, сторонник такой реорганизации колхозов, при которой возросла бы роль семей благодаря их превращению в основную структурную единицу; Н.Родионов, председатель Совета Министров РСФСР. По их мнению, с возвращением к миру в капиталистических странах должен был наступить жестокий экономический и политический кризис. Учитывалась и возможность конфликта между империалистическими державами из-за передела колониальных империй, — конфликта, в котором в первую очередь столкнулись бы США и Великобритания. По прошествии времени это видение международных отношений может показаться невероятным, но в контексте Ялтинской конференции, где Рузвельт решительно высказался против британского колониализма, оно воспринималось советскими людьми, воспитанными на вере в «межимпериалистические противоречия», как более или менее реалистическое. Согласно этому видению, для СССР не существовало в тот момент никакой угрозы со стороны «фронта» западных держав. Кроме того, Советский Союз располагал реальными возможностями для маневра, поскольку мог выступить в качестве рынка сбыта для экономики капиталистических стран, охваченных кризисом. На такого рода рассуждениях основывалось, например, предложение Молотова, касающееся обязательства заказать в США товары на 6 млрд. долл. в обмен на признание Люблинского комитета. В условиях относительно благоприятного международного климата, далее, не было никакой необходимости продолжать политику ускоренного развития тяжелой промышленности.

Напротив, сторонники возврата к модели экономического развития 30-х гг., среди которых главную роль играли Маленков и Берия, поддерживаемые руководителями тяжелой промышленности, ссылались на исследования экономиста Е.Варги, который в декабре 1944 г. начал публикацию важных разделов труда, посвященного проблемам мирового капитализма, рожденным второй мировой войной.

Варга отрицал теорию неминуемого кризиса капитализма и подчеркивал, напротив, его замечательную способность к приспособлению. Маленков, Берия и их сторонники делали из этого вывод о том, что способность капитализма справляться *со* своими внутренними противоречиями делала международную обстановку очень тревожной, тем более что обладание атомной бомбой давало империалистическим государствам явное военное превосходство над СССР. При таком понимании ускоренное развитие военно-промышленной базы страны представало абсолютным приоритетом.

Манипуляция растущей международной напряженностью в 1946 — 1947 гг., образование фронта консервативных руководителей промышленности, очень плохой урожай 1946 г., послуживший предлогом для ужесточения контроля над крестьянством, и, наконец, смерть Жданова в августе 1948 г. — таковы факторы, объясняющие провал сторонников более сбалансированного развития народного хозяйства и некоторого сокращения роли волюнтаристских методов и принудительных мер в экономической жизни.

2. Невозможная сельскохозяйственная реформа

Принятый Верховным Советом СССР в марте 1946 г. «план реконструкции» не внес окончательной ясности в вопрос выбора того или иного пути. Утвержденные им показатели экономического роста впечатляли, при этом на первый взгляд казались более реалистичными, чем цифры довоенных планов (по сравнению с уровнем 1940 г. предусматривалось увеличение продукции сельского хозяйства на 27%, промышленной продукции — на 48, производительности труда — на 36, национального дохода — на 38%). Уже осенью 1946 г., вследствие очень плохого урожая (менее 40 млн. т), обусловленного отчасти ужасной засухой, а отчасти катастрофическим провалом опыта «дробного управления» (каждый колхоз, подчиненный с начала 194 6 г. одновременно Совету по делам колхозов и трем министерствам, должен был выращивать многие культуры, что не всегда соответствовало местным возможностям), правительство решило снова «прибрать к рукам» крестьянство, контроль над которым в годы войны был до известной степени ослаблен. Была развернута широкая кампания по развитию в колхозах сети партийных ячеек. Одновременно Комиссия по

делам колхозов, созданная 19 сентября 1946 г. и руководимая А.Андреевым, проводившим в 30-х гг. коллективизацию на Кавказе, а с 1943 по 1946 г. являвшегося наркомом земледелия, получила задание принять «все меры к ликвидации нарушений колхозного устава». Только за один 1946 г. 4,7 млн. га земель, «незаконно присвоенных колхозниками», были возвращены в колхозный фонд. С 1947 по 1949 г. таким же образом были отобраны еще 5,9 млн.га.

Эти меры полностью разрушили достаточно зыбкое доверие к правительству, возникшее на селе во время войны и сразу после нее. В 1947 — 1948 гг. правительство прибегло в отношении колхозников к мерам принуждения, которые напомнили им о худших временах первой пятилетки: два указа, принятые 4 июня 1947 г. и близкие по духу и букве к знаменитому закону от 7 августа 1932 г., предусматривали от пяти до двадцати пяти лет лагерей за всякое «посягательство на государственную или колхозную собственность». В 1948 г. колхозникам было настоятельно рекомендовано продать государству мелкий скот, который им было разрешено держать колхозным уставом. Как следствие, за полгода было тайком забито более 2 млн. голов скота. Были сильно повышены сборы и налоги с доходов от продаж на свободном рынке. К тому же торговать на рынке можно было только при наличии специального разрешения, подтверждавшего, что соответствующий колхоз полностью выполнил свои обязательства перед государством. В то время как размер обязательных поставок каждый год возрастал, цены, которые государство платило колхозам за сельскохозяйственную продукцию, оставались вплоть до 1952 г. ниже уровня 1940 г. и возмещали, например в случае производства зерновых, только одну седьмую себестоимости. Денежная реформа декабря 1947 г., заключавшаяся в обмене банковских билетов (10 старых рублей за один новый), проходила на условиях, более выгодных для вкладчиков сберегательных касс (1 за 1 до 3 тыс. рублей, 3 за 2 от 3 тыс. до 10 тыс. рублей, 2 за 1 для вкладов свыше 10 тыс.). Именно поэтому исключительно сильно реформа ударила по крестьянам, которые деньги, вырученные во время войны и особенно в 1945 — 1946 гг., когда цены на свободном рынке были особенно выгодными, хранили у себя, а не в сберкассах, поскольку не осмеливались заявить о своих накоплениях. Успех этой акции засвидетельствовал тот факт, что около трети денежной массы не было представлено владельцами в государственные банки Все эти меры стимулировали массовый отток крестьян в города: около 8 млн. сельских жителей покинули свои деревни в 1946 — 1953 гг.

В конце 1949 г. экономическое и финансовое положение колхозов настолько ухудшилось, что правительству пришлось разработать ряд реформ. В 1950 и 1951 гг. были проведены дискуссии о сельскохозяйственной политике и мерах, которые было необходимо принять Отвечавший за аграрную политику Андреев был заменен другим «специалистом» по сельскому хозяйству — Н.Хрущевым, который до назначения в 1949 г. первым секретарем Московского горкома ВКП(б) и секретарем ЦК партии занимал посты первого секретаря ЦК Компартии Украины и председателя Совета Министров ССР 19 февраля 1950 г. «Правда» опубликовала статью направленную против аграрной политики Андреева и посвященную фундаментальному вопросу о том, какая форма организации труда колхозников лучше — звено или бригада? Обсуждение было острым, поскольку ставился вопрос о всей организации колхозного производства, существовавшей с 1939 г. С конца 30-х гг. власти пребывали в уверенности, что звено — маленькая бригада, которая в большинстве случаев состояла из членов одной семьи, — является наиболее эффективной — в человеческом и техническом планах — структурной единицей в условиях недостаточно механизированного сельского хозяйства, когда личная инициатива оставалась решающим фактором прогресса. Вопреки этому статья «Правды» утверждала, что звено возрождало полностью ошибочную концепцию, которая вела прежде всего к укреплению индивидуализма и семейной солидарности в ущерб «коллективному сознанию». С весны 1950 г. колхозная администрация положила конец самостоятельности звеньев, в очередной раз вызвав глубокое недовольство крестьянства и дезорганизовав сельскохозяйственные работы.

8 марта 1950 г. Хрущев опубликовал в «Правде» план укрепления колхозов, который исходил из тех же целей, что и реорганизация внутриколхозной производственной структуры: усилить политический и экономический контроль на селе. Последовавшие за постановлением от 30 мая 1950 г. меры по укрупнению колхозов бы-

ли проведены очень быстро: за один год количество колхозов сократилось с 252 тыс. до 121 тыс. и до 94 тыс. к концу 1952 г. Они сопровождались новым и значительным уменьшением индивидуальных наделов крестьян. Власти сократили также натуральную оплату, которая составляла значительную часть колхозного «заработка» и считалась большой ценностью, поскольку давала крестьянам возможность продавать излишки продуктов на рынках по высоким ценам.

Если упразднение звеньев и укрупнение колхозов частично решали проблему обеспечения сельского хозяйства кадрами, особенно политическими (в 1952 г. три четверти «укрепленных» колхозов имели партийные организации, тогда как после окончания войны партячейки имелись только в одном колхозе из семи), то с экономической стороны эти меры были плохо обоснованы. В отсталых районах с малочисленным населением (от Белоруссии до Верхней Волги) они лишь усилили недовольство и сопротивление крестьян, делая иллюзорным всякий прогресс сельского хозяйства. Инициатор этих реформ Хрущев рассчитывал закончить начатое им дело радикальным — и утопическим — изменением всего уклада крестьянской жизни. 4 марта 1951 г. «Правда» опубликовала проект создания «агрогородов», изложенный Хрущевым в конце января в одном из выступлений. Агрогород мыслился настоящим городом, в котором крестьяне, переселенные из своих изб, должны были вести городскую жизнь в многоквартирных домах вдалеке от своих индивидуальных наделов. Склоненные к новому, городскому образу жизни комфортом и коммунальными услугами крестьяне в то же время распрощались бы со своей столь живучей индивидуалистической психологией и стали бы обычными трудящимися, включенными в коллектив. Таким образом, этот проект решал сразу две проблемы: трансформируя крестьянское сознание, он уничтожал крестьянина как такового; одновременно стиралась разница между сельским и городским трудом, между крестьянином и рабочим, реализуя таким образом долгожданное единство пролетариата, основы социалистического общества. На следующий день после опубликования проекта «Правда», однако, выступила с уточнением, в котором отмечалось, что в предыдущем номере речь шла не о проекте, а о начале дискуссии. На некоторое время Хрущев был отстранен от руководства сельским хозяйством, за которое он снова энергично примется после смерти Сталина.

3. Возврат к волюнтаризму

Возвращение к принудительным и волевым методам в промышленности началось в 1946 г., когда из-за трудностей перехода на мирную продукцию спад промышленного производства по сравнению с предшествующим годом достиг 17%. Сразу после окончания войны заметно возросла текучесть рабочей силы на предприятиях, как и в 30-х гг. В 1946 г. было принято несколько постановлений, пытавшихся закрепить на предприятиях рабочих, которые в поисках лучших условий труда переходили с места на место, пользуясь недостатком рабочей силы. В том же году был официально подтвержден принцип сдельной оплаты труда; что же касается норм выработки, то они были несколько раз произвольно увеличены. В 1947 г., ободренное хорошими экономическими результатами, правительство решило увеличить ряд показателей пятилетнего плана. 1948 год был ознаменован появлением новых грандиозных проектов, в том числе «Сталинского плана преобразования природы» (предусматривавшего среди прочего создание искусственного моря в Западной Сибири и плотины через Тихий океан, чтобы отвести холодные течения от сибирских берегов), и проектов строительства крупных гидростанций. За смертью Жданова, увольнением Вознесенского, вскоре без суда расстрелянного (1949 г.), и его сотрудников из Госплана последовал пересмотр четвертого пятилетнего плана и принятие сверхволюнтаристских установок экономического роста. Если группа Вознесенского пыталась создать относительно сбалансированный план, в рамках которого экономика могла бы развиваться гармонично, то их преемники вернулись к опробованной в 30-х гг. политике приоритетов, которая предоставляла преимущество отдельным «крупным проектам» и отраслям (прежде всего тяжелой промышленности), консервируя низкий уровень жизни населения.

В 1947/48 — 1952/53 гг. были воспроизведены те же экономические явления и тот же цикл, что и в 30-х гг. Сначала взрывоподобный рост инвестиций, которые достигали в среднем за год 22% национального дохода против 17% в довоенный период, далеко выходя за предусмотренные планом показатели. Как и во время первой

пятилетки, огромное число анархически начатых новостроек остались незавершенными. Инвестиционный бум, раздуваемый больше директорами предприятий, чем планирующими органами, сопровождался инфляционными явлениями, связанными с дефицитом, трудностями в снабжении и перекосами в оплате труда, а также очень высоким ростом спроса на рабочую силу со стороны предприятий, больше озабоченных максимальным увеличением числа работающих и парка оборудования, чем созданием условий для повышения производительности труда. В результате количество работающих увеличилось на 8,5 млн. человек, в то время как план предусматривал прибавку в 4,8 млн. Прием на работу в промышленности в 70 случаях из 100 происходил «у ворот предприятий», что недвусмысленно свидетельствовало о провале централизованной и «плановой» системы в области занятости. Как и до войны, большинство новых рабочих (60% из 7 млн.) были выходцами из деревни. Приток неквалифицированной рабочей силы привел к кризису в организации труда, во многом напоминавшему тот, что разразился в стране в годы двух первых пятилеток. Его проявлениями стали относительно низкий рост производительности труда (в среднем 6% в год за четвертую пятилетку), такие «негативные явления», как увеличение числа прогулов, сохранявшаяся текучесть рабочей силы, брак, проблемы производственной дисциплины и т.д., а также попытки пропаганды «передового опыта» и «героев труда». Как ив 1935 — 1937 гг., был инициирован подъем стахановского движения. «Стахановым четвертой пятилетки» стал А.Филиппов — каменщик, участник социалистического соревнования за восстановление городов, разрушенных во время войны. Как ив 1935 — 1937 гг., этот эксперимент встретил сопротивление инженеров и техников, понимавших, что всякий рекорд ведет к дезорганизации производства, да и простых рабочих, для которых очередной «трудовой подвиг» оборачивался произвольным и всеобщим повышением норм выработки.

Обновление рабочего класса за счет притока сельских жителей сопровождалось заметным социальным продвижением квалифицированных рабочих и молодых горожан. С 1947 по 1953 г. около 4 млн. человек получили высшее и среднее специальное образование. Из них 1,5 млн. были рабочие, ушедшие с производства для получения образования в профтехучилищах или вузах. Для этих рабочих личное продвижение частично компенсировало сохраняющиеся жизненные трудности. Относительная нехватка рабочей силы, в связи с сокращением вследствие войны активного населения на одну шестую, привела к росту номинальной зарплаты в течение всего периода 1945 — 1953 гг., составившего 8% в год в 1945 — 1950 гг. и 2,3% в год в последующем. Однако, учитывая сильнейший дефицит, о котором свидетельствовала значительная разница между рыночными и государственными ценами, и исходя из того, что государственная розничная торговля не покрывала все потребности, рост стоимости жизни значительно опережал увеличение зарплаты. Анализ потребления показывает, что в городах уровень жизни 1928 г. (едва приблизившийся к уровню 1913 г.) был достигнут только в 1954 г., а уровень 1940 г. (более низкий, чем в 1928 г.) — в 1951 г.

Попробуем подвести итоги. В сельском хозяйстве, после катастрофы 1946 г. и впечатляющего рывка 1947 г., в последующем темпы роста оставались очень скромными. Хронические трудности деревни были вызваны главным образом антиколхозной политикой правительства, которая подавляла любую инициативу и толкала наиболее предприимчивых к бегству в город, несмотря на очень жесткое законодательство, сурово наказывавшее крестьян, фактически являвшихся гражданами второго сорта, за их «отступничество».

В промышленности фаза быстрого роста (1947 — 1948 гг.) и даже «перегрева» (1949 — 1950 гг.) затем сменилась фазой явного замедления, длившейся до 1954 г. Начиная с 1948 г. промышленность в полной мере испытала трудности, вызванные сверхволюнтаристским пересмотром показателей четвертого пятилетнего плана. Это напоминало динамику обострения экономических и социальных конфликтов 30-х гг.: распыление капиталовложений, идя навстречу требованиям директоров предприятий, дезорганизация производства из-за всевозможных дефицитов, расстройство финансов, рост незавершенного строительства, отсутствие действенного контроля за деятельностью директоров (вследствие чисток, обрушившихся на Госплан в 1948 — 1949 гг.), напряженность в среде рабочего класса.

Возврат, иногда даже в карикатурной форме, к схеме развития 30-х гг. был теоретически обоснован Сталиным в его последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Исходя из традиционного тезиса, согласно которому закат капитализма делает последний агрессивным и опасным, Сталин утверждал, что преимущественное развитие тяжелой промышленности и ускорение процесса преобразования сельского общества в сторону все более огосударствленных и «социалистических» форм собственности и организации труда (совхозы) должны были оставаться двумя приоритетами советской экономической политики. Сталин специально уточнял, что колхозы — переходная структура — не должны были, хотя они этого и желали, получить возможность выкупать МТС и владеть своей собственной техникой. Если бы это произошло и они стали бы собственниками своих средств производства, это означало бы шаг назад в «степени коллективизации» сельского хозяйства! Выступая против сторонников того, чтобы цены (особенно на сельхозпродукты) основывались на реальной стоимости, Сталин возражал против любой уступки рынку, превозносил замену денежных платежей продуктообменом и систематическое снижение розничных цен, что обрекало колхозы, которые, кстати, не освобождались от необходимости капиталовложений, на убыточность.

Возврат к модели развития 30-х гг. вызвал значительные экономические потрясения, резко ухудшившие в 1951 — 1953 гг. все хозяйственные показатели, и серьезную напряженность в обществе. К последней добавились ужесточение политических и идеологических мер, а также усиление международной напряженности на фоне сложного переплетения взаимодействующих сил. Период 1945 — 1953 гг., отличавшийся большой цельностью, воспринимается сегодня как логическое завершение, итог экономической и политической линии, проводившейся после отказа от нэпа.

II. УСИЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ ВО ВСЕХ СФЕРАХ

1. «Одергивание» национальностей

Если в экономической области война привела к ограничению волюнтаристской практики, то в идейно-политической сфере она вызвала ослабление надзора, увеличила число неконтролируемых идейных движений, особенно среди тех, кто в течение нескольких лет находился за пределами системы (в оккупированных районах или в плену), в национальной среде и интеллигенции.

С возвращением к мирной жизни власти попытались, действуя чаще всего жестко, восстановить контроль над умами. Обращение с военнопленными, репатриированными в СССР, уже с лета 1945 г. свидетельствовало об ужесточении режима. В целом только около 20% из 2 млн. 270 тыс. репатриированных военнопленных получили разрешение вернуться домой. Большинство же бывших военнопленных были или отправлены в лагеря, или приговорены к ссылке минимум на пять лет или к принудительным работам по восстановлению разоренных войной районов. Такое обращение было продиктовано страхом, что рассказы репатриированных о пережитом будут слишком расходиться с тем, что официально выдавалось за правду. Показательно, что в июне 1945 г. сельские органы власти получили инструкцию установить в деревнях на видном месте щиты с надписями, предупреждавшими, что не следует верить рассказам репатриированных, так как советская реальность неизмеримо превосходит западную. Это уведомление имело целью морально изолировать репатриированных и заставить людей подозревать их в предательстве.

Возвращение в состав СССР территорий, включенных в него в 1939 — 1940 гг. и остававшихся в оккупации в течение почти всего хода войны, во время которой там развились национальные движения против советизации, вызвало цепную реакцию вооруженного сопротивления, преследования и репрессивных мер. Сопротивление аннексии и коллективизации было особенно сильным в Западной Украине, Молдавии и Прибалтике. Первая советская оккупация Западной Украины (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.) вызвала к жизни довольно мощную подпольную вооруженную организацию — ОУН (Организация украинских националистов). После прихода туда немецких войск ее лидеры предприняли безуспешные попытки создать независимые украинские правительства во Львове и Киеве. Члены ОУН часто добровольно всту-

пали в подразделения СС (такие, как дивизия «Галитчина») для борьбы против евреев и коммунистов, В июле 1944 г., когда Красная Армия вступила в Западную Украину, ОУН создала Высший совет освобождения Украины. Лидер ОУН Р.Шухович стал командующим Украинской повстанческой армии (УПА), численность которой достигла осенью 1944 г., согласно украинским источникам, более 20 тыс. человек. С июля 1944 г. по декабрь 1949 г. советские власти семь раз предлагали повстанцам сложить оружие, обещая им амнистию. В 1945 — 1946 гг. сельские районы Западной Украины, ее «глубинка», находились в основном под контролем повстанцев, которые пользовались поддержкой крестьянства, категорически отвергавшего саму идею коллективизации. Силы УПА действовали в районах, граничивших с Польшей и Чехословакией, скрываясь в этих странах от ответных операций Советской Армии. О масштабах этого движения можно судить по тому, что СССР был вынужден подписать в мае 1947 г. соглашение с Польшей и Чехословакией о координации борьбы против украинских «банд». Согласно ему польское правительство переместило украинское население на северо-запад страны, чтобы лишить повстанцев их прочной базы. Голод 1947 г., заставивший десятки тысяч крестьян из восточной части Украины бежать в западную, менее пострадавшую, позволил повстанцам в течение еще некоторого времени пополнять свои ряды. Окончательно Западная Украина была покорена только в 1950 г., после проведения там коллективизации, переселения целых деревень, депортации, ссылки или арестов около 300 тыс. человек (с 1945 по 1950 г.). Эта цифра включала тех, кто сотрудничал с немцами, повстанцев и простых крестьян, которые сопротивлялись коллективизации или поддерживали партизан из УПА. Судя по признанию министра внутренних дел УССР в декабре 1949 г., «повстанческие банды» набирались не только из крестьян. Среди разных категорий «бандитов» этот документ упоминал также «молодых людей, сбежавших с заводов, донецких шахт и из фабрично-заводских училищ».

Возвращение Западной Украины в состав СССР сопровождалось преследованиями униатов. После смерти в ноябре 1944 г. митрополита Западной Украины Шептицкого Униатской церкви было рекомендовано слиться с Русской православной церковью. Вскоре новый митрополит Слипый и несколько других иерархов были арестованы и осуждены за сотрудничество с немцами. В марте 1946 г. в Киеве состоялся объединительный Синод, на котором председательствовал патриарх Алексий. В 1951 г., после убийства Закарпатского епископа Ромши, униаты этого региона были также присоединены к Русской православной церкви.

В прибалтийских странах советские власти, прежде чем приступить к коллективизации, провели депортацию «классово враждебных» элементов, конфисковали земли крупных собственников, которые были распределены среди бедных крестьян, подавили сопротивление аннексии со стороны вооруженных групп партизан (1945 — 1948 гг.). В 1948 г. удельный вес коллективизированных хозяйств не превышал 2,4% в Латвии, 3,5 — в Литве и 4,6% в Эстонии. Насильственная коллективизация была проведена в два года (1949 — 1950 гг.). В 1950 г. в этих республиках было коллективизировано соответственно 90,8, 84 и 76% хозяйств по той же модели, что и во всей стране в 1929 — 1933 гг.: ликвидация имевшихся форм добровольной кооперации, охватывавших в этих районах три четверти крестьянских хозяйств, раскулачивание, экономическое и полицейское давление на крестьян, вынуждавшее их забивать свой скот и вступать в колхозы. Коллективизация сопровождалась депортацией примерно 400 тыс. литовцев, 150 тыс. латышей и 50 тыс. эстонцев.

26 июня 1946 г. «Известия» опубликовали указ о высылке за коллективное предательство чеченцев, ингушей и крымских татар, ликвидации Чечено-Ингушской автономной республики, а также «разжаловании» Крымской автономной республики в Крымскую область. На самом деле депортация этих и других не названных в указе народов была произведена уже за несколько лет до этого. Указ от 28 августа 1941 г. объявил о «переселении» немцев Поволжья (400 тыс. человек в 1939 г.) под предлогом наличия среди них «диверсантов» и «шпионов». С октября 1943 по июнь 1944 г. за «сотрудничество с оккупантами» были депортированы в Сибирь и Среднюю Азию шесть других народов: крымские татары (примерно 200 тыс. человек), чеченцы (400 тыс.), ингуши (100 тыс.), калмыки (140 тыс.), карачаевцы (80 тыс.), балкарцы (40 тыс.). В течение примерно десяти лет депортированные народы официально как бы не существовали.

Политика репрессий против некоторых национальностей и отказа от удовлетворения их национальных чаяний в известном смысле была продолжена в «речи Победы», произнесенной Сталиным 24 мая 1945 г. Поднимая тост не за советский, а за русский народ, Сталин объяснил, что последний — «руководящая сила Советского Союза» — сыграл решающую роль в войне. Своими «ясным умом», «стойким характером» и «терпением» он заслужил право быть признанным вождем «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза».

Речь Сталина означала отказ от прежней концепции русского народа как первого среди равных в пользу его дореволюционного видения как народа-просветителя и покровителя. Вместе с тем Сталин, по сути, лишь вернулся к идеям, которые он отстаивал вопреки Ленину в 1922 г. в своем проекте автономизации, где Россия играла роль центра системы. Эта концепция была «исторически обоснована» во второй половине 40-х гг. прославлением прошлого русского народа и ревизией истории его отношений с другими народами СССР. Как и в 30-х гг., к созданию новой истории страны партия подключилась неповоротливо и грубо. В 1946 г. был закрыт «Исторический журнал», признанный неспособным разработать новый подход к истории. Созданные вместо него «Вопросы истории» в свою очередь в 1949 г. подверглись жестокой чистке. Историкам было настоятельно рекомендовано «избегать недооценки влияния Киевской Руси на Западную Европу» и «показывать действительно прогрессивный аспект исторического вклада русского народа в развитие человечества».

В работу были вовлечены и представители естествознания. Состоявшаяся 5 — 10 января 1949 г. в Ленинграде сессия Академии наук СССР, посвященная 225-й годовщине основания российской Императорской Академии наук, «окончательно» доказала историческое превосходство русской науки. Ей был приписан приоритет следующих открытий: радио, лампа накаливания, трансформатор, самолет, парашют, передача электроэнергии. Таким же образом Ломоносов стал первооткрывателем закона сохранения энергии. Если русское прошлое превозносилось во всех своих аспектах (древность заселения, уровень цивилизации, достижения в области искусства и науки, военные победы, просветительская деятельность), то политические и культурные свершения, которые относились к далекому прошлому нерусских народов, должны были затушевываться на фоне восхвалений оказанных русскими благодеяний. Дореволюционная история этих народов изображалась как непрерывно крепнущая дружба между ними и русским народом, а царская империя представала отнюдь не «тюрьмой народов», а тиглем, в котором выплавлялось единство народов, собранных вместе благодаря их колонизации русским народом, к тому же открывшим перед инородцами революционную перспективу. В рамках этого нового видения национальные движения сопротивления царизму, когда-то признававшиеся «прогрессивными», могли только осуждаться. После четырех лет оживленных дискуссий имам Шамиль, предводитель движения за независимость Кавказа в первой половине XIX в., был признан «английским шпионом», а движение — «реакционным». Следствием этой «исторической» дискуссии, проведенной Институтом истории АН СССР, стал глубокий политический кризис в Грузии. 1 апреля 1952 г. пленум ЦК КП(б) Грузии, проведенный в присутствии специально приехавшего из Москвы Берии, сместил все руководство республики, находившееся у власти с 193 8 г. Новое руководство во главе с А.Мгеладзе начало крупномасштабную чистку, которая коснулась более 400 секретарей горкомов и райкомов партии, подавляющего большинства партийных кадров на местах. В 1951 г. критике из центра был подвергнут национальный эпос мусульманских народов: азербайджанская эпопея «Деде Коркут», узбекская «Альпамыш», казахский эпический цикл «Ер Саин», «Шора Батыр» и «Кобланды Батыр», киргизская эпопея «Манас», которые были осуждены за их «клерикальную и антинародную» направленность и запрещены. В большинстве мусульманских республик национальная интеллигенция молча приняла этот удар по культурному наследию. Исключение составила Киргизия: даже в партийных организациях бурная полемика по поводу запрещения «Манаса» продолжалась несколько месяцев.

2. Ждановщина

Одновременно с «одергиванием» нерусских народов в 1946 г. была развернута кампания по восстановлению несколько ослабленного во время войны контроля за интеллектуальной жизнью страны. Интеллигенция надеялась, что тенденции, наме-

тившиеся в годы войны, получат дальнейшее развитие в мирное время. Однако надежды либеральных сил были быстро развеяны. Летом 1946 г. власти развернули широкое наступление против любого проявления интеллектуального творчества, где обнаруживались так называемые «заграничное влияние», «западное упадничество», «метафизические тенденции», «антирусский партикуляризм», «мелкобуржуазный индивидуализм» и «искусство для искусства». Идеологическое руководство этой кампанией осуществлялось лично Ждановым с таким рвением, что она была окрещена ее жертвами «ждановщиной». Однако и после смерти Жданова эта кампания продолжалась с не меньшей, а может быть, и большей жестокостью вплоть до 1953 г. Если причины, по которым интеллигенция «прибиралась к рукам», были понятны в условиях, когда власти взяли курс на всемерное восхваление Сталина, на окончательное создание культа его личности и легенды о нем, то объяснение выбора конкретного момента для развертывания наступления вызывает определенные затруднения. Похоже, однако, что именно тяжелый экономический кризис лета 1946 г., снова приведший к голоду (особенно сильному на Украине, в Молдавии и Нижнем Поволжье), подтолкнул власти к решению заставить интеллигенцию молчать. В СССР, недавно вышедшем победителем из войны, интеллигенты, конечно, не поверили бы, что засуха — « единственная причина голода в стране, и перед лицом этого возмутительного явления — с конца XIX в. голод неизменно восстанавливал гражданское сознание образованных кругов против властей — критика со стороны интеллигенции неизбежно перешла бы на экономическую политику правительства, ответственного в не меньшей, а может быть, и большей степени, чем засуха, за катастрофически низкий урожай 1946 г. Первым признаком изменения в духовном климате общества было решение о создании 1 августа 1946 г, нового журнала «Партийная жизнь», призванного контролировать развитие интеллектуальной, научной и художественной жизни, отмеченное со времени победы «идеологической вялостью, появлением новых идей и иностранных влияний, подрывающих дух коммунизма».

14 августа ЦК партии обрушился на журналы «Ленинград» и «Звезда» (первый получил выговор, а второй был закрыт) за то, что они стали проводниками «идеологий, чуждых духу партии», особенно после публикации произведений поэтессы А.Ахматовой и сатирика М.Зощенко. Через несколько дней они были исключены из Союза писателей на собрании, где Жданов долго объяснял, что в рассказе «Приключения обезьяны» (больше, чем любой другой, поставленном в вину Зощенко) «изображение жизни советских людей, нарочито уродливое, карикатурное и пошлое, понадобилось Зощенко для того, чтобы вложить в уста обезьяны гаденькую, отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей». Назначенному первым секретарем правления Союза писателей Фадееву было поручено навести порядок в этой организации. 4 сентября новое постановление ЦК подвергло критике «безыдейные», то есть без идеологических лозунгов, фильмы. В нем были названы три фильма: «Большая жизнь», рассказывавший о жизни донецких шахтеров и обвиненный в том, что в нем «фальшиво изображены партийные работники», отсутствует показ «современного Донбасса с его передовой техникой и культурой, созданной за годы Сталинских пятилеток»; «Адмирал Нахимов» Пудовкина и вторая серия «Ивана Грозного» С.Эйзенштейна. Знаменитый режиссер подвергся критике прежде всего за то, что создал ложный образ (как «бесхарактерного человека» «типа Гамлета») царя, который фигурировал отныне среди великих строителей русского государства рядом с Петром Великим и... Сталиным.

Новый еженедельник «Культура и жизнь» получил задание проверить, действительно ли наука, литература, искусство, кино, радио, музыка, пресса, музейное дело «поставлены на службу коммунистического воспитания масс». В конце 1946 г. «Культура и жизнь» начала кампанию против «декадентских тенденций» в театре и потребовала исключить из репертуара все пьесы зарубежных драматургов. 24 июня 1947 г. Жданов провел совещание философов, на котором добился осуждения «Истории западной философии» Г.Александрова, руководившего до этого Агитпропом и ставшего в 1 946 г. лауреатом Сталинской премии. Согласно Жданову, Александров проявил чрезмерную терпимость в своих суждениях об идеалистической, буржуазной и декадентской философии, «вдохновлявшей» борьбу империалистических держав против СССР (за это отсутствие полемического задора его сравнили с «беззубым вегетарианцем»).

Несколько месяцев спустя ждановщина затронула музыку — сферу, которой она до этого не касалась. Предлогом послужило исполнение в декабре 1947 г. трех произведений, заказанных к тридцатилетию Октябрьской революции: Шестой симфонии Прокофьева, «Поэмы» Хачатуряна и оперы Мурадели «Великая дружба». 10 февраля 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О декадентских тенденциях в советской музыке», осуждавшее оперу Мурадели, который «пренебрег лучшими традициями и опытом классической оперы вообще, русской классической оперы в особенности, отличающейся внутренней содержательностью, богатством мелодий и широтой диапазона, народностью, изяществом, красивой, ясной музыкальной формой, сделавшей русскую оперу лучшей оперой в мире». Мурадели, утверждалось далее, допустил в либретто оперы «исторически фальшивую» трактовку отношений между русскими, с одной стороны, и грузинами и осетинами, с другой, во время «борьбы за установление советской власти и дружбы народов на Северном Кавказе в 1918 — 1920 гг.». Не менее острой критике подверглись композиторы, «придерживающиеся формалистического, антинародного направлений»: Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Мясковский и другие, которые «снизили высокую общественную роль музыки и сузили ее значение, ограничив его удовлетворением извращенных вкусов эстетствующих индивидуалистов». Следствием постановления стала чистка и Союза композиторов. «Антиформалистская» кампания велась в течение всего 1948 г. с большой решимостью: почти все известные интеллектуалы и деятели искусства были осуждены, исключены из творческих ассоциаций и вынуждены прекратить свою деятельность. Вместе с тем в отличие от практики 30-х гг., которые, правда, не знали такого въедливого контроля за каждой областью духовной жизни, большинство подвергнутых остракизму интеллектуалов и деятелей искусства не были арестованы или отправлены в лагеря.

С конца 1948 г. критику «формалистических» тенденций затмило открытие нового вредного уклона: «космополитизма». Впрочем, формализм и космополитизм являлись двумя сторонами одного и того же «низкопоклонства перед Западом». Запрет на контакты и вступление в брак советских граждан с иностранцами стал первой антикосмополитической мерой. Критика космополитизма быстро приобретала все более откровенный антисемитский характер. Газеты соревновались друг с другом в выявлении «настоящих имен» осужденных космополитов. Кампания была направлена в первую очередь против интеллигентов-евреев, обвиненных в «индивидуалистическом и скептическом обособлении», «антирусском космополитизме», «сионистской деятельности в интересах империализма». При таинственных «обстоятельствах в дорожном происшествии погиб художественный руководитель Еврейского театра С.Михоэлс. Преследования начались после того, как советские евреи продемонстрировали свою поддержку созданию государства Израиль и приветствовали приезд в Москву его первого посла Голды Меир. Еврейский антифашистский комитет, который в годы войны занимался сбором среди еврейских общин в разных странах, главным образом в США, финансовых средств для поддержки Советского Союза, был распущен, а его периодические издания, включая «Эйникайт», в котором сотрудничали самые выдающиеся представители еврейской интеллигенции СССР, и культурные организации — запрещены. Несколько сотен интеллигентов были арестованы. Некоторые из самых известных (Фефер, Перец, Маркиш, Бергельсон, Квитко) были отправлены в Сибирь ив 1952 г. расстреляны по обвинению в намерении собрать евреев в Крыму, откуда были выселены крымские татары, и организовать там акты саботажа. Объявление о раскрытии в январе 195 3 г. «заговора убийц в белых халатах», в котором подозревались несколько медицинских светил еврейского происхождения, окончательно деморализовали советских евреев, в течение нескольких недель со дня на день ожидавших решения об общей депортации.

Идеологический контроль был распространен на все сферы духовной жизни. Столь же уверенно, как в истории и философии, партия выступала как законодатель и в языкознании, биологии и математике, осуждая некоторые науки как «буржуазные». Такая же участь постигла волновую механику, кибернетику и психоанализ.

В 1950 г. Сталин принял личное участие в дискуссии о языкознании, выступив со статьей «Марксизм и проблемы языкознания» против теорий Н.Марра. Сталин старался доказать, что речь является совокупностью словесных раздражителей, позволяющих направленно вызывать у человека соответствующие психические реакции

и действия. Лингвистические проблемы были лишь предлогом, чтобы поднять вопрос взаимоотношений между надстройкой и базисом советского общества, что заставило Сталина еще раз заявить об абсолютной необходимости незыблемого и всесильного государства в СССР. Спустя два года в «Письме товарищу Холопову», опубликованном в «Правде» 2 августа 1952 г., он вернулся к этой теме, открыто объявив неправильным выдвинутый Энгельсом в «Анти-Дюринге» тезис об отмирании государства после революции, поскольку капиталистическое окружение не было уничтожено, а социалистическая революция реально победила только в одной стране.

Совсем другой смысл носила дискуссия о биологии. Она была связана с экономическими, в первую очередь сельскохозяйственными, трудностями страны и торжеством псевдонаучной теории о наследственности шарлатана Т.Лысенко, обещавшего Центральному Комитету «и лично товарищу Сталину» в минимальные сроки обеспечить изобилие сельскохозяйственных продуктов. Карьера Лысенко началась в феврале 1935 г. на II съезде колхозников-ударников, где он, тогда молодой агробиолог, обрушился на «кулаков от науки». Очень скоро он был назначен президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина, откуда изгнал настоящих генетиков, своих научных оппонентов, и добился в 1940 г. ареста знаменитого генетика и ботаника Н.Вавилова, который умер в тюрьме в 1943 г. Начавшиеся накануне войнч преследования генетиков и биологов были с удвоенной энергией возобновлены в 1947 — 1948 гг. Под влиянием Лысенко ЦК навязал такую интерпретацию понимания изменчивости, которая соединяла марксистский детерминизм с признанием возможности влиять на человеческую природу. Собравшаяся в августе 1948 г. сессия ВАСХНИЛ послужила сигналом для преследования всех генетиков и биологов-»менделистов» (среди которых было много евреев). Академики А.Жебрак, П.Жуковский, Л.Орбели, А.Сперанский, И.Шмальгаузен и их ученики — в общей сложности несколько сотен исследователей — были изгнаны из Академии и со своих факультетов. В стране была запрещена генетика Менделя, а также все отрасли знания, которые рассматривали ту или иную форму неопределенности: квантовая физика, теория вероятностей, статистический анализ в социологии и т.д.

В той же мере, что и занятие Лысенко и его сторонниками ключевых постов в ВАСХНИЛ, лысенковщина была выражением политики партии по отношению ко всему научному знанию, триумфом той волюнтаристской псевдонауки, которая позволяла руководству страны, находящейся на грани голода, утверждать, что советское сельское хозяйство в ближайшем будущем ждет впечатляющий подъем. Лысенковщина вдохновляла абсурдные «сталинские планы преобразования природы», а также «планы преобразования человека», под которыми «специалисты по психологии» типа академика К. Быкова понимали систематическое применение теорий Павлова для создания «нового человека».

3. Апогей системы концлагерей

Идеологическое и политическое ужесточение 1945 — 1953 гг. привело к разрастанию репрессивных органов и концентрационной системы. С 1946 г. деятельность по охране порядка и подавлению инакомыслия осуществлялась двумя органами, чьи права и обязанности оставались туманными и не регламентировались никаким законом: Министерством внутренних дел (МВД) и Министерством государственной безопасности (МГБ). Многочисленные перестановки в их руководстве, произошедшие в эти годы, отражали сложные перипетии той борьбы за власть, которой в политическом плане был отмечен конец сталинской эры. В 1946 г., оставаясь заместителем председателя Совета Министров и членом Политбюро, Берия уступил руководство МВД генералу Круглову. МГБ, могущество которого постоянно росло, отошло к одному из подчиненных Берии Абакумову, заместителем которого Круглое работал в течение некоторого времени. В ноябре 1951 г. Абакумов был заменен Игнатьевым, ставленником Сталина. Если верить некоторым свидетельствам, Сталин перестал тогда доверять Берии и поставил политическую полицию под усиленный контроль «специального сектора» своего Секретариата.

Учитывая численность новых категорий приговоренных к лагерям (бывшие военнопленные, «чуждые элементы» из регионов, недавно включенных в СССР, пособники оккупантов, представители подвергшихся массовой депортации народностей),

следует признать, что в послевоенные годы советская концентрационная система достигла своего апогея. Так же как и для конца 30-х гг., оценки численности заключенных ГУЛАГа колеблются от 4,5 до 12 млн. человек. Тем не менее все историки признают, что число заключенных в лагерях и тюрьмах достигло своего максимального уровня в 1948 — 1952 гг., когда многие приговоренные в 1937 — 1938 гг. к десяти годам лагерей без суда получили новый срок на основании административного решения. С другой стороны, есть основания полагать, что и смертность среди заключенных после 1948 г. значительно сократилась благодаря осознанию властями необходимости «беречь» экономически выгодную рабочую силу.

По сравнению с предыдущими годами организация концентрационной системы отличалась рационализацией использования заключенных, созданием для политзаключенных специальных лагерей и ростом числа серьезных попыток восстаний заключенных.

Можно полагать, что в отличие от послесталинского ГУЛАГа, если информация о насыщенности европейской части СССР лагерями не была сильно приуменьшена, основная часть лагерей находилась тогда в самых удаленных и суровых районах нового освоения, от безводных пустынь Средней Азии до полюса холода в Якутии. В конце 40-х гг. советская концентрационная система имела уже четвертьвековую историю. Местом, где началось ее формирование, были Соловецкие острова. Достаточно символично то, что центром, вокруг которого стала создаваться в 1923 г. структура архипелага ГУЛАГ, послужил крупный монастырь на этих островах, который до революции был стратегической крепостью, а затем тюрьмой, В конце 20-х гг. «население» Соловков было разбросано по стройкам железных дорог и лесоповалам Карелии, Мурманской, Архангельской и Вологодской областей. Первой большой сталинской стройкой с использованием заключенных стала прокладка Беломоро-Балтийского канала (1931 — 1933 гг.). В то же время было начато поэтапное строительство «Северо-Восточной дороги», вдоль которой были разбросаны более или менее постоянные лагеря. Эта транспортная артерия, берущая начало от стратегического Котласского перекрестка, продвигалась со своими рельсами, лесосеками и рудниками сначала к Усть-Илиму, а затем к Ухте, Печоре и Воркуте. Она делилась на две ветки: одна на Северный Урал, в район Соликамска, а другая — в арктические районы (Салехард, затем Норильск), куда в 1939 г. были переведены последние соловецкие узники. Во второй половине 30-х гг. заключенные начали строить еще одну линию от Южного Урала к Кузбассу, Байкалу (группа лагерей ОЗЕРЛаг) и Амуру (группа лагерей БАМЛаг). В тот же период по крайней мере центральная часть Казахстана и Колыма также покрылись сетью лагерей.

Полностью изолированная — добраться туда можно было только морем — Колыма стала регионом-символом ГУЛАГа. Ее административный центр и порт приема заключенных Магадан был построен ими самими, как и жизненно важное Магаданское шоссе, соединявшее только лагеря. Добыча золота в нечеловечески тяжелых условиях, позднее детально описанных бывшими узниками, составляла основной вид их деятельности. В Казахстане заключенные начали разработку месторождений угля и медной руды в районе Караганды. Оттуда лагеря распространились в Джезказган и Экибастуз, получившие известность благодаря восстаниям, которые там произошли в 1953 г. Немного севернее сельскохозяйственное освоение степей обеспечивал СТЕПЛаг, насчитывавший в 1949 г. 200 тыс. заключенных.

В сложной системе лагерей заключенные направлялись преимущественно на лесоповал («летучие лагеря» в тайге передвигались вместе с лесосеками), в горнодобывающую промышленность, главным образом (за исключением угольных шахт Воркуты и Караганды) в отрасли с высокой степенью риска для жизни (добыча урана, свинца, асбеста, золота, алмазов — большинство этих рудничных лагерей, где смертность была особенно высокой, относилось к СВИТЛагу, разбросанному по огромной территории от Якутска, Ногаевой бухты до устья Колымы с центром в Магадане), на строительство железных дорог (железная дорога Байкал — Амур, прокладка которой велась заключенными из БАМЛага, насчитывавшего в своих трех десятках «лагпунктов» несколько сотен тысяч заключенных; арктическая железная дорога Салехард — Игарка длиной 1200 км, так и не введенная в строй), на строительство крупных плотин (Усть-Каменогорск, Братск), городов (Комсомольск, Находка, Магадан, Братск, Норильск, Воркута, Балхаш, если называть только самые большие), на осуществле-

ние таких престижных проектов, как Волго-Донской канал, строительство которого закончилось в 1952 г.

В 1948 г., в обстановке общей нехватки рабочей силы из-за понесенных в войне потерь, когда особенно пострадало население наиболее трудоспособных возрастов, власти распорядились использовать заключенных более «экономно» и «рентабельно». В 1945 — 1948 гг. особенно высокой была смертность среди заключенных, отправленных в лагеря за пребывание в немецком плену. Этим ослабленным и больным людям не удавалось выполнять норму выработки больше, чем на 30—40%, за что им соответственно урезалось питание. Поэтому «доходяги», как их называли на лагерном жаргоне, быстро умирали. Чтобы стимулировать производительность труда, с 1948 г. власти разрешили выдачу дополнительной зарплаты «ударникам»; также были увеличены пайки для выполнявших нормы выработки. Экономическая рентабельность ГУЛАГа получила различные оценки: некоторые (А.Солженицын, С.Розенфельд) подчеркивают невероятную дешевизну этой рабочей силы, «оплачиваемой» из расчета обеспечения ее воспроизводства; другие (Амальрик, Буковский) настаивают на широком распространении всякого рода «приписок», очень низкой производительности лагерной рабочей силы и огромных расходах на содержание многочисленного и коррумпированного лагерного персонала. Как бы то ни было, «население» ГУЛАГа внесло основной вклад в освоение новых районов, ресурсы которых могли бы эксплуатироваться вольной наемной рабочей силой, как это делается в настоящее время, правда, с очень большими экономическими затратами.

В 1948 г. были созданы лагеря «специального режима», в которых в очень тяжелых условиях содержались лица, осужденные за «антисоветские» или «контрреволюционные акты». У этих людей не оставалось никаких иллюзий относительно системы. Они, как правило, прошли военную службу, умели обращаться с оружием и имели совершенно другой жизненный опыт и мировосприятие по сравнению с «врагами народа» 30-х гг. — интеллигентами, партийными функционерами и хозяйственниками, убежденными в том, что их арест — результат ужасного недоразумения. Способные сопротивляться давлению «уголовников», которые при попустительстве администрации всегда терроризировали «политических», эти «новые заключенные» превратили некоторые «спецлагеря» в настоящие очаги восстания и политического сопротивления. Именно 1948 — 1954 гг. были отмечены несколькими восстаниями заключенных. Самые известные из них произошли в Печоре (1948 г.), Салехарде (1950 г.), Кингире (1952 г.), Экибастузе (1952 г.), Воркуте (1953 г.) и Норильске (1953 г.). Брожение в лагерях, особенно «специальных», достигло очень высокого уровня после смерти Сталина и отстранения Берии, то есть весной и летом 1953 г. и в 1954 г. Возглавленное, как и большинство предыдущих мятежей, бывшими военными, это движение приняло открыто политический характер.

Восстания заключенных дали основание отдельным авторам (прежде всего К.Лефору) утверждать, что «население» ГУЛАГа составляло некий «социальный класс», особенно эксплуатируемый и притесняемый правящим классом. Для Солженицына ГУЛАГ являлся территорией особой «зековской нации» со своей собственной культурой, своими кодексами и законами, языком, обществом, структурированным в рабочие бригады, для которых назначалась коллективная норма выработки и где применялись принципы коллективной ответственности; обществом, разделенным на «политических» и «уголовников», со сложной иерархией надзирателей, зеков, произведенных в мастера, «сачков», которым удалось, благодаря тому, что они владели какой-либо редкой и нужной специальностью, добиться от администрации освобождения от общих работ, всесильных блатных («воров» на лагерном жаргоне), помыкавших люмпен-пролетариатом, «внутренних рабов», зачастую превращенных в пассивных гомосексуалистов.

Существование этой параллельной «нации» не было только результатом репрессивной политики, проводившейся в отношении отдельных лиц и групп, подозреваемых в политической оппозиционности. Оно отражало общую криминализацию социального поведения. Вопреки солженицынскому образу ГУЛАГа, символом которого является интеллигент-диссидент, «политические» составляли меньшинство лагерного населения. В то же время большинство заключенных все же не были «уголовниками» в обычном понимании этого слова. Чаще всего в лагеря попадали обычные люди за нарушение одного из бесчисленных репрессивных законов. Цель законодательства

состояла в том, чтобы заставить работать и дисциплинировать массы, не горевшие желанием участвовать в продлении функционирования системы и ее воспроизводстве.

III. СССР В ПОСЛЕВОЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Международное положение СССР после войны, в которой он победил ценой больших потерь, было в высшей степени парадоксальным. Страна была разорена. В то же время ее лидеры имели законное право претендовать на видную роль в жизни мирового сообщества. Бесспорно, на Советский Союз тогда работал своеобразный «эффект Сталинграда» как в общественном сознании, так и среди элиты стран-союзников. Но все же соотношение сил было для СССР едва ли не худшим за все время его существования. Да, он извлекал выгоду из оккупации обширнейшей территории большей части Европы, и его армия занимала по численности первое место в мире. В то же время в области военной технологии и США, и Великобритания далеко обогнали СССР, промышленный потенциал которого в западных регионах к тому же понес огромные потери.

Таким образом, налицо было острое противоречие между видимой ситуацией и реальным раскладом сил. Советские руководители ясно осознавали это положение, что заставляло их испытывать сильное чувство уязвимости, но в то же время они считали, что СССР стал одной из великих держав. Тем самым включение Советского Союза в международную сферу характеризовалось большой нестабильностью. В этой ситуации были возможны два подхода: первый предполагал усилия по сохранению «большого альянса», созданного в годы войны, и получение передышки для реконструкции и развития экономики; второй делал эквивалент военного противовеса из приобретения «залогов безопасности» посредством расширения сферы советского влияния. Эти два взаимоисключающие подхода, предполагавшие противоположные восприятия «других», отражались в позициях, дискутирующихся в партийном руководстве. Первый, защищавшийся в 1945 г. группой Жданова — Вознесенского, исходил из традиционного тезиса о неизбежности развития в мирное время «межимпериалистических противоречий», прежде всего между Великобританией и США, которые позволили бы СССР вести, как и в довоенные годы, изощренную дипломатическую игру в многополюсном мире и препятствовать образованию «единого империалистического фронта». Второй подход, поддерживаемый Маленковым и Сталиным, исходил из предположений о неминуемом кризисе, который сметет капиталистическую систему, но отодвигал его приход в отдаленное будущее, признавал существование возможности урегулирования отношений в двухполюсном мире между социалистическим лагерем во главе с СССР и империалистическим лагерем во главе с США и подчеркивал опасность скорой конфронтации между ними.

Из-за некоторой пассивности западных держав второй подход, непосредственно выражавшийся в политике приобретения «залогов безопасности», возобладал в первые месяцы, последовавшие за Ялтинской конференцией, — вероятно, при личном содействии Сталина, полностью поддерживавшего концепцию зон влияния, ободренного успехами в Польше, Румынии и Чехословакии и желавшего добиться окончательного признания СССР в качестве сверхдержавы.

В условиях все более поляризующегося мира эта политика привела в последующие годы к образованию блоков, конфронтации, в первую очередь вокруг немецкого вопроса, и настоящей войне в Корее. После спорадических столкновений 1945—1946 гг. «холодная война» вошла в свою активную фазу летом 1947 г., когда мир раскололся на два антагонистических блока. Впрочем, усиление напряженности всегда умело дозировалось и с одной, и с другой стороны в зависимости от того, как каждый лагерь видел свою сферу влияния и оценивал свою волю к сопротивлению. Так, СССР проявлял большую осторожность и даже робость (Сталин признает это через несколько лет) в своей политике по отношению к китайским коммунистам в 1945—1948 гг., полагая, что американцы рассматривают этот регион как часть своей сферы влияния. Натолкнувшись на твердую позицию США и Англии, он отказался от своих претензий на Иран и Турцию. Напротив, поняв буквально заявление Рузвельта в Ялте

о том, что американские войска в течение двух лет будут выведены из Европы, Советский Союз пошел на риск в Берлине и проявил непоколебимую решимость строго контролировать, чего бы это ни стоило, режимы, которые он создал на своих восточноевропейских рубежах.

1. Новое соотношение сил в Европе: от Потсдама до Парижской конференции

Вскоре после Ялтинской конференции Запад был поставлен советской стороной перед несколькими свершившимися фактами: в Польше «поляки из Лондона» получили в «коалиционном правительстве» лишь второстепенные министерские портфели; предусмотренные же решениями конференции выборы проведены не были. В Румынии король Михай был вынужден создать правительство, в котором доминировали коммунисты. В Чехословакии Бенешу, после его визита в марте 1945 г. в Москву, пришлось включить в правительство несколько коммунистов.

На состоявшейся 17 июля — 2 августа 1945 г. Потсдамской конференции западные участники уступили совместному давлению СССР и Польши и согласились, что польско-германская граница пройдет по линии Одер — Нейсе. Вопрос о репарациях был также решен в пользу СССР, который получил право вывозить не только все, что пожелает, из своей оккупационной зоны, но и забрать четверть оборудования в западных зонах. США и Великобритания с удивлением обнаружили появление новых советских требований: пересмотр заключенной в Монтрё Конвенции о режиме черноморских проливов; возвращение СССР Карского и Ардаханского округов, граничивших с Советской Арменией и отошедших в 1921 г. Турции; получение военно-морской базы в Дедеагаче (Фракия) на Эгейском море.

Лондонское совещание министров иностранных дел пяти стран — членов Совета Безопасности ООН в сентябре 1945 г. выявило новые источники напряженности между СССР и Западом. Западные страны поставили Советский Союз в известность, что они не подпишут мирные договоры с Румынией и Болгарией до проведения там свободных выборов. Советская сторона истолковала эту позицию как отказ от соглашений, заключенных с Черчиллем в октябре 1944 г., о сферах влияния в Восточной Европе. К тому же СССР продемонстрировал на этом совещании новоприобретенный «комплекс великой державы», потребовав исключения Китая и Франции из всех переговоров о мирных договорах и предоставления себе протектората над Триполитанией с тем, чтобы, как подобает великой державе, обеспечить свое присутствие в Средиземном море. После трех недель переговоров СССР и западные участники были вынуждены констатировать свое несогласие по большинству вопросов и договорились снова встретиться в декабре в Москве.

В Москве министры иностранных дел трех великих держав пришли к компромиссу по вопросу о Болгарии и Румынии после того, как СССР согласился на проведение там новых выборов, тем самым неявно признав, что предыдущие, давшие «отечественным фронтам» большинство в 90%, были фальсифицированы. Советский Союз согласился также на участие «малых стран» в Мирной конференции, которая должна была состояться в Париже летом 1946 г.

Тем не менее несколькими неделями позже советская дипломатия подтвердила свое намерение решать крупные международные проблемы только с США (показательно, что с конца 1945 г. контакты между Сталиным и Эттли, сменившим Черчилля на посту премьер-министра Великобритании, становились все более эпизодическими). В феврале 1946 г. Молотов, в частности, заявил, что СССР — одна из двух крупнейших стран мира и никакой международный вопрос не может быть решен без ее участия.

Сохраняя свою приверженность политике раздела сфер влияния, противостоявшей американскому проекту коллективной безопасности, который отводил ООН центральное место в урегулировании конфликтов, СССР постарался упрочить свои позиции в Иране, так как до этого момента политика получения «залогов безопасности» приносила свои плоды.

С 1941 г. Иран находился под совместной оккупацией Великобритании и СССР, обязавшихся вывести свои войска в течение шести месяцев после окончания войны. Однако Советский Союз выказывал явное намерение надолго обосноваться в Иране.

В сентябре 1944 г. он безуспешно попытался создать смешанную советско-иранскую нефтяную компанию. В то же время Советский Союз поддерживал партию Туде, объединявшую значительную часть противников режима, и сепаратистские движения курдов и азербайджанцев, имея в виду либо ослабить центральную власть в Тегеране и поставить ее в полную зависимость от Туде, либо аннексировать граничащие с советским Азербайджаном северные провинции. В декабре 1945 г. при советской поддержке на севере Ирана были провозглашены Автономная Республика Азербайджан и Курдская Народная Республика. Не добившись в Совете Безопасности, где рассматривался этот вопрос, приемлемого для себя решения, Великобритания направила дополнительные воинские контингенты на юг Ирана. В обмен на создание смешанной советско-иранской нефтяной компании Советский Союз согласился вывести свои войска (май 1946 г.). В конце 1946 г. Иран денонсировал договор о нефтедобыче, восстановил контроль над северной частью своей территории, подавив курдских и азербайджанских сепаратистов, на что СССР предпочел не реагировать, чтобы не втягиваться в этом районе в силовой конфликт с США и Англией.

Когда иранский кризис достиг своей кульминации (начало марта 1946 г.), Черчилль произнес в Фултоне (штат Миссури) в присутствии президента Трумэна свою знаменитую речь о «железном занавесе». Эта речь, основные положения которой разделялись на Западе не всеми, особенно находившимися тогда у власти английскими лейбористами, тем не менее свидетельствовала о начале нового и важного этапа в осознании Западом реальности угрозы «советского экспансионизма». Перед лицом этой опасности только твердая политика — такая, к которой Великобритания прибегла в последующие недели в Иране, — имела шансы оказаться результативной.

Парижские конференции апреля 1946 г. и Мирная конференция, проходившая во французской столице с 29 июля по 15 октября 1946 г., были посвящены главным образом урегулированию германской проблемы. Они не привели ни к какому сближению западных и советских позиций, за исключением вопроса о репарациях. Между тем госсекретарь США Бирнс объявил в Штутгарте, что, по мнению американского правительства, настал момент передать немецкому народу ответственность за ведение своих собственных дел, предоставить Германии возможность обрести самостоятельность в экономической области. Бирнс, далее, даже заявил, что «большая тройка» не принимала на себя в Потсдаме никаких окончательных обязательств о восточной границе Германии. Со своей стороны СССР приступил к активной «денацификации» своей оккупационной зоны, аграрной реформе, национализации промышленных предприятий и созданию смешанных советско-германских предприятий, которые работали исключительно на СССР (после неразберихи, созданной вывозом оборудования с немецких заводов, предпочтение было отдано этому варианту). Хотя СССР неизменно подтверждал свою приверженность идее воссоединения демократизированной и демилитаризированной Германии, растущее несоответствие политических и экономических структур в западных и советской оккупационных зонах делало эту идею все более иллюзорной.

После провала Мирной конференции отношения между западными странами и СССР еще более ухудшились из-за прямой помощи, оказывавшейся Югославией, Болгарией и Албанией, находившимися в зоне советского влияния, коммунистическому партизанскому движению в Греции, и из-за давления СССР на Турцию, от которой Советский Союз требовал вместе с ним принять участие в охране проливов, «чтобы помешать их использованию другими государствами в целях, враждебных причерноморским державам». США энергично отреагировали на это, направив впечатляющую военно-морскую армаду в восточный сектор Средиземного моря. Решительность Трумэна, поддержанная Парижем и Лондоном и опиравшаяся на американскую атомную монополию, произвела тот же эффект, что и жесткая позиция Великобритании в иранском вопросе. В конечном счете греческий и турецкий кризисы сыграли в истории «холодной войны» роль, которая далеко превзошла те ставки, которые были сделаны конфликтовавшими сторонами. По существу, они послужили прямым источником доктрины Трумэна, ставшей первым шагом к оформлению американских обязательств в отношении Европы, к созданию НАТО.

Чтобы попытаться урегулировать не решенные Мирной конференцией проблемы, новое совещание министров иностранных дел собралось в Москве 10 марта 1947 г., накануне изложения Трумэном конгрессу своей доктрины экономической помощи

«свободным народам, сопротивляющимся попыткам закабаления со стороны вооруженного меньшинства, или внешнему давлению». (Первыми получили американскую помощь Турция и Греция.) В Москве дискуссия развернулась по нескольким фундаментальным вопросам германской проблемы. Молотов отверг американское предложение о заключении договора о нейтралитете Германии. Генерал Маршалл, которого Трумэн только что поставил во главе госдепартамента, отклонил новую советскую просьбу о репарациях. Америка, заявил он, против политики превращения Германии в «приют для бедных в центре Европы». Стороны не пришли к согласию и по вопросу о государственном устройстве будущей Германии. Из провала московской конференции американцы сделали для себя бесспорный вывод о необходимости без промедления связать западные оккупационные зоны с западноевропейскими государствами экономическими и даже политическими соглашениями. 5 июня Маршалл изложил в Гарварде основные направления экономического плана, призванного «помочь европейцам снова обрести экономическое здоровье, без которого невозможны ни стабильность, ни мир». В июле в Париже была намечена конференция, открытая для всех стран, в том числе и СССР. Совершенно неожиданно для всех 26 июня во французскую столицу прибыл Молотов во главе делегации, количество членов которой и их ранг давали пищу для оптимистических прогнозов. Однако через три дня советские представители выразили свое принципиальное несогласие с американским проектом: они соглашались на двустороннюю помощь без предварительных условий и контроля, но возражали против коллективного предприятия, способного поставить под сомнение исключительное влияние СССР в Восточной Европе и увеличить способность Западной Европы к сопротивлению. В то же время они постарались уменьшить психологический эффект, произведенный предложением Маршалла, путем сравнения огромных нужд послевоенной Европы и ограниченных возможностей США. В конце концов 2 июля Молотов прервал переговоры, заявив, что «поставленные под контроль» европейские страны потеряют ради удовлетворения «нужд и желаний некоторых великих держав» свою экономическую и национальную независимость. Между тем некоторые восточноевропейские страны, в том числе Польша и Чехословакия, приняли приглашение участвовать в международной конференции, созываемой 12 июля в Париже для обсуждения плана Маршалла.

Однако через несколько дней под давлением СССР сначала Польша, а затем и Чехословакия объявили, что они не будут представлены в Париже. В Чехословакии коммунисты уже контролировали, помимо поста председателя Совета Министров, министерства внутренних дел и национальной обороны и могли в любой момент захватить всю власть в государстве. Да и общественное мнение в стране после Мюнхена больше доверяло славянскому старшему брату, чем западным демократиям. 10 июля чехословацкое правительство объяснило, что его участие в конференции могло быть истолковано «как акт, направленный против СССР». 11 июля Румыния, Венгрия, Албания и Финляндия также заявили о своем отказе; таким образом, именно июлем 1947 г. следует датировать раскол Европы: с одной стороны — клиенты США, с другой — сателлиты Советского Союза.

2. Биполяризация мира и «холодная война»

Ухудшение международного климата продолжалось в течение всего 1947 г., отмеченного все более заметным втягиванием восточноевропейских стран в орбиту СССР. В 1947 г. оформление режимов «народной демократии» вступило в свою вторую фазу: после интермедии «коалиционных правительств» (1945 — 1946 гг.) власть переходила к коммунистам. В Румынии в декабре король Михай отрекся от престола в пользу Народной республики. В Болгарии, где бывший руководитель Коминтерна Димитров, вернувшись из СССР, создал в ноябре 1946 г. правительство с коммунистическим большинством, летом 1947 г. была принята Конституция, скопированная с советской. В конце августа был казнен лидер партии болгарских крестьян Н.Петков, герой антифашистского Сопротивления. В Польше сформированное в 1945 г. коалиционное правительство ушло в отставку после выборов в январе 1947 г.; коммунист Берут стал президентом республики, а Гомулка занимал пост генерального секретаря коммунистической партии. Выборы в Венгрии (август 1947 г.), искусно проведенные коммунистом-министром внутренних дел Л.Райком, завершились поражением Кре-

стьянской партии. Коммунисты решили, что полученные на выборах 22% голосов, делавшие их первой партией в стране, дали им право захватить все ключевые посты в правительстве, что они и сделали. Только Чехословакия, хотя и уступившая советскому давлению по вопросу о плане Маршалла, продолжала, казалось, сопротивляться установлению коммунистами своего полного контроля над государством.

Следующую фазу формирование «блоков» прошло в конце сентября 1947 г., когда представители шести компартий стран Восточной Европы и двух самых мощных западноевропейских коммунистических партий (Франции и Италии) собрались по инициативе СССР в замке Шклярска Пореба (Польша), чтобы создать Коминформ — совместное информационное бюро со штаб-квартирой в Белграде, призванное обеспечить обмен опытом и, в случае необходимости, координацию деятельности компартий на основе взаимного согласия. На Западе известие о создании Коминформа было, естественно, воспринято как возрождение Коминтерна. На деле же есть серьезные основания полагать, что, по замыслу Сталина, этот шаг уже тогда подготавливал и «отлучение» Югославии, сея семена раздора между ее представителями, специально поставленными на второе место в иерархии международного коммунизма, и всеми остальными.

Как бы то ни было, советский блок выглядел впечатляющим монолитом, а рождение Коминформа — объявлением войны западной цивилизации. Кстати, именно таким образом заявление, опубликованное по окончании встречи и повторявшее основные тезисы доклада Жданова, представляло международное положение. Согласно ему, в мире сформировались два лагеря: с одной стороны, империалистический и антидемократический лагерь, с другой, антиимпериалистический и демократический лагерь, основная цель которого заключается в ослаблении империализма, в усилении демократии и ликвидации остатков фашизма Заявление резко критиковало тех социалистических лидеров, которые «скрывали разбойничий характер империалистической политики под маской социалистической фразеологии». Теория «двух лагерей» похоронила попытки Бенеша и Масарика сохранить хорошие отношения с обоими. Парламентские выборы в Чехословакии должны были состояться в мае 1948 г. Все ожидали отступления коммунистов, на которых значительная часть общественного мнения возлагала ответственность за тяжелый продовольственный кризис. Сознавая нависшую над ними угрозу, коммунисты постарались еще более упрочить свое господство в профсоюзах, армии и полиции. В начале февраля 1948 г. министр внутренних дел коммунист Нозек назначил нескольких коммунистов на высшие посты в государственной безопасности. В знак протеста и желая заставить правительство провести досрочные выборы 12 министров из умеренных подали в отставку. Председатель Совета Министров коммунист Готвальд обратился за помощью, согласовав этот шаг с заместителем министра иностранных дел СССР Зориным, находившимся тогда в Праге, к вооруженной рабочей милиции, чье выступление обеспечило окончательную победу коммунистов. 25 февраля Бенеш уступил давлению улицы, отдав коммунистам все важные посты в правительстве, за исключением портфеля министра иностранных дел, оставленного за Я.Масариком (но тот покончил жизнь самоубийством 10 марта). На прошедших 30 мая по единому списку выборах победили коммунисты. 8 июня Бенеш подал в отставку. Хотя «пражская операция» и не внесла каких-либо значительных изменений в сложившуюся геополитическую ситуацию, она получила огромный резонанс в мире. 5 марта 1948 г. генерал Клей отправил из Берлина телеграмму, весьма характерную для тревожной обстановки, которая царила в тот момент: «Уже несколько недель я чувствую, что в советской позиции происходят подспудные изменения, заставляющие меня думать, что война может разразиться с драматической внезапностью». Центральному разведывательному управлению США потребовалось десять дней, чтобы подготовить для Трумэна доклад с заключением о невозможности возникновения войны в ближайшие 60 дней.

Конфронтация СССР и Запада поднялась еще на одну ступень летом 1948 г. из-за событий, связанных с блокадой Берлина. Провал конференции «последнего шанса» по германской проблеме (Лондон, ноябрь — декабрь 1947 г.) ускорил процесс создания Западной Германии. В знак протеста против решения западных держав об организации выборов в западногерманское учредительное собрание маршал Соколовский, советский представитель в межсоюзническом Контрольном совете по управлению Берлином, 20 марта вышел из этого органа, что привело к ликвидации

четырехсторонней администрации Берлина. Была сохранена только комендатура, управлявшая муниципальной деятельностью. 31 марта советская сторона установила контроль за коммуникациями между Западным Берлином и Западной Германией, чтобы заставить западные державы оставить бывшую столицу — аванпост капитализма, который Н.Хрущев через тринадцать лет сравнит с «раковой опухолью».

Западные страны ответили на это выпуском новой марки, общей для их трех зон. В свою очередь СССР через несколько дней ввел новую денежную единицу в своей зоне, заявив, что она будет иметь хождение во всем Берлине. На следующий день (24 июня) советская сторона полностью блокировала западные зоны в Берлине. Маршал Соколовский открыто заявил, что «технические трудности» в передвижении между Берлином и Западной Германией сохранятся до тех пор, пока Вашингтон, Лондон и Париж не откажутся от своего проекта создания «трехзонного» правительства. Запад был вынужден организовать «воздушный мост», который снабжал город около года, до 12 мая 1949 г., когда блокада была наконец снята. На Совете четырех министров иностранных дел, проходившем в Париже с 22 мая по 20 июня 1949 г., заменивший Молотова на посту руководителя советской дипломатии Вышинский отверг проект самостоятельности трех западных зон. В ответ на создание 23 мая Федеративной Республики Германии созванное в Восточном Берлине Народное собрание приняло Конституцию «демократической неделимой Германии». Через несколько месяцев, 7 октября 1949 г., была провозглашена Германская Демократическая Республика, которой Советский Союз передал все гражданские правомочия.

3. Советско-югославский разрыв и его последствия

В мире, развивавшемся, казалось, в сторону создания монолитных «блоков», внезапный разрыв между СССР и Югославией, о котором стало известно весной 1948 г , выявил наличие сильной напряженности и расхождения интересов внутри «социалистического лагеря». Советско-югославское согласие, очень тесное в момент окончания войны, символизировавшееся Договором о дружбе и взаимопомощи от 11 апреля 1945 г., с конца 1947 г. начало давать трещины. Сталина раздражала независимость Тито, чья сильная индивидуальность контрастировала с серой безликостью других коммунистических лидеров Восточной Европы. Не был лишен Тито и определенных амбиций. Он не только оспаривал принадлежность Триеста Италии, юга Каринтии — Австрии и части Македонии — Греции, но и добился того, что Албания почти полностью находилась под его влиянием. Тито рассчитывал на создание балканской федерации, которая объединила бы для начала Югославию и Болгарию. В случае успеха замысла и присоединения других стран к федерации возникла бы реальная возможность того, что Тито станет ее бесспорным лидером. Все это вызывало подозрение у Сталина. В конце 1947 г. Тито и Димитров объявили в Бледе о своем решении начать поэтапное осуществление идеи федерации. 28 января 1948 г. «Правда» опубликовала статью, где утверждалось, что вышеназванным странам не нужна никакая, в любом случае ошибочная и искусственная федерация. 10 февраля Сталин созвал советско-болгаро-югославское совещание, на котором, заняв позицию, противоположную высказанному две недели назад «Правдой» мнению, настаивал на создании болгаро-югославской федерации, несомненно рассчитывая, что с помощью более податливых болгар он получит возможность лучше контролировать действия Белграда. 1 марта Югославия отклонила советское предложение о создании федерации с Болгарией. С марта по июнь кризис, сопровождавшийся обменом секретными нотами, продолжал обостряться: Тито вывел из правительства двух просоветских министров и отказался предстать в качестве обвиняемого перед Коминформом; Сталин в свою очередь отозвал из Югославии советских специалистов и пригрозил прекратить экономическую помощь. Наконец, 28 июня был опубликован документ, в котором остальные члены Коминформа, собравшись в Бухаресте, осуждали Коммунистическую партию Югославии. Совместное заявление особо подчеркивало нетерпимость «позорного, чисто деспотического и террористического режима» Тито и призывало «здоровые силы» КПЮ заставить своих руководителей «открыто и честно признать свои ошибки и исправить их», в случае же отказа — «сменить их и выдвинуть новое интернационалистическое руководство КПЮ». Однако югославские коммунисты сохранили единство и пошли за своим лидером. Последствия разрыва были

тяжелы для Югославии, так как все ее экономические соглашения с восточноевропейскими странами были аннулированы и она оказалась в блокаде. Тем не менее на состоявшемся в июле 1948 г. V съезде КПЮ советские обвинения были единодушно отвергнуты, а политика Тито получила полную поддержку. Видя, что его надежды на капитуляцию не оправдываются, в августе 1949 г. Сталин решил денонсировать договор, заключенный в апреле 1945 г. Теперь югославское правительство во главе с «гитлеровско-троцкистским агентом» рассматривалось как «противник и враг». 25 октября 1949 г. дипломатические отношения между СССР и Югославией были разорваны.

Обвинения в «титоизме» сыграли — как и «холодная война» — важную роль в сплочении советского блока, росте исключений и процессов против коммунистов, многие из которых были участниками движения Сопротивления, обвиненных в национализме. «Отношение к СССР — пробный камень для каждого коммуниста», — заявил в декабре 1949 г. Сланский, генеральный секретарь Компартии Чехословакии. С 1949 по 1952 г. в странах народной демократии под контролем или при прямом участии «советников» из сталинского МГБ прошли две волны чисток. Первая была направлена против «национальных» политических лидеров, замененных «москвичами» — людьми, своим прошлым более тесно связанными с СССР. Вторая, в которой «космополитизм» был главным критерием для осуждения и арестов, ударила по коммунистам преимущественно еврейской национальности; их основное преступление состояло в том, что, будучи в прошлом членами интербригад или работая в Коминтерне, они были свидетелями сталинских методов «чистки» конца 30-х гг., примененных теперь в коммунистических партиях восточноевропейских стран.

Во время первой волны (лето 1948 — 1949 г.) были «вычищены»: в Польше — Гомулка, замененный на посту первого секретаря компартии Берутом; в Венгрии — Райк (казнен) и Кадар (заключен в тюрьму); в Болгарии — Костов (казнен); в Словакии — Клементис (казнен). Вторая волна «вычистила»: в Чехословакии — Сланского (казнен с тринадцатью другими обвиняемыми, из которых одиннадцать были евреями, после открытого процесса, напоминавшего московские); в Румынии — видную деятельницу Анну Паукер, еврейку по национальности, несмотря на то что в предыдущие годы она пользовалась активной поддержкой Москвы и сыграла важную роль в борьбе против Тито. Ежедневная критика «гитлеровско-фашистского титоизма», охота за уклонистами всех мастей, ведшиеся с таким же истерическим ожесточением, что и борьба с троцкизмом в 30-х гг., должны были показать невозможность любого другого пути к социализму, кроме избранного СССР.

4. Апогей «холодной войны»

1949 — 1950 гг. стали, несомненно, кульминацией «холодной войны», ознаменованной подписанием 4 апреля 1949 г. Североатлантического договора, чей «открыто агрессивный характер» неустанно разоблачался СССР, войной в Корее и перевооружением Германии. 1949-й был «крайне опасным» годом, поскольку СССР уже не сомневался, что американцы надолго останутся в Европе, Но он же принес советским руководителям и удовлетворение: успешное испытание первой советской атомной бомбы (сентябрь 1949 г.) и победа китайских коммунистов.

В отличие от своей внешней политики, проводимой в других районах мира, на Дальнем Востоке СССР с 1945 г. действовал крайне осторожно. Вступление Красной Армии в войну против Японии в августе 1945 г. позволило ему восстановить в этом регионе позиции, утраченные в 1905 г. царской империей. 15 августа 1945 г. Чан Кайши согласился с советским присутствием в Порт-Артуре, Дайрене и Маньчжурии. При советской поддержке Маньчжурия стала автономным коммунистическим государством, возглавляемым Као Каном, который, видимо, был тесно связан со Сталиным. В конце 1945 г. последний призвал китайских коммунистов найти общий язык с Чан Кайши. Эта позиция была несколько раз подтверждена в 1946 — 1948 гг. Тот факт, что начиная с лета 1 947 г. политическая и военная ситуация изменилась в пользу китайских коммунистов, в целом не изменил сдержанное отношение советского руководства к китайским коммунистам, которые не были приглашены на совещание, посвященное основанию Коминформа. Этой сдержанности можно дать несколько объяснений: понимая американские намерения в отношении Японии, совет-

ское руководство рассматривало Дальний Восток как преимущественную сферу влияния США (в отличие от Европы), Но не опасалось ли оно также, что в случае победы китайских коммунистов возникнет новый полюс коммунизма? В этом смысле следует признать непоследовательность политики, боровшейся против Тито, но позволявшей укреплять свою независимость Мао Цзэдуну. Показательно, что советская пресса почти не заметила решающее наступление китайских коммунистов летом 1 94 9 г., поскольку была слишком занята отчетами о разоблачении бесчисленных «гитлеровско-троцкистско-титоистских» заговоров в Восточной Европе.

Энтузиазм СССР по поводу «китайских братьев по оружию» проявился только после окончательной победы Мао Цзэдуна. 23 ноября 1949 г. СССР установил дипломатические отношения с Пекином, и Вышинский заявил в ООН, что теперь его страна не признает националистический Китай. После трудных двухмесячных переговоров 14 февраля 1950 г. в Москве Мао Цзэдун подписал со Сталиным Договор о взаимопомощи сроком на тридцать лет. Советский Союз обязался отказаться в двухлетний срок от всех своих прав в Маньчжурии и вернуть Дайрен и Порт-Артур, предоставить Китаю заем в 300 млн. долларов на пять лет, освоить Синьцзян силами смешанных фирм с советским финансовым и техническим преобладанием. Длительность переговоров, скромная сумма кредита, срок, предусмотренный для передачи Маньчжурской железной дороги и портов, подкрепляют гипотезу, согласно которой Москва, прежде чем принять на себя более серьезные обязательства, хотела увидеть, какую политику выберет Мао. Общая враждебность по отношению к США была, несомненно, одним из основных факторов согласия. То, что это так, было открыто подтверждено несколькими неделями позже: когда Совет Безопасности отказался исключить националистический Китай из ООН, СССР вышел из всех ее органов (до августа 1950 г.).

Именно благодаря отсутствию СССР Совет Безопасности смог 27 июня 1950 г. принять резолюцию о вводе американских войск в Корею, где северные корейцы за два дня до этого пересекли 38-ю параллель. Согласно некоторым современным версиям, к этому шагу Северную Корею подтолкнул Сталин, который не верил в возможность ответных действий США после того, как они «бросили» Чан Кайши, и хотел составить конкуренцию Мао на Дальнем Востоке. Тем не менее, когда Китай в свою очередь вступил в войну на стороне Северной Кореи, СССР, натолкнувшись на твердую позицию США, постарался сохранить локальный характер конфликта. После смещения воинственного генерала Макартура напряженность вокруг корейских событий уменьшилась, 23 июня 1951 г. постоянный представитель СССР в ООН Малик, который за два года до этого вел переговоры по вопросу о блокаде Берлина, предложил, чтобы «воюющие стороны начали дискуссию о прекращении огня и достижении перемирия». Переговоры по этому вопросу увенчаются успехом только через два года, после смерти Сталина. В большей степени, чем конфликт в Корее, «головной болью» советской внешней политики в начале 50-х гг. был вопрос об интеграции ФРГ в западную политическую систему и ее перевооружении. Используя глубокие расхождения между западными державами по этой проблеме, советская дипломатия имела возможность ловко маневрировать. 23 октября 1950 г. собравшиеся в Праге министры иностранных дел восточноевропейского лагеря предложили подписать мирный договор с Германией, предусматривающий ее демилитаризацию и вывод из нее всех иностранных войск. В декабре западные страны в принципе согласились на встречу, но потребовали, чтобы на ней были обсуждены все проблемы, по которым имело место противостояние Запада и Востока. Продолжавшиеся с 5 марта по 21 июня 1951 г. в Париже переговоры не привели стороны к соглашению. Причиной неуспеха стал весьма второстепенный вопрос: Советский Союз настаивал на том, чтобы речь шла и об Атлантическом пакте, чему противились страны Запада. На следующий год СССР предпринял еще одну попытку. 10 марта 1952 г., через несколько дней после Лиссабонской конференции руководителей стран НАТО, на которой был принят первый план перевооружения Европы, в том числе и ФРГ, Советский Союз направил западным державам ноту, содержащую предложение заключить мирный договор с демилитаризованной и нейтральной Германией. По сравнению с предыдущими проектами — как советскими, так и западными — этот план содержал новые моменты, которые должны были соблазнить немцев (разрешение Германии иметь необходимые для обороны национальные вооруженные силы, общая амнистия для всех офицеров вермахта и функционеров НСДАП, за исключением виновных в воен-

ных преступлениях). Невозможно было более откровенно предложить возврат к политике Рапалло, по которой советская дипломатия испытывала ту же ностальгию, что и по временам, когда существование многополюсного мира позволяло СССР играть на «межимпериалистических противоречиях». Однако, чтобы соблазнить немцев в 1952 г., Москве следовало заплатить больше: прежде всего отказаться от требования признать в качестве предварительного условия границу по Одеру — Нейсе и согласиться с образованием нового общегерманского правительства по итогам свободных выборов. В сложившейся ситуации западные державы не преминули воспользоваться случаем, чтобы заявить, что заключение мирного договора предполагает прежде создание правительства, полномочного его подписать, и что, следовательно, для начала необходимо договориться об организации свободных выборов. Грубость советской реакции в полной мере отразила испытанное СССР разочарование.

В своей последней работе, опубликованной в сентябре 1952 г., Сталин развивал идею, состоявшую в том, что если в теории «противоречия» между капиталистическими странами являются менее сильными, чем между капиталистическими и социалистическими странами, то не обязательно дело обстоит так и на практике. Отсюда следовало, что, «вопреки мнению некоторых товарищей», войны между капиталистическими странами были неизбежны и в тех условиях.

У многих тогда создалось впечатление, что этот тезис был плодом умственного расстройства автора. Но не предвещал ли он стратегический поворот: отказ от концепции двух лагерей, чтобы сыграть на «противоречиях империализма»? Предположить возможность эволюции в этом направлении в течение 1953 г. позволяет интервью Сталина, опубликованное 24 декабря 1952 г. в «Нью-Йорк тайме», в котором генералиссимус, хотя и не дав ясного ответа на этот важнейший вопрос советской внешней политики, выказал готовность к сотрудничеству в возможной дипломатической акции, «исходя из того факта, что СССР желает, чтобы Корейской войне был положен конец», и к встрече с Эйзенхауэром. Тем не менее Эйзенхауэр дождался смерти Сталина, чтобы, говоря словами президента США, «сделать первые шаги к созданию взаимного доверия, основанного на совместных усилиях».

IV. «РАЗВИТОЙ» СТАЛИНИЗМ

1. Специфика структур власти

Политическая жизнь СССР в послевоенные годы была отмечена не только идеологическим ужесточением, преследовавшим восстановление контроля над обществом, но также и скольжением структур власти к специфическим формам, демонстрировавшим отказ от некоторых ленинских норм и обращений к ею наследию и очевидную преемственность с практикой (чистки) и политическим принуждением (прежде всего в отношении ключевого вопроса обновления и ротации партийных кадров) 30-х гг.

В послевоенные годы Сталин постарался упрочить фундамент своей власти при помощи ультранационалистической идеологии, отказа от традиционных, установленных Лениным, принципов функционирования партийных органов и безграничного развития культа Верховного Вождя ставшего маршалом, генералиссимусом и председателем Совета Министров.

Именно тогда «культ личности» достиг апогея. В каждом поселке сооружался свой памятник Сталину. Празднование в декабре 1949 г. семидесятилетия вождя позволило культу личности перейти все мыслимые границы. В течение недель газеты перечисляли тысячи подарков, присланных Сталину в знак признательности со всех концов света. Тысячи посланий, преисполненных бескрайнего поклонения и восхищения, стекались к Великому Человеку. Высшие церковные иерархи публично заверили его в своей глубочайшей признательности и в том, что они возносят горячие молитвы, ощущая беспримерные мудрость и величие, с которыми он управляет Родиной.

Несмотря на весь хор славословий и рабских заверений в верности, никогда этот человек не был так одинок. Свидетельства его близких, дочери, Хрущева и

М.Джиласа единодушны в этом. Изолировавшись из-за своей подозрительности от всех, избегая церемоний и приемов, зная о жизни страны только по разукрашенным картинкам официальных докладов, стареющий Сталин проводил теперь большую часть времени на своей даче в Кунцеве, откуда приезжал на несколько часов в Кремль. На дачу он вызывал старых членов партийного руководства, вынуждая их, если верить воспоминаниям Хрущева, по любому поводу пить ночи напролет до полного изнеможения. Подчеркивая значение этих застолий, приближенные Сталина того периода отмечают его редкое умение спутать карты и, применяя свою излюбленную тактику, стравить между собой своих вероятных преемников, поручив им решение самых головоломных проблем, чтобы затем, встав выше конкретных личностей и разногласий, взять на себя роль арбитра и продолжить упрочение политической системы, в которой ленинские традиции играли все меньшую роль, то есть сталинизма.

Радикальный разрыв с ленинским наследием осуществлялся на нескольких уровнях:

— На уровне символов, что выражалось в воссоздании гражданских и военных званий, которые были упразднены Лениным, поскольку воплощали, по его мнению, традиционное государство (так, в 1946 г. народные комиссары превратились в «министров»); в примечательных переименованиях, призванных знаменовать переход к новому этапу в историческом развитии народа и государства (Рабоче-крестьянская Красная Армия была переименована в Советские Вооруженные Силы, а большевистская партия в 1952 г. стала Коммунистической партией Советского Союза — КПСС).

— На теоретическом уровне шла скрытая критика ленинской концепции партии. Так, в речи, произнесенной 9 февраля 1946 г., Сталин заявил о том, что единственная разница между коммунистами и беспартийными состоит в том, что первые являются членами партии, а вторые нет.

— На более глубоком уровне реального осуществления власти разрыв с ленинизмом выражался в последовательном игнорировании руководящих органов партии: тринадцать с половиной лет, с марта 1939 по октябрь 1952 г не созывались съезды и пять с половиной лет, с февраля 1947 по октябрь 1952 г., — пленумы ЦК. Даже Политбюро (10 членов и 4 кандидата в члены) почти никогда не собиралось в полном составе из-за введенной Сталиным практики «малых комиссий» (полностью незаконной с точки зрения Устава) с расплывчатыми полномочиями: Комиссия Пяти, Комиссия Шести, занимавшаяся в принципе иностранными делами, но также и некоторыми вопросами внутренней политики, Комиссия Семи. Как правило, Сталин предпочитал принимать членов Политбюро индивидуально или небольшими группами по вопросам, связанным со «специальностью» каждого. Мучимый острой шпиономанией, Сталин неизменно исключал из этих встреч, особенно в последние годы жизни, некоторых членов Политбюро, подозреваемых в переходе на службу той или иной иностранной державе. Это произошло с Ворошиловым, заподозренным в сотрудничестве с Интеллидженс Сервис (но не арестованным, что достаточно ясно говорит о подлинных мотивах этой так называемой опалы); затем, после XIX съезда партии, — с Молотовым и Микояном. Хрущев оставил поразительные рассказы об эпизодических заседаниях Политбюро, где важнейшие решения, например о пятом пятилетнем плане, принимались без всякого обсуждения за несколько минут участниками, испытывавшими панику от одной только мысли, что они могут высказать точку зрения, которая испортит настроение Вождю. Между тем Сталин делал все, чтобы сконцентрировать власть в созданных им структурах, неподконтрольных избранным в 1939 г. руководящим партийным инстанциям. Роль его личного Секретариата и «специального сектора» Секретариата ЦК под руководством Поскребышева, видимо, постоянно возрастала, заключаясь в надзоре над всем Секретариатом ЦК — реальным центром принятия решений и контроля за их исполнением. Каждый из главных соратников Сталина в послевоенные годы (Маленков, Жданов и Хрущев) занимал в тот или иной момент один из четырех постов секретарей ЦК партии.

При тех — очень отрывочных — знаниях о механизме принятия решения на самом высоком уровне, которыми мы располагаем, невозможно дать исчерпывающий ответ на вопрос о реальной власти в послевоенном СССР. Действительно ли Сталин был самодержцем, описанным Хрущевым и Джиласом? Или же лидером меньшинства в Политбюро, окруженным соперничающими группами, которые возникали в

предвидении скорого дележа наследства и чьи позиции отражали реальные тенденции в выборе решений по ключевым вопросам того момента? Эти две гипотезы не исключают друг друга. Они позволяют оценить сложность и изощренность политической игры Сталина, которому удалось столь же надежно прибрать к рукам высших военачальников, овеянных славой Победы, как и обратить себе на пользу соперничество и амбиции своих политических коллег, отвлекая таким образом внимание от социальных противоречий и центробежных идеологических тенденций, которые проявятся после того великого дня, когда его не станет.

2. Политические конфликты и альтернативы

Первой конфликтной ситуацией, в которой Сталин взял себе роль арбитра, был спор Маленкова и Жданова, считавшихся после окончания войны его потенциальными преемниками. Восхождение обоих началось еще в довоенные годы. В 1939 г. Маленков был назначен секретарем ЦК и начальником Управления кадров ЦК. Благодаря своим бесспорным организаторским способностям он получил во время войны новые ответственные назначения. Член ГКО, в 1943 г. Маленков был поставлен во главе Комитета по восстановлению хозяйства в освобожденных районах, став в политической иерархии вторым после Сталина человеком. В 1944 г. он возглавил Комитет по демонтажу немецкой промышленности, занимавшийся получением с Германии репараций в пользу СССР. В то время как Маленков после блестящей партийной карьеры поднимался все выше в сфере государственного управления, Жданов не менее успешно продвигался в структуре партийного аппарата. Будучи с 1934 г. секретарем ЦК, членом Оргбюро ЦК и преемником Кирова на посту первого секретаря ленинградской партийной организации, он сыграл видную роль в чистке местных партийных и хозяйственных кадров в 1936 — 1938 гг. На XVIII съезде партии в марте 1939 г. он был избран членом Политбюро. В годы войны Жданов занял третье место на партийно-государственном Олимпе вслед за Сталиным и Маленковым.

Спор между Маленковым, поддерживаемым Берией, Кагановичем и руководителями тяжелой промышленности, с одной стороны, и Ждановым, на стороне которого были председатель Госплана Вознесенский, Доронин, Родионов, Кузнецов и некоторые военачальники, с другой, одновременно касался, как мы уже видели, международного положения, а также темпов и путей экономического развития СССР в послевоенные годы. Политический конфликт между Маленковым и Ждановым развивался с конца 1945 г. вокруг сугубо частного вопроса: Жданов и Вознесенский атаковали Маленкова в связи с его политикой вывоза немецкой промышленности, которая приводила, согласно их представлениям, к чудовищному разбазариванию средств. Микоян, посланный Сталиным разобраться на месте, вернулся с крайне неблагоприятным докладом, свидетельствующим о необходимости отказаться от политики демонтажа в пользу создания смешанных фирм, которые организовали бы в Германии производство продукции для СССР. Сталин поддержал группу Жданова, снял Маленкова с поста, одновременно выведя его из Секретариата ЦК. В течение двух лет Жданов и его помощник М.Суслов, назначенный в июне 1947 г. руководителем Агитпропа (вместо близкого к Маленкову Г.Александрова), пользовались доверием Сталина, возглавляя идеологическое подавление интеллигенции, национальных движений и сплочение европейских компартий вокруг КПСС. Вместе с тем в политическом отношении группа Жданова — Вознесенского оказалась весьма разношерстной, объединяя и «жестких» идеологов типа Жданова, и .таких экономистов-реформаторов, как Вознесенский, местную властвующую элиту (ленинградская партийная организация, первым секретарем которой был Жданов) и руководителей, желавших бы восстановить некую форму — конечно, весьма специфическую — законности путем «возврата к принципам» перед лицом ультранационалистического, неленинского дрейфа сталинской власти. Планы этой группы в области экономики потерпели поражение по ряду причин, обусловленных как катастрофическим ухудшением продовольственного положения в 1946 — 1947 гг., давшим повод к восстановлению жесткого контроля над крестьянством, образованием консервативного фронта руководителей промышленности, так и спекуляциями во внутриполитических целях международной напряженностью. По всей вероятности, в отношении стратегии экономиче-

ского развития Сталин солидаризировался со сторонниками возврата к волюнтаристской схеме 30-х гг.

В 1945 — 1946 гг. Сталин очень искусно маневрировал по отношению к другой группе, которая могла бы превратиться в самостоятельную общественно-политическую силу, способную если не собрать вместе тех, кто хотел изменений, то, во всяком случае, создать противовес гражданской власти и даже выступить арбитром в спорных вопросах: по отношению к армии. Хотя в русской истории не существовало путчистской традиции и феномен 1937 г. должен был, скорее всего, придать уверенность гражданским властям, все же и не беря власти армия несколько раз, прежде всего в 1917 г., активно содействовала изменению политической системы. В 1945 г. советское руководство во главе со Сталиным сознавало, что, соприкоснувшись с внешними по отношению к системе реалиями и испытав на себе вакуум и некомпетентность гражданской власти в 1941 г., армия могла стать центром кристаллизации идей, опасных для режима. К тому же, пользуясь огромным престижем — военачальники, особенно Жуков, взявший Берлин, были, во всяком случае, не менее популярны, чем гражданские руководители, даже Сталин, — армия могла внушать опасения гражданской власти. Поэтому уже к 1945 г. были употреблены три средства, чтобы предупредить возможную угрозу со стороны военных: идеологическая интеграция армии в партию, опала в отношении военных руководителей, обезличивание истории войны.

В первом случае активно проводилась политика массового вовлечения в партию «отличившихся на поле боя»: в конце 1945 г. демобилизованные военные, вступившие в партию в действующей армии, составляли более 40% общей численности ВКП(б) — 2,5 из 5,7 млн. (всего в партию за время войны вступило около четырех миллионов новых членов). Большая доля фронтовиков порождала два противоречивых следствия: с одной стороны, она свидетельствовала о том, что партии удалось обеспечить себе широкое присутствие в армии; с другой — подразумевала, что и армия в состоянии воздействовать на установки партии, если военачальники решат мобилизовать своих «ветеранов», разбросанных по стране и вернувшихся к мирной жизни. Поэтому уже к концу 1945 г. виднейшие военачальники получили назначения в отдаленные регионы и были полностью устранены из политической жизни. Наиболее популярный из них — Жуков — был отправлен командовать сначала Одесским военным округом, затем Уральским и с 1946 г. исчез с политического горизонта. 4 мая 1948 г. советская пресса не упомянула даже его имени в материалах, посвященных годовщине взятия Берлина. Вся заслуга разработки плана решающего штурма Берлина была, естественно, приписана Сталину. Отстранение военачальников сопровождалось обезличиванием истории войны, ставшим очевидным уже в 1946 — 1947 гг. В многочисленной «военной литературе» на первом плане стояли безымянный солдат и партия, выступавшая как вдохновитель и организатор военных операций, которую ничто и никогда не заставало врасплох. Все эти факторы, несомненно, помешали армии сыграть самостоятельную роль и в условиях мирного времени конституироваться в независимую и сознательную общественную силу, способную вмешаться в политическую жизнь.

Летом 1948 г. после двухлетней опалы Маленков был возвращен Сталиным в состав Секретариата ЦК. Через несколько недель, 31 августа 1948 г., скоропостижно скончался Жданов, оставив своих сторонников беззащитными перед Маленковым, который в сотрудничестве с Берией, руководителем всесильного МГБ Абакумовым и, несомненно, с благословения Сталина организовал крупнейшую чистку, направленную против Вознесенского, сотрудников из Госплана и партаппарата Ленинграда — города, всегда бывшего у Сталина на подозрении. Вознесенский был смещен и впоследствии без суда расстрелян. В общей сложности «ленинградское дело» стоило жизни нескольким сотням партработников, большинство из которых своей карьерой в этом городе были обязаны Жданову; оно также позволило устранить других руководителей, поддерживавших в свое время Жданова, в числе которых были председатель Совмина РСФСР Родионов и первый секретарь Московской парторганизации Попов, замененный в 1949 г. Хрущевым. Все эти ответственные работники были обвинены в попытке «развалить социалистическое хозяйство методами международного капитализма» (явный намек на экономические расхождения между Маленковым и Вознесенским в 1945 — 1946 гг.) и в «заговоре со сторонниками Тито, направлен-

ном на свержение советской власти». На первый взгляд Сталин не принимал участия в этих мероприятиях, однако вряд ли это было действительно так, учитывая его могущество и пристальный контроль за течением жизни страны. Возможно, что именно от Сталина исходила инициатива чистки партаппарата Ленинграда — города, чьи робкие поползновения к самостоятельности внушали центральной власти опасения, становившиеся поводом для репрессий.

Возвращение Маленкова в группу первых лиц страны, устранение Вознесенского и его коллег из Госплана совпали с переориентацией четвертого пятилетнего плана в сторону сверхволюнтаристского экономического роста. Одновременно происходил переход к децентрализованному и еще более придирчивому контролю различных отраслей экономики. Отдел кадров Секретариата ЦК, признанный чрезмерно централизованным и потому неэффективным, был упразднен, а его функции переданы отраслевым отделам (тяжелой промышленности, планирования, финансов и торговли, транспорта, сельского хозяйства и т.д.). призванным дать более рациональное кадровое обеспечение каждой конкретной отрасли. Эти меры, означавшие возврат к практике второй половины 30-х гг., выражали твердую решимость партии тщательно следить за предприятиями, когда обозначилось возобновление довоенной волюнтаристской практики. Хотя Маленков и выглядел как преемник, назначенный самим Сталиным, однако последний в то же время способствовал продвижению Хрущева, получившего в 1949 г. посты первого секретаря Московского обкома партии и секретаря ЦК после непродолжительной и относительной опалы, последовавшей за голодом на Украине в 1946 — 1947 гг. Выступления Хрущева по сельскохозяйственным вопросам, его проекты реформ, даже если они и не находили всеобщей поддержки (проект агрогородов был сразу же отвергнут), создали ему репутацию самого «компетентного» практика в этой важнейшей отрасли. XIX съезд партии, на котором основные доклады были сделаны Маленковым и Хрущевым, подтвердил, что именно у этих двух лидеров наилучшие шансы стать преемниками Сталина.

3. Полная трансформация партии

Соперничество на высшем уровне, несомненно, питалось существованием различных групп внутри внешне монолитной, но в действительности очень неоднородной партии. В 1945 г. ВКП(б), в которую за годы войны вступило огромное число фронтовиков, чаще всего не имевших никакого политического образования и твердых идеологических убеждений, насчитывала более 5,7 млн. членов и кандидатов. Коммунистов, вступивших в партию до войны, было не более 2 млн. В этой обновленной на две трети партии можно выделить несколько различных групп:

— Первая группа состояла из коммунистов, вступивших в ВКП(б) до войны и продолжавших исправно выполнять свои функции на территориях, избежавших оккупации (около 1 млн. человек).

— Вторая группа также состояла из коммунистов с довоенным стажем (примерно 500 тыс. человек), эвакуированных из занятых врагом областей и прифронтовой полосы. Эти люди, вернувшись в свои родные места, должны были влиться в новые парторганизации, созданные после освобождения этих районов Красной Армией.

— Третья группа включала в себя членов партии (преимущественно гражданских, значительную часть которых составляли женщины), спешно принятых на местах (приблизительно 1 млн. человек). Распределение постов и должностей между ними и вернувшимися коммунистами происходило, вероятно, не без трений.

— Четвертая группа, численно небольшая, но имевшая сильную поддержку в народе, состояла из коммунистов-подпольщиков оккупированных территорий, связанных с населением совместно принесенными жертвами и очень независимых с точки зрения центральных властей. Эти коммунисты должны были «вернуться на свое место», заново научиться дисциплине, признать власть гражданских руководителей, чей провал они видели в 1941 г.

— Пятая группа, несомненно самая большая по численности (2,5 млн.), объединяла военных, привлеченных в партию на фронте, которые получили партбилет и возможность продвижения благодаря своим подвигам на поле боя или рекомендации вышестоящего военачальника.

— Шестая группа включала коммунистов, вступивших в партию после войны. В 1946 — 1952 гг. прием, как и в 1938 — 1941 гг., ориентировался на «лучших», то есть представителей так называемой народной интеллигенции — техников, инженеров, служащих, студентов. Из 1,5 млн. новых членов, принятых в эти годы, более двух третей принадлежали к этим категориям.

Для некоторого количества этих «новых» коммунистов, чей возраст не превышал тридцати лет и которые желали сделать карьеру в быстро растущем партийном аппарате (насчитывавшем в 1952 г. около 200 — 220 тыс. освобожденных работников), в начале 50-х гг. существовала реальная проблема продвижения: подавляющее большинство ответственных постов (как на уровне горкомов и райкомов, так и в центральных органах) были заняты коммунистами «брежневского поколения», то есть довольно молодыми людьми (40 — 45 лет в начале 50-х гг.), выдвинувшимися благодаря чисткам 1936 — 1938 гг. В послевоенные годы отмечалась довольно высокая стабильность партийных кадров: 61% делегатов XIX съезда (1952 г.) за тринадцать лет до этого были участниками предыдущего съезда, что свидетельствовало, принимая во внимание естественные смерти и потери в войне, о примечательной преемственности. Ротация первых секретарей райкомов в РСФСР не превышала за год 12 — 15% от их общего числа, что было, безусловно, ниже показателей 30-х гг. Вынужденное топтание на месте и нетерпение целого поколения людей с очень разным жизненным опытом, среди которых было немало работников, способных справиться с новыми и более сложными задачами, вставшими перед партией, представляли собой реальную проблему. В то же время, как и в 30-х гг., кадры ответственных работников оставались очень уязвимыми, поскольку были вынуждены прибегать к хитростям, сокрытиям и припискам, чтобы выполнить, несмотря на пассивность масс и трудное экономическое положение, непосильные, как правило, задачи или, во всяком случае, рапортовать об их выполнении.

Эта ситуация, тупиковая сразу в экономическом, политическом и социальном планах, вынуждала Сталина, за неимением другого решения, способного порвать с системой, установленной с окончания нэпа, рассматривать возможность новой чистки, которая позволила бы, как в конце 30-х гг., не трогая основ, обновить политические, административные, хозяйственные и интеллектуальные кадры государства.

Именно с этой точки зрения следует рассматривать изменения, произведенные на XIX съезде партии в октябре 1952 г., и «разоблачение» в январе 1953 г. «заговора врачей», давшего сигнал масштабной чистке, развернуться которой помешает смерть Сталина 5 марта 1953 г.

4. Последний «заговор»

В сентябре 1952 г. серия газетных статей предупредила коммунистов о «проникновении империалистических агентов в ряды партии». Эти статьи венчали развернутую в конце 1951 г. широкую кампанию в прессе против «преступной недисциплинированности», «кумовства», «бюрократического перерождения» некоторых работников. В этой напряженной атмосфере 5 октября 1952 г. открылся XIX съезд ВКП(б). Участники приветствовали Сталина единодушной овацией, который, однако, поручив сделать основные доклады своим ближайшим сподвижникам, ограничился семиминутным заключительным словом. Отчетный доклад ЦК был сделан Маленковым, который сообщил о создании СССР атомной бомбы и оптимистически оценил внутреннюю обстановку в стране. Обойдя молчанием чистки 1948 — 1949 гг., Маленков сделал акцент на «замечательных» экономических результатах пятилетнего плана как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Его единственные критические замечания касались перегибов в реорганизации колхозов и проектов агрогородов, то есть деятельности Хрущева. Однако и последний сумел поставить себя в выигрышное положение своим докладом об организации и Уставе партии, в котором он обрушился на различные формы бюрократического и антидемократического перерождения. Это был камень в огород Маленкова, отвечавшего в Секретариате ЦК за кадровую политику. Оба эти доклада не открывали, по существу, никаких новых перспектив ни в экономическом развитии, ни в преодолении социальной напряженности. Основные нововведения состояли в изменении политических структур на вершине партийной иерархии, то есть в самом центре власти, и были сделаны по личной инициативе Ста-

лина. Во главе КПСС (потерявшей свое определение «большевиков») Политбюро было заменено значительно более громоздким Президиумом, который насчитывал 36 человек (25 членов и 11 кандидатов). Такая же «инфляция» коснулась Секретариата ЦК, чья численность была увеличена с 5 до 10 членов, и самого ЦК, состав которого удвоился, достигнув 232 человек. На XX съезде КПСС Хрущев так объяснил смысл этих изменений: заменив Политбюро более широким органом, Сталин соответственно уменьшил влияние своих коллег, которые теперь были окружены «новичками», более молодыми, менее опытными и легче управляемыми. (Этот процесс напоминал эволюцию ЦК в 30-е гг. При Ленине ЦК был малочисленным и активным органом. Впоследствии его состав был увеличен, чтобы ослабить позиции входивших в него старых большевиков и переместить власть в новые структуры, где их не было.) Очевидную неповоротливость Президиума Сталин смог еще раз обратить себе на пользу, продублировав его более узким органом — Бюро Президиума, девятерых членов которого он назначил лично. На деле же в последние месяцы своей жизни — как и в предыдущие годы — Сталин решал все вопросы в тесном кругу, состоявшем, как правило, из Маленкова, Хрущева, Берии и Булганиил. В результате Президиум, кажется, так никогда и не собрался в полном составе.

13 января 1953 г. «Правда» объявила о разоблачении «террористической группы врачей», в составе которой были названы сначала девять, а затем пятнадцать известных медиков, из них примерно половина были евреями. Врачам было предъявлено обвинение в том, что, воспользовавшись своим высоким положением в Кремле, они убили в 1948 г. Жданова и покушались на жизнь крупных военачальников (маршалы Конев и Василевский, генерал Штеменко), выполняя приказ Интеллидженс Сервис и еврейской благотворительной организации Америкой Джойнт Дистрибьюшен Комити. В то время как разоблачившая их доктор Тимашук в торжественной обстановке получала орден Ленина, обвиняемые, соответствующим образом обработанные, сознавались во всех грехах. Как и в 1936 — 1937 гг., участники тысяч .митингов требовали наказания виновных, расширения следствия и возвращения к настоящей «большевистской бдительности». «Дело врачей», свернутое после смерти Сталина, несомненно, не столько продолжало кампанию против «космополитов» (затронувшую и несколько восточноевропейских стран), сколько свидетельствовало о возникновении более важного движения к повой радикальной чистке партийных и хозяйственных кадров и интеллигенции. После раскрытия «заговора» пресса вернулась к гону и лозунгам 1936 — 1938 гг., требуя «покончить с преступной беспечностью в рядах партии и окончательно ликвидировать всякий саботаж».

Между тем следствие, ведшееся под руководством Игнатьева и его заместителя Рюмина, занималось фактами, которые произошли до их прихода в МГБ. Оно могло, следовательно, возложить ответственность за «потерю бдительности» на прежнего руководителя госбезопасности Абакумова и его покровителя Берию. Проведенные в 1951 — 1952 гг. в Грузии чистки коснулись большого количества мингрельских кадров. (Напомним, что сам Берия был мингрелом и окружал себя земляками.) Высказанная в связи с разоблачением «заговора врачей» гипотеза о международном еврейском заговоре также могла быть использована против Берии, который во время войны создал вместе с Михоэлсом Еврейский антифашистский комитет для установления связей с международными еврейскими организациями. Весьма вероятно, следовательно, что в данном случае Берия не только не участвовал в подготовке очередной чистки, но и мог стать одной из ее жертв вместе с другими руководителями, бывшими предметом особой заботы Сталина, в том числе Молотовым (его жена-еврейка была депортирована), Ворошиловым и Микояном. Однако пока напоминавшая о худших временах ежовщины идея широкого заговора интеллигентов, евреев, военных, высших руководителей партии и экономики, партийно-хозяйственной элиты из нерусских республик вызревала, в ночь на 1 марта 1953 г. у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. 6 марта ТАСС сообщил, что сердце гениального продолжателя дела Ленина, вождя Коммунистической партии и всего советского народа перестало биться 5 марта в 21 час 50 минут. Тело Сталина было перевезено из Кунцева в Дом Союзов, где перед гробом прошли тысячи людей; сотни погибли в давке во время похорон 9 марта. После произнесенных Маленковым, Берией и Молотовым речей гроб был установлен в Мавзолее, рядом с ленинским саркофагом.

Глава X. Хрущевские годы (1953 — 1964)

I. БОРЬБА ЗА СТАЛИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И НАЧАЛО ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ (1953 — 1957)

1. Реорганизация властных структур

Смерть Сталина произошла в то время, когда созданная в 30-е гг. политическая и экономическая система, исчерпав возможности своего развития, породила серьезные экономические трудности, социально-политическую напряженность в обществе. Главные соратники Сталина должны были одновременно обеспечить преемственность социально-политического курса, поделить между собой важнейшие государственные посты, найдя равновесие между превосходством — пусть и ослабленным — одного и принципом коллегиальности, учитывая амбиции каждого, расстановку сил, и в то же время осуществить некие изменения, о необходимости которых в правящей верхушке существовал бесспорный консенсус. Тем не менее согласие в этом было очень неопределенным. Все сколько-нибудь значительные вопросы: пересмотр экономических и бюджетных приоритетов, смягчение репрессивной системы, масштаб и характер преобразований в обществе, новации во внешней политике — оказались предметом дискуссии. В недемократической системе, в которой решающую роль играли группировки, конституированные отношениями личной преданности, эта дискуссия решающим образом зависела от развития и исхода борьбы за власть.

Уже 6 марта приближенные Сталина приступили к первому разделу руководящих постов. Они сократили избранный XIX съездом партии Президиум до 10 членов и 4 кандидатов, отстранив таким образом сталинских выдвиженцев последних месяцев, из которых членами Президиума остались только Сабуров и Первухин — оба хозяйственные руководители. Восемь других могли, благодаря своему прошлому, рассматривать себя законными наследниками. Первое место в новой иерархии занял Маленков, который получил пост председателя Совета Министров и встал во главе Секретариата ЦК. В Совмине у него было четыре заместителя, двое из которых могли питать значительные надежды: Берия, близкий соратник Маленкова, вновь возглавивший воссоединенное МВД, поглотившее МГБ; Молотов, вернувшийся на пост министра иностранных дел. Два других поста зампредов Совета Министров занимали Булганин и Каганович. Ворошилов был поставлен на пост формального главы государства. Хрущев не имел никаких государственных должностей, но занимал второе место в Секретариате ЦК КПСС.

Это распределение руководящих постов, осуществленное в страшной спешке на следующий день после смерти Сталина и, несомненно, дававшее тройке Маленков — Берия — Молотов наибольшие преимущества, было сочтено другими членами Президиума несправедливым. Уже 14 марта Маленков, не успевший даже легитимизировать свои полномочия, был поставлен перед необходимостью выбора между руководством правительством и руководством Секретариатом ЦК. Он выбрал первое, что означало передачу Секретариата ЦК Хрущеву, который, вызывая у своих коллег столь же мало подозрений, как в 1922 г. Сталин, теперь занял ключевой пост, благодаря которому контролировал деятельность и карьеру секретарей обкомов партии, настоящих «баронов» системы, составлявших опору и основной контингент Центрального Комитета.

С первых же дней новое руководство предприняло шаги, направленные против злоупотреблений прошлых лет. Личный секретариат Сталина был распущен, а Поскребышев отстранен от дел. 27 марта Верховный Совет СССР объявил амнистию для всех заключенных, чей срок не превышал пяти лет. Амнистия предусматривала освобождение несовершеннолетних и матерей, имевших детей в возрасте до десяти лет, а также всех осужденных, независимо от величины срока, за взяточничество, экономические преступления, административные и военные правонарушения, большую часть которых совершили хозяйственники и партработники, ставшие жертвами последних кампаний 1951 — 1952 гг. Главным результатом указа об амнистии, не

коснувшегося политических заключенных, неизменно получавших сроки больше чем пять лет, стало освобождение большого числа уголовников, которые, выйдя из тюрем, создали в городах, и особенно в Москве, такую опасную обстановку, что потребовалось усилить полицейские меры и держать в состоянии повышенной готовности многочисленные подразделения МВД, чтобы противостоять тем, кого Е.Гинзбург иронически назвала «дорогими Берии друзьями народа». 4 апреля 1953 г. «Правда» объявила, что «врачи-убийцы» стали жертвами провокации и что их так широко подхваченные пропагандой признания были на самом деле получены путем применения «недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия». Это сообщение было опубликовано руководимым отныне Берией МВД, то есть той самой инстанцией, которая несла ответственность за происшедшее.

События получили еще больший резонанс благодаря принятому спустя несколько дней постановлению ЦК КПСС, в котором речь шла о «нарушении законности органами госбезопасности». Из него следовало, что дело «врачей-убийц» не было единичным случаем, что госбезопасность, присвоив себе непомерные права, творила беззаконие и что партия, открыто разоблачая ее, отвергает эти методы и осуждает всевластие политической полиции. Порожденная этими документами надежда вызвала поток сотен тысяч просьб о реабилитации, захлестнувший органы прокуратуры. Заключенные же, и особенно находившиеся в «спецлагерях», ожесточенные выборочной амнистией 27 марта и чувствовавшие неуверенность охраны и неустойчивость системы в целом, уже летом 1953 г. подняли восстания в Воркуте, на Игарке, в Кингире и многих других местах. Растерянность населения возросла, когда выяснилось, что борьбу за восстановление «социалистической законности» возглавил сам Берия. Сразу же после смерти Сталина, если верить его выступлению на похоронах, он превратился в «либерала». Именно по инициативе Берии, имевшего прекрасную возможность свалить вину за «дело врачей» на арестованных по его приказу Игнатьева и Рюмина, было опубликовано сообщение 4 апреля. В течение следующих недель он распространил свой «либерализм» на самые разные сферы. Подчеркивая в отличие от своих коллег «разнообразие» и «равноправие» народов, он содействовал продвижению национальных кадров в надежде обеспечить себе их поддержку в будущем. Особенно тщательно Берия вычистил от сторонников Сталина Компартию Грузии, а во главе нескольких республик поставил своих многочисленных нерусских сподвижников. Берия даже предлагал в определенной степени смягчить коллективизацию, а во внешнеполитической сфере выступил как главный поборник разрядки международной напряженности.

Видя взлет Берии, который распространял свое влияние и расставлял свои креатуры далеко за пределами всемогущего аппарата политической полиции, остальные руководители объединились, используя поддержку военных, стремившихся восстановить главенство армии над госбезопасностью. 10 июля пресса сообщила об аресте Берии, обвиненного в том, что он был английским шпионом и ярым врагом народа. По официальным введениям, суд, вынесший смертный приговор, и казнь Берии состоялись в декабре 1953 г.; по другим же версиям, исходившим, в частности, от Хрущева, он был расстрелян сразу после ареста. Общество имело все основания задуматься о смысле свержения Берии. Конечно, его предшественники Ягода и Ежов были так же внезапно арестованы и казнены по тем же обвинениям. Но 1953 год все же отличался от 1938-го. Не означало ли устранение Берии возврат к «незаконной практике»? Или же оно было, наоборот, еще одним шагом, сделанным по пути к законности и смягчению полицейского режима? Действительно, это событие оказалось таким же двусмысленным, как и роль, сыгранная Берией после смерти Сталина, и в равной мере объяснялось как борьбой за власть, так и начинавшейся «оттепелью».

Обстоятельства устранения Берии, последовавший за мнимым следствием расстрел без настоящего суда, фантастические обвинения в лучших сталинских традициях, выдвинутые против него, свидетельствовали о сложности политической обстановки летом 1953 г. и трудностях перехода к системе, где беззаконие уступило бы место законности. Могущество госбезопасности не оставляло противникам Берии иного выхода, кроме заговора и немедленной его казни, которая позволяла предотвратить возможную попытку его сторонников организовать контрзаговор. Но, учитывая расширение опоры власти Берии, его реальный авторитет и то, что система подчеркивала отныне свою приверженность законности, противники Берии не могли

признаться, что они просто ликвидировали грозного шефа политической полиции, к тому же надевшего личину респектабельного и «либерального» политика. Скрывая обстоятельства смерти Берии и прикрываясь мнимым соблюдением законности, его противники заботились прежде всего о собственной безопасности и одновременно утверждали свою легитимность. Чтобы развенчать положительную репутацию, которая начала складываться у Берии, они прибегли к испытанному методу коллективных петиций и массовых митингов против «гнусного предателя».

Устранение Берии снова подняло роль армии и избавило ее от угнетающей слежки со стороны госбезопасности. Последняя подверглась серьезной реорганизации. Во главе МВД был поставлен Круглое, который держал себя достаточно скромно. Были упразднены «тройки» — особые трибуналы, через которые проходили дела, относившиеся к ведению политической полиции. У МВД отобрали также управление лагерями, передав ГУЛАГ в систему министерства юстиции. В марте 1954 г. политическая полиция была преобразована в самостоятельную организацию, получившую название Комитета государственной безопасности (КГБ), руководство которым было возложено на генерала Серова, числившегося среди сторонников Хрущева. Очень широкие права по контролю за ее деятельностью были предоставлены прокуратуре, где ключевую роль играл генеральный прокурор Руденко, тоже сторонник Первого секретаря ЦК КПСС. В политическом плане «восстановление социалистической законности» было прямо связано с внутриполитической борьбой. Так, расстрел бывшего шефа МГБ Абакумова и его заместителей в декабре 1954 г. напомнил, что инициатива «ленинградского дела», вменявшегося им в вину, принадлежала Маленкову. Впрочем, двумя месяцами позже последний потерял большую часть своих постов.

Количество освобожденных заключенных оставалось незначительным (несколько десятков тысяч) до сентября 1955 г., когда были амнистированы осужденные за сотрудничество с немцами во время Отечественной войны (одновременно с остававшимися в СССР немецкими военнопленными). Большинство же осужденных за «контрреволюционные преступления» были освобождены только после XX съезда партии. Между тем в лагерях происходили многочисленные восстания, самое крупное из которых вспыхнуло в медных копях Кингира в мае — июне 1954 г. В течение шести недель несколько тысяч заключенных сражались с армией, которая для подавления восстания была вынуждена применить танки.

2. Экономические и политические дискуссии: рождение хрущевских реформ

После устранения Берии между Маленковым и Хрущевым начались конфликты, которые касались двух основных аспектов: экономики и роли общества в происходящих изменениях. Что касается экономики, то тут противостояли стратегия развития легкой промышленности, за которую ратовал Маленков, и «союз» сельского хозяйства и тяжелой промышленности, предлагавшийся Хрущевым. Настаивая на развитии производства и снижении цен на товары широкого потребления, Маленков выступал прежде всего как защитник средних и высших служащих, то есть всех тех, кто благодаря социальной мобильности 30-х гг. составил слой, который для простоты можно было бы назвать «средним». Парадоксальным образом Маленков использовал идеи, связанные с понятием сбалансированного развития, выдвинутым за несколько лет до этого Вознесенским, которого он безжалостно преследовал.

Со своей стороны Хрущев, очень обеспокоенный положением в сельском хозяйстве и огромными проблемами этой отрасли, настаивал на необходимости первоочередной помощи селу, понимая значение нормального снабжения горожан. Эта политика предполагала значительное повышение государственных закупочных цен на продукцию колхозов, находившихся на грани разорения; быстрое расширение посевных площадей, что было единственным способом обеспечить высокие темпы роста сельскохозяйственного производства. Освоение целинных земель должно было стать не только дешевым способом немедленно увеличить производство, но и весомым аргументом — в силу необходимости увеличения парка сельхозмашин и тракторов, которого требовал этот замысел, — в пользу подчинения этой программе значительных секторов тяжелой промышленности, находившейся с конца войны под особой опекой Маленкова. Отстаивая эту политику, Хрущев получал возможность предста-

вить себя защитником интересов большинства населения и в то же время начать маневр, направленный на ослабление его главного политического противника.

Принятый в августе бюджет на 1953 г. предусматривал большие дотации на производство Товаров широкого потребления, цены на которые были значительно снижены, и в пищевые отрасли (в конце 1953 г. хлеб стоил в три раза дешевле, чем в 1948 г.). Как и следовало ожидать, снижение цен на промышленные товары сопровождалось ростом дефицита. Тогда текущий план был пересмотрен; показатели роста по потребительским товарам были удвоены; уже в 1953 г. рост производства товаров широкого потребления (13%) должен был обогнать увеличение выпуска средств производства (11%). На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК Хрущев нарисовал очень мрачную картину сельскохозяйственной ситуации, которая действительно была катастрофической, одновременно вскрыв и ошибки, и ложь своих политических соперников, прежде всего Маленкова, который на XIX съезде заявил, что «проблема хлеба решена». Хрущев добился для колхозов существенного повышения государственных закупочных цен (в 5,5 раза на мясо, в два раза на молоко и масло, на 50% на зерновые), необходимого для предотвращения полного краха сельского хозяйства. Повышение закупочных цен сопровождалось уменьшением обязательных поставок, списанием долгов колхозов, снижением налогов с приусадебных участков и с продаж на свободном рынке. После долгого периода падения доходы колхозников значительно повысились и продолжали расти до 1957 — 1958 гг.

Расширение посевных площадей, освоение целинных земель Северного Казахстана, Сибири, Алтая и Южного Урала составляли второй пункт программы Хрущева, принятия которой он добивался на февральском (1954 г.) пленуме ЦК. За три года 37 млн. га, что было в три раза больше намеченного в феврале 1954 г. и составляло примерно 30% всех обрабатываемых в то время земель СССР, были освоены сотнями тысяч мобилизованных. Большинство из них составляли комсомольцы, но использовались и заключенные. По своему замыслу эта программа была призвана в сжатые сроки решить проблему производства зерновых. Учитывая низкий уровень производства минеральных удобрений в 1953 г., действительно имело смысл на некоторое время ввести в оборот потенциально очень богатые земли. В этом, однако, был и известный риск: зоны производства зерновых все больше удалялись от районов потребления, что обостряло тяжелую проблему, так и не решенную в СССР, — проблему транспорта. Кроме того, эти зоны находились в области рискованного земледелия и отличались большой уязвимостью почв в отношении эрозии. Тем не менее эта затея, после одного плохого урожая, вызванного засухой 1954 — 1955 гг., в течение нескольких лет приносила положительные результаты. В рекордном урожае зерновых 1956 г. (125 млн. т) доля целинного хлеба составила 50%. Неожиданный успех сыграл не последнюю роль в угвер-ждении Хрущева в качестве неоспоримого лидера на XX съезде партии. Но в целом стабилизация сельскохозяйственной ситуации оказалась несравнимо более трудной задачей, решение которой требовало крупных капиталовложений и значительного увеличения производства удобрений. Климатический риск всегда оставался высоким и время от времени приводил к катастрофам, как, например, в 1963 г.

На пленуме ЦК, состоявшемся в январе 1955 г., Хрущев употребил все свое красноречие, чтобы показать преимущества возделывания кукурузы, которая рассматривалась им как ключ к решению острой кормовой проблемы. За два года кукурузой были засеяны 18 млн. га, — часто в районах, которые совсем не подходили для этой культуры. Уже тогда для осуществления того или иного проекта-фетиша начинали применяться беспорядочные акции и поспешные мобилизации, свидетельствовавшие о Неизменности волюнтаристских методов управления экономикой.

Опираясь на первые обнадеживающие результаты реформ в сельском хозяйстве (за три года производство сельскохозяйственной продукции увеличилось на 25%), Хрущев старался стимулировать социальную активность, призванную выявить «неисчерпаемые резервы производительности» советских трудящихся и преодолеть внутренние трудности экономического проекта, который базировался на трех трудно сочетаемых целях: повышении уровня потребления, высоких темпах экономического роста и направлении крупных капиталовложений в тяжелую промышленность, всегда рассматривавшуюся в качестве основы дальнейшего развития народного хозяйства. И Маленков, и Хрущев видели необходимость реформирования социальных связей.

Для первого отказ от принуждения как принципа организации общественных отношений требовал рационализации существовавших политических механизмов, осторожной передачи власти на более низкие уровни административного аппарата, повышения роли директоров предприятий и хозяйственных кадров, признания важности их технической и профессиональной компетентности. Эти установки исключали всякое вмешательство или участие народных масс. Напротив, Хрущев предлагал более динамичный и новаторский подход популистского толка, признававший определенную способность широких масс к инициативе и влиянию на развитие событий. Понимая, что глубина реформирования определялась лишь степенью страха руководства перед тяжелым социальным кризисом, Хрущев поощрял запросы населения, порождавшие этот страх. В то же время он старался пробудить в массах социальную активность, обращаясь через голову партаппарата непосредственно к гражданам, заявляя, например, следующее: «У нас очень много таких людей, которые не носят в кармане партийного билета, но всем -своим существом, своим беззаветным трудом на благо общества выражают большевистскую партийность». Однако в отличие от сталинских призывов к «маленьким людям», к «простым труженикам» хрущевская политика, обращенная «ко всем гражданам», не заключала в себе ни явного указания на общественного «врага», ни пренебрежения к «законным» методам контроля и управления. Популизм Хрущева не предвещал новых чисток, являясь лишь одной из граней политики Первого секретаря ЦК КПСС, который старался создать себе одновременно две опоры: одну — в населении, представляя себя как руководителя, заботящегося о повышении уровня жизни, людей и о том, чтобы вернуть их в политическую жизнь, а другую — в среде руководства и кадров партии, утверждаясь в качестве единственного лидера, способного отвести угрозу социального кризиса посредством реформирования (ограниченного) общественных отношений. Эта популистская политика предполагала активизацию не только партии, но и других общественных организаций (прежде всего профсоюзов), отказ от наиболее жестоких форм принуждения, вывод трудовых отношений из сферы действия уголовного права. Все эти меры должны были приглушать социальные конфликты на предприятиях и в колхозах, стимулировать инициативу и производительность трудящихся.

Вполне отчетливо новые веяния в общественном сознании проявились на XI съезде профсоюзов (7 — 14 июня 1954 г.) — первом после окончания войны. В выступлениях на съезде профсоюзные лидеры упрекались за то, что никогда не защищали трудящихся, не боролись против чрезмерной разницы зарплат, произвольно назначавшихся директорами предприятий, против практики незаконных увольнений по воле администрации, против пренебрежения техникой безопасности. Констатировав глубокое разочарование трудящихся в профсоюзах, съезд призвал последние проявлять отныне бдительность в защите прав трудящихся. Среди намеченных изменений на первом плане фигурировали упорядочение норм выработки, усиление надзора за сверхурочными работами и контроля за материальным поощрением, особенно в натуральных формах, поскольку в этой области, например в распределении жилья, решения чаще всего принимались исходя из личных симпатий и антипатий. Вскоре были возрождены упраздненные в конце 20-х гг. «производственные совещания». В комиссиях, созданных для улучшения работы предприятий и учреждений, были объединены представители администрации и специалисты. Однако трудности, с которыми столкнулись профсоюзы в осуществлении их новой роли, оказались весьма значительными (свидетельством этого было уже само увеличение числа вновь созданных структур), и критика руководства профсоюзов за неудовлетворительную защиту интересов трудящихся продолжалась до конца 50-х гг.

Одновременно с попытками оживить общественные организации власти вывели из сферы уголовного права трудовые отношения, прежде всего отменив «драконовские» законы 1938 — 1940 гг. и начав пересмотр трудового законодательства с целью восстановления более гуманных положений Кодекса 1922 г. (эта реформа, однако, не была завершена). Основным результатом отмены предвоенных законов стал значительный рост текучести рабочей силы. По некоторым данным, в 1956 г. поменяли место работы примерно треть рабочих. Тем не менее за пятилетие (1953 — 1958 гг.) произошло существенное улучшение материального положения городских трудящихся как в области заработной платы, повышавшейся в среднем на 6% в год, так и в потреблении, которое выросло по овощам и фруктам в 3,4 раза, по молочным продуктам на 40%, мясу на 50%, рыбе на 90%. Эти успехи имели существенное значение

для роста авторитета Хрущева, которому удалось персонифицировать в своей личности эту новую политику, направленную на повышение уровня потребления, быстрый рост производства и смягчение практики принуждения, до 1953 г. определявшей всю общественную жизнь.

Маленков, чьи позиции были ослаблены расстрелом Абакумова, обвиненного в фабрикации — при поддержке Маленкова — «ленинградского дела», подвергся суровой критике на состоявшемся 25 января 1955 г. пленуме ЦК партии как за свои ошибки в сельскохозяйственной политике начала 50-х гг., так и за «правый уклонизм». Накануне главный редактор «Правды» Шопилов выступил против «вульгаризаторов марксизма», которые под предлогом преимущественного развития легкой промышленности и производства товаров широкого потребления возродили «справедливо осужденные правоуклонистские идеи Бухарина и Рыкова». 8 февраля Маленков был вынужден выступить перед Верховным Советом с заявлением об отставке и признать, что ввиду его управленческой неопытности и ошибок в области экономики необходимо поручить его функции «другому товарищу, более опытному в государственной работе». Руководство правительством перешло к Булганину, который в свою очередь уступил пост министра обороны Жукову. Эти перестановки были для Хрущева несомненной, но еще не полной победой: его собственные функции оставались теми же, что и прежде. Маленков же, ставший зампредом Совета Министров, остался членом Президиума и сохранил возможных союзников (Первухин, Сабуров и Микоян стали первыми заместителями председателя Совета Министров вместе с Молотовым и Кагановичем). Казалось бы, задуманные Хрущевым реформы могли быть реализованы только с помощью консерваторов, таких, как Молотов и Каганович. Однако вскоре, уже в марте 1955 г., Каганович был отстранен от руководства планированием в промышленности. Что касается Молотова, который не скрывал своего враждебного отношения к примирению с Югославией и договору с Австрией, он был вынужден признать свои ошибки на пленуме ЦК в июле 1955 г. и в октябре того же года заняться публичной самокритикой на страницах журнала «Коммунист» по поводу своего заявления о том, что в СССР были созданы «только основы» социализма. Хрущев же считал, что СССР уже находился на стадии перехода от социализма к коммунизму.

3. «Оттепель» во внешней политике

Теоретические расхождения в оценке развития СССР имели, как обычно, конкретно-политическое отражение, прежде всего в области международных отношений и внешней политики СССР, в которой после смерти Сталина противоборстновали две стратегии. Первая из них, защищаемая министром иностранных дел Молотовым, в принципе признавая необходимость «паузы» в «холодной войне», исходила из того, что общий курс советской внешней политики, основанной на идее непрерывной и неизбежной борьбы между блоками, должен был остаться прежним. СССР, н котором были только заложены основы социализма, оставался уязвимым, даже несмотря на успешное испытание водородной бомбы летом 1953 г. Отсюда вытекала необходимость большего, чем когда бы то ни было, утверждения руководящей роли СССР в социалистическом лагере. Вторая стратегия, поддерживаемая Хрущевым и Микояном, исходила из более оптимистических оценок, настаивая на благоприятном соотношении сил для СССР, и обещала большую самостоятельность для стран социалистического лагеря — и даже фактический плюрализм в нем, — признавала возможность мирного сосуществования двух блоков, а также «зоны мира» в лице стран третьего мира, к которым советская дипломатия начиная с 1954 — 1955 гг. стала проявлять большее внимание. Наличие этих двух стратегий в период борьбы за власть внутри руководящей верхушки СССР объясняет неуверенные, бессвязные, методом проб и ошибок действия советской дипломатии, которая видела как тупики «холодной войны», так и необходимость искать новые средства маневрирования на международной арене.

В 1953 — 1956 гг. советская внешняя политика была отмечена постепенным установлением новых отношений с двумя социалистическими странами — Китаем и Югославией, опытом поиска разрядки в отношениях с Западом и переоценкой представлений о нейтралитете третьего мира.

Новые советские руководители отдавали себе отчет в том, что смерть Сталина лишила социалистический лагерь харизматического лидера и грозила вызвать глубокий кризис в его руководстве. Примечательно, что через несколько дней после кончины вождя «Правда» поместила фотографию Маленкова вместе с Мао Цзэдуном, которая, как выяснилось, была смонтирована. Эта манипуляция имела не только анекдотический характер: Маленков и правящая верхушка почувствовали необходимость использовать престиж Мао для утверждения своего авторитета и идеологической легитимности как в СССР, так и в международном коммунистическом движении. Китайский лидер не преминул воспользоваться этим для удовлетворения интересов Китая по широкому кругу вопросов, в первую очередь экономических. Уже 26 марта 1953 г. соглашение о торговле с СССР, переговоры о котором в течение нескольких месяцев стояли на месте, было заключено на выгодных для Китая условиях. СССР обязался предоставит), ему значительную помощь для строительства 146 крупных промышленных объектов. В октябре 1954 г. Хрущев, Булганин и Микоян отправились в Пекин, где дополнили это соглашение предоставлением новых крупных кредитов. Советские руководители обязались вывести войска из Порт-Артура и Дайрена, отказаться в пользу Китая от всех экономических интересов в Маньчжурии и ликвидировать советско-китайские смешанные' компании с их передачей в исключительную собственность Китая. Компартия Китая добилась от КПСС признания своего рода кондоминиума в международном коммунистическом движении: предварительное согласование по вопросам, представляющим взаимный интерес, и своего рода «разделение труда» во внешней политике (Китай считал, что по своему геополитическому положению он может эффективнее поддерживать национально-освободительные движения в третьем мире).

СССР и Китай тесно и на равных правах сотрудничали в разрешении двух тяжелых международных кризисов: войны в Корее и войны в Индокитае. В конце марта 1953 г. Советский Союз и Китай приняли соглашение о плененных во время войны в Корее — пункт, в который в течение двух лет упирались переговоры, — что открыло дорогу к подписанию 27 июля 1953 г. перемирия в Пханмунджоме. Женевская конференция по Индокитаю стала вторым шагом в уменьшении международной напряженности. Желая добиться успеха переговоров, в критические моменты конференции СССР и Китай совместно сдерживали вьетнамскую делегацию. Это новое отношение к Китаю как к привилегированному союзнику, несомненно, содействовало оздоровлению советско-китайских отношений, которые в дальнейшем уже никогда не были такими хорошими, как в период 1954 — 195 6 гг.

Это же желание оздоровить отношения СССР с социалистическим лагерем лежало в основе советско-югославского примирения 1955 г, — события, произведшего несравнимо больший эффект, чем без шума проведенное урегулирование отношений между СССР и КНР. Разрыв со сталинским наследием был резким и внезапным. Если в конце 1953 г. среди обвинений, официально выдвинутых против Берии, еще фигурировала «попытка войти в контакт с титовской кликой», то уже летом 1954 г. Хрущев начал, несмотря на сопротивление Молотова, подготавливать сближение с Югославией. 26 мая — 3 июня 1955 г. Хрущев, Булганин и Микоян совершили визит в Белград, во время которого Хрущев выразил «искреннее сожаление» по поводу возникших ранее разногласий, ответственность за которые он переложил на «ныне разоблаченных врагов народа Берию, Абакумова и других... которые сфабриковали фальшивые материалы против югославских руководителей». К исходу недоли напряженных переговоров Тито добился удовлетворения по всем вопросам. Опубликованное 2 июня совместное заявление не только содержало признание, что политика военных блоков усиливает международную напряженность и что развитие мирного сосуществования предполагает сотрудничество всех государств, независимо от идеологических и социальных различий, но и провозглашало, что вопросы внутренней организации общественного строя и различных форм социалистического развития относятся к исключительному ведению народов разных стран. Югославия получила также значительную экономическую помощь. Со своей стороны она не сделала никаких значительных уступок, оставшись на позициях нейтралитета. Советско-югославское примирение привнесло в восточный блок практический плюрализм, в чем заключался серьезный риск: пример мог оказаться заразительным и привести к эрозии авторитета СССР. Для государств Восточной Европы, которым советская модель была нанизана в качестве единственно возможного социалистического пути в

чрезвычайно трудных условиях, даже осторожное признание Советским Союзом законности югославского пути создавало опасность пересмотра ряда принципиальных положений, что вскоре и произошло.

Хотя внутриполитические изменения в социалистическом лагере оказались в среднесрочном плане самыми значительными, новые советские руководители считали более насущным пересмотр отношений с капиталистическими странами, поскольку их состояние представляло куда более серьезную опасность для передышки, необходимой новому руководству для скорейшего утверждения своего авторитета и власти в собственной стране. Мы уже отметили его готовность положить конец войне в Корее, вызвавшей беспрецедентную волну антисоветизма в США, и стремление обеспечить успех переговоров в Женеве по Индокитаю. Главным вопросом отношений между Востоком и Западом оставалось перевооружение Германии. Западные проекты создания европейского оборонительного сообщества, предполагавшего объединенное командование европейских армий и в которое была бы интегрирована Западная Германия, особенно беспокоили Москву, боявшуюся, что в этих новых европейских вооруженных силах Федеративная республика займет доминирующее положение и тем самым под угрозой окажется не только Восточная Германия, но и Польша и (в меньшей степени) Чехословакия — два государства, чьи западные границы ФРГ отказывалась признать окончательными. Хотя из-за противодействия Франции и к вящему облегчению Москвы планы европейского оборонительного сообщества не были осуществлены, парижские соглашения октября 1954 г. закрепили включение Западной Германии в военную организацию НАТО. Для обсуждения изменившейся ситуации в ноябре 1954 г. в Москве было созвано совещание представителей европейских социалистических стран, на которое со статусом наблюдателя был приглашен Китай, что стало еще одним доказательством его нового привилегированного положения. Произнесенная на совещании Молотовым речь была однозначно направлена против продолжения разрядки и призывала к коллективному отпору в случае ратификации парижских соглашений. Поскольку широкая кампания протеста, развернутая во время и после встречи, не смогла помешать этой ратификации, в мае 1955 г. в Варшаве было проведено новое совещание, рассмотревшее вопрос о создании Организации Варшавского Договора. Тем временем Маленков был снят со своих постов и значительно ослаблено влияние Молотова в правящей группе, где отныне доминировали Хрущев и сторонники разрядки. Их стараниями создание Варшавского пакта сопровождалось предосторожностями, которые должны были ясно показать нежелание СССР усиливать напряженность в отношениях между Востоком и Западом. Из этих же соображений, чтобы создать благоприятные условия для возможных переговоров по германскому вопросу, было отсрочено включение Восточной Германии в систему объединенного командования. Пакт представлял собой ответ, сочтенный необходимым, но довольно сдержанный по тону и содержанию. Хотя в военном плане создание Пакта ощутимо не изменило соотношение сил в Европе, оно способствовало институционализации отношений между СССР и восточноевропейскими странами, которые до этого опирались только на неоспоримый авторитет Сталина и двусторонние соглашения, а также надолго легализовало присутствие советских войск в Восточной Европе, которому предстояло отныне играть решающую роль в моменты внутренних кризисов в этом регионе.

15 мая 1955 г., на следующий день после заключения Варшавского пакта, СССР, США, Великобритания и Франция подписали договор с Австрией. СССР согласился вывести свои войска из Австрии в обмен на некоторые незначительные уступки. В ответ на обязательство Австрии соблюдать самый строгий нейтралитет она была принята в ООН и Совет Европы. Этот договор стал важным этапом в смягчении напряженности между Востоком и Западом. Однако неудача совещания на высшем уровне — первой встречи такого масштаба после Потсдама, — которое собрало в июле 1955 г. в Женеве Хрущева (в советскую делегацию входили также Молотов, Жуков и Булганин), Эйзенхауэра, Идена и Фора, показала, что всеобщее и длительное соглашение между двумя лагерями еще оставалось недостижимым. Вместе с тем эта встреча оставила после себя «дух Женевы», призывавший к более тесным и регулярным контактам и оставлявший открытой дверь к переговорам. Визит в Москву в сентябре 1955 г. канцлера Аденауэра, в ходе которого были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и ФРГ, укрепил это умонастроение, отличавшееся прагматизмом и не сопровождавшееся новыми теоретическими по-

строениями, которым предстояло быть сформулированными только на XX съезде КПСС.

Схема двухполюсного мира, разделенного на два антагонистических лагеря, не оставляла только что обретшим независимость государствам третьего мира возможности играть сколько-нибудь самостоятельную роль в геополитике. Их независимость рассматривалась как чисто формальная, и, даже если они объявляли о своем нейтралитете, советское руководство видело в этом уловку, призванную скрыть их проимпериалисгическую ориентацию. Так обстояло дело, например, с Индией, премьер-министр которой Неру неизменно квалифицировался как «лакей британского империализма». Однако с 1954 — 1955 гг. советская дипломатия начала признавать некоторую ценность политики нейтралитета. Так как баланс сил двух лагерей не позволял рассчитывать на скорое расширение мировой социалистической системы, казалось разумным поддерживать стремление к независимости нейтральных стран, отказывавшихся от присоединения к военным блокам, которые стремились создать США. Во время поездки Хрущева и Булганина осенью 1955 г. в Индию, Бирму и Афганистан они не только положительно оценили политику нейтралитета и вклад данных стран в дело мира, но и предоставили им крупные кредиты на экономическое развитие (например, более 135 млн. долл. на строительство мощного металлургического комплекса в Индии), что явилось своего рода «вознаграждением» странам третьего мира за их нейтралитет. Для этих стран хорошие отношения с СССР могли стать средством давления и предъявления более жестких требований к США. С другой стороны, для СССР эта политика открывала новые возможности расширения его присутствия на международной арене и создания в многополюсном мире целой системы союзов, центром которой он мог бы стать. Но для этого СССР было необходимо найти дипломатические, экономические и военные инструменты мировой политики и, обеспечив динамизм своего экономического и социального развития, стать примером для многочисленных стран, перед которыми стояли те же проблемы развития и индустриализации. В отношениях с этими странами СССР вскоре столкнулся с конкуренцией Китая. Последний сыграл первостепенную роль в Бандунгской конференции (апрель 1955 г.), созванной группой «неприсоединившихся» стран (в том числе Индией, Индонезией и Бирмой), чьи дипломатические усилия способствовали перемирию в Корее и успеху Женевской конференции, и в чьи намерения входило усиление влияния государств Азии и Африки на мировую политику. Однако непосредственно в тот момент совпадение советских и китайских интересов брало верх над соперничеством за влияние, Так, хотя СССР, считавший себя и азиатским государством, не был приглашен на Бандунгскую конференцию, Чжоу Эньлаем там были установлены хорошие контакты с Насером, оказавшиеся полезными для развития советско-египетских связей. Ускорение процесса деколонизации во второй половине 50-х и в начале 60-х гг. вскоре открыло новое поле деятельности для еще раз пересмотренной советской внешней политики.

4. XX съезд: начало управляемой десталинизации

14 февраля 1956 г. в Кремле в присутствии представителей 55 «братских партий» открылся XX съезд КПСС, собравший 1436 делегатов, по большей части опытных аппаратчиков. Созванный за восемь месяцев до уставного срока в связи с насущной необходимостью подвести итоги произошедших после смерти Сталина изменений и дискуссии о выборе курса, съезд завершился знаменитым «секретным докладом» Хрущева. Этот вызвавший подлинное потрясение доклад был произнесен при закрытых дверях только перед советскими делегатами и открыл дорогу управляемой десталинизации.

Отчетный доклад ЦК, представленный съезду Хрущевым, бесспорно, подтвердил изменение политического курса, разрыв с многочисленными сталинскими постулатами и традициями, осуществленный в течение трех предыдущих лет как в области международных отношений, так и во внутренней политике, социальной и экономической. При всей своей глубине этот разрыв не был внезапным, а изменение курса — полностью отказывающимся от прежних представлений. Хотя в истории партии и прежде случались крутые повороты, в ходе которых пересматривались казавшиеся

незыблемыми принципы, начало съезда и отчетный доклад никак пе предвещали того, что произошло через десять дней.

Утверждая в качестве лейтмотива доклада защиту подлинного ленинизма, Хрущев начал с того, что подчеркнул важность международной разрядки, заявив не только о том, что столкновение блоков не является исторической неизбежностью, но и о том, что мирное сосуществование должно стать генеральной линией внешней политики СССР. По его мнению, благодаря новому, благоприятному для социализма соотношению сил в мире завоевание власти в «буржуазных странах» могло отныне совершаться конституционным путем.

Хрущев далее заявил — и это также было принципиальным разрывом со сталинской теорией и практикой, — что методы построения социализма могут видоизменяться в зависимости от конкретных условий каждой страны. Таким образом, навязывание советской модели в качестве обязательного образца уступало место признанию многообразия путей к социализму. Перейдя к экономике, докладчик изложил основные направления шестого пятилетнего плана, разработанные в соответствии с хрущевским «экономическим проектом». Особое внимание план уделял сельскому хозяйству, положение в котором оставалось тревожным, производству предметов потребления опережающими темпами по сравнению со средствами производства, а также жилищному строительству.

В идейно-политическом плане доклад Хрущева был достаточно осторожным. Первый секретарь ЦК КПСС ограничился кратким упоминанием преступлений, совершенных «кликой Берии», и несколькими критическими замечаниями в адрес Молотова, Маленкова и ,Сталина (не называя имен), впрочем сглаженными признанием заслуг покойного вождя в борьбе против «врагов народа» и апологией принципа коллегиальности руководства. Восстановить и упрочить ленинский принцип коллективного руководства — таков был политический лейтмотив большинства выступлений на съезде. Коллективному руководству ораторы противопоставляли «культ личности», как правило стараясь по возможности избегать имен, и предлагали следующие решения: демократизировать партию, перестать жить в мире иллюзий и лжи. Наиболее серьезное выступление против «культа личности Сталина» и «нарушений социалистической законности» на открытых заседаниях принадлежало Микояну, который поименно назвал нескольких «врагов народа», на самом деле ими не бывших (Косиор, Антонов-Овсеенко и др.), подверг критике неправильные выводы и извращения, содержавшиеся в «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 г. (в особенности по поводу революции 1917 г. и гражданской войны), а также экономические теории, выдвинутые Сталиным в 1952 г.

24 февраля Булганин в качестве главы правительства представил экономический доклад, а затем, как и полагается перед закрытием съезда, были проведены выборы руководящих органов партии. Прежде чем представить съезду список членов нового Президиума, избранный Первым секретарем ЦК КПСС Хрущев сообщил советским делегатам, что вечером, после официального закрытия съезда, они должны явиться на закрытое заседание, куда иностранные участники не будут допущены.

В ночь с 24 на 25 февраля Хрущев в течение четырех часов зачитывал делегатам «секретный доклад», показывавший развитие и упрочение «культа личности», его проявления и последствия за прошедшие 20 лет. Как и отчетный доклад, «секретный доклад» Хрущева призывал к верности Ленину, а подробно описанная ленинская приверженность принципу коллегиальности служила точкой отсчета и примером, особенно наглядно показывавшим нарушение ленинских традиций Сталиным.

Из «секретного доклада» участники съезда узнали о «завещании» Ленина, существование которого до тех пор отрицалось партией. Доклад анализировал извращение Сталиным принципа демократического централизма, рассказывал о чистках и «незаконных методах следствия», при помощи которых у тысяч коммунистов были вырваны совершенно невероятные признания. Развенчав миф о Сталине как «наследнике» и «гениальном продолжателе» дела Ленина, доклад атаковал и миф о Сталине-»военачальнике», разрушив канонический образ генералиссимуса и воссоздав облик нерешительного и некомпетентного человека, ответственного за сокрушительные поражения 1941 — 1942 гг. Доклад также показал ответственность Сталина за депортацию кавказских народов, огульно обвиненных в сотрудничестве с немцами, за конфликт с Тито, фабрикацию фальшивых заговоров в 1948 г. («ленинградское де-

ло»), 1951 г. («мингрельское дело») и 1953 г. («дело врачей-убийц»). Доклад Хрущева рисовал новый образ Сталина — образ тирана, день за днем создававшего свой культ, образ некомпетентного, не желавшего никого слушать диктатора, «оторванного от народа» и ответственного за катастрофическое экономическое положение страны в 1953 г.

Доклад был насыщен деталями, которые шокировали аудиторию, но в то же время ему, безусловно, не хватало четкости, а содержащаяся в нем информация часто была приблизительной и неполной. В целом доклад оказался очень избирательным и поверхностным в осуждении сталинизма и не ставил под вопрос ни один из совершенных партией с 1917 г. поворотов. Выборочный характер проявлялся в том, что начало сталинского «отклонения» от ленинского курса, несмотря на принципиальный конфликт с Лениным еще при жизни последнего, определялось 1934 г., что исключало из числа ошибок и преступлений коллективизацию, голод 1932 — 1933 гг. и крайности, связанные с индустриализацией. О том же свидетельствовал и выбор жертв «культа личности», к которым были отнесены только коммунисты, придерживавшиеся четкой сталинской ориентации, но не оппозиционеры и не простые граждане. Сужая рамки незаконных репрессий до одних только коммунистов, ставших жертвами личной диктатуры Сталина, доклад обходил ключевой вопрос об ответственности перед обществом партии в целом. До сих пор в истории этого доклада еще остается много неясностей, а основным источником являются воспоминания самого Хрущева, требующие максимально осторожного к себе отношения. Тем не менее, даже если Хрущев и склонен преувеличивать свое значение, по всей видимости, он лично действительно сыграл, как это докажут последующие события, решающую роль в разоблачении — выборочном и контролируемом — преступлений Сталина, пойдя на политический риск, определявшийся тем, что подавляющее большинство участников съезда сделали карьеру именно в период «культа личности Сталина».

По словам Хрущева, руководители партии оказались после ареста Берии перед лицом такого количества откровений о деятельности аппарата политической полиции (в очень большой степени автономного и выведенного из-под контроля «обычных» инстанций партии) и фальсифицированных заговоров, что все они, в том числе Хрущев, пришли к выводу о необходимости получить более полную информацию. С этой целью была организована следственная комиссия, деятельность которой держалась в тайне, во главе с директором Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина Поспеловым — одним из главных теоретиков партии, отвечавшим за подготовку «Краткого курса истории ВКП(б)» 1938 г. Накануне открытия XX съезда партии комиссия закончила свою работу и представила обширные материалы. Согласно Хрущеву, создание комиссии частью Президиума, прежде всего Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем, было встречено без особого энтузиазма. Во время съезда после бурного заседания Президиума при трех голосах против (вышеназванных лиц) Хрущев якобы добился согласия доложить съезду выводы комиссии; свободной дискуссии все же было предпочтено закрытое заседание. В спешке, вызванной принятием решения в самый последний момент, доклад был представлен «рабочим документом», подготовленным Поспеловым, которому было поручено срочно переработать его в выступление. В действительности же доклад (сопровождавшийся досье из 18 неизданных документов, проливавших свет на противостояние Ленина и Сталина), розданный делегатам на вечернем заседании 24 февраля, скорее всего, был подготовлен заранее. Руководство партии было, несомненно, готово пойти дальше речей, зачитанных во время «официальной части» съезда, но продолжало колебаться относительно формы разоблачений. Именно здесь решающую роль сыграла личная инициатива Хрущева. Показательно, что именно ему было поручено прочитать доклад и лично встретить непредсказуемую реакцию участников съезда.

Сразу же после окончания съезда текст доклада был издан в виде маленькой красной книжки. Первоначально предполагалось, что она будет доступна только членам партии; ответственные партийные работники должны были, каждый на своем уровне, зачитать ее подчиненным. Но уже в конце марта по указанию Хрущева она была открыта для всех граждан. Для знакомства с ней повсеместно были проведены собрания, в том числе и в школах для учеников старше 14 лет. В результате за несколько недель десятки миллионов советских людей услышали то, что 24 февраля

было сообщено только самым выдающимся и опытным членам партии. О существовании доклада скоро стало известно за границей. Уже 16 марта «Нью-Йорк таймс» поместила соответствующую информацию, а 4 июня госдепартамент США опубликовал текст, подлинность которого СССР отказался признать. Вероятно, утечка произошла через польских коммунистов, переживавших вызванный смертью Берута период внутрипартийной борьбы, после того как по настоянию Хрущева они, как и другие делегации иностранных компартий, присутствовавшие на XX съезде, ознакомились с докладом (25 февраля каждой из них был выдан экземпляр русского текста с обязательством вернуть его на следующий день). Хотя советские власти не признали, однако они и не опровергли текст, опубликованный в США. Перед лицом этой двусмысленной политической линии каждая компартия поступала в соответствии со своей собственной политической стратегией и степенью своей скомпрометированности приверженностью сталинизму. Некоторые отвергли этот текст как грубую подделку американского правительства; ФКП употребила уклончивую формулировку («доклад, приписываемый...»), что освобождало ее от необходимости дискутировать о тексте, подлинность которого не была признана; ИКП же решила вынести все вставшие проблемы на публичное обсуждение. В странах Востока, в наибольшей степени затронутых сталинизмом, доклад посеял семена инакомыслия, которым предстояло дать обильные всходы.

5. От XX съезда КПСС до устранения антипартийной группы

Приветствуемый «бурными и продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию», Хрущев одержал на XX съезде частичную, но бесспорную победу. Хотя ему и не удалось изменить состав членов Политбюро, он сумел ввести туда в качестве кандидатов несколько своих сторонников, которые вошли также в Секретариат ЦК (Жуков, Брежнев, Шепилов, Фурцева). Центральный Комитет (225 членов и кандидатов) был значительно обновлен и наполовину состоял из новых членов, обязанных своим недавним выдвижением Хрущеву. Однако по мере того, как проходил шок XX съезда и в обществе росло желание получить ответы на многочисленные вопросы, в партии начало организовываться сопротивление десталинизации. Большинство партработников, сделавших карьеру при Сталине, правильно понимали, что процесс десталинизации будет трудно удержать в рамках разоблачений, сделанных на съезде. Каждый из них боялся, что однажды у него спросят, какую роль — активную или пассивную — он играл в чистках и «культе».

Собравшись на пленум, 30 июня 1956 г. члены Центрального Комитета партии приняли постановление «О преодолении культа личности и его последствий», которое было большим шагом назад по сравнению с «секретным докладом». Вплоть до XXII съезда этот документ сохранял свое значение и служил идеологической базой послесталинского консерватизма. Сталин характеризовался в нем как «человек, который боролся за дело социализма», а его преступления — как «некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в условиях ожесточенной борьбы с классовым врагом». Да, культ личности признавался одной из черт сталинского периода, однако это явление рассматривалось исключительно как следствие личных недостатков Сталина. Заслуги Сталина явно перевешивали его слабости, которые не имели решающего значения и не смогли свернуть партию с правильного пути.

В течение лета 1956 г. эта консервативная позиция была подтверждена и теоретически развита в нескольких статьях, опубликованных, в частности, в журнале «Коммунист». Главной мишенью для последнего стал журнал «Вопросы истории», с начала года ставший центром глубоких размышлений об истоках культа личности и о фальсификациях советской истории (статьи Бурджалова о революциях 1917 г. и роли Сталина в них). «Коммунист» утверждал, что, желая показать колебания, расхождения во взглядах и даже ошибки того или иного руководителя партии в тот или иной момент, авторы журнала рисковали забыть о фундаментальном единстве партии, правильности и непогрешимости проводившейся ею линии, отражавшей ход истории. Через несколько месяцев, в декабре 1956 г., широко отмеченное столетие Плеханова дало возможность тем, кто испытывал ностальгию по сталинизму (в данном случае академику Митину, члену ЦК с 1939 г., которому было поручено сделать

официальный доклад о первом русском марксисте), напомнить о монолитном единстве партии и заклеймить как «фракционеров» тех, кто под предлогом поиска исторической правды пытается дискредитировать партию, приуменьшить ее роль и грандиозные достижения, подорвать нерушимое единство партии и советского народа.

Это наступление консерваторов произошло после связанного с десталинизацией в СССР тяжелого кризиса, в октябре — ноябре 1956 г. потрясшего Польшу и Венгрию и поставившего под угрозу единство социалистического лагеря. В Польше разоблачения XX съезда и признание руководством КПСС многообразия путей к социализму вызвали кризис в общественном сознании как в партии, так и в стране в целом; смерть Берута к тому же открыла возможность либерализации руководства. В июне 1956 г. произошли антисталинские и антисоветские выступления в Познани. В этой стране, где отношение к восточному соседу издавна было сложным и неоднозначным, оформлялась настоящая и радикальная десталинизация. В середине октября сменивший Берута во главе партии Е.Ошаб был вынужден под давлением общественности уступить свой пост В.Гомулке, ставшему символом сопротивления советскому давлению и выразителем «польского пути к социализму». 19 октября, когда ЦК партии собрался для утверждения этой замены в руководстве, Хрущев в сопровождении Молотова, Микояна и Булганина без приглашения прибыл в Варшаву, чтобы попытаться повернуть ситуацию. Не решаясь прибегнуть к силе против страны, где в народе не переставала нарастать напряженность, имевшая отчетливый антисоветский характер, Хрущев и его команда, приказав сначала танковым частям двигаться к Варшаве, решили в конце концов договориться с Польшей, стоявшей на грани восстания. После очень напряженных дискуссий советские руководители приняли польские требования, касавшиеся национального суверенитета страны, возвращения в СССР Рокоссовского и советских советников, лишь бы только не была поставлена под вопрос принадлежность Польши к социалистическому лагерю. Польский кризис завершился победой десталинизации, но серьезно подорвал в глазах членов КПСС престиж Хрущева, которого решимость поляков вынудила отступить.

Еще более тяжелый кризис разразился в Венгрии, где компромисса достичь не удалось. Сталинский ставленник, первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся Ракоши вернулся с XX съезда КПСС полным решимости отстоять сталинизм в своей стране и дождаться отстранения Хрущева, которое, по его прогнозам, должно было произойти в ближайшем будущем. В июле Ракоши был заменен Герое по приказу Хрущева, который потребовал, чтобы Венгерская партия трудящихся освободила и реабилитировала своих репрессированных, встав таким образом на советский путь. Однако слепое следование советской модели десталинизации не могло удовлетворить общество, полное решимости извлечь все уроки из критического анализа сталинизма и деятельности партии. Вдохновленные польским примером, 22 — 24 октября 1956 г. венгры восстали, потребовав установления демократического режима и вывода из Венгрии Советской Армии. После первого, ограниченного, вмешательства войск СССР, вызванных для подавления восстания потерявшим контроль над ситуацией венгерским правительством, Микоян и Андропов (тогда посол СССР в Будапеште) провели переговоры, в результате которых И.Надь возглавил правительство, а Я.Кадар — руководство партией. Но народное движение, бывшее одновременно антикоммунистическим и антисоветским, быстро подчинило себе правительство Надя, которому не оставалось ничего другого, как встать во главе этой революции. Уступив требованиям революционных комитетов, 1 ноября правительство объявило о восстановлении политического плюрализма, выходе Венгрии из Варшавского пакта и провозгласило нейтралитет своей страны. Поддержанный всеми странами социалистического лагеря (в том числе Югославией и Китаем, с которыми Хрущев провел консультации по согласованию позиции в отношении Венгрии), 4 ноября после кровопролитных боев (20 тыс. убитых среди восставших) СССР снова ввел свои войска в Будапешт. Надь, нашедший сначала убежище в югославском посольстве, был 21 ноября арестован и вывезен в Румынию, где советский военный трибунал приговорил его к смерти. Генеральная Ассамблея ООН осудила советскую интервенцию, но западные державы, занятые в тот момент суэцким кризисом, остались пассивными. Их невмешательство в венгерские события показало, что они негласно признавали раздел Европы и не желали втягиваться в междоусобицу социалистического лагеря. В целом произошедшая трагедия в Венгрии дала аргументы противникам десталинизации в СССР. Последние сделали в последующие месяцы все возможное

для того, чтобы ограничить ее масштабы и затем открыто выступить против тех, кто в их глазах был виновен в необдуманном инициировании опасного процесса.

После венгерского кризиса позиции Хрущева ослабли. Возвращение Молотова в правительство свидетельствовало о колебаниях советского руководства в определении политического курса. Молотов, которому 1 июня пришлось оставить министерство иностранных дел, уже 20 ноября был назначен министром государственного контроля. Эта должность давала ему право проверять деятельность любых гражданских и военных организаций, которые он принялся защищать от «нигилистской критики политически незрелых людей». В декабре 1956 г. пленум ЦК, ознакомленный с трудностями в выполнении шестой пятилетки, уменьшил показатели роста производства и производительности труда (частично удовлетворив таким образом рабочую среду, в которой высказывалось недовольство по поводу резкого увеличения норм выработки) и одобрил создание нового планирующего органа — Государственной комиссии по экономике, призванной координировать разработку ближайших планов, тогда как за Госпланом было оставлено долгосрочное планирование. Возглавленная Первухиным Комиссия должна была в двухмесячный срок представить предложения по «совершенствованию организации промышленности». Создание этой Комиссии вело к усилению централизации вопреки поощрявшимся Хрущевым схемам более децентрализованного управления. На состоявшемся 13 — 14 февраля 1957 г. пленуме ЦК партии Хрущев изложил свой проект децентрализации экономики, полностью противоречащий предложениям Комиссии. Отказывая ей в ведущей роли, проект Хрущева превращал Комиссию в простое передаточное звено и, оставляя реальное принятие долгосрочных решений за Госпланом, передавал конкретную разработку последних региональным органам в лице совнархозов. Проект предполагал также ликвидацию промышленных министерств, сокращение и децентрализацию слишком многочисленных центральных ведомств. Февральский пленум не решился сделать окончательный выбор между идеями декабря 1956 г. и хрущевскими тезисами и перенес дискуссию в прессу, а Первый секретарь ЦК КПСС тем временем выступал в различных городах СССР с речами, не скрывая наличие разногласий в руководстве.

10 мая 1957 г. Хрущев добился крупной победы: по его предложению Верховный Совет проголосовал за создание совнархозов и ликвидацию десяти промышленных министерств. 22 мая в Ленинграде им была произнесена важная речь, ознаменовавшая начало волюнтаристской политики «броска вперед», сопровождавшейся дальнейшей децентрализацией. Экономическая политика, воспринятая как беспорядочная череда противоречивых инициатив, объединенных только резкой антибюрократической направленностью, сразу же вызвала организованное сопротивление.

Воспользовавшись визитом Хрущева в Финляндию, его коллеги решили созвать Президиум. На заседании 18 июня 1957 г. семь из одиннадцати его членов (Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Первухин и Сабуров) потребовали отставки Хрущева. Оставшись в меньшинстве (несмотря на то что четыре из пяти кандидатов в члены Президиума и секретари ЦК, также участвовавшие в заседании, приняли его сторону), Хрущев сослался на ленинские принципы демократического централизма и потребовал, чтобы конфликт в Президиуме был передан на рассмотрение Центрального Комитета — высшей партийной инстанции, — из состава которого формировался Президиум. Благодаря решающей поддержке Жукова, который организовал доставку военными самолетами разбросанных по всей стране членов ЦК, Центральный Комитет смог собраться уже 22 июня. Оказавшийся в роли арбитра и сознавая значимость, которую он получил благодаря инициативе Хрущева, ЦК был, естественно, настроен в пользу Первого секретаря. После нескольких дней дебатов Центральный Комитет отменил голосование Президиума и осудил «фракционную деятельность антипартийной группы». Молотов, Каганович, Маленков и Сабуров были исключены из Президиума ЦК, а Первухин переведен в кандидаты. Новый Президиум был расширен до 15 за счет перевода в члены Президиума прежних кандидатов (Жукова, Брежнева, Шверника и Фурцевой) и секретарей ЦК (Аристова, Беляева), поддержавших Хрущева.

Июньский кризис 1957 г., завершившийся важным успехом на пути десталинизации, узаконил кардинальный разрыв с прежней политической практикой. Несмотря на тяжесть обвинений, побежденные не были лишены ни жизни, ни свободы (Мален-

ков стал директором электростанции в Сибири, а Молотов направлен послом в Монголию). Более того, ЦК КПСС вернул себе всю полноту власти.

Решающая роль, сыгранная в урегулировании июньского кризиса 1957 г. Жуковым, не могла не вызвать отрицательной реакции у Хрущева и гражданских властей. Помня о том, что в 1 953 г. помощь армии позволила устранить Берию ив 1955 г. обеспечила победу Хрущева, последний воспользовался визитом маршала за границу, чтобы поставить перед Президиумом вопрос о «культе личности Жукова и его склонности к авантюризму, открывающему путь к бонапартизму». Собравшийся в конце октября пленум ЦК решил вывести Жукова из Президиума и ЦК партии. Победитель в битве за Берлин был вынужден к тому же заняться самокритикой, 3 ноября обвинив себя в «Правде» в попытках «насаждать культ своей личности», в проведении «линии на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над Армией и Военно-Морским флотом со стороны партии, ее ЦК и Советского правительства». На пост министра обороны был назначен связанный с Хрущевым родственными узами маршал Малиновский, который произвел многочисленные перестановки и новые выдвижения. В марте 1958 г. Хрущев использовал выборы в Верховный Совет СССР, чтобы отстранить Булганина и занять его место во главе государства.

Возвращение Хрущева к сталинской практике 1940 — 1953 гг. совмещения руководства партией и правительством положило конец коллегиальности, несмотря на то что на XX съезде ее политические преимущества были торжественно подтверждены ссылками на ленинские традиции. Но если Хрущев и выглядел как носитель власти, фактически не уступавшей той, которой злоупотребил Сталин, его роль как во внутриполитическом, так и в международном плане не означала преемственности с амбициями и практикой своего предшественника. Об этом свидетельствовала уже судьба побежденных им противников и роль, которую отныне играл Центральный Комитет КПСС, старавшийся смягчать кризисы, ограничивая тем самым значение успехов Хрущева.

II. ПРЕДЕЛЫ И ПЕРЕХЛЕСТЫ ХРУЩЕВСКОГО ПРОЕКТА (1958 — 1864)

1. «Догнать и перегнать Америку!»

22 мая 1957 г. на собрании представителей колхозников Хрущев бросил ставший знаменитым лозунг: «Догнать и перегнать Америку!» Речь в данном случае шла о соревновании с этой страной в двух конкретных областях: в производстве мяса и молочных продуктов. Вместе с тем это выступление стало началом волюнтаристской политики «прыжка вперед», опасность которой показала советская история тридцати предыдущих лет. Выдвижение невыполнимых целей, последовавшая широкая кампания по пропаганде хрущевского проекта, исходившего из быстрого роста потребления, открывающего путь к обществу изобилия, то есть к коммунизму, поставили серьезную проблему не только в экономическом плане, но и в области общественных отношений. Они свидетельствовали о силе и постоянстве волюнтаристских методов мобилизации производительных сил, порождавших принуждение. Но как можно было совместить эти методы, прямо унаследованные от 30-х гг., со стремлением поднять общественную активность? Желание добиться максимально быстро и с наименьшими затратами впечатляющих результатов на основе отношений и методов, прямо заимствованных из сталинской практики, скоро породило все более авантюристические инициативы, непродуманные административные реформы, экономические и социальные перегибы, которые не замедлили выявить пределы хрущевского проекта и привели к серьезному экономическому и социальному кризису начала 60-х гг.

1957 — 1959 гг. были отмечены серией административных реформ и «кампаний» («кукурузная лихорадка», «мясная кампания в Рязани», «молочные рекорды» и т.д.), призванных улучшить функционирование экономической системы. Мы уже упоминали о создании совнархозов, созданных для упрочения горизонтальных связей между предприятиями за счет традиционных вертикальных связей в структуре

управления советской экономикой, во исполнение ленинского принципа, согласно которому центр тяжести оперативного руководства промышленностью и строительством должен был находиться на местах. Согласно закону от 10 мая союзные промышленные министерства с 1 июля 1957 г. были заменены сотней совнархозов, на региональном уровне управлявших предприятиями, которые должны были устанавливать прямые связи между собой. Эта реформа принесла мало положительных экономических результатов. Конечно, она облегчила развитие некоторых отраслей местной промышленности, которые были в загоне в то время, когда все руководство осуществлялось из центра, но затруднило функционирование ряда секторов крупной промышленности Главным же результатом стало возбуждение недовольства десятков тысяч министерских чиновников, вынужденных отправиться из Москвы в провинцию.

В отсутствие продуманной инвестиционной политики в аграрном секторе (проблема его финансирования оставалась нерешенной, так как государство не решалось перенести на розничные цены прибавку, получаемую производителями с 1953 — 1954 гг.) повышению эффективности сельского хозяйства должны были способствовать две административные реформы. Первая заключалась в ликвидации МТС и передаче техники (тракторов и сельхозмашин) в собственность колхозов, что предполагало ее лучшее использование. С экономической точки зрения эта мера, несомненно, позволила многим колхозам улучшить организацию и поднять производительность труда; однако для других был более выгоден прокат оборудования, поскольку обеспечивал большую гибкость. Вместе с тем реформа навязала всем колхозам немедленный выкуп парка МТС, а невыгодные условия последнего поглотили финансовые ресурсы колхозов, образовавшиеся с 1954 — 1955 гг. благодаря повышению закупочных цен. Если некоторые «колхозы-миллионеры» и извлекли выгоду из этой реформы, то беднейшие колхозы, которых было подавляющее большинство, попали в критическое положение. Немедленная и обязательная ликвидация МТС имела и другие отрицательные последствия, в первую очередь отъезд в города большинства техников, которые боялись потерять свой статус и оказаться приравненными к колхозникам, и вслед за этим быстрый выход из строя оборудования, оставшегося без квалифицированного обслуживания. В 1958 — 1961 гг. — впервые с конца 20-х гг. — произошло сокращение парка сельскохозяйственных машин.

Вторая реформа заключалась в новом укрупнении колхозов (83 тыс. в 1955 г, 68 тыс. в 1957 г., 45 тыс. в 1960 г.), что должно было привести к образованию мощных «колхозных союзов», способных стать началом подлинной индустриализации сельского хозяйства. Этот проект, возрождавший идею агрогородов и лежавшее в ее основе стремление ускорить социальное преобразование деревни через развитие «социалистических» аспектов образа жизни, требовал крупных капиталовложений, в которых колхозы были не в состоянии участвовать из-за недостатка средств, вызванного выкупом МТС. Это стало причиной неудачи первой серьезной попытки добиться реальной интеграции колхозного сельского хозяйства.

Реформы, порожденные желанием быстро и с меньшими затратами получить существенные результаты, сопровождались сильным давлением на местных партийных работников и председателей колхозов, которые в свою очередь давили на колхозников. Практическим выражением этого стала кампания против приусадебных подсобных хозяйств, рассматривавшихся как частнособственнический пережиток. Для политических и хозяйственных руководителей всякая интенсификация коллективного труда предполагала ограничение труда индивидуального на своем участке. На деле же эта кампания, не говоря уже о ее непопулярности, оказала отрицательное воздействие на все сельскохозяйственное производство.

Наглядным примером катастрофических последствий приверженности к волюнтаристским методам принуждения, связанным с «погоней за рекордами», стала «рязанская катастрофа». Толчком к ней послужила произнесенная 22 мая 1957 г. в Ленинграде речь, в которой Хрущев предложил за три года утроить производство мяса в стране. Первые полтора года принесли очень скромный прирост (8%), что вызвало крайнее раздражение Хрущева, поставленного перед необходимостью признать, что его проект в действительности невыполним. В конце 1958 г. обкомам партии было разослано указание о принятии «решительных мер» для увеличения производства мяса в 1959 г. Первый секретарь Рязанского обкома А.Ларионов выступил с амбици-

озным заявлением, пообещав за один год утроить государственные заготовки мяса в области. Обещания, несмотря на их нереальность, были утверждены областной партийной конференцией, а 9 января 1959 г. по настоятельной рекомендации Хрущева и вопреки мнению Сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС опубликованы в «Правде». На «вызов» ответили несколько других областей. Рязанская область не успела еще приступить к реализации своей грандиозной программы, как на нее посыпались награды. В феврале 1959 г. она получила орден Ленина, а сам Ларионов через несколько месяцев стал Героем Социалистического Труда. Чтобы сдержать обещание, обком партии распорядился забить весь приплод 1959 г., а также большую часть молочного стада и производителей, присовокупив под расписку весь скот, выращенный колхозниками в своих хозяйствах. Однако даже этих мер было недостаточно, в связи с чем были организованы закупки скота в соседних областях за счет средств из общественных фондов, предназначенных для приобретения машин, строительства школ и т.д. «Мясной налог» ударил не только по всем колхозам и совхозам области, но и по всем городским учреждениям; сдаваемое государству (по чисто символическим ценам) мясо исчезло из продажи. 16 декабря местные власти торжественно рапортовали о стопроцентном выполнении плана: область «продала» государству 150 тыс. т мяса, в три раза превысив поставку предыдущего года; обязательства же на 1960 г. брались еще более высокие — 180 тыс. т! Однако в 1960 г. заготовки не превысили 30 тыс. т: после массового забоя предыдущего года поголовье уменьшилось по сравнению с 1958 г. на 65%. Колхозники, у которых под расписку «временно» изъяли скот, отказывались обрабатывать колхозные земли, что привело к падению производства зерна на 50%, К концу 1960 г. скрывать катастрофу стало невозможно, и Ларионов покончил жизнь самоубийством. Применение «рязанских методов», более или менее карикатурно распространенных на многие регионы, привело к катастрофическим результатам; в 1964 г. производство мяса уступало уровню 1958 г. Все это нанесло серьезный удар по престижу Хрущева; лозунг «Догнать и перегнать Америку!» вскоре прочно перекочевал в анекдоты. Предметом шуток стало и увлечение Хрущева кукурузой, с помощью которой он надеялся решить проблему кормов. Отведенные под эту культуру площади были удвоены: 18 млн. га в 1955 г.. 37 млн. га в 1962 г. Возделывание кукурузы навязывалось и тем регионам, где климатические условия явно не подходили для этой культуры (особенно в Белоруссии и Прибалтике). Урожаи 1957, 1959, 1960 и 1962 гг. были низкими.

Хороший урожай, полученный в 1956 г. на целине, вдохновил руководство на продолжение эксперимента. Попытка закрепить в качестве постоянных мер то, что задумывалось как временный выход из положения, в среднесрочном плане имела плачевные последствия. Чрезмерная эксплуатация районов нового освоения привела к падению средней урожайности и удорожанию производимого на этих территориях зерна. Кроме того, практически полностью прекратилось развитие традиционных зернопроизводящих регионов. Освоение целинных земель, превращенное из временной меры в постоянный источник получения около половины товарного хлеба, могло бы быть менее рискованным, если бы климатические условия там не были столь неустойчивыми, а хозяйство велось постоянным крестьянским населением на основе рационального севооборота. Но нормальное сельское хозяйство было несовместимо с регулярными мобилизациями рабочей силы и машин, которые в период страды направлялись туда на один-два месяца, и с экстенсивной зерновой монокультурой, ставшей источником эрозии нестойких почв. Все это в конечном счете привело к экологическому и экономическому кризису 1962 — 1963 гг.

До конца 50-х гг. авантюрные инициативы Хрущева, последствиям которых предстояло полностью проявиться только после 1960 г., в глазах общественного мнения компенсировались принятыми в 1955—1959 гг. многочисленными мерами по улучшению условий жизни населения, главным образом городского. 25 апреля 1956 г. был отменен антирабочий закон 1940 г., прикреплявший трудящихся к их предприятиям. Отныне рабочие могли менять место работы, уведомив об этом администрацию за две недели (отметим в этой связи, что с колхозниками продолжали обращаться как с гражданами второго сорта; они все еще не имели паспортов, без которых не могли по своему усмотрению и легально покинуть свой совхоз). Минимальная заработная плата в государственном секторе была повышена примерно на 35% и освобождена от налога, Размер пенсий почти удвоился; пенсионный возраст был снижен до 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Колхозники же и в этой области оказа-

лись обделенными: лишь в 1 964 г. они получили право на пенсию, а пенсионный возраст наступал для них на пять лет позже, чем для других категорий трудящихся. Продолжительность рабочей недели была сокращена с 48 до 46 часов (для металлургов — 42 часа, для шахтеров и подростков — 36). Отпуск по беременности (сокращенный при Сталине до 70 дней) стал снова стодвенадцатидневным. Правительство обязалось не прибегать более к обязательным государственным займам (по которым до этого забиралось около 6% годовых заработков), но на 20 лет заморозило выплату процентов по предыдущим займам. Наконец, широкое развитие получило жилищное строительство. Очень выгодными условиями государство поощряло строительство кооперативных квартир. За десять лет, с 1955 по 1964 г., городской жилищный фонд увеличился на 80%. Тем не менее после наплыва в города в начале 30-х гг. десятков миллионов сельских жителей отставание в этой области было столь велико, что, несмотря на достигнутые успехи, в целом жилищный кризис преодолеть не удалось. Власти часто использовали эту ситуацию для давления на граждан: безупречное поведение позволяло надеяться на более или менее скорое получение квартиры. Напротив, любое отклоняющееся, маргинальное поведение или протест влекли за собой перемещение в конец очереди на жилье, в которой в середине 60-х гг. в Москве стояло более 2 млн. человек, и даже потерю права на жилище. В целом же вторая половина 50-х гг. осталась в коллективной памяти общества как время, когда материальное положение, в особенности положение с жильем, начало улучшаться.

Конечно, наиболее осязаемо условия жизни изменились для всех тех, кто после XX съезда КПСС был освобожден из лагерей (до 195 6 г. число освобожденных оставалось очень незначительным); очень много времени отнимала сама процедура реабилитации, связанная с прохождением дел через Верховный суд СССР или его «военную коллегию». С целью ускорения процедуры после XX съезда в лагеря были направлены специальные комиссии по пересмотру дел, получившие право решать вопросы на месте и немедленно освобождать реабилитированных. Результатом их деятельности стало освобождение в 1956 г. — году «возвращения», прекрасно описанном В.Гроссманом в его романе «Все течет», — нескольких миллионов человек. Это массовое возвращение, одновременно напоминавшее о том, что миллионы людей никогда не вернутся, не могло не вызвать смятения в умах и стало тяжелейшей социальной и моральной травмой, рожденной трагической встречей, предсказанной А.Ахматовой: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили».

Февраль 1957 г. принес реабилитацию народностям, депортированным в 1944 — 1945 гг. В родные места было позволено вернуться чеченцам, ингушам, балкарцам, карачаевцам и калмыкам, однако ничего не было сделано для немцев Поволжья и крымских татар, так как территории, которые их вынудили покинуть, были заселены русскими и украинцами.

В 1956 — 1958 гг. были реабилитированы — также выборочно — некоторые партийные и военные руководители, ставшие жертвами чисток. Среди них особенно много было военных (Тухачевский, Якир, Блюхер и др.), поскольку с 1953 г. армия была среди основных сил, поддерживавших Хрущева, а также руководящих партработников, чаще всего второстепенных и придерживавшихся сталинской линии (Эйхе, Рудзутак, Постышев, Косиор, Чубарь и др.), упомянутых в «секретном докладе». Эти частичные реабилитации, не коснувшиеся крупных исторических фигур большевизма, отстаивавших политические альтернативы сталинизму (Бухарин, Троцкий) или открыто выступавших против Сталина (Зиновьев, Каменев, Рыков и др.), не послужили импульсом для серьезных размышлений о природе сталинизме, массовых репрессий и ответственности за них партии в целом.

В то время как система лагерей (переименованных в «исправительно-трудовые колонии») подверглась реорганизации, а в КГБ произошла смена руководства (генерал Серов уступил свой пост бывшему первому секретарю ЦК ВЛКСМ Шелепину, сорокалетнему аппаратчику, не замешанному в чистках и твердо руководствовавшемуся партийными установками), советские юристы во имя «укрепления социалистической законности» отказались от традиций, укоренившихся при Вышинском. 25 декабря 1958 г. Верховный Совет принял новые «Основы уголовного законодательства», которые должны были стать базой для соответствующих Кодексов союзных республик. Отменялись наиболее вопиющие нормы в уголовном законодательстве

сталинской эпохи; было упразднено понятие «враг народа»; с 14 до 16 лет был повышен возраст наступления уголовной ответственности; было запрещено прибегать к угрозам и насилию для получения признания; обвиняемый должен был обязательно присутствовать на процессе, защищаемый полностью ознакомленным с его делом адвокатом; за некоторыми исключениями, судебные заседания стали открытыми.

«Дух XX съезда», казалось, оправдывал самые смелые надежды, прежде всего интеллигенции. В действительности же политика властей по отношению к интеллигенции вскоре показала двусмысленный и ограниченный характер либерализации «под усиленным надзором».

2. Пределы культурной «оттепели»

«Оттепель» в сфере культуры предшествовала либерализации в политике. Если ограничиться только известными именами, то уже в 1953 — 1956 гг. критик В.Померанцев в вызвавшем широкий резонанс эссе «Об искренности в литературе», И.Эренбург в романе с символическим названием «Оттепель» и М.Дудинцев в романе «Не хлебом единым» поставили целый ряд важнейших вопросов: что следует сказать о прошлом, в чем миссия интеллигенции, каковы ее отношения с партией, какова роль писателей или художников в системе, в которой партия через контролируемые ею «творческие» Союзы признавала (или нет) то или иное лицо писателем или художником (как сказал Померанцев: «Я слышал, что Шекспир вообще не был членом союза, а неплохо писал»), как и почему правда повсюду уступала место лжи. На эти «кощунственные» вопросы (которые прежде обошлись бы тем, кто их поставил, по меньшей мере несколькими годами лагерей) власти, еще не определившись в своей политике, прореагировали неуверенно, колеблясь между административными мерами (отстранение поэта Твардовского, опубликовавшего эссе Померанцева, от руководства «Новым миром») и предупреждениями в адрес министерства культуры, не сопровождавшимися, однако, какими-либо санкциями.

Съезд Союза писателей (декабрь 1954 г.) прошел в достаточно откровенных дискуссиях (сам Шолохов выразил сожаление о «грязном потоке безликой и посредственной литературы», порожденной официальными заказами и отмеченной государственными премиями) и принес несколько реабилитаций в литературном мире (Булгакова, Тынянова). Съезд не вынес никаких серьезных обвинений в адрес «инакомыслящих». В то же время, вызвав столько надежд, XX съезд КПСС весьма разочаровал интеллигенцию в отношении открывавшихся перед ней творческих перспектив. Разоблачение культа личности принципиально ничего не изменило в представлениях о «функциях» гуманитариев в социалистическом обществе. Согласно Хрущеву, история, литература и другие виды искусства должны были отражать роль Ленина, а также грандиозные достижения коммунистической партии и советского народа. Директивы были четкими: интеллигенция должна была приспособиться к «новому идеологическому курсу» и служить ему. Однако съездовские разоблачения привели к мучительной переоценке ценностей среди людей, которые особенно скомпрометировали себя при Сталине. Спустя два месяца после съезда покончил с собой А.Фадеев, первый секретарь Союза писателей. Интеллигенция раскололась на два лагеря: консерваторов, во главе с Кочетовым, и либералов, где признанным лидером был Твардовский. Хрущев балансировал между этими двумя лагерями, проводя двойственную и обреченную на провал политику. Консерваторы получили журналы «Октябрь», «Нева», «Литература и жизнь»; либералы — «Новый мир» и «Юность». В области музыки и живописи власти также дали вздохнуть немного свободнее. Не отказываясь от того, чтобы руководить миром искусств и держать его в рамках дозволенного, они, не задумываясь, свалили всю вину за былое на Берию и Жданова. Шостакович, Хачатурян и другие композиторы, подвергнутые критике в 1948 — 1949 гг., восстановили свое положение. Что же касается литературы — искусства более «чувствительного», — то Хрущев неоднократно сам пытался определить степень и границы свободы писателей. Свобода распространялась главным образом на форму, откровенные ссылки на каноны «социалистического реализма» стали отходить на второй план. В то же время были сохранены все ограничения, вытекавшие из принципа «партийности», призванной «вдохновлять» писателя.

«Дело Пастернака» самым наглядным образом показало пределы десталинизации в отношении между властью и интеллигенцией. В 1955 г. Пастернак закончил роман «Доктор Живаго». Поскольку советские литературные журналы сочли роман непригодным к изданию, он вышел в свет за границей. Его мгновенный успех ухудшил и без того натянутые отношения писателя с властями. Присвоение в 1958 г. Пастернаку Нобелевской премии довело недовольство властей до пароксизма. Пастернака заставили отказаться от премии. Чтобы избежать высылки из СССР, ему пришлось направить в «Правду» заявление (5 ноября 1958 г.), в котором он объяснял, что отказался от премии по собственной инициативе и обвинял Запад в использовании его произведения в политических целях. Власти озлобились на автора не только за содержание его произведения, всем своим духом противостоявшего миропониманию, которое пыталась насадить партия; помимо этого, «дело Пастернака» ставило два других важных вопроса: о возрождении традиционной роли русского писателя, носителя правды, не потворствующего политической власти, а также вопрос об отношениях с внешним миром: посылка романа для издания за границу подрывала монополию на право общения с внешним миром, которую власти стремились сохранить за собой. «Дело Пастернака» показало пределы десталинизации с разных точек зрения: имело место не только отношение властей к «отклоняющемуся» интеллигенту, которому предъявлялся целый набор обвинений (антисоветчина, презрение к русскому народу, непростительное преклонение перед Западом из-за материальной корысти и т.д.), использовавшихся еще четверть века всякий раз, когда будут тыкать пальцем в диссидента, но также и поведение самой интеллигенции в целом. Когда столкновение между Пастернаком и властями вынудило интеллигенцию открыто сделать выбор, последняя сдалась. Большинство писателей, созванных 27 октября 1958 г., чтобы решить вопрос об исключении Пастернака из Союза писателей, встретили аплодисментами обвинения, высказанные против нобелевского лауреата первым секретарем ЦК комсомола Семичастным, обвинившим Пастернака в том, что «он нагадил там, где ел, он нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит».

«Дело Пастернака» породило серьезный кризис в сознании российской интеллигенции, показавшей себя неспособной открыто противостоять давлению власти. Этот кризис для многих перерос в чувство постоянной глубокой вины и в то же время стал началом нравственного возрождения. Удовлетворенный исходом «дела» Хрущев, со своей стороны, остановил свое наступление на либералов. Более того, предпринятый в 1958 — 1960 гг. ряд шагов засвидетельствовал тенденцию к известной либерализации: Твардовскому было возвращено руководство «Новым миром»; прошедший в мае 1959 г. III съезд Союза писателей завершился уходом Суркова, выказавшего особое рвение в кампании против Пастернака, место которого в руководстве Союза занял Федин — представитель более умеренного течения. Наконец, назначение министром культуры Е.Фурцевой поначалу также показалось уступкой новым веяниям.

Тем не менее эти меры оказались недостаточными, чтобы сгладить в памяти интеллигентов удручающее впечатление, вызванное «делом Пастернака». В конце 50-х гг. возник «самиздат». Этим словом были названы машинописные журналы, родившиеся в среде молодых поэтов, писателей, философов, историков, которые по субботам встречались на площади Маяковского в Москве. Со дня открытия памятника поэту 29 июля 195 8 г площадь стала излюбленным местом встречи молодого поколения московской интеллигенции. Все попытки комсомола подчинить себе это движение и направить его в спокойное русло «революционного романтизма» не имели успеха. Когда через несколько месяцев власти запретили собрания, было уже поздно, новое поколение заставило прислушаться к своему голосу. После запрета публичных выступлений оно обратилось к подпольным изданиям. Молодым поэтом А.Гинзбургом был основан первый «самиздатовский» журнал «Синтаксис», в котором увидели свет ранее запрещенные произведения Б.Ахмадулиной, В.Некрасова, Б.Окуджавы, Е.Гинзбург, В.Шаламова. Когда в 1960 г. А.Гинзбург был арестован и приговорен к двум годам лагерей за агитацию, направленную «на подрыв» советской системы, эстафету приняли другие представители молодого поколения, выступившие с новыми журналами. На авансцену вышло первое поколение диссидентов: Галансков, Буковский, Бакштейн, Кузнецов.

Появление этих маргинальных для советской системы движений совпало с проведением радикальной реформы в системе образования, вызвавшей серьезное недо-

вольство широких слоев населения, и прежде всего интеллигенции. Эта реформа, вдохновлявшаяся хрущевской идеей «орабочивания», в теоретическом плане преследовала цель «укрепить связь школы и жизни», а на практике должна была помочь восполнить растущую нехватку квалифицированной рабочей силы и бороться против неприязненного отношения всего общества к ручному труду и техническим профессиям, от которых отвернулась молодежь всех слоев населения. Закон от 24 декабря 1958 г. заменял прежнюю систему школьного образования, предусматривавшую две формы — обязательное семилетнее образование с последующим выходом на производство и полное десятилетнее образование, — единым восьмилетним, по завершении которого выпускники были обязаны три года проработать на заводах или в сельском хозяйстве, продолжая учиться, если они этого хотели. Поступление в вуз теперь полностью зависело от работы на производстве и обусловливалось не блестящими результатами в средней школе, а производственным стажем, общественным «лицом» и политическими критериями. Помимо этого, вузы должны были оставлять все большее число мест «трудящимся» и строить сложную систему посредствующих звеньев между предприятиями и учебными заведениями. Эта реформа вызвала всеобщее недовольство. Интеллигенция и привилегированные слои общества восставали против нее потому, что она лишала их детей решающих преимуществ для получения высшего образования. Другие возмущались тем, что успехи их детей в школе, которые они полагали достаточными для дальнейшего продвижения, были дискредитированы неуместным «орабочиванием» и восхвалением производства, которое все только и мечтали покинуть. Руководители предприятий, уже столкнувшиеся с текучестью кадров (которой они были также обязаны Хрущеву), были встревожены перспективой возрастающего беспорядка из-за наплыва рабочих-студентов или «транзитных» рабочих на пути в вуз. В свою очередь приемные комиссии для поддержания уровня обучения старались фильтровать разнородную студенческую массу, поставляемую им реформой. Задуманная, чтобы в обществе, вступающем в коммунизм, приблизить физический труд к умственному — давняя мечта всех утопистов, — реформа на деле вылилась в карикатурные и абсурдные кампании за «слияние школы и жизни», «жизни и науки» Сотни тысяч представителей молодежи отправились на «полуканикулы» на целинные земли, на стройки в Братск, Красноярск или на Волгу, а ученые и вообще люди интеллектуального труда использовались на физических, непроизводительных работах в ущерб их профессиональной деятельности. Хрущевская «культурная революция», если и не была столь экстремистской, как китайская, питалась теми же иллюзиями. Ее главным результатом стала потеря, прежде всего в среде интеллигенции, значительной части кредита, полученного Хрущевым после XX съезда.

3. Экономические «пробуксовки» и миф о коммунизме

1958 г. отличает конец периода коллегиального руководства, победу Хрущева в пятилетней борьбе за власть и вместе с тем — важный рубеж в чрезвычайно богатом переменами и изломами первом послесталинском десятилетии. Это подтверждает и взгляд с экономической точки зрения. Ж.Сапир выделяет две фазы хрущевского периода: фазу, «когда реформы эффективно изменили экономические и социальные механизмы» (1953 — 1958 гг.), и вторую фазу, когда ««пробуксовка» в дальнейшем движении привела к воспроизводству взаимоотношений сталинской, волюнтаристской модели управления». В строго политическом смысле 1958 г. поставил точку после долгого периода неопределенности, с экономической же точки зрения 1958 г. предстает той вехой, миновав которую хрущевский проект, осуществлявшийся с 1953 г. и так и не сломавший основ волюнтаристского управления, покатился под гору.

Трудности, с которыми столкнулась реализация хрущевского проекта, привели и во внутренней политике, и во внешней к все более авантюрным инициативам, к расцвету мифа о «переходе советского общества к коммунизму», к умножению всякого рода «кампаний» (типа упомянутых выше «рязанского дела», «кукурузной кампании», «наступления на целину»), призванных в кратчайшие сроки добиться впечатляющих результатов, а также к возвращению в экономику начиная с 1958/59 г. явлений, во многом напомнивших о положении конца 40-х — начала 50-х гг.

В промышленности 1958/59 — 1964/65 гг. были отмечены:

— значительным увеличением капиталовложений и быстрым ростом кредитов, превышавших возможности государственного бюджета;

— резким и неконтролируемым ростом промышленности, производящей средства производства;

— непредвиденным массовым притоком низкоквалифицированной рабочей силы из сельской местности, усилившим текучесть кадров, которую так и не удалось преодолеть принятым в 1960 г. законом против «летунов»;

— ощутимым снижением темпов экономического роста;

— увеличением дефицита, связанным со снижением интенсивности развития промышленности средств потребления.

Для объяснения все большей нехватки самого необходимого власти прибегли к классическому маневру, обрушившись на «спекулянтов». В 1961 г. обвиненные в «экономических преступлениях» стали приговариваться к смертной казни, которая за два года была применена более 160 раз.

В сельском хозяйстве также произошло снижение темпов роста (сельскохозяйственное производство возрастало в среднем на 1,5% в год в период 1959 — 1964 гг. против 7,6% в 1953 — 1958 гг.; то же — 3% против 9% — имело место и в отношении роста производительности труда). В 1959 — 1964 гг. среднегодовое производство зерновых на душу населения едва превышало уровень 1913 г.

Особенно плохим был урожай 1963 г., что во многом явилось следствием предпринятой в 1962 г. «кампании по ликвидации паров», отчего засуха 1963 г. переросла в подлинную катастрофу. Интенсивная монокультурная эксплуатация целинных земель привела к их сильнейшей эрозии, вследствие чего эффективность их возделывания упала по сравнению с первыми урожаями на 65%. Чтобы избежать голода, правительство было вынуждено закупить за границей более 12 млн. т зерна, что обошлось в 1 млрд. долл.

Трудности, переживаемые сельским хозяйством, непосредственно отразились на городском населении. Преследуя похвальную цель приблизить цены к реальным затратам, правительство перенесло повышение оптовых цен (20 — 30%) весной 1962 г. на розничные цены. 1 июня 1962 г. «Правда» опубликовала постановление о повышении цен на мясо (на 30%) и масло (на 25%), вызвавшее большое недовольство. Этот шаг сопровождался замораживанием заработной платы и отказом от постепенной отмены подоходного налога. В настоящий бунт перерос народный протест на предприятиях Новочеркасска; для восстановления порядка в городе были использованы войска, применившие оружие, что привело к десяткам жертв среди манифестантов. Волнения в менее острых формах (забастовки, митинги протеста) прокатились по другим городам.

Более, чем собственно климатическими причинами, кризис в сельском хозяйстве был вызван социально-экономическими формами организации сельского хозяйства, отсутствием сколько-нибудь глубокой реформы колхозного строя, принципы которого (ценообразование, производственные отношения, планирование), ориентированные в конечном счете на изъятие, делали невозможным расширенное воспроизводство.

Началом описываемого экономического периода стал внеочередной XXI съезд КПСС, созванный 27 января 1959 г. специально для одобрения нового семилетнего плана. Этот план заменял собой шестой пятилетний план, принятый в 195 6 г. и подвергшийся многочисленным изменениям.

Новый амбициозный план (согласно ему в течение семи лет предполагалось обеспечить рост тяжелой промышленности на 85%, легкой — на 62, сельского хозяйства — на 70, национального дохода — на 65, реальной заработной платы на 40%!) должен был позволить Советскому Союзу «догнать и перегнать» Соединенные Штаты и к 196 5 г. выйти на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству на душу населения. XXI съезд стал свидетелем рождения нового мифа — о переходе СССР к коммунизму. Строительство социализма было провозглашено завершенным, и речь отныне шла о том, чтобы приступить к «созданию в стране коммунистического общества», которое на горизонте 80-х гг. обеспечит полное изобилие и счастье каждого советского гражданина.

После того как на XX съезде КПСС были сделаны первые шаги к признанию преступлений прошлого и реально существующих проблем, XXI съезд, казалось, снова повернулся спиной к действительности. Возвращение к мифологии было встречено населением, испытывавшим повседневные лишения, со скептицизмом. Не свидетельствовал ли новый миф, ставший источником горьких анекдотов («Коммунизм уже на горизонте. — А что такое горизонт? — Это линия, которая удаляется по мере приближения к ней»), о неспособности властей решиться на радикальные перемены в экономике?

4. XXII съезд КПСС и его последствия

Трудности в экономике, сотрясаемой «реформами» и «кампаниями», усиление международной напряженности благоприятствовали активизации противников Хрущева после XXI съезда. Им удалось добиться некоторых успехов в борьбе за ограничение децентрализации, которая усиливала позиции местной бюрократии и ослабляла контроль центра за хозяйственными руководителями на местах, ответственными за осуществление тех или иных хрущевских инициатив. Наиболее отчетливо это проявилось в создании в 1960 г. в каждой из крупнейших республик — России, Украине, Казахстане — республиканских совнархозов. В совокупности эти три совнархоза контролировали 80% всех других совнархозов, заметно девальвируя, таким образом, идею децентрализации, лежавшую в основе реформы 1957 г.

С другой стороны, часть либеральной интеллигенции все чаще стала обращаться к запретным темам. В январе 1961 г. И.Эренбург при вручении ему Ленинской премии воспользовался этим торжественным случаем, чтобы снова поднять тему антисемитизма в СССР, сохранения его и в период десталинизации. Вслед за ним к той же теме обратился поэт Евтушенко, опубликовав 19 сентября 1961 г. в «Литературной газете» большую поэму «Бабий Яр», нарисовавшую страшную картину уничтожения евреев нацистами под Киевом. Поэма вызвала широкую дискуссию в прессе не только по вопросу антисемитизма, но и по таким острым проблемам, как национализм, социалистический реализм, роль писателя в советском обществе, «буржуазная» идеология и ее влияние на молодежь. Консервативный литературный журнал «Литература и жизнь» обвинил Евтушенко в том, что «его душа так же узка, как его брюки», — намек на «опасную» моду, при-чтедшую с Запада и пленившую советскую молодежь.

В контексте непрекращающихся экономических трудностей, фронды интеллигенции и консервативной оппозиции, в верхнем эшелоне которой особенно выделялись секретари ЦК Ф.Козлов и М Суслов и проходил с 17 по 31 октября 1961 г. XXII съезд КПСС Подготовка к съезду приняла форму широкой пропагандистской кампании, продолжавшейся весь 1961 г. Партия объявила о разработке новой программы и нового устава, проекты которых были напечатаны в июле и должны были обсуждаться летом 1961 г. Принимаемые документы должны были отвечать новому этапу, в который вступила страна: переходу от социализма к коммунизму. Порядок дня съезда предусматривал прежде всего принятие этих важных документов. Однако на деле съезд, собранный по инициативе Хрущева для рассмотрения перспектив на будущее, занялся обсуждением проблем прошлого и вошел в историю как съезд еще более радикальной десталинизации, чем та, которая была начата пятью годами раньше на XX съезде.

Никогда прежде съезды не собирали такого числа делегатов; в 1956 г. их было 1430, а в 1961-м — 4800, хотя численный состав партии увеличился лишь на 28%. Увеличение численности делегатов более чем в три раза, обилие новых лиц, выдвинувшихся после смерти Сталина, отражало стремление к демократизации, желание вернуться к традициям ленинских съездов, на которых присутствовало очень много делегатов, и в то же время подготовку изменения состава ЦК, избираемого из делегатов < ьезда и действительно в итоге сильно обновленного.

Принятие новой программы партии вызвало мало дискуссий. Текст программы излагал способы перехода к коммунизму, что вряд ли могло стать предметом для горячего обсуждения. Согласно программе, для достижения цели требовалось двадцать лет, из которых десять (1961 — 1971) отводились на «создание материально-технической базы коммунизма» и еще десять (1971 — 1981) на вступление в комму-

низм. Успехи экономики, основанные на «дальнейшем развитии тяжелой индустрии», на базе которой предстояло «технически перевооружить все другие отрасли народного хозяйства», должны были привести к созданию бесклассового общества с единой формой собственности на средства производства, с постепенной передачей функций государства органам самоуправления трудящихся, с подлинным социалистическим равенством и т.д. Освобожденный от давления материальной необходимости, человек коммунистического общества тем не менее представлялся в соответствии с точной моделью: он полностью разделял все ценности этого общества и работал потому, что чувствовал в этом потребность в мире, свободном от антагонизмов между коллективом и личностью. Таким образом, эта программа полностью следовала канонам основоположников марксизма-ленинизма.

Принятие нового устава имело гораздо более важные и сразу же проявившиеся политические следствия. Этот документ, вдохновляемый ленинскими принципами революционной легальности, внутренней демократией, народным контролем и коллективным руководством, подчеркивал необходимость периодическою обновления кадров и руководящих органов на всех уровнях аппарата, от первичной ячейки до Президиума ЦК. На каждых выборах замене подлежала половина членов выборных органов до района включительно, треть состава — на областном и республиканском уровнях, четверть — в ЦК и его Президиуме. Это обновление было подкреплено дополнительным правилом, запрещавшим избираться в одни и те же органы более определенного числа раз. Однако, не допуская исключений для первичных и региональных организаций, эти правила предусматривали исключения для ЦК и Президиума. Члены высших органов партии, «авторитет которых был единодушно признан», могли оставаться на своем посту более долгий период, если при голосовании три четверти голосов подавались «за». Эти новые правила, призванные обеспечить обновление и омоложение партийных кадров, достигли лишь частичного успеха. На самом деле быстрая ротация кадров на низших уровнях приводила к ослаблению их авторитета и ставила в еще большую зависимость от прочно сидящих на своих местах представителей вышестоящих инстанций. Что же касается иерархов, то возможность оставаться в верхах чуть ли не безграничный срок только укрепляла их власть. С другой стороны, чтобы набрать большинство в три четверти голосов, позволяющее сохранить свои посты, они, будучи, естественно, заинтересованы в укреплении личной преданности нижестоящей номенклатуры, шли навстречу требованиям последней.

В итоге реформа укрепляла отношения личной преданности и застой в верхах, одновременно ставя под угрозу карьеры молодых и средних кадров. Она оказалась неспособной ни покончить с консервативным сопротивлением в верхах, ни привлечь на сторону Хрущева, главного автора реформы, симпатии армии аппаратчиков на местах.

После двух дней самого серьезного обсуждения съездом Устава и Программы КПСС 19 октября Подгорный, Куусинен, другие ораторы из числа приближенных Хрущева перевели дискуссию на, казалось бы, забытую тему — десталинизацию, возобновив разоблачения преступных сталинских сообщников, а первых рядах которых фигурировали члены «антипартийной группы» Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов (только что избранный в президиум съезда). Перед лицом множившихся свидетельств о преступлениях Сталина и сталинистов Ворошилов был вынужден выступить с показной самокритикой в стиле публичных покаяний 30-х гг.

27 октября Хрущев во всеуслышание повторил в отношении Сталина то, что он сказал пятью годами раньше за закрытыми дверями. Но на этот раз он пошел дальше произнесенных в 1956 г. слов о культе личности. Теперь он в подробностях разоблачал сталинские преступления и недвусмысленно намекнул на то, что тиран убил Кирова, а главное, напомнил, что массовые репрессии распространялись не только на коммунистов, но и на всех советских граждан. Тем не менее Хрущев не подверг сомнению правильность основных направлений деятельности партии, прежде всего принятых в 1928 — 1930 гг. решений и установок. Был обойден стороной и вопрос об ответственности партии в целом; совершенные же преступления приписывались теперь не одному Сталину, как в 1956 г., а довольно узкому кругу «сталинцев», который почти совпадал с уже разоблаченной «антипартийной» і руиной. В знак покаяния Хрущев предложил воздвигнуть памятник коммунистам — жертвам сталинизма.

(Хотя разве признание массового характера репрессий, их направленности против всего советского народа не превращало этот мемориал в памятник «неизвестному зеку», используя выражение Солженицына?). 30 октября большинство делегатов высказалось за то, чтобы тело Сталина было вынесено из Мавзолея. Прошедшая сталинские лагеря старая большевичка (член партии с 1902 г.) Лазуркина объявила ошеломленным делегатам съезда, что Ленин явился ей во сне и сказал: «Мне *неприятно* быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии!» После такого заявления съезд проголосовал за немедленное перезахоронение тела Сталина «за его преступления и массовые репрессии против честных советских граждан».

Сам ход съезда свидетельствовал о довольно сложной политической ситуации. Под видом кажущейся импровизации Хрущев и его сторонники предприняли тщательно подготовленное наступление не столько на Сталина, сколько и на своих политических врагов. Используя тему разоблачения «сталинцев», Хрущев надеялся вызвать эмоциональный отклик и повести за собой политически неопытное большинство делегатов, которое к 1953 г. находилось на низших ступенях советской политической системы и не было замешано в преступлениях сталинизма; эта антиконсервативная сила должна была смести оппозицию Первому секретарю ЦК КПСС. В то же время избранная Хрущевым тактика отражала известную слабость его позиций перед противниками в руководстве партии, против которых он не осмеливался открыто выступить, и раскрывала его намерения на будущее.

Сопротивление десталинизации продолжало оставаться упорным. После драматического возобновления процесса десталинизации с 27 по 30 октября вокруг представленных 31 октября съезду резолюций развернулась острая борьба. Судьба членов «антипартийной» группы была вверена для «изучения» Центральной Контрольной Комиссии, хотя большинство делегатов требовало их немедленного исключения из партии. Была сглажена резолюция, посвященная десталинизации: из нее исчезли предложение воздвигнуть памятник жертвам «чисток», упоминания о масштабе преступлений и массовых репрессий сталинизма, речь шла лишь об «ошибках» и «отклонениях». Наконец, вопреки подчеркнутой в докладе Хрущева 27 октября необходимости продолжить изучение этих вопросов, резолюция утверждала, что «партия сказала народу всю правду о злоупотреблениях власти в период культа личности». Этой формулировкой резолюция ясно указывала на то, что дело закрыто и дебаты прекращены.

Незавершенность нового наступления Хрущева против наследия сталинизма помешала ему изменить в свою пользу баланс сил в Президиуме. ЦК был, конечно, сильно обновлен (были заменены 60% из 3 30 его членов), однако его новые члены, даже если они во многих случаях были обязаны своим выдвижением Хрущеву, не были безусловными приверженцами десталинизации. В сокращенном же до 11 членов Президиуме ЦК сохранились прежние настроения, в частности, из-за того, что были восстановлены его сторонники, выведенные в 1960 г. (Фурцева, Поспелов, Кириченко) Хрущев должен был довольствоваться исключением одного Ворошилова. Таким образом, XXII съезд КПСС завершился полупровалом Хрущева, которому не удалось, несмотря на расширение съезда и обновление ЦК, добиться упрочения своего положения и поддержки большинства в Президиуме.

После XXII съезда Хрущев попытался обойти сопротивление консерваторов с помощью интеллигенции, с которой он, впрочем, не очень-то церемонился на съезде, требуя от нее еще больше сплотиться во имя построения коммунизма. Осенью 1962 г. он поддержал публикацию двух произведений, внесших смятение в консервативный лагерь: поэмы Евтушенко с вызывающим названием «Сталинские наследники», напечатанной 21 октября в «Правде», и большой повести «Один день Ивана Денисовича» неизвестного тогда автора, к тому же бывшего зека, Александра Солженицына, появившейся в ноябрьской книжке «Нового мира». Поддержка этих публикаций, проложивших дорогу потоку произведений, которые никто до этого не осмелился бы напечатать и даже предложить, осталась единичным актом. Хрущев не колебался в выборе между либеральной интеллигенцией, которая намеревалась взять на себя углубление десталинизации и по-своему продолжать свое «моральное возрождение», не стремясь угадывать намерения Первого секретаря ЦК КПСС, и партийным аппаратом, решительно настроенным взять интеллектуальную жизнь под свой контроль. Уже в декабре Твардовский был предупрежден, что тема репрессий становится

«навязчивой». Вынужденный после кубинского кризиса защищать свою политическую линию в целом, Хрущев пошел в сфере культуры на некоторые уступки консерваторам. Поводом для нового поворота в этой области стало возмущение, испытанное Хрущевым во время посещения выставки абстракционистов 20 декабря. Хрущев поручил тогда председателю Идеологической комиссии ЦК КПСС Ильичеву призвать интеллигенцию к выполнению ее обязанностей. Резкой критике в прессе подверглись И.Эренбург и В.Некрасов; сам Хрущев в выступлении 18 марта 1963 г. лично призвал интеллигенцию руководствоваться в своем творчестве принципом партийности. Этот призыв положил конец короткому периоду последней «оттепели» хрущевского правления.

В ноябре 1962 г., когда Хрущев, начинавший новое наступление против консерваторов, еще искал поддержки у либеральной интеллигенции, состоялся пленум ЦК. Чтобы обезоружить своих противников во главе с Козловым и Сусловым, к которым присоединились Косыгин (первый заместитель председателя Совета Министров) и Брежнев (заменивший Ворошилова во главе Президиума Верховного Совета), Хрущев принял, вернее, заставил принять большинством голосов ряд изменений в организации планирования и управления экономикой, которые шли вразрез с прежней политикой децентрализации. Число региональных совнархозов было сокращено до 47, а их деятельность должен был контролировать Совнархоз СССР, призванный обеспечить выполнение государственного плана, поскольку функции Госплана ограничивались разработкой основных направлений. Несколько позже, в марте 1963 г., воссоздание централизованной структуры было завершено образованием Высшего совета народного хозяйства, поставленного над всеми органами управления экономикой, включая Госплан, Госстрой и другие госкомитеты, заменившими упраздненные в 1957 г. министерства.

Пленум провел также важную партийную реформу, проект которой Хрущев представил в Президиум ЦК 10 сентября 1962 г. Эта реформа изменила структуру партии, разделив ее надвое: одна половина должна была заниматься промышленностью, другая — сельским хозяйством. Все партийные организации, от районных до центральных, тоже были разделены и превращены в органы, специализирующиеся в руководстве одной из двух частей экономики и возглавляемые ответственным лицом. По своему смыслу реформа упраздняла районные партийные организации. Решение всех вопросов на этом уровне переносилось в «производственные зоны», управлявшиеся районными ответственными лицами. Те же принципы были применены в отношении комсомола и других общественных организаций. Представленная как лишь техническая реорганизация, эта реформа партийной структуры была новой иллюзорной попыткой прийти к более эффективному управлению экономикой. Она отражала и очевидный разрыв со многими ленинскими принципами, такими, как авангардная роль партии, стирание различий в мире труда между городом и деревней, органическое единство коммунистического общества, — идеями, совсем недавно подтвержденными в принятой XXII съездом КПСС Программе партии. Естественно, что доктринеры в партии не преминули подвергнуть критике и осудить покушение на «союз рабочих и крестьян» и профанацию роли партии, сведенной к решению экономических проблем. Многочисленные недостатки в предпринятой реорганизации нашли и прагматики: рост бюрократии, разобщение секторов, имевших общие проблемы, развал в «забытых» секторах (торговля, здравоохранение, образование, культура), общую дезорганизацию. Недовольство росло на всех уровнях аппарата. Члены Президиума опасались, что им придется решать конкретные экономические задачи, что снизит их престиж и вместе с тем возложит ответственность (и возможные обвинения) за провал в том или ином случае. Региональные кадры, заправлявшие во всех сферах жизни в обширных местностях, видели, что их власть разделена, а деятельность сведена к контролю одной лишь экономической жизни. Многочисленные же кадры районных партийных структур из-за реформы оказались под угрозой сокращения. Хрущевские начинания все больше и больше становились судорожными попытками убежать от действительности в праздной надежде добиться консенсуса либо внутри обновленной партии, либо вне ее.

5. Волюнтаризм внешней политики

Предпринятые Хрущевым в 1953 — 1954 гг. внешнеполитические акции сыграли решающую роль в узаконивании завоевываемого им положения руководителя первого ранга. Зарубежные визиты (порывавшие со сталинской привычкой почти не выезжать из страны) малоизвестного еще Первого секретаря ЦК КПСС значительно укрепили позиции Хрущева в борьбе внутри руководства накануне XX съезда КПСС. Начиная с XX съезда стала очевидной тенденция советских руководителей привести свою внешнюю политику в большее соответствие с новыми реалиями современного мира. Приближенный к Хрущеву в те годы Микоян жаловался, что большинство советских теоретиков довольствуются тем, что «повторяют и перефразируют старые цитаты и формулировки» и не могут предложить ничего нового в своих исследованиях современного мира. Сразу же после XX съезда при Академии наук СССР был создан Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), который положил начало новым подходам, особенно в изучении стран третьего мира, и пользовался особым расположением Хрущева и его окружения. В этот же период, в апреле 1956 г., был распущен Коминформ, переставший быть эффективным инструментом внешней политики.

В 1956 — 1964 гг. Хрущев резко активизировал внешнюю политику, придав ей, по позднейшему утверждению отстранившей его от власти группы руководителей, «волюнтаристский» характер. Три основные тесно связанные между собой проблемы определяли содержание внешнеполитических усилий хрущевского периода: отношения с Западом (сведенные преимущественно к отношениям с Соединенными Штатами, выступавшими привилегированным партнером), раскол внутри «социалистического лагеря», столкнувшегося с двойным кризисом (внутренним, начавшимся событиями осени 1956 г., который советские руководители пытались предотвратить, стараясь вовлечь страны Восточной Европы в реформы, идентичные проводимым в СССР, и кризисом руководства, связанным с неприятием китайскими коммунистами изменений в политике КПСС, а затем и с отрицанием ими ее руководящей роли), наконец, выход на международную арену «национально-демократических» стран третьего мира, на развитие которых Советский Союз старался оказать свое влияние. С учетом мощи Советского Союза и социалистического лагеря прозвучавшее на XX съезде утверждение Хрущева о том, что генеральной линией внешней политики СССР должно отныне стать мирное сосуществование, представлялось вполне реалистичным.

Начиная с 1957 г., когда Советский Союз завершил работу по созданию межконтинентальных ракет, осуществил запуск первых спутников, тем самым обогнав Соединенные Штаты (лишь на время и то только в области баллистики), оптимизм Хрущева получил новый импульс. Советский руководитель мог теперь позволить себе бравировать угрозой массированного возмездия Соединенным Штатам, если те решатся на ядерную атаку. Если на XX съезде он утверждал, что Советский Союз достаточно силен, чтобы убедить империализм воздержаться от войны против него, то теперь он считал, что Советский Союз имеет средства разубедить Соединенные Штаты «экспортировать контрреволюцию». В этих условиях и если бы социальные процессы в каждой стране развивались так, как это им предписывал марксистский детерминизм, победа социализма в мире была бы обеспечена в обозримом будущем. Различные факторы (прежде всего процесс деколонизации) позволяли говорить о необратимости движения человечества к социализму, которое Советский Союз был призван вдохновлять и ускорять, активизируя свою политику в третьем мире.

В хрущевской диалектике экономическое соревнование и мирное сосуществование шли рука об руку, опираясь на достигнутые Советским Союзом рубежи. Динамизм советского общества, подкрепленный на XXI съезде партии теорией перехода от социализма к коммунизму, гарантировал бы мирное сосуществование различных стран. В свою очередь оно должно было обеспечить благоприятные условия для экономического расцвета Советского Союза, позволив сократить военные расходы на некоторые виды обычного оружия и направить средства в другие секторы экономики. Все более крепнущая экономика позволила бы оказывать экономическую помощь третьему миру, укрепляя его независимость и сокращая «сферу влияния империализма».

Политика мирного сосуществования, задуманная как новая форма противодействия Западу, искусно чередуя давление с компромиссами и не доводя дело до войны, объясняет сложное на первый взгляд переплетение противоречивых инициатив советской дипломатии, в период 1956 — 1964 гг. сочетавшей угрозы с перспективами разрядки напряженности.

Принятая в отношении Запада политика предполагала в первую очередь полное признание им итогов второй мировой войны и завоеваний социалистического лагеря. В этом аспекте основной заботой советского руководства стал Берлин, статус которого постоянно ставил под сомнение положение ГДР как государства. Открытый город, витрина Запада в самом сердце ГДР, Западный Берлин был, по выражению В.Ульбрихта, «раком», снедавшим изнутри западную границу социалистического лагеря. В ноябре 1958 г. советское правительство обратилось к западным державам с предложением пересмотреть статус Берлина, который должен был стать свободным и демилитаризованным городом. Советский Союз предоставлял Западу шестимесячный срок для переговоров с ГДР, по истечении которого СССР подписал бы с этой страной сепаратный договор о мире, дававший ей полную власть над Восточным Берлином, что поставило бы Западный Берлин в затруднительное положение. Для проведения переговоров по немецкой проблеме Хрущев выразил пожелание созвать конференцию четырех «великих держав». Получив отказ от Запада, не пожелавшего принять его предложение, Хрущев согласился отодвинуть установленные им сроки, надеясь добиться желаемой встречи. Принципиальная договоренность была достигнута после визита Хрущева в Соединенные Штаты в сентябре 1959 г.

Первый в истории визит главы Советского Союза в Соединенные Штаты имел для Хрущева огромное значение. Визит укреплял международный престиж Советского Союза, к которому Соединенные Штаты должны были отныне относиться почти как к равному партнеру. В течение всего турне по США Хрущев превозносил выгоды сотрудничества обеих стран, а также идею мирного сосуществования, которое, по его мнению, естественным и спокойным образом должно было привести к победе коммунизма («Ваши внуки, — заявил он в выступлении по американскому телевидению, — будут жить при коммунизме») именно благодаря мирному соревнованию.

Из переговоров Хрущева с Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде советский руководитель вынес впечатление, что американский президент готов пойти на уступки в отношении Берлина. Было решено созвать конференцию четырех в мае 1960 г. в Париже.

Меньше чем за две недели до открытия конференции Хрущев объявил, что советская ПВО сбила американский самолет У-2, с шпионскими целями вторгшийся в воздушное пространство СССР. Тем не менее Хрущев поехал в Париж, где 16 мая, в самом начале работы конференции, потребовал, чтобы Эйзенхауэр принес публичные извинения и немедленно дал распоряжение о прекращении разведывательных полетов американских самолетов. Американский президент, поддержанный де Голлем, отказался удовлетворить требование Хрущева. Конференция не состоялась. По мнению М.Татю, покинуть конференцию Хрущева, по-видимому, вынудили его коллеги вопреки его желанию. И в самом деле, провал конференции ослабил политические позиции Хрущева, многие сторонники которого были выведены из Президиума по завершении пленума ЦК, собравшегося после истории с самолетом-шпионом. С другой стороны, Хрущев вряд ли позволил бы себе участвовать в подобной встрече, не рассчитывая на какой-либо успех. Американская сторона в своих многочисленных заявлениях давала понять, что Соединенные Штаты не были готовы пойти на уступку в отношении Берлина. Провал конференции укрепил, помимо прочего, позиции Пекина, по мнению которого советская политика разрядки напряженности никак не способствовала тому, чтобы империализм стал более «сознательным».

Провалом закончилась и встреча Хрущева с новым американским президентом Дж.Кеннеди в июне 1961 г. в Вене. Вдохновленный фиаско поддержанной американцами высадки антикастровских сил в заливе Кочинос 17 апреля 1961 г., Хрущев обратился к Кеннеди с воинственной речью и выдвинул новый ультиматум по берлинскому вопросу, объявив, что СССР заключит мирный договор с ГДР до конца года.

5 августа 1961 г. Политический консультативный комитет Варшавского Договора призвал ГДР принять меры против «подрывной деятельности» Западного Берлина

(на самом деле прежде всего против массовой эмиграции восточных немцев) 19 августа правительство ГДР воздвигло в Берлине знаменитую «стену», нарушив этим четырехсторонний Потсдамский договор который гарантировал свободное передвижение по городу. Казалось, вернулись времена «холодной войны». В сентябре Советский Союз разорвал заключенное с Соединенными Штатами соглашение о моратории на ядерные испытания в атмосфере и произвел серию мощных взрывов. В начале октября Соединенные Штаты сообщили Советскому Союзу, предъявив в подтверждение фотоматериалы, об установленном ими факте наличия у СССР значительно меньшего количества ракет, чем предполагалось, и об очень большом превосходстве США в этой области. После этого возможности Советского Союза «увещевать» оказались значительно меньшими. По-видимому, именно по этой причине Хрущев спустил критическую ситуацию на тормозах, выступив с трибуны XXII съезда с публичным заявлением, что установленный для урегулирования статуса Берлина срок (31 декабря 1961 г.) не окончателен.

Между тем разногласиям великих держав по берлинскому вопросу предстояло отойти на второй план в общей картине международных отношений, поскольку назревал новый и наиболее глубокий после 1945 г. кризис, инициированный размещением советских ракет на Кубе. Несмотря на заверения Кастро о социалистическом, а затем и «марксистско-ленинском» характере кубинской революции, советские руководители в 1960 — 1961 гг. были весьма сдержанны по вопросу включения Кубы в социалистический лагерь. Признать эту маленькую и легко уязвимую страну, расположенную вблизи от побережья США, социалистической, значило для СССР взять на себя новую стратегическую ответственность, к которой он, по мнению советских руководителей, еще не был готов. В кризисной ситуации 1961 г. социалистическая Куба имела все шансы стать самой болезненной точкой социалистического лагеря, чем-то вроде «Берлина наизнанку». Только в апреле 1962 г. под нажимом Кастро и, как всегда, в погоне за показными, даже авантюрными инициативами во внешней политике Хрущеву удалось добиться согласия советского руководства признать социалистический характер кубинского опыта. Несомненно, именно благодаря этому чуть позже было принято решение об установке на территории Кубы ядерных ракет средней дальности. Основания, легшие в основу этого решения Советского Союза, получили в дальнейшем разные интерпретации и оценки. Согласно мнению одних (М.Татю), ракеты на Кубе размещались, скорее всего, с тем, чтобы выровнять стратегический баланс между СССР и США после того, как обнаружилось американское преимущество. По мнению других (Ж.Лэвек), включение Кубы в социалистический лагерь привело к необходимости активно защищать остров против любой американской интервенции. Присутствие ядерных ракет было мощным фактором устрашения, особенно если бы удалось поставить Вашингтон перед свершившимся фактом, после того как ракеты были размещены и приготовлены к действию В обоих случаях такая операция при условии ее быстрого осуществления могла оказаться выгодной.

22 октября 1962 г, через несколько дней после того, как Соединенные Штаты узнали о работах по установке советских ракет, Кеннеди объявил морскую блокаду Кубы и потребовал в кратчайшие сроки демонтировать и вывезти ракеты Американская администрация ожидала аналогичного ответа со стороны Советского Союза в отношении столь же уязвимого Берлина однако его не последовало. Советский Союз ограничился бурным протестом. Убедившись в решимости американцев, 25 октября Хрущев направил Кеннеди послание, в котором сообщил о своем согласии вывести ракеты под контролем ООН, если Соединенные Штаты навсегда откажутся от захвата Кубы. 27 октября Хрущев направил второе послание, которое содержало дополнительное требование к США о выводе американских ракет из Турции. Кеннеди решил принять условия первого послания и проигнорировать второе. Советскому Союзу ничего не оставалось, как удовлетвориться этим, положив, таким образом, конец кризису.

Последствия кубинского кризиса были серьезными. Несмотря на присоединение к социалистическому лагерю нового государства и шумную пропаганду заслуг Советского Союза в сохранении мира во всем мире, СССР подвергся глубокому унижению и его престиж был сильно подорван. Упали и политические акции Хрущева, сыгравшего решающую роль в этом деле. Ракетный кризис заставил его задуматься не только об опасности, но и о пределах своих возможностей в достижении целей

путем конфронтации и угроз с сомнительных позиций силы. Ядерный паритет не был панацеей — не меньшее значение имело наличие сил для интервенции и устрашения в том или ином регионе. В годы после кризиса Советский Союз приложил немало усилий, чтобы развить эту часть вооруженных сил (морских, например), которым до сих пор из-за увлечения Хрущева «всем ядерным» оказывалось явно недостаточное внимание.

Общее стремление предотвратить опасность тотальной войны, ставшую благодаря этому кризису очевидной, проявилось в последующие месяцы в установке прямой линии связи между Кремлем и Белым домом для предупреждения возможных ошибок той и другой стороны в анализе и трактовке событий. Наконец, 15 августа 1963 г. был подписан договор о частичном запрещении ядерных испытаний, первое формальное соглашение по контролю над вооружениями, заключенное «великими державами» и ставшее решающим этапом в их отношениях и установлении форм сосуществования.

Кубинский кризис завершил раскол в китайско-советских отношениях, который вызревал с 1956 — 1957 гг., когда Мао Цзэдун приписал «ревизионизму» провал своей «кампании Ста цветов». По мнению Мао, ревизионизм, объявленный отныне «врагом № 1», имел две причины: внутреннюю (непрекращающееся «буржуазное влияние») и внешнюю («капитуляцию» перед империализмом). Этот тезис стал теоретической основой китайской оппозиции советской политике мирного сосуществования. Эта оппозиция не подразумевала, однако, немедленного столкновения, поскольку Мао надеялся повлиять на советское руководство путем убеждения. На состоявшейся в Москве в ноябре — декабре 1957 г. конференции коммунистических и рабочих партий китайский руководитель истолковал преимущество Советского Союза в области ракетных вооружений как общее превосходство социалистического лагеря над империализмом и объявил, что отныне «ветер с Востока сильнее ветра с Запада». Из этого следовал вывод о необходимости сплотить ряды вокруг Советского Союза и заставить империализм отступить. На конференции Мао объяснял, что, конечно, лучше избежать третьей мировой войны, но бояться ее не стоит, так как в результате ее «многие сотни миллионов людей перейдут на сторону социализма и настанет конец империализму».

Затем, когда стали очевидны попытки Хрущева найти формы сосуществования с империализмом, советско-китайские отношения начали ухудшаться. По мнению китайских руководителей, разрядка напряженности в советско-американских отношениях могла принести китайским интересам только ущерб. За несколько дней до отъезда Хрущева в Соединенные Штаты между Индией и Китаем разразился острый пограничный кризис. Советский Союз выступил с декларацией, в которой выражал сожаление по поводу конфликта между двумя дружественными ему странами. Для Китая эта декларация была равносильна заявлению о нейтралитете в конфликте между социалистическим государством и буржуазным и свидетельствовала о нетерпимом разрыве с принципами пролетарского интернационализма. Сразу после своего визита в Соединенные Штаты Хрущев направился в Пекин на встречу с Мао, во время которой открыто защищал выгоды разрядки напряженности, вплоть до утверждений о действительной заинтересованности Эйзенхауэра в мире. Несколькими месяцами позже, в апреле 1960 г., Мао ответил на доводы Хрущева публикацией обширной передовицы по случаю 90-летия со дня рождения Ленина, которую он озаглавил «Да здравствует ленинизм!». Под маской критики ревизионизма в Югославии статья разоблачала принципиальный отход всей внешней политики СССР от марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма и революции и скатывание ее в ревизионизм. Тем временем Хрущев сообщил китайским руководителям, что совместные работы по созданию атомной бомбы будут прекращены. Летом 19 60 г. Москва неожиданно отозвала тысячи советских экспертов и специалистов, помогавших Китаю в создании его промышленной базы, прервав осуществление многих проектов. Были также сокращены или задержаны поставки сырья, оборудования и запасных частей. Позже Советский Союз потребовал возвращения кредитов, предоставленных начиная с 1950 г.

Вместе с тем прошедшая с 10 ноября по 3 декабря 1957 г. в Москве международная конференция, в которой приняли участие представители 81 партии, показала падение авторитета Советского Союза в коммунистическом мире. Партии ряда стран

(Албании, Северной Кореи, Индонезии) перешли на сторону Китая. Хрущеву все же удалось провести на конференции советские тезисы; китайцы, желая сохранить миф о единстве социалистического лагеря, согласились подписать заключительный документ, со многими пунктами которого они были несогласны. Кубинский кризис ускорил разрыв. Советско-американское соглашение о выводе ракет было оценено китайцами как повторение мюнхенского сговора. В феврале и марте 196 3 г. китайская пресса выступила г четырьмя статьями, разоблачавшими «капитулянтство» Хрущева, а также «неравные договоры», навязанные царской Россией Китаю. За статьями последовала нота из 25 пунктов, переданная в советское посольство в Пекине в июне 1963 г. Это был исчерпывающий и провокационный обвинительный документ, направленный против всех основных установок советской политики. СССР ответил на нее в июле в том же тоне. Китайские дипломаты были высланы из Москвы за антисоветскую пропаганду. После этих инцидентов состоявшийся в феврале 1964 г. пленум ЦК КПСС одобрил доклад М.Суслова, обвинившего Пекин в империалистических устремлениях, скрываемы за его политикой помощи народам, борющимся против колониализма. Со своей стороны китайское руководство во все боле категорической форме настаивало на своих территориальные притязаниях. В июле 1964 г. Мао заявил, что выдвинутые японцами претензии в отношении Курильских островов вполне «справедливы» и что Советский Союз должен вернуть Китаю захваченные у него территории.

Одновременно с этим главным конфликтом в сердце социалистического лагеря в 1963 — 1964 гг. утвердилось противостояние между СССР и Румынией. Его непосредственной причини, стал советский план координации национальных экономик стран Восточной Европы в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Вплоть до смерти Сталина существование этой организации имело в большой степени формальный характер. Если вслед за Советским Союзом ГДР и Чехословакия высказались в конце 50-х гг. за ускорение и углубление процесса экономической специализации, то Румыния, опасавшаяся, что ей будет предложено сосредоточиться преимущественно на сельском хозяйстве была против. Решимость советского правительства форсировать экономическую интеграцию восточноевропейских стран, про явившаяся именно в 1961 — 1962 гг., не в последнюю очередь была определена кризисом в советско-китайских отношениях . «отступничеством» Албании. Экономическая интеграция стала одним из средств борьбы против центробежных политически, тенденций. Планы советских и румынских руководителей при шли в непримиримое противоречие, так как румыны были решительно настроены на продолжение политики индустриализации которая, казалось, уже принесла некоторые результаты. Оказавшись под давлением советской стороны, румынское руководств смягчило свою критику в адрес Китая и Албании. Поняв, что продолжение давления на Румынию на руку китайцам, Хрущев пересмотрел свои позиции, и на сессии СЭВ 24 — 26 июля 1963 г. в Москве требования Румынии были удовлетворены.

Тем не менее в апреле 1964 г., когда напряженность в советско-китайских отношениях поднялась на новую ступень, Румыния дала понять, что не будет участвовать ни в одной международной конференции, на которой будет отсутствовать Китай. Румынское диссидентство из экономической сферы переходило политику и, сверх того, становилось открытым. Видя усиление центробежных тенденций, Хрущев в июле 1964 г. решил провести международную конференцию всех коммунистических и рабочих партий 15 декабря, в ходе которой предполагалось осудить китайский албанский и румынский уклоны. Задуманной конференции не суждено было состояться, так как Хрущев был снят со своих постов. Одной из важнейших причин отставки Хрущева в октябре 1964 г., безусловно, стало его руководство социалистическим лагерем, который находился в состоянии распада и дезорганизации.

Советская политика в отношении третьего мира также не принесла к 1964 г. ожидавшихся результатов. Вместе с тем она способствовала разработке Институтом мировой экономики и международных отношений новых политических подходов, отражавших тенденции к большей умеренности и постепенности в отношении поставленных целей. Международная конференция коммунистических и рабочих партий (ноябрь — декабрь 1960 г.) одобрила предложенное советской стороной понятие «государство народной демократии». Отнесенным к этому типу независимым государствам третьего мира отводилась решающая роль в период «третьей фазы общего

кризиса капиталистической системы». Согласно журналу «Коммунист», только пять государств отвечали установленным критериям (защита экономической и политической независимости, аграрная реформа и экономическое развитие, исключающие какое бы то ни было проникновение иностранного капитала, политическое руководство со стороны «прогрессивных сил»): Куба, Гвинея, Гана, Мали и Индонезия. И в самом деле, несмотря на все усилия советской дипломатии, ни Объединенная Арабская Республика (получившая от СССР кредит в 100 млн. долл. на строительство Асуанской плотины и в то же время продолжавшая преследовать коммунистов), ни Ирак (где революция 1958 г. покончила с британским влиянием, не приведя, однако, к установлению советского), ни Конго (в защиту целостности которого Хрущев выступил в ООН в сентябре 1960 г., вызвав скандал тем, что во время выступления стучал ботинком по столу) не вошли в клан государств «народной демократии». Хрущевский волюнтаризм, не способный предложить этим странам притягательную модель развития, вел их в тупик.

6. «Законная» отставка

15 октября 1964 г. опубликованное в советских газетах короткое коммюнике сообщило, что состоявшийся накануне пленум ЦК «удовлетворил просьбу т. Хрущева Н.С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Спустя два дня «Правда» выступила с критикой «чуждых партии прожектерства, скороспелых выводов и поспешных, оторванных от реальностей решений и действий, хвастовства и пустозвонства, увлечения администрированием, нежелания считаться с тем, что уже выработали наука и практический опыт». Хотя имени Хрущева не упоминалось, всем было ясно, о ком идет речь.

Отставка Хрущева была результатом заговора по всем правилам. 30 сентября, последовав советам своих коллег по руководству страной, Хрущев, который провел в течение 1964 г. 135 дней в официальных зарубежных поездках, отправился в Сочи на отдых. Воспользовавшись его отсутствием, коллеги Хрущева подготовили на 12 октября заседание Президиума, а на 13-е — пленум ЦК КПСС. По возвращении 13 октября в Москву Хрущев сразу же предстал перед Президиумом, от имени которого с требованием отставки Первого секретаря ЦК КПСС выступил Суслов. Хрущев, возможно, еще надеялся восстановить свое положение через Центральный Комитет, как это было в июне 1957 г., но ЦК уже заседал, и его решением стало отстранение Хрущева прямо со следующего дня от всех занимаемых им должностей, которые были немедленно переданы подготовившим его смещение людям: Брежнев занял пост Первого секретаря ЦК КПСС, а Косыгин возглавил правительство. Впервые вопросы преемственности власти были заранее и тщательно продуманы. Это было наследование подготовленное и узаконенное, к тому же опирающееся на очевидные правила, одобренные в результате сговора в высших партийных инстанциях, короче говоря, наследование «по праву», факт которого показывал произошедшие благодаря Хрущеву после 1953 г. радикальные изменения в политической практике.

Отставка Хрущева завершила двухлетний период, в течение которого его авторитет и проводимая им политика во все большей степени оказывались под вопросом. Престиж Хрущева заметно пошатнулся после кубинского кризиса, когда его коллеги стали уже открыто выступать против него с критикой. В феврале — марте 1963 г. Хрущев с большим трудом смог одержать верх над своим главным оппонентом Козловым (поспешно удаленным с политической арены «по болезни» в апреле 1963 г.). Как полагают ряд исследователей, то, что Хрущев оставался на своих постах вплоть до октября 1964 г., может быть объяснено только внезапным устранением Козлова, сумевшего объединить часть Президиума и ЦК против «импровизаций» Первого секретаря. В июне 1963 г. Хрущеву пришлось согласиться на создание Комиссии по реорганизации промышленности, руководимой его главными соперниками; двое из них — Брежнев и Косыгин — были введены в Секретариат ЦК. В июле 1964 г. Брежнев уступил место председателя Верховного Совета Микояну, чтобы полностью сосредоточиться на работе в Секретариате. Основное внимание было уделено контролю и руководству за деятельностью высших партийных кадров, что составляло главную задачу и привилегию Первого секретаря и чем Хрущев, увлекшись международными

турне, стал пренебрегать. В октябре 1964 г. если он еще и считался номинально ответственным за Секретариат, то на самом деле этот орган был уже в руках Брежнева. Общество же — как интеллигенция, так и «простой народ» — встретило уход Хрущева на пенсию равнодушно.

Либеральная интеллигенция никогда не скрывала своего пренебрежительного отношения к этому «неотесанному украинскому мужлану», каким был в ее глазах Хрущев. Да, она приветствовала разоблачения, сделанные на XX и XXII съездах КПСС, как и роль Хрущева в публикации «Одного дня Ивана Денисовича», однако после начавшихся весной 1963 г. «заморозков» в сфере культуры уже не обольщалась насчет Первого секретаря ЦК КПСС. Верующие опасались новых антирелигиозных кампаний, а национальная элита — последствий заявлений Хрущева о «растущем стремлении нерусских народов к овладению русским языком, который стал фактически вторым родным языком для народов СССР», о том, что развитие национальных языков «должно вести не к усилению национальных перегородок, а к сближению наций». Большинство же населения страны видело, что условия жизни с начала 60-х гг. стали заметно ухудшаться: снижение темпа жилищного строительства, повышение цен на продукты питания, рост налогов, ограничения размеров приусадебных участков (у крестьян), вызвавший тревогу проект введения рабочих паспортов (для рабочих) с очевидной целью ограничить свободу движения рабочей силы в промышленности — все эти непопулярные меры ежедневно вступали в противоречие с обещаниями «радужного коммунистического будущего» и фанфарами «кукурузника», регулярно призывавшего «догнать и перегнать Америку». Тем не менее в Советском Союзе рост социального недовольства не мог привести к отставке руководителя. Не считая заговора сотоварищей Хрущева, решающей причиной его отставки стала оппозиция части партийно-хозяйственных кадров, обеспокоенных его бесконечными реформами, которые постоянно угрожали их карьере, стабильности положения и привилегиям.

Лишь в первое время аппарат поддерживал деятельность Хрущева по проведению реформ и десталинизации, положившую конец периодическим чисткам, установившую более или менее стабильную — в связи с отказом от репрессий — систему, одновременно достаточно открытую для возможного восхождения по ее ступеням без страха за свою жизнь. Однако последовавшие вскоре одна за другой реформы разрушили эту идеальную схему. Начатая в 1957 г. реформа совнархозов затронула высшие круги и отправила тысячи московских служащих в провинцию. Реформы 1961 и 1962 гг. усилили недовольство, которое распространилось на очень многих членов ЦК, занимавших ключевые посты секретарей областных и республиканских комитетов партии и оказавшихся перед угрозой лишиться их. Натолкнувшись на фронду партийной номенклатуры, также отвернувшейся от него, Хрущев начиная с 1961 — 1962 гг. все больше и больше стал обращаться к «технократам» экономического аппарата, которым он позволил участвовать в принятии решений, приглашая на «расширенные пленумы» ЦК. И в этой сфере хрущевские реформы породили недовольных — теперь в среде плановиков, основной задачей и стремлением которых было распределение материальных и финансовых ресурсов между представителями регионов. Впрочем, авантюрные начинания Хрущева восстановили против него и экономистов-реформаторов, среди которых самым известным тогда теоретиком был Либерман. Хрущевские инициативы вызывали также недовольство многочисленных местных кадров, хозяйственных руководителей, которые из-за невозможности практически «догнать и перегнать Америку» должны были представлять наверх «теоретически» установленные и зафиксированные в планах результаты, что вело к нагромождению обмана и приписок. Наконец, целый ряд шагов Первого секретаря ЦК КПСС настроил против него и часть военных. Решающую роль в этом сыграли опала Жукова (1957 г.) и увольнение из армии более 200 тыс. офицеров в начале 60-х гг. в соответствии с идеями Хрущева о «всеядерном» будущем, оборотной стороной которых было сокращение обычных вооруженных сил.

В своей совокупности недовольство самых разных социальных слоев общества стало для Хрущева роковым. Не столько заговор против Первого секретаря ЦК КПСС узкого круга лиц, сколько бунт аппарата на фоне равнодушия общества и интеллектуальной элиты привел его 14 октября 1964 г. к поражению.

Глава XI. Эпоха «развитого социализма» или «годы застоя» (1965 — 1985)?

I. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМИСС: КОСНОСТЬ И КОНСЕРВАТИЗМ

1. Политический консерватизм и экономическая реформа

Несомненно, отставка Хрущева означала отказ от энергичного проведения реформ, и в этом смысле она могла показаться успехом консервативных сил. Согласие в отстранившей Хрущева группе руководителей зиждилось на необходимости сохранить коллективную власть и контроль высших партийных органов за всеми сторонами жизни общества, положить конец «реформаторству» Хрущева, порождавшему нестабильность в партийных кадрах, обеспечить нормальное функционирование политических и государственных структур. Этому стремлению к стабильности и сбалансированности сопутствовал поиск соответствующих эффективных мер; следовало найти решения, стабилизировавшие бы административную систему, раздробленную борьбой за власть между отраслевыми и территориальными органами управления, а также улучшить контроль за кадрами.

Достигнутый на основе консервативных политических ценностей консенсус внутри руководства не позволял ему все же отказаться по крайней мере от некоторых перемен, проведенных в середине 50-х гг., в первую очередь от линии на повышение уровня жизни (альтернативой которой могло быть только возвращение к террору как методу управления государством) и от поддержания высоких темпов развития. Эти две задачи не могли быть осуществлены без проведения экономических реформ, и именно для устранения нестабильности, постоянно порождаемой этими реформами, следовало твердо проводить кадровую политику, утверждающую стабильность (прежде всего в высших эшелонах власти), дающую партийным кадрам уверенность в своей значимости, в своем будущем и способствующую продвижению новой смены партийных работников.

Меры, осуществленные пришедшей к власти группой в первый год, последовавший за отставкой Хрущева (конец 1964 — конец 1965 г.), отразили два трудно сочетаемых аспекта ее деятельности, а именно: последовательная консервативная идеологическая политика, с одной стороны, и экономическая реформа и, грубо говоря, технократические ценности — с другой.

Отставка Хрущева вызвала мало кадровых перемещений (не считая средств массовой информации, руководимой приближенными бывшего Первого секретаря ЦК КПСС) и санкций. Собравшийся в ноябре 1964 г. пленум ЦК освободил от работы Полякова, секретаря ЦК по аграрным вопросам, и одобрил выдвижение ряда руководителей, сыгравших важную роль в «заговоре» 14 октября 1964 г. Н.Подгорный, бывший первым секретарем Харьковского обкома, стал секретарем ЦК и получил в свое ведение кадровые вопросы; П.Шелест и Н.Шелепин вошли в состав Президиума, причем последний остался секретарем ЦК, председателем Комитета партийного контроля и заместителем председателя Совета Министров. Эти три лица также вошли в новую правящую верхушку, ядро которой составляли Л.Брежнев — Первый секретарь ЦК КПСС, А.Косыгин — председатель Совета Министров и М.Суслов — член Президиума, ответственный за идеологическую сферу. Заслушав Н.Подгорного, изложившего последствия разделения парторганизаций на промышленные и сельские, пленум ЦК принял решение восстановить единую партийную организацию на всех уровнях, а также единство советских, профсоюзных и комсомольских структур. Начиная с декабря 1964 г. были восстановлены региональные, областные и районные комитеты. Новое руководство должно было, далее, решить нелегкий вопрос: кого поставить во главе воссоединенных организаций? Выбирая среди отстраненных Хрущевым аппаратчиков, новое руководство рисковало затормозить продвижение

«новобранцев» и оставить себя без преданного окружения. Партийная верхушка искусно маневрировала, в течение ряда лет исподволь проводя замену местных кадров, пришедших в хрущевский период, с тем чтобы дать ход «молодым» (20-х гг. рождения) и более «компетентным» функционерам. Анализ перемен в составе секретарского корпуса на местах в 1965 — 1980 гг. указывает на серьезные изменения, произошедшие в начале этого периода (1965 — 1970 гг.), и на явную стабилизацию сразу после XXIV съезда КПСС (1971 г.), приведшую к старению местных кадров (средний возраст которых достиг в 1980 г. 59 лет по сравнению с 49 годами в 1971 г.). В 1981 г. среднее «политическое долголетие» секретарей региональных парторганизаций равнялось десяти годам в РСФСР, но только четырем в Узбекистане и трем в Казахстане, где партийные кадры оказывались чаще и более глубоко, чем в других республиках, вовлечены в «скандальные» истории. Надо сказать, что все кадровые перестановки в течение второй половины 60-х гг. нисколько не отражались на карьере и стабильности положения представителей партноменклатуры. Им обеспечивалось место в административно-хозяйственных органах либо перевод в столичное министерство, иногда даже место в посольстве за границей. Кампания по обновлению кадров в большой степени происходила и за счет постоянного расширения Центрального Комитета: число его членов и кандидатов было увеличено с 300 в 1966 г. до 420 и более, т.е. приблизительно на 40% за десять лет. В 70-е гг. состав партийных руководителей на местах (которые всегда составляли ядро армии партийцев) достиг наконец стабильности, о которой они мечтали еще при Сталине. Каждому была обеспечена возможность планировать развитие своей карьеры. Центральные власти курировали местный набор. Все эти процессы благоприятствовали укоренению отношений личной преданности и утверждению системы ценностей, в которой верность патрону превалировала над компетентностью и «идеологической выдержанностью». В этом смысле 70-е гг. были апогеем «семейственности» и своего рода «советского феодализма», против чего без устали воевали Сталин, а за ним и Хрущев, первый — государственным террором, второй — законными средствами. В то же время личная преданность как главное средство достижения стабильности была едва ли совместима с совершенствованием самой системы, подразумевающим санкции против некомпетентных кадров, как и с системой технократических ценностей, порожденных экономической реформой.

Реформа началась в 1965 г. с проведения новой административной централизации, упразднения совнархозов и восстановления центральных промышленных министерств, ликвидированных Хрущевым. Были созданы также крупные государственные комитеты (Госкомцен, Госснаб и Госкомитет по науке и технике). Вместе с тем предприятия получали некоторую автономию. То, что в советской терминологии обозначалось понятием «хозрасчет», не подразумевало, однако, ни реабилитации рыночных отношений, ни перехода к «социалистическому рынку», проповедуемому тогда чешскими и венгерскими экономистами, и еще меньше означало самоуправление по югославскому образцу.

Реформа хозяйственной деятельности предприятий, подготовлявшаяся в течение ряда лет группой экономистов под руководством Либермана, была наконец изложена в двух документах, обнародованных 4 октября 1965 г. Это были постановления «об улучшении планирования и стимулирования производственной экономики» и «о государственном производственном предприятии при социализме». Эти документы, казалось, свидетельствовали о желании расширить автономию предприятий. Число обязательных показателей было сведено до минимума. Параллельно с сохранением валовых показателей, несмотря на их признанное несовершенство (заключавшееся в том, что предприятия добивались высоких показателей, используя наиболее дорогое сырье и продолжая, таким образом, расточительствовать), были введены новые: стоимость реализованной продукции (для того чтобы побудить предприятия к сокращению выпуска не пользующейся спросом продукции и повышению качества), общий фонд заработной платы, общая сумма централизованных капиталовложений. Чтобы стимулировать инициативу предприятий, часть доходов оставлялась в их распоряжении. Величина ее определялась по строгим нормам, чтобы помешать директорам предприятий добиваться прибыли любым путем, а министерствам — изымать больше положенного.

Для того чтобы стимулировать принятие «завышенных» планов, было решено увеличивать премии в случае запланированного перевыполнения планов. Это предполагало, что отныне каждое предприятие будет более свободно обращаться с пятилетним планом. Напротив, вышестоящие органы не могли изменять план в период его выполнения, за исключением особых случаев. В этом смысле реформа была попыткой предоставить более широкие возможности тем ответственным лицам, которые принимали решения в сфере народного хозяйства. Этому соответствовало возрастающее значение пятилетнего плана за счет эффективно выполняемого годового, что было изменением сложившихся в 30-е гг. представлений о планировании как определении приоритетов, когда собственно план подвергался бесконечным изменениям.

Фонды стимулирования, заменившие собою те, которыми прежде распоряжался директор, были разделены на три части: фонд материального поощрения, распределение которого контролировалось общим собранием трудового коллектива, фонд «соцкультбыта», предназначенный главным образом для строительства жилья, и фонд самофинансирования для нужд развития производства.

Практика реализации реформы показала, что проблемы, связанные с природой экономических показателей и с «ведомственностью», остались нерешенными. Новые показатели вводились с трудом. Поощрительные фонды не смогли должным образом стимулировать рабочую силу: предназначенные рабочим премии в среднем составляли всего лишь 3% от зарплаты, что было недостаточно для того, чтобы вызвать интерес к повышению эффективности производства; что же касается фонда на социальные нужды, то его использованию мешало то, что план не предусматривал обеспечение строительными материалами. Наконец, фонды самофинансирования не могли быть эффективно использованы по причине слабой координации между научными изысканиями и промышленностью (от разработки до выпуска первого пробного образца и освоения массового производства проходило в среднем шесть — восемь лет).

Главной причиной постоянных сбоев в экономике оставалась «ведомственность» — давнее явление, о котором с прискорбием часто писалось в прессе. Эта «болезнь» возникла еще в 30-е гг. как следствие утверждения принципа вертикального подчинения в системе министерского планирования и управления. Замкнутые «на Москву» иерархические пирамиды непосредственно управляли предприятиями и организациями, разбросанными по всей территории Советского Союза. Каждый нижестоящий орган взаимодействовал только с той инстанцией, которая стояла непосредственно над ним в том же министерстве. Не существовало практически никакой серьезной прямой связи между соседними предприятиями и организациями, если они принадлежали разным министерствам. Именно отсутствие горизонтальных связей стало причиной многих трудностей, сохранившихся до наших дней.

Уже с первых шагов проведения реформы стало ясно, что она представляет собой набор разрозненных и противоречивых мер. Действительно, могло ли сочетаться расширение допущенной самостоятельности предприятий с усилением административных и экономических полномочий министерств, этих удельных княжеств?

Создание Госснаба также противоречило провозглашенной самостоятельности предприятий, которые, как и прежде, не могли свободно выбирать поставщика и потребителя. Даже в случае «прямых связей» между давними партнерами заключение ими договоры утверждались в верхах. Волокита, возникавшая из-за административных задержек и необязательности поставщиков, привыкших устанавливать свои законы на «рынке продавцов», приводила к тому, что снабжение не обеспечивалось и было низкого качества, а потому и выпуск производимой продукции оставался нерегулярным, связанным с постоянными простоями и авралами.

Противоречия реформы отражали глубокие расхождения между возглавляемыми Брежневым сторонниками ограниченной децентрализации при сохранении в неприкосновенности роли политико-административной системы в функционировании экономики и объединившимися вокруг Косыгина приверженцами частичных рыночных реформ, готовыми в определенной степени довериться собственно экономическим регуляторам.

На эти быстро проявившиеся противоречия между политическим консерватизмом, основанным на стремлении стабилизировать систему через насаждение отно-

шений личной преданности и даже создание «феодальных вотчин», и самим принципом экономической реформы, предполагавшим приоритет технократических ценностей, накладывались другие расхождения, касавшиеся темпа и глубины проведения реформы и противоречивого подхода к решающей проблеме распределения власти.

2. Консенсус и разногласия

Скрывавшиеся за проявленным по отношению к Хрущеву единодушием значительные расхождения внутри новой руководящей группы обусловили ее попытки вести «центристскую» политику, уравновешивать разнонаправленные тенденции, которые в условиях концентрации реальной власти в руках небольшой группы лиц неминуемо оборачивались персонализацией политических разногласий. Поскольку же официально новая ситуация представлялась как последовательное возвращение к практике коллегиального руководства, оставалось лишь прибегнуть к классическому в таких случаях приему, каковым является компромисс.

Искомый компромисс должен был иметь долгую жизнь, поскольку независимо от существовавших между членами руководства расхождений все они стремились стабилизировать и сбалансировать потенциал и интересы различных бюрократических структур и постараться как можно дольше удержать свою коллективную власть, исключая любые альтернативы ей. Это означало отказ от рассмотрения проблем, могущих вызвать конфликт, от принципиальных споров, означало культ прагматизма, возведенного в систему, и в конечном счете — застой.

Консенсус в основном: политическая стабильность и удержание власти — не исключал, как мы видели, ни расхождений, ни приглушенных конфликтов. Эти конфликты разрешались «при закрытых дверях», не успевая разрастись в большой политический кризис. Главным источником расхождений и потенциальных конфликтов было разное понимание смысла экономической реформы: защитники децентрализации в рамках прежней административно-командной системы находились в резкой оппозиции по отношению к сторонникам оживления рыночных отношений. По мнению Ж.Брезлауэра, обязательность консенсуса между руководителями исключала подлинное решение таких важных проблем, как повышение эффективности аграрного производства, опережающие темпы развития легкой промышленности и сельского хозяйства, разрыв в уровне жизни города и села, сочетание моральных и материальных стимулов труда, совершенствование политико-административной системы и места рынка.

До середины 70-х гг. главными протагонистами в выборе экономической стратегии были Брежнев и Косыгин. Для первого приоритеты выстраивались в следующем порядке: сельское хозяйство, тяжелая индустрия, оборона (после 1972 г. к ним добавилось «освоение Сибири»). Предпочтения второго были отданы легкой промышленности — основе повышения уровня жизни граждан. Чехословацкий кризис (который заставил задуматься над связью между экономическими реформами, способствующими повышению благосостояния народа, и кризисом политической системы советского типа), эскалация американской интервенции во Вьетнаме (воспринимавшейся как потенциальная угроза) благоприятствовали утверждению начиная с 1970 — 1971 гг. более консервативных экономических тенденций, выражавшихся Брежневым, и именно в тот момент, когда правящая верхушка признала его верховенство. Такой выбор предопределил ряд других, не менее важных решений. Они касались самостоятельности, которую следовало предоставлять тем, кто был действительно компетентен в вопросах управления экономикой и государством. Для изучения этих вопросов по инициативе Косыгина в 1970 г. был основан Институт управления народным хозяйством, во главе которого стал его зять, Гвишиани. Подбор сотрудников и слушателей осуществлялся здесь по конкурсу, на основании их компетенции, способствуя, таким образом, росту новой категории руководителей экономики, находившихся в полном согласии с советской системой, знавших тенденции в мировой экономике, руководителей деятельных, разбиравшихся в тонкостях администрирования и выражавших интересы представляемых ими отраслей. Их естественной склонностью было решать политические проблемы, исходя из прагматических соображений, оставляя в стороне аспекты, относящиеся к доктрине и идеологии. Противостоявшие этой «технократической» тенденции Брежнев и еще более Суслов, бдительный

страж чистоты идеологии, не переставали подчеркивать ведущую роль «партийности» — «первого условия, необходимого для занятия ответственного поста в любой области».

Проповедовавшиеся Брежневым и Сусловым наиболее консервативные тенденции одержали верх начиная с 1972 — 1973 гг. и окончательно утвердились во второй половине этого десятилетия, после XXV съезда КПСС в марте 1976 г., не приведя, однако, к отставке Косыгина. Ослабление позиций Подгорного и Шелепина, которые к концу 1965 г. утратили ряд своих функций, было связано с личным соперничеством (особенно между Подгорным и Брежневым) и столкновением амбиций. Тем не менее Подгорный, назначенный на почетный пост председателя Президиума Верховного Совета, как и Шелепин, ставший председателем Центрального совета профсоюзов, были отстранены от подлинной государственной власти без лишнего шума и драматизма (окончательная отставка Подгорного последовала лишь через 12 лет — в 1977 г.!). Неизменность и значимость интересов, сплотивших правящую верхушку, несмотря на все расхождения, позволили придать политической борьбе против отдельных лиц, удаляемых по тому или иному поводу, мирный и официальный характер. Другие изменения в составе высших партийных органов осуществлялись также без шума во время пленумов ЦК, а не на съездах. Как правило, отставникам приписывались те или иные «ошибки», политические или административные. Так, например, Шелест поплатился за свою терпимость, кстати весьма относительную, к украинскому «национализму», Полянский — за провал сельскохозяйственной политики. Наиболее заметной тенденцией обновления Политбюро и Секретариата стал наплыв представителей из региональных «удельных княжеств». Эти изменения имели большее значение, по крайней мере чем полагали в середине 70-х гг., поскольку спустя десять лет после отставки Хрущева в Политбюро осталось всего лишь семь — правда, самых пожилых и влиятельных, — из 17 членов и кандидатов в октябре 1964 г. Особенно заметным было продвижение тех руководителей, карьера которых теснейшим образом была связана с (упрочением положения лидера новой партийной верхушки Брежнева (ставшего на XXIII съезде в апреле 1966 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС). Это была «днепропетровская группировка», из города, где еще до войны с Германией Брежнев начал свою политическую карьеру. В нее входили Кириленко (сменивший в 1966 г. в Секретариате ЦК Подгорного), Черненко, Кунаев, Щербицкий, Щелоков.

Потенциальным источником напряженности в государственной системе, которая претендовала на справедливое представление и примирение интересов различных бюрократических структур и групп давления, были отношения между армией и партией. Правящей группе тем не менее было по силам, употребляя принятое выражение, «организовывать и вдохновлять» деятельность Вооруженных Сил через армейские политорганы, зависевшие от соответствующего отдела Секретариата ЦК, а также благодаря искусной политике балансирования между приверженцами обычных вооружений и борцами за расширение сферы применения ядерного оружия. Преследуя собственные интересы, армия активно поддерживала сторонников приоритета тяжелой промышленности, военно-промышленного комплекса и оборонных отраслей, то есть Брежнева и Суслова, хотя последние одобрили возросший контроль партии над армией. На XXIII съезде КПСС Суслов заявил, что «время жертв» еще не прошло, поскольку объективная действительность требует продолжать политику первоочередного внимания к нуждам обороны. В начале 1966 г. военные добились ряда успехов: партийное руководство вернулось к рассмотрению ранее объявленного сокращения военных расходов; генерал Устинов был введен в Секретариат и в Политбюро ЦК (в качестве кандидата); XXIII съезд стал началом более жесткого внешнеполитического курса, поднявшего значение военных: на съезде было заявлено, что, если мирное сосуществование и допустимо между Востоком и Западом, тем не менее отношения между двумя лагерями остаются более напряженными, чем когда-либо. (В первую очередь имелся в виду революционный процесс в странах третьего мира, тесно связанный с судьбой социалистического лагеря.) После смерти в марте 1967 г. министра обороны маршала Малиновского военные настояли на назначении на этот пост маршала Гречко. Они были против кандидатуры генерала Устинова, которого поддерживали партийные руководители; Гречко же не скомпрометировал себя в глазах военных причастностью к «гражданскому аппарату» (как это было в случае с Устиновым, получившим генеральское звание, работая в оборонной промышленно-

сти). И только после смерти Гречко в апреле 1976 г. министром обороны был назначен генерал Устинов. 7 мая 197 6 г. Брежнев стал Маршалом Советского Союза. Облачаясь в военную форму, высшее партийное лицо торжественно объявило о совпадении, более того, о симбиозе коммунистических и военных интересов, перемешав идеалы армии с социальными идеалами партии. В то же время для партии это был способ использовать военный престиж в своих целях и утвердить себя политическим представителем армейских интересов. Став образцом социальной организации (в тот момент, когда военно-патриотический пафос был направлен на то, чтобы затушевать прозаические трудности будней) и укрепив свое положение благодаря приоритету, отданному военным расходам (что позволяло стране вести международную политику сверхдержавы), армия, как и прежде, осталась под властью гражданских лиц — тех, кто сделал свою карьеру в политическом аппарате, но защищал требования, интересы и привилегии военных.

3. Персонализация власти и институциональный плюрализм

Одним из самых примечательных фактов весьма тусклой советской политической жизни конца 60-х — начала 70-х гг. было возвышение внутри правящей группы Брежнева, вокруг которого предстояло сложиться настоящему — и вместе с тем комедийному — культу личности. К этому времени Брежнев прошел длинный политический путь — сначала при Сталине, затем при Хрущеве. Типичный представитель поколения «выдвиженцев», обязанных своими карьерами массовым чисткам второй половины 30-х гг., получивший сельскохозяйственное образование, Брежнев был с 1937 г. на советской и партийной работе, в годы войны — политработником в различных частях действующей армии, в 1946 — 1950 гг. — первым секретарем Запорожского, Днепропетровского обкомов КП(б) Украины. Избранный в 1950 г. первым секретарем ЦК КП(б) Молдавии, а на XIX съезде КПСС (1952 г.) — секретарем ЦК, он достиг пределов возможного для регионального партфункционера. После смерти Сталина Брежнев успешно проявил себя на посту первого секретаря ЦК Компартии Казахстана (1955 — 1956 гг.). Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС (1952 — 1953, 1956 — 1957 гг.), после разоблачения «антипартийной группы» (1957 г.) он был избран полноправным членом Президиума. Будучи с 1960 г. председателем Президиума Верховного Совета СССР, в решающий момент (лето 1964 г.) Брежнев сосредоточился на руководстве высшими партийными кадрами на ключевом посту в Секретариате ЦК. Выдвижение Л.Брежнева на первый план виугри «коллегиального руководства» началось на XXIII съезде КПСС, на котором он был избран своими соратниками Генеральным секретарем ЦК (до этого высшей партийной должностью был пост Первого секретаря), и утвердилось в начале 7 0-х гг., когда он занял место Косыгина на важнейших международных конференциях Востока и Запада (в предшествующий период Брежнев занимался исключительно отношениями внутри социалистического лагеря). Московская встреча в верхах в мае 1972 г. Брежнева и Никсона подтвердила первенство Генерального секретаря. Как и в эпоху Хрущева, внешняя политика сыграла решающую роль в упрочении авторитета первого руководителя страны. После этого стареющий правитель мог спокойно «почить на лаврах», купаясь в почестях и лести, подогревавших его старческую страсть к титулам и орденам. Брежнев получил семь орденов Ленина и пять звезд Героя Советского Союза и Социалистического труда. Помимо этого он был удостоен золотой медали им. Карла Маркса за «исключительный вклад в развитие марксистско-ленинской теории и в научное исследование актуальных проблем развития социализма и всемирно-исторической борьбы за коммунистические идеалы»; Ленинской премии мира и («по просьбам трудящихся») Ленинской премии по литературе за три брошюры: «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» (выпущенных тиражом более 15 млн. экземпляров каждая). В этих брошюрах от первого лица рассказывалось о «подвигах» Брежнева во время войны и затем на «промышленном и сельскохозяйственном фронтах». Для Генерального секретаря была сфабрикована блестящая военная карьера: к 30-летию Победы ему было присвоено звание генерала армии (апрель 1975 г.), а через год (!) Маршала Советского Союза (7 мая 1976 г.). Спустя два дня жители Днепропетровска присутствовали на открытии импозантного монумента своего самого знаменитого соотечественника. Наконец, 16 июня 197 7 г. Брежнев занял также и почет-

ный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Эти градом сыпавшиеся почести и совмещение важнейших государственных постов не могут быть, однако, интерпретированы как простое возвращение к культу личности сталинского типа, Брежнев не вырвал власть у своих соратников в результате ожесточенной борьбы и устранения соперников, они сами отдали ее в его руки. Концентрация власти не нарушила политической стабильности. Брежнев выступил как представитель политической касты, как воплощение консенсуса и солидарности коалиции, с которой он никогда не собирался порывать,

Персопализация власти внутри дряхлеющей коалиции (средний возраст членов Политбюро в 1980 г. составлял 71 год), преследовавшая сохранение стабильного положения элиты и учет интересов различных бюрократических аппаратов, шла параллельно с формально-юридическим упорядочением функционирования политических механизмов и на фоне процесса юридической и конституционной легитимации, приведшего к принятию в 1977 г. новой Конституции. Партийные съезды регулярно и без срывов собирались теперь каждые пять лет. Провозглашалось, что задача съездов состояла в определении генеральной линии во внешней политике и установлении основных направлений пятилетних планов. На самом деле съезды чаще всего оказывались тщательно срежиссированным спектаклем единодушного одобрения директив, выработанных руководящими органами аппарата власти. Политические изменения в составе Политбюро или Секретариата, как уже отмечалось, всегда происходили не на съездах, а на пленумах ЦК. Согласно Э.Карер д'Анкос, вторая половина 60-х гг. была настоящим «золотым веком» ЦК. В течение этого периода он, казалось, действительно приобрел некоторое влияние и проявлял довольно значительную политическую активность. Это, несомненно, было связано с необходимостью в тот момент для руководящей группы укрепить отношения личной преданности после «смутных времен» Хрущева.

Однако с конца 60-х гг. значение ЦК партии в принятии решений стало падать, а его функции перешли к бюрократическим структурам отделов аппарата ЦК, в которых политическое управление на центральном уровне бойко осуществлялось полутора тысячами высокопоставленных партийных чиновников. Пленумы ЦК попрежнему собирались дважды в год, но становились все более краткими (занимая в среднем два дня в году), и, главное, они имели все меньшее влияние на принятие важных решений как во внутренней, так и во внешней политике. Тем не менее ЦК сохранял свое значение как орган, в котором были представлены различные бюрократические аппараты страны.

Постоянное расширение ЦК партии, позволявшее выдвигать заслуживших того кадры и в то же время сохранять места за уже попавшими в этот престижный орган, шло параллельно с тщательным отбором и дозировкой Представителей от различных бюрократических структур (республиканских и союзных, от аппарата самой партии, от членов правительства, военных, КГБ, внешнеполитических ведомств). Анализируя это явление, Дж. Хок высказал мысль о появлении своего рода «институционального плюрализма», отражавшего главную перемену в сравнении с предыдущим периодом: отныне высшие партийные органы представляли институты власти, общественные организации и даже интересы некоторых отдельных республик.

По мнению М.Ферро, термин «институциональный полиморфизм» был бы более правомерен в специфическом контексте советской политической системы, для которой стала характерной практика ротации партийных кадров, перевода ответственных лиц из одного учреждения в другое. Трения, вызываемые соперничеством учреждений или функционеров, не были постоянными или связанными с отличным мировоззрением или особым статусом. Не было и непреодолимых барьеров между разными иерархическими структурами, о чем свидетельствуют многообразные и переменчивые карьеры представителей советской номенклатуры. Сочетая консерватизм и приспособляемость, советская бюрократия отнюдь не была инертным и окаменевшим образованием. В гораздо большей степени, чем принято считать в общих теориях тоталитаризма или «управляемого общества», ей была свойственна независимость и способность к саморегулированию. Как показал Дж. Хок в своем труде «Советские префекты», анализ властных структур на местах позволяет сделать вывод, что первые секретари партийных комитетов были вовсе не «пассивными исполнителями», а посредниками между высшими эшелонами власти и массой, важными промежуточны-

ми инстанциями, в которых встречались одновременно спускаемые сверху директивы и требования общества, короче говоря, «местом, где конфликты могли находить начало своего решения». В конечном счете, заключает Дж. Хок, «никакое общество не может удержаться, если потоки текут в одном направлении, с вершины к основанию, и для советского общества это так же верно, как и для любого другого».

4. Брежневская конституция

На XXII съезде партии Хрущев заявил о необходимости подготовить новую конституцию, которая отразила бы переход страны к коммунизму и создание в СССР «общенародного государства». В 1962 г. была создана Конституционная комиссия, однако понадобилось 15 лет, чтобы выработать новую конституцию, хотя ее основное содержание было взято из конституции 1936 г. Между тем советские руководители успели отказаться от мифа о скором переходе к коммунизму и отмирании государства, введя новое понятие «развитого социализма», отсутствовавшее в произведениях классиков марксизма-ленинизма.

Это новое понятие позволяло уменьшить разрыв между теорией и жизнью, объясняло необходимость экономической реформы, которая могла помочь «незамедлительно» восполнить постоянно возникавшие в стране дефициты, и отодвигало в далекое будущее идею отмирания государства. Немало внимания было уделено восстановлению строгих норм законности, повышению сплоченности граждан, призываемых «активно включиться» в управление общественными делами «общенародного государства» (представлявшего все признанные социальные слои — рабочих, крестьян-колхозников и интеллигенцию, под которой подразумевались все лица, получившие среднее образование и не занятые физическим трудом), а также возрастанию роли «общественных организаций». При этом определение «социалистический», всегда стоявшее рядом с «законностью» и «демократией», недвусмысленно указывало, что речь вовсе не идет о правовом государстве в западном смысле слова, то есть государстве, основанном на приоритете прав личности.

Конституция 1977 г. более решительно по сравнению с предыдущими утверждала ведущую роль Коммунистической партии. Она и формально узаконивала КПСС как руководящую и направляющую силу советского общества, ядро его политической системы, государственных и общественных организаций.

В то же время, подчеркивая важность участия общества и утверждая принцип коммунистического самоуправления посредством развития подлинной демократии («трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел»), Конституция признавала возрастание роли общественных организаций. Существование таких общественных организаций и увеличение числа микроочагов самоуправления, способных «действовать, властвовать и осуществлять внутренний обмен» между соответствующими организациями (М.Ферро), — таковы главные особенности социальной жизни «брежневского периода».

Естественно, эти явления не должны рассматриваться в отрыве от таких специфических тенденций жизни общества, как быстрая урбанизация и повышение общего образовательного уровня населения в эти годы. В рассматриваемый период самоуправление развивалось во многих областях советской действительности: местной жизни и городском управлении (в 1980 г. в Советы всех уровней было избрано 2270 тыс. лиц, которые теперь назывались «народными депутатами» — в соответствии с представлением об «общенародном государстве», которое заменило собой «диктатуру пролетариата»). Причем если власть местных Советов и была ограниченной, то контроль центральных органов за сотнями новых советов, возникших в поселках вокруг городов или на периферии (особенно в Сибири), зачастую был вовсе символическим.

Число общественных организаций возросло и в других сферах, на первый взгляд далеких от политики: в культурной жизни, в спортивном движении и т.д. Часто опираясь именно на них, и расцвели в период «перестройки» и «гласности» тысячи «неформальных объединений». Центральные власти поощряли, наконец, «народный контроль» граждан за предприятиями и административными органами. Для этого была создана обширная сеть (около 250 тыс.) комитетов народного контроля, в которые входили, с одной стороны, трудящиеся-коммунисты, с другой — все желающие,

не обязательно члены КПСС, но прошедшие отбор в парторганизациях. Эта параллельная структура, воскрешавшая в памяти «рабоче-крестьянскую инспекцию», созданную Лениным и упраздненную в 1934 г. Сталиным, в скором времени охватила всю страну: Комитет народного контроля, тесно сотрудничавший с Советами, превратился в настоящую армию контроля, в которой участвовал каждый шестой взрослый человек. Какой бы формальной она ни была, эта структура управления стимулировала добровольное участие в жизни общества, все больше привлекая людей, получивших образование.

Эта институционализация общественной жизни, закрепленная Конституцией 1977 г., но возникшая значительно раньше — означала ли она реальный рост политического влияния граждан или просто была одной из уловок режима, — несомненно, находилась в прямой связи с неожиданным всплеском спонтанной общественной активности, характерной для данного периода.

5. Консервативные тенденции и провал попыток реформ

Стабильная и спаянная правящая верхушка, к тому же быстро дряхлевшая — своего рода «олигархия слабоумных стариков», — удерживала власть, как было уже показано, благодаря согласию в главном: стремлении институционализировать властные отношения, защитить интересы бюрократических структур и сохранить коллективное руководство, сосредоточенное в окружении одного человека-символа. Немалую роль в этом играл непрерывный и все парализующий компромисс между трудносочетаемыми общими установками и столь же противоречивой практикой как в центре, так и на местах. Политический консерватизм или экономическая реформа, стабильность кадров или выдвижение новых поколений функционеров, личная преданность или компетентность, жесткое администрирование или допущение элементов рынка, приоритет тяжелой и оборонной промышленности или легкой, «партийность» или технократические ценности, руководящая роль партии или активность «масс» в общественных организациях, более или менее надежно контролируемых, — все эти фундаментальные проблемы, решение которых предполагало выбор, никогда не доводились до конца из-за боязни нарушить консенсус, коснувшись сути вещей.

Такой подход к делу приводил к торможению, а затем и провалу многих попыток реформ, проистекавших из желания решить проблемы, не затрагивая причин их возникновения: централизации, бюрократизма органов управления, утвердившегося еще в 30-е гг. волюнтаризма.

В то же время более пристальный анализ показывает очевидный рост «консервативных» и «консервирующих» тенденций. Несомненно, в 1972 — 1976 гг. произошел переход от «просвещенного консерватизма» к «судорожному», по выражению Ж.Сапира. Действительно, именно в период с конца 1972 до конца 1973 г. защищаемые Брежневым приоритеты в экономике — тяжелая промышленность, оборона, сельское хозяйство, освоение Сибири — окончательно взяли верх над тенденциями 1965 — 1972 гг., когда под влиянием Косыгина особое внимание уделялось развитию легкой промышленности. Мало-помалу речи технократов и реформаторов, выступавших под знаменами «научно-технической революции», сменились речами, пропитанными «партийностью» и военно-патриотическим духом, требовавшими от трудящихся мобилизовать все силы, повысить активность, усилить контроль, укреплять трудовую дисциплину и патриотизм, возрождать стахановское движение и в то же время содержавшими почти неприкрытые угрозы в адрес «виновных в расхлябанности». Эти безусловно реакционные по своей сути выступления открыто звали к мифологизируемому прошлому. Одобренный в феврале 1976 г. XXV съездом КПСС десятый пятилетний план (1976 — 1980 гг.), несмотря на проявившуюся в некоторых высказываниях Косыгина оппозицию, утвердил начавшийся в конце 1972 г. поворот. Основные усилия направлялись на развитие оборонной промышленности, энергетики, сельского хозяйства и Сибири. Первоочередной задачей стало, учитывая благоприятную конъюнктуру, сложившуюся в мировом производстве энергоносителей, как можно быстрее и в возможно большем объеме найти излишки энергоносителей и экспортного сырья и за счет их продажи снять необходимость реформ, направленных на повышение качества продукции и интенсификацию производства. В итоге страна

смогла, используя начавшиеся в 1972 — 1973 гг. разрядку напряженности и потепление в международных отношениях, широко ввозить производимые на Западе машины (так, с 1972 по 1976 г. импорт западного оборудования вырос в четыре раза). Массовая закупка иностранной техники для повышения эффективности производства рассматривалась руководством страны как альтернатива действительной реформе и изменениям в общественных отношениях. Крупные инвестиции в сельское хозяйство, запуск инфляционных процессов в сочетании с новой административной централизацией экономики, с усилением контроля стали той «легкой дорожкой», по которой пошла дряхлеющая правящая верхушка, отказавшись, а вернее, оказавшись неспособной решить проблемы структурной перестройки экономики, а также из боязни нарушить баланс сил бюрократических структур.

В этих условиях беспрерывно выхолащиваемая реформа не могла не принять чисто косметический характер. Именно таким было создание новых структур («промышленных», «производственных», «научно-производственных» объединений, «территориальных производственных комплексов») в безуспешном стремлении рационализировать управление предприятиями — очень разбросанными, плохо координируемыми и целиком зависящими от неэффективных вертикальных структур. Не принесли желаемых результатов и попытки сбалансировать неравномерность экономического развития, зачастую определявшуюся внешними обстоятельствами, такими, как срывы поставок или аномалии в оптовых ценах. Тем не менее ни установление цен, ни общее руководство производством, ни сбыт продукции не были предоставлены самим предприятиям. Наоборот, вышедшее в июле 1979 г. постановление ЦК КПСС и Совмина СССР только усилило опеку со стороны центральных органов. «Дух 1965 года» был уже забыт, даже если новый документ и рассматривался как «уточнение» принятой в 1965 г. программы.

Уже само название («Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы») постановления свидетельствовало о том тупике, в который зашла «реформа» к концу 70-х гг., так и не принеся ожидавшихся результатов: улучшения качества продукции, роста рентабельности, всенародного движения за экономию и бережливость, повышения производительности труда, более рационального использования производственных мощностей.

«Грандиозные» новации, преподнесенные в постановлении как «основополагающие», состояли в введении новых нормативов, которыми теперь должны были руководствоваться предприятия. Речь шла о выходящем за разумные рамки проекте глобальной стандартификации управления предприятиями, который должен был позволить вместить всю производственную, коммерческую и финансовую их деятельность в систему строго определенных нормативов и правил. Реализация постановления предполагала установление и последующий контроль за соблюдением огромного количества производственных и финансовых нормативов: запасов по видам сырья, использования сырья на единицу продукции (более 200 тыс. видов!), использования оборудования, расхода энергии и т.д. Особое внимание уделялось главной категории нормативов, относившихся к затратам рабочей силы, а значит, и заработной платы на единицу продукции и позволявших вычислить коэффициент «нормативно-чистой продукции», заменивший дискредитировавший себя показатель «валовой продукции». Введение нового показателя еще более усложнило установление оптовых цен, назначаемых центром. Отныне на каждый производимый продукт назначалось две цены: обычная оптовая цена и «нормативная». Эти меры вызвали страшную неразбериху, вылившуюся в общий пересчет всех внутригосударственных расчетов, длившийся весь 1982 г., но никак не приблизивший решение главных задач: улучшения руководства предприятиями и повышения производительности труда.

Сдвиги к лучшему должны были, в принципе, быть достигнуты благодаря другому нововведению постановления от 12 июля 1979 г., заключавшемуся в пропаганде и внедрении «бригадного метода», названного «методом Злобина» по фамилии строителя, прославившегося благодаря его внедрению. Идея была проста: группа трудящихся брала на себя обязательство выполнить порученную ей работу к определенному числу, как правило, с опережением «нормативно» определенного срока, не допуская брака и увеличения стоимости работ. Работу и ее оплату бригада распределяла по своему усмотрению. На некоторых предприятиях введение этого метода (впервые

примененного на Щекинском химическом комбинате близ Тулы) повысило производительность труда, позволило увеличить зарплату и уменьшить текучесть рабочей силы. В высших инстанциях новой форме организации труда придавалось большое значение. Это привело к принятию в 1983 г. «Закона о трудовом коллективе». К концу 1983 г. в стране насчитывалось 1,5 млн. бригад, объединивших 1 7 млн. трудящихся, однако только 1 2% из них работали на основе внутреннего самоуправления. Тем не менее оставались две существенные проблемы, ставившие под сомнение успех этого «новшества»:

— нерешительность директоров предприятий при решении вопроса об увольнении высвобожденных рабочих. Отсутствие подробной информации об общей ситуации с рабочей силой (как и прежде, набор рабочих чаще всего происходил непосредственно «у ворот»), тенденция к сокращению ее притока побуждали большую часть директоров предприятий сохранять резерв рабочей силы, чтобы справляться с трудностями из-за неритмичности работы предприятия;

— противоречие между принципом дифференцированной оплаты труда, игравшим важную роль в бригадном подряде, и прочно вошедшей в общественную жизнь и сознание людей уравниловкой. Чтобы заработать предполагаемую бригадным подрядом зарплату, требовалось приложить немало усилий, в то время как обычная зарплата шла, так сказать, автоматически. Так стоило ли напрягаться?

Выбор легких решений, предпочтение консервативным мерам, отказ от радикальных преобразований, торможение, а затем и провал беспрестанно выхолащиваемой реформы, ни один из вариантов которой никогда не получал единодушной оценки в руководстве партии, — все это обусловило вползание советской экономики в кризис, в полной мере проявившийся со второй половины 7 0-х гг. Он стал несомненным и неопровержимым фактом, признанным руководителями, пришедшими к власти в 1985 г., важнейшей причиной, вызвавшей необходимость глубинной «перестройки», провозглашенной новой революцией.

II. КРИЗИС «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

В конце 50-х гг. Хрущев поставил перед народным хозяйством СССР грандиозную задачу: догнать и перегнать американскую экономику. Сместившая «кукурузника» команда выказала более скромные амбиции: построение коммунизма было отодвинуто в далекую перспективу; задачи, поставленные в пятилетних планах периода «развитого социализма», были более реальными. В целом они предусматривали поддержание темпов роста промышленного производства на уровне 7 — 9% в год, не впадая в иллюзии в отношении прироста объемов сельскохозяйственной продукции (4% в год). Однако даже эти весьма скромные для советского государства цели не были реализованы: в 1970 — 1985 гг. наметилось падение темпов роста как в промышленности (с 8,4% во второй половине 60-х гг. до 3,5% в 1981 — 1985 гг.), так и в сельском хозяйстве (с 4,3 до 1,4%), в производительности труда (с 6,3 до менее 3%), в объемах капиталовложений (с 7,5 до 1,8%). В середине 70-х гг. снижение всех показателей резко ускорилось. По мнению Ж.Сапира, настоящий перелом в процессах деградации советской промышленности произошел в 197 6 г. К попыткам объяснить это явление многочисленными структурными и конъюнктурными факторами мы еще вернемся. Сейчас отметим только то, что этот кризис развивался в новых для страны демографических и социально-экономических условиях. Начиная со второй половины 70-х гг. экономика действительно исчерпала резервы свободной рабочей силы. Прирост трудоспособного населения упал приблизительно с 2 до 0,25% в год. Таким образом, на рынке труда произошли изменения, обусловленные, с одной стороны, превращением СССР в сильно урбанизированную страну, переживавшую уже не относительный, а абсолютный демографический кризис, и, с другой стороны, концом периода строительства гигантов индустрии. Впервые с начала 30-х гг. промышленность перестала «править бал» в области занятости. С этого момента экономика не могла уже позволить себе, как в 30—50-х гг., компенсировать численностью рабочей силы недоработки и ошибки сталинских, а позднее хрущевских проектов.

1. Трудности в сельском хозяйстве

Сельское хозяйство оставалось наиболее слабой отраслью в советской экономике. Начиная с 70-х гг. его рост был незначителен. К тому же в течение пятнадцати лет страна пережила восемь сильнейших неурожаев (1969, 1972, 1974, 1975, 1979, 1980, 1981, 1984 гг.), которые власти пытались оправдать климатическими причинами. Безусловно, в результате политики освоения целинных земель большая часть зерновых районов СССР оказалась в зонах, где климатические условия были значительно менее стабильными, чем на Украине или в Среднем и Нижнем Поволжье. Тем не менее климат в районах нового освоения (Казахстан, Западная Сибирь) не был более неустойчив, чем во многих районах Северной Америки, которые давным-давно не испытывали подобных «бедствий». Объяснение происходящего только климатическими условиями не может быть признано состоятельным. Более убедительными представляются те объяснения, которые указывают на объемы потерь, вызванных перевозками и плохими условиями хранения продукции на складах (в 1976 — 1980 гг. они достигали 13,5% собранного урожая). Эти потери, в частности, происходили из-за плохой организации труда в специальных отрядах, которые направлялись в целинные районы, постоянно страдавшие из-за нехватки рабочих рук. Хотя в начале 80-х гг. на уборку урожая привлекалось более 20% активного населения, тем не менее попытки административными методами форсировать развитие сельского хозяйства в малонаселенных районах могли привести только к серьезным проблемам в отношении как трудовых, так и материально-технических ресурсов. В сложившихся условиях правительству пришлось прибегнуть к массовому ввозу (главным образом из Северной Америки) зерновых, в 1979 — 1984 гг. достигавшему в среднем около 40 млн. т в год.

Немаловажно, что эти проблемы встали во весь рост начиная со второй половины 60-х гг. — именно в тот период, когда правительство осуществило масштабные инвестиции в сельское хозяйство. Как пишет об этом А.Ноуве, «в противовес тем временам, когда сельское хозяйство эксплуатировалось в интересах промышленности, при Брежневе оно стало тяжелым бременем для всей экономики».

Банкротство сельскохозяйственной программы Хрущева поставило новое руководство страны с самого начала его правления перед необходимостью пересмотра аграрной политики. Первые предпринятые в этой области шаги были многообещающими.

В марте 1965 г. был ослаблен контроль над колхозами, до которых теперь доводился рассчитанный на пять лет план продажи продукции по стабильным ценам. Сверхплановый продукт мог сдаваться в государственные приемные пункты по повышенным (не менее чем на 50%) ценам. Кроме того, цены на сельскохозяйственную продукцию были подняты в среднем на 20% в 1965 г., затем на 25 в 1970, на 12 в 1979 и на 1 6% в 1983 г. Этот весьма значительный рост цен оказался все же недостаточным, чтобы обеспечить самофинансирование колхозов, так как цены на сельскохозяйственные машины и удобрения росли еще быстрее и не покрывались субсидиями. Оплата колхозников по трудодням была заменена помесячной зарплатой, являвшейся авансом в счет будущих колхозных доходов. Колхозники получили право на пенсию, социальное страхование и, наконец, на гражданский паспорт. Эти меры, положившие конец той юридической дискриминации, которая начиная с 30-х гг. держала колхозников в положении «граждан второго сорта», не смогли, однако, остановить все более массовое бегство населения из сельской местности. В таких регионах, как северо-восток России, этот исход имел для колхозов без преувеличения катастрофические последствия.

Как уже отмечалось выше, Брежнев был активным поборником политики крупных капиталовложений в аграрный сектор, которые превысили пятую часть всех инвестиций. В результате в этом отношении сельское хозяйство впервые заняло почетное место в ряду приоритетных отраслей народного хозяйства, обогнав даже легкую промышленность. Вместе с тем, несмотря на значительные финансовые затраты, результаты оказались гораздо скромнее, чем ожидалось. Тогда правительство решило заняться самой структурой сельского хозяйства, и в первую очередь ключевым вопросом «личных подсобных хозяйств». Были сняты некоторые ограничения по хозяйствованию на приусадебных участках; в 1977 г., а затем в 1981 г. был принят ряд

мер в поддержку частного сектора, доля которого в общем объеме сельскохозяйственного производства оставалась значительной: от 25 до 30% мяса, молока, яиц, шерсти. Вдвое была увеличена земельная площадь участка, сняты ограничения на поголовье домашнего скота, колхозникам было разрешено брать кредиты для обустройства своих хозяйств и т.д. Тем не менее новая политика центра не могла переломить негативные тенденции в развитии этой отрасли до тех пор, пока в государстве господствовал принцип коллективного хозяйства, нацеленного не на обеспечение развития производства, а на изъятие прибавочного продукта. В этом отношении показательно было поведение местных властей: как и раньше, они продолжали, несмотря на многочисленные призывы центра, чинить препятствия индивидуальному хозяйству, рассчитывая таким образом принудить колхозников больше работать на колхозных землях. Частный сектор и коллективное хозяйство оставались абсолютно несовместимыми.

В надежде повысить эффективность сельского хозяйства правительство прибегло к многочисленным реформам, направленным на реорганизацию управления колхозным производством, чтобы прежде всего укрепить связь сельского хозяйства с комплексом отраслей по производству продуктов питания. Сближение сельского хозяйства с пищевой промышленностью должно было исправить одну из самых грубых ошибок системы, установленной Сталиным в 30-х гг. В тот период, когда сельскохозяйственный труд стал практически бесплатным, крестьянам была запрещена любая деятельность, связанная с переработкой сельхозпродуктов, а соответствующие предприятия строились в больших городах, вдали от места их производства, поэтому скоропортящиеся продукты оставались на местах, а другие — в значительной части пропадали на складах или при перевозках. Начиная с 1977 — 1978 гг. в стране стали создаваться «производственные объединения», призванные повысить специализацию в производстве и увеличить переработку сельхозпродуктов. Они объединяли колхозы, совхозы, предприятия пищевой промышленности и, по возможности, научно-исследовательские лаборатории. В 1982 г. плачевное положение в аграрном секторе привело к более радикальным мерам, среди которых важнейшим представлялось создание агропромышленных комплексов (АПК). Совхозы, колхозы, машиностроительные и химические производства, работающие для нужд сельского хозяйства, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, расположенные на одной территории, были объединены в региональные АПК. Эта реорганизация должна была наконец обеспечить интеграцию сельского хозяйства в самом широком смысле слова и покончить с безответственностью, в которой работники сельского хозяйства часто и справедливо обвиняли организации, призванные их обслуживать. Однако за все годы своего существования АПК так себя и не оправдали, оставшись прежде всего административным объединением и не став жизнеспособным экономическим организмом.

Как и в промышленности, основным результатом «реформы» стало возникновение новых административных структур с риском еще более утяжелить бюрократическое управление сельским хозяйством. Чтобы уменьшить эту опасность и в надежде заинтересовать колхозников в их труде поощрялось создание бригад, работающих на коллективном договоре. Члены бригад несли ответственность за все сельскохозяйственные культуры, выращиваемые на отведенных участках, а их труд оплачивался по достигнутым результатам.

Бригадный метод не нес в себе ничего революционного, но тем не менее встретил оппозицию со стороны многих руководящих работников АПК на местах, обеспокоенных возрождением внутри колхозного строя якобы «семейных» хозяйств, поскольку большинство членов бригад находились между собой в родственных отношениях.

Это сопротивление на местах отчетливо выявило прочность умонастроений, укоренившихся в период насильственной коллективизации деревни. Со своей стороны колхозники также были научены не доверять государству, которое грабило и обманывало их. Само существование коллективного хозяйствования, силой насажденного в 30-х гг. и затем поддерживаемого соответствующей системой общественно-экономического контроля, ставило препятствия повышению эффективности сельскохозяйственного производства уже в психологии и образе поведения как крестьян, так и их руководителей.

Брежневская стратегия, консервирующая прежние структуры путем значительных финансовых инъекций в сельское хозяйство, не смогла решить его глубинной проблемы: отчуждения крестьянина от земли. Аграрная политика рассматриваемого периода способствовала лишь росту затрат и расточительства. Если после смерти Сталина сельское хозяйство в СССР было в плохом состоянии, но затраты на него были минимальными, то после смерти Брежнева сельское хозяйство оставалось таким же слабым, но обществу приходилось тратить на него огромные капиталовложения.

2. Кризис организации труда

Такой же отказ от решения структурных проблем в промышленности сыграл решающую роль в подлинном кризисе советской индустрии, начавшемся с середины 70-х гг. в системе, в которой теперь, казалось бы, присутствовала вся совокупность черт промышленно развитой экономики. О кризисе свидетельствовал ряд симптомов: резкое падение темпов промышленного роста, производительности труда (на фоне ухудшающейся демографической ситуации), снижение отдачи от капиталовложений, рост незавершенного строительства, уменьшение потребления...

Сложившееся положение было результатом различных долгосрочных тенденций и той специфической экономической политики, проанализированной нами выше и именно с середины 70-х гг. приобретавшей все более консервативное, даже реакционное содержание.

Среди долгосрочных тенденций важную роль играли:

— неблагоприятная демографическая ситуация, прежде всего в связи с уменьшением доли трудоспособного населения. Начиная с 1975 г. стало уже невозможно любыми средствами поддерживать экономический рост, прибегая, как прежде, к массовому привлечению новой рабочей силы. Экономика наткнулась на демографический барьер, и теперь темпы ее роста определялись ростом производительности труда (темпы которого все время снижались). В этих условиях правительство решило пойти «обходным путем», который состоял в массовом импорте иностранной техники и технологий в надежде быстро поднять производительность труда. Такой путь привлекал руководство больше, чем реформа организации труда, от которой можно было ожидать только медленных и предположительных результатов;

— истощение традиционной сырьевой базы и постоянное смещение добывающей промышленности, прежде всего топливно-энергетического комплекса, па восток, что вело к росту себестоимости сырья, а также обостряло положение с транспортом — еще одной серьезной проблемой в СССР;

— физический износ и моральное старение оборудования и основных фондов;

— рост удельного веса военных расходов, непосредственно отражавшегося на развитии гражданского производства;

— кризис организации труда, отмеченный торможением и провалом беспрестанно перекраиваемой реформы, а также консервативным уклоном политики правящей верхушки, который некоторые расценивали как «неосталинизм».

Несомненно, последний фактор оказался решающим в возникшем кризисе, на что еще в 1983 г. указывала академик Т.Заславская в своем знаменитом теперь «Новосибирском докладе» (прозвучавшем в то время лишь на закрытых собраниях Академии наук и на партийных совещаниях, а потом «тайно» попавшем на Запад). По мнению Т.Заславской и ее сотрудников (большинство которых объединялось вокруг издаваемого новосибирским Институтом экономики и организации промышленного производства журнала «Эко»), причина кризиса коренилась в неспособности существующей системы обеспечить эффективное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала общества, Система оставалась по существу той же самой, что и при ее возникновении в 30-е гг., несмотря на проведенные после смерти Сталина реформы: чрезмерная централизация, директивное планирование, отсутствие рыночных ценообразований и организации использования ресурсов, контроль всех способов материального стимулирования трудящихся центром, ограничение или просто запрещение всех видов индивидуальной трудовой деятельности населения в производстве, сфере услуг, торговле. В этом скрывался принципиальный порок си-

стемы в целом: трудящиеся могли рассчитывать только на деятельность в общественном секторе. Любая личная инициатива считалась нелегальной и относилась к теневой экономике, непризнаваемой официально, какой бы полезной экономически она ни была. Общественный сектор был к тому же совершенно невосприимчив к индивидуальной творческой инициативе трудящихся. Теоретически приветствовалась всякая инициатива, но различные формы участия трудящихся в управлении предприятиями всегда сталкивались с ограниченностью прав самих предприятий: как участвовать в управлении, если единственное, что позволено, — это «обогнать план»? Бригадный эксперимент основывался на допущении крайне ограниченного самоуправления крошечным отрезком общего процесса производства, но даже на этом уровне проявление инициативы полностью зависело от выделенных бригаде средств. Таким образом, если и предполагалось, что трудящиеся должны непосредственно действовать в интересах общества, то во всякой личной позиции и ответственности в этом отношении им было отказано. Тот, кто «хорошо» работал, в лучшем случае получал «премии», которые в то же время все меньше зависели от реальных результатов, индивидуальных или коллективных. В основном они начислялись автоматически, что сводило их стимулирующую роль к нулю. Не менее существенное значение в подрыве материальной заинтересованности играл постоянный дефицит товаров, делавший бессмысленным стремление к более высокому заработку. Головокружительный рост сбережений в сберегательных кассах являлся убедительным свидетельством невозможности для огромного большинства населения удовлетворить свои потребности.

Эти противоречия, заключала Т.Заславская, не были чем-то новым. Но даже если существующая система была выносима — экономически и социально — в 30 — 40-х гг., даже в 50-х, когда рабочие и служащие подчинялись военной дисциплине, а крестьяне были загнаны в колхозы, лишены паспортов и права переезда в город, то в 70 — 80-е гг. из-за глубоких изменений, произошедших в самом обществе, она стала нетерпимой.

Академик Заславская не оставляла выбора: чтобы выйти из кризиса, вызванного прежде всего провалом системы организации труда, введенной в 30-х гг. и с тех пор сохранявшейся в главном и основном, было необходимо допустить частную инициативу, определив оптимальную, с точки зрения общества, сферу ее приложения. Что же касается перспектив общественного сектора, то наиболее радикальные экономисты во главе с академиком А.Аганбегяном, руководившим журналом «Эко», прогнозировали в 1982 — 1984 гг. возможность трех вариантов реформ. Первый вариант сводился к своего рода программе «стабилизации» положения в экономике: предусматривалось добиться улучшения без кардинальных изменений — например, расширяя права предприятий, развивая прямые связи между ними и создавая межотраслевые проекты. Второй вариант представлял собой «умеренную» реформу, в результате которой было бы сокращено большинство отраслевых министерств. Наконец, третьим вариантом была «радикальная» реформа с упразднением всех «экономических» министерств. Компетенция Госплана была бы ограничена исключительно планированием макроэкономических соотношений; предприятия получили бы самую широкую самостоятельность в управлении. По сути, в последнем варианте подразумевалась экономическая модель венгерского типа.

III. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1. Демографические изменения

«Пока Брежнев дремал, его страна переживала настоящую социальную революцию», — писал в 1986 г. М.Уокер в работе, посвященной анализу зарождения перестройки. Действительно, за два десятилетия — с 1965 по 1985 г. —в советском обществе произошли глубокие перемены, преобразившие и формы функционирования экономики, и содержание отношений между обществом и властью.

Мы уже упоминали о весьма существенном изменении, оказавшем первостепенное влияние на экономику: уменьшении притока в народное хозяйство новых трудовых ресурсов из-за снижения рождаемости на 25% и увеличения смертности на 15%

за период с 1960 до конца 70-х гг. Этому сопутствовало изменение в структуре занятости трудящихся в пользу сферы обслуживания за счет сельского хозяйства. В долгосрочном плане наиболее тяжелые последствия были связаны с углублением разрыва в темпах прироста населения по регионам. Так, в течение всего этого периода неславянское население увеличивалось значительно быстрее. В целом мусульманское население, насчитывавшее в 1959 г. 22,5 млн. чел. (или 10,7% от общего числа), к 197 9 г. возросло до 42 млн. жителей, что составляло уже 16%. Следует заметить, что исламская культура продолжает сильно влиять на некоторые советские народы, даже если их национальное самосознание определяется в первую очередь принадлежностью к определенной этнической группе, а уж затем укорененностью мусульманских традиций. Немаловажно было, однако, и то, что в течение десятилетий происходило «врастание» мусульманской элиты в социальную систему советского общества с помощью продвижения по иерархическим лестницам, овладения русским языком (перепись населения 197 9 г. показала, например, что молодое поколение среднеазиатских республик все лучше и лучше владеет русским языком как необходимым условием успешной карьеры), а также некой солидарности перед внешним миром, контрастирующим с этническими противоречиями, остававшимися острыми, а в последнее время и усилившимися.

2. Урбанизация и ее последствия

Другие важные социальные изменения, «основополагающие», по определению М.Левина, связаны с урбанизацией и ее неизбежным следствием в виде повышения общего уровня образования. Если в 1939 г. в городах проживало 56 млн. советских граждан, то в начале 80-х гг. горожан было уже более 180 млн. Статистика констатировала увеличение числа городов всех категорий, причем крупные центры занимали особое место в этом процессе: за 20 лет число городов, население которых превышало 1 млн. жителей, выросло с 3 до 23; на сегодняшний день в них проживает более четверти советского населения. Таким образом, в период с начала 60-х до середины 80-х гг. в город мигрировало более 35 млн. жителей.

Этот новый городской социум, считает М.Левин, был прежде всего новой рабочей силой. До конца 50-х гг. подавляющее большинство городского населения (около 70%) было занято в промышленности, строительстве и на транспорте. В большинстве случаев выполняемые виды работ не требовали высокой квалификации и были вполне по плечу вчерашним крестьянам, которые, став рабочими, продолжали заниматься физическим трудом, только другим «Ассимилировавший» крестьянство рабочий класс, однако, располагал очень малым количеством настоящих мастеров. Следует также отметить, что в 195 6 г. 69% директоров заводов и 33% главных инженеров предприятий были «практиками», имевшими в основном начальное или неполное среднее образование. В 60 — 70-е гг. социальная структура города сильно изменилась, стала более сложной и дифференцированной в профессиональном отношении. В начале 80-х гг. «специалисты», получившие высшее или среднее специальное образование, составляли уже 40% городского населения По последним данным, среди 35,5 млн «специалистов» 13,5 млн. имеют высшее и более 18 млн. — среднее специальное образование.

К середине 80-х гг более 5 млн. студентов обучались в высших учебных заведениях, слушая курсы полумиллионной армии преподавателей. Таким образом, повышение профессионального и образовательного уровней, начало которому было положено в 30-е гг, именно за два-три последних десятилетия привело к кардинальному изменению самого понятия «интеллигенция». Еще вчера бывшая элитой, интеллигенция превратилась сегодня в огромную массу людей, объединяющую многочисленные социальные группы и категории: инженеров, административно-управленческий персонал, ученых, артистов, преподавателей, политиков. Советские социологи Л.Гордон и В Комаровский выделяют три поколения, которые в конце 70-х гг. составляли активное городское население: лица, родившиеся около 1910 г., вступившие в трудовую жизнь в 30-е гг. и овладевшие профессиональным мастерством в 50-е гг.; их сыновья, родившиеся в 30-е гг., начавшие свой трудовой путь в 50-е гг. и достигшие своего лучшего профессионального уровня к 70-м; их внуки, родившиеся в 50-е гг. и начавшие активную трудовую жизнь в 70-е. От поколения к поколению все меньше людей работало руками и более трети каждого поколения

поднималось на несколько ступенек вверх по социально-профессиональной лестнице (не в этом ли заключается одно из главных условий поддержания некоего социального «консенсуса»?).

Такой подход позволяет лучше понять отношения между поколениями и конфликты, которыми сопровождается их смена Первое поколение осуществило индустриализацию страны. Это люди, занимавшиеся тяжелым физическим трудом, рабочие традиционного типа, среди которых многие были из крестьян. Даже достигнув к 50-м гг. вершины своей карьеры, 80% из них остались на физической работе. Второе поколение располагало большими возможностями для продвижения. Оно было первым поколением, представителей которого в промышленности было больше, чем в сельском хозяйстве, первым, в котором число рабочих неручного труда сравнялось с числом рабочих неквалифицированного ручного труда Что же касается третьего поколения, то в нем существенно выросло число занятых в сферах обслуживания и информации и еще более уменьшилась доля рабочих неквалифицированного ручного труда. С самою начала своей карьеры в два раза большее число представителей этого поколения выполняют интеллектуальную работу. Оно живет в ином социальном окружении его возможности достичь лучшею положения через образование очень широки, в то же время сложившееся положение в экономике и производственные отношения его больше не удовлетворяют. По мнению Гордона и Комаровского, налицо было противоречие между возникшей социопрофессиональной структурой, адекватной потребностям научно-технической революции, и сложившейся в прошлую технологическую эпоху системой производственных отношений, и государство делало все, чтобы удержать первую в рамках последней.

В отсутствие настоящей реформы значительный рост уровня образования и профессионализма не мог не повлечь за собой социального кризиса. Его проявлениями со второй половины 70-х и стали общее недовольство своей работой молодых специалистов, получивших хорошее образование и высокую профессиональную подготовку, нездоровый «социально-психологический климат» (если употреблять советское выражение) на многих рабочих местах, использование не по специальности инженеров и ученых, вынужденных выполнять работу техников и обслуживающего персонала из-за нехватки последних, и, наоборот, выдвижение на ответственные посты «серых», некомпетентных людей. Не растеряло ли в итоге третье поколение своих возможностей?

3. «Городской микромир» и «неформальные структуры»

Одним из существенных последствий развития урбанизации социолог О.Яницкий считает возникновение «городских микромиров». С его точки зрения, «развитие научно-технической революции и урбанизации основано и неразрывно связано с принципом активности, самодеятельности личности, общения индивидов как индивидов».

Не ограничиваясь различными формами социальной жизни в малых группах: семья, друзья, разного рода кружки, — развитие «городских микромиров» очень быстро привело к возникновению сети неформальных объединений, которые в свою очередь начали играть важную роль в формировании общественного мнения в собственном смысле слова. В течение долгого времени существование неформальных объединений отрицалось как советской политической наукой, так и западной советологией, исходившими из принципов идеологического детерминизма, исключающего возможность любых спонтанных социальных процессов. На практике же значение общественного мнения признавалось, хотя и неявно, уже с начала 60-х гг., когда хрущевский проект реформы системы образования встретил такое широкое сопротивление влиятельных слоев населения, что от него пришлось отказаться.

В 70 — 80-е гг. развитие городской субкультуры, повышение общего уровня образования породили значительно более сложную общественную структуру, отличавшуюся целой гаммой «неформальных образований», «микромиров» и уголков «самоуправления» со своей социальной базой, культурой и «контркультурой», исследователями и учеными, молодежными группами, профессиональными и межпрофессиональными ассоциациями. Эта «неформальная» жизнь мало-помалу заставляла при-

слушиваться к своему мнению и своим требованиям. Пробным камнем (или опытным полем) для этих первых спонтанных проявлений общественного мнения чаще всего служила культурная жизнь. В этом смысле показателен пример В.Высоцкого (умершего в 1980 г. в возрасте 42 лет), ставшего подлинным общественным явлением, позволившим выйти на поверхность не только параллельной культуре, но и неформальным объединениям, которые охватили значительно более широкую массу людей, чем традиционные кружки интеллигенции. Отношение властей к певцу было враждебным (при жизни вышла всего одна его пластинка), поскольку его идущие вразрез с общей тенденцией, обращенные к народу, говорящие языком народа песни разоблачали изъяны системы. Высоцкий стал выразителем всех обойденных и обездоленных слоев советского общества, его слушали десятки миллионов людей всех социальных групп, тайком размножая миллионы магнитофонных кассет. Он имел возможность выступать только в местах, которые предоставлялись ему «неформальными объединениями», перед публикой, без какой-либо рекламы заранее знавшей о концерте. В день его похорон десятки тысяч людей собрались перед театром на Таганке, актером которого он был. Это была стихийно возникшая демонстрация, самая значительная в советской столице после похорон Иоффе в 1927 г.

Не было ли это явление свидетельством рождения в 70 — 80-е гг. подлинно гражданского общества? Эта гипотеза была высказана, в частности, М.Левиным, который полагает, что «под гражданским обществом мы понимаем совокупность структур и институтов, которые либо существуют и действуют независимо от государства, либо выходят из него, самостоятельно вырабатывая свою точку зрения по вопросам частного или общего значения, потом стараются убедить в ее правоте своих членов, затем малые группы и в конечном счете власти. Эти социальные объединения необязательно находятся в оппозиции к государству, они являются как бы противовесом по отношению к официально признанным государственным учреждениям и пользуются некоторой автономией...

Независимые тенденции и неформальные группы появились также и... в самом сердце бюрократии советского государства. Общественные умонастроения проникли в государственные и партийные учреждения... Понятие гражданского общества, циркулирующее в самом сердце бастиона государственности — в широких слоях чиновников, вплоть до партийного аппарата и политических лидеров, — открыто бросает вызов представлениям, сложившимся о советском государстве. Но это новое понятие приложимо лишь к новой ситуации».

4. Поощрение и контроль общественной активности

Эта новая ситуация не осталась полностью вне контроля со стороны власти. Осознавая необходимость охватить и контролировать формирующиеся области микроавтономии, государственные структуры старались придать общественной жизни официально оформленный характер и улучшить, посредством самого общества, контроль за проявлениями его активности. С того момента, как эта деятельность стала узаконенной, власти стали призывать к участию в ней и поощрению общественных организаций, вплоть до случаев передачи последним, в частности профессиональным союзам, функций государственных органов. Само понятие «общенародное государство», а также укрепление «социалистической демократии» с присущим ей ритуалом выборов, призванных способствовать сплочению советского общества (более 20 млн. человек привлекалось к организации избирательной кампании в стране) и предлагать ему представляемые кандидатами социальные программы; расширение сети комитетов «народного контроля» и «народных дружин»; активизация деятельности Советов (хотя и по большей части контролируемых сверху) — все это было не чем иным, как поощрением населения к участию в общественной жизни. КПСС оставалась главной структурой, привлекавшей людей к общественной жизни. За пятнадцать лет — с 1965 по 1980 г. — число ее членов выросло на 42% (ежегодно в партию вступало полмиллиона человек), и к началу 80-х гг. партия насчитывала 17 млн. коммунистов. Значительно выросла доля членов КПСС с высшим образованием; к концу 70-х гг. более четверти членов партии имели высшее образование, среди вступавших в нее с высшим образованием было уже более 45%. Партийный билет становился все более и более полезным «дополнением» к диплому, способствуя карьере и налагая лишь ми-

нимальные и формальные обязательства на его владельца. Они состояли главным образом в «уважении к правилам игры», что означало не критиковать открыто режим, закрывать глаза на противоречия между политическими речами и реальной жизнью, в которой царила апатия, цинизм и коррупция и, в более общем плане, преобладание личных интересов над общественными. В этих условиях коммунист жил с «двойной моралью», лояльно служа режиму и не разделяя при этом в глубине души убеждений, выражаемых во всеуслышание.

Из 17 млн. коммунистов едва ли четверть занимала выборные посты в 400 тыс. первичных партийных организациях. Эти 4 млн. коммунистов, с большим преувеличением называвшиеся «активом», составляли своего рода «политический виварий», в котором происходил дальнейший отбор примерно 400 тыс. освобожденных работников аппарата. В действительности путь по ступенькам выборных должностей, который проходили активисты из низовых организаций (коммунисты из профсоюзов, Советов, различных общественных организаций, первичных партийных организаций), все реже приводил к желанным постам, входящим в союзную, республиканскую, областную номенклатуру. Кандидаты на такие должности, все более тесно связанные с административными и политическими функциями, все чаще подбирались и назначались непосредственно в вышестоящих организациях. 70 — 80-е гг. были отмечены прочной стабилизацией элиты и прекращением ее пополнения снизу. Система становилась замкнутой и закрытой.

Номенклатура — понятие, вошедшее в повседневные разговоры после успеха одноименной книги М.Восленского, — представляла собой настоящую касту, с трудно поддающейся оценке численностью (несколько сот тысяч семей или несколько миллионов, если принимать в расчет более или менее широкую «периферию» этого иерархического сообщества) и особым местом в советском обществе. Политическая стабильность брежневского периода позволила расцвести могущественной элите, уверенной в себе, в своих правах и привилегиях, в возможности самовоспроизводства. Однако укоренение этой, словно перенесенной из феодального общества элиты со своей иерархией, территорией и двором входило во все большее противоречие с другой стороной политики власти, заключавшейся в вовлечении масс в общественную жизнь: стоило ли стремиться к активному участию в ней, если достижим был лишь формально почетный статус, но не реальная принадлежность к избранным?

В условиях, когда номенклатура смыкала свои ряды, когда все глубже становилась пропасть между власть предержащими и рядовыми гражданами, поощряемое властями участие в новых общественных объединениях, которые могли бы составить гражданское общество, становилось все более и более формальным.

5. Формы несогласия и отстранения

В этой ситуации был неизбежен медленный, но неостановимый рост проявлений протеста. За пределами страны особое внимание привлек феномен диссидентства — наиболее радикального, заметного и мужественного выражения несогласия. Его символом стало выступление 25 августа 1968 г. против советской интервенции в Чехословакию, состоявшееся на Красной площади. В нем участвовало восемь человек: студентка Т.Баева, лингвист К.Бабицкий, филолог Л.Богораз, поэт В.Делонэ, рабочий В.Дремлюга, физик П.Литвинов, искусствовед В.Файнберг и поэтесса Н.Горбачевская. Однако существовали и другие, менее откровенные формы несогласия, которые позволяли избежать административного и даже уголовного преследования: участие в обществах защиты природы или религиозного наследия, создание разного рода обращений к «будущим поколениям», без шансов на публикацию тогда и обнаруженных сегодня, наконец, отказ от карьеры — сколько молодых интеллигентов 70-х гг. предпочли стать дворниками или истопниками. Поэт и бард Ю.Ким писал недавно в связи со своим последним, прошедшим с большим успехом спектаклем «Московские кухни», что брежневское время останется в памяти московских интеллигентов как годы, проведенные на кухне, за беседами «в своем кругу» на тему о том, как переделать мир. Разве не были своего рода «кухнями», пусть другого уровня, университет в Тарту, кафедра профессора В.Ядова в Ленинградском университете, Институт экономики Сибирского отделения Академии наук и другие места, офици-

альные и неофициальные, где анекдоты об убожестве жизни и о заикании генсека перемежали споры, в которых предвосхищалось будущее?

Наиболее активные формы протеста были характерны главным образом для трех слоев общества: творческой интеллигенции, среды верующих и некоторых национальных меньшинств. Творческая интеллигенция, разочарованная непоследовательностью Хрущева, равнодушно встретила его падение. Новая правящая верхушка, в которой роль главного идеолога исполнял Суслов, с первых же дней не скрывала своего желания окончательно покончить с эпохой культурной «оттепели». В сентябре 1965 г. были арестованы писатели А.Синявский и Ю.Даниэль за то, что издали за границей, под псевдонимами, свои произведения, которые были уже в напечатанном виде ввезены в Советский Союз. В феврале 1966 г. они были приговорены к нескольким годам лагерей. Это был первый открытый политический процесс в послесталинский период. Он был задуман как пример и предупреждение; его главный смысл заключался прежде всего в том, что обвиняемые были писателями, осужденными по статье 70 принятого при Хрущеве Уголовного кодекса, которая определяла состав преступления как «агитацию или пропаганду, проводимую с целью подрыва или ослабления Советской власти... распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Впоследствии эта статья широко применялась для преследования различных форм диссидентства. Реакция в кругах интеллигенции на процесс Синявского и Даниэля свидетельствовала о большом пути, пройденном ею после «дела» Пастернака: 63 члена Союза писателей, к которым присоединились 200 других представителей интеллигенции, обратились с письмом к XXIII съезду КПСС и в Президиум Верховного Совета СССР, требуя освободить писателей и отдать их на поруки. Тем не менее за процессом Синявского и Даниэля последовали другие аресты и осуждения В частности, были арестованы: А Гинзбург, который составил «Белую книгу» из протестов против февральского процесса 1966 г, П. Литвинов и Ю. Галансков, основатель «самиздатовского» журнала «Феникс», А Марченко, автор первой книги о лагерях хрущевского периода («Мое свидетельство»), широко распространявшейся в «самиздате» С апреля 1968 г диссидентскому движению удалось начать издание «Хроники текущих событий», которая подпольно выходила каждые два-три месяца, сообщая о посягательствах властей на свободу Обезглавленная волной арестов в октябре 1972 г., редакция журнала с трудом восстанавливалась, и журнал стал выходить эпизодически.

В конце 60-х гг. основные течения диссидентов объединились в «Демократическое движение» с весьма размытой структурой, представлявшее три «идеологии», возникшие в послесталинский период и являвшиеся скорее программами действия «подлинный марксизм-ленинизм», представленный, в частности, Роем и Жоресом Медведевыми; либерализм в лице А.Сахарова, «христианская идеология», защищаемая А Солженицыным Идея первой программы состояла в том, что Сталин исказил идеологию марксизма-ленинизма и что «возвращение к истокам» позволило бы оздоровить общество; вторая программа считала возможной эволюцию к демократии западного типа при сохранении общественной собственности, третья предлагала ценности христианской морали как основу жизни общества и, следуя традициям славянофилов, подчеркивала специфику России. «Демократическое движение» было все же очень малочисленным и насчитывало всего несколько сотен приверженцев из среды интеллигенции Однако благодаря деятельности двух выдающихся личностей, ставших своего рода символами — А Солженицына и А Сахарова, — диссидентство, едва заметное и изолированное в своей собственной стране, нашло признание за границей За несколько лет (1967 — 1973) вопрос о правах человека в Советском Союзе стал международной проблемой первой величины, долгие годы определявшей неприглядный образ СССР в мире (показательно, что в значительной мере начавшаяся в 1973 г. деятельность Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе была посвящена этой проблеме)

Таким образом, 70-е гг. отмечены:

— рядом очевидных успехов КГБ («созданного самим обществом для своей самозащиты от происков империалистических разведок и действий враждебных элементов» и «строящего свою работу на принципах социалистической демократии», по словам его главы Ю.Андропова, сказанным в декабре 1967 г.) в борьбе против всех форм диссидентства: арест членов Комитета в защиту гражданских прав, основанно-

го в 1970 г. А.Сахаровым, членов Группы наблюдения за выполнением Хельсинкских соглашений, созданной в 1975 г. по инициативе Ю.Орлова и участников национальных движений Украины, Армении, Грузии и Прибалтийских республик;

— непрерывным падением международного престижа СССР вследствие репрессий, о которых подавляющее большинство советских людей не подозревало, таких, как: помещение диссидентов в психиатрические клиники («дело» Григоренко 1969 г., «дело» Плиуч 1972 г.); «дело» Щаранского (1978 г); домашний арест Сахарова (1980 г.), ссылка и затем изгнание Солженицына (февраль 1974 г), последовавшие за исключением его из Союза писателей (ноябрь 1969 г.) и присуждением Нобелевской премии по литературе (октябрь 1970 г.). Существенное значение имели и скандалы, вызванные «предательством» советских артистов, оставшихся во время гастролей за границей и лишенных советскою гражданства (Ростропович, Любимов и др.).

Помимо довольно узких кругов интеллигенции активный, хотя и не имевший значительного резонанса протест выражали и другие слои общества, среди которых были

— католические круги Литвы;

— советское еврейство; вопрос о все большем ограничении в период 1970 — 1985 гг. прав евреев на эмиграцию из СССР стал наиболее острым в советско-американских отношениях;

— некоторая часть национальной интеллигенции, в особенности на Украине, в Грузии, Армении, Прибалтике, озабоченная массовой миграцией в республики (особенно в Эстонию и Латвию) из России и других регионов СССР и политикой русификации, заключавшейся в введении русскою языка в качестве второго национального языка и обязательности его изучения для сдачи некоторых экзаменов в высшей школе.

В стране, в которой любая власть, будь то коллективная на низшей ступени, бюрократическая на средней или деспотическая на верхней, всегда оставалась враждебной к свободному выражению мнений, идущих вразрез с принятыми установками и против самой природы этой власти, к тому же в условиях репрессий диссидентство как выражение радикальной оппозиции и альтернативной политической концепции, защищавшей перед государевом права личности, не могло охватить широкие слои общества. Разные формы недовольства и неудовлетворенности проявлялись в советской действительности по-разному В этом смысле показательна рабочая среда. Две попытки создан независимый профсоюз (сначала инженера Клебанова, в конце 1977 г, потом участников правозащитного движения, организовавших СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся) завершились неудачей, так и не собрав в своих рядах больше нескольких сот человек. Забастовочное движение, еще совсем малочисленное, уже не было, однако, исключительной формой действий; в 1975 — 1985 гг., по разным источникам, произошло около 60 крупных забастовок. Недовольство рабочих проявлялось главным образом в пассивных и скрытых формах, широко распространившихся с 30-х гг.: низкая производительность труда, «текучка», прогулы, низкое качество производимой продукции, растущий алкоголизм. То же можно сказать и о многочисленных объединениях, пользовавшихся некоторой автономией и выступавших за социально-экономические перемены, о чем упоминалось выше. Как в самой политической сфере, так и вне ее, в области культуры, в некоторых общественных науках стали возникать дискуссии, зарождаться различного рода деятельность, которая если и не была откровенно «диссидентской», то, во всяком случае, свидетельствовала о явных расхождениях с официально признанными нормами и ценностями. Среди проявлений такого рода несогласий наиболее значительными были:

— протест большой части молодежи, привлеченной образцами западной культуры (в частности, «поп»-, а затем «рок»-музыкой);

— экологические кампании (проводимые под руководством Залыгина против загрязнения озера Байкал, а также против поворота сибирских рек в Среднюю Азию);

— критика деградации экономики молодыми «технократами», зачастую работавшими в престижных научных коллективах, удаленных от центра (например,' в Сибири);

— создание произведений нонконформистского характера во всех областях интеллектуального и художественного творчества (и ожидавших своего часа в ящиках письменных столов или в мастерских их авторов).

Все эти направления и формы протеста получат признание и расцветут в период «гласности».

IV. СССР В МИРЕ

Начиная с 1945 г. внешняя политика СССР осуществлялась на нескольких уровнях: дипломатия советского государства как таковая, взаимоотношения ВКП(б) — КПСС с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями, СССР — страны социалистического лагеря и страны социалистического лагеря — остальной мир.

Взаимосвязь этих различных аспектов внешней политики зависела от многих переменных, и в первую очередь — от господствующих Тенденций и противоречий внутренней политики Советского Союза. В октябре 1964 г., когда новое руководство взяло власть в свои руки, в «пассиве» волюнтаристской внешней политики Хрущева были: поколебленное из-за раскола с Китаем и румынской фронды единство социалистического лагеря; натянутые вследствие Карибского кризиса отношения между Востоком и Западом; нерешенность германской проблемы; наконец, отсутствие ощутимых результатов политики Советского Союза в отношении стран третьего мира.

Брежневская группа поставила три приоритетные задачи:

— устранить угрозу распада социалистического лагеря и еще теснее сплотить его в политическом, военном и экономическом отношениях;

— нормализовать отношения между Востоком и Западом («сосуществование в сотрудничестве»). Этот курс, впрочем, был взят только после обострения в начале 70-х гг. конфликта с Китаем и начала сближения последнего с Соединенными Штатами, когда советские руководители почувствовали возникновение новой опасности;

— последовательно проводить политику поддержки «прогрессивных» движений и режимов во всем мире. Эта политика была особенно активна (иногда перерастая в прямую интервенцию) в отношении стран, находившихся в непосредственной сфере влияния СССР (например, Афганистан).

Реализация этих задач может быть проиллюстрирована тремя важнейшими событиями во внешней политике 1965 — 1985 гг.: советская интервенция в Чехословакию, подписание двух первых соглашений об ограничении стратегических вооружений во время визита Никсона в Москву в мае 1972 г., вторжение Советского Союза в Афганистан. Очевидно, что не все эти события способствовали разрядке международной напряженности, однако они были тесно связаны между собой. В течение долгого времени в противоречиях внешней политики СССР многие пытались увидеть последствия столкновений внутри правящих кругов между «ястребами» и «голубями». На самом же деле в основе этих действий, казавшихся на первый взгляд полностью взаимоисключающими, была своя логика, проистекавшая из существования трех аспектов внешней политики СССР: социалистический лагерь, отношения между Востоком и Западом и отношения со всем остальным миром.

1. СССР и социалистический лагерь

Укрепить пошатнувшиеся позиции Советского Союза в социалистическом лагере и среди компартий стран третьего мира было первой внешнеполитической заботой преемников Хрущева. В этом направлении они действовали весьма осмотрительно (по крайней мере до чехословацкого кризиса), в основном методом проб и ошибок, но все же добиваясь ощутимых результатов.

Новые руководители начали с миролюбивого жеста в сторону Пекина, прекратив полемику и отложив конференцию компартий, которую Хрущев предполагал созвать в декабре 1964 г. Примирительные настроения, допускавшие возможность некоторых уступок, преобладали и в отношении к Румынии, которая отстояла свой экономический выбор и формы своего участия в СЭВ. Укрепление советских позиций произошло и среди коммунистических партий Латинской Америки, собравшихся в декабре

1 964 г. на конференцию в Гаване. СССР одобрил результаты конференции и поддержал вооруженную борьбу во многих странах Латинской Америки, продемонстрировав тем самым твердую решимость нового руководства Советского Союза не уступать районы вооруженных действий китайскому влиянию.

Эта позиция способствовала сближению с Кубой и ухудшила отношения с Китаем, который после «истории» с советскими ракетами на Кубе укрепил свои позиции в третьем мире. СССР оказал, далее, большую экономическую и военную помощь Северной Корее и Северному Вьетнаму, которые были скорее «клиентами» Китая. Благодаря этой помощи обе страны заняли позицию строгого нейтралитета по отношению к советско-китайскому конфликту.

Компромисс, на который пошел Советский Союз с Ф.Кастро по вопросу о вооруженной борьбе в Латинской Америке, как и помощь Ханою в момент усиления американского вмешательства во Вьетнам указывали на то, что СССР отдавал предпочтение налаживанию отношений с социалистическим лагерем — даже в ущерб своим отношениям с Соединенными Штатами.

Принятые на XXIII съезде КПСС в марте 1966 г. решения подтвердили тенденцию к более жесткой внешней политике в послехрущевский период. Мирное сосуществование уже не рассматривалось как «генеральная линия внешней политики Советского Союза». Эта идея, конечно, продолжала присутствовать в отношениях между Востоком и Западом, но во всех других случаях «соревнование между двумя лагерями было как никогда активным». Если мирное сосуществование и оставалось целью советской политики, оно тем не менее перестало быть грандиозным замыслом урегулирования разнообразных аспектов эволюции международной системы. Усиление американского военного вмешательства во Вьетнаме, которое доказало Советскому Союзу, что он не может отвратить Соединенные Штаты от «экспорта контрреволюции», имело прямое отношение к переоценке советским руководством идеи «мирного сосуществования». В этом контексте укрепление социалистического лагеря получало неоспоримый приоритет.

Несмотря на несомненные успехи советских руководителей в стремлении восстановить полный контроль над социалистическим лагерем, им предстояло преодолевать определенные сложности, в особенности в отношениях с кубинцами, китайцами и, в скором времени, с чехами и словаками. На XXIII съезде КПСС делегат Кубы выступил с прямым упреком в адрес Советского Союза, который, по его мнению, не шел «на необходимый риск в своих отношениях с Вьетнамом». Радикализм кубинской оппозиции мог подтолкнуть в том же направлении другие латиноамериканские компартии, тем более в условиях, когда Че Гевара призывал «создать два, три, много Вьетнамов, чтобы лишить Соединенные Штаты их могущества».

Надо отметить, что во вьетнамском конфликте советское правительство действовало осторожно. Оно удержалось, например, от предоставления Ханою некоторых видов оружия, которые могли бы сразу резко обострить конфликт (неядерные ракеты «земля — море», которые могли бы поражать крупные корабли 7-го американского флота, с которых производилась бомбежка Северного Вьетнама). Китай, хотя и не принявший в 1965 г. советского предложения оказывать совместную военную и экономическую помощь Ханою, не удержался от того, чтобы заклеймить «советскую трусость» перед лицом американской агрессии. В 1965 г. он потребовал от своих союзников разоблачать позицию Советского Союза. Однако начавшаяся в 1966 г. в Китае «культурная революция» почти полностью исключила его из международной жизни к глубокому облегчению Советского Союза. К этому времени Китай перестал относить такие страны, как Куба, Северная Корея и Северный Вьетнам, к «социалистическим». Военный переворот в Индонезии осенью 1965 г. обезглавил мощную компартию этой страны, самую многочисленную за пределами социалистического лагеря, и лишил Китай главного союзника как в его азиатской политике, так и в коммунистическом движении (в полемике Китая с Советским Союзом индонезийские коммунисты стояли на стороне Китая).

В Восточной Европе советскому руководству удалось стабилизировать ситуацию и ликвидировать последствия событий 1956 г. Беспрецедентным примером гибкого наведения порядка стала «кадаризация» в Венгрии: политическая жизнь, конечно, продолжала оставаться под абсолютным контролем партии, однако в сфере культуры была допущена некоторая свобода, а главное, разумная экономическая полити-

ка обеспечивала в Венгрии исключительные для коммунистической Восточной Европы условия жизни. Положение в Венгрии сильно контрастировало с ситуацией в Чехословакии, в предвоенный период самой развитой стране Центральной Европы, Суровый политический режим, экономические срывы, особенно тяжело переносимые из-за того, что страна знала лучшие времена, рождали дух сопротивления, который уже не ограничивался интеллигентскими кружками, проникая в саму партию. В июне 1967 г. по инициативе писателей-коммунистов открыто выступил против руководства партии Съезд писателей. К осени, после массовых студенческих демонстраций и забастовок, оппозиция властям еще больше усилилась. В январе 1968 г. Новотный был вынужден уступить руководство партией Дубчеку. С этого момента события стали приобретать все более стремительный характер. Чтобы завоевать доверие, новое партийное руководство решило незамедлительно провести ряд реформ. В атмосфере свободы и упразднения всякой цензуры развивалась политическая деятельность; КПЧ согласилась на альтернативные выборы своих руководителей; мелкие партии внутри Народного фронта смогли вернуть былую самостоятельность и начали отстаивать особые точки зрения; встал даже вопрос о возможности существования действительно оппозиционной партии социалистического толка, которая соперничала бы с коммунистической. В экономическом плане была подготовлена реформа, предусматривавшая в рамках планирования, не столько директивного, сколько инициативного, самостоятельность предприятий и рыночные условия их хозяйствования. Самостоятельность предприятий позволяла трудящимся предпринять и ряд шагов для перехода к самоуправлению.

Изменения, произошедшие в руководстве Компартии Чехословакии и поначалу благожелательно встреченные в Москве, казалось, вели в условиях очень быстрой и, по всей видимости, неконтролируемой эволюции партии к настоящему политическому кризису советской системы в Чехословакии. Этот кризис характеризовался переходом, с одной стороны, от экономических реформ к политическим и, с другой, от оппозиционного движения интеллигенции и рабочих к кризису внутри самой партии. Пример мог стать заразительным, и руководители ГДР и Польши уже проявляли определенную настойчивость на конференциях компартий Восточной Европы в Дрездене (март 1968 г.), затем в Варшаве (июль 1968 г., в отсутствие Чехословакии, которая, подвергшись резким нападкам в Дрездене, отказалась принять участие в этой конференции).

Встреча Брежнева и Дубчека в Черне и совещание «шести» 3 августа в Братиславе привели только к внешнему примирению, так как чехословацкие коммунисты решили не отказываться от начатых ими реформ. Наконец, после довольно длительных колебаний и под давлением руководства ГДР, советская сторона решилась начать интервенцию — «по просьбе чехословацких товарищей». В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. войска пяти стран — участниц Варшавского Договора вступили в Чехословакию. Отношение к этой акции населения страны убедило советское руководство в необходимости «переходного периода»: 26 августа в Москве было принято соглашение о «нормализации положения», а 16 октября в Праге заключено соглашение о «временном нахождении войск Варшавского Договора» в Чехословакии. Однако продолжающиеся демонстрации протеста против оккупации привели советское руководство к решению отстранить Дубчека и его окружение от руководства страной и поставить во главе КПЧ Г.Гусака (1 7 апреля 1969 г.). Проведя в стране широкую чистку «враждебных» элементов, Гусак подписал 6 мая 1970 г. новый договор о союзе с СССР и вынудил ЦК КПЧ одобрить советскую интервенцию.

Как представляется, эта акция СССР преследовала две цели: первая была продиктована стратегическими соображениями внешней политики; вторая, возможно, более существенная, внутренним положением в Чехословакии и эволюцией ее коммунистической партии.

Вместе с Польшей и ГДР Чехословакия образовывала то, что называлось «железным треугольником» Варшавского Договора. Чехословакия, прикрывавшая страны Договора с южного фланга, являлась главным плацдармом СССР. Советских лидеров и их союзников не могли не встревожить некоторые заявления высших руководителей Чехословакии (генерала Пршлика, например), требовавших пересмотра положений Варшавского Договора, чтобы уменьшить руководящую роль Советского Союза в пользу восточноевропейских стран. С другой стороны, в атмосфере «праж-

ской весны» сильно ослабла обычная настороженность чехословацкого руководства по отношению к ФРГ, новое руководство было намерено нормализовать свои отношения с этой страной, которая со своей стороны, казалось, была готова предоставить Чехословакии солидный кредит. Это совсем не устраивало ГДР, наиболее враждебно настроенное к «пражской весне» восточноевропейское государство. Наконец, установление особых отношений между Югославией, Румынией и Чехословакией (незадолго до советской интервенции, 9 августа Тито, а 20 — Чаушеску был оказан триумфальный прием в Праге) не могло не беспокоить Москву, опасавшуюся восстановления новой «малой Антанты», объединявшей эти три страны в период между войнами. Коммунистическую «малую Антанту» могло объединять только желание ослабить гегемонию Советского Союза в Восточной Европе.

Эволюция чехословацкой компартии беспокоила советских руководителей не меньше, а может быть, и больше, чем геополитические проблемы. Упразднение цензуры, как и процесс демократизации партии заставляли их опасаться «социал-демократизации» КПЧ. На начало сентября 1968 г. был уже назначен партийный съезд, на котором должны были быть внесены изменения в устав и в формулировку принципов демократического централизма. Именно чтобы помешать КПЧ сделать решительный шаг в этом направлении, 21 августа и была предпринята военная интервенция. (Еще в середине июля, по окончании варшавской встречи пяти компартий, ее участники обратились в ЦК КПЧ с угрожающим письмом, в котором утверждали: «Либо вы потеряли контроль над ситуацией, либо вы не хотите ничего делать, чтобы ее контролировать».)

Действительно, в отличие от событий 1956 г. и 1968 г. военная интервенция была вызвана скорее предчувствием опасности, чем конкретными обстоятельствами. Глубоко консервативная советская верхушка не могла позволить складывавшейся ситуации выйти из-под ее контроля.

«Нормализация» положения в Чехословакии ускорила начавшийся в конце 50-х гг. процесс интеграции, как военной, так и экономической, Восточной Европы и СССР. Помимо Варшавского Договора и СЭВ Советский Союз выступил инициатором создания около 30 межгосударственных учреждений, предназначенных координировать работу промышленности и транспорта, распределение энергии, химическое производство и производство вооружений. Для этих учреждений была характерна тенденция к быстрому расширению сферы их деятельности и усиление в итоге контроля Советского Союза над экономической жизнью «братских государств». Так на деле реализовывался принцип «ограниченного суверенитета», или так называемая «доктрина Брежнева», Этот процесс, однако, вызвал сопротивление, и наиболее упорное было оказано Румынией, помешавшей в 1974 г. Советскому Союзу установить еще более тесную координацию военного командования стран Варшавского Договора.

Пробить наиболее серьезную брешь в, казалось бы, замкнутой системе восточноевропейских режимов было суждено Польше. Резкое повышение цен в 1970 г. вызвало массовые волнения рабочих ее балтийских портов. Гомулка вынужден был уступить руководство партией и страной Гереку. В течение последующих десяти лет польские власти проводили экономическую политику, основанную на широком импорте, что позволило обойтись без немедленного проведения структурных реформ, но еще больше увеличило и так уже исключительно большую внешнюю задолженность страны. Результатом стала необходимость повышения цен на продукты питания, что в свою очередь вызвало новую волну забастовок, на сей раз еще более многочисленных, мощных и последовательных, которые достигли своего апогея летом 1980 г. в Гданьске. Правительство оказалось перед необходимостью признания независимого профсоюза «Солидарность», сеть организаций которого в течение нескольких недель покрыла всю страну. Политическое движение в Польше не было обязано партии, и в этом было его главное отличие от Будапешта или Праги. После пражских репрессий и невыполнения второго обещания Терека в 1970 г. смягчить режим у поляков уже не было иллюзий в отношении реформ сверху, и польское движение развивалось совершенно самостоятельно, вырабатывая собственные организационные формы. Не претендуя на установление каких-либо форм самоуправления предприятий, «Солидарность» тем не менее выполняла роль противовеса официальной власти и, опираясь на основные требования польского общества, ставила под сомнение мно-

гие аспекты деятельности единого партийно-государственного организма. Учитывая эти совершенно новые обстоятельства, советское руководство лишь с большим трудом могло непосредственно вмешаться в польские дела без риска пролития крови. Поэтому «нормализация» положения в стране была доверена поляку, генералу Ярузельскому, и в этом заключалось главное отличие от событий 1968 г. Тем не менее и в отсутствие прямого вмешательства Советского Союза последовавшая (сразу за введением в стране 13 декабря 1981 г. Ярузельским военного положения) «нормализация» была занесена международной общественностью в черный список дел, совершенных Советским Союзом. Результатом этого была непрерывная деградация образа Советского Союза, действия которого все больше ассоциировались с попранием прав человека как внутри страны, так и в соседних странах. По неожиданному стечению обстоятельств борьба горстки советских диссидентов из интеллигенции, о которой ничего не знало огромное большинство населения СССР, совпала с борьбой рабочих Гданьска.

2. Разрядка напряженности и ее пределы

Начало 70-х гг. было отмечено радикальным поворотом в сторону реальной «разрядки» напряженности между Востоком и Западом. До этого времени военное вмешательство Соединенных Штатов во Вьетнаме и приоритет, отдаваемый Советским Союзом социалистическому лагерю с целью его сплочения, мешали заключить какой-либо важный и прямой договор между двумя великими державами (не считая подписанного 1 июля 1968 г. соглашения о нераспространении ядерного оружия). Поэтому Советский Союз довольствовался тем, что пытался проводить политику «периферийного» сотрудничества с союзниками Соединенных Штатов, сначала с Францией, а затем с ФРГ. Три месяца спустя после выхода Франции из военной организации НАТО, в марте 1966 г., генералу де Голлю была устроена триумфальная встреча в Москве. Этот визит положил начало установлению особых отношений между Францией и СССР, подтвержденных созданием совместной комиссии, призванной активизировать отношения между двумя странами. Советская сторона ожидала, что сближение с Францией будет способствовать решению германского вопроса, который оставался для СССР одним из главных. Действительно, еще в 1 965 г. де Голль высказал мысль, что воссоединение Германии должно было произойти только в результате длительного процесса, который привел бы к разрядке напряженности и диалогу между государствами с различными социально-экономическими системами, но принадлежащими к одному, по сути, европейскому сообществу, от Атлантики до Урала. Де Голль отказывался, таким образом, от поддержки официальной западногерманской политики, согласно которой объединение Германии было первым условием нормализации отношений между Востоком и Западом. Советским руководителям хотелось бы, конечно, чтобы де Голль довел свою политику до конца и формально признал бы ГДР, но он отказался сделать этот шаг, чтобы избежать открытого столкновения с ФРГ. Проблема разрешилась благодаря общественному мнению самой Федеративной республики. Ставший в октябре 1969 г. федеральным канцлером, Вилли Брандт решил наладить новые отношения с Востоком, начав свою «остполитику». Переговоры с Советским Союзом в Москве 12 августа 1970 г. привели к заключению договора, в котором стороны отказывались от применения силы в отношениях между собой. Важным пунктом этого договора было признание границы по Одеру — Нейсе. Это решительное продвижение вперед было подкреплено другими соглашениями: договором между ФРГ и Полыней, благодаря которому были признаны послевоенные польские границы (3 декабря 1970 г.); четырехсторонним соглашением великих держав по Западному Берлину, которое подтверждало сложившееся положение и гарантировало свободу доступа в Западный Берлин; двусторонним соглашением о взаимном признании между ФРГ и ГДР (21 декабря 1972 г.).

Нормализация отношений с Западной Германией была для СССР важным политическим и дипломатическим успехом. Соглашения были подписаны на условиях, которых беспрестанно в течение долгих лет добивался и требовал Советский Союз, а именно: признание послевоенных границ и политического порядка, установленного им в Восточной Европе, — принятию которых оказывала сопротивление ФРГ. Со стороны же СССР нормализация не потребовала серьезных уступок. Одним из первых последствий потепления советско-германских отношений было ощутимое ожив-

ление экономического обмена между этими странами. Для советских руководителей, которые рассчитывали на массовый импорт западной технологии, чтобы повысить производительность труда в советской промышленности, не прибегая к структурным реформам, быстрое налаживание

обмена с самой экономически динамичной европейской страной имело огромное значение. Соглашения, заключенные в начале 70-х гг. и сыгравшие роль мирного договора, сделали наконец возможным и созыв конференции по безопасности в Европе, которого так добивался Советский Союз.

1972 г. был годом важного поворота в советско-американских отношениях. Начиная с визита Никсона в Москву в мае 1972 г. и вплоть до 1975 г. мир жил в атмосфере «разрядки» напряженности и «согласия» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Катализатором здесь явилось неожиданное заявление, сделанное одновременно в Пекине и в Вашингтоне в июле 1971 г., о намеченном на начало следующего года визите Никсона в Китай. Это стало возможным вследствие радикальных перемен во внешней политике Китая, руководство которого отказалось от установок периода «культурной революции», почти полностью изолировавшей Китай на международной арене. В конце 60-х гг. произошли жестокие столкновения на советско-китайской границе, наиболее серьезные — в марте 1969 г., когда погибло более 1 тыс. человек. Советские руководители даже пустили слух о своем намерении нанести превентивный удар по китайским ядерным установкам. Таким образом, для Китая Советский Союз перестал быть только политическим противником, превратившись в реальную угрозу, большую даже в сравнении с Соединенными Штатами, В этих условиях в 1970 — 1971 гг. Чжоу Эньлай развернул активную деятельность по установлению дипломатических контактов с Западом, которая увенчалась сенсационным приглашением президенту США посетить Китай в июле 1971 г. Взятый КНР курс на сближение с Соединенными Штатами вызывал у Советского Союза самые серьезные опасения, что два его главных противника объединятся против него, Чтобы предотвратить такое развитие событий, советские руководители поспешили пригласить Никсона в Москву, почти сразу же после того, как было объявлено о его предстоящем визите в Китай.

За встречей в верхах между Никсоном и Брежневым в мае 1972 г. последовало заключение ряда советско-американских соглашений, В период между встречами в Москве и Вашингтоне, который Брежнев посетил в июне 1973 г., было подписано 23 соглашения о сотрудничестве двух стран в различных сферах, начиная с защиты окружающей среды вплоть до использования ядерной энергии в мирных целях, не говоря уже о совместной космической программе. Собственно же политика «разрядки» состояла из двух компонентов: экономических соглашений и соглашений об ограничении ядерных вооружений.

В 1971 — 1976 гг. общий объем советско-американской торговли увеличился в восемь раз при росте товарооборота в целом между Востоком и Западом в пять раз. Не имея возможности немедленно компенсировать импорт равным объемом экспортных поставок, СССР прибег к долгосрочным кредитам и крупномасштабным соглашениям о сотрудничестве с западными фирмами. Советские руководители отдавали предпочтение ввозу последних образцов техники, поручая иностранным фирмам строительство целых заводов. Для американской администрации развитие такого обмена должно было иметь политически выгодные следствия: реальное включение Советского Союза в мировую экономику содействовало бы упрочению существующего мирового порядка; «экономическая разрядка» могла иметь своим следствием и политическую либерализацию в СССР. Тем не менее Советскому Союзу не удалось получить статуса наиболее благоприятствуемой нации. По инициативе сенатора Джексона американский конгресс связал предоставление этого статуса с обязательством советского правительства снять ограничения на эмиграцию советских граждан еврейской национальности. Советское руководство сочло требование неприемлемым. Однако этот инцидент имел лишь символическое значение для экономики, поскольку таможенные препятствия не играли важной роли для страны, где цены на экспортную продукцию назначались независимо от ее себестоимости. В то же время ввоз современной техники в Советский Союз сильно тормозили списки КОКОМ, запрещающие поставку стратегического оружия в страны социалистического лагеря. Советско-американский торговый обмен развивался главным образом за счет массовых закупок

Советским Союзом зерна. Несмотря на многочисленные плюсы от развития обмена между Востоком и Западом (позволявшим «обходным путем» и с наименьшими затратами поднять запущенную экономику), в СССР зазвучали голоса против политики «разрядки». Оппозиционное «новому курсу» течение, возглавляемое, по-видимому, Шелепиным, заявило о себе уже в 1974 г. И все же ориентация на советско-американское сближение, защищаемая Брежневым (и сочетавшаяся с консервативной внутриполитической линией, как мы уже это видели), одержала верх.

Из всех заключенных между СССР и США в период «разрядки» соглашений наиболее новаторским было соглашение об ограничении стратегических вооружений. Достигнутый СССР в 1969 г. паритет по числу межконтинентальных ракет побудил к переговорам по их ограничению. Временный договор, заключенный 26 мая 1972 г. в Москве на пять лет и названный ОСВ-I (Ограничение стратегических вооружений), ограничивал для обеих сторон число межконтинентальных ракет (МБР) и ракет, запускаемых с подводных лодок (БРПЛ). Разрешенные уровни были для Советского Союза выше, чем для Соединенных Штатов, в той мере, в какой Советский Союз еще отставал от американских систем, позволявших одной ракете нести боеголовку с разделяющимися частями с ядерными зарядами, направляемыми на разные цели. Таким образом, достигнутый СССР паритет был достаточно относительным. Поскольку же договор ОСВ-I касался только числа ракет с разделяющимися боевыми частями, а не числа ядерных зарядов, СССР имел право усовершенствовать свою военную технику и догнать США. ОСВ-I не останавливал, следовательно, гонки вооружений; это был только первый успех, который, однако, явно предвещал дальнейшее движение.

В политическом плане это соглашение означало для Советского Союза признание Соединенными Штатами его статуса великой державы и клало, таким образом, конец длительному периоду неравенства в советско-американских отношениях. Обе державы признавали свою взаимную уязвимость и необходимость в поддержании определенного баланса в вооруженных силах. В ноябре 1974 г., во время встречи во Владивостоке между новым американским президентом Дж.Фордом и Л.Брежневым, была достигнута принципиальная договоренность, которая должна была привести к соглашению ОСВ-II. Этот новый договор предполагал на период 1977 — 1985 гг. охватить большее число видов вооружений (стратегические бомбардировщики, разделяющиеся боеголовки). Это был бы значительный шаг вперед, однако договор не был заключен как предполагалось, в 1977 г., главным образом в результате очередного «рывка» американской технологии, создавшей новый тип вооружений, который произвел настоящую революцию в этой области, — крылатые ракеты.

Получив этот козырь, американцы отказались учитывать новое оружие при согласовании уровней вооружений и так очень высоких (2400 носителей, из которых 1300 — с разделяющимися головными частями). Чтобы оправдать свое решение, они сослались на отказ СССР -включить в соглашение свой новый бомбардировщик, именуемый на Западе «Бэкфайр». Ухудшение советско-американских отношений, начавшееся с 1975 г. по причинам, лежащим вне этих отношений как таковых, высветило ограниченность ОСВ-II: с одной стороны, представления о стоимости, о «военном бюджете», о «доле расходов, направляемых на вооружение» не совпадали на Западе и в Советском Союзе, где военно-промышленный комплекс был засекречен и пользовался значительной финансовой и экономической самостоятельностью; с другой стороны, все более быстрое развитие вооружений делало расчет на военное равновесие между двумя великими державами весьма проблематичным, и всякое преимущество одного лагеря создавало угрозу другому.

Никакое соглашение не может быть достигнуто, если нет минимума доверия с обеих сторон. В конечном счете ОСВ-II был подписан в 1979 г. Брежневым и президентом Картером, но так и не был ратифицирован американским конгрессом: во-первых, из-за вторжения Советского Союза в Афганистан, во-вторых, из-за сопротивления администрации Рейгана, которая считала соглашение невыгодным. Несмотря на это, договор ОСВ-II все же ставил гонке вооружений некоторые рамки, соблюдавшиеся обеими сторонами, и в этом была его заслуга.

«Разрядка» напряженности, оказавшаяся наиболее глубокой в 1972 — 1975 гг., была закреплена важным международным соглашением: 1 апреля 1975 г. руководители европейских стран, к которым присоединились Соединенные Штаты и Канада,

подписали в Хельсинки Заключительный акт Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это было большим успехом советской дипломатии. Советский Союз наконец достиг цели, которую уже давно преследовал: торжественное признание территориального и политического порядка, установленного им в Восточной Европе. В обмен на это признание западные участники настояли на включении в Акт, несмотря на сопротивление советской стороны, статей о защите прав человека, свободе информации и передвижения.

Хотя конкретные формы реализации этих свобод не были установлены, подписавшиеся стороны подтвердили право человека знать свои права и обязанности в этой сфере и действовать в соответствии с ними. Именно на основе этого принципа в СССР организовались группы диссидентов (которых, несмотря на это, преследовали не меньше, чем раньше).

Одновременно с Конференцией в Хельсинки, но вне прямой связи с ней, начиная с 197 3 г. возобновились переговоры между представителями стран Варшавского Договора и НАТО о сокращении вооруженных сил в Европе. В скором времени эти переговоры зашли в тупик из-за жесткой позиции представителей Варшавского Договора, имевшего превосходство в обычных вооружениях в Европе. Дисбаланс еще больше увеличился в середине 70-х гг. в связи с установкой в Восточной Европе новых советских ракет средней дальности СС-20 (не подпадавших под соглашения по ОСВ). В декабре 197 9 г. НАТО решил закрыть это «окно уязвимости» (Г.Киссинджер), приняв «двойное решение»: продолжать переговоры но ОСВ, но в случае их провала установить в Западной Европе до конца 1983 г. в качестве ответной меры крылатые ракеты «Круиз» и ракеты «Першинг» (572 единицы), способные достигать территории Советского Союза.

Такое развитие отношений означало потерю взаимного доверия — если оно и имело когда-либо место — между Западом и Советским государством.

3. Советское присутствие в мире и конец «разрядки»

По сути, в основе «разрядки» лежало глубокое недоразумение. Западу она представлялась «глобальной», он признавал существующее в Восточной Европе положение (в лучшем случае требуя уважения прав человека — без особых на то иллюзий), рассчитывая, что в ответ на это СССР воздержится от участия в конфликтах в остальном мире. Для советской же стороны «разрядка» ограничивалась обязательством не вмешиваться в дела Запада (например, посредством компартий, к тому же после возникновения «еврокоммунизма» все менее склонных следовать указаниям Москвы). Эти обязательства ни в коей мере не означали, однако, что советская внешняя политика, в которой переплетались военная стратегия, соображения идеологического характера и внутренние проблемы, будет направлена на замедление «хода истории» и отказ от «классовых отношений» со странами, ведущими «борьбу против империализма». Во второй половине 70-х гг., следуя генеральной линии, избранной в послесталинский период, Советский Союз продолжал глобализацию своей внешней политики, беря на себя все новые обязательства, в особенности на Ближнем Востоке и в Африке.

Так, СССР вдохновлял кубинскую интервенцию в Анголе, помогал Народному фронту освобождения Мозамбика, потом непосредственно вмешался в конфликт в районе Африканского Рога, сначала на стороне Сомали, затем, вернувшись к союзу с Эфиопией, — на стороне генерала Менгусту и поддержал его в войне в Огадене. Завоеванные Советским Союзом позиции в Африке открыли новые возможности экспансии его военно-морской мощи, которая в 70-е гг. значительно возросла.

Не ограничиваясь защитой своих морских границ, флот СССР, руководствуясь предложенной адмиралом Горшковым новой стратегией, демонстрировал свое присутствие и оказывал политическое давление в акватории Мирового океана.

В этих условиях факт существования не только стран-союзниц Советского Союза, но и тех стран, во главе которых стояли марксистско-ленинские партии, «сознательно осуществляющие экспансию социализма» в зонах, стратегическое значение которых приоткрывало множество потенциальных возможностей в региональной политике, становился очень важным. Разве Советский Союз не мог оказывать давле-

ние с побережий Анголы на морские пути вокруг Южно-Африканского мыса? И более того, разве присутствие Советского Союза в Эфиопии и в Южном Йемене, то есть на обоих берегах Красного моря, не давало ему возможность дать почувствовать возрастающий вес его военно-морских сил в этом жизненно важном для Запада регионе? Определяемые этим благоприятные перспективы относились главным образом к политическим и дипломатическим преимуществам Советского Союза и обусловливались его способностью демонстрировать силу своим реальным и потенциальным союзникам. В этом смысле Ангола и Эфиопия были важными вехами в процессе, который во второй половине 70-х гг. привел к краху советско-американскую «разрядку».

Смертельный удар «разрядке» был нанесен советской интервенцией в Афганистане в декабре 1979 г. Когда советские руководители принимали решение ввести войска в Афганистан, они, конечно, не могли представить себе, какие серьезные последствия повлечет за собой эта их «инициатива» и как она отразится на отношениях между Востоком и Западом. Уже в течение нескольких лет Афганистан находился в зависимости от Советского Союза. Государственный переворот в апреле 1978 г., в результате которого к власти пришли афганские коммунисты во главе с Тараки, еще больше укрепил это положение и придал ему необратимый характер. Поскольку Запад не прореагировал на события 1978 г., советская сторона, стараясь удержать завоеванные позиции и не желая допустить падения дружественного ей режима, решила, что может действовать безнаказанно. Разве не похожа военная интервенция декабря 1979 г. на операцию внутренних войск, да еще в зоне влияния, которую никто не оспаривал? На самом деле, в течение предшествующих полутора лет международная политическая конъюнктура в этом регионе резко изменилась.

Если государственный переворот апреля 1978 г., упрочивший советское влияние в Афганистане, не вызвал никакой реакции со стороны американцев, то только потому, что в Тегеране власть была еще у иранского шаха. Вторжение же в Афганистан произошло менее чем через год после катастрофического поражения Соединенных Штатов, которое они потерпели, потеряв такого важного союзника, как Иран, в регионе, имевшем особо важное стратегическое значение. В обстановке сокрушительного провала в регионе, нефтяного психоза и, сверх того, захвата американских заложников в Тегеране в ноябре 1979 г. интервенция Советского Союза воспринималась потрясенной Америкой как агрессия, косвенно направленная и против нее. Совершенная сразу после конфликта в Анголе и Эфиопии, после поддержанного Советским Союзом вторжения Вьетнама в Камбоджу, интервенция в Афганистане, казалось, была апогеем беспрецедентного размаха советской экспансии. Благодаря реакции, вызванной этой интервенцией в США, победу на выборах осенью 1980 г. одержал Р.Рейган, а его внешняя политика стала главным препятствием для советской дипломатии 80-х гг.

Захват Советским Союзом Афганистана со всей очевидностью подтвердил постепенно утверждавшееся на Западе со второй половины 70-х гг. мнение о том, что «разрядка» была «улицей с односторонним движением», сильно напоминая жульничество на рынке. Экономическое сотрудничество между Востоком и Западом не только не способствовало конвергенции двух систем, о которой мечтал А.Сахаров, оно нисколько не снизило военной угрозы со стороны Советского Союза, а возможно, даже косвенным образом способствовало ее возрастанию более или менее легальными поставками новейшей техники. Афганское «дело» положило, таким образом, начало новому периоду глубокого недоверия, даже противостояния двух сверхдержав, которое выражалось в постоянных обвинениях, в преднамеренно очернявшей противника символике («СССР — это империя зла», как выражался Р.Рейган), в демонстративных акциях (отказ американской, а затем и советской стороны от участия в Олимпийских играх соответственно в Москве и Лос-Анджелесе).

В течение трех лет (1981 — 1983 гг.) основные усилия советской дипломатии были направлены на то, чтобы помешать развертыванию американских евроракет, которые советские руководители воспринимали как попытку США обойти установленные ОСВ-И уровни и нарушить фиксируемое ими стратегическое равновесие.

Советский Союз постарался привлечь на свою сторону пацифистское движение, особенно сильно развернувшееся в те годы в ФРГ, Великобритании и Нидерландах, и направить его против размещения евроракет. Эта попытка Советского Союза потер-

пела крах, отчасти из-за недовольства пацифистов ходом «нормализации» положения в Польше, осуществлявшейся при советской поддержке, а также из-за репрессий КГБ против диссидентов — проблема, которая никого не оставляла равнодушным.

Итак, в начале 80-х гг. проводимая «олигархией стариков» внешняя политика СССР приносила по преимуществу, неутешительные результаты, перечеркивавшие плоды «разрядки». Период, несомненно благоприятный для Советского Союза как в дипломатическом, так и в экономическом отношении, закончился, и теперь Советский Союз задыхался в гонке за ядерным и технологическим паритетом.

В Восточной Европе «Солидарность», несмотря на переворот 13 декабря 1981 г., пробила брешь в советском блоке значительно большую, чем «пражская весна». В третьем мире достигнутые Советским Союзом успехи были весьма относительными. В Латинской Америке сандинистский режим испытывал нарастающие трудности; экономическая помощь Ф.Кастро обходилась все дороже. Вьетнам, союзник СССР в Юго-Восточной Азии, увяз в бесперспективной войне с камбоджийской оппозицией, поддерживаемой Китаем. В Африке экономическая катастрофа в Эфиопии, гражданская война в бывших португальских колониях уже не оставляли никаких надежд на успех советской политики.

Наконец, война в Афганистане, ставшая бездной, непрерывно поглощавшей и людей, и материальные ресурсы. Двухсоттысячный экспедиционный корпус вел грязную войну, крайне непопулярную в Советском Союзе из-за тысяч погибших и еще большего числа раненых и искалеченных молодых людей, отверженных и озлобленных.

Результаты внешней политики Советского Союза в странах Западной Европы были немногим лучше: несмотря на введение американцами на следующий день после переворота в Польше эмбарго на поставки в СССР энергетического оборудования, экономический обмен с западноевропейскими странами продолжался. Начиная со второй половины 70-х гг. расширение обмена, благодаря прежде всего крупным и долгосрочным контрактам в области энергетики (таким, как соглашение о поставке сибирского газа по новому газопроводу, соединившему Сибирь с Западной Европой), способствовало, как бы то ни было, формированию взаимозависимости в экономике, от которой нелегко было избавиться.

V. «МЕЖДУЦАРСТВИЕ»

12 ноября 1982 г., два дня спустя после смерти Брежнева, ЦК КПСС единодушно назначил его преемником Ю.Андропова. Несмотря на то что возвращение Андропова в Секретариат ЦК (он уже был секретарем ЦК в 1962 — 1967 гг.), где он заменил умершего в феврале 1982 г. Суслова, сделало его на шесть последних месяцев «брежневской эры» «главным идеологом» (Ж.Медведев) и тем самым позволило стать конкурентом назначенного Брежневым «наследником престола» К.Черненко (влиятельного члена «днепропетровской группировки»), большинство иностранных обозревателей задавались вопросом об истинных причинах, которые заставили советское руководство отдать предпочтение человеку, карьера которого, будь то в дипломатии (Андропов был послом в Венгрии во время событий 1956 г.) или во главе отдела ЦК, курировавшего отношения с соцстранами, и, наконец, в течение пятнадцати лет в руководстве КГБ (1967 — 1982 гг.), не соответствовала традиционным критериям выбора на пост главы партии и государства.

Правда, его конкуренты были либо старше его, либо больные или просто слишком «серые». По общему мнению, Ю.Андропов был компетентен, и его интеллектуальные качества, знание положения внутри страны, которое он приобрел за годы работы в КГБ, его осведомленность в вопросах экономики, а также репутация сторонника наведения порядка — все это обеспечило ему поддержку тех, кто ратовал за переход к более эффективной экономике и за некоторые необходимые перемены.

Назначение Андропова было необычно также своей быстротой («Уолл-стрит джорнэл» писала 12 ноября 1982 г.: «Представители администрации Рейгана полагают, что борьба за наследование престола Л.Брежнева продлится месяцы, а может быть, и год...») и вызвало если не надежду на новую «разрядку», то, во всяком случае, множество вопросов. Можно ли считать это назначение признаком радикальных

перемен? Будет ли Советский Союз проводить новые экономические реформы? Не поставит ли КГБ под сомнение законность руководства партии с ее одряхлевшим, коррумпированным и недееспособным аппаратом?

М.Татю писал по этому поводу в начале 1983 г., что не КПСС теперь поручает своим людям установить контроль над деятельностью политической полиции, а, скорее, последняя начинает заниматься партийными и государственными делами... Не удалось ли Ю.Андропову то, в чем Берия, а за ним и Шелепин (еще один честолюбивый руководитель, который рассчитывал через руководство КГБ стать во главе партии) потерпели провал? Таким вопросом вполне законно могли задаваться многие аппаратчики. Теперь очевидно, что подобные рассуждения об «изменениях» в связи с приходом к власти Андропова оказались пустыми. Если можно говорить о переменах, то начало им было положено не 12 ноября 1982 г., а спустя двадцать девять месяцев, 11 марта 1985 г., в момент избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.Горбачева, что стало концом, так сказать, «междуцарствия». Весь этот период был отмечен саботажем всех попыток реформ, объявленных Андроповым, а потом, после его внезапной смерти в феврале 1984 г., абсолютным застоем, олицетворенным К.Черненко, проведенным наконец после неудачной попытки в ноябре 1982 г. на пост, который он занимал всего лишь год, будучи совершенно больным.

1. Внутренние аспекты

Во время «междуцарствия» ни одна серьезная проблема ни внутренней политики (экономический кризис, социальная апатия), ни внешней (кризис в отношениях между Востоком и Западом), унаследованная от 18 лет консервативной политики «олигархии стариков», не была решена хотя бы частично. Тем не менее в первые месяцы после прихода Андропова к власти создалось впечатление, что он собирается осуществить ряд перемен, морально очистить партию, приступить к экономическим реформам. В своей первой речи он установил срок в два года, чтобы провести ряд изменений, которые позволили бы приступить к выполнению следующей пятилетки в лучших условиях. У него не хватило на это времени, поскольку он был у власти всего пятнадцать месяцев, однако, учитывая его первые шаги, можно усомниться в результатах, к которым привели бы его реформы в будущем.

Во внутренней политике краткое пребывание Андропова у власти было отмечено прежде всего попыткой покончить с наиболее вопиющими проявлениями коррупции, распространившейся в своего рода «семейных кругах» партии из-за стабильности положения и абсолютной безнаказанности при Брежневе огромного числа местных партийных руководителей. Являясь руководителем КГБ, Андропов имел всю информацию о многочисленных делах (почти никогда не предававшихся огласке), связанных с семейственностью и коррупцией, которые творились в феодальных уделах «советских князьков», особенно во второй половине 70-х гг., когда теневая экономика разрослась до того, что проникла во все сферы экономической деятельности. В связи с распространением этого явления в сентябре 1980 г. ЦК партии принял ряд мер, направленных на борьбу с коррупцией. Указания по этому вопросу были разосланы в местные партийные организации в виде секретного письма. Правящая верхушка отдавала себе отчет в том, что проблема носила столь общий характер, что лучше было подойти к ней как можно осторожнее, «разбирая» только самые вопиющие злоупотребления и закрывая глаза на другие, В 1981 — 1982 гг. прогремело несколько «скандальных дел», раскрытых КГБ под руководством Андропова (которые Запад трактовал как настоящее «объявление войны КГБ брежневской мафии», по выражению «Обсервер» от 7 марта 1982 г,): «скандал с сервизом Екатерины II» — дело члена Политбюро Г.Романова, который «взял напрокат» в Эрмитаже бесценный сервиз, чтобы отпраздновать свадьбу своей дочери; «большое икорное дело», в которое был вовлечен министр рыбного хозяйства А.Ишков, старый друг А.Косыгина; «скандал в ОВИРе» в Москве; и, наконец, «бриллиантовая история», в которой непосредственно были замешаны дочь Брежнева Галина и его зять Ю.Чурбанов, первый заместитель министра внутренних дел.

На похоронах отца дочь Брежнева была в плотном кольце работников КГБ, На Галину уже имелся ордер на задержание, после ареста 9 ноября ее близкого друга, директора самого знаменитого продуктового магазина в Москве (Елисеевского га-

стронома). Сразу после смерти Брежнева газеты начали много писать о коррупции высших чиновников.

Андропов заявил, что следует «более жестко бороться против нарушений партийной дисциплины». Журнал «Коммунист» осудил «карьеристов, пытающихся проникнуть в ряды партии, рвачей, бездельников, нарушителей порядка». Э.Шеварднадзе, первый секретарь Компартии Грузии и член Политбюро, выступил в «Правде» с обвинительной статьей против семейственности и коррупции и объявил об отстранении от должности более 300 ответственных лиц в Грузии. Наконец, 11 декабря «Правда» неожиданно опубликовала отчет о последнем заседании Политбюро, посвященном обсуждению множества писем рабочих и крестьян, недовольных ухудшением условий труда, фальсификацией статистических данных, нарушениями в распределении жилья, расхищением денежных средств и другими нарушениями законности и справедливости. Этим сообщением, за которым последовали предложения усилить санкции в отношении коррупции, семейственности, расхищения и взяточничества, правительство демонстрировало свое намерение энергично бороться со всеми видами преступной деятельности на всех уровнях, чтобы оздоровить моральный климат в обществе. Эти меры не были чем-то невиданным в советской истории: популистские кампании против коррупции «высокопоставленных князьков», которые считали, что советские законы не для них, а для простых людей, неоднократно предпринимал Сталин. При Андропове эти акции явились результатом, как отмечает Ж.Медведев, мощного давления снизу. Коррупция охватила все уровни, и многие полагали, что ухудшение положения с продовольствием и промтоварами вызвано их перераспределением в интересах номенклатуры, обильно снабжавшейся высококачественными продуктами через магазины для избранных, и что благодаря широкой сети таких магазинов-распределителей и системе индивидуальных пайков простой человек может рассчитывать только на хлеб.

Кампания против коррупции скоро затихла. Ее основным результатом стало обновление руководящей элиты. Этот процесс носил, однако, ограниченный характер, и с почетом уходившие на пенсию министры уступали место своим первым заместителям. Следственные органы прекратили расследование крупных скандалов, в которые были замешаны высокие партийные руководители, связанные с настоящей «советской мафией», и занялись борьбой с более скромными формами теневой экономики: левыми приработками, мелкой спекуляцией, чтобы в конечном счете перейти к борьбе за укрепление дисциплины. «Следует решительнее повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины», — заявил Андропов в своем выступлении на пленуме ЦК КПСС 22 декабря 1982 г., будучи вполне убежден в том, что «хотя нельзя все сводить к дисциплине, начинать надо... именно с нее». Улучшить управление, повысить эффективность экономики, подняв производительность труда, — таковы были основные цели его «программы экономических реформ». Что же касается способов их достижения, то, согласно Андропову, после долгих рассуждений о расширении самостоятельности производственным объединениям, предприятиям, колхозам и совхозам настало время практически приступить к решению этих проблем, однако действовать в этой области следовало осмотрительно, учитывая и опыт братских стран. В ожидании подъема самоуправления Андропов предложил самый простой и дешевый способ, чтобы приостановить падение производительности труда: борьбу с расточительством и повышение дисциплины труда.

Борьба с расточительством в сельском хозяйстве, промышленности и на транспорте в течение нескольких месяцев стала основной темой, обсуждавшейся в прессе. Для укрепления дисциплины были приняты невиданные ранее меры. Только они и остались, как нам кажется, в памяти людей от короткого пребывания Андропова у власти. Эти меры сводились к следующему: надзор за прилежностью трудящихся, проверка удостоверений личности в магазинах (с целью обнаружения тех, кто пошел туда в рабочее время), налеты милиции в общественные бани, кинотеатры (с той же целью), изменение часов работы магазинов для того, чтобы дать возможность населению делать покупки не в рабочее время.

Правительство ужесточило санкции в отношении нарушителей партийной дисциплины и значительно повысило цены на продукты питания. Все эти меры напоминали не столько венгерскую модель, сколько военное положение в Польше. После

незначительного повышения в первом полугодии 198 3 г. производительности труда в промышленности все вернулось на свои места.

2. Внешние аспекты

Во внешней политике в период «междуцарствия» напряжение между Востоком и Западом достигло своего апогея. 21 декабря 198 2 г., стремясь предотвратить развертывание американских евроракет, Андропов пошел на серьезные уступки в отношении ракет средней дальности: он предложил сократить число СС-20 в Европе до 162 (количество аналогичных французских и британских ракет), переместив остальные на азиатскую часть территории СССР. Соединенные Штаты отказались от этого варианта, рассудив, что, с одной стороны, в случае необходимости эти ракеты могут быть без труда возвращены в Европу, а с другой — перемещенные в Азию СС-20 изменили бы стратегическую ситуацию там, создав угрозу другим союзникам Соединенных Штатов, в особенности Японии.

26 августа 1983 г., видя, что переговоры о ракетах средней дальности близки к провалу, Андропов объявил, что Советский Союз готов демонтировать все СС-20, превышающие число французских и британских ракет, отказываясь от их перемещения в восточную часть страны. Однако через несколько дней новое советское предложение было перечеркнуто уничтожением 1 сентября советским истребителем «Боинга-747» южнокорейской гражданской авиакомпании. Эта акция, которая, казалось, полностью подтверждала правоту тех, для кого СССР был обществом, полностью подчиненным военной касте, стала крупной политической катастрофой для Советского Союза, пытавшегося утверждать, что он ничего не знает о судьбе самолета. Перед многочисленными доказательствами своей виновности Советский Союз решился наконец формально признать 6 сентября, что самолет был сбит советской ПВО. США использовали эту трагедию как иллюстрацию их представлений об истинной природе Советского Союза, страны с варварским режимом, управляемой лжецами и мошенниками. Захваченные с поличным и поставленные перед необходимостью обороняться, советские руководители стали утверждать, что с самого начала полет «Боинга» был «изощренной провокацией, организованной спецслужбами США». Советско-американские отношения, и без того плохие, еще более ухудшились. 28 сентября Андропов лично высказал свое мнение по поводу кризиса, придав своему выступлению форму торжественного заявления, которое было передано по всем советским информационным каналам. Тон этого заявления был беспрецедентен по своей язвительности. Советские руководители, пожалуй, лет двадцать не позволяли себе подобных отповедей. Андропов обвинил американскую администрацию в использовании ею провокации с «Боингом» для продолжения «безудержной» и «беспрецедентной» гонки вооружений.

24 ноября СССР прервал переговоры в Женеве по евроракетам и объявил о намерении разместить в Европе новые СС-20. Начиная с этого момента были прекращены все переговоры между Востоком и Западом, касавшиеся вооружений. Никогда еще после окончания второй мировой войны ситуация на международной арене не была такой напряженной.

Она оставалась такой же напряженной и во время короткого пребывания у власти К.Черненко, поскольку советская внешняя политика по-прежнему была в руках Громыко.

Летом 1984 г. стало ясно, что Р.Рейган будет в ноябре переизбран на новый срок. Поэтому советские руководители сочли более разумным поступить так, чтобы переизбрание Рейгана на пост президента не произошло исключительно за счет напряженности советско-американских отношений, и решили ответить на предложение американской стороны вернуться к диалогу между Востоком и Западом. 28 сентября Громыко отправился в Вашингтон на встречу с Р.Рейганом. За этой встречей последовали контакты Громыко с Шульцем в Женеве 7 января 1985 г., теперь уже по инициативе советской стороны, обеспокоенной новым технологическим рынком американцев, позволившим начать работы над программой «стратегической оборонной инициативы», известной под названием «звездных войн».

Обострение отношений между Востоком и Западом в период «междуцарствия» имело серьезные последствия в отношении выбора приоритетов в советской эконо-

мике. Советские военные видели в напряженных отношениях между СССР и США прежде всего возможность добиться больших ассигнований на оборону. Но положение в стране было настолько тяжелым, что увеличение военных расходов сильно отразилось бы на и без того падавшем уровне повседневной жизни людей, на атмосфере в обществе, ставшей более напряженной с момента андро-повских инициатив «по укреплению дисциплины».

6 сентября 1984 г. начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршал Н.Огарков был отстранен от должности без указания каких-либо причин. Эта отставка показывала степень напряженности, вызванной как международной обстановкой, так и проблемой приоритетов в экономике страны. В последнем случае решения диктовали непосредственно кризисные явления в экономике, о которых долго умалчивалось, хотя они вполне развились уже во второй половине 70-х гг. Эти явления, согласно Ж.Сапиру, свидетельствовали «одновременно об истощении возможностей существующего режима и о провале процесса обновления форм социальной жизни, которые позволили бы сформироваться новому типу общественно-экономических отношений».

Глава XII. Революция Горбачева

Менее семи лет прошло от избрания М.Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС до сложения им с себя обязанностей президента СССР в связи с формально-правовым прекращением существования этого государства, произошедшим вопреки его воле. За этот краткий промежуток времени грандиозные идеологические, политические, экономические, социальные перемены потрясли самую большую страну мира, не только сверху до низу перетряхнув всю совокупность утвердившихся после октября 1917 г, государственных и экономических структур, но и коренным образом изменив европейский и даже всемирный порядок, поддерживавшийся с конца второй мировой войны и изуродованный непримиримым антагонизмом капиталистического Запада и социалистического Востока.

Говоря об ограниченности и провалах хрущевского проекта, об отторжении системой предпринимавшихся с середины 60-х гг. попыток провести экономическую реформу, иностранные обозреватели изначально были весьма скептически настроены в отношении реформаторских намерений Горбачева. Сомнения вызывала сама возможность проведения каких бы то ни было серьезных изменений в системе, которая почти единодушно воспринималась как окостеневшая, полностью исчерпавшая свой потенциал и обреченная в лучшем случае на длительную стагнацию.

Такая оценка была естественным следствием глубоко антиисторического подхода к феномену «советского государства», характерного для сторонников «тоталитарной школы». По их мнению, главными чертами такого государства являются политические структуры, лишенные социальной основы, неподвижные, склонные к применению террора; покорное и лишенное внутренних социальных связей общество; господство вездесущей и сплоченной бюрократии; плановая и сверхцентрализованная экономика; всепроникающий идеологический контроль в условиях монополии государства на средства массовой информации и венчающее все «государство, господствующее над всеми другими сферами жизни и даже над самой историей» (М.Левин).

Изменения, если допустить возможность таковых, в этом обществе могли бы носить лишь самый поверхностный характер; предположение же, что такое государство способно выступить инициатором серьезных реформ, казалось немыслимым. Длительный период политической косности и консерватизма, в условиях которых Советский Союз прожил 20 лет (1965 — 1985 гг.), казалось, подтверждал правоту этой точки зрения. С одной стороны, «олигархия стариков», отождествлявших собственное реакционное правление со «смыслом истории», уверенный в себе аппарат, освященный и вдохновляемый «научным марксизмом», олицетворяющим «знание»; с другой — горстка диссидентов, безрассудных оппозиционеров, осуждаемых и гонимых. А между ними — аморфная полуобразованная масса индивидов, свыкшихся с двойной моралью. В каком-то смысле налицо было удивительное сходство между картинами, рисовавшимися советской пропагандой и предлагавшимися доминировавшей тенденцией в западной советологии; единственная разница была в их зер-

кальной противоположности друг другу. Обе схемы, далее, игнорировали одни и те же явления: существование богатой и сложной, непрерывно эволюционирующей социальной ткани; наличие «контркультуры» и различных субкультур, способствовавших формированию умонастроений, стремлений и ожиданий вне и вопреки пропаганде средств массовой информации; развитие самодеятельных объединений и «неформальных» организаций, в которых шли споры о будущем. В результате и советологи, и ревнители идеологической чистоты были захвачены врасплох внезапным рождением реформы, инициатором которой стал Горбачев.

Эта реформа родилась не на пустом месте. Ее основные направления широко обсуждались сначала в частном и неофициальном порядке, потом в недрах руководящих партийных инстанций, что подтверждает, в частности, судьба «Новосибирского доклада». Те, кто в марте 1985 г. взяли руководство государством и партией в свои руки, не могли не знать о глубоком кризисе советской экономики и о связанном с ним ослаблении международных позиций страны, когда международная напряженность достигла своего пика. Масштаб кризиса, сама его природа требовали настоящей «встряски» всей страны. Реформа уже не могла быть, как при Хрущеве в середине 60-х гг., делом маленькой группы «реформаторов», пытавшихся путем частных изменений улучшить функционирование системы. Теперь задачи были значительно шире. Речь шла о том, чтобы коренным образом изменить условия производства и методы управления экономикой, отношение к СССР на международной арене, избавиться от наследия сталинизма и оков «административно-командной» системы, насажденной в 30-е гг. В известном смысле, указывал Б.Керблей, первоначально эти перемены можно было сравнивать с отменой крепостного права (1861 г.) вследствие шока, пережитого после поражения в Крымской войне.

Сравнивать ли период 1985 — 1990 гг. с 60-ми гг. или же, как некоторые, с периодом 1928 — 193 3 гг. — во всех случаях реформы проводились сверху. Реформа Горбачева началась под тремя лозунгами: «гласность», «ускорение», «перестройка». «Гласность» можно было бы определить следующим образом: сделать достоянием людей то, что до сих пор скрывалось (или же открыто сказать то, о чем многие думали, знали и говорили только в своем кругу); признать наконец, после десятилетий самодовольства и лжи, наличие не только «проблем», но и общего кризиса системы: экономического кризиса, кризиса партии, ставшей полной копией министерской бюрократии, частью экономического аппарата, давно уже переставшей быть действенной силой, способной предложить и осуществить настоящую политическую реформу; наконец, кризиса идеологической системы, от которой не осталось ничего, кроме никого не убеждавшего «суконного языка».

Вслед за гласностью, с самого начала бывшей не только лозунгом, но и обещанием смягчить цензуру и облегчить доступ к информации, новое руководство выдвинуло лозунг «ускорения» (впрочем, быстро забытый), на первый взгляд выглядевший весьма традиционно — как призыв к ускорению темпов развития экономики. Венчала же все «перестройка», определявшаяся как настоящая «реконструкция» всего здания советского общества в целом, но на деле приведшая к разрушению и распаду системы.

Никогда еще и нигде декреты и лозунги не были способны радикально изменить положение вещей и ход событий. Новые ценности утверждались лишь при условии их поддержки достаточно мощными социальными силами. Однако в середине 80-х гг. социальный кризис был столь глубок, что призыв к реформе тотчас нашел отклик в чаяниях «низов», выношенных в течение двух предшествующих десятилетий. Наряду с этим призыв к реформе вызвал и бурю недовольства и сопротивления, вынудившую сторонников перемен, и прежде всего Горбачева, постоянно приспосабливать свои программы к требованиям и специфическому ритму движения, определявшимся диалектикой реформирования, а также инициированным освобожденной прессой «разнобоем» в рецептах решения социальных и национальных проблем. Начатое движение становилось все более и более трудно удерживать в первоначально намеченных границах. По мере того как процессы обновления ускорялись и приобретали размах и глубину, «архитектор перестройки» превращался в подмастерье, бессильного эффективно управлять ходом событий и постоянно вынужденного более или менее ловко лавировать между приверженцами реформ и сторонниками возврата к старому. Понемногу — но особенно заметно с 1990 г. — отказываясь от сколько-

нибудь целостной, определенной и решительной программы реформ, Горбачев был вынужден, несмотря на международное признание его исторической роли вдохновителя перестройки, уступать власть тому, кто, на ходу вскочив на поезд истории, сегодня (в конце 1991 г.) в глазах очень многих предстает «добрым гением», последним, способным предотвратить наступление экономического хаоса и государственного распада, — избранному президентом России Б.Ельцину.

I. РАСКРЕПОЩЕННОЕ СЛОВО

1. Гласность и десталинизация

«В начале было Слово». Горбачевская революция началась весьма скромно: с освобождения исторической памяти, печатного слова, живой мысли. Сегодня, когда бывший СССР погружается в хаос государственно-правовой анархии и экономической разрухи, главным, если не единственным достижением семи минувших лет, бесспорно, является завоевание свободы слова.

На заре горбачевского эксперимента для многих гласность, первые плоды которой дали себя знать лишь начиная с лета 1986 г., во время и после съезда Союза кинематографистов, была не более чем мастерски разыгранным Горбачевым и его советниками спектаклем. Разве не сам Генеральный секретарь ЦК КПСС определял — и не раз — ту территорию, на которой только имела право на существование гласность? Гласность была для Горбачева здоровой критикой существующих недостатков, но не подрывом социализма и его ценностей. В свою очередь XIX партийная конференция подтвердила в начале июля 1988 г., что «гласность не должна наносить ущерба интересам государства, общества и правам человека».

Бывшая поначалу политическим лозунгом, направленным прежде всего на оживление и «модернизацию» государственной идеологии, потерявшей всякое доверие общества и ставшей препятствием для развития страны, гласность помогла быстро освободить долго, по меньшей мере десятилетие, сдерживаемые силы, направленные на либерализацию режима. Она позволила выйти на поверхность мнениям, существовавшим в среде неформальных объединений и очагов свободомыслия, возникших и развившихся в предыдущий период.

Во всех областях культурной жизни открыто зазвучало то, что прежде обсуждалось тайком, во время споров за чашкой чая, на «кухне» (гротескно описанной А.Зиновьевым в его первых книгах), как и все то, что составляло культурный «авангард», — подполье 70-х гг. со своими эстетическими течениями, идеями и даже формами жизни.

По мере развития гласности управлять ею становилось все труднее. Между скандальными разоблачениями, связанными со скрытыми до того прошлым и настоящим государственных организаций и политических структур, и общественной реакцией, которую они вызывали, стала развиваться подлинно диалектическая связь. Скоро стало очевидным, что «количественное» превышение некой меры в критике и свободе выражения тотчас же повлекло за собой «качественное» изменение: слово властей перестало быть выражением неопровержимой «научной» истины. Партия, представлявшаяся как единоличная обладательница монополии на истину, что составляло саму основу ее законности, перестала быть думающей за всех инстанцией, органом официального выражения мыслей общества, воплощением Истории. Наконец стало возможным не соглашаться с партией. Примечательно, что гласность, задуманная как средство борьбы с «недостатками социализма» без «подрыва его ценностей», немедленно обратилась к принципиальным вопросам о самой законности партийной власти — к ее истории, и прежде всего — к ключевой проблеме природы сталинизма, решение которой стало испытанием на доверие к гласности уже потому, что преступления этого периода составляли главную тайну и наибольший позор советской истории. В этих условиях движение за освобождение мысли и ее выражения с самого начала приобрело моральное измерение, и не случайно, что одним из первых явлений гласности стал выход на экраны фильма грузинского режиссера Абуладзе под символическим названием «Покаяние».

Вместе с тем критика сталинизма, уже начинавшаяся при Хрущеве и прекращенная после его отстранения, пошла значительно дальше испытания гласности, поставив в центр общественного внимания содержание и стратегию собственно перестройки. Прошлое и настоящее оказались неразрывно связанными между собой. Без прошлого, писал историк Ю.Афанасьев, невозможно самосознание: смысл и бессмысленность настоящего, его тревоги, надежды и планы становятся непонятными. Таким образом, осуждение сталинизма — определяющего периода советской истории — во всех его проявлениях привело к исследованию причин перерождения власти и возникновения «административно-командной системы», а также кризиса, обусловившего необходимость перестройки. Вот почему политические споры между приверженцами движения за обновление и консервативными силами, как правило, велись на исторической почве.

Подтверждением тому стал «феномен Н.Андреевой», один из наиболее показательных эпизодов политической борьбы вокруг осмысления того, что М.Горбачев назвал «белыми пятнами» истории.

13 марта 1988 г. газета «Советская Россия» поместила занявшее всю полосу письмо своей читательницы, ленинградского преподавателя химии, некой Н.Андреевой, озаглавленное «Не могу поступаться принципами». Суть публикации была в открытой защите Сталина, сопровождавшейся обвинениями в адрес «неких слоев» интеллигенции, «духовных наследников Дана и Мартова» (меньшевистских руководителей) и «духовных учеников Троцкого и Ягоды». Новоявленные «фальсификаторы истории» (в первые ряды которых были поставлены М.Шатров, автор многочисленных антисталинских политических пьес, и А.Рыбаков, автор романа «Дети Арбата»), как разъясняла Н.Андреева, заимствовали у Запада свою антисоциалистическую концепцию «гласности» и, воспользовавшись «перестройкой», призывали к полному пересмотру истории партии и советского общества. Это письмо, названное впоследствии «антиперестроечным манифестом», было перепечатано многими газетами. Вскоре стало ясно, что указание о его публикации и распространении было дано Е.Лигачевым, приверженцем консервативного курса, членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, когда Горбачева не было в Москве, а его главный соратник (даже вдохновитель), осуществлявший политику в сфере идеологии, А.Яковлев отсутствовал. Лишь 5 апреля «Правда» отвела целую страницу редакционной статье, посвященной критике и «опровержению» положений, выдвинутых Н.Андреевой. Показательно, что аргументация полностью основывалась на апелляции к историческим фактам сталинской эпохи, а апология Сталина и его методов квалифицировалась как реакционная оппозиция перестройке. Установки, изложенные в публикации «Правды» (подготовленной, по всей вероятности, А.Яковлевым), нарушали неустойчивое равновесие противоборствующих сил в пользу истинных защитников десталинизации и подрывали позиции «золотой середины», которую

занял и старался отстоять Горбачев в своем развернутом докладе по случаю 70-летия Октябрьской революции. Основные тезисы доклада, по сути дела воспроизводившие точку зрения, изложенную на XX съезде КПСС, в условиях, когда дискуссия в средствах массовой информации и в обществе зашла несравненно дальше, чем в 1956 — 1964 гг., были несостоятельны не только теоретически, но и фактически; а после наступления консерваторов и отпора им они оказались вчерашним днем и в политическом плане. С этого момента неосталинистская волна в средствах массовой информации трех предыдущих недель уступила место, после периода молчания, единодушной антисталинской кампании. Этот крутой поворот указывал на двойственность самого процесса реформ, в котором такое значение сохранялось за «сигналами» сверху.

2. Возвращение к истокам

К моменту возникновения «казуса» Н.Андреевой движение общества по пути самопознания достигло второго этапа, который И.Клямкин охарактеризовал как «зрелое желание понять» (в отличие от первого этапа, определяемого как «подростковое стремление переписать то, что было стерто»). История начала заполняться личностями — главным образом через литературу. Прежде чем обратиться к анализу процесса возвращения обществу его истории, отмеченного, как вехами, долгождан-

ными реабилитациями, следует упомянуть об облегчивших его развитие шагах властей. Таковыми стали некоторые изменения в цензурной политике, ограничившие произвол Главлита в отношении любых печатных произведений и аналогичных органов — в отношении фильмов, театральных постановок и т.п., основанный на идеологических, политических, моральных и эстетических установках.

Начиная с 1986 — 1987 гг. роль цензуры постепенно была ограничена контролем за неразглашением «государственных тайн» (понятие, по правде говоря, в СССР довольно широкое, что позволяет цензорам избежать безработицы). Неприкосновенной долгое время оставалась тема Ленина. Поэтому, когда в январе 1988 г. в Советском Союзе был опубликован роман В.Гроссмана «Жизнь и судьба», в наиболее острых его эпизодах, например в тех, где проводились параллели между сталинским и гитлеровским тоталитаризмом, были сокращены критические фразы, направленные в адрес Ленина (на что тотчас же было указано в одной из газет человеком, который прочитал это произведение в «тамиздате»). Но уже с 1989 г. критика Ленина перестала быть запретной темой. Стала значительно мягче и цензура фильмов и театральных пьес. Свободе культурной жизни способствовала и реорганизация различных творческих союзов, органов прессы, телевидения и театров. На прошедшем 13 — 15 мая 1986 г. съезде Союза кинематографистов председателем Союза был избран Э.Климов, а прежнее руководство Госкино за семейственность на режиссерских курсах, а также «зажим» режиссеров-новаторов были подвергнуты жестокой критике, что стало примером для подражания. Вскоре последовали Учредительный съезд Союза театральных деятелей, на котором сторонник реформ драматург М.Шатров был избран секретарем, и затем несколько более скромный съезд Союза писателей. Назначение главными редакторами ведущих журналов людей, активно выступавших за обновление общества (С.Залыгина, который принадлежал к кругу Твардовского, — в «Новый мир», Г.Бакланова — в «Знамя», В.Коротича — в «Огонек»), способствовало «оживлению» этих журналов, игравших важную роль в период хрущевской оттепели и затихших в 70-е гг. Начиная с осени 198 6 г. эти издания буквально наперебой стали печатать все более и более смелые произведения.

Своего рода сигналом стала реабилитация поэта Н.Гумилева, расстрелянного в 1921 г. За ней последовали другие реабилитации, в частности писателей, принадлежащих к первой волне эмиграции (Г.Иванова, В.Ходасевича, В.Набокова), затем реабилитации авторов, репрессированных в 20 — 30-е гг. Лишь незначительная часть произведений этих авторов (Е.Замятина, Б.Пильняка, А.Платонова, М.Булгакова, О.Мандельштама и др.) была напечатана при их жизни или в период хрущевской «оттепели». Выход в свет произведений, ранее запрещенных цензурой, увеличился в 1987 — 1989 гг.: «Реквием» А.Ахматовой, «Софья Петровна» Л.Чуковской, «Доктор Живаго» Б.Пастернака и т.д. Наряду с этими, изданными во многих странах и ставшими классическими произведениями было издано множество неравных по качеству книг, написанных главным образом в 60 — 70-е гг., и иногда писателями вполне лояльными к режиму. Чаще всего эти произведения попадали под запрет из-за того, что затрагивали сталинскую тему. Ограничимся здесь наиболее заметными из них: «Дети Арбата» А.Рыбакова, «Белые одежды» В.Дудинцева, «Зубр» Д.Гранина, «Исчезновение» Ю.Трифонова, «Жизнь и судьба» В.Гроссмана, «Ночевала тучка золотая» А.Приставкина и т.д. Помимо художественной прозы увидели свет многочисленные мемуары, документы, дневники: «Воспоминания» Н.Мандельштам, дневник К.Симонова «Глазами человека моего поколения», воспоминания Л.Разгона, А.Жигулина, Е.Драбкиной, И.Твардовского и т.д.

Кульминационной точкой процесса освобождения слова можно считать снятие запрета с творчества представителей «третьей волны» эмиграции, покинувших или изгнанных из СССР в 70-е гг., и вообще с диссидентства. В этом отношении заметным событием стало издание стихов И.Бродского, произведений А.Галича, В.Некрасова и особенно А.Солженицына. Помимо художественной литературы в процесс переосмысления прошлого и в идейные дискуссии 1987 — 1990 гг. большой вклад внесли литературная критика и публицистика, представители которых выступили с острополемическими статьями-размышлениями на политические, социальные и экономические темы. Среди наиболее ярких можно привести экономические и политологические эссе Н.Шмелева, Г.Попова, В.Селюнина и особенно многочисленные

очерки о путях социализма, о корнях сталинизма, о значении и смысле происходящих преобразований И.Клямкина, Ю.Карякина, А.Ципко и др.

Начав с «толстых» ежемесячных журналов, тираж которых вырос в несколько раз (во всяком случае, у самых «либеральных»), гласность быстро распространилась и на другие источники формирования общественного мнения, менее элитарные и более доступные: на еженедельники, чьи паруса наполнял «ветер перемен», прежде всего «Московские новости» и «Огонек», на кино (с выходом антисталинских фильмов «Покаяние», «Завтра была война», «Холодное лето пятьдесят третьего...», «Власть соловецкая» или просто реалистических картин, без прикрас изображавших возвращение в обычную жизнь отвоевавших в Афганистане «воинов-интернационалистов», убогость будней или привилегии номенклатуры) и особенно на телевидение, некоторые передачи которого стали очень популярными благодаря их откровенности и свободному тону («Двенадцатый этаж», «Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо»). Эти передачи осмелились обратиться к самым жгучим и самым трагическим темам: потерянность молодежи, приведшая к росту наркомании, алкоголизма и преступности, экологические катастрофы Чернобыля, Арала и Волги, произвол бюрократии и т.п.

3. «Издержки» гласности

Ворвавшаяся в общество свобода слова должна была неминуемо привести к дискуссиям, сопротивлению и многочисленным непредвиденным последствиям. Вопрос о сталинизме повлек за собой и вопрос о его истоках. Не соответствовало ли возникновение такого феномена, как сталинизм, духу «русской традиции» (термин Т.Самуэли), на протяжении веков неизменно пренебрегавшей демократией (И.Клямкин, В.Селюнин)? Какова в действительности роль личности Сталина, который отверг правильный по существу проект Ленина и в 30-е гг. возродил «военный коммунизм», узаконенный мифом об осажденной крепости (М.Шатров, Р.Медведев)? В какой мере связано утверждение тоталитаризма с «международными силами» (под которыми подразумевалось «всемирное еврейство»), виновными в разрушении старой Москвы при Кагановиче, в коллективизации деревни, приписываемой Яковлеву-Эпштейну, в терроре, организованном преемниками Ягоды и Ежова в НКВД, такими, как Розаль, Паукер, Берман, Рапопорт, Коган и т.д. (В.Кожинов)? В связи с вопросом о сталинизме встал вопрос о природе общества, которое из него возникло: социалистическое ли это общество? Есть ли разница между социализмом и сталинизмом? Если и был социализм, то какой? Казарменный, первоначальный, но все же социализм, несмотря на все его недостатки? Третий сюжет дебатов: какие ценности надо теперь поставить во главу угла, чтобы осуществить необходимое моральное возрождение общества? Национальные, то есть прежде всего русские, коренившиеся в исконной традиции взаимопомощи крестьянских общин, в христианской морали, или «общечеловеческие ценности», которые препятствовали бы торжеству «русской идеи», способной вскормить шовинизм и антисемитизм, скрытые в народе.

Гласность, безусловно, оживила старые споры между либеральными «западниками» и «славянофилами», теперь именуемыми «русофилами». Когда же настало время кардинального пересмотра всей совокупности отношений между бывшими союзными республиками, то есть прежде всего между Россией и «прочими», прежние идейные расхождения не замедлили превратиться в политическую конфронтацию.

«Сведение счетов» между различными группировками: «либералами», участвовавшими в прошлом в официальных структурах и расколовшимися на «осторожных реформаторов» и открытых противников реформ; «русофилами», также разделившимися на «сталинистов» и «антисталинистов», — было еще наименьшим злом гласности, которая гораздо больше ощущалась в крупных интеллектуальных центрах, чем в маленьких провинциальных городах. Как не без юмора писал один читатель «Огонька» в июле 1988 г., «существует «гласность 1» в Москве, «гласность 2» в Киеве, «гласность 3» в Черкассах и «гласность 4» в Миргороде или в Конотопе. Такая многоступенчатая гласность может ли считаться гласностью?».

Тем не менее вот уже три года, как критика и гласность успешно завоевывают все новые сферы общественной жизни и средства массовой информации (телевидение и радио), несмотря на ожесточенную оппозицию и серьезные препятствия. Более

не осталось запретных тем, и газетные киоски переполнены сотнями изданий-однодневок, свободных от какой-либо цензуры. Однако параллельно прогрессируют и их «издержки».

Распространение гласности усилило растерянность и разобщенность умов: что могли думать о социальной справедливости трудящиеся, зарабатывавшие 150 руб. в месяц, посмотрев фильм «Запретная зона», в мельчайших подробностях показавший привилегии номенклатуры, или думать о прошлом своей страны студенты, ставшие свидетелями неожиданного исчезновения экзамена по истории КПСС, в течение десятилетий бывшего важнейшим предметом, под тем предлогом, что все учебники должны быть «осовременены»?

Гласность подняла на новый уровень недовольство существующим порядком и поощрила самые разнообразные формы протеста против него и в итоге политизацию и идеологическую поляризацию все более широких слоев общества, происходившие на фоне резкого ухудшения условий жизни и экономического кризиса, Именно этот процесс определял социально-политическую динамику пяти последних лет. Все большее недовольство стало возникать в самых различных социальных слоях: и в интеллигенции, и среди рабочих. С 1986 — 1987 гг. гласность, выражавшаяся в подробных описаниях сразу привилегий элиты и граничащих с абсолютной нищетой условий жизни «класса-гегемона», растила чувство злости человека-труженика против номенклатуры. Гласность и пропаганда реформ освободили социальные процессы, которые начали трансформировать растворенное в рабочей среде недовольство в настоящее, организованное и структурированное движение общественного протеста — к вящему изумлению как правительства, так и интеллигенции, долгое время считавшей себя единственным социальным слоем, способным инспирировать общественное сопротивление власти. И все же наиболее потрясающие — ив конечном счете наиболее опасные для горбачевского проекта перестройки — выражения недовольства возникли в националистических движениях и в огне межнациональных конфликтов.

В этих условиях новое руководство должно было расплатиться по долгам своих предшественников: за извращения, связанные с «построением социализма в одной стране» и дискредитацией подлинного интернационализма; за сталинскую национальную политику, предельно бюрократическую и репрессивную; за брежневскую «кадровую политику», которая пыталась обезвредить бомбу замедленного действия национального вопроса, систематически опираясь на бюрократические региональные «мафии» и не желая решать ни одной серьезной проблемы, связанной с отношениями между различными республиками внутри Союза. С началом демократизации и восстановления исторической правды накопившееся за долгое время напряжение разрядилось в стремительно нараставших центробежных силах. Так, годовщина подписания советско-германского пакта 1939 г. (впервые за многие годы оказавшегося в центре внимания печати) стала поводом для массовых манифестаций 23 августа 1987 г. в столицах трех Прибалтийских республик. Эти выступления положили начало процессу, завершившемуся позднее провозглашением независимости этих республик.

Связанная с национальными отношениями напряженность возникла почти во всех республиках. Она затронула самые разные вопросы, от требований признания государственного статуса национального языка (сформулированных сначала в Прибалтийских республиках, затем на Украине, в Грузии, Молдавии, Армении, а в конечном счете, по мере расширения и углубления движения, выдвинутых и в остальных республиках: РСФСР, Белоруссии, Азербайджане и мусульманских республиках Средней Азии) до возвращения на историческую родину депортированных народов. Вставшие в центр внимания национальные проблемы привели к обострению конфликтов между русскими «колонизаторами» и представителями «коренных» национальностей (прежде всего в Казахстане и в Прибалтике) или между соседними национальностями (грузины и абхазы, грузины и осетины, узбеки и таджики, армяне и азербайджанцы и т.д.), сожительствовавшими и мирно, и враждуя по обе стороны искусственно проведенных центральной властью границ. Наиболее трагические формы принял конфликт между армянами и азербайджанцами по поводу Нагорного Карабаха, в 1923 г. присоединенного к Азербайджану, несмотря на армянское большинство его населения. В феврале 1988 г. армяне этой автономной области в составе Азербайджана официально потребовали воссоединения с Арменией. Из-за двусмыс-

ленной позиции союзного правительства и сопротивления руководства Азербайджана конфликт обострился, а погром армян, учиненный азербайджанцами в Сумгаите, стал прологом к настоящей войне между Арменией и Азербайджаном. Серьезность армянского кризиса заключалась не только в конституционных вопросах, которые он затрагивал, но и в исключительном потенциале самоорганизации масс. Его последствия были многообразны: волна общих забастовок, прокатившаяся в течение нескольких месяцев сначала по Степанакерту, административному центру Нагорного Карабаха, потом по всей Армении; создание комитетов содействия и координации, которые на равных стали вести переговоры с местными и центральными властями; грандиозные демонстрации, собиравшие сотни тысяч людей. Впечатляющие результаты подтвердили уроки массовых взрывов в различных странах Восточной Европы: большая часть местных властей встала на сторону масс, разделив и поддержав их требования. В начале 1990 г., после того как Литва провозгласила свою независимость, а переговоры о Нагорном Карабахе зашли в тупик, стало очевидным, что центральная власть не в состоянии использовать экономические связи в процессе радикального пересмотра федеративных отношений, что было единственным способом предупредить — или хотя бы приостановить — распад Советского Союза.

Всего лишь через несколько лет после первых скромных шагов: изменения в руководстве Союза кинематографистов и публикации стихов «контрреволюционера» Гумилева — гласность, выражаясь в китайском стиле, «свернула горы». Ее последствия, которые одни называют «достижениями», а другие «гримасами», уже очевидные и которым еще предстоит проявиться, неисчислимы. Как в 1905 или в 1917 г., освобожденное слово породило настоящую «революцию умов». Однако при этом в той диалектике, которая определяла характер взаимосвязи между углублением гласности и ростом общественной активности, «издержки» гласности имели тенденцию перевесить ее «достижения». В интеллигенции, больше всех получившей от освобождения слова, быстро проявился феномен привыкания; в 1990 — 1991 гг. журналы нашли гораздо меньше подписчиков, чем в 1986 — 1987-м. С другой стороны, среди «простого народа» не переставало нарастать раздражение против «болтунов», к которым причислялись как представители интеллигенции, так и политические деятели. Гласность не улучшила условия жизни, которые продолжали ухудшаться. Рассказывая о происходящем (за границей или в кругах преуспевающей номенклатуры), гласность сделала лишения еще более невыносимыми. «Мы прошли путь, — пояснял весной 1991 г. один из руководителей рабочего движения Донбасса, — от чувств, вызываемых тремястами рублями месячной зарплаты, до понимания «выгоды» заработать за месяц десять долларов». Наконец, рожденный гласностью плюрализм мнений поставил фундаментальную проблему своего политического выражения, то есть политического плюрализма — неизбежного завершения политических реформ, начатых новым руководством.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

В экономическом плане итоги семи последних лет представляются катастрофическими. Ситуация в народном хозяйстве не переставала ухудшаться. Уровень жизни советских людей стремительно упал, с каждым днем делая в глазах населения рассуждения об экономической реформе все менее заслуживающими доверия. Начиная с 1988 — 1989 гг. стало заметно сокращаться сельскохозяйственное производство, что немедленно сказалось на продовольственном снабжении. Показатели прироста промышленного производства не переставали снижаться, достигнув нулевого уровня в 1 9 8 9 г. и отметив десятипроцентное (по официальным данным) сокращение в первом полугодии 1991 г. К лету 1991 г. усилились инфляционные тенденции в связи с очень большим бюджетным дефицитом, превысившим уже в 1988 — 1989 гг. 100 млрд. руб. (11% ВНП); официально оцениваемая в 1990 г. примерно в 10%, инфляция резко подскочила в течение 1991 г., достигнув к его концу 25% в неделю. Одновременно происходило падение курса рубля: с 10 руб. за доллар в начале 1991 г. до 110 — 120 в конце.

Тем не менее в этих условиях была предпринята серия реформ и проведена огромная законотворческая работа. Придя к власти, Горбачев окружил себя группой экономистов, социологов, политологов, в первых рядах которых фигурировали такие

известные ученые, как академики Л.Абалкин, А.Аганбегян, Т.Заславская, профессор Ф.Бурлацкий. Основные направления предполагаемых реформ совпадали с предложениями, сформулированными в «Новосибирском докладе». Очень скоро было достигнуто единое мнение относительно необходимости расширения самостоятельности предприятий, которые, как предполагалось, должны были управляться, исходя из принципов самоокупаемости и самофинансирования. Значительно возрастали права трудовых коллективов предприятий и организаций. Наконец, предусматривалось поощрять развертывание частной инициативы в тех сферах, где это представлялось «социально оправданным», то есть в первую очередь в сельском хозяйстве, в возрождаемой сфере индивидуально-трудовой деятельности, в сфере услуг, объемы которых совершенно не соответствовали спросу. Постепенное возрождение внутреннего частного сектора повлекло бы за собой отказ от монополии внешней торговли (поскольку предприятия могли бы налаживать прямые контакты с иностранными партнерами) и дало бы возможность, пусть ограниченную, открыть советский рынок иностранным инвестициям и содействовать созданию совместных предприятий. Частный сектор, иностранные капиталовложения и, если брать шире, более глубокая интеграция в мировой рынок должны были стать — в идеале — стимулом к развитию и повышению конкурентоспособности советских предприятий, что способствовало бы осуществлению долгожданной реформы экономической системы. В условиях оживления рыночных отношений от предприятий требовалось бы улучшать свое финансовое положение, не забывая при этом об общих интересах как в экономическом плане, так и в социальном.

1. Попытки реформ: развитие самостоятельности предприятий

С начала перестройки развитие реформы определяли две основные тенденции: расширение самостоятельности государственных предприятий и расширение сферы деятельности частного сектора. «Закон о государственном предприятии» от 30 июня 1987 г. (вошедший в силу для всех предприятий с 1 января 1989 г.) был призван обеспечить переход на новые принципы: хозрасчет и самофинансирование. Если до 1990 г. план оставался основным стержнем, вокруг которого разворачивалась вся деятельность предприятия, то затем оно получило свободу самому планировать свою деятельность, основываясь на предлагаемых, а не навязываемых соответствующим министерством контрольных цифрах, на контрактах, заключаемых со своими поставщиками и потребителями, на заказах, предпочтительно государственных, на долгосрочных экономических нормативах и на ограниченном уровне централизованных инвестиций. Предприятие получило право устанавливать прямые «горизонтальные» связи с другими предприятиями, вместо того чтобы прибегать к посредничеству Госплана. Некоторым категориям предприятий было даже разрешено вступать в прямой контакт с иностранными фирмами.

В действительности же бюрократия центральных министерств сразу стала обходить положения этого закона, так как не хотела сдавать свои позиции и отказываться от прежних прерогатив. К тому же выполнение этих положений с самого начала должно было бы сопровождаться другими радикальными мерами (реформой ценообразования, материального снабжения и т.д.). 13 связи с тем что государство оставалось главным заказчиком в промышленности, оно почти полностью покрывало госзаказом производственные мощности предприятий, оставляя за ними весьма ограниченные возможности коммерческой деятельности. Государство также, помимо приоритета в определении номенклатуры выпускаемой продукции, устанавливало ценил и ставки налогообложения. Центральные министерства продолжали снимать сливки с доходов предприятий, выхолащивая, таким образом, их «финансовую самостоятельность».

Установление экономических нормативов, образование фондов оплаты труда, фондов экономического стимулирования не только оставались произвольными, но часто наносили ущерб наиболее рентабельным предприятиям. Еще одним «узким местом» оказались поставки. Из-за отсутствия оптовой торговли предприятия так и не смогли выбирать себе поставщиков, а последние в случае нарушения договоров не несли за это ощутимой ответственности. Таким образом, сфера рынка оказалась ограниченной договорами между предприятиями, заключаемыми после выполнения

госзаказов, в то время как сфера централизованного контроля, напротив, расширилась благодаря проверке «госприемкой» качества производимой продукции в момент ее сдачи (процедура, применявшаяся ранее только на военных предприятиях). Расширение государственного контроля за качеством продукции на деле привело прежде всего к фактическому сокращению заработков миллионов рабочих, поскольку повсеместно обнаружившееся несоответствие изделий «стандартам качества» лишило их начислявшихся прежде премий. С самого начала рабочие чувствовали, что, несмотря на шумиху, производимую вокруг «финансовой самостоятельности» предприятий и даже их «самоуправления», все решения продолжали им навязываться бюрократией (объявленной позднее «антиперестроечной силой») без передачи предприятиям реальной возможности контроля. Оставаясь под жесткой опекой части прежних управленческих структур, предприятия в качестве своего рода «компенсации», как и раньше, продолжали пользоваться (несмотря на без конца подтверждаемый принцип самофинансирования) большими субсидиями, которые только и позволяли десяткам тысяч предприятий избежать банкротства и увольнения разросшегося персонала (в первую очередь административного). По мнению Н.Костакова, заместителя директора Научно-исследовательского института Госплана, «временная безработица» (то есть период между потерей работы и устройством на другую с переквалификацией) рискует затронуть, если предположить настоящую рационализацию политики в области занятости, от 14 до 19 млн. человек в течение ближайших десяти лет.

Реорганизация министерств и некоторых других органов управления промышленностью привела к сокращению в течение шести лет около 1 млн. служащих. Конечно, большая часть «аппаратчиков» устроилась в новых структурах (в том числе в частном секторе) благодаря системе связей и даже привлечению капиталов общественных фондов.

Наиболее сложной проблемой, обусловливавшей переход к подлинной самостоятельности предприятий и рыночной экономике, оказалась проблема ценообразования. При установлении цен на основе себестоимости продукции пришлось бы, сохранив дотации более чем на 70 млрд. руб., увеличить розничные цены на товары на 60 млрд. руб. В этой области давно назревшие и необходимые для продолжения начатых реформ шаги заставили себя ждать вплоть до весны 1991 г. За этой задержкой скрывались многочисленные причины: оппозиция как региональной, так и отраслевой бюрократии, опасавшейся, что реформа ценообразования поставит под вопрос всю десятилетиями складывавшуюся систему доходов и привилегий, созданных игрой на субсидиях, гарантированным сбытом, манипуляцией ценовыми соотношениями, тысячью и одной перепродажей, связанной с дефицитом и теневой экономикой; боязнь руководителей страны принять социальную цену, которую каждый полагал слишком высокой, за последовательное освобождение цен и переход к рыночной экономике в обстановке всеобщего дефицита и отсутствия пользующихся доверием властных и правовых структур, определяющих лицо правового государства.

2. Попытки реформ: развитие частной инициативы

Второе направление экономической реформы состояло в расширении сферы деятельности для частной инициативы. Принятым 19 ноября 198 6 г. и дополненным 2 6 мая 1988 г. законом частная деятельность была легализована более чем в 30 видах производства товаров и услуг. Желавшие открыть свое дело должны были зарегистрироваться, а их доходы подлежали обложению налогом (достигавшим 65%, пока этот слишком высокий уровень не был снижен 26 мая 1988 г,). По данным весны 1991 г., более 7 млн. граждан (5% активного населения) были заняты в бурно развивавшемся кооперативном секторе. Кроме того, около 1 млн. человек получили патенты или регистрационные разрешения на занятие индивидуальной трудовой деятельностью. Установление очень высоких цен (обед в кооперативном ресторане в Москве стоил приблизительно в 10 раз дороже, чем в государственном ресторане первой категории) и развитие побочных видов деятельности (ориентированных отнюдь не на среднего — и чувствовавшего себя обманутым — потребителя, постоянно сталкивавшегося с дефицитом) привели к тому, что возникший в течение нескольких месяцев без обращения, как правило, к банковским кредитам частный сектор стал «отмывать» капиталы теневой экономики — по средним оценкам, до 70 — 90 млрд. руб. в

год. При этом частный сектор охватил лишь часть из примерно 15 млн. человек, которые, по советским источникам, были более или менее постоянно заняты в сфере теневой экономики.

Несмотря на заявления руководства страны о поддержке, в годы перестройки развитие частной инициативы сталкивалось с самыми разнообразными трудностями: официальными, когда местные власти употребляли весь свой талант, чтобы ограничить деятельность кооперативов; производственными, обусловленными всеобщим дефицитом материальных ресурсов, вынуждавшим прибегать к нелегальным источникам. Наконец, самую существенную роль играли идеологические установки и умонастроения в обществе. Как показывали опросы общественного мнения, большое число опрошенных не скрывали своей враждебности в отношении развития кооперации. Если большинство советских людей приветствовали расширение свобод в сфере политики и идеологии, то они же проявляли недоверие, когда речь заходила о свободе предпринимательства (за исключением права обрабатывать свой участок земли, связанного скорее с неким мистическим образом, чем с ущемлением прав потребителя). Для большинства граждан, столкнувшихся с четырьмя сетями распределения и уровнями цен (государственные, договорные, кооперативные и черного рынка), экономическая свобода предстала в образе падения жизненного уровня. Десятилетия пропаганды, направленной на искоренение духа предпринимательства и частной собственности, а также трудности, характерные для общества, испытывающего постоянную нехватку необходимого, в котором нормирование потребления соседствовало с гарантированными государством ценами, способствовали развитию у советских людей страха перед рынком, свойственного людям, экономически опекаемым; формированию мышления доиндустриального типа, когда потребитель возлагает на государство обязанность защищать его от «спекулянтов», «хапуг» и «толстосумов» (и вообще от всех тех, кто «выделяется», — сколько народных поговорок поучают: «сиди и не высовывайся») и гарантировать ему «справедливые» цены.

Эти умонастроения отчасти объясняют трудности, с которыми столкнулось правительство, пытаясь расширить сферу частной инициативы в сельском хозяйстве. Официально признанная в 1988 г. формулировка предлагала «арендный договор», согласно которому одна или несколько семей берут землю в аренду на длительный срок (до 50 лет) и полностью распоряжаются продукцией. К тому же в новом положении о колхозах, принятом в марте 1988 г., оговаривалось, что площадь индивидуального участка и поголовье скота в личном хозяйстве будут устанавливаться коллективом каждого колхоза «в зависимости от участия его членов в общем труде». Эти меры на деле дали лишь символические результаты. Колхозы, так и не получившие подлинной самостоятельности, на которую они могли бы рассчитывать с момента их основания, являясь «кооперативными» организациями, так и остались под опекой районных властей, которые, как и прежде, планировали их производство и поставки государству, определяли нормы площади личных участков. Арендное движение не получило широкого распространения: в хозяйствах арендаторов было к лету 1991 г. только 2% возделываемых земель и 3% поголовья скота. Возродить сразу у крестьян дух предпринимательства оказалось тем более тяжело, что самые активные из них ушли из деревни (в течение двух последних десятилетий миграция из села была очень большой). Признанное, наконец, право свободно приобретать землю не вызвало энтузиазма крестьян, лишенных сельскохозяйственной техники, как и всей экономической инфраструктуры, необходимой для придания продукции товарного вида и ее реализации. С другой стороны, местные власти с начала перестройки не переставали подавлять крестьянскую инициативу, как об этом свидетельствует история «архангельского мужика», широко освещавшаяся средствами массовой информации в конце 1988 г. Крестьяне, желавшие работать на условиях аренды, не могли получить землю на предусмотренные законом 50 лет; чаще всего срок аренды не превышал пяти лет, в лучшем случае — десяти. К тому же арендные договоры могли быть расторгнуты властями в одностороннем порядке с уведомлением за два месяца. Они оставались в силе только для заключавшего их лица и в случае его смерти не могли быть переданы другому лицу. Отметим, наконец, враждебность большей части сельского населения к возможности появления «новых кулаков».

Ни одна из начатых в экономике реформ практически не дала положительных результатов. С одной стороны, потому, что, будучи продуктом политического ком-

промисса, они не были достаточно радикальными — наиболее «болезненные» в социальном плане меры (реформа цен, кредит и система снабжения предприятий) были отсрочены; с другой стороны, они были слишком радикальными, вызывая одновременно сопротивление населения, которое ощущало на себе, как ухудшаются условия жизни, и сопротивление на всех уровнях бюрократического аппарата. Экономические реформы, как и гласность, представляли смертельную угрозу для всех его привилегий и выгод от занимаемого положения. Наконец, нельзя забывать, что реформы пытались изменить экономику, в которой в течение десятилетий отсутствовали рыночные механизмы и процветала коррупция. Эти обстоятельства привели к непредвиденной реакции на предпринятые руководством шаги: в государственном секторе прочно воцарилась меновая, бартерная экономика, а в частном — своего рода «экономика казино», в рамках которой новые предприниматели искали немедленной спекулятивной выгоды в ущерб развитию с дальним прицелом производства товаров и услуг. В условиях крайне нестабильной политической ситуации речь шла о получении максимальной прибыли в кратчайшие сроки, прежде чем в очередной раз будут изменены правила игры. Куда выведет этот примитивный хищнический капитализм? На этот вопрос возможны любые ответы. Если политическая ситуация стабилизируется, и особенно если будет создано действительно правовое государство, этот «капитализм казино» может послужить прологом к производящему капитализму. Если же нет, существует риск, что он составит не более чем переходный этап к паразитической и коррумпированной экономике, схожей с существующей в странах третьего мира. Как измерить путь, который предстоит пройти, когда в стране отсутствует даже правительственное издание, позволяющее каждому в любой момент быть в курсе действующего законодательства!

III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

Политические изменения резко ускорились начиная с конца 1990 г. (этот процесс будет подробно рассмотрен в последней части настоящей главы). Затронувшие к осени 1990 г, многие уровни — то, что можно назвать «стилем» политической жизни, самих действующих в ней лиц, структуры и институты, взаимоотношения между государством и гражданами, — они были затем обогнаны ходом событий. Согласно мнению одного из самых близких сотрудников и вдохновителей М.Горбачева, А.Яковлева, начатые в процессе перестройки политические и законодательные преобразования должны были составить радикальный поворот в российской истории. В течение тысячи лет Россия управлялась людьми, а не законами и задачей перестройки было уничтожение прежнего порядка вещей и замена его иным, действительно основанным на научном понимании общества. Другими словами, речь шла о том, чтобы заменить тысячелетнюю модель государственной системы. Тем не менее желание команды Горбачева сохранить одновременно политическую систему во главе с КПСС и союз советских республик в его прежнем виде, основанном на принуждении или непонимании национальных устремлений, особенно ограничивало действенность политических реформ и ускоряло распад системы.

Мы не будем подробно останавливаться на впечатляющих изменениях «стиля» политической жизни, непосредственно связанных с расцветом гласности: короткие и безликие сообщения о неизменно единодушных решениях Центрального Комитета и Политбюро уступили место многословным и напряженным телевизионным трансляциям противоречивых дебатов на заседаниях новых парламентов бывших союзных республик — Верховных Советов и съездов народных депутатов.

1. Смена действующих лиц

После двух десятилетий непоколебимой стабильности и старения партийных кадров в течение пяти последних лет произошло их массовое обновление и омоложение на всех уровнях. «Чистка» Политбюро происходила поэтапно, по мере укрепления власти новой правящей группы; из Политбюро удалялись (с одновременным отстранением от государственных должностей) наиболее консервативно настроенные элементы, связанные с брежневскими временами: Романов (июль 1985 г.), Тихонов (октябрь 1985 г.), Гришин (февраль 1986 г.), Кунаев (январь 1987 г.), Алиев (октябрь

198 7 г.), Громыко, Соломенцев, Долгих (сентябрь 1988 г.). Одновременно Политбюро пополнялось руководителями, придерживавшимися схожих (до известной степени) с Горбачевым взглядов и принадлежавшими к его поколению: Шеварднадзе, Рыжковым, Зайковым, Слюньковым, Яковлевым, Ни-коновым, Медведевым. В свою очередь эти руководители были в 1990 — 1991 гг. разметаны ветром истории и заменены новым поколением политиков, значительно более молодых (35 — 40 лет) и не имевших никакого отношения к партийному «сералю».

В Центральном Комитете партии обновление достигло небывалого для такого короткого срока размаха — 85%. Даже в период 1934 — 1939 гг., в годы массовых чисток, оно составило 77%. Обновление политического аппарата прошло и в республиках, где изменение состава руководящих работников к концу 1990 г. составило от 45 до 70%. Это движение сильно сказалось и на омоложении областных кадров. Происходившие перемены, поначалу (1985 — 1987 гг.) медленные, затем все более и более стремительные, вызвали серьезное сопротивление местной партократии; в центральных органах консервативный лагерь после ухода старой брежневской «гвардии» возглавил член Политбюро ЦК КПСС Е.Лигачев. Сопротивление центра апеллировало главным образом к идеологическим доводам, систематизированным в выступлении Андреевой, стоявшей «на передовой» консервативного фронта. На периферии оппозиция «удельных князей» объяснялась нападками на привилегии и угрозой со стороны гласности. Чем дальше от Москвы, тем большую они сохраняли власть, опираясь на сформированное еще в брежневскую эпоху окружение лично преданных им политических, хозяйственных и советских руководителей. Их влияние даже росло — в той мере, в какой слабела центральная власть (особенно в последние годы, отмеченные бессилием всех существовавших государственных структур, вызывавшим ассоциации с процессом, происходившим в 1917 г.).

2. Цели и этапы политической реформы (1985 — 1990)

Как бы ни определялся процесс обновления политических структур — «демократический централизм» или «бюрократическая колонизация», — он не был ни действительно радикальным, ни подлинно демократическим. Тем не менее сопротивление перестройке оказалось достаточно серьезным для того, чтобы вынудить власти вступить на путь радикальной политической реформы с целью оживить институты, которые партия некогда лишила их функций, — Советы и общественные организации (Горбачев признал, что они «оказались за бортом»). По мнению Генерального секретаря ЦК КПСС, было необходимо полностью восстановить роль Советов как органов социалистической власти и вернуть общественным организациям их первоначальное значение. Это можно было понимать двояко: говоря об «исконных функциях», Горбачев обращался к первым годам советского режима, «золотому веку» ленинизма. Однако именно эти «исконные функции» Советов, заводских и фабричных комитетов, профсоюзов, игравших важнейшую роль в феврале ■— октябре 1917 г., были присвоены партией. Какое же место отводилось в горбачевском проекте реальной независимости профсоюзов, подлинному плюрализму?

Второй целью реформы было перераспределение власти, но при сохранении ведущей роли партии. Именно с этой целью были организованы выборы с участием большого числа конкурирующих между собой кандидатов, с расчетом тем самым вернуть законность партийному руководству, опозоренному сталинизмом и «брежневским застоем», и превратить партию в силу, способную выступать с предложениями преобразований и проводить их в жизнь.

Реформа началась с разного рода политических и организационных мер, принятых на пленуме ЦК партии в январе 1987 г.: альтернативные выборы; тайное голосование при избрании ответственных партийных работников; выборы кандидатов на самом предприятии; введение новых форм и механизмов участия трудящихся в управлении предприятиями. Практические результаты этих мер оставались весьма скромными вплоть до весны 1989 г. Так, во время местных выборов 21 июня 1987 г. альтернативные кандидатуры были представлены только в 0,4% избирательных округов; все они, по сути, прошли предварительный отбор в партийных инстанциях. Местные власти, за редким исключением, вели себя в отношении нововведений пас-

сивно или устраивали обструкцию; что же касается «масс», то они проявили глубокий скептицизм.

Выдвижение XIX партийной конференцией (28 июня — 1 июля 1988 г.) важного проекта конституционной реформы (принятого Верховным Советом СССР в октябре 1988 г.) стало вторым этапом политических преобразований, который новое руководство рассматривало как решающий.

Эта реформа в конечном счете привела к установлению двухуровневой представительной системы — Съезд народных депутатов СССР и Верхо.вный Совет СССР, избранный из депутатов съезда, — и учреждению поста президента СССР, наделенного широкими полномочиями.

Прежний Верховный Совет, псевдопарламент — декорация, лишенная какой-либо власти, орган, регистрировавший партийные и правительственные решения, — был заменен новым Верховным Советом, постоянным органом, насчитывавшим 544 члена, избранных тайным голосованием на съезде народных депутатов, состоявшем из 2250 депутатов с пятилетним сроком полномочий. Из них 1500 депутатов избирались в округах страны и 750 — партией, профсоюзами и общественными организациями, В функции съезда входило проведение конституционных, политических, социальных и экономических реформ, а также избрание, наряду с Верховным Советом СССР, президента страны, который получал руководство внешней политикой и обороной, назначал премьер-министра и т.д.

Предлагая такую систему, авторы реформы хотели открыть двери съезда самым решительным сторонникам перестройки, стараясь избежать неожиданностей на выборах в округах. С другой стороны, установив сильную президентскую власть в лице Генерального секретаря ЦК КПСС, законность которой отныне зависела — хотя бы косвенно — от народного волеизъявления, они пытались защитить его от козней аппарата. Для Горбачева, избранного 15 марта 1990 г. союзным съездом народных депутатов президентом СССР, этот аспект реформы был решающим, поскольку позволял ему обходить препятствия, которые ставило Политбюро ЦК КПСС, где заседали его коллеги, далеко не всегда разделявшие политику генсека.

Конституционная реформа вызвала критику как консерваторов, так и радикалов, сторонников перестройки, возглавленных Б.Ельциным. Для радикалов реформа была ущербной, поскольку предложенная система не была ни прямой, ни равной и к тому же сосредоточивала слишком много власти в руках президента — Генерального секретаря ЦК КПСС. Помимо этого, избирательный закон в силу своей нечеткости оставлял широкие возможности для различных манипуляций, что и доказал ход избирательной кампании в марте 1989 г. Тем не менее если аппарату и удалось во многих случаях сохранить свои позиции, то использованные при этом методы, разоблаченные рядом средств массовой информации, способствовали ускорению политизации советских людей. В отличие от Горбачева Ельцин сумел использовать к своей выгоде эту новую ситуацию, решительно пойдя по демократическому пути. Избранный на всеобщих выборах, президент России смог превзойти в отношении легитимности президента СССР, получившего свой пост из рук парламентариев, в значительной части добившихся своего положения с помощью политических манипуляций. В целом же выборы народных депутатов в марте 1989 г. и затем весной 1990 г. означали громадный разрыв с политической практикой, установленной после 1917 г.

Все эти перемены происходили в атмосфере демократизации общественной жизни, чему способствовали выработка и принятие ряда законов с целью учреждения «правового государства» и расцвет многочисленных «неформальных объединений».

3. Правовое государство и политический плюрализм

В резолюциях XIX партийной конференции было признано, что советское право, по существу, служило не обществу, а государству, являясь тем инструментом, который позволял государству проводить свою политику и защищать всемогущество его администрации. Стремление преодолеть наследие сталинизма, гарантировать права граждан, желание достойно и цивилизованно выглядеть в глазах всего мира можно считать первым основанием перехода к построению правового государства. Вторым стала необходимость создания правовой базы для экономических реформ. Новое ру-

ководство страны осудило «административно-командный стиль», подвергнув критике чрезмерную власть административных органов, постоянно вторгавшихся в деятельность предприятий, игнорируя при этом законы.

Наконец, сама политика демократизации, приведшая к возникновению многочисленных неформальных объединений, превратившая многотысячные митинги и демонстрации в обычное явление, потребовала разработки и принятия соответствующих юридических положений и процедур. В связи с этим в 1988 — 1990 гг. был принят ряд законов и указов, начата подготовка других.

Среди наиболее важных были: закон о праве граждан на судебное обжалование неправомерных решений администрации; постановление о периодических переаттестациях специалистов; закон о государственной безопасности; закон о прессе и средствах массовой информации; закон об общественных организациях; закон о въезде и выезде из СССР. Был начат пересмотр Основ уголовного законодательства (в частности, отмена статьи об «антисоветской пропаганде» и т.п.), законодательства в отношении религии и т.д.

Либерализация политического климата ускорила и перевела на новый уровень процессы развития и объединения десятков тысяч «неформальных» групп и организаций. Хотя далеко не все из них включились в политическую деятельность, начиная с 1988 г. число групп, считавших себя «политическими», продолжало расти. Многие из них объединились в союзы, ассоциации или народные фронты — прообразы политических партий. Наибольшей активностью с самого начала отличались Комитет Карабаха, народные фронты Литвы, Латвии и Эстонии, Демократический союз в Москве и в Ленинграде, возглавленные бывшими диссидентами и стремившиеся прежде всего к восстановлению подлинного плюрализма, общество «Память», объединившее русофилов, ультранационалистов и антисемитов. В основе создания неформальных объединений не всегда лежала четкая политическая программа, подчас они возникали в процессе решения практических проблем, связанных с обыденной жизнью (в особенности экологических).

Первый комитет общественного самоуправления был создан в московском микрорайоне Братеево, известном своим тяжелым экологическим положением (соответственно организаторами комитета были местные неформальные экологические группы). После создания комитет предпринял ряд мер, направленных на защиту здоровья населения, организацию культурной жизни, решение социально-бытовых проблем в районе. Появление тысяч независимых «собраний трудовых коллективов», «советов предприятий» и даже легальных «стачечных комитетов», которые, превышая в некоторых случаях предоставленные новым законом о государственном предприятии права, также стали «микроцентрами» власти, свидетельствовало о тихой революции, завершением которой стало упразднение или отстранение от реальной власти сохранившихся прежних профсоюзных и политических структур. Этот процесс заставлял вспомнить о событиях, происходивших в 1917 г.: образование «созвездия» автономных центров власти, с каждым днем делавшее все более очевидной слабость традиционных политических институтов.

Проявившаяся в массах воля к раскрепощению социальной жизни, обилие комитетов, организаций, групп, народных фронтов, родившихся в огне нонконформизма, угли которого тлели в период «застоя», все более явно указывали на ограниченность и противоречивость частичной, искаженной демократизации. Ущербность последней наиболее ярко выражалась в стремлении к сохранению однопартийной политической системы, монополии КПСС на анализ общеполитических проблем и разработку стратегических концепций. Но что же оставлялось «возрожденным» Советам?

Начиная с лета 1990 г. переход к многопартийности стал вопросом, требовавшим незамедлительного решения. Пониманию этого в огромной мере способствовала весенняя победа Ельцина и последовавший за ней в июле его выход на последнем, XXVIII съезде КПСС из партии. Этот демарш Ельцина был с полным основанием истолкован как первый шаг к конституированию новой массовой партии.

4. «Новое мышление» и поворот во внешней политике

Особенно значительные изменения в стране произошли в области внешней политики. Они сопровождались последовательной и всеобъемлющей критикой прежних подходов. «Критический анализ прошлого показал, — можно прочитать в тезисах, принятых XIX партийной конференцией, — что и на нашу внешнюю политику наложили отпечаток догматизм, субъективистский подход. Было допущено ее отставание от фундаментальных изменений в мире, не в полной мере реализовывались новые возможности для снижения напряженности и большего взаимопонимания между народами. Добиваясь военно-стратегического паритета, в прошлом не всегда использовали возможности обеспечить безопасность государства политическими средствами и в результате дали втянуть себя в гонку вооружений, что не могло не сказаться на социально-экономическом развитии страны и на ее международном положении».

Этот крутой поворот (согласно М.Татю, «речь здесь идет уже о фундаментальном пересмотре концепций, определявших лицо советской внешней политики») получил обстоятельное «теоретическое» обоснование, названное «новым мышлением», усилиями идеологов перестройки и самого Горбачева в его вышедшей в 1987 г. книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира».

Журнал «Коммунист» в № 7 за 1988 г. опубликовал тезисы для обсуждения, озаглавленные «Социальный прогресс в современном мире», суть которых состояла в следующем. Три «мира» человеческой цивилизации — капиталистический, социалистический и третий мир — сегодня находятся в глубокой взаимозависимости. Они принадлежат единому миру, в котором уже невозможно достичь превосходства военными средствами. В равной мере изжила себя и практика оценки международных событий исключительно через призму конфронтации между Востоком и Западом. Идеология должна подчиниться реальным условиям, в которых существует* мировое сообщество. В решении специфических проблем, связанных с противостоянием отдельных стран и регионов, следует исходить из глобальных тенденций и зависимостей. Перед лицом новых задач демаркационная линия между силами прогресса и силами реакции больше не совпадает, в широком смысле, с границами, исторически сложившимися между странами и блоками и даже между классами и партиями.

Эти малоубедительные импровизации («решительная ревизия марксистской теории империализма», по Э.Манделю) не могли скрыть двойную, прямо связанную с перестройкой экономики цель, поставленную перед внешней политикой.

В первую очередь речь шла о сокращении расходов на гонку вооружений, ставших непосильными для Советского Союза. Вторая цель «мирного сосуществования» нового типа состояла в получении от Запада солидных кредитов, особенно важных для обеспечения продолжения импорта зерна (около 40 млн. т зерна в 1988 г. и 60 млн. т — в следующем), и в то же время массированных поставок современной техники и технологии.

Обновление советской внешней политики предполагало прежде всего уход со своего поста всесильного (и непоколебимого) министра иностранных дел Громыко, в течение нескольких десятилетий возглавлявшего международную политику Советского Союза. Он был назначен на почетный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, на котором пробыл до 1989 г. Пост министра иностранных дел занял приближенный к М.Горбачеву Э.Шеварднадзе, член Политбюро с 1985 г., бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии, сделавший успешную карьеру в условиях кавказской политической жизни и уже этим подготовленный к дипломатической работе. Уход А.Громыко повлек за собой массовое обновление руководства Министерства иностранных дел: было заменено десять из двенадцати заместителей министра; с 1988 г. вторым лицом во внешней политике стал А.Яковлев, ведавший международными вопросами в ЦК КПСС.

Теоретики-идеологи уступили место более склонным к прагматизму «экспертам» из различных академических институтов, таких, как Институт США и Канады (руководимый другим влиятельным советником М.Горбачева Г.Арбатовым) и Институт мировой экономики и международных отношений.

Однако не кто иной, как сам Горбачев, в течение всех этих лет выступал в роли главного инициатора и «патрона» нового политического курса. За несколько лет он завоевал огромный личный авторитет на международной арене, как на встречах «в верхах» с руководителями иностранных государств, так и во время пресс-конференций, которые позволили ему проявить свой несомненный талант общения и способности представлять новый облик Советского Союза.

Вместе со своими соратниками Горбачев определил три основных направления деятельности: смягчение напряженности между Востоком и Западом посредством переговоров с Соединенными Штатами о разоружении; урегулирование региональных конфликтов (начиная с Афганистана); признание существующего миропорядка и расширение экономических связей со всеми государствами, не отдавая более предпочтения государствам марксистско-ленинской ориентации (к тому же весьма немногочисленным).

После ряда встреч «в верхах» между Горбачевым и Рейганом (Женева, ноябрь 1985 г., Рейкьявик, октябрь 1986 г., Вашингтон, декабрь 1987 г.) советская и американская стороны подписали 8 декабря 1987 г. соглашение об уничтожении ядерных ракет средней и меньшей дальности, положив, таким образом, конец периоду конфронтации. Советская сторона взяла на себя обязательство демонтировать и уничтожить в течение трех лет 1752 ракеты, американская — 869. Это соглашение было дополнено шестью месяцами позже установлением детальной системы взаимного контроля. Впервые было достигнуто соглашение, предусматривавшее реальный процесс разоружения, а не только ограничение будущего вооружения, как это было в случае договора ОСВ в 70-е гг.

Новое руководство пошло также на прекращение советской интервенции в Афганистане. Эта война на чужой земле, стоившая СССР более 13 тыс. убитых и 37 тыс. раненых, была, если судить хотя бы по реакции молодежи, призванной из Латвии (фильм Подниекса «Легко ли быть молодым?»), столь же непопулярна в СССР, как война во Вьетнаме для американцев. Процесс урегулирования и вывода войск проходил в несколько этапов: в мае 1986 г. ушел в отставку Б.Кармаль, афганский коммунистический лидер, который «обратился за помощью» к Советскому Союзу в декабре 1979 г.; в феврале 1988 г. Горбачев объявил о выводе войск, который начался 15 мая 1988 г. и был закончен девятью месяцами позже.

Вывод советских войск из Афганистана сделал возможным возобновление диалога между СССР и Китаем, для которого прекращение советского военного вмешательства было одним из трех условий нормализации отношений со своим соседом. Два других условия касались сокращения численности советских войск на границе между СССР и КНР и ухода поддерживаемых Советским Союзом вьетнамцев из Камбоджи.

В речи, произнесенной 28 июля 1986 г. во Владивостоке, Горбачев выразил пожелание существенно улучшить отношения, особенно экономические, между Советским Союзом и Китаем, подтвердив, что препятствия нормализации этих отношений (Афганистан и пограничный вопрос) скоро будут устранены. Советско-китайское сближение было подкреплено визитом Горбачева в Пекин в мае 1989 г. Как подлинный «символ демократии», Генеральный секретарь ЦК КПСС был соответственно встречен оппозицией, которая именно в тот момент демонстрировала свою враждебность режиму, захватив площадь Тяньанмынь. Сдержанная реакция Советского Союза на последовавшие через несколько дней после визита Горбачева репрессии ясно показала, что советские руководители не собираются во имя прав человека замораживать процесс нормализации советско-китайских отношений.

Советское руководство перешло к политике умиротворения в районах «региональных конфликтов» — как в Южной Африке, так и в Персидском заливе, в Юго-Восточной Азии и в Центральной Америке советская тактика придерживалась миротворческой политики. В 1989 г. серьезные перемены произошли в социально-политической и территориальной ситуации в Европе, впервые преобразив ее послевоенное лицо. Не может быть сомнений, что широкое освободительное движение не развернулось бы с такой силой и с такой глубиной, если бы импульс к переменам не исходил из Москвы. Согласие, данное советским правительством в июле 1990 г. на объединение Германии, как и его позиция в отношении кризиса в Персидском заливе

стали бесспорными свидетельствами его действительно нового подхода к международным реалиям.

К осени 1990 г. уже было очевидно, что после пяти с половиной лет перестройки Советский Союз вошел в новую стадию своей истории и с точки зрения внутренней политики, и в развитии отношений со всем миром. Произошла подлинная революция умов, сделавшая невозможным возврат к прежнему состоянию. Тем не менее — и это было грозной опасностью для будущего предпринятого Горбачевым и его командой эксперимента по модернизации страны — не была решена ни одна из трех вставших после 1985 г. ключевых проблем:

— проблема политического плюрализма, органической составной части всякого процесса демократизации;

— проблема создания рыночной экономики. Конечно, 20 июля 1990 г. основные положения принятой российским правительством программы, окрещенной «Мандат доверия на 500 дней» и предусматривавшей приватизацию государственной собственности и освобождение цен, были обнародованы в прессе. Этот «план Ельцина» был представлен как программа, альтернативная более осторожному плану, который готовил для всего Советского Союза председатель СМ СССР Рыжков. «План Ельцина» должен был реализовываться в четыре этапа: в первые сто дней были бы гарантированы права собственности на землю и средства производства, за это время были бы оценены производственные возможности, золотой запас, стоимость недвижимости и размеры долга. На последнем этапе должно было быть отменено централизованное ценообразование, сопровождавшееся бы в первое время сильным падением производства и закрытием многочисленных низкорентабельных предприятий. Как бы то ни было, эта программа оказалась мертворожденной;

— проблема федеративного договора. 24 июля 1990 г. прессе был представлен первоначальный проект нового союзного договора, который предполагалось осенью представить на обсуждение полномочным делегациям республик. Тесно связанный с переходом к рыночной экономике, новый федеративный договор должен был расширить права республик, прежде всего заменив существовавшие центральные структуры и вертикальные связи прямыми отношениями горизонтального типа между республиками без посредничества центра. Но и здесь событиям было суждено опередить законодателей.

5. Распад Советского Союза (осень 1990 — зима 1991)

Три названные выше проблемы господствовали в политических дебатах последнего года существования Советского Союза. Именно они послужили катализатором политического кризиса, который в декабре 1991 г. привел к распаду СССР и отставке Горбачева, президента политической целостности, ушедшей в небытие.

С точки зрения политического анализа год с осени 1990 до зимы 1991 г. делится на три части:

— период до подписания 23 апреля 1991 г. Горбачевым, представлявшим союзный центр, и руководителями девяти республик (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан, Азербайджан) документа, известного как «Заявление 9+1», в котором декларировались принципы нового союзного договора. Достигнутое принципиальное согласие было важнейшим условием прекращения все более обострявшегося конфликта между председателем Верховного Совета России Б.Ельциным, бесспорным лидером в лагере сторонников решительного продолжения реформ, и президентом СССР М.Горбачевым, желавшим сохранить хрупкое равновесие между реформаторами и консерваторами и соблюсти интересы центра перед лицом возраставших требований со стороны республик, добивавшихся самостоятельности, суверенитета и даже полной независимости. На фоне этого противостояния, и питаемая им, между парламентами России и Союза развернулась настоящая «война законов», парализовавшая всякую конструктивную деятельность, с каждым днем усугублявшая экономический кризис, неэффективность органов управления, особенно на местах, порождавшая все более очевидный «вакуум власти»;

— период, отмеченный с конца апреля 1991 г. своего рода «перемирием», казалось установившимся в отношениях Ельцина и Горбачева, взаимно обеспокоенных падением авторитета какой бы то ни было государственной власти. Горбачев повел более тонкую политическую игру, перестав систематически прибегать, как это проявилось во время январских событий в Вильнюсе, к использованию консервативных сил для создания «противовеса» Ельцину. Тем временем политическое и экономическое положение в стране настолько ухудшилось, что в августе стала возможной попытка консервативных сил осуществить государственный переворот;

— период после провала путча 19 — 21 августа 1991 г., когда поражение, нанесенное лагерю консерваторов, катастрофически ускорило распад Союза, привело к упразднению прежних государственных структур, включая КГБ, приостановлению деятельности и последующему запрету КПСС. Менее чем за четыре месяца на месте прежнего СССР возникло новое и весьма неустойчивое геополитическое образование: Содружество Независимых Государств (СНГ).

Переходя к более обстоятельному рассмотрению этих периодов, напомним, что первый открытый конфликт между сторонниками Горбачева и Ельцина разразился в октябре 1990 г. во время обсуждения альтернативных проектов экономической реформы. 11 октября, выступая на пленуме ЦК КПСС, Горбачев высказался в поддержку варианта, представленного председателем Совета Министров СССР Рыжковым. Этот план, предусматривавший в конечном счете переход к «настоящим» ценам, освобождение заработной платы, повышение самостоятельности предприятий, социальную защиту безработных, появление которых неминуемо должна была вызвать его реализация (к 2 млн. официально признанных осенью 1990 г. в течение года предстояло присоединиться еще 10 млн. человек), сразу же подвергся критике со стороны авторов конкурирующего проекта, известного как «Программа 500 дней», получившего поддержку Ельцина и большинства российских парламентариев. Г.Явлинский, заместитель председателя Совмина РСФСР, и затем Б.Ельцин 17 октября выступили в российском парламенте против «возврата к административно-командной системе». «Программа 500 дней», одобренная народными депутатами РСФСР несколькими неделями раньше, заявил Ельцин, торпедирована уже первыми мерами, предпринятыми в соответствии с президентским планом. Взаимоисключающий характер двух программ не вызывал сомнений. 1 ноября Ельцин призвал российский парламент проголосовать за закон, который бы гарантировал экономические основы суверенитета РСФСР передачей в российскую собственность находящихся на ее территории природных ресурсов. Несмотря на пространные объяснения Горбачева, поддержанного академиками Абалкиным и Аганбегяном, что интеграция рынка на союзном уровне посредством контролируемой центром межреспубликанской кооперации позволяет совместить «здоровую конкуренцию» республик с их самой широкой экономической самостоятельностью, сторонники Ельцина отказались от какого то бы ни было компромисса, убежденные в скором провале президентского плана.

Ноябрь был отмечен ужесточением позиций политических протагонистов, 14 ноября «Московские новости» опубликовали «открытое письмо» Горбачеву признанных сторонников перестройки, озаглавленное «Страна устала ждать!». «Власть не может или не хочет лечить больное общество», — говорилось в нем. «Господин Президент, — заключали авторы «открытого письма», — или подтвердите свою способность к решительным действиям, или уходите в отставку». Реакцией консерваторов был переход в наступление. 28 ноября министр обороны Язов, потребовав «восстановить порядок в стране и обеспечить проведение призыва в армию», обрушился на «национал-экстремистов», а 12 декабря председатель КГБ Крючков в примечательном телевизионном выступлении связал последних с некоторыми радикальными течениями, «идеологически и материально поддерживаемыми иностранными спецслужбами». 4 декабря Горбачев сделал важную уступку консерваторам, отправив в отставку с поста министра внутренних дел сторонника реформ В.Бакатина и назначив на эту должность Б.Пуго, а его первым заместителем генерала Б.Громова. Перед новым руководством МВД была поставлена задача развернуть борьбу с организованной преступностью, а также против националистических и центробежных тенденций. Несколькими неделями позже Горбачев убедил народных депутатов СССР, собравшихся на свой четвертый съезд, избрать вице-президентом страны Г.Янаева. Этому серому аппаратчику и консерватору было отдано предпочтение перед другой канди-

датурой на этот пост — блистательным Э.Шеварднадзе. Министр иностранных дел с шумом ушел в отставку 21 декабря, заявив с трибуны съезда о надвигающейся угрозе реакционного переворота и установления диктатуры. Несмотря на страстные выступления реформаторов за предоставление подлинной самодеятельности республикам, большинство съезда проголосовало за сохранение СССР. Таким образом, в последние дни 1990 г. соотношение сил, казалось, резко изменилось в пользу консерваторов.

В действительности же никогда противоречие между президентскими указами и деятельностью местных властей не было :толь велико. В течение всей осени происходило усиление центробежных тенденций. На Украине состоявшийся в конце октября II съезд Руха, главного украинского национального движения, провозгласил «борьбу за независимость Украины и ненасильственное восстановление независимой и демократической республики». В Грузии после победы на выборах националистов из движения «Свободная Грузия» республиканский парламент под председательством З.Гамсахурдии одобрил программу, предусматривающую «переход к суверенной и полностью независимой Грузии». В Нагорном Карабахе продолжалась эскалация вооруженного конфликта между армянскими формированиями и подразделениями азербайджанской милиции, поддерживаемой специальными частями Советской Армии. Как и раньше, сохранялась сильная напряженность в Прибалтике, которую не сняли прошедшие 4 октября в Москве переговоры между представителями Союза и литовскими руководителями о поэтапном переходе к независимости.

23 ноября республикам был представлен очередной вариант проекта нового союзного договора. В его обсуждении приняли участие все республики, за исключением Прибалтийских и Грузии. Хотя из проекта исчезли упоминания о социализме и «Союз Советских Социалистических Республик» уступил место «Союзу Советских Суверенных Республик», влияние центра ощущалось в каждой статье и этого варианта договора. Вместе с тем уже во время представления этот проект принадлежал прошлому: тремя днями раньше, 20 ноября, было заключено двустороннее соглашение между Россией и Украиной, по которому две республики признавали суверенитет друг друга и необходимость экономического сотрудничества без участия центра на основе равенства и взаимной выгоды. Еще через два дня аналогичный договор был подписан между Россией и Казахстаном. Этими соглашениями, заявил Б.Ельцин, создается модель нового Союза и стержень, вокруг которого он будет образован.

В начале января 1991 г., после решения Министерства обороны СССР использовать войска для проведения в Литве и Латвии призыва молодежи в армию, напряженность в этих республиках резко возросла. 12 января в ходе операции Советской Армии по захвату здания литовского телевидения в Вильнюсе было убито 16 человек. Эта акция, с энтузиазмом встреченная литовским Комитетом национального спасения, созданным из противников независимости республики, военных, консерваторов, и частью прессы (давно разделившейся на два лагеря), привела к окончательному расколу интеллигенции, которая до этого в своем большинстве поддерживала Горбачева. 16 января «Московские новости» вышли в траурной рамке и с недвусмысленной «шапкой» на первой полосе: «Преступление режима, который не хочет сходить со сцены».

События в Вильнюсе, повторившиеся через несколько дней в Риге, резко обострили конфликт между реформаторами и консерваторами. 22 января Б.Ельцин решительно осудил применение силы в Прибалтийских республиках. 26 января союзное правительство объявило о введении с 1 февраля совместного патрулирования милицией и военными улиц крупных городов под предлогом усиления борьбы с ростом преступности. Грохот сапог раздался в атмосфере, и без того предельно напряженной после событий в Прибалтике и «сюрприза», преподнесенного населению правительством, 24 января 1991 г. объявившим об изъятии из обращения пятидесяти- и сторублевых купюр. Эта мера, вызвавшая всеобщую панику и столпотворения перед сберегательными кассами (для обмена банкнот населению было предоставлено всего три дня), должна была, по словам премьер-министра В.Павлова, «нанести смертельный удар по теневой экономике». В действительности же государство изъяло лишь около пяти процентов той суммы, которую оно надеялось вывести из обращения, чтобы оздоровить внутренний рынок. Немедленным и, по существу, единственным ощутимым результатом этой операции стали возмущение и рост недовольства населения,

истерзанного посреди зимы нескончаемыми трудностями со снабжением продуктами.

Собравшийся в начале февраля пленум ЦК КПСС подтвердил решимость консервативных сил взять реванш. Участники пленума обратились к гражданам страны с патетическим призывом «выступить против антикоммунистической истерии, разжигаемой врагами перестройки». Горбачев заранее отказался признать результаты готовившегося в Литве референдума по вопросу о независимости, объявив его антиконституционным (10 февраля более 90% принявших участие в референдуме жителей Литвы высказались за независимую и демократическую республику). 21 февраля, в разгар захлестнувших Москву, Ленинград и другие крупные города демонстраций и контрдемонстраций, Ельцин в выступлении по телевидению потребовал ухода Горбачева в отставку и роспуска Верховного Совета СССР. В ответ Горбачев обвинил «так называемых демократов» в «стремлении дестабилизировать страну» в преддверии общесоюзного референдума по вопросу о сохранении СССР, назначенного на 1 7 марта. Последующие недели были отмечены все более ожесточенным противоборством между российскими реформаторами, которые, получив в свое распоряжение телевизионный канал, с новой энергией повели борьбу за немедленную отставку Горбачева, роспуск союзного парламента, передачу власти «Совету Федерации», который бы составили первые лица республик, за признание референдума 17 марта простой формальностью, не имеющей реального значения, и консерваторами всего Союза, настаивавшими на фундаментальной важности этого «совета с народом», однозначно, по их мнению, высказавшегося за сохранение целостности Советской Родины. Требования реформаторов получили мощную поддержку со стороны ведущих организаций независимого рабочего движения, возникших во время летних забастовок 1989 г. прежде всего в угольных бассейнах Донбасса, Кузбасса и Воркуты. В 1991 г. шахтеры начали забастовку 1 марта, требуя теперь уже не только увеличения заработной платы в связи с объявленным повышением после 2 апреля розничных цен, но и отставки Горбачева, роспуска Верховного Совета СССР, национализации имущества КПСС, реальной многопартийности, департизации предприятий и организаций. По существу, процесс департизации шел уже с осени, когда на сотнях предприятий рабочие и забастовочные комитеты отстранили от дел парткомы и официальные профсоюзные органы и заняли их помещения. Вновь, как в 1917 г., стала очевидной недееспособность официальных структур, в полной мере проявился «вакуум власти» — прежде всего на местах. Хаос в органах государственного управления еще больше увеличился после референдума 17 марта, который не только не внес ясности в споры о содержании союзного договора, призванного скрепить новый Союз, но и, напротив, оказался лишенным всякого смысла, поскольку каждая республика организовывала его на свой лад, добавляя по своему усмотрению новые вопросы, а некоторые просто отказались от его проведения. Согласно результатам референдума, 80% россиян поддержали проведение всеобщих выборов собственного президента, и только около 50% москвичей и ленинградцев и 40% киевлян выразили желание сохранить Союз в предложенном виде.

Двусмысленные итоги референдума быстро затмило ужаснувшее население повышение цен (от 2 до 5 раз), вызвавшее тем большее негодование, что заработная плата была увеличена в среднем лишь на 20 — 30% («минимальная» — и самая распространенная — компенсация была установлена в 60 руб. в месяц). На следующий день после ввода в действие новых цен сотни трудовых коллективов присоединились к бастующим шахтерам. Наиболее массовые стачки прошли в Минске, наглядно показав, насколько выросло и радикализовалось после лета 1989 г. самосознание рабочего класса: не ограничившись экономическими требованиями, рабочие выступили против социально-политической системы в целом, выдвинув лозунги отставки Горбачева и всего союзного правительства, отмены всех привилегий, упразднения КГБ, восстановления в полном объеме частной собственности на землю, проведения свободных выборов на основе многопартийности, департизации предприятий и передачи их под юрисдикцию республик. В апреле число бастующих перевалило за миллион; забастовки продолжались в течение нескольких недель и были приостановлены, лишь когда власти приняли требования рабочих, прежде всего в части перехода предприятий под республиканскую юрисдикцию и прекращения перечисления прибыли (особенно валютной) в союзный бюджет.

Было ли согласие Б.Ельцина поставить 23 апреля в Ново-Огареве свою подпись под «Заявлением 9+1», заключив таким образом своего рода «перемирие» с М. Горбачевым, попыткой остановить нараставший в стране хаос или же в его подоплеке лежали тактические расчеты, продиктованные приближавшимися выборами президента РСФСР? В заявлении представители девяти республик и Горбачев подчеркивали необходимость скорейшего заключения нового союзного договора. Состоявшиеся в Ново-Огареве в мае — июле многочисленные встречи выявили, однако, значительные расхождения и противоречия: если одни настаивали на конфедеративных принципах, то другие желали сохранения более тесных отношений, то есть федерации. Эти две антагонистические тенденции наиболее последовательно отстаивали, с одной стороны, Россия и вслед за ней Украина, самая неуступчивая в своих требованиях из республик, а с другой — председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов, убежденный сторонник политико-экономического централизма. Неисправимый оптимист, М. Горбачев стремился на каждой встрече продемонстрировать продвижение вперед и обещал, что новый союзный договор будет готов к подписанию в июле, перед его визитом в Лондон на встречу глав семи ведущих капиталистических государств.

Между тем внимание общественного мнения и средств массовой информации было приковано к первым всенародным выборам президента РСФСР. В борьбе за голоса избирателей приняли участие шесть кандидатов, однако, как писала «Российская газета», 12 июня народ России должен будет сделать выбор между демократами и коммунистами, между Б.Ельциным и маразмом. Напротив, для ТАСС, отражавшего предпочтения союзного правительства и М.Горбачева, который все же воздержался от участия в российских политических дебатах, «хорошим» кандидатом был В.Бакатин, «представляющий политическую линию президента СССР и олицетворяющий центристскую «золотую середину» между радикальным популизмом Б.Ельцина и технократическим консерватизмом Н.Рыжкова». Бесспорная победа Ельцина уже в первом туре, которому отдали свои голоса около 57% принявших участие в выборах избирателей (пришедший вторым Рыжков собрал лишь 16%), означала обретение им нового статуса как в глазах мирового сообщества, так и на внутриполитической арене. Президентство Б.Ельцина представало тем более законным и весомым, что его постоянный оппонент М.Горбачев был избран президентом СССР на Съезде народных депутатов, где демократические процедуры постоянно нарушались различного рода манипуляциями. Победа Ельцина означала также сокрушительное поражение коммунистической партии, за пять лет потерявшей, по сделанному Горбачевым на состоявшемся в июле пленуме ЦК признанию, более пяти миллионов своих членов, общее число которых сократилось с 21 до немногим более 15 млн.

В начале июля ряд видных политических деятелей, в числе которых были Э.Шеварднадзе и А.Яковлев, призвали к созданию новой массовой политической партии — «Движения демократических реформ». Несколькими неделями позже на пленуме ЦК КПСС Горбачев добился отказа от всякого упоминания в основополагающих партийных документах «марксизма-ленинизма». Накануне пленума, 24 июля, он торжественно объявил о том, что «работа над союзным договором завершена» и что документ «открыт для подписания» (хотя в действительности окончательный текст, распространенный ТАСС только 14 августа, содержал больше вопросов, чем ответов). В ходе ново-огаревского процесса республикам удалось отстоять многие свои требования, и сравнение его с предшествующим вариантом, опубликованным в конце июня, показывало, что Горбачев должен был пойти на дополнительные уступки по ряду позиций. Так, русский язык, оставшись «языком межнационального общения», перестал быть «государственным языком»; главы республиканских правительств участвовали в работе союзного кабинета министров с правом решающего голоса; предприятия военно-промышленного комплекса переходили в совместное ведение Союза и республик. В то же время текст страдал из-за нечеткости формулировок многих принципиальных положений, чреватой возможными разночтениями и конфликтами. Означало ли, например, с точки зрения международного права признание «суверенных государств», выступавших субъектами союзного договора, «полноправными членами мирового сообщества», то, что они могут вступить в Организацию Объединенных Наций и иметь собственные посольства? Важнейшие статьи, 5-я и 6-я, разграничивавшие компетенции Союза и республик, также изобиловали противоречиями и двусмысленностями. Полностью ли переходили в собственность рес-

публик природные ресурсы, наиболее ценные и доходные из которых находились на территории РСФСР? Но если Россия получала полные права на все, что добывалось (и затем производилось) на ее гигантской территории, то что же оставалось Союзу? Столь же мало был урегулирован и принципиальный вопрос о союзных налогах. По всей видимости, восторжествовала точка зрения, защищаемая Ельциным, согласно которой союзный бюджет должен был формироваться за счет согласованных с республиками фиксированных отчислений из республиканских бюджетов; однако не уточнялось, кто будет взимать этот налог — союзные органы или республиканские. Без решения оставался и вопрос о статусе шести республик (Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы и Эстонии), не собиравшихся подписывать союзный договор. Уже накануне официального представления текста Украина дала понять, что при любом решении оставшихся спорных вопросов она не подпишет договор до принятия своей конституции; тем временем мусульманские республики Средней Азии, не ставя центр в известность о своих намерениях, заключили между собой двусторонние соглашения.

Для консерваторов все эти проекты и уже предпринятые шаги означали не что иное, как «распродажу Советской Родины» и похороны КПСС. Подписанный Ельциным 20 июля указ о департизации, запрещавший деятельность партийных организаций и их комитетов на государственных предприятиях и в учреждениях (узаконивший фактически сложившуюся ситуацию на многих из них), стал для консерваторов последней каплей.

Утром 19 августа ТАСС передал сообщение о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП), в который вошли 8 человек, в числе которых были вице-президент СССР Янаев, премьер-министр Павлов, председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов, министр внутренних дел Пуго. Заявив о том, что президент СССР Горбачев, находившийся на отдыхе в Крыму, «по состоянию здоровья не может исполнять свои обязанности», ГКЧП объявил о своем намерении восстановить порядок в стране и предотвратить развал Союза. Чрезвычайное положение устанавливалось на шесть месяцев, вводилась цензура. Однако, встретив народное сопротивление, возглавленное президентом РСФСР Ельциным, путч провалился. Нерешительность и раскол в войсках, растерянность путчистов, впавших в прострацию перед лицом не предвиденной ими реакции москвичей (а также ленинградцев, жителей других крупнейших городов), десятки, а затем сотни тысяч которых стихийно собрались перед зданием российского парламента, ставшего оплотом сопротивления новоявленной хунте, колебания введенных в Москву войск, так и не решившихся «разметать» (термин одного из отданных им приказов) противостоявших им безоружных людей, поддержка Ельцина большинством правительств стран мира и международным общественным мнением — в своей совокупности все эти факторы обусловили то, что менее чем за трое суток попытка государственного переворота была ликвидирована. Вечером 21 августа Горбачев вернулся в Москву, однако к этому времени Ельцин, вышедший главным победителем из этого испытания, по выражению одного французского политического деятеля, «завоевал себе погоны главы государства».

Неудача попытки государственного переворота, продемонстрировавшая невероятный рост общественного сознания и политической зрелости масс (главный фактор, проигнорированный путчистами, убежденными в своей способности безнаказанно повторить «дворцовый переворот» 14 октября 1964 г., в результате которого был устранен Хрущев), резко ускорила распад СССР, привела к утрате Горбачевым его влияния и власти, к упразднению прежних институтов центральной власти. В последовавшие за провалом путча дни восемь республик заявили о своей независимости, а три Прибалтийские республики, уже добившиеся их признания международным сообществом, 6 сентября были признаны и Советским Союзом. М.Горбачев, несмотря на вновь подтвержденную им приверженность коммунистическим идеалам, оставил свой пост Генерального секретаря ЦК КПСС и распустил Центральный Комитет (со своей стороны союзный парламент вернул себе предоставленные им ранее Горбачеву особые полномочия в экономической области). Деятельность КПСС была приостановлена, а несколько недель спустя и вовсе запрещена Ельциным. За счет изъятия из компетенции КГБ ряда важных функций и управлений эта организация была сильно сокращена. Произошло полное обновление политического истеблишмента (от руко-

водителей средств массовой информации до членов правительства), в который пришли реформаторы и приближенные Ельцина, сразу же закрепившие новое положение рядом постановлений парламента.

Горбачев, желая сохранить центр и тем самым свой пост, предложил новый — но слишком напоминавший о прошлом — вариант союзного договора. Однако политические позиции президента СССР были уже слишком ослаблены путчем, последним (?) натиском консерваторов, и день за днем он все больше превращался в «президента в кавычках», президента Советского Союза, который более не был единым государством.

1 декабря более 80% населения Украины высказалось за независимость своей республики. Неделей позже президенты России, Украины и Белоруссии, собравшись в Минске, констатировали, что «Советский Союз более не существует». Ими было провозглашено образование «Содружества Независимых Государств», открытого «для всех государств бывшего СССР». 21 декабря на встрече в Алма-Ате (куда, как и в Минск, Горбачев приглашен не был) к СНГ присоединились еще восемь республик, подтвердив тем самым кончину СССР. В этих условиях Горбачеву не оставалось ничего иного, кроме как объявить о прекращении исполнения им функций президента СССР в связи с исчезновением самого государства.

1991 год имеет большие шансы войти в историю как завершение начатого в 1917 г. эксперимента, в 1922 г. приведшего к образованию Союза Советских Социалистических Республик.

Нежизнеспособность системы, которая в течение семи десятилетий в форме СССР была фактической наследницей бывшей царской империи, породила больше проблем, чем оказалась в состоянии решить. Несмотря на всю неопределенность будущего, одно не вызывает сомнений: то, что происходит на наших глазах, определяет будущее не завершенного еще обновления и, стало быть, рождающейся — и также очень хрупкой — демократии.

СОДЕРЖАНИЕ